Л. Спрэг де Кэмп

БАШНЯ ЗАНИДА

БАШНЯ ЗАНИДА

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Л. Спрэг де Кэмп

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роджер Желязны, Роберт Силверберг, Клиффорд Саймак… мастера классической англоязычной фантастики вообще отличались умением «играть» жанрами и создавать из них поистине «гремучие» смеси.

Однако многогранность таланта Л. Спрэга де Кампа, «выпущенного» в большую литературу Д. Кэмпбеллом и ставшего популярным уже в конце 1940-х, потрясает даже в контексте подобных сопоставлений. «Традиционная» научная фантастика и «альтернативная история», «путешествия во времени» и продолжения «конан-варварского» цикла, фэнтези, иронические фэнтези и произведения, в которых традиции научной фантастики и фэнтези переплетены причудливо и тесно, — литературному дару Спрэга де Кампа, в 1978 году удостоенного звания Великого мастера, подвластно было ВСЕ…

Перед вами один из лучших циклов писателя, романы «Королева Замбы», «Поиски Зеи», «Башня Занида».

- Лайон Спрэг де Камп
  - Королева Замбы
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
  - Вечный двигатель
    - 1
    - II
    - III
    - IV
    - V
  - Поиски Зеи
    - Поиски Зеи
    - Рука Зеи

- Башня Занида
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
- Разделяй и властвуй
  - Разделяй и властвуй
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
  - Зубы инспектора
  - Судный день
  - Шаман поневоле

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

Л. СПРЭГ де КАМП

Башня Занида

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

Лайон Спрэг де Камп
Башня Занида

Королева Замбы
(Перевод В. Федорова)

Глава 1

Виктор Хассельборг потянул за вожжи и скомандовал своему айе:

— *Хао,* Фарун!

В ответ Фарун повернул голову, укоризненно посмотрел на хозяина и только после этого сдвинулся с места. Колеса повозки захрустели по гравию новуресифийской дороги.

— Давайте ему больше свободы, сеньор Виктор, — посоветовал сидящий рядом Руиш. — И постарайтесь не говорить с ним в таком резком тоне: это задевает айю.

— Черт возьми! Неужели эти животные и впрямь настолько чувствительны?

— Да. Местные жители, например, тщательно следят за своими интонациями при обращении к ним.

Мерный цокот шести копыт айи вместе с болтовней Руиша убаюкали Хассельборга, и он погрузился в размышления.

Виктор представил себя со стороны и чуть улыбнулся: да, ему далеко до героя из какого-нибудь комикса. Это там Супермен в красно-синем трико прилетает на собственной ракете, вооруженный лучевым пистолетом, и моментально побеждает всех врагов. На нем же — дурацкий туземный килт[1], средство передвижения — четырехколесная колымага, а из оружия — меч.

А началось все несколько недель тому назад (по субъективному времени), когда Хассельборг, затягиваясь предложенной ему дорогой сигаретой, изучал нового клиента. Клиент, богатый текстильный фабрикант Юсуф Батруни, казался человеком дружелюбным и весьма щедрым, хотя и склонным к излишней сентиментальности. Наконец Виктор спросил:

— Так почему вы думаете, что ваша дочь улизнула с Земли?

Фабрикант колыхнул брюхом и шумно высморкался. Воображение живо нарисовало Хассельборгу орды микробов, вылетающих из ноздрей собеседника, и Виктор немного отодвинулся.

— Прежде чем исчезнуть, — сказал Батруни, — она несколько месяцев подряд твердила о межпланетных перелетах, запоем читала книги об этом. Ну, знаете, «Планета романтики», «Месть марсианина» и тому подобная чушь.

Хассельборг кивнул:

— Продолжайте.

— Денег на такое путешествие у нее хватало. Боюсь, я высылал ей слишком много. Неопытная девушка, одна в Лондоне, всяческие соблазны… Но она — единственное, что у меня осталось, поэтому, конечно, я баловал дочь, — он печально пожал плечами.

— Вы считаете, что она с кем-то сбежала?

— Что вы имеете в виду?

— Что вы предполагаете: она с кем-то сбежала. И этот «кто-то» — отнюдь не какая-нибудь тетя Сюзи.

— Я… — Батруни нахмурился, но совладал со своими чувствами. — Извините. Дело в том, что мы, левантийцы, очень щепетильно относимся к чести своих дочерей, поэтому ваш вопрос сперва оскорбил меня. Но, к сожалению, придется ответить «да». Я полагаю, что она с кем-то сбежала.

Хассельборг цинично улыбнулся:

— Левант гордится своими девственницами так же, как Египет — своими пирамидами. Но, вероятно, их не следует

рекламировать. Кого вы подозреваете?

— Не знаю.

— Тогда откуда же вы знаете, что без мужчины не обошлось?

— Догадываюсь по некоторым мелочам, ничего определенного. Приехав последний раз в Лондон, я спросил у дочери про ее новых знакомых. Она перевела разговор на другую тему. А раньше я узнавал малейшие подробности внешности и поведения любого ее приятеля, даже если меня это не очень интересовало.

— Но никого конкретно вы не можете назвать?

— Нет, только общие подозрения. Вы — сыщик, вы и наведите справки.

— Наведу, — пообещал Хассельборг. — Сперва обыщу ее квартиру, а потом запрошу в Барселоне списки пассажиров всех космических кораблей, стартовавших за последний месяц. Под вымышленным именем ваша дочь, безусловно, улететь не могла, так как отпечатки путешественников сверяются с Центральной европейской картотекой.

Батруни задумчиво глянул в окно, и его профиль с характерным левантийским носом предстал во всей красе. «Такому слону остается только водрузить на спину паланкин, и он идеально впишется в цирковое шествие», — оценил массивного клиента детектив. Фабрикант повернулся:

— Хорошо. На расходы не скупитесь, а, как только выясните, где она, немедленно отправляйтесь следом.

— Минуточку! — остановил его Виктор. — Подобная экспедиция на другую планету требует тщательной подготовки: необходимо специальное снаряжение, особые тренировки…

— Немедленно! Ближайшим рейсом! — прервал Юсуф, возбужденно жестикулируя. — Мы не можем сидеть сложа руки! Скорость важнее всего, и за нее я плачу премиальные. Вы слышали поговорку о ранней птичке, мистер Хассельборг?

— Да, но я также слышал и о раннем червячке, который попался ей на завтрак. Вот о его участи все как-то забывают.

— В моем положении ваши шуточки неуместны. А если вы не желаете поторопиться, то я обращусь…

Батруни закашлялся. Хассельборг задержал дыхание, давая микробам улечься, а затем успокоил клиента:

— Ну-ну, заверяю вас, что не стану терять ни минуты. Ни микросекунды.

— Да уж, это и в ваших интересах. Если же вы привезете мою Джульнар… э-э… в целости и сохранности, то ваш гонорар повысится еще на пятьдесят процентов.

— Мистер Батруни, я понимаю, на что вы намекаете. Однако

вынужден вас огорчить: я умею выслеживать беглецов, но не могу разбитое сделать целым, равно как и собрать Шалтая-Болтая[2].

— Значит, вы уверены, что моя дочь уже… потеряла невинность?

— Надежда на это примерно такая же, как на то, что ирландец откажется выпить поднесенный ему стаканчик. Я сделаю все, что в моих силах.

— Хорошо, — заключил фабрикант. — Кстати, мистер Хассельборг, вы говорите не как лондонец. Вы швед?

Виктор откинул спадавшие на широкий лоб темно-русые волосы.

— Только по национальности, а родился в Штатах, в Ванкувере.

— А почему переехали в Лондон?

— Да так… — он сделал паузу, не желая углубляться в низменные подробности своего падения и частичного воскрешения. — После того, как я покинул Отдел Расследований и занялся частной практикой, я специализировался в основном на мошенничестве в страховой сфере. А именно Европа предлагает сейчас большие возможности для подобной деятельности, — Виктор рассмеялся над сказанной двусмысленностью. — Я имею в виду возможности для расследования. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Да, — Батруни посмотрел на часы. — Мой самолет вылетает через час, так что вы должны меня извинить. Итак, вы получили фотографии Джульнар, ключи от ее квартиры, список необходимых адресов и аванс. Не сомневаюсь: вы оправдаете ваши рекомендации, — это, однако, было сказано с излишним пафосом, что выдавало некоторое сомнение клиента.

Прощаясь, Хассельборг применил один небольшой прием, которым иногда пользовался, чтобы внушить доверие к своим силам. Откинув волосы назад, он смахнул с пиджака несуществующую пылинку, снял очки, расправил плечи и выпятил вперед массивную квадратную челюсть. Эти нехитрые действия за пару секунд превратили его из неприметного, лишенного малейшей индивидуальности субъекта в рослого, решительного героя. С таким любой злодей дважды подумает, прежде чем станет связываться.

Прием подействовал: обмениваясь рукопожатием, Батруни улыбнулся, уверенно глядя в глаза детектива. Виктор добавил:

— Я не восточный маг, и мы должны смотреть на вещи реально. Если ваша дочь сбежала за пределы солнечной системы, то операция может затянуться на годы. Во-первых, на большинстве планет отсутствует закон об экстрадиции. Во-

вторых, если я все же доставлю ее на борт «Виажейш Интерпланетариаш»[3], она попадет под юрисдикцию Земли, и я не имею права заставить ее выполнять мои требования. В противном случае, я, как минимум, лишусь лицензии.

— Неважно, — махнул рукой фабрикант. — Когда вы вернете мою крошку, я позабочусь о вашем будущем. Вот только… ждать несколько лет… — слезы выступили на его глазах.

— Вы можете погрузиться в каталептический транс.

— Да?! А, проснувшись, обнаружить все свои фабрики в руках этих мерзавцев-социалистов? Спасибо, не надо. Дело даже не в годах: врачи говорят, что у меня в запасе еще, по крайней мере, лет семьдесят. Дело в тревожном ожидании, замедляющем течение времени. Для вас же оно будет идти очень быстро.

— Эффект Фицджеральда, — согласился Хассельборг. — Итак, когда я соберусь отчалить из Лондона, то оставлю вам сообщение: *Мах салами!*[4]

«Виажейш Интерпланетариаш» прислала из Барселоны списки, и имя Джульнар Батруни оказалось в числе пассажиров «Журуа». Корабль направлялся на Плутон. В числе путешественников находилось и четверо лондонцев. Среди них была одна старая дева — известный социолог. Двое — чиновники Всемирной Федерации — летели с женами. Четвертого звали Энтони Фаллон, и работал он диктором на радио.

Хассельборг рысью пробежался по кабинетам «Би-Би-Си», отыскал начальника отдела кадров и расспросил о Фаллоне. Выяснилось, что тому было тридцать с хвостиком (немногим младше самого Виктора), уроженец Лондона. Парень перепробовал кучу разнообразных занятий: служил во Всемирных Полицейских Силах, работал оператором научной экспедиции в Гренландии, разводил на ферме гиппопотамов, побывал актером, профессиональным игроком в крикет и много кем еще. Где он сейчас — никто не знает. Этот тип просто позвонил в отдел кадров и сообщил, что увольняется (это произошло за два дня до отлета «Журуа» из Барселоны). Англия свободная страна, где каждый может убраться куда захочет, и ни один фараон не станет выяснять, куда это он намылился.

Начальник выглядел чересчур консервативным, поэтому Хассельборг пообщался еще с несколькими сотрудниками, что добавило интересные подробности к портрету Фаллона. Как обнаружилось, этот малый имел бешеную популярность у женской части редакции. Любовниц у него было, по слухам, достаточно. Мужчины относились к нему двойственно. С одной стороны, любили слушать его байки, не особенно доверяя им,

впрочем. С другой — считали его бесстыдником. В общем, хорошо, что он убрался. «Таким парням без тормозов всё — веселье», — кисло подумал Хассельборг, стенографируя итоги своего визита в блокнот.

Теперь путь вел на квартиру Фаллона в Кенсингтоне. Дверь открыла хорошенькая молодая блондинка. Невысокая, с красивой фигурой, на широкоскулом лице — золотистый румянец.

— Вы к кому?

Виктор на секунду замешкался: настолько девушка походила на его бывшую жену.

— Вы — миссис Фаллон?

— Да. Чем могу быть полезной?

— Меня зовут Виктор Хассельборг, — представился он, с усилием заставляя себя обаятельно, обезоруживающе улыбаться. — Я хотел бы задать вам несколько вопросов о вашем муже.

— А почему вас это интересует?

Миссис Фаллон говорила с чисто британским произношением, и это почти разрушало ее сходство с Марион. Виктор коротко изложил суть дела, так как предпочитал, если это возможно, действовать напрямую.

Несколько поколебавшись, она пригласила его войти. Как правило, люди поступали именно так, движимые любопытством: настоящий сыщик приглашает их принять участие в ходе следствия. Они чувствовали себя персонажами детективного романа. Единственная сложность заключалась в том, как не дать им теперь отклониться от темы. Вместо того, чтобы отвечать на вопросы, люди обычно начинали сами забрасывать Виктора вопросами о его романтических приключениях. И практически невозможно убедить их, что расследование преступлений — ремесло весьма скучное и грязное, к тому же сталкивает с исключительно малоприятными людьми.

Девушка, к счастью, сразу перешла к делу:

— Нет, я понятия не имею, куда отправился Тони. Мне он сказал лишь, что собирается в путешествие. Так как он и прежде неожиданно срывался с места, неделю-другую я не беспокоилась, а потом узнала, что он бросил работу.

— Вы когда-нибудь подозревали, что он… э-э… погуливает?

— Я в этом уверена, — она горько усмехнулась. — Видите ли, сказки о том, что он допоздна передавал экстренное сообщение, когда никакой программы по радио не шло…

— Вы пытались на него как-то воздействовать?

— Я расспрашивала его, но он сразу переходил на повышенный тон и отвечал крайне резко. Тони — своеобразный

человек.

— Готов в это поверить, раз он оставил такую девушку, как вы.

Миссис Фаллон вздохнула:

— Боюсь, я ему просто наскучила. Мои мечты достаточно прозаичны: хотелось иметь уютный семейный очаг, кучу ребятишек…

— И что вы собираетесь делать теперь?

— Не знаю. Я не могу так сразу забыть его. Нам было очень хорошо, когда мы впервые…

— Понимаю. Скажите, он когда-нибудь упоминал о молодой сирийке, Джульнар Батруни?

— Нет, он всегда отличался скрытностью. А вы думаете, что он сбежал с ней?

Хассельборг кивнул.

— Куда? В Америку?

— Еще дальше, миссис Фаллон. На другую планету.

— То есть за миллионы и миллионы километров? О! Тогда, надо полагать, я его больше не увижу. Не знаю, радоваться ли мне этому.

— Я должен разыскать мисс Батруни и по возможности вернуть ее на Землю. Если хотите, я мог бы попытаться привезти и вашего мужа, — предложил Виктор, в тайне надеясь получить отказ.

— Ну… все это так неожиданно. Мне надо подумать, — неуверенно ответила она.

— Вы не против, если я запишу некоторые сведения? — Хассельборг достал блокнот. — Ваше имя и девичья фамилия?

— Александра Гаршина. Я русская, родилась в 2103 году в Новгороде, но вскоре переехала в Лондон.

— Похоже, мистер Фаллон — единственный кокни[5] в этом деле, — с усмешкой заметил Виктор. Он записал ее данные и произнес:

— Время уже обеденное, а у меня есть еще несколько вопросов. Обычно я не совмещаю полезное с приятным, но сейчас мне кажется, что мы можем продолжить нашу беседу за парой бифштексов из оленины. Что вы на это скажете?

— Благодарю, но я не хотела бы вас обременять.

— Нисколько: за обед платит старик Батруни, — Хассельборг постарался придать своему голосу самые дружеские и невинные интонации. При этом он очень надеялся, что выражение его лица не напоминает выражение морды голодного волка. Или койота.

Миссис Фаллон подумала и сказала:

— Хорошо. Но если вы, мистер Хесс… Хасс…

— Просто Вик.

— Мистер Хассельборг, в случае встречи с моими родителями не упоминайте при них, пожалуйста, что я согласилась пойти с вами в ресторан после столь короткого знакомства.

— Коктейль? — предложил Виктор.

— Нет, спасибо, лучше пиво.

Он заказал официанту одно пиво и стакан содовой. Александра подняла брови:

— Вы совсем не пьете?

— Лечение по методу Нарасимачара, — в ответе звучало сожаление.

— Бедный! Неужели от этого кодирования даже хорошее вино вызывает рвоту?

Хассельборг кивнул, проглотил пару таблеток и добавил:

— Это особенно печально потому, что вообще-то я любил выпить. Слишком сильно любил — в том-то и беда, — он не собирался углубляться в историю своего нравственного падения после того, как Марион… — Трудно бывает, когда в случае профессиональной необходимости я вынужден пропустить стаканчик-другой с ребятами. Но давайте поговорим о вас. Хватит ли вам средств к существованию, пока я гоняюсь за вашим заблудшим супругом? Боюсь, он сейчас за теми мистическими лунами, куда не залетают даже самые эксцентричные кометы.

— Не беспокойтесь, мне обещали работу. В крайнем случае — вернусь к родителям, конечно, если смогу вынести их вечное «мы тебя предупреждали!».

Врач отложил очередную использованную ампулу.

— По-моему, я обезопасил вас от всех возможных болезней. Мы сделали прививки от столбняка, желтой лихорадки, брюшного и сыпного тифа, бубонной и легочной чумы, оспы и малярии, — он загибал пальцы. — Чудо, что вы не умерли от всех этих уколов. Или вы опасаетесь еще и коклюша?

Хассельборг догадывался, что в голове у доктора вертится слово «ипохондрик», но твердо встретил его взгляд и ответил:

— Спасибо, прививку от коклюша мне делали в детстве. Хотелось бы выкроить время для удаления аппендикса.

— С ним что-то стряслось?

— Пока нет, но зачем бродить по незнакомой планете с подобным довеском, с которым может «что-то стрястись»? Тем более я могу угодить в такое место, где в случае зубной боли тебе отрубают палец, чтобы выпустить из тела злых духов. Впрочем, надеюсь, этого не произойдет: я только что от стоматолога.

— Удивительно, — вздохнул врач, — множество действительно больных людей не обращаются за элементарной медицинской консультацией. В то время как вы — самый здоровый пациент, какого я видел. Но, полагаю, это ваше дело.

Виктор заехал в тир поупражняться часок в стрельбе из пистолета, затем отправился к коллеге-детективу. Договорившись, что тот возьмет на себя два незаконченных дела о мошенничестве, он вернулся наконец домой. Здесь он долго висел на телефоне, пока не дозвонился до Юсуфа Батруни, который взволнованно кричал в трубку:

— Мой мальчик, мой мальчик, это так благородно, что ты…

Покончив с необходимым, Хассельборг перешел к приятному: он опять пригласил Александру Гаршину в ресторан.

— Последняя встреча перед отлетом, дорогая.

— Так скоро?

— К сожалению. Я предпочел бы подождать следующего корабля, но в этом деле решаю не я. Сейчас капитан — старик Джо Батруни, а я — всего лишь третий механик. Провожу вас домой после ужина и отправлюсь к себе паковаться.

— Могу я помочь вам?

— Не стоит, — он улыбнулся, чтобы стереть с ее лица обиженное выражение. — Еще выдам вам ненароком какую-нибудь профессиональную тайну.

— О! — только и сказала она.

Разумеется, настоящая причина заключалась не в этом. Просто девушка привлекала его все сильнее и сильнее, и он не был уверен, что сможет заниматься упаковкой вещей, если…

Наверное, оно и к лучшему, что он улетает. Весь день в его мозгу шевелилась предательская мысль: не надо искать ни Фаллона, ни его легкомысленную спутницу. Съездить на Плутон, вернуться, покаяться перед Батруни и приступить к активному ухаживанию за Александрой. Но нет! Он, конечно, не рыцарь без страха и упрека, но собственный кодекс чести у него имеется. Хотя в течение своей карьеры он стал свидетелем массы неблаговидных дел и даже принимал участие в некоторых из них, все же в вопросе отбивания чужих жен он оставался консерватором. И тому были свои причины.

Заканчивая сборы, Виктор еще раз проверил все снаряжение. Шестимиллиметровый двадцатизарядный автоматический пистолет системы «Уэббли and Скотт». Дубинка, тяжелый латунный кастет и наручники. Миниатюрная фотокамера, фонарик размером с карандаш, карманная рация и портативный магнитофон. Бронежилет. Стандартный полицейский прибор В. Ф. для снятия отпечатков пальцев. Новейший аппарат

инфракрасного сканирования. Великолепный набор капсул с различными газами и взрывчатыми веществами (содержимое набора предоставляло широкий спектр возможных действий: от мгновенного усыпления окружающих до подрыва сейфов). Необходимые мелочи типа отмычек, сигар, записной книжки, бронебойных патронов, фотопленок, витаминов, минеральных добавок и таблеток (от головной боли, простуды и запоров). Лонговит — средство, продлевающее жизнь.

Самое ценное из снаряжения Хассельборг рассовывал по карманам, пока костюм не начал выглядеть бугристым. Оставшееся было упаковано в чемодан.

Александра приехала в Уоддон проводить его и напоследок сказала:

— Хотела бы я отправиться с вами.

Она не понимала, что собственноручно поворачивает нож в раненом сердце, и Виктор нашел силы дружески улыбнуться:

— Я тоже не отказался бы видеть вас рядом, но об этом и речи быть не может. А если вы устанете ждать нас с Тони, то всегда есть вариант погрузиться в каталептический транс или… — он хотел предложить ей бросить мужа и начать новую жизнь, но не решился.

— Соринка в глаз попала, — объяснила девушка, поднося к глазам платочек размером чуть побольше почтовой марки. — А теперь — прощайте.

— Послушайте, подарите мне этот платок.

— Но зачем?

— Э-э… просто на память, — он усмехнулся, чтобы скрыть смущение, и процитировал: — Весной, когда растет трава, мои припомните слова. А летом ночь короче дня, и, может, ты поймешь меня.

— Господи, Виктор, да вы *сентиментальны*!

— Угу, только не говорите этого в «Гате»: погубите мою профессиональную репутацию.

Они официально пожали друг другу руки, и Хассельборгу оказалось трудновато сохранить свое безмятежное спокойствие.

— До свидания, Александра.

Самолет промчался по взлетной полосе и взмыл в небо, взяв направление на Барселону.

Глава 2

В полете частный детектив погрузился в размышления над предстоящей операцией. Ему пришло в голову, что для лучшего заметания следов беглая парочка могла использовать обманный принцип игры в «наперстки». На Плутоне они договариваются с другой парой обменяться документами и благополучно возвращаются на Землю (или отправляются куда-нибудь еще) под новыми именами. И это сойдет им с рук, потому что отпечатки у пассажиров проверяются только в Барселоне.

Хассельборг не испытывал ни малейшего желания гоняться за беглецами по всей галактике, словно за чашей Святого Грааля (ну, им-то до святости далеко!). Поэтому, ступив на землю, он сразу наведался в частную сыскную фирму «Монтехо и Дуррути» и оставил заявку на наблюдение за прибывающими кораблями.

В последнюю минуту он уже с космодрома отправил открытку Александре. Это выходило за рамки деловых отношений, но Виктор оправдывался перед собой тем, что девушка может умереть прежде, чем он вернется. Наконец он поднялся на борт направляющегося к Плутону «Коронадо».

Девять десятых площади корабля занимали двигатели и топливо. Несколько пассажирских кают, расположенных в носовой части, напоминали медовые соты, куда вместо меда втиснули десятерых путешественников. Хассельборг оказался в одной каюте с неким Чжуэнем Ляо-цзы.

Это был невысокий толстяк с круглым невыразительным лицом, его жесткие волосы уже тронула седина. Он распаковывал вещи, и ввиду тесноты достать что-либо из своего чемодана Виктор даже не пытался, так как китаец мог заметить профессиональное снаряжение.

— Слушайте, приятель, что, если я прилягу на койку, пока вы распаковываетесь, а потом поменяемся?

— Идет, — ответил Чжуэнь и показал, как откидывается кровать. — Чем вы занимаетесь, мистер Хассельборг?

— Расследованием страховых махинаций. А вы?

— Э-э… я экономист из аппарата китайского правительства. Заверяю вас, очень скучная личность. Первый раз летите?

— Да.

— Но, полагаю, вы ознакомились с правилами?

— Разумеется. Лечь, когда дадут предупреждающий сигнал, и так далее.

— Совершенно верно. Советую записаться на спортивный тренинг хотя бы на один час в земные сутки. Это не даст вам

сойти с ума от скуки. Каюта — по коридору направо.

Упоминание о возможности изменения психики оказалось отнюдь не преувеличением. В корабельном пространстве каждый кубический сантиметр находился на учете, что исключало прогулочную палубу и даже иллюминаторы для любования звездами.

Десять пассажиров питались в две смены в крошечной столовой, служившей в остальное время комнатой отдыха. Впрочем, отдохнуть там могли только те счастливцы, которые успели занять пять кресел.

«Коронадо» вышел из пределов земной орбиты и сбросил ускорение до 1,25 g. Хассельборг играл в карты, подымал тяжести в каюте для тренинга, размеры которой позволяли упражняться разве что без риска ободрать костяшки пальцев, и допытывался у собратьев по полету об их житье-бытье. Последнее он делал безо всякой видимой цели — просто так, для практики. Некоторые собратья были словоохотливы и открыты, другие — закрыты и молчаливы. Наибольший интерес представлял сосед-китаец, оказавшийся, как ни парадоксально, одновременно и разговорчивым, и крайне закрытым человеком. На вопросы по поводу своего официального статуса он туманно отвечал:

— Э-э… просто присматриваюсь к возможностям импорта и экспорта. Пока ничего определенного: решать придется на месте. При жестких лимитах на межпланетные перевозки выгоду могут принести только товары высочайшего качества.

Забавляясь, Хассельборг представил, что Чжуэнь — переодетый агент либо Китая, либо Всемирной Федерации. Однако, если это действительно так, говорить «слушай, старик, а ты не фараон часом?» не стоило. Вообще, Виктора в его профессии больше всего угнетало то обстоятельство, что очень часто приходилось прикидываться тупицей.

Много дней длилось это монотонное подобие жизни, ограниченной корабельными переборками. Некоторое разнообразие вносили периодические звонки, напоминающие апатичному аппетиту, что пришла пора еще одной трапезы. Наконец предупреждающий сигнал сообщил о приближении к Плутону, «Коронадо» начинал сбрасывать скорость. Когда вызванное торможением давление спало, громкоговоритель на стене предложил:

— Пассажейруш сай, пор фавор![6]

С чемоданом в руке Виктор спустился следом за Чжуэнем по закрытому трапу. Как обычно, смотреть было не на что. Космические путешествия — отнюдь не игрушка, особенно для

какого-нибудь клаустрофоба. Трап слегка покачивался под тяжестью путешественников.

Шлюз за ними закрылся, и сидевший за столом молодой человек проверил их имена по судовому регистру. Хассельборг вручил свой паспорт со словами:

— Тенья а бондади, сеньор,[7] позвольте мне поговорить с главным пассажирским фискалом[8].

Вызвав начальство, молодой инспектор начал досмотр багажа. Главный пассажирский агент оказался бразильцем, впрочем, как и большинство сотрудников «Виажейш». Несмотря на то, что корпорация «Виажейш» предположительно являлась международной собственностью, почему-то непропорционально большая доля ключевых постов всегда доставалась гражданам ведущей мировой державы.

Хассельборг обратился к фискалу на португальском (как языке космических трасс), но агент настаивал на разговоре по-английски. После недолгого состязания в вежливости Виктор сдался первым и сказал:

— По моим сведениям, не так давно на «Журуа» в числе прочих прибыли пассажиры по фамилиям Фаллон и Батруни. Не так ли?

— Я могу посмотреть в списках, хотя… припоминаю. Прекрасная темноволосая девушка…

Детектив показал агенту фотографию Джульнар, и тот подтвердил:

— Да, это она! О, Глориа-Патри[9], какая женщина! Что вам от нее нужно?

— Не то, что вы думаете, сеньор Жоржи, — усмехнулся Хассельборг. — Она все еще здесь?

— Нет.

— Я так и думал. Куда она отправилась?

Агент сделался заметно осторожней:

— Ну… если бы вы могли объяснить мне обстоятельства…

— Так, у мисс Батруни есть отец, который очень озабочен ее возвращением. А у мистера Фаллона есть жена, которая хоть и меньше, но все же волнуется и интересуется его местонахождением. И эта парочка улетела в такую даль явно не просто полюбоваться видами Солнечной системы. Улавливаете, куда я клоню?

— Но мисс Батруни совершеннолетняя! Она может отправляться куда пожелает.

— Возможно, но дело в том, что и я имею право последовать за ней. Итак, куда она отправилась?

— Я предпочел бы не отвечать.

— Придется, приятель. Эта информация по закону общедоступна, и я могу поднять большой шум…

— Полагаю, можете, — вздохнул агент. — Но это противоречит всем традициям любовных романов. Обещайте мне, что когда найдете их, то не станете прерывать такую романтическую связь.

— Ничего подобного я обещать не буду. Но надевать девушке на запястья наручники и волочь ее на Землю под дулом пистолета я не собираюсь, если вы это имели в виду. Итак?

— Они вылетели на Кришну, — произнес наконец сеньор Жоржи.

Хассельборг присвистнул. Насколько он помнил, из всех сотен известных обитаемых планет именно Кришна по всем параметрам более всего походила на Землю. Для него это сейчас представляло дополнительные затруднения, поскольку сбежавшая парочка могла запросто затеряться среди туземцев: не требовались ни кислородные маски, ни другое специальное снаряжение.

Но делать было нечего.

— Обригаду[10]. Когда отправляется ближайший корабль на Кришну?

Агент взглянул на сложные часы на переборке:

— Через два часа четырнадцать минут.

— А следующий?

— Через сорок шесть дней, — ответил он, справившись с расписанием.

— И сколько длится полет?

— Вы имеете в виду субъективное или объективное время?

Виктор покачал головой:

— Всегда путался, с этим. Скажем, и то и другое.

— По корабельному, то есть субъективному, времени вы прибудете через двадцать девять дней. А по объективному времени Солнечной системы — через тысячу четыреста девяносто семь дней.

— И на сколько дней опередят меня Фаллон и мисс Батруни?

— По времени Кришны — примерно на сто дней.

— О! Вы хотите сказать, что если они улетели на шестнадцать дней раньше меня и у меня уйдет двадцать девять дней на их преследование, то прибуду я через сто дней после них?! Но это невозможно!

Сожалею, но с эффектом Фицджеральда — возможно. Понимаете, они ведь сели на «Мараньяу»[11], один из суперсовременных почтовых кораблей с турбоускорением.

Хассельборг содрогнулся:

— Получается, что в один прекрасный день кто-нибудь, слетав туда-сюда на таком «Мараньяу», вернется домой раньше, чем улетел.

Одновременно он размышлял: подготовка к вторжению на незнакомую планету требует значительно больше времени, чем отпущенные ему два часа. С другой стороны, ждать целый месяц… Он легко представил себе реакцию Батруни: негодующий магнат будет походить уже не просто на слона, а на слона-самца в мусте[12]. К риску призывала также сумма обещанного гонорара.

— Койка на ближайшем корабле найдется? — решился Виктор.

— Сейчас узнаю.

Сеньор Жоржи позвонил клерку из соседней клетушки, что-то гнусаво буркнул в трубку, выслушал ответ и сообщил:

— Есть два места.

— Отлично, проставьте мне визу, я займу одно из них. И нет ли в вашей библиотеке информации по Кришне?

— Очень мало. «Путеводитель астронавта» и энциклопедия на микропленке. У сотрудников могут быть книги на эту тему, но мы не успеем их достать.

— Мне также хотелось бы заглянуть в регистр «Мараньяу», чтобы сравнить подписи.

На самом деле Хассельборг опасался, как бы этот престарелый купидон не подсунул ему «липу», желая защитить такую «романтическую связь». Однако обе фамилии оказались в списке.

Библиотека действительно дала мало что полезного. Гравитация на поверхности планеты составляла 0,92 g, атмосферное давление — 1,34 A, неполное давление 0_2 превосходило в 1,10 раз земное — с высоким неполным давлением гелия. Планета была ненамного больше Земли, но с более низкой плотностью, а общая площадь суши втрое превышала земную. Обитатели планеты — «двуполые, яйцекладущие, двуногие организмы со внутренним скелетом» — внешне весьма походили на землян. Фактически, любой человек мог сравнительно легко замаскироваться под кришнянина. Оказалось даже, что между представителями этих двух рас случались браки, хотя и без потомства. Цивилизация Кришны определялась энциклопедией как «домеханическая», и ей были свойственны такие архаические вещи, как войны, эпидемии, право наследования, частное землевладение и национальный суверенитет.

Фискальный агент постучался в дверь:

— Поторопитесь, мистер Хассельборг, осталось всего

двадцать минут. Вот ваш паспорт.

— Секундочку, — отозвался Виктор, отрываясь от окуляров. Он быстро набросал три коротких письма для отправки на Землю с ближайшей почтой. Одно отменяло слежку, заказанную фирме «Монтехо и Дуррути», а два уведомляли Юсуфа Батруни и миссис Фаллон о его дальнейших планах.

Поднявшись на борт корабля, детектив обнаружил, что пространство здесь еще более ограничено, чем на «Коронадо». Каюту с ним разделял не только прежний попутчик Чжуэнь Ляо-цзы, но и средних лет дама из Бостона, находившая подобное соседство с мужчинами абсолютно неприличным. «Вот будь на моем месте Энтони Фаллон, тебе и впрямь было бы из-за чего беспокоиться», — цинично подумал Хассельборг.

Наконец они прибыли.

Сразу бросался в глаза контраст с Плутоном: спускаясь по открытому трапу, Виктор с наслаждением вдыхал мягкий и влажный воздух Кришны. По зеленоватому небу степенно проплывали облачные массивы, из-за них время от времени выглядывало огромное желтое солнце. Растительность также была в основном зеленого цвета различных оттенков. Вдали, по холмистой равнине, серой нитью тянулась высокая стена — граница Новуресифи.

Дальнейшие впечатления оказались менее приятными. Лицо официального вида в затейливой форме распорядилось:

— Пассажиры, следующие дальше на Ганешу и Вишну, пройдите в соседнее помещение. Те, кто остается на Кришне, — сюда, пожалуйста.

В зале находилось нечто вроде большого, в человеческий рост, рентгеновского аппарата, с помощью которого сотрудники просвечивали прилетевших насквозь. Другие официальные лица в это время с микроскопической тщательностью досматривали их багаж. Некоторые пассажиры роптали, особенно дама из Бостона, явно шокированная подобными порядками «Виажейш Интерпланетариаш».

Сотрудник, разбиравшийся с чемоданом Хассельборга, внезапно подскочил, словно его кольнули сзади шилом. Откинув лежащую сверху одежду, он указал на профессиональное снаряжение:

— Это еще что?

Почетный эскорт из четырех охранников живо отконвоировал Виктора к начальству: двое держали его за локти, двое шли следом, неся багаж. В кабинете, где за письменным столом одиноко сидел толстяк, все четверо затараторили одновременно.

Хассельборг, несмотря на приличное владение языком, едва поспевал за сутью обвинений. Один из охранников, что-то взволнованно бормоча, вывернул его карманы, и на письменный стол легли пистолет, фотокамера и тому подобные мелочи.

Табличка на столе возвещала, что хозяина кабинета зовут Кристовау Абреу и является он начальником службы безопасности. Толстяк откинулся на спинку вращающегося кресла и важно осведомился:

— Что вы пытаетесь провернуть, сеньор?

— Ничего, сеньор Кристовау. А что *вы* пытаетесь провернуть? — Виктор повысил голос. — Почему вы обращаетесь с прибывающими пассажирами словно с доставленными на скотобойню быками? Почему ваши сотрудники унизили меня на глазах у всех? Чего вы от меня ожидаете сейчас: чтобы я щелкнул каблуками и отдал честь?

— Утихомирьтесь, друг мой, и не орите на меня. Это не извинит вашего преступления.

— Какого преступления?

— Вашего.

— Черт возьми, ничего не понимаю! Документы у меня в порядке, я нахожусь здесь на законном…

— Дело не в документах, а вот в этом, — начальник кивнул на магнитофон и другую аппаратуру. Выражение лица у него при этом было такое, словно он указывал на части расчлененного трупа.

— И что же с этим не так?

— Разве вы не знаете, что это контрабанда?

— Мау ду Деуш![13] Конечно, не знаю!

— И вы не в курсе, что Межпланетный Совет запретил ввоз на Кришну каких-либо механизмов и прочих изобретений? Не говорите мне, будто кто-то может быть настолько несведущим!

— Я — могу, — и Хассельборг вкратце изложил обстоятельства, не давшие ему времени пройти должный инструктаж перед полетом. — А почему эти устройства запрещены?

— Я всего лишь слежу за соблюдением правил, а не устанавливаю их, — пожал плечами Абреу. — Думаю, тому есть социальные причины: оградить кришнян от возможности перебить друг друга прежде, чем их культура станет более продвинутой в отношении государства и права. И вот вы являетесь с набором вещей, которого достаточно для научно-технической революции! Я выполняю свой долг. Маурисеу, вы тщательно обыскали задержанного? Тогда отведите его в кабинет Гоиша для дальнейшего допроса.

И толстяк повернулся к своим бумагам с видом человека, прихлопнувшего вредное насекомое.

Жулиу Гоиш, помощник начальника службы безопасности, оказался симпатичным юношей с сияющей улыбкой.

— Сожалею, что с вами случилась эта неприятность, мистер Хассельборг, но своей аппаратурой вы страшно расстроили патрона. Лет десять назад, во время его дежурства, какой-то приезжий ввел на Кришне обычай целоваться. Скандал не утих до сих пор, поэтому Абреу принял так близко к сердцу ваше дело. А теперь ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов.

Час спустя Гоиш сказал:

— Я полагаю, что вы действительно находились в неведении, иначе вряд ли провозили бы контрабанду так открыто. Документы ваши в порядке, и вы свободны. Однако сперва мы изымем запрещенные к ввозу предметы. Можете оставить себе дубинку, кастет, блокнот и нож. Ваш бронежилет сделан из современного сплава, поэтому мы секвестрируем и его. Эта ручка является механизмом, возьмите вместо нее обыкновенный деревянный карандаш. Это все, что я имею право вам позволить, — заключил он и неожиданно продекламировал по-английски: — Это не так глубоко, как колодец, и не столь широко, как церковная дверь, но этого хватит, это сгодится.

— Ха, — отозвался Хассельборг, — сгодится! Как же я выполню задание без всех отобранных вами вещей?

Молодой человек пожал плечами:

— Думаю, вам придется пошевелить мозгами.

Детектив потер лоб, словно стараясь пробудить упомянутый орган.

— Вы поставили меня в трудное положение. Может, хоть подскажете, в какой стороне искать Фаллона и мисс Батруни?

— Подскажу. Они покинули Новуресифи и направились к Росиду, в княжество Руз, состоящее в вассальных отношениях с королевством Гозаштанд. Вот карта. Зеленая точка обозначает Новуресифи — аванпост «Виажейш Интерпланетариаш». А они следует на север, — Гоиш показал ногтем направление.

— Они выехали под вымышленными именами?

— Не знаю. Мне они не докладывали.

— Что нужно для путешествия по Кришне?

— Какая-то туземная одежда, оружие и средство передвижения. Наш парикмахер перекрасит вам волосы и приделает антенны, это придаст вам сходство с настоящим кришнянином. Под каким видом вы отправитесь в путь?

— Простите? — не понял Виктор.

— Вам нужно обзавестись легендой, объясняющей ваши

разъезды. Иначе в вас могут узнать землянина, принять за шпиона и убить. Большинство правителей близлежащих земель относится к нам дружественно, но простонародье невежественно и легковозбудимо. О какой-либо экстерриториальности здесь и не слышали, и мы снимаем с себя ответственность, как только вы покинете Нову ресифи.

— Что вы предлагаете в качестве легенды? Страховой агент? Мастер по обслуживанию телевизоров? Или…

— Уш сантуш, но![14] Здесь нет ни страхования, ни телевидения, ни радио. Вероятно, подошел бы образ пилигрима…

— Кого?

— Религиозного паломника. Хотя вас могут втянуть в религиозные распри. Некоторые из земных культов утвердились здесь: миссионеры пролезли до того, как запрет вступил в силу. Вы к какой церкви принадлежите?

— Реформированных атеистов.

— Понятно. Как насчет трубадура?

— Отпадает. Когда я пою, бледнеют даже сильные мужчины, женщины падают в обморок, а дети с воплями разбегаются.

— Придумал: бродячий художник-портретист!

— Что? — Хассельборг резко выпрямился на стуле. Он уже собрался высказаться по поводу своей ненависти к упомянутому занятию, но это потребовало бы объяснений. А объяснения сводились к тому, что Марион сбежала с таким мазилой и жила теперь в какой-то лачуге на побережье Калифорнии. Не желая вдаваться в подробности, он лишь заметил: — Я уже много лет не брался ни за какую кисть, кроме малярной.

— Особого мастерства и не нужно. Здешнее искусство носит в основном геометрический характер, и любой написанный вами портрет станет сенсацией.

Когда-то, еще в Отделе Расследований, Виктор научился делать наброски, но предпочел не признаваться в этом.

— А разве в моей технике не заподозрят чуждую школу?

— Это тоже отлично подходит. Совет разрешает ввоз на Кришну предметов изящного искусства, и земная художественная техника в большой моде в Гозаштанде. Кстати, не пожалейте нескольких дней на изучение гозаштандоу. Все равно вы будете ждать, пока вам готовят новое снаряжение. Судя по вашему аккредитиву, вы можете позволить себе самое лучше. А я рекомендую вас дашту Руза.

— Кому чего?

— Титул дашта соответствует нашему барону. Джам бад-Коне — вассал доура Гозаштанда.

— Послушайте, — взмолился Хассельборг, — верните мне, по

крайней мере, мои таблетки и лонговит. Ведь никто не догадается, что это, а мне необходимо оставаться здоровым.

— Таблетки, пожалуй, забирайте, — улыбнулся Гоиш.

В парикмахерской Виктор обнаружил Чжуэня Ляо-цзы, восседающего в кресле перед зеркалом. Мастер уже перекрасил шевелюру клиента в ядовито-зеленый цвет и теперь с помощью маленьких резиновых дисков прикреплял ему ко лбу пару искусственных антенн. Губчатая резина настолько сливалась с кожей, что почти невозможно было найти границу.

— Присоски продержатся, по меньшей мере, месяц, — говорил парикмахер, — но я продам вам набор с собой. Не забудьте отпустить волосы подлиннее.

Хассельборг также заметил, что уши Ляо-цзы приобрели заостренную форму, так что полный маленький китаец походил перекормленного лепрекона.[15]

— Привет, Чжуэнь! Тоже собираемся в гущу аборигенов?

— Совершенно верно. Куда вы направляетесь?

— Говорят, мои подопечные укатили на север. А вы в какую сторону?

— Пока не знаю. Ох, боюсь, не идет мне зеленый цвет.

— Радуйтесь лучше, что здесь не носят париков времен Якова Второго, — и Виктор проделал несколько фехтовальных движений, изображая манеры средневековья.

Хассельборг владел дюжиной языков, поэтому выучить гозаштандоу не составляло трудностей, но следовало научиться еще кое-чему. Каждое утро он торжественно выезжал верхом на айе под присмотром кого-нибудь из сотрудников «Виажейш», кто ехал рядом и постоянно напоминал держать локти близ тела, пятки вниз и так далее. Шестиногие животные отличались неприятно неровной рысью, к тому же седло располагалось прямо над средней парой ног, и это усиливало тряску. Поэтому когда Виктор узнал, что его Фарун обучен возить коляску, то поспешил купить легкую четырехколесную повозку.

«Каких-нибудь две-три сотни лет назад люди на Земле передвигались на самых разнообразных видах таких штуковин, — с удивлением подумал он. — А теперь сохранились только названия: коляска, бричка, двуколка, кабриолет — и разберет их только антиквар».

Днем следующий сотрудник компании обучал детектива владению мечом.

— Мистер Хассельборг! Не размахивайте так клинком!

— Но именно так делают во всех боевиках.

— Да, но там добиваются эффектного зрелища, а я учу вас

настоящему бою.

Потом они с Чжуэнем под руководством Гоиша практиковались в кришнянской разговорной речи и правилах поведения за столом. Ели здесь при помощи пары маленьких копий, похожих на обычные палочки, поэтому китаец обладал неоспоримым преимуществом. Гоиш, наблюдая за неуклюжими попытками Хассельборга, только свекольно краснел от сдерживаемого смеха.

— Давайте, смейтесь, — ворчал Виктор. — Между прочим, Совет мог бы ввести на планете хотя бы ножи и вилки.

Юноша пожал плечами:

— Совет стал очень строг с тех пор, как сюда проникла привычка курить табак, амиго меу[16]. Столовые приборы, конечно, удобно, но в Совете боятся, что дать туземцам нож — значит спровоцировать войну.

— Кришняне и правда такие агрессивные?

— Не столько агрессивные, сколько отсталые. Наши мудрецы ожидают, когда здесь появятся более цивилизованные представления о государстве, праве и тому подобном. Думаю, Совет и сам не знает, чего хочет, его политика ужесточается из года в год. Некоторые говорят, что глупый Совет всегда найдет причины остановить прогресс на Кришне. Прогресс… Ах, друзья мои, я вернусь на Землю раньше, чем одряхлею настолько, чтобы дождаться прогресса на Кришне.

При этой неожиданной вспышке Хассельборг быстро переглянулся с Чжуэнем, и тот спросил:

— А какого мнения о политике Совета вы, сеньор Жулиу?

— Я? — переспросил по-английски Гоиш. — Я всего-навсего нерешительный, слабый и презренный юнец. У меня нет никаких мнений.

И он сменил тему.

Ляо-цзы уехал, а Хассельборг задержался еще на неделю, продолжая работать над своим туземным имиджем. Поскольку власти не позволили бы ему взять с собой фотографии Джульнар и Фаллона, он практиковался в ремесле художника, копируя их портреты карандашом и кистью, пока не достиг узнаваемого сходства. Он отклонил предложение Гоиша навьючить на себя полный комплект доспехов, но согласился на компромисс в виде кольчужной рубашки из тонких звеньев. Виктор приобрел также меч, кинжал с затейливой гардой, большую кожаную котомку со множеством отделений и гозаштандоу-португальский словарь. Словарь, как и все местные книги, был отпечатан на длинной бумажной полосе, сложенной затем в гармошку между парой

деревянных обложек.

И вот однажды утром, до восхода, когда две из трех лун Кришны еще заливали волшебным светом окружающий пейзаж, Хассельборг выехал из северных ворот. Он чувствовал себя немного глупо в маскарадной шляпе и короткой куртке, но философски утешался, что терпел и худшее. Гоиш категорически отказался разрешить ему взять галоши. И Виктор, хоть и опасался промочить ноги, вынужден был признать, что галоши поверх кришнянских сапог из мягкой кожи выглядели бы чересчур экстравагантно.

— Вы захватили обещанное рекомендательное письмо? — спросил Хассельборг провожавшего его юношу, ожидая услышать отрицательный ответ, поскольку Гоиш под разными предлогами откладывал написание бумаги.

— Сим[17], вот оно, — произнес тот с расстроенным видом.

— Что случилось? Просидели всю ночь напролет, сочиняя его?

— Почти. Пришлось долго подбирать нужные слова. Ни в коем случае не повредите печати, а то дашт сделается подозрительным. И, что бы ни случилось, помните: Жулиу Гоиш уважает вас.

Такое прощание показалось Виктору несколько странным, но он сказал просто:

— Ате а виста![18] — и пощекотал кнутом круп Фаруна, пока тот не устремился проворной рысью по дороге к Росиду.

Глава 3

Солнце наконец пробилось сквозь клубящиеся облака. Какое-то время Хассельборг ехал в одиночестве, повторяя про себя фразы на гозаштандоу. Через пару часов впереди показалась огромная двухколесная телега, влекомая биштаром — слоноподобным тягловым животным с парой коротких хоботов. Когда повозки поравнялись, Виктор поинтересовался у возницы, сколько еще до Аворда. Тот махнул рукой назад:

— Ходдов двадцать пять, господин.

На самом деле путь был длиннее. Виктор знал, что среди местных жителей принято приуменьшать расстояние, ободряя этим странников. Туземец очень походил на Чжуэня (в его кришнянской версии), только более худощав. Те же раскосые глаза, то же плоское монголоидное лицо. «По всей вероятности, китайца избрали для выполнения его таинственной миссии именно по причине сходства с аборигенами», — подумал Хассельборг.

— Как по-вашему: будет дождь? — спросил возница.

— Это уж как боги решат. Счастливого пути! — попрощался Виктор и покатил дальше, довольный тем, что первый встреченный им на пути кришнянин принял его за своего.

С наступлением дня навстречу стало попадаться все больше народу: пешеходы, всадники или едущие на повозках. Очевидно, дорога являлась главным большаком. Гоиш говорил, что по приказу дашта ее патрулировали, дабы обезопасить путников от диких зверей и разбойников. И все же к вечеру над равниной разнесся глухой звериный рык, заставивший айю резво понестись вперед.

Колымага набрала скорость, и вскоре показались возделываемые поля, что означало близость Аворда. Но тут исчезло солнце, небо затянуло тучами, и на дорогу упали первые брызги дождя. Хассельборг остановил Фаруна: следовало поднять откидной верх. Некоторое время он боролся с этой хитрой штуковиной и начал уже подозревать, что справиться с нею взрослый мужчина сможет только в компании четверых подростков и упряжки лошадей в придачу. Наконец упрямая конструкция поддалась, и айя снова поскакал галопом к уже видневшейся деревне.

Дома в Аворде были каменные, с немногочисленными маленькими окнами высоко над землей. Постоялый двор со звериным черепом над дверью находился именно там, где указывал Гоиш. Остановив своего скакуна, Хассельборг вошел в

таверну, где обнаружил большое помещение со скамьями и хозяина — дородного, морщинистого малого с драными антеннами. Виктор бойко обратился к нему:

— Да благоприятствуют вам звезды. Меня зовут Кавир бад-Матлум, и я хочу получить еду, постель и место для моего айи.

— Это будет стоить пять кардов, зер, — почтительно ответил трактирщик.

— Четыре, — предложил Хассельборг.

— Четыре с половиной.

— Четыре с четвертью.

— Договорились. Хамсе, позаботься, чтобы вещи господина заперли в хранилище, а скакуна отвели в стойло и накормили. А теперь, господин Кавир, не присядете ли с моими постоянными гостями? Слева — господин Фарра, владелец одного из дальних хуторов. Справа — господин Кам, едет из Росида в Новуресифи. Что будете кушать? У нас есть жареный унха и вареный аш, или же могу приготовить вам отличного молодого эмбара. А?

— Возьму последнего, — наугад выбрал Хассельборг, жалея, что не может проинспектировать кухню и узнать, отвечает ли та санитарным нормам. — И чего-нибудь выпить.

— Естественно.

Фарра, постоянно почесывающийся обветренный кришнянин, спросил:

— Откуда вы, господин Кавир? Не из Малайера ли, что на дальнем юге? На это намекают и выговор ваш, и лицо — не обижайтесь, конечно. Я вижу, вы — человек знатный, и мы будем очень рады, если вы присядете с нами.

— Родители мои родом оттуда, — осторожно сказал Виктор.

— А куда теперь? — вступил в разговор Кам, сухощавый коротышка, волосы которого выгорели до нефритового оттенка. — В Росид на игры?

— Еду-то я в Росид, но не…

— Есть новости из Новуресифи? — перебил Кам.

— Что теперь затевают землума? — Фарра имел в виду землян.

— Это правда, что они все одного пола?

— Вы женаты?

— У дашта снова неприятности с женщинами?

— Что это за слухи насчет племянницы Хасте в Росиде?

— Чем вы зарабатываете на жизнь?

— Вы любите охотиться?

— Вы в родстве с кем-нибудь в Рузе?

— Как по-вашему, какая завтра будет погода?

Хассельборг с трудом выдерживал эту атаку, отбиваясь или

уклоняясь от вопросов по мере сил, пока не появился трактирщик с деревянной тарелкой. Но вздыхать с облегчением было рано, поскольку эмбар оказался каким-то видом членистоногого. На тарелке лежало что-то типа гигантского таракана (размером с омара), наполовину погребенного под другими неясными объектами; маслянистый соус заливал все это блюдо. Неуемный еще минуту назад аппетит теперь резко пошел на снижение, словно проткнутый воздушный шар.

Понятно, что местный люд ел эту тварь, не моргнув глазом, поэтому Виктору, окруженному тремя внимательными парами глаз, пришлось поступать так же. Он осторожно отломил одну из ножек эмбара и стал ковырять ее одним из копий для еды. Оторвав мертвенно-бледный мускул и собравшись с духом, он отправил кусок себе в рот. Мясо, против ожидания, гадким не было. Но и пальчики облизывать было не с чего. Фактически оно почти не имело вкуса; создавалось ощущение, что жуешь кусок старой автомобильной камеры. Он вздохнул и продолжил трапезу.

По ходу карьеры Виктору Хассельборгу приходилось есть весьма странные вещи, но сам он предпочитал пироги и бифштексы, отдавая дань консервативному североамериканскому вкусу.

А трактирщик тем временем принес что-то, с виду похожее на спагетти, и кружку с бесцветной жидкостью. Напиток оказался алкогольным, поэтому закодированное отвращение к спиртному чуть не заставило Виктора подавиться, но он призвал на помощь все свое мужество и сделал большой глоток.

Самым тяжелым испытанием стало «спагетти»: масса белых червей, извивавшихся, когда копьецо протыкало их. В Новуресифи его никто не просил пожирать живых червей, да еще при помощи палочек для еды. Кляня себе под нос Юсуфа Батруни и его легкомысленную дочь, Хассельборг смотал в клубок с полдюжины этих тварей. Однако, когда он поднес палочки к губам, «спагетти» соскользнули обратно в тарелку.

По счастью, Кам и Фарра спорили по поводу какого-то астрологического вопроса и ничего не заметили. Перед коротышкой тоже стояло блюдо с червями, число которых быстро снижалось. Уцелевшие продолжали жалко подергиваться на тарелке. Наконец Кам поднял ее и копьецом смахнул оставшихся червей в рот.

Хассельборг последовал его примеру, мрачно думая о миллиардах бактерий, которых впускал в свой организм.

По крыше трактира утомительно барабанил дождь. С основными блюдами покончили, и трактирщик принес большой

желтый фрукт. Десерт оказался весьма неплохим.

После ужина Виктор приступил к делу:

— Примерно десять десятиночий назад через Аворд мог проезжать мужчина, следовавший к Росиду. Не видел ли его кто-нибудь?

— Меня здесь тогда не было, — сказал Кам.

— А как он выглядел? — поинтересовался Фарра.

— Примерно моего роста, но менее массивный. С ним ехала смуглая девушка. Вот их портреты, — он извлек из котомки карандашные наброски.

— Нет, я тоже не видел, — Фарра мотнул головой. — Астератун, ты не встречал таких?

— Нет, — отозвался трактирщик. — Кто-то сбежал с вашей девушкой, господин Кавир? А?

— С моими деньгами, — поправил его Хассельборг. — Я зарабатываю на жизнь рисованием, а этот плут забрал свой портрет и смылся, не заплатив. Если я его поймаю… — он хлопнул по рукояти меча, стараясь придать своему жесту побольше воинственности.

Все захихикали, а Кам осведомился:

— И вы едете в Росид рисовать новые картины в надежде, что на сей раз вам заплатят?

— Вообще-то, да. И у меня есть рекомендации.

— Надеюсь, вам повезет больше, чем тому трубадуру в прошлом году, — почесывая живот, хмыкнул Фарра.

— А что с ним случилось?

— О, дашт проникся убеждением, что этот малый — шпион Микарданда. Понятное дело, никаких оснований на то не было, просто наш добрый Джам смертельно боится шпионов и убийц. Бедняга музыкант кончил тем, что его съели на играх.

Виктор судорожно сглотнул, и мысли его понеслись вскачь. Действительно, Гоиш упоминал, что в некоторых городах Кришны народ предпочитает развлекаться по древнеримскому образцу.

Он допил оставшуюся в кружке жидкость, отчего в голове слегка зашумело. Итак, прежде чем начинать поиски беглецов, следует найти хорошего законоведа. Если таковой вообще имеется в стране, живущей по принципам средневековья, когда феодал (по-местному — шерг) обладает правом суда, правом миловать или казнить.

— Извините, — сказал Хассельборг, отодвигая табурет и вставая из-за стола, — устал за день.

— Конечно, конечно, любезный зер, — согласился Кам. — Надеюсь, вы встанете утром не слишком рано, так как мне хотелось бы еще порасспросить вас о далеких краях.

— Там видно будет, — не стал он ничего обещать. — Да ниспошлют вам звезды спокойную ночь.

— Да, господин Кавир, — вспомнил вдруг Фарра, почесываясь. — Астератун отвел нам вторую постель справа от лестничной площадки. Занимайте середину, а мы с Камом позже пристроимся по бокам. Постараемся вас не разбудить.

Когда Виктор переварил эту информацию, то чуть не выпрыгнул из собственной шкуры. Мысль о необходимости провести ночь в одной постели с этими доисторическими животными повергла детектива в ужас. Он отвел трактирщика в сторону и заявил:

— Послушайте, милейший, я заплатил за постель, а не за ее треть.

Тот принялся возражать. Потребовались ссылки на бессонницу и добавочные четвертькарда, чтобы после длительного спора Хассельборг получил-таки постель в свое личное распоряжение.

На следующее утро он поднялся задолго до того, как проснулись остальные постояльцы, так как не привык еще к медленному вращению этой планеты. Завтрак состоял из плоских безвкусных лепешек и кусочков чего-то мясного. Запив водой пригоршню таблеток, Виктор закутался в плащ и вышел под моросящий дождь.

Фарун выглядел обиженным тем, что его запрягли и выгнали из теплого стойла в непогоду. Он постоянно негодующе оглядывался на хозяина и упрямо тащился еле-еле. Пришлось ужалить его кнутом.

Хассельборг размышлял над вчерашним разговором. Вопросы Кама казались подозрительными, словно тот хотел вывести собеседника на чистую воду. И эта история про несчастного трубадура… Интересно, было ли у него рекомендательное письмо?

Последняя мысль вызвала неприятные ассоциации. Гоиш, щеголяя эрудицией, частенько цитировал Шекспира. И в «Гамлете», кажется, имеется эпизод, где кто-то кому-то дает рекомендательное письмо. А в письме — распоряжение: «подателя сего немедленно казнить».

Внезапно Виктору очень захотелось узнать, что таится под печатями в послании к дашту Руза. Но нельзя, а вот когда он доберется до Росида…

Хассельборг мрачно поглядел на небо. Дождик прекратился, и солнце время от времени выстреливало из-за облаков желтым лучом. Ну, что бы ни было дальше, сейчас он, по крайней мере, избежал смерти от воспаления легких.

Он непрерывно погонял Фаруна, стремясь поскорее добраться до цели, но около полудня по здешнему времени решил дать отдых себе и айе. Привязав его к кусту, Хассельборг уселся на удобном валуне и достал стряпню трактирной кухарки. Дорога шла по холмистой равнине, поросшей невысоким кустарником. Вокруг него жужжали мелкие летучие твари, у самых ног прошмыгнуло какое-то создание, похожее на сухопутного краба, невдалеке паслось стадо шестиногих животных.

Виктор слегка задремал и в облаках ему мерещилось лицо Александры, когда негромкий дробный топот вернул его с небес на землю. По дороге приближалось двое всадников на горбатых четвероногих скакунах. Металлические доспехи позвякивали при езде, тонкие копья смотрели в небо, словно радиоантенны.

С внезапно вспыхнувшей тревогой он подправил меч и кинжал, хотя у него как у новичка мало шансов против двоих латников. Правда, те походили скорее на солдат, чем на разбойников, но в подобной стране граница между теми и другими могла быть весьма зыбкой.

Всадники остановились, и один из них спешился, приказав своему скакуну опуститься на колени. Хассельборг поздоровался:

— Добрый день, зеры. Да хранят вас звезды. Я — Кавир бад-Матлум.

Спешившийся воин обменялся коротким взглядом со своим спутником и направился к Виктору.

— Вот как? Какого ты звания?

— Я художник.

— Говорит, что художник, — бросил латник через плечо и снова повернулся: — Простолюдин, да?

— Да, — ответил Хассельборг и тут же пожалел об этом. Если эти парни настроены враждебно, то следовало бы назваться гармом, то есть рыцарем.

— Простолюдин, — крикнул спешившийся своему спутнику. — Хороший у тебя айя.

— Рад, что он вам нравится.

Виктор уже немного научился понимать выражение лиц кришнян, и улыбка воина показалась ему скорее хищной, чем дружелюбной. И худшие ожидания оправдались.

— Очень нравится. Отдай-ка его нам.

— *Что*? — Хассельборг инстинктивно потянулся к пистолету и только мгновенье спустя вспомнил, что любимого оружия с ним нет.

— Что слышал! Выкладывай также свой меч, кинжал, все деньги, какие есть. И благодари свою счастливую звезду, что мы оставляем тебе одежду.

— И повозку, — добавил второй латник, подъехав. — С виду ты сильный — сам и впряжешься в нее!

— Обойдетесь! Да кто вы такие-то?

— Мы солдаты дорожного патруля дашта, — важно сказал первый. — Брось, не создавай нам хлопот, а то арестуем тебя как шпиона.

— Или убьем за сопротивление при аресте, — присовокупил всадник.

Виктор подумал, что, даже если он покорится, они вряд ли оставят его в живых: зачем им свидетель. Твердая линия поведения была не менее рискованной, но никакой альтернативы он не видел.

— На вашем месте я бы этого не делал. Я везу послание Джаму бад-Коне от одного влиятельного землу, и, если я исчезну, поднимется страшный вой.

— Дай-ка взглянуть, — потребовал спешившийся.

Хассельборг извлек из котомки письмо и показал солдату. Тот хотел было взять его, но Виктор быстро отдернул руку со словами:

— Достаточно и адреса. Для чего вам само послание?

— Вскрыть его, дурак!

Виктор покачал головой:

— Дашт не любит, чтобы шалили с его письмами, приятель.

— Убьем его, — предложил всадник. — Он пытается одурачить нас своей болтовней.

— Хорошая мысль, — одобрил первый патрульный. — Проткни его, Кайковарр, если попытается бежать.

И, выхватив меч и кинжал, он бросился на Хассельборга. Тот отскочил за пределы досягаемости опасных клинков и, достав свой меч, успел парировать рубящий удар. *Лязг! Лязг!* В это время Кайковарр направил шомала прочь с дороги, стремясь подобраться с тыла.

Обнаружив, что противник способен отражать грубые рубящие удары, первый патрульный сменил тактику. Держа клинок горизонтально, он сделал несколько крадущихся шагов вперед, а затем вдруг поймал меч Хассельборга в захват и резким движением клинка вырвал его. Ноги солдата сработали, как стальные пружины, когда он прыгнул вперед и выложился в выпаде. Острие ударило Виктора прямо под сердце.

Глава 4

На мгновенье Хассельборг решил, что он уже покойник. Но скрытая под одеждой кольчуга остановила меч, и вражеский клинок лишь скользнул по ней вверх. Виктор рефлекторно уперся ногами в землю, схватил клинок и рванул на себя. Меч вылетел из руки солдата и несколько раз перевернулся в воздухе.

«Ао!» — орал сзади всадник, но Хассельборг не обращал на него внимания, нашаривая в правом кармане куртки кастет. Кинжал в левой руке противника метнулся ему навстречу. Но, опережая удар, левая рука самого Хассельборга схватила запястье патрульного и дернула его к себе. Солдата мотнуло вперед, и тут другая рука Виктора выскочила из кармана с кастетом. Хук правой в челюсть прошел с мясистым звуком, и у врага подогнулись колени. Нанеся еще один удар, Хассельборг бросил кастет и выхватил собственный кинжал, до этой минуты забытый.

Внезапно сильный толчок в спину повалил его на землю, но он перекувырнулся и обхватил туловище поверженного солдата, приставив тому к горлу кинжал. Всадник кружил, пытаясь найти позицию для нового выпада копьем, но Виктор использовал его товарища в качестве живого щита.

— Убирайся! А то перережу твоему приятелю глотку!

— Кайковарр! — прохрипел солдат. — Он меня убьет!

Всадник заставил шомала попятиться. Хассельборг поднялся на колени, по-прежнему держа кинжал наготове, и взглянул на плененного врага.

— И что мне теперь с тобой делать?

— Отпустить меня ты не посмеешь, значит, убьешь, — отозвался пленник.

— Убить тебя я не могу, — загадочно прошептал Виктор, в голову которого пришел некий план. При всей своей избитости этот план должен был подействовать на наивных кришнян.

— Почему? — лицо и голос солдата сразу сделались менее скорбными.

— Потому что ты тот самый человек.

— Что ты имеешь в виду?

— Астролог предсказал мне, что я схвачусь с парнем, у которого гороскоп смерти такой же, как у меня. Когда ты родился?

— В четвертый день одиннадцатого месяца пятьдесят шестого года царствования короля Годжасванта.

— Все точно, ты тот самый. Я не могу тебя убить, потому что это будет означать *мою* собственную смерть в тот же день. И

наоборот.

— То есть если б *я* убил тебя, то уже сам лежал бы мертвым?

— Вот именно. Так что нам лучше завязывать с этим. Улавливаешь мою мысль?

— Да, господин Кавир. Разрешите мне встать.

Хассельборг разрешил, но оружие из рук не выпускал, чтобы латники не доставили новых хлопот. Жертва с трудом поднялась на ноги, осторожно массируя те места, куда пришлись удары, и ворча:

— Вы чуть не сломали мне челюсть этой бронзовой штукой. Разрешите-ка взглянуть на нее. Да… полезная вещичка. Видишь, Кайковарр?

— Вижу, — отозвался тот. — Знай мы, что у вас под курткой кольчуга, господин Кавир, то не стали бы понапрасну тыкать в нее остриями. Это было не очень-то честно с вашей стороны.

— Однако оно и к лучшему, не так ли? — откликнулся Хассельборг. — Похоже, нам придется жить дружно, хотим мы того или нет. Все дело в гороскопе.

— Согласен, — вздохнул бывший пленник. Он убрал оружие в ножны и двинулся нетвердой походкой к своему стоящему на коленях шомалу. — Мы отпустим вас со всем добром, но не рассказывайте никому об этом столкновении.

— Конечно, не расскажу. А если ты попадешь в беду, то постараюсь помочь тебе выкарабкаться. Кстати, как тебя зовут?

— Гармсел бад-Маняо. Я открою тебе секрет: патрулю сообщили, что прошлым вечером ты расспрашивал народ в таверне Астератуна. Это весьма опрометчивый поступок в Рузе, хотя с тем письмом ты, надо думать, вне подозрений, — выказав таким образом свою благодарность, Гармсел повернулся к товарищу: — Поехали отсюда. Это место для нас под несчастливой звездой.

— Да ниспошлют вам боги удачу! — весело пожелал им Виктор.

Всадники что-то проворчали и рысью ускакали прочь.

Глядя на их исчезающие вдали силуэты, он подумал, что в качестве доносчика выступил, несомненно, господин Кам. Эта местная шпиономания порядком осложнит дело. Расспрашивать простонародье всегда опасно ipso facto[19], но здесь нельзя будет даже зайти к собрату-сыщику и потрепаться насчет Фаллона и его любовницы.

Хассельборг завершил прерванный стычкой обед и принялся обдумывать свои дальнейшие действия. Затем он тронулся в путь, по-прежнему размышляя над этим, но никаких удачных идей в голову не приходило. Чтобы в такой патовой ситуации найти

выход, следовало, как минимум, погрузиться в медитацию под деревом Тумтум. Но на Кришне таких деревьев, кажется, не росло.

Спустя несколько часов появились первые признаки того, что он приближается к Росиду. На полях работали люди, движение на большаке стало более оживленным. Народ двигался пешком, ехал верхом и на повозках, влекомых самыми разнообразными животными, которых на планете давно одомашнили. Некоторые зверюги тащили за собой колымаги весьма остроумных и даже фантастических моделей.

Солнце уже клонилось к горизонту, и на фоне чудесного кришнянского заката показался ряд виселиц, укомплектованных трупами. Это веселое зрелище сообщило Хассельборгу, что он въезжает на окраину города, и напомнило ему стихотворение:

> Одно лишь дерево в Шотландии растет —
> Красотка-виселица…

Закатные лучи окрашивали луковицы дальних куполов в роскошный оранжево-красный цвет.

Виктор обратил внимание на большой дом с черепом животного над дверью, решив, что это трактир, и не ошибся.

Хозяин его был весьма молчалив и не сделал даже попытки представить вошедшего другим своим постояльцам. Те кучковались мелкими группами и разговаривали полушепотом. Это дало Виктору повод заподозрить, что его занесло в какой-то притон, где ошиваются сомнительные личности. В углу сидел мускулистый парень, поглядывающий по сторонам сквозь роговые очки. Он мог оказаться как обычным проезжим, так и полицейским в штатском, ведущим слежку за преступным миром Росида.

Хассельборг занял место у стены. В гордом одиночестве он поедал что-то вкусное, пусть и неизвестного происхождения, когда к нему подошел некий молодой человек, до той поры праздно болтавшийся у стойки. Юноша сказал:

— Да даруют вам звезды удачу. Мое имя — Сархад, а вы, по-моему, здесь новичок?

— Да, — коротко обронил Виктор.

— Вы не против, если я присоединюсь к вам? — и, не дожидаясь ответа, юнец плюхнулся рядом и начал болтать: — Некоторые из здешних завсегдатаев становятся утомительными, когда выпьют. А я вот знаю, когда мне хватит. Перебор портит руку в моем ремесле. Скверная погода, не правда ли? Видели дочь старого ворчуна? Та еще горячая штучка, и говорят, она…

Он продолжал тарахтеть в том же духе, пока горячая штучка собственной персоной не принесла Хассельборгу ужин. Поскольку она была первой местной женщиной, которую выпал случай увидеть вблизи, детектив как следует присмотрелся к ней. Девушка выглядела хорошенькой, конечно, на свой — широкоскулый, курносый и остроухий — лад. Количество одежды на ней было сведено к минимуму и подчеркивало пышность ее форм. Кришняне явно принадлежали к числу млекопитающих, хотя и были яйцекладущими. Вообще, она походила на голенькую красотку с обложки журнала, Виктор даже подумал: не грудастые ли туземки натолкнули земных фотографов на их любимый сюжет?

Сархад уронил палочку для еды.

— Тысяча извинений, господин, — попросил он прощения, нагибаясь за ней под стол.

Что-то в его действиях пробудило никогда не утихающие подозрения Хассельборга. Один беглый взгляд показал, что юнец, шаря одной рукой в поисках копьеца, другой деловито обследует котомку нового знакомого. Левой рукой Виктор схватил наглеца за плечо, а правой выхватил кинжал и под столом приставил острие к его животу.

— Вынь свою руку пустой, — тихо приказал он. — Так, чтобы я ее видел.

Сархад выпрямился и уставился на Хассельборга, глотая ртом воздух, словно золотая рыбка, которой забыли сменить воду. Затем он дернулся, и Виктор почувствовал жалящий укус в боку: парень попытался достать его ножом, но помешала кольчуга. В ответ Виктор слегка надавил собственным кинжалом, и юнец тут же отреагировал:

— *Охе!* Я истекаю кровью!

— Тогда брось нож.

Нож стукнул об пол, Хассельборг нащупал его ногой и отфутболил подальше. Все это произошло настолько тихо и быстро, что никто из окружающих, похоже, ничего не заметил.

— А теперь, юноша, — тихо произнес детектив, — нам предстоит небольшой разговор.

— Жди больше! Да если я заору, на тебя набросится полтрактира!

Виктор изобразил на лице сомнение и сказал:

— Не думаю. Щипачи работают в одиночку, так что сообщников у тебя нет. А если бы и были — ты умрешь прежде, чем кто-либо успеет вмешаться, и никакого удовольствия от моей кончины уже не получишь. Но главное: ты нарушил неписанный закон воровского братства — в своей хате не гадят, а ты мог всех

засветить. Улавливаешь мою мысль?

Зеленоватая от природы кожа юнца позеленела еще сильнее.

— Откуда ты столько знаешь? Ты не похож на уголовника.

— Я много где побывал и много чего повидал. Не повышай голоса и продолжай улыбаться, — Хассельборг подчеркнул сказанное нажимом кинжала. — В этом трактире постоянно собираются люди, у которых нелады с законом?

— Да. И это всем известно.

— Есть другие такие места в Росиде?

— Конечно. Грабители ошиваются в «Синем биштаре», шпионы предпочитают «У Доулетаи», а извращенцы — «Бампушт». А если тебе охота попасть на оргию, где балдеют от ррaманду, или на пир, где подают человечину, то попробуй «Емазд».

— Спасибо, но я еще не настолько проголодался. Еще я хочу узнать о методах работы местной полиции…

— *Ийя!* Так значит важный незнакомец хочет провернуть большое дело?..

— Вопросы сейчас задаю я! Кто главный сыскной начальник?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду… *Ао!* Не коли меня! Я отвечу! Полагаю, ты желаешь узнать о командующем городской стражей. Или о капитане ночного дозора. Недавно как раз выбрали нового — мастера Макарана, кузнеца.

— Так. А есть какое-нибудь центральное управление, где хранят сведения о твоих коллегах и других подобных делах?

— Очевидно, в архивах городского суда.

— Нет, меня интересуют не судебные протоколы. Я имею в виду картотеку сведений о подозрительных лицах, куда входят портреты и описания каждого, список арестов и тому подобное.

— Никогда не слыхивал о таком! — воскликнул Сархад. — Так делают на твоей родине?! Поистине, страшное местечко. Думаю, сам Майбуд — бог и покровитель воров — не смог бы там честно заработать на жизнь, не говоря уже о ничтожном смертном щипаче. Как удается выжить в столь жестоких условиях?

— Приспособились. Еще вопрос: где я могу купить все необходимое для художника?

Юнец поразмыслил:

— Так ты один из тех, кто подделывает старинные картины? Слыхал я о таком промысле. Увлекательная, должно быть, работенка. Вам случаем не нужен помощник, а?

— Нет. Но ты не ответил на мой вопрос.

— Езжайте по новуресифийской дороге, пока не минуете городскую стену, потом еще два квартала прямо — до муниципального дома призрения, затем свернете направо,

проедете квартал и — еще полквартала налево. Улица называется Дедждеусская линия, как называется лавка — не помню, но вы узнаете ее по вывеске. Над дверью болтается одна из тех штук, на которых художники смешивают краски.

— Думаю, без прикосновения стали к твоему животу тебе будет легче насладиться едой, — сказал Хассельборг. — Если я уберу кинжал, ты будешь пай-мальчиком?

— Конечно, господин, и сделаю все, что прикажете. Вы окончательно уверены, что не нуждаетесь в напарнике? Я способен провести вас по любым лабиринтам, как в свое время легендарная Сивандия провела шерга Зерре.

— Пока не стоит, — прервал его разглагольствования детектив, сочтя, что доверять парню можно только до тех пор, пока он в зоне досягаемости кинжала. Поэтому Виктор даже ел левой рукой, держа правую наготове на случай непредвиденных неприятностей.

Доев, он взялся за котомку и спросил:

— Здесь кто-нибудь слышал о чужаке из Новуресифи, проезжавшем этой дорогой около десяти десятиночий назад? Это мужчина примерно моего роста, вот его портрет, — он извлек наброски.

— Нет, — ответил юнец, — я его не видел. Могу расспросить наших, но это вряд ли поможет, потому как я сам внимательно слежу за всякими новоприбывшими. Постоянно обхожу трактиры, наблюдаю за городскими воротами и вообще стараюсь быть в курсе. В городе, могу вам сказать, происходить мало чего такого, о чем не знал бы славный Сархад.

Хассельборг предоставил ему болтать, пока не выдохнется, и, подымаясь, посоветовал:

— Лучше позаботься о своей колотой ранке, приятель, а то еще заразишься чем-нибудь.

— Заражусь? *Ао!* — только сейчас Сархад заметил кровавое пятно у себя на куртке. — Порез-то — ерунда, но как насчет того, чтобы заплатить за куртку? Совсем новенькая, всего второй раз надетая, только что получил ее от лучшего росидского портного…

— Заткнись! Это всего лишь справедливое возмещение морального ущерба. Да даруют тебе звезды приятные сны!

Утром Виктор, не доверявший здоровенным неуклюжим замкам трактира, первым делом проверил котомку и убедился, что все вещи на месте. После короткого завтрака он отправился дальше. Городские ворота украшали насаженные на колья головы, что путешественник счел проявлением сомнительного вкуса. Двое

стражников пропустили его только после того, как он помахал письмом к дашту и расписался в большой регистрационной книге.

Хассельборг неспешно прошелся по городу, вбирая в себя всяческие зрелища, звуки и запахи. (Последние, правда, так и бросались в нос, и мнительный детектив забеспокоился: как бы не подцепить инфекцию.) Сперва его чуть не сшиб с ног какой-то мальчишка на самокате, затем он с трудом избежал столкновения с дородным мужчиной в мантии и с марлевой повязкой на лице. Это был явно врач, но он со свистом пронесся мимо на обычном самокате.

В лавке художников Виктор спросил немного сургуча и какую-нибудь быстросохнущую штукатурку (он имел в виду гипс, но не знал, как это будет на гозаштандоу). С этими покупками он вернулся в трактир, снова расписавшись в книге при выходе. Девушка с журнальной обложки убирала в его номере. Она пожелала ему доброго утра и подарила улыбку, намекающую на возможность любых дополнительных услуг. Но мысли постояльца были заняты совсем другими делами, и он всего лишь холодно глядел на красотку, пока та не удалилась.

Оставшись один, Хассельборг надел очки, зажег свечу, достал гозаштандоу-португальский словарик и холостяцкие швейные принадлежности. Он осторожно сломал три большие восковые печати на письме к дашту, предварительно сделав их гипсовые слепки. Накалив на огне свечи иглу из швейного набора, он кропотливо отделял фрагменты печатей от обертывающей послание шелковой ленты. Наконец детектив смог прочитать похожие на стенографические закорючки письмена и похолодел от ужаса.

Рекомендательное письмо гласило:

«Жулиу Гоиш — шергу Джаму, дашту Руза!

Надеюсь, звезды благоприятствуют маншергу. Податель сего — шпион из Микарданда, не желающий вам ничего, кроме зла. Воздайте ему по заслугам. Примите, шерг, заверения в моем глубочайшем уважении».

Глава 5

Дважды прочитав написанное, Хассельборг сделал медленный вдох, чтобы справиться с гневом. Он испытывал большое желание порвать сие дружеское послание Гоиша (грязный, ничтожный подлец!), но как всегда на выручку пришло чувство юмора. «Рыбки ответили с усмешкой: „Вот это да, как же ты зол!“» Он достаточно часто сталкивался с предательством, и не стоило теперь лезть из-за этого в бутылку, или что там на Кришне вместо бутылок?

Итак, Жулиу все-таки заимствовал идею из «Гамлета»! Виктор содрогнулся при мысли, что мог вручить дашту письмо, предварительно не прочитав его.

Что же теперь? Мчаться галопом обратно в Новуресифи, чтобы разоблачить мерзавца? Нет, сперва надо подумать, почему Гоиш, относившийся к детективу с видимой симпатией, пошел на подобную низость. Очевидно, присутствие Хассельборга на Кришне каким-то образом угрожало его интересам или интересам его начальства, вроде самодовольного Абреу. В любом случае, возвращаться не стоило: эти бразильцы хоть в большинстве своем и неплохие ребята, но против какого-то американу ду норти[20] будут держаться вместе.

Возможно ли подделать послание? Хассельборг сомневался, что его письменный гозаштандоу одурачит сколько-нибудь толкового туземца. Однако, сверившись со словарем и поэкспериментировав с карандашом и резинкой, он обнаружил, что может стереть слова «шпион» и «зла» и заменить их на «художник» и «добра». Сделав это, он сложил письмо, обвязал его лентой, залил растопленным на свечке сургучом места, где лента перекрещивалась, и воспользовался гипсовыми слепками с первоначальных печатей.

Однако, прежде чем вскакивать на своего благородного айю и мчаться галопом во всех направлениях, неплохо бы еще немного поразмыслить. Куртка также требовала починки после вчерашней драки, и за латанием прорех Хассельборг обдумывал создавшееся положение. Раз Гоиш выказал такое коварство с рекомендательным письмом, то мог солгать и насчет Фаллона. Теперь нельзя быть уверенным в правильности направления поисков. Если он рискнет обследовать все дороги, ведущие из Новуресифи, придется пересечь реки, горы, кишащие бандитами болота и тому подобные милые места. И еще не факт, что, объехав по периметру территорию земного аванпоста, он наткнется на следы влюбленной парочки. Правда, тогда появится

хороший предлог вернуться… «А ну прекрати это! — строго велел себе Виктор. — Ты на работе».

Вернее всего будет исполнить первоначальное намерение: отправиться ко двору дашта Руза и там проверить информацию Гоиша о беглецах. А затем быстренько свалить в Хершид, получив предварительно рекомендацию к какой-нибудь высокопоставленной шишке.

Свежий прохладный ветер трепал вымпелы на башенных шпилях и гнал по зеленоватому небу целую флотилию белых облаков.

Затейливый зеленовато-белый узор отражался в лужах у дворцовых ворот, к которым подъехал Виктор. Тот же ветер норовил сорвать с Хассельборга плащ, пока стражник милостиво объяснял ситуацию:

— Его Заносчивость господин мажордом примет твое письмо во дворец, а через часок-другой вернется предложить тебе явиться завтра и узнать, когда именно дашт соизволит дать тебе аудиенцию. Назавтра он уведомит тебя, что на ближайшее десятиночье все уже расписано, и пригласит заглянуть через пару дней, а после новых задержек велит прийти через двадцать. И все это время ты будешь просто торчать в трактире и пить, пока деньги не иссякнут. Когда же это произойдет, тебе сообщат, что назначенную тебе аудиенцию в последнюю минуту отдали какому-то более знатному просителю. И придется тебе начинать по второму кругу, как Кабузу из известного рассказа. Бедняга пытался залезть на дерево за плодом, но всякий раз соскальзывал обратно, будучи уже почти у цели. Не завидую я тебе.

Виктор дернул за лямку своей котомки так, чтобы монеты в ней забренчали, и спросил:

— А толика вот этого не поможет? Ты улавливаешь мою мысль?

— Ну, если ты знаешь, как к этому подойти, — ухмыльнулся часовой. — Иначе потратишь свои деньги без толку.

Тут стражнику пришлось захлопнуть рот, так как к воротам проковылял одетый в черное мажордом и прохрипел:

— Прошу, любезный господин Кавир. Дашт примет вас немедленно.

Теперь настала очередь Хассельборга усмехнуться при виде отвисшей челюсти часового.

Виктор проследовал за своим проводником через внутренний двор и вошел во дворец. Здесь находилось множество придворных: мужчины в ярких одеждах экстравагантного покроя, женщины в платьях, подобных тем, что носили на древнем Крите.

Путь пролегал через нескончаемую цепь коридоров, тускло освещенных фонарями на настенных кронштейнах в виде чешуйчатых драконоподобных существ. Иной раз мимо со свистом проносился какой-нибудь паж на самокате.

Детектив уже начинал жалеть, что у него нет с собой велосипеда, когда они остановились у входа в просторный зал. В дальнем конце восседал на троне дашт Руза, беседующий с почтительно стоящим рядом придворным. Другие находились за письменными столами вдоль стен или просто слонялись кругом, словно за неимением лучшего занятия.

Мажордом шепнул несколько слов стоящему у дверей слуге. Раздалась короткая барабанная дробь, громко затрубил рог, и глашатай прокричал:

— Господин Кавир бад-Матлум, выдающийся художник.

Хассельборг несколько удивился подобной оценке его достоинств. Наверное, слуги здесь вышколены таким образом, чтобы производить впечатление на всякую деревенщину.

По мере его приближения к трону, фигура дашта становилась все больше и больше. Джам бад-Коне и впрямь оказался здоровяком с румянцем во всю щеку и зелеными глазами навыкате за толстыми линзами. За исключением очков, это была кришнянская версия подвыпившего средневекового барона.

На середине зала Виктор остановился, снял шляпу, опустился на колени и воскликнул:

— Преклоняюсь перед Вашей Высокостью!

Очевидно, он проделал все правильно, так как дашт милостиво предложил:

— Встаньте, господин Кавир, и приблизьтесь облобызать мне руку. С такой рекомендацией от моего доброго друга, господина Гоиша, перед вами откроются все двери. Какое дело привело вас в Росид?

Рука повелителя оказалась заметно грязной, и при мысли о необходимости облобызать этот кишащий микробами объект Хассельборга чуть не передернуло. Все же он сумел проделать требуемое без заметной дрожи и сказал:

— Я действительно обладаю некоторым искусством портретиста и смею надеяться применить свои умения при вашем дворе, дабы порадовать Вашу Высокость.

— Хм-м-м. Вы владеете новым землусским стилем?

— Да, я неплохо знаком с художественными методами землума.

— Хорошо. Возможно, у меня будет для вас заказ. Пока же не стесняйтесь бывать во дворце. Кстати, а как у вас с искусством охотника?

— Тут мой опыт невелик.

— Превосходно! Мои придворные жаждут развлечений, и на завтрашнее утро назначена охота. Если вы и впрямь неважный охотник, то тем лучше: мы все отлично позабавимся. Жду вас у охотничьего домика за час до восхода. Рад был познакомиться.

Виктор подобающе раскланялся и попятился к выходу. В этот момент барабанщик выбил пятикратную дробь, трубач загудел в рог, а глашатай возвестил:

— Послание от Его Высочайшей Грозности, доура Гозаштанда!

Хассельборг посторонился, пропуская вестника, и отправился на поиски Харона, доставившего его сюда. Он шел не торопясь, желая, во-первых, выглядеть непринужденно, а во-вторых, понаблюдать за поведением окружающих. Существовал также слабенький шанс наткнуться на Фаллона и Джульнар, поэтому следовало держать ушки на макушке…

Какое-то время он блуждал по роскошным палатам. В одном зале две дамы с обнаженными грудями играли в местные шашки, а вокруг них толпились непрошеные советчицы. В другом группа придворных репетировала какую-то пьесу. Наконец Виктор попал в помещение, где кришняне лакомились а-ля фуршет. Он рискнул попробовать кое-что из яств, хотя исходивший от присутствующих густой запах духов порядком обуздывал его аппетит.

— Отведайте вот это блюдо, — посоветовал сосед, облаченный в белый атлас. — Вы ведь приезжий портретист, не так ли?

— Да, зер, но откуда вы знаете?

— Дворцовые сплетни. В настоящий момент гражданский долг не зовет ни в армию, ни в присяжные, так чем еще убить время, дорогой зер? — ответил придворный, и вскоре они уже по-приятельски болтали на общие темы.

— Я — Йеман, — с гордой непринужденностью представился новый знакомый, словно всем полагалось знать прилагающиеся к его имени отчество и титулы. — Вот этот мордоворот справа от меня — зер Арчман бад-Гаввек, чемпион-планерист. Советую не браться за его портрет, а то ваши краски свернутся, как свернулись воды моря Мараге в мифе про соляных демонов. Вам следовало бы послушать поэму Саккиза на эту тему — исключительных достоинств произведение в старинном эпическом стиле.

Когда Хассельборгу удалось вставить слово в этот речевой поток, он поинтересовался:

— А кто вон та дама в прозрачном голубом наряде и волосами в тон к нему?

— Вон та? Да это же Фория баб-Вазид, кто же еще, племянница старого Хасте. Неужели не видно по западному стилю ее прически? А вот с какой целью она здесь — слухи ходят разные. Одни говорят, что девица влюблена в нашего доброго дашта, другие — что она распространяет религиозные воззрения дядюшки, а третьи вообще считают ее шпионкой доура. Но вы сами вскоре узнаете все местные сплетни. Вы будете на предстоящей охоте? У нас должен выйти хороший завал, не то, что в прошлый раз, когда поле пересекало плес и барабан гнал кашу вверх по дымоходу.

Поскольку речь собеседника внезапно сделалась невразумительной, а вопрос об охоте напомнил о необходимости подготовиться, Виктор извинился и отправился на поиски мажордома.

Как оказалось, тот обитал в неком подобии сторожевой будки у главного входа, откуда отлично просматривались ворота. Детектив отблагодарил дворцового Харона парой серебряных кардов за своевременное содействие и сказал:

— Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Дашт только что пригласил меня на охоту, а я новичок в этом деле. Расскажите, какое снаряжение мне понадобится, где этот охотничий домик и на какого зверя идут?

— Его Высокость, вероятно, собирается ловить екиев, поскольку пара, предназначенная для игр, совсем недавно сдохла. Вам потребуется охотничий костюм, который вы сможете заказать у любого хорошего портного, хотя тому и придется поспешить. Что касается…

Записывая дальнейшие указания, Виктор думал, что тому, кто охотился на самую опасную дичь — человека, глупо насаживать на копье какое-нибудь несчастное животное. Однако приказ есть приказ.

Остаток дня он посвятил покупкам соответствующего наряда для себя и седла с уздечкой для Фаруна, а также переезду в более респектабельную гостиницу. Готовый охотничий костюм был приобретен в «Росидо». В этом же шикарном заведении Хассельборгу попытались всучить еще кучу дополнительного снаряжения: короткий охотничий меч, баклагу и так далее, — от чего он напрочь отказался. Ему вполне хватило костюма из крикливого желтого атласа с до неприличия обтягивающими бриджами[21]: в нем Виктор чувствовал себя тореадором из оперы «Кармен».

В сумерках раннего утра детектив подъехал к назначенному месту, расположенному в десяти ходдах от города. Шум оттуда разносился далеко по окрестностям. Дворяне попивали квад, не

сходя со своих рогатых скакунов, и говорили все сразу. Словарь энтузиастов охоты — темный лес для непосвященных, в этом Виктор уже имел случай убедиться и потому особо не прислушивался. Кто-то сунул ему в руки кружку квада, которую Хассельборг опорожнил наполовину, прежде чем понял, что остаток вызовет неудержимую рвоту.

Мимо рысцой проехал дашт и бросил:

— Я буду приглядывать за вами, господин художник! Ведите себя достойно, а не то я всегда могу скормить вас екию, ха-ха-ха!

Господин художник почтительно улыбнулся.

Слуги в красных одеждах с трудом удерживали своры шестиногих эшунов — зверюг величиной с крупных собак, но куда более уродливых. Другие возились с огромной сетью и набором шестов. Еще двое волокли подставку, откуда торчала пара дюжин длинных кавалерийских копий. «В Рузе, должно быть, импортируют лес для подобных забав, — подумал Хассельборг, — так как приличных деревьев я в этих краях не видел».

Слуги установили подставку перед охотничьим домиком, и всадники начали разбирать копья. Подъехав за своим, Виктор услышал за спиной крик Джама бад-Коне:

— Если я узнаю, что какой-то негодяй без необходимости убил дичь, то я разделаюсь с ним так же, как некогда с зером Давираном.

Протрубил рог, звучавший так, будто весь заполнен слюной. Хаотичная масса людей и животных выстроилась и потянулась к дороге в строгом порядке: сперва эшуны со своими проводниками, за ними всадники на айях, замыкали кавалькаду слуги с сетями, гонгами, факелами и прочим снаряжением.

Вскоре эшуны вырвались вперед, оставив остальную часть отряда растягиваться по дороге. Хассельборг молча ехал рысью, меч колотился о его ногу. Казалось, прошел уже целый час, хотя солнце еще не встало.

— Хороший сбор, — произнес полузнакомый голос.

Виктор повернулся: рядом следовал Йеман, вчерашний сотрапезник.

— Будем надеяться, что шар схватится не в бороде.

— Будем надеяться, — поддакнул детектив, не имея ни малейшего представления, о чем говорит собеседник.

Постепенно говорливые охотники приутихли. Теперь можно было услышать только дробный стук копыт, бряцание снаряжения, да изредка доносилось мяуканье бежавших впереди эшунов. Хассельборг, так и не привыкший к верховой езде на айях, находил всю эту затею утомительной.

Когда взошло ослепительное кришнянское солнце, отряд

свернул с дороги в неглубокую долину, и Виктор сполна вкусил удовольствие от скачки по пересеченной местности. Ему приходилось полностью сосредоточиться на айе, чтобы просто удержаться в седле и не отстать от остальных.

Охотничий кортеж продвигался со склона на склон, пересекал возделываемые поля, от которых теперь владельцам будет мало пользы, продирался сквозь кусты. Через внезапно возникшую невысокую каменную стену изящно перелетели все айи, кроме Фаруна. Тот, не приученный к прыжкам, преодолевать препятствие отказался, чуть не скинув при этом седока. И только, когда кавалькада уже ушла далеко вперед, айя Хассельборга понесся галопом вдогонку, огибая по широкой дуге конец стены. Виктор только мысленно чертыхался.

В следующий раз ему пришлось объезжать кругом забор, через который, естественно, перепрыгнули все остальные. Все это начинало уже сильно раздражать Хассельборга, хоть он и допускал, что его Фарун проявляет большее здравомыслие, чем другие айи.

Впереди пронзительно затрубил рог, и эшуны залились странным воем. Детектив мог поклясться, что они выли каждый свою партию. Все охотники перешли на галоп, и Виктор безнадежно отстал. Очередной обход стены переместил его в хвост отряда, среди замыкающих слуг.

У следующего препятствия он пришпорил своего скакуна, направляя его прямо к ограде. Вспомнив все, чему его учили, незадачливый наездник крепко сжал поводья, чтобы не дать Фаруну свернуть, и отпустил только в последнюю секунду. Тот заколебался, но все-таки прыгнул. Пока Хассельборг взлетал вместе с ним, все обстояло отлично, но приземление привело к катастрофическим результатам: Виктор не удержался и полетел в мох.

Сперва перед глазами появились красивые искры, затем они уступили место копытам айев, мелькавшим в опасной близости. По счастью, животные не задели его, и, когда вселенная перестала кружиться, детектив с трудом поднялся на ноги.

Чувствовал он себя весьма и весьма неважно. Язык прикушен, острый камень оставил синяк на бедре, на правом колене лопнули бриджи, а поясная портупея каким-то непостижимым образом сместилась в район груди.

Слуги уже исчезли за следующим взгорком, а звуки рога и странный вой эшунов замерли вдали.

— Нет, я предпочитаю автомобиль, — пробормотал Хассельборг, подбирая копье и ковыляя к Фаруну. Однако айя собирался отдохнуть и спокойно попастись. Когда Виктор

приблизился к нему, он оторвался от еды, негодующе посмотрел на хозяина и рысью отбежал к пригорку.

— Сюда, Фарун!

Тот отбежал чуть подальше.

— Сюда!!! — заорал Хассельборг, мысленно внушая: «Я говорю это очень громко и отчетливо. Подхожу и кричу прямо в ухо». Скакун не обратил ни малейшего внимания. У детектива возникло сильное желание запустить в упрямое создание камнем, но он воздержался, опасаясь отогнать Фаруна еще дальше.

Виктор попытался незаметно подкрасться к животному. Нулевой результат, так как айя, пощипывая мох, не забывал сохранять безопасное расстояние между собой и своим владельцем. Очевидно, придется преследовать Фаруна, пока тот не наестся.

Прошел час, а Хассельборг все еще занимался безнадежной погоней. Внезапно из небольшой, заросшей кустами впадины выпрыгнула какая-то зверюга и с пугающим рыком бросилась в атаку. Охотник еле-еле успел выставить острие копья, после чего зверь развернулся и завалил праздношатающегося Фаруна. Виктор вспомнил, что именно таким ему описывали екия предмет их охоты. Плотоядное животное с бурым мехом, размером с тигра, но видом похожее на норку-переростка, только с шестью ногами.

Прикончив бедного айю, екий перевел взгляд на Хассельборга и издал гортанный звук. После секундного размышления зверь решил получить новую добычу и гибко заскользил к человеку.

Виктор подавил порыв убежать, зная, что в этом случае животное через пару секунд вцепится ему в спину. Больше всего на свете детектив хотел бы сейчас держать в руке пистолет. За неимением оного, Хассельборг сжал обеими руками копье и шагнул к екию с криком:

— Вон отсюда!

Зверь шел вперед, рыча все громче. Они двигались друг другу навстречу, пока острие копья не оказалось у самой морды мохнатой твари. Виктор целил в глаз, но екий поднялся на четыре задние лапы и ударил передними по острию. Хассельборг ткнул копьем в одну лапу, отчего зверь, яростно рыкнув, отскочил на шаг. Хассельборг последовал за ним, держа оружие наготове. Сколько он еще может продержаться? Шанс убить животное в одиночку невелик.

С холмов донесся спасительный вой эшунов: охотники находились поблизости.

— Эй! — крикнул Виктор. — Я его поймал!

Конечно, можно было еще поспорить: кто кого поймал, но главное — его, похоже, не услышали.

— Сюда! — завопил он во всю глотку. — У-лю-лю, ату и все такое прочее!

Кто-то показался на гребне взгорка, потом еще, и, наконец, вся кавалькада с грохотом устремилась вниз. Екий хотел бежать, но эшуны взяли его в кольцо. Кришнянские собаки выли подобно баньши, но не осмеливались приблизиться, а зверь бросался на них с пеной у рта.

Четверо слуг, по-прежнему верхом, развернули сеть и подняли ее за углы на шестах, как балдахин. Их айи рванули, и пару мгновений спустя добыча оказалась в ловушке. С неистовой яростью екий пытался вырваться, действуя одновременно зубами и когтями.

— Отличная работа! — проревел дашт, с такой силой хлопнув детектива по спине, что чуть не сшиб его с ног. — Игры все-таки состоятся! Твой скакун убит? Я дарю тебе нового. Эй! — крикнул он одному из слуг. — Отдай своего айю господину Кавиру. А ты, — обратился он к Виктору, — прими его с моими поздравлениями за мужество, проявленное на охоте.

Хассельборг чувствовал себя настолько паршиво после падения, что не стал беспокоиться о том, как же вернется домой безлошадный слуга. Он снял с погибшего Фаруна седло, сел на подаренного айю и отправился вместе со всеми в город. В ответ на похвалу окружающих Виктор лишь молча улыбался: на большее не было сил. По дороге они обогнали влекомый биштаром фургон, в котором, очевидно, слуги дашта везли пойманного зверя.

На пути в Росид Джам сказал:

— Нынче вечером, в третьем часу после заката, у меня состоится ужин для узкого круга. Придут, знаешь, лишь несколько близких друзей. Актриса Намаксария, астролог Чинишк, еще кое-кто. Заходи и ты, потолкуем о портрете.

— Спасибо, Ваша Высокость, — поблагодарил Хассельборг.

В городе он решил побродить по торговым рядам. Конечно, излишнее имущество обременительно, но богатый Батруни предоставил неограниченный счет, и Виктор не смог побороть искушение. Результатом прогулки стали зонтик с диковинной ручкой, небольшая подзорная труба, карта Гозаштандской империи и уродливый божок из кости, явно уроженец самой отсталой части планеты.

В поисках своей респектабельной гостиницы он заплутал и потратил еще час на блуждание по каким-то кривым переулкам.

Добравшись наконец до номера, Хассельборг почувствовал себя неимоверно грязным и липким от пота. Он не принимал ванну со времени выезда из Новуресифи и догадывался, что разит от него преизрядно.

На вопрос о ванне хозяин гостиницы посоветовал сходить в общественную баню неподалеку. Виктор узнал заведение по прикрепленной над дверью морской раковине, достаточно большой, чтобы служить лоханью. Оплатив вход, он пришел в некоторое смятение: оказалось, что банные обычаи в Рузе сродни бытующим в Японии. Но даже не это остановило бывалого детектива. Дело в том, что у кришнянских мужчин напрочь отсутствовали пупки, и, раздевшись, он неизбежно выдал бы свое земное происхождение.

Вернувшись в гостиницу, Виктор сказал хозяину:

— Сожалею, приятель, но только что вспомнил, что на меня наложена епитимья: запрет мыться на людях. Не могли бы вы устроить мне в номер лохань с горячей водой?

Хозяин почесал основания антенн и утвердительно кивнул.

— И еще, — добавил Хассельборг, — мне понадобится немного… э-э-э… (как будет на гозаштандоу «мыло»?). Ладно, это пока неважно.

На гудящих от усталости ногах Виктор поднялся к себе в номер. Заглянув в словарь, он обнаружил, что на гозаштандоу такого слова не существует. Очевидно, этот немаловажный предмет туалета пока не изобретен. Не удивительно, что кришняне так налегают на духи!

Через несколько минут прибыли посудомойки с лоханью, мочалками, полотенцами и ведрами горячей воды. Женщины не выказали никакого любопытства по поводу эксцентричности постояльца и даже предложили потереть ему спину, в связи с чем их пришлось довольно резко выставить вон.

Итак, чтобы удалить грязь и смертельных микробов, придется полагаться только на длительное сидение в воде и последующие энергичные действия мочалки. Виктор зарекся вылетать в межпланетные экспедиции без мыла. Всё, только с этим кусочком объединенных жиров и щелочей, даже если придется протаскивать его контрабандой мимо бдительных таможенников «Виажейш»!

Когда вода поостыла до терпимой температуры, Хассельборг погрузился в нее как можно глубже и со вздохом облегчения откинул голову на одну из ручек лохани. Ох, как же хорошо стало его натруженным ногам. Бросив взгляд на дверь, чтобы убедиться, что та закрыта на засов, он затянул песню:

Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать Земли вращенье…

Внезапно в дверь громко постучали.

— Кто там? — отозвался Виктор.

— Именем закона, откройте!

— Минутку, — пробормотал он, вылезая из ванны и вытираясь. Во имя Ахурамазды, во что это он влип?

— Открывайте немедленно, иначе выломаем дверь!

Хассельборг внутренне застонал, завернулся в полотенце и отодвинул засов. Вошел некий человек в черном, а за ним двое стражей порядка в доспехах.

— Вы арестованы, — заявил первый. — Следуйте за нами.

Глава 6

— За что? — спросил детектив, приняв невинный вид, как у плюшевого мишки.

— Там узнаете. Меч оставьте здесь! Не мечтайте, что мы позволим арестованному разгуливать с оружием.

— Но его могут украсть.

— Не беспокойтесь: мы наложим на дверь номера печать дашта. Если вас оправдают, найдете свое добро в целости и сохранности. Но вас не оправдают. А теперь — поторопитесь.

Хассельборг решил, что Джам бад-Коне каким-то образом прознал о подделке рекомендательного письма. Однако времени на размышления не было. Стражи порядка усадили его на айю и понеслись сломя голову по улицам, расчищая себе дорогу криками: «*Баянт-хао!*».

Тюрьма находилась в квартале от дворца дашта и выглядела весьма мрачно, а ее начальник оказался морщинистым субъектом с одной антенной. Принимая арестанта, он воскликнул:

— О, ручаюсь, что благородный господин из Новуресифи! Вы ведь пожелаете лучшую камеру, не так ли? Оттуда прекрасный вид на загородный дом господина Рау, а наши расценки не выше, чем в некоторых более благородных заведениях, хе-хе. Что скажете, мой любезный?

Виктор догадался, что здешний «люкс» — просто-напросто отдельная камера, а если он не заплатит, то его бросят в общую кутузку со всяким сбродом. Слегка поторговавшись, он купил право на одиночество.

Покуда начальник и человек в черном возились с бумагами, тюремщик отвел Хассельборга в его камеру на втором этаже. Тут имелся стул, а это уже кое-что, из небольшого зарешеченного окошка падал свет. Но главное, здесь оказалось достаточно чисто, хотя Виктор многое отдал бы, чтобы узнать, не болел ли предыдущий жилец чем-нибудь заразным.

— Как зовут вашего начальника? — спросил он.

— Ешрам бад-Ешрам, — ответил тюремщик.

— Передайте ему, пожалуйста, что я хотел бы познакомиться с ним поближе, когда ему будет удобно.

Начальник прибыл с ошеломляющей быстротой и сразу же затянул свою песню:

— Поймите меня правильно, любезный господин Кавир. Я ведь не чудовище какое-нибудь, радующееся страданиям своих подопечных, как великан Дамган в легенде, но и филантропией заниматься не могу. Если заключенные в силах заплатить за

дополнительные удобства, чтобы облегчить себе последние часы жизни, то почему бы мне не помочь им? Сам шерг Хардикасп, ожидая своего обезглавливания, целых тридцать десятиночий находился на моем попечении. Когда его уводили на казнь, он сказал: «Ешрам, ты превратил мое пребывание в тюрьме чуть ли не в удовольствие!» Вот так, господин Кавир, подумайте об этом! Если вы играете со мной по правилам, то есть не пытаетесь сбежать, не подстрекаете других заключенных к бунту и за все платите, то вам будет почти не на что жаловаться, хе-хе.

— Я понял вас, — кивнул Хассельборг, — В настоящее время больше всего я нуждаюсь в информации. Почему я вообще здесь оказался?

— Я не знаком с подробностями, но в вердикте о привлечении вас к уголовной ответственности написано: «Измена».

— И когда будет слушанье моего дела? Предоставляются ли адвокаты?

— Ну, что касается суда, то разве вы не в курсе, что он состоится сегодня вечером?

— Где? Когда именно?

— В палатах правосудия. А когда именно — точно не знаю, но полагаю, что процесс уже начался.

— Вы хотите сказать, что в Рузе не присутствуют на собственном суде?

— Конечно. Какой с того прок? Всё, что ни скажет заключенный в свою защиту, будет ложью, так зачем его спрашивать?

— В таком случае, когда процесс закончится, не могли бы вы сообщить мне решение?

— За вознаграждение — могу.

Оставшись один, Виктор задумался. Не сбросить ли ему кришнянскую маску и признаться в инопланетном происхождении? По крайней мере, с ним тогда будут обращаться помягче. Или не будут? В Новуресифи его специально предупреждали не рассчитывать на свой земной статус. Тем более, что Межпланетный Совет установил политику строгого невмешательства в дела Кришны, и туземные государства могли поступать с попавшими к ним землума по своему усмотрению. Иной раз местные правители проявляли любезность, иной — рассматривали чужеземцев как законную добычу. А на протесты по поводу жестокого обращения Совет вежливо отвечал, что землян никто не заставлял лететь на чужую планету.

Кроме того, саморазоблачение Хассельборга подвергало опасности успех его миссии. В общем, он решил пока по-

прежнему играть роль кришнянского художника, а там видно будет.

Через некоторое время появился Ешрам и сообщил:

— Похоже, вы заявились сюда с каким-то письмом от землу из Новуресифи, представляющим вас как портретиста или кого-то в этом роде. И все бы шло отлично, да только нынче утром, пока вы охотились вместе с даштом, приехал посланец от того самого землу. Бумаги, которые он привез, помимо всего прочего содержат весьма неприятную для вас вещь. Там написано: «Прибыл ли уже тот микардандский шпион, против которого я предостерегал вас в письме?» Это вызывает у Джама бад-Коне подозрения, и он велит принести привезенную вами рекомендацию. Внимательнейшим образом изучив ее, он обнаруживает подделку: некоторые слова стерты и на их место вписаны другие. Це-це-це, вы, шпионы, должно быть, считаете нашего дашта простачком!

— И что же произошло на суде? — спросил Виктор.

— Ну, Джам представил свои доказательства, и адвокат заявил, что не может найти каких-либо аргументов в вашу защиту. В результате суд приговорил вас к участию в послезавтрашних играх, то есть к съедению зверем.

— Вы хотите сказать, что меня сунут на арену с тем самым екием, которого я помог поймать?

— Да-да, именно! Отличную шутку придумал дашт, хе-хе. Я-то против вас ничего не имею, господин Кавир, но, похоже, что боги прилагают руку к тому, чтобы подорвать человека на его же фейерверке, не правда ли? Советую сильно не расстраиваться, юноша, все мы сгинем, когда догорит наша свеча. Однако я искренне сожалею, что вскоре потеряю такого прекрасного постояльца.

«Мне так вас жаль», — заплакал Морж и вытащил платок, — с иронией вспомнил Хассельборг, а вслух сказал:

— Ладно, неважно. Как проходят эти игры?

— Сперва парад с фейерверком, потом собственно представление на арене. Скачки, кулачные бои, ваше съедение екием, а в финале — щекочущая нервы схватка хвостатых колофтян с вооруженными преступниками. Поверьте, это великолепное зрелище! Печально, что вы не сможете его увидеть.

Хотя Виктор не был тщеславен, его все же слегка задело, что не он явится гвоздем программы.

— А в честь чего назначены игры?

— М-м-м… по случаю какого-то благоприятного сближения небесных тел — не помню точно. Эти сближения происходят регулярно, через несколько десятиночий. Простонародье верит во

все эти астрологические глупости, подмастерья бросают работу и выходят побуянить на улицы, а дашт устраивает для них развлечения. Во дворце также большой праздник.

— Мне дадут оружие для драки с этой тварью?

— О нет, клянусь честью! Вы же можете ранить зверя или даже убить его! В былые времена жертве давали деревянный меч, чтобы позабавить народ. Но однажды приговоренный (это к тому же был землу) ранил в глаз любимого екия дашта. За этим последовал строжайший приказ о запрете любого оружия. Жертвы сражаются голыми руками — прелестно, столько крови!

Хассельборг внимательно подался вперед:

— Так вы говорите: на одной игре был съеден землу?

— Да, а что в этом особенного? Правда, потом некоторые сомневались: стоило ли убивать инопланетянина. Ходят слухи, что у землу есть оружие небывалой мощи, будто один их фейерверк может стереть Росид с лица Кришны. Но дашт не обращает на подобные толки внимания. Он предпочитает придерживаться старых добрых порядков: знать пользуется преимуществом перед простолюдинами, а те — перед рабами. При таком положении дел каждый знает, на что имеет право. А начнешь делать для кого-то исключения — где тогда окажется правосудие? Я, конечно, не профессор, но, по-моему, Джам справедлив.

Виктор задумчиво разглядывал потолок. Очевидно, если узнают, что он землянин, это лишь повредит ему, но никак не поможет.

— Ешрам, а как бы вы распорядились суммой… ну, скажем, полмиллиона кардов?

— *Охе!* Желаете меня одурачить, господин Кавир? Да за такие деньги самого дашта можно выкупить из плена! При вас нет такой суммы, и мы это выяснили при обыске. Будьте же разумны, юноша, хотя бы то немногое время, какое вам осталось.

— Я серьезно. Что бы вы стали делать?

— Клянусь честью, не знаю! Ну, наверняка брошу этот грязный пост. Приобрету какое-нибудь поместье и попробую пожить дворянином. Потом, вероятно, протолкну своего старшего сыночка в рыцари. Не знаю. Возможности такой огромной суммы неограниченны. Но не надо меня дразнить, я очень этого не люблю.

— Даже если в настоящий момент я не владею нужной суммой, я могу ее заполучить.

— Вот как?! Да вы не только шпион-художник, но и большой сказочник. Сочинитель историй про огнедышащих драконов и невидимые замки.

— Нет, это не фантастическая байка. У меня есть кредитное письмо на депозит в Новуресифи. Если вы вытащите меня отсюда, я готов щедро заплатить.

Начальник тюрьмы призадумался.

— Но где гарантии, что эти деньги существуют?

— Придется вам кого-то послать за ними. Дайте-ка подумать. А, вспомнил, кто с радостью отправится в путь. Солдат из дорожного патруля, Гармсел бад-Маняо. Разыщите его, и он будет скакать круглые сутки с моим чеком.

Ешрам отрицательно покачал головой:

— Предвижу большие трудности, юноша. Во-первых, одному мне вас не вытащить, следовательно, надо подключать к плану других людей и платить им. Во-вторых, как бы быстро ни скакал ваш приятель, он все равно не успеет вернуться из Новуресифи к тому моменту, когда вы попадете в брюхо к екию. И в-третьих, если вы не появитесь на играх, дашт лишит меня головы или, по меньшей мере, должности. Нет, я не могу так рисковать, тем более не имея оговоренной суммы в наличии. А вот получив деньги, я брошу вызов любому, кроме самого дашта.

Некоторое время начальник молчал, обдумывая ситуацию, потом продолжил:

— Есть у меня одна задумка, как помочь вам выжить в игре. Получу деньги — сделаю все, что в моих силах, а если не получится, вам-то золото будет все равно ни к чему, не правда ли?

Недоверчивый Хассельборг выдвинул контрпредложение:

— Давайте-ка так: я выписываю вам чек на четверть миллиона кардов. Это сейчас. И еще четверть миллиона, когда выйду на волю.

— Опять же: где гарантии, что вы вспомните про вторую половину, когда, свободный, будете удирать от лающих эшунов?

— Но у меня тоже нет гарантий, что вы освободите меня после первого взноса! Разве не выгоднее для вас, что жертва попадет в брюхо екия и никому уже не разболтает о маленькой сделке? Не то чтобы я не доверял вам, господин Ешрам, но вы же видите, как обстоит дело. Мы повязаны. Если вы допустите, что меня съедят, то потеряете сказочную возможность устроиться в жизни с баронской роскошью.

Они торговались еще час, прежде чем детектив добился своего. Ешрам желал получить полмиллиона нетто, в то время как Хассельборг настаивал на той же сумме брутто, откуда тюремщику предстояло бы отчислять необходимые взятки подельникам.

Наконец Хассельборг выписал чек и спросил:

— А что за задумка?

— Ну, не хотелось бы говорить заранее, ведь тайна, известная одному, — уже не секрет, как сказано в «Притчах Нехавенда». Просто смело идите навстречу зверю, и вы обнаружите его значительно менее агрессивным, чем когда-либо.

За этим мучительным торгом последовало еще более мучительное испытание для Виктора — двухдневное ожидание игр. Он пытался читать учебник гозаштандского права, которым снабдил его Ешрам, но юрисдикция здесь основывалась на прецедентах, а письменный гозаштандоу давался с трудом, и он мало что понял. Детектив лишь мерил шагами камеру, курил, ел очень мало и часами сентиментально сжимал в руках крошечный платочек Александры. Он также постоянно посылал своего тюремщика узнать о каких-либо новостях от патрульного Гармсела. Зная, что чуда не будет, Хассельборг тем не менее на него надеялся. Утешало его лишь проявленное самообладание: сделка с Ешрамом заключена на меньшую часть суммы, которую действительно давал кредит. А был момент, когда Виктор почти поддался искушению бросить тюремщику все имеющиеся в наличии деньги.

Перед казнью Ешрам появился в камере со словами:

— Вы готовы? Смелей, мой господин. Никаких новостей нет, нет и в сотый раз нет! Чтобы вернуться вовремя, Гармселу понадобился бы планер, запряженный специально обученными акебатами, как у принца Боуруджирда в легенде. Да что вы так трясетесь? Я же рискую не меньше!

Арестанта поместили в своего рода клетку на колесах и повезли через весь город на стадион. Там солдаты отвели его в помещение под трибунами, выпустили и молча стерегли, покуда снаружи просачивался шум развлечений.

Один охранник сказал другому:

— Толпа сегодня в дурном настроении.

— Представление скучное, — отозвался другой. — Говорят, дашт слишком увлечен своей личной жизнью, чтобы заботиться об общественной.

Последовало молчание. Хассельборг закурил и предложил сигары солдатам, те взяли с благодарным хмыканьем.

И опять потянулись минуты ожидания. Наконец к ним заглянул какой-то субъект и объявил:

— Пора!

Охранники кивнули Виктору, и один велел:

— А теперь встаньте и дайте нам обыскать вас. Куртку оставьте здесь.

После этого его провели в один из туннелей, соединяющих раздевалки с ареной, который заканчивался тяжелыми воротами из скрещенных железных прутьев. Ворота со скрипом распахнулись, и Хассельборг оглянулся на своих конвоиров. Те крепко сжали алебарды на случай, если у арестанта возникнет преступная мысль о побеге. Не видя никакой альтернативы, Виктор сунул большие пальцы рук за пояс и с деланной беззаботностью, фланирующей походкой вышел на арену.

Это веселое местечко напоминало те стадионы, где много лет назад, на последнем курсе колледжа, он играл в американский футбол. Правда, здешнее поле было маловато для футбола, оно, скорее, подходило для боя быков. Ряды сидений спускались под крутым углом. Арена же находилась на двадцать футов ниже первого яруса, так что не могло быть и речи о бегстве в толпу зрителей. Хотя… вокруг поля, по специальным невысоким мосткам прохаживались вооруженные охранники. Нельзя ли завладеть чьей-нибудь алебардой и воспользоваться ею как шестом для прыжка? Нет, маловероятно, тем более что в этом виде спорта он никогда не упражнялся.

Небо затянуло тучами, и влажный ветер рвал вымпелы на флагштоках по верхнему краю стадиона. Дашт восседал в кресле, закутавшись в плащ. Его ложа находилась слишком высоко, чтобы разглядеть выражение лица властителя.

Когда ворота за спиной Хассельборга с лязгом закрылись, на противоположном конце арены из подобных железных ворот появился друг-екий. Трибуны взревели.

Виктор вышел на бой со своим собственным Бармаглотом без меча и щита и стоял теперь совершенно неподвижно. Если у Ешрама имелась какая-то светлая мысль, то пусть она сработает немедленно.

Екий мягко и неторопливо выступил вперед, остановился и огляделся. Посмотрел на противника, потом на зрителей и глухо заворчал. Затем зверь сделал еще несколько шагов по кругу, хлопнулся на песок, зевнул и закрыл глаза.

Хассельборг замер.

Толпа возмущенно зашумела. Детектив уловил отдельные фразы, то был местный эквивалент земного «судью на мыло!». На арену со свистом полетели различные предметы: спинка от сиденья, кувшин и тому подобное.

Постепенно на трибунах начало твориться нечто совсем уж невообразимое. Тут парочка нетерпеливых зрителей тузила друг друга, там какой-то дерзкий гозаштандец швырял гнилые помидоры в сторону ложи дашта, еще дальше сталкивали с мостков одного из охранников. Солдат с лязгом приземлился на

песок, но тут же ловко вскочил (что поразительно для человека, закованного в латы) и бросился к ближайшему выходу. Причиной его стремительности было недолгое пробуждение екия: тот приоткрыл один глаз и бросил на бедолагу сонный взгляд.

Скандал разрастался. Некоторые охранники колотили разъяренных сограждан по головам древками своих алебард. А высоко на трибунах зрители выдирали деревянные скамейки и поджигали их.

— Господин Кавир, — крикнул чей-то голос, перекрывая гам, — сюда!

Виктор оглянулся и увидел, что зарешеченные двери приоткрыты. Он быстро покинул арену, не став дожидаться завершения скандала. Знакомый тюремщик закрыл за ним ворота и бросил:

— Идемте быстрее, зер.

Хассельборг проследовал за своим проводником по лабиринту туннелей на улицу, где его снова посадили в клетку на колесах. Где-то далеко загрохотал гром, и колеса без рессор вторили ему дробным стуком по булыжной мостовой. Повозка уже почти подкатила к тюрьме, когда начался ливень. Возница нахлестывал своих айев и орал:

— *Баянт-хао!*

— Ну, у нас все-таки получилось, хе-хе! — торжествующе приветствовал Ешрам своего арестанта.

— Каким образом? — спросил Хассельборг, протягивая через камеру бечевку, чтобы развесить промокшую одежду.

— Полагаю, теперь уже можно раскрыть секрет, поскольку дело сделано. Все было достаточно просто. Я подкупил Ррафуна, смотрителя зверинца. Тот всю ночь не давал екию спать, брызгая в клетку водой, а наутро, как раз перед играми, накормил его до отвала. Поэтому зверя больше интересовал сон, сладкий сон, чем бой с вами. Зачем ему втискивать в свое и так уже переполненное брюхо какого-то микардандского шпиона. Одеял у вас хватает? Мне бы не хотелось, чтоб вы погибли от насморка, не выплатив вторую половину обещанной суммы. Будем надеяться, что Гармсел вернется до того, как дашт заинтересуется странным отсутствием аппетита у своего зверька.

Однако остаток дня и ночь не принесли никаких известий ни от солдата, ни от Джама бад-Коне. Виктор утешал себя мыслью, что до ближайшей игры, то есть до очередного сближения светил, пройдет хотя бы несколько дней. Впрочем, если дашт сильно раздражен, он может велеть казнить арестанта без проволочек.

На следующий вечер, после ужина, начальник тюрьмы ввел в

камеру Гармсела, уставшего и промокшего насквозь.

— Вы все еще живы, господин Кавир? — обрадовался последний. — Слава звездам! Я не поверил, когда этот мошенник, мой друг Ешрам, сообщил мне о вашей гибели. Давно известно, что из всех лжецов он — самый главный и самый скользкий. Значит, мне в ближайшее время не придется беспокоиться.

— А почему это вам стоило беспокоиться насчет своего гороскопа? — удивился тюремщик.

— Это наши личные отношения с господином Гармсел ом, — поспешил вставить Хассельборг, не желая, чтобы скептик Ешрам подорвал веру солдата в астрологию. — Ну, как ты справился?

— Привез, — доложил Гармсел. — До Новуресифи мой добрый шомал доскакал в рекордный срок, но обратный путь длился дольше. Меня порядком замедляла необходимость вести в поводу трех здоровенных айев, навьюченных мешками с золотом. Деньги внизу, в приемной, надеюсь, вы не забудете достойно вознаградить меня за поездку.

— Да когда же это Ешрам забывал своих верных друзей? — возмутился начальник.

— Никогда, потому как никаких друзей у тебя никогда не было. Ну да ладно, заплати мне условленное, и я отправлюсь в казармы пообсохнуть. Фойнцак, что за погода!

Когда Ешрам вернулся в камеру, Виктор сказал:

— Дождь льет во всю. По-моему, это самая подходящая ночь для того, чтобы вытащить меня отсюда.

Тюремщик заколебался. Детектив прочел в его молчании мысль о предательстве. Действительно, часть денег уже у него, стоит ли рисковать положением и личной безопасностью, чтобы удвоить сумму? Не проще ли оставить арестанта сидеть в камере?

Хассельборг взял себя в руки: ни в коем случае нельзя было проявить отчаяние или впасть в ярость.

— Подумайте, друг мой, — задушевно обратился он к Ешраму. — Вы сами предположили, что рано или поздно дашт решит провести расследование неудачной игры. К тому же, как я слышал, он и без того сильно огорчен своими любовными делами. Так вот, когда у него дойдут руки, то не лучше ли будет, чтобы я находился подальше отсюда, устраивая отправку вам еще четверти миллиона кардов? Или вы предпочли бы, чтоб Джам бад-Коне взял меня в свои докрасна раскаленные клещи и вырвал всю правду?

— Да-да, конечно, я и сам подумывал о сегодняшней ночи, — охотно поддержал тюремщик (даже чересчур охотно, как показалось Виктору). — Я лишь прикидывал, как нам провернуть побег. Несомненно, вам понадобятся ваши вещи, не так ли? Где

они? Неосмотрительно оставлять их в Росиде, где они могут навести на ваш след агентов Его Высокости.

Детектив дал необходимые указания, и Ешрам продолжил:

— Оденьтесь заранее и постарайтесь перехватить несколько часов сна, мне потребуется время, чтобы все устроить. По какой дороге вы желаете бежать?

— Думаю, что по дороге в Хершид.

— Тогда положитесь на меня. Мы вытащим вас отсюда так же ловко, как вор Габехон умыкнул дочь короля Сабзаварра. А когда, смывшись, вы испытаете законное чувство облегчения, то подумайте: а не, заслуживает ли старина Ешрам дополнительного вознаграждения за хлопоты? Хе-хе. Да укажут вам путь звезды.

Хассельборг подумал, что кришняне — самая торгашеская раса в галактике после землян. Он честно постарался заснуть, но организм никак не мог расслабиться. Ночь тянулась бесконечно долго, наконец Виктор почувствовал, что его клонит в вожделенный сон. Едва смежив веки, он был разбужен скрипом двери. В проеме показалась фигура со свечой в одной руке и взведенным арбалетом в другой.

— Следуйте за мной.

Он с готовностью вскочил и накинул плащ. Вошедший был в маске, но детективу показалось, что он узнал глаза одного из тюремщиков. Рост и голос также соответствовали. Однако времени на разгадывание подобных шарад не оставалось.

Внизу еще один человек в маске держал под прицелом арбалета начальника тюрьмы и его помощника. Крепко-накрепко связанные, те лежали на полу с кляпами во рту. Ешрам поймал взгляд Хассельборга и качнул единственной антенной, что у кришнян было эквивалентом подмигивания.

Проводник вывел арестанта под дождь, где еще один сообщник держал наготове трех оседланных айев. Когда похитители сняли маски, Виктор убедился в правильности своей догадки: перед ним стояли его тюремщики. Все трое, не говоря ни слова, вскочили в седла и поскакали легким галопом к восточным воротам.

Хассельборг, практически ослепленный дождем и темнотой, висел на поводьях и каждую секунду ожидал падения на мокрые камни. Он настолько сильно сосредоточился на стараниях удержаться в седле, что не заметил, как они подъехали к заставе. Его айя, следуя примеру собратьев, внезапно остановился, и Виктор действительно чуть не нырнул с него.

Один из тюремщиков закричал на часового:

— Кретин, где он? Кто? Как кто, да арестант, сбежавший из тюрьмы! Он направлялся сюда, и если вы не схватили его, то,

значит, он уже смылся из Росида! Прочь, болваны!

Ворота распахнулись, и спутники Хассельборга пришпорили своих рысаков. Как они ухитрялись видеть в этой кромешной тьме, оставалось для сыщика загадкой. Он по мере сил скакал следом, едва различая их во мраке. Ком грязи, вылетевший из-под копыт одного айи, угодил ему в лицо и на несколько минут полностью отрезал от мира. К тому времени, когда Виктор снова обрел способность воспринимать окружающее, фонари заставы уже пропали из виду, а фигуры всадников едва маячили далеко впереди.

Наконец они сбавили скорость и пытка бешеным галопом закончилась. У обочины дороги стояла коляска Хассельборга, рядом какой-то человек держал под уздцы уже запряженного айю.

— Вот и вы, господин Кавир, — произнес незнакомый голос. — Свое снаряжение вы найдете в задке повозки. Мы уложили его как можно лучше. Не теряйте времени и не зажигайте в пути никаких фонарей, так как за вами могут отправить погоню. Да хранят вас звезды!

— Спокойной ночи, ребята, — пожелал в ответ сыщик, отдавая своего скакуна незнакомцу. Тот вскочил в седло, и все трое с хлюпаньем растворились в темноте.

Виктор забрался в коляску, взял поводья и кнут и пустил скакуна с максимальной быстротой, при которой мог править, не слетая с повозки, — то есть медленным шагом.

Глава 7

Светало. Хассельборг дремал, изредка просыпаясь как раз вовремя, чтобы не вывалиться из кабриолета. Одним из немногих преимуществ тяглового животного перед автомобилем было то, что на животное можно переложить заботы о дороге.

Дождь прекратился, хотя небо по-прежнему оставалось затянуто тучами. Седок зевнул, потянулся и почувствовал зверский голод. Жаль, что друзья-тюремщики, вспомнив о многом другом, позабыли нагрузить повозку продовольствием. А вокруг как назло — ни одной деревни. Слава богам, они хотя бы упаковали таблетки и противовоспалительные средства, без которых сыщик ощущал себя недочеловеком!

Он хлестнул своего нового айю по имени Аввау, пуская его ходкой рысью, и несколько часов ровно катил по плоской равнине. Наконец попавшееся на пути ранчо обеспечило его трапезой. Он прикупил еще немного еды в дорогу, проехал несколько миль и притормозил у брода через неглубокую речку. Там Виктор заставил айю войти в воду и протащить коляску вниз по течению за первую излучину, где склоны оврага скрывали их от взглядов со стороны дороги. Здесь можно было передохнуть без особого риска, и Хассельборг забылся беспокойным сном.

Ближе к закату тучи начали рассеиваться. Дорога теперь петляла, огибая горную гряду. Если он правильно помнил карту, это были Кодумские горы. Кругом стояли деревья, похожие на непомерно разросшиеся папоротники с зелеными стволами и ржаво-красными листьями.

Закат с каждой минутой становился все более ярким. Нижние края облаков являли все оттенки цветов от лилового до золотого, а в промежутках между ними виднелось изумрудное небо. Виктор подумал, что если он путешествует как художник, то неплохо бы и вести себя соответственно. Чем занялся бы сейчас настоящий художник? Разумеется, остановил бы коляску на вершине взгорка и, любуясь пейзажем, написал этюд, чтобы на досуге превратить его в законченное произведение.

Аввау как раз рысил к подходящему месту — длинному отрогу, вылезавшему с темных Кодумских гор на плоскую равнину. При подъеме на склон животное перешло на шаг, покуда Хассельборг рылся в своих вещах, извлекая орудия рисования. Почти у самой вершины он натянул поводья и поставил коляску на тормоз. Айя принялся щипать мох, а начинающий художник поволок свой этюдник на гребень взгорка. Но, когда он поднялся и взглянул на расстилающуюся за отрогом равнину,

честолюбивые мысли о возможности превзойти Клода Моне мигом вылетели у него из головы.

Там дюжина всадников на айях и шомалах атаковала вереницу повозок. Атакующие проносились мимо, пуская стрелы, а несколько человек из каравана пытались противостоять им. В биштара, влекущего первую колымагу, попала стрела, и он, в бешенстве разбив свою телегу, с трубным воем мчался прочь по равнине.

Виктор уронил этюдник и выхватил маленькую подзорную трубу, купленную в Росиде. Теперь он мог разглядеть подробности. Кто-то из защитников каравана уже валялся на земле у повозок, а один поджигал снаряд, смахивающий на римскую свечу. Хассельборг знал, что в основе кришнянской пиротехники лежит не порох, а споры какого-то растения. Споры эти, хоть и не взрывались, все же давали отличный жар и вспышку. И действительно, снаряд выплюнул несколько шаров пламени, посеявших хаос среди нападавших. У одного из шомалов опалило шерсть, и он ринулся бежать в сторону гор. Тщетно всадник пинал бедное животное и натягивал поводья в попытке повернуть обратно.

Переведя подзорную трубу на караван, детектив увидел в последней повозке что-то выкрикивающую кришнянку. Женщина находилась достаточно далеко, но в меркнущем свете дня он оценил ее соблазнительную фигуру и красивое одеяние.

Конечно, Виктор Хассельборг был человеком закаленным и умевшим держать себя в руках, он редко позволял чувствам одерживать верх над разумом. Но на этот раз вырабатывающие адреналин железы закусили удила и понесли его, не зная удержу. Мозг еще пытался вмешаться, говоря, что следует переждать драку и потом спокойно продолжать путь к Хершиду. А ноги уже бежали обратно к коляске.

В экстренной ситуации детектив, к собственному удивлению, мастерски распряг айю и надел на него седло, припасенное в повозке. Затем он вскочил на Аввау, пришпорил его и ринулся в сечу со всей быстротой, на какую был способен шестиногий скакун. Чувствовал себя Виктор при этом легендарным кришнянским героем Кararом, затеявшим перебить выводок драконов.

Всадник, шомал которого несся к горам, сумел наконец обуздать животное и устремился к каравану. При этом разбойник не заметил настигающего его сзади противника и обернулся только в последний момент, когда услышал стук копыт. Он потянулся было за стрелой, но Виктор уже всадил меч ему в спину. «Конечно, это не по-спортивному, — подумал детектив, —

но сейчас не время для рыцарства». Клинок вонзился по самую рукоять. К несчастью, Аввау пронесся вперед с такой быстротой, что рукоять вырвало из руки Хассельборга и меч остался в теле жертвы.

Безоружный, Виктор скакал во весь опор к каравану, сопротивление защитников которого было практически подавлено. Разбойники связывали тех, кто пал на колени, и усмиряли тех, кто еще пытался бороться. Один караванщик на айе мчался через равнину, его преследовало двое всадников. А та кришнянка все еще стояла в своей повозке, словно дожидаясь пленения. Детектив направился прямо к ней, крича на ходу:

— Не бойтесь! Я хочу спасти вас!

Вблизи кришнянка оказалась очаровательной девушкой с голубыми волосами уроженки западных племен. Поколебавшись сперва, она позволила подхватить себя и усадить на Аввау. Хассельборг развернул скакуна обратно к горной гряде. Хор воплей, раздавшийся за спиной, сообщил ему, что дерзкая попытка не останется безнаказанной.

Покуда Виктор гадал, как же ему выпутаться из затруднительного положения, в которое он влип благодаря безотчетному порыву, Аввау поравнялся с поверженным разбойником. Тот свалился со своего шомала и теперь на карачках полз по земле, меч торчал из его спины. Детектив, предчувствуя, что в ближайшее время ему, очевидно, весьма понадобится оружие, на ходу извлек свой клинок. «Следовало бы заснять эти каскадерские трюки, — подумал он. — Любой зритель решит, что все действие спланировано».

— За нами еще один! — предупредила девушка.

Хассельборг оглянулся и увидел мчащегося к нему противника.

— Держись! — скомандовал он и круто развернул своего скакуна. «Да эти шестиногие создания, определенно, способны развернуться хоть на пятачке!» — оценил сыщик еще одно достоинство животного.

Разбойник малость притормозил, удивленный тем, что человек, которого он считал безоружным, внезапно атакует его с мечом в руке. Виктор подлетел к нему и с размаху рубанул по голове, в пылу сражения забыв главное правило мечника — противника надо колоть. Уже в момент удара он сообразил, что, скорее всего, сломает клинок о железный шлем этого парня. Но Давия, кришнянская богиня удачи, еще не покинула его: он промахнулся ровно настолько, чтобы отсечь ухо и попасть в плечо. Разбойник с воем выронил булаву.

— Вам лучше поспешить, — посоветовала спутница.

Один беглый взгляд показал, что к ним скачет еще, по меньшей мере, трое. Хассельборг опять развернулся и возобновил бегство. Больше всего на свете он желал бы сейчас иметь какой-то хорошо продуманный, хитроумный план, а не нестись вот так вот, в состоянии некоторой экзальтации и полного замешательства. Надо хотя бы добраться до гор. Там, среди деревьев, он получит преимущество перед преследователями с их длинноногими шомалами и в темноте попытается ускользнуть.

Аввау наконец начал подниматься на склон отрога. Это был один из самых сильных охотничьих айев дашта, но он был отягощен двойной ношей, и разбойники постепенно нагоняли их. Что-то с легким пронзительным свистом пронеслось мимо. Какая-то ночная летучая тварь? Нет. Когда звук повторился, Виктор сообразил, что в них стреляют. Он съехал с дороги и стал править на лесистый гребень гряды, так как двигаться прямиком к коляске не имело смысла. Среди ветвей пролетела еще одна стрела.

— Они настигают? — спросил Хассельборг.

— Пока нет.

— Держитесь крепче!

Сердце детектива, казалось, готово было выскочить из груди, когда Аввау перепрыгивал через упавшие стволы, резко сворачивал, огибая деревья, и уходил куда-то вниз при нырке. Виктор только все сильнее стискивал коленями корпус животного и едва успевал уворачиваться от ветвей, норовивших хлестнуть его по лицу прежде, чем он их заметит. Пару раз айя споткнулся, но выправился, и Хассельборг благословил все шесть его ног. Еще больше он благодарил провидение, что участие в охоте и бегство из Росида подарили ему некоторый опыт скачки по пересеченной местности.

Сзади послышался залп визгливых проклятий.

— Один из шомалов упал, — сообщила девушка.

— Отлично! Надеюсь, всадник сломал себе шею. Когда достаточно стемнеет…

Должно быть, они добрались до основной горной цепи, и Виктор взял направо по неглубокой лощине. Аввау пробивался сквозь густые заросли, царапавшие ноги всадников. А один раз он чуть не скинул их, налетев во тьме на какое-то деревце. Спуски чередовались с подъемами, что также очень изматывало и без того уставших беглецов. Вскоре детектив с ужасом почувствовал, что закрепленное им в спешке седло начинает сползать.

— Думаю, мы оторвались от них, — сказала девушка.

Хассельборг остановил айю и прислушался: не перекрывает ли тяжелое дыхание животного шум погони. Еле-еле донеслись до

него отдаленные голоса, но через пару минут пропали. Тогда Виктор спешился, разминая одеревенелые ноги, и помог сойти девушке. Взглянув на нее внимательно, он спросил:

— Мы с вами случайно нигде не встречались?

— Откуда мне знать? Кто вы, странник, спасающий девиц из беды?

— Кавир бад-Матлум, художник, — представился он, поправляя подпругу (похоже, он неправильно застегнул половину ремней).

— Вот как? Я слышала о вас при дворе дашта.

— Так вот где я вас видел! Во дворце мне назвали вас Форией баб-как-то-там.

— Я дочь Вазида.

— Совершенно верно, баб-Вазид. И вы ведь племянница какого-то важного лица, не правда ли?

— Должно быть, вы имеете в виду моего дядю Хасте. Хасте бад-Лаббаде. Ну, знаете, верховный жрец.

Детектив не знал, но решил щегольнуть галантностью манер:

— О, разумеется. Рад был оказать услугу Вашей Светлости, хотя и предпочел бы познакомиться при более благоприятных обстоятельствах. Вы направлялись из Росида домой?

— Да. Я гостила у подруги, шерги Кеи, но дашт повел себя чересчур навязчиво, и я сочла, что пора возвращаться к дяде. Купец Чаррасп как раз собирался доставить в Хершид новый урожай табида (пока не упали цены), и некоторые дворяне решили из соображений безопасности присоединиться к каравану. Вот я и подумала: почему бы не уехать немедля? Надеюсь, что с моей горничной и сопровождавшим нас слугой не случилось особого зла. А что мы будем делать теперь?

— Попробуем вернуться к дороге.

— А потом?

— Если найдем мою коляску, впряжем в нее айю и поедем в Хершид. В противном случае нам придется проделать весь путь верхом.

— И в какой стороне дорога?

— Может, звезды и знают, а я — нет.

Одна из трех лун уже взошла, но небо еще было затянуто тучами, и свет прорывался лишь в виде слабых, мерцающих лучей. Виктор опять прислушался: ни звука, только их дыхание.

— По-моему, — произнес он, размышляя вслух, — мы спустились в эту долину с той гряды слева…

И детектив двинулся вперед по лощине, ведя за собой Форию и Аввау. Он шел очень осторожно, поглядывая кругом и прислушиваясь. Какое-то время он следовал вдоль указанной им

гряды, потом по ее отрогу и наконец заподозрил, что видит эту местность впервые.

Глава 8

Час спустя Хассельборг сказал:

— Боюсь, что мы основательно заблудились.

— Что же теперь делать? Дождемся рассвета?

— Можно, конечно, хотя не очень-то мне нравится эта мысль, поскольку тут, того и гляди — наткнешься на какого-нибудь бандита с большой дороги, — заметил Виктор и после некоторого размышления добавил: — Единственное, чего нам не хватает для полного счастья, это быть загнанными на дерево каким-нибудь екием.

Словно в ответ из-за гор донесся низкий рык. Фория обвила руками его шею:

— Мне страшно!

— Ну-ну, — он похлопал ее по спине. — Зверь во многих ходдах от нас.

В столь приятной позе Виктор мог простоять всю ночь, но требовалось заняться более неотложными делами.

— Если бы найти ту длинную гряду, то мы пошли бы прямо по ее гребню. Придумал! Подержите-ка Аввау, чтобы не убежал.

Он отстегнул портупею и полез на высокое дерево. Восхождение оказалось трудным, так как ствол был гладким, а ветви редкими, тем не менее удалось подняться метров на десять.

Кругом по-прежнему виднелись только горы, усеянные зелеными кляксами леса и одиночными деревьями. Мерцающий лунный свет заливал пейзаж. Не в той ли стороне пропавший отрог? Нельзя сказать наверняка…

Тут его внимание привлекла искорка света вдали, похожая на звезду пятой величины. Хассельборг напряг глаза, но вспомнил, что смотреть надо периферийным зрением. Да, все верно, вот этот огонек, мерцающий, словно звезда холодной земной ночью. Очевидно, там горит костер. Разбойники?

Он изучил местность, отметил положение луны и слез с дерева.

— Если мы пойдем в ту сторону, то можем наткнуться на неприятности. С другой стороны, разбойники вряд ли заметят нас в темноте деревьев. Соблюдая достаточную осторожность, мы, по крайней мере, найдем дорогу.

— Как скажет мой герой.

Брови детектива дернулись вверх. Так, значит, уже «её герой»?

Они быстро зашагали вперед, время от времени останавливаясь и сверяясь с луной, чтобы убедиться в

правильности направления. Примерно через час за деревьями показалось пятно света.

— Нам придется двигаться очень тихо, — прошептал Виктор. — Зато теперь я знаю, где мы находимся. Идемте.

Они обогнули костер по широкой дуге справа и примерно через четверть часа вырулили на вершину крутого склона.

— А вот и дорога.

Притормаживая, они съехали вниз по склону и зашагали по дороге. Хассельборг узнал местность: по этому подъему он не далее как нынче вечером направлял айю, желая нарисовать закат.

Он отпустил Форию и освободившейся рукой придерживал меч, чтобы тот не бряцал. Вскоре они наткнулись на повозку. Никаких признаков того, что ее трогали, не было. Чуть выше по гребню гряды виднелись отсветы костра, и Виктору пришла в голову одна мысль.

— Подержите-ка минутку айю, — попросил он Форию и тихонько, пригнувшись, поднялся по склону. Последние несколько футов он полз на четвереньках, чтобы не напороться ненароком на шайку, и осторожно выглянул из-за гребня.

Вокруг разведенного у дороги костра расположились семеро разбойников. Пятеро из них торопливо глотали еду, а двое раненых, с наспех наложенными повязками, растянулись на земле. Хассельборг расслышал сперва фырканье привязанных поблизости скакунов, а затем и обрывки разговора.

— Почему, во имя звезд, ты не…

— Дурак, откуда ж я знал, что ты убежишь за…

— Ты з*ефт!* Плевать на караван, нам заплатили за девчонку. Надо было всего лишь…

— Хорошенькое дело: четверо наших убиты, двое ранены, один пропал неизвестно куда, а главное — в кармане ни карда! И дашт может не дать золота за…

— Почему вы не перебили караванщиков? Тогда б они не осмелели и не…

— Выкуп, болван…

— …Спешить, чтоб нас не нашли солдаты…

— …Дашт обещал…

— *Чувой* этот дашт! Я думаю о доуре. Тут почти рядом граница его владений…

Детектив прокрался обратно и прошептал:

— Запряжем потихоньку айю и прорвемся. Вы согласны? Я не думаю, что они рискнут очень далеко гнаться за нами, так как далее владения доура.

— Как скажете.

Животное очень осторожно расседлали, вздрагивая при

каждом позвякивании пряжки, и запрягли его в коляску. Дабы избежать шума, Хассельборг двигался со скоростью улитки. По окончании процесса он спросил спутницу:

— Править вы умеете?

— Да, и довольно неплохо.

— Ладно, тогда возьмите поводья. Сам я побегу рядом с повозкой, чтобы та скорее набрала скорость, а потом вспрыгну на борт. Когда я крикну «вперед!», пускайте в ход кнут без всякого стеснения. Готовы? Вперед!

Коляска содрогнулась, заскрипели колеса, а из-под шести копыт возмущенного животного полетели комья земли. Виктор, держась одной рукой за борт, рванул трусцой, потом бегом и, наконец, перемахнул на сиденье. Выхватив меч, он высунулся наружу и крикнул:

— Погоняй!

Они взлетели на гребень взгорка, набрали скорость и вырвались на компанию вокруг костра.

Разбойники услышали шум, повскакали на ноги и потянулись было за оружием, но айя уже налетел на них. Один бедолага, словно уличный регулировщик, поднял руку в попытке остановить беглецов, но в ужасе отпрыгнул, спасая жизнь. Другой выдернул меч, но его удар был отбит, и колесница с грохотом умчалась в темноту.

— Погони нет, — заметил Хассельборг, высовываясь из коляски и глядя назад. — Похоже, они напуганы ничуть не меньше нас. К тому же они не знали: действительно ли в повозке заказанная дама.

— Что вы имеете в виду? — удивилась Фория.

Он рассказал о подслушанном разговоре.

— Грязный унха! — воскликнула девушка. — Мало того, что дашт вынудил меня бежать, так он еще нанимает головорезов похитить меня! Хорошо, я заставлю Джама поплатиться за это, как королева Ниризия заставила ювелира поплатиться за его поступок!

В принципе Хассельборгу хотелось узнать, какую крутую расправу учинила упомянутая королева Ниризия некоему ювелиру, но в данный момент его больше занимали иные вещи.

Повозка миновало место, где произошло нападение на караван. За исключением промелькнувших обломков телеги, разбитой биштаром, и пары непогребенных тел, там ничего не осталось.

— По-моему, я догадываюсь, что произошло, — сказал детектив. — Разбойники думали, что контролируют ситуацию. Так оно и было, пока пара из них не погналась за тем бедолагой

на айе, а еще несколько не бросилось за нами. В результате пленников охраняло от силы двое. Караванщики смогли одолеть охрану и бежать. Когда остальные разбойники вернулись после охоты на нас, то не осмелились преследовать добычу, ускользнувшую на территорию доура.

— Тогда, возможно, мои слуги живы! Если это так, то мы нагоним их прежде, чем они доберутся до Хершида, да?

— Сложно сказать. Надо прикинуть по карте, но я не знаю, насколько она точна.

— Хорошо. Не заберете ли вы у меня поводья?

— Минутку.

Когда Хассельборг еще раз оглянулся на костер, тот уже скрылся из вида. Еще через пару миль он предложил:

— Давайте остановимся ненадолго: надо фонари зажечь. Признаюсь, что у меня от этой бешеной гонки а ля Бен Гур — мороз по коже.

— Это ваш национальный герой? О, я уверена, что он проявил ни с чем не сравнимую смелость в той упомянутой вами гонке. И вы достойны его, о могучий муж, ведь без вас я пропала бы.

— Да я вовсе не так уж и крут, — смутился «могучий муж», возясь с фонарями и радуясь, что она не может видеть его сконфуженного лица. — На самом-то деле вся эта затея… — он замялся и перевел разговор: — Вот, теперь мы, по крайней мере, не пропустим поворот и не разобьемся.

Виктор собирался сказать, что вся эта затея с ее спасением была образчиком иррационального безрассудства, на которое он ни за что не пошел бы, успей хоть минутку подумать. Но счел такое замечание бестактным и взялся за поводья.

Поскольку одеяние дамы никак не могло служить должной защитой от ночной прохлады, Хассельборг накинул на нее свой плащ. Фория тут же прильнула к нему, щекоча лицо своими антеннами, и вскоре поцеловала в щеку.

Какой эротичный поцелуй! Как мило, что кришняне переняли у землян это занятие! И как мило, что можно оторвать глаза от дороги, а право выбора пути предоставить айе.

Солнце уже давно встало, когда Фория открыла глаза и потянулась.

— Где мы? — спросила она.

— Где-то на пути к Хершиду.

— Это я знаю, муж малого ума! Но где именно?

— Могу лишь предположить, что мы прибудем в столицу после полудня.

— Ну, в таком случае остановитесь в ближайшей деревне. Я не откажусь поесть.

Столь резкий и повелительный тон задел Виктора: очевидно, ее преклонение перед «своим героем» уже несколько поумерилось. Детектив бросил на спутницу безмолвно удивленный взгляд. Та тут же выказала самое искреннее раскаяние:

— О, я обидела моего героя? Простираюсь у его ног! Молю о прощении! Какая же я злонравная и эгоистичная ведьма! — она принялась осыпать поцелуями его руку. — Ты разрываешь мою печень! Я не вынесу твоего укора! Скажи, что я прощена, или я брошусь из твоей повозки навстречу гибели!

— Да пустяки, шерга Фория, — принялся он успокаивать девушку, не желая смотреть подобный спектакль по такому ничтожному поводу. Жизнь достаточно сложна и без чрезмерной театральности. И пока Виктор трепал ее по плечу, целовал и ободрял, разум его уже обдумывал планы прибытия в Хершид.

Вскоре спутница заметила:

— Мы, должно быть, уже давно на земле доура. Разве мы не пересекли ночью границу его владений?

— Вы имеете в виду то место с воротами поперек дороги и сторожкой? Мы действительно проехали его, когда вы спали.

— А как же часовые? Они вас пропустили?

— Вообще-то они тоже спали, поэтому я просто вылез и сам открыл ворота. Будить этих бедняг показалось мне постыдным.

Показалась деревушка, где путешественники остановились перекусить. Во время завтрака Хассельборг спросил:

— Какая гостиница в Хершиде имеет репутацию поприличнее? В Росиде я угодил в настоящий воровской притон и не хотел бы повторить ошибку.

— О! Кавир, но вы же не будете останавливаться в какой-то там гостинице! За кого вы меня принимаете? Вам предоставят лучшие покои в дядином замке, где я смогу каждый день видеться с вами!

Последние слова явно показывали, что приглашение вызвано не только простой благодарностью. Хассельборг подавил улыбку, запротестовав:

— Я не могу принять такого незаслуженного гостеприимства! В конце концов, я никто, даже не рыцарь, да и ваш дядюшка отнюдь не знает меня со времен Адама, то есть со времен Карара.

— Не знаю, кто такой этот Адам, но вас дядя примет. Хасте бад-Лаббаде встретит спасителя своей племянницы с распростертыми объятиями. В ином случае я бы заставила его пожалеть, что он вообще вылупился на свет.

Виктор не сомневался, что она вполне способна на это.

— Ну… если вы настаиваете…

Фория настаивала, и он согласился, скрывая радость. Хотя подобный интерес девушки таил в себе угрозу будущих осложнений, но сейчас давал ему бесплатное и наверняка роскошное жилье. Хассельборг, конечно, мог, несмотря на свой страх перед микробами, в случае необходимости стерпеть и самый захудалый постоялый двор, но предпочитал брать от жизни лучшее.

Остаток пути прошел без приключений. Караван они не догнали, очевидно, тот развил приличную скорость, спеша убраться подальше от опасных Кодумских гор.

Хершид, как и подобало столице империи, был куда больше и красивее Росида. У ворот путешественников, естественно, остановили часовые, но узнали племянницу верховного жреца прежде, чем та успела сказать хоть пару слов. Стражники вытянулись в струнку, взяв алебарды на караул, и махнули коляске проезжать.

Девушка показывала Хассельборгу город, пока они не остановились перед замком. Ворота украшались различными архитектурными изысками, в которых детектив узнал кришнянские астрологические символы.

Вышел неизбежный привратник.

— Госпожа Фория! — воскликнул он и с криком побежал через двор. Из дверей хлынула целая орава народу и столпилась вокруг коляски. Вся челядь дружно пыталась поцеловать хозяйские ручки.

Затем появился высокий мужчина в длинной голубой мантии, и толпа раздалась, пропуская его. Они с Форией обнялись.

— Дядя, это мой спаситель, доблестный господин Кавир…

Хассельборгу пожали руку (еще один позаимствованный у землян обычай) и на какое-то время забыли о нем в суете встречи. Он лишь старался не потерять нить разговора, так как тараторили все одновременно.

— Что с вами случилось?

— Санду, беги в казармы и скажи командиру не отправлять эскадрон…

— Караван прибыл всего несколько минут назад и привез это горестное известие…

— Что же стряслось с вашей светлостью? У вас такой вид, словно вы попали под копыта диких скакунов!

Сравнение показалось Виктору преувеличенным, хотя тонкий наряд Фории и впрямь выглядел несколько потрепанным вследствие прогулки по Кодумским горам в темноте. Когда же

детектива проводили в предоставленные ему покои, он обнаружил, что если кто и нуждался в услугах камердинера, так это он сам. Костюм порван и заляпан грязью, на подбородке пробивается щетина, а от ветки, хлестнувшей его во время лихой скачки, на лице горит полоса. В первую очередь предстояло побриться, иначе вскоре станет очевидным, что борода у него рыжевато-каштановая, а не зеленая, как у кришнян. (Можно, конечно, последовать примеру одного джентльмена, который

…Придумал план простой —
Покрасить в зелень баки,
А веер брать всегда такой,
Чтоб увидал не всякий.

Но и в этом случае его борода привлечет внимание необычной пышностью.)

Обо всем вышеперечисленном позаботилась челядь Хасте, действовавшая с несвойственной здешним жителям сноровкой.

Час спустя гость оказался побрит, вымыт и даже надушен чем-то, что ему пришлось стерпеть ради пущей достоверности. Немного вздремнув, он оделся в приготовленный для него чистый костюм и спустился на встречу с хозяином дома.

Внешность Хасте бад-Лаббаде была нетипична для кришнянина. Он утратил большую часть своих волос, а оставшиеся поседели. Черты лица, обтянутого морщинистой пергаментной кожей, выглядели более резкими, чем у большинства представителей его расы. Фактически, он мог бы сойти за землянина, если бы не торчащие над бровями антенны.

Верховный жрец ожидал гостя, держа в руках нечто, напоминающее шейкер.

— Сын мой, — начал Хасте, наливая бокал, — не нахожу слов, чтобы выразить вам свою благодарность. Я ваш вечный должник и прошу об одном: не стесняйтесь обращаться ко мне в любое время за всем, что я могу для вас сделать.

— Спасибо, Ваше Преподобие, — поблагодарил Хассельборг, настороженно глядя на предложенный ему напиток. Однако тот был смешан столь умело, что алкоголя почти не чувствовалось, и Виктор выпил без обычной негативной реакции. Хотя все равно необходимо соблюдать меру и вести счет опрокинутым рюмкам, растягивая их как можно дольше.

Когда появилась Фория, Хасте попросил поведать «об этом необыкновенном подвиге со спасением». После рассказа она спросила у дяди:

— Как ты думаешь, доур возбудит по твоему настоянию дело

против Джама?

— Сложно сказать, — натянуто улыбнулся тот, — ты же знаешь, насколько малым влиянием я ныне пользуюсь при дворе.

— Это только потому, что у тебя недостает смелости осадить этого старого акебата! — отрезала племянница. — Я сама могла бы лучше договориться с ним.

— Да, наверное, ведь король благоволит к тебе, смотря на тебя как на дочь.

— Не в благоволении дело! Доур — человек жесткий и умный, добившийся всего в борьбе, и требует от своего окружения равной жесткости и ума. Ты всегда уступаешь ему, и он втаптывает тебя в грязь! Превзойди его — он станет уважать тебя! Эх, будь я мужчиной!..

Хассельборг почувствовал, что в отношениях двух родственников присутствует подавляемое напряжение. Причем слишком сильное, чтоб объяснить его простым несогласием во мнениях о том, как управиться с королем. Вероятно, к этому факту стоило присмотреться.

— Ваше Преподобие, я никогда не бывал в Хершиде и поэтому не знаком с местным положением дел. Не могли бы вы… э… — обратился он к Хасте.

Тот бросил на него острый взгляд и ответил:

— Моя племянница не умеет лицемерить. Даже под угрозой смертного приговора она высказала бы неправедному судье все, что о нем думает.

— А как насчет расхождений между вами и доуром?

— Это долгая история, сын мой. Она уходит глубоко в прошлое и затрагивает первоосновы человеческого бытия. Не знаю, как в вашей стране, но здесь, в Гозаштанде, люди всегда по-разному объясняли ход вещей.

Понимаете, старая вера утверждала, что все зависит от воли богов. Однако с ростом знаний появлялись вопросы, на которые эта вера не могла дать ответов. Почему боги допускают беспорядок в созданном ими мире? Или почему вообще интересуются нами, смертными? Некоторые святотатцы (но этих быстро усмирили) во всеуслышанье утверждали, что богов не существует.

Потом, лет триста назад, наши теологи доказали, что боги вовсе не орава похотливых и драчливых варваров, ведущих разгульную жизнь на высях горы Мешак, как думали наши простоватые предки. Это также не «высший разум», не «дух любви» и не прочие неосязаемые абстракции, недоступные пониманию. На самом же деле судьбами людей управляют небесные светила: солнце, луны, планеты и звезды. Они, вращаясь

вокруг нашего мира, оказывают на него таинственное влияние. Как вы помните, примерно в это же время открыли, что мир, оказывается, круглый.

Итак, мы обрадовались, что получили наконец истинно научную религию, которой надлежит исполнять все положенные религии обязанности: объяснять человека и вселенную, предсказывать будущее, утешать скорбящих и насаждать в душах молодых здоровую нравственность. Астрология обрела официальный статус в Гозаштанде и соседних странах, и любое отклонение заслуженно наказывалось.

Позже, если захотите, я покажу вам одну из старых камер в подземелье моего замка, где содержали еретиков. Теперь мы ничего подобного делать не можем, хотя доур иногда использует обвинение в ереси для устранения политически неудобных лиц.

И что же произошло дальше? В местечке, называющемся теперь Новуресифи, приземлились космические корабли. Прилетевшие *землума* привезли с собой весть о других солнцах и множестве миров, вращающихся вокруг них. Они же сообщили нам, что и наш мир движется вокруг солнца, а не наоборот. И что, например, Кондиор (жрец имел в виду планету Вишну) — вовсе никакой не бог войны, а планета, родственная нашей.

Как вы понимаете, любезный господин Кавир, из-за этого многие отпали от истинной веры. Церковь теперь не имеет права карать отступников, а должна молча глядеть, как по стране моровым поветрием распространяются тысячи ложных религий. Некоторые культы завезли к нам те же *землума*. Все это подрывает духовную силу Церкви и перехватывает наши доходы. И в то время как наше могущество идет на спад, могущество доура прибывает. Вот отчего отношения между нами менее сердечные, чем бывало.

Немного пораженный такой откровенностью, Хассельборг спросил:

— Ваше Преподобие, а что думаете вы сами по поводу богов, планет и тому подобного?

Хасте чуть улыбнулся:

— Поскольку я глава Церкви, мои официальные взгляды безусловно совпадают с принятыми на Совете в Мише сорок шесть лет назад. Как частное лицо я несколько озадачен информацией, полученной от *землума*, но предпочитаю не распространяться об этом. Ну а теперь давайте поужинаем.

Фория надела еще одну из своих ошеломляюще разнообразных масок (приняла официально-степенный вид) и сообщила дяде:

— Господин Кавир приехал в Хершид в качестве художника-

портретиста. Не могли бы мы помочь ему получить выгодные заказы? Это малая толика благодарности за его героизм.

— Разумеется, могли бы. Дай-ка подумать. Я и сам заказал бы портрет, да с меня уже писали в этом году. Но все равно, если прочее не удастся, закажу. Что же касается двора, то я не совсем представляю, как… Моя звезда в данный момент находится не в сильной позиции.

— Полно, дядя! Почему б тебе не попробовать уговорить самого короля?

— Короля?! Но ты же знаешь, какой с той стороны ветер дует…

— Да проснись же, безвольный старик! — внезапно воскликнула девушка, вмиг утратив свою степенную манеру. — Вечные отговорки! Заседание тайного совета назначено на завтра, не так ли?

— Разумеется, дитя мое, но…

— Никаких но! Возьми господина Кавира с собой и представь Его Грозности как величайшего портретиста в мире. Если, — зловеще добавила она, — ты не хочешь повздорить со своей любимой племянницей.

— Звезды помилуй, конечно, нет! Я возьму его! То есть при условии, что он пойдет. Вы согласны с этим планом, сын мой?

— Разумеется, — подтвердил Хассельборг, пробормотав вдобавок, что несказанно благодарен.

— Этого-то я и боялся, — подытожил Хасте.

Позже, за сигарами, детектив поднял интересующую его тему:

— Ваше Преподобие, я разыскиваю некоего молодого человека, который приобрел у меня портрет и скрылся, не заплатив. С ним еще была девушка.

— И?

— Нет ли в Хершиде какой-либо службы, которая регистрирует приезжих?

— Дайте-ка подумать… У доура хорошая сыскная служба, но я сомневаюсь, что они отслеживают каждого путешественника. Хершид ведь все-таки перекресток империи. Как выглядели эти беглецы?

Хассельборг достал свои наброски. Хасте нахмуренно посмотрел на них, а затем засмеялся:

— Сколько он вам должен?

— Пятьсот кардов.

Хозяин позвонил в колокольчик и, когда на зов явился молодой человек в голубом жреческом балахоне, распорядился:

— Возьмите пятьсот кардов из моего личного запаса и

выдайте их господину Кавиру.

— Да хранят меня звезды! — воскликнул Виктор. — Я вовсе не собирался просить деньги у Вашего Преподобия…

— Все в порядке, сын мой, и не пересчитывайте зубы дареному шомалу, как поступал Карар в своих сделках с ведьмой моря Ваандао. Во-первых, это всего лишь средство как-то отплатить вам за спасение моей племянницы. Во-вторых, время, приносящее всё, принесет мне возможность получить деньги с вашего должника.

— Вы его знаете?

— Немного.

— Кто он?

— Неужели вы так недавно в здешних краях? На портрете — новый доур Замбы, истинное чудо и образец политических достоинств. А эта девушка — его доурия.

— Король и королева Замбы? — ошарашено переспросил детектив. — С каких пор? И что такое Замба?

Тут в комнату снова проскользнул молодой жрец с тяжелым парусиновым мешком. Негромко позвякивая, ноша опустилась у ног Хассельборга.

— Принеси-ка карту Гозаштанда и прилегающих земель, Гаддал, — попросил Хасте своего помощника. — Для бывалого путешественника, господин Кавир, ваши знания… э… достаточно отрывочные. Откуда вы родом?

— Из Малайера на дальнем юге, — соврал Виктор.

— Это объясняет дело. Знайте же тогда, что Замба — остров в море Садабао, расположенный рядом с полуостровом Харгайн на востоке Гозаштанда. Жителей Замбы долгие годы сотрясали бунты, в итоге простонародье вообще свергло аристократию и перебило всех, кто не успел сбежать. После этого, не имея больше общего врага, голытьба продолжала биться вожак против вожака.

Кончилось все это тем, что несколько десятиночий назад ваш знакомец Энтане (его ведь так зовут, не правда ли?) высадился на острове с шайкой громил, которых он набрал звезды знают откуда. Через пару дней он уже был хозяином Замбы! О, проделано все было весьма ловко, и он добился многих перемен. К примеру, создал, понимаете ли, новую аристократию из тех вожаков, кто перешел на его сторону. Новую аристократию со всеми титулами и причиндалами старой. Однако эти привилегии не передаются по наследству и близки к фикции: тот, кто перестает удовлетворять требованиям Энтане, лишается их. На острове теперь никто не имеет права пребывать в грехе праздности!

Хассельборг подумал, что или действительно таким образом

сложилась обстановка на Замбе, или Фаллон хорошо усвоил биографию Наполеона. Ему хотелось услышать подробности, а жрец предпочитал говорить на глобальные темы (вроде прогресса в противовес стабильности или свободы воли в противовес предопределению). Все же Виктору удалось кое-что вытянуть из старика.

— Ходят слухи, что король вовсе не кришнянин, а замаскировавшийся *землу*. Для меня, правда, это не имеет особого значения. Не один год я убеждаю свою паству, что судить о людях следует по их личным качествам, а не расовой принадлежности. Однако я очень сомневаюсь, что Энтане — с планеты Земля, поскольку там проповедуется странная доктрина равенства. А наш юный образец достоинств не установил в своем островном королевстве ничего похожего на подобную систему.

Кстати, сын мой, во время своего пребывания в Новуресифи вы вращались среди *землума*. Просветите меня, старика, в этих вопросах. Что подразумевает эта доктрина и в самом ли деле все земляне придерживаются ее?

— Собственно говоря, — начал было Хассельборг блестящую десятиминутную речь на заданную тему, но тут ему пришло в голову, что кришнянский художник вряд ли мог разбираться в политической теории Земли. Не пытается ли старикан подстроить ему ловушку? И детектив осторожно продолжил: — Собственно говоря, Ваше Преподобие, я мало что знаю. Так, слышал кое-что от своих друзей-землу. Как я понимаю, ныне идея всеобщего равенства популярна среди землян, хотя так было не всегда и, возможно, не всегда будет. Но имеется в виду не буквальное равенство всех людей, а юридическое. Равенство перед законом в правах, обязанностях и прочем.

Мне говорили, что при построении государства на такой основе есть две большие трудности. Во-первых, чисто биологически люди изначально отличаются друг от друга по своим способностям. Во-вторых, для управления любым обществом, не считая первобытного, необходима какая-то верховная структура. А пришедшие к власти испытывают естественную склонность законодательно упрочить свое превосходство над остальным народом. И этим занимаются все, независимо от того, как они себя называют: курфюрстами, капиталистами или комиссарами…

Позже детективу подумалось, что во время этой идейной пикировки Хасте выказывал довольно незаурядное знание земных институтов.

Фория сохраняла свою степенность весь вечер, пока не

пришло время прощаться. Протягивая Хассельборгу руку для поцелуя, она взглянула в сторону удаляющейся дядиной спины, наклонилась вперед и прошептала:

— Вы женаты, мой герой?

Он поднял брови:

— Нет.

— Превосходно! — она быстро поцеловала его и ушла.

Виктор мысленно присвистнул: ой-ой-ой, тут не нужно рентгеновских лучей, чтобы увидеть, куда она клонит! Теперь, когда он знает, где Фаллон, лучше побыстрее убраться из Хершид а. Может, улизнуть сегодня же ночью под предлогом, что хочет покататься на коляске при лунном свете? Нет, до Замбы далеко, к тому же карта показывала отсутствие дорог на скалистом полуострове Харгайн, значит, придется плыть на корабле из Маджбура.

Более того, а желательно ли ему столь скоропалительно отправляться на Замбу? Ну, начнет он убеждать Джульнар вернуться к папочке, а разгневанный король Фаллон тут же прикажет казнить шпиона. Вероятно, несмотря на матримониальную угрозу со стороны прекрасной фурии, следует еще несколько дней поболтаться в столице и разработать какой-нибудь план.

Хассельборг, попав на аудиенцию у доура, был очень удивлен. Из-за замечаний Фории он ожидал увидеть кого-то физически внушительного, вроде дашта Руза. А король Экрар бад-Кавитар напоминал, скорее, земного мышонка.

— Да, да, да, — быстро пропищал могущественный монарх, протягивая верховному жрецу ручонку для поцелуя. — Портрет. Хм-м-м. Хм-м-м. Отличная мысль. Превосходное предложение. Рад, что ваша племянница подсказала вам его: она умеет угодить. Ха, обладай вы ее умом, то стали б немаловажной силой в стране. Итак, господин Кавир, — обратился он к Виктору, — сколько вам потребуется сеансов?

— Наверное, с дюжину, Ваша Грозность.

— Верно, верно, верно. Первый состоится сегодня после полудня. За час до ужина. В западном крыле дворца. Лакеи проведут вас. И приносите все свое снаряжение. Решительно все. Ничто так не раздражает меня, как мастер, являющийся оказать какую-то услугу, а потом вынужденный возвращаться домой за забытыми инструментами. Учтите это.

— Слушаю и повинуюсь, — отозвался детектив. Экрар, очевидно, принадлежал к людям, верящим в известное изречение: «то, что трижды сказал, то и есть».

— Хорошо, хорошо, хорошо. Приказываю вам не покидать Хершида, пока не закончите портрет. Королевский распорядок дня чрезвычайно насыщен, и мне придется втискивать сеансы позирования между более важными делами. А сейчас вам дозволяется удалиться.

Сохраняя внешнее подобострастие, Хассельборг мысленно выругался. Теперь он застрял в столице бог знает насколько, особенно если доур имеет привычку отменять назначенные встречи. Наплевать на приказ и сбежать? Стража поймает его прежде, чем он доберется до границы, и приволочет обратно. И какова тогда будет реакция могущественного и нервного монарха? В лучшем случае, подозрительный художник окажется в опале.

В замке Виктор спросил у Фории, как добраться до Маджбура. Та в тревоге воскликнула:

— Как! Вы скоро уезжаете?

— Нет, король оставляет меня на неопределенное время. И все же мне хотелось бы знать.

— Из южных ворот к Маджбуру ведет хороший тракт, можно доехать на коляске. Или же воспользуйтесь железной дорогой.

— Железной дорогой?

— Конечно! Разве вы не в курсе, что Хершид расположен на конце линии, тянущейся до самого Джазмуриана?

Детектив воздержался от дальнейших расспросов, опасаясь обнаружить перед девушкой полнейшее невежество. Но такое чудо, как железная дорога на Кришне, решил увидеть и предложил прогуляться перед обедом до вокзала.

Фория, разумеется, согласилась, и они отправились к южной границе города.

На расстоянии метра друг от друга шли рельсы, по которым следовали четырехколесные вагончики, напоминающие кареты. Локомотивами же служили слоноподобные биштары. Пара таких животных тянула состав, а на их могучих загривках сидели махауты [22], направляя движение и дудками подавая предупреждающие сигналы.

— Увы, мой герой, — огорчилась девушка, — мы приехали слишком поздно, чтобы увидеть отправление ежедневного поезда в Кадар. Оттуда же состав прибывает за полночь.

— А где находится Кадар?

— Это пригород Маджбура, располагающийся с нашего, левого берега реки Пичиде. Река слишком широка, чтобы перекинуть через нее мост, поэтому железнодорожный путь прерывается. Пассажиры переправляются на пароме и вновь садятся в поезд до Джазмуриана.

Они еще какое-то время понаблюдали за жизнью вокзала, а затем Фория проникновенно сказала:

— Кавир, я чувствую глубокое духовное родство между нами. Я тоже с детства любила, повиснув на ограде вагонного парка, смотреть на составление поездов. И если ты действительно затеял поездку в Маджбур, я способна убедить доура отпустить тебя. Лестью я из него веревки вью. Скажу, что мой будущий муж желает попутешествовать…

Хассельборг внутренне содрогнулся. Ощущение было как от пореза грязным ножом, когда к тому же нечем продезинфицировать рану. Он незаметно сменил тему, переведя разговор на Замбу и новоиспеченного короля. Правда, «будущая жена» мало что могла добавить к рассказу своего дяди.

Экрар бад-Кавитар оказался трудной моделью для портретиста, так как все время ерзал, чесался и вытирал рукавом заостренный нос. Еще больше осложняли дело многочисленные визитеры, что-то шептавшие королю на ухо и протягивавшие бумаги на подпись. Хассельборг и так заранее сомневался в своих способностях живописца, а на первом сеансе вовсе впал в отчаяние, граничащее с безумием.

— Ваша Грозность! Если б вы хоть пять минут посидели спокойно, не меняя позы… — пожаловался он.

— Что ты хочешь этим сказать, негодяй? — закричал доур. — Я битый час сижу в этой позе, не сдвигаясь ни на волосок! Как ты смеешь утверждать обратное! Вон отсюда! Зачем я только позволил тебе писать мой портрет. Убирайся… Нет, нет, нет, я не это имел в виду. Я прощаю тебя, только запомни: больше никаких непочтительных критических замечаний! Я человек очень занятой, и если отвлекусь от своих королевских обязанностей хотя бы на минуту, произойдет катастрофа. Ты хороший парень, приступай же к своей работе, не стой разинув рот, теряя время.

Виктор вздохнул и стоически вернулся к наброску. Тут вошел очередной придворный и возвестил:

— Да порадует это Вашу Грозность! Только что неожиданно прибыл дашт Руза с пятьюдесятью ратниками. Он разыскивает своего сбежавшего заключенного!

Глава 9

На секунду застыв с открытым ртом, доур разгневанно вскочил:

— Он бесцеремонный идиот! Это как раз в его духе ввалиться ко мне, не предупредив хотя бы за час до приезда! И безо всякого приглашения, разрешения или приказа. *Охе!* — Экрар метнул пронзительный взгляд на Хассельборга, замершего у мольберта. — Вы, господин художник, прибыли сегодняшним утром, сопровождаемый прекрасной историей о спасении племянницы Хасте от разбойников во владениях Джама. А сегодняшним вечером является сам Джам, идущий по горячему следу якобы беглого преступника. Исключительное совпадение, вам не кажется?

— Да, Ваша Грозность.

Король велел придворному впустить дашта Руза и принялся расхаживать взад-вперед, бормоча:

— Не сомневаюсь, что вы действительно спасли Форию, так как мои люди подробно допросили уцелевших из того злосчастного каравана. И все-таки здесь есть какая-то тайна, есть какая-то тайна, есть какая-то тай… А, мой любезный вассал Джам!

Дашт стремительно вошел в залу, сделал вид, будто припадает на колено перед сюзереном, и с рычанием бросился на Хассельборга, выхватывая меч.

— Ах ты *зефт!* Я тебе покажу, как подкупать моих тюремщиков и сбегать из моей тюрьмы!

Детектив начинал уже понемногу уставать от постоянного пребывания на волосок от смерти. Он лихорадочно закрутил головой в поисках какого-либо оружия, поскольку его собственное было изъято на время аудиенции.

Однако о его спасении на сей раз позаботился Экрар. Поднеся ко рту один из перстней, унизывавших его пальцы, он издал резкий, пронзительный свист. В стене мигом распахнулась пара потайных дверей, и из каждой выскочило по двое гвардейцев с взведенными арбалетами.

— Стоять или станешь мертвым вассалом! — взвизгнул король.

Джам неохотно убрал меч в ножны.

— Ваша Грозность, приношу свои униженные извинения за столь непочтительное вторжение. Но, клянусь Кондиором и Хоей, не могу вынести, что это дерьмо, именующее себя художником, пачкает дворец своим отвратительным присутствием!

— Что он сделал?

— Я вам все расскажу. Он является ко мне, представляется портретистом, и его принимают как доброго друга. И что же? Спустя день я узнаю, что он вовсе не художник, а шпион из Микарданда, посланный убить меня. Естественно, я бросаю эту мразь за решетку, чтобы пустить в расход на игрищах. Своим черным колдовством он зачаровывает екия так, что зверь не желает его жрать, а потом исчезает. Вероятно, он подкупил кого-то из тюремщиков, иначе побег не прошел бы настолько гладко. Эти злодеи дружно клянутся в своей невиновности, а я, к сожалению, не могу повесить их всех в надежде казнить нужного.

— А как стало известно, что он шпион? — спросил доур.

— Пришло послание от моего друга из Новуресифи, Жулиу Гоиша. Вот оно, а вот и другое, подделанное этим *багганом!*

Хассельборг почувствовал, что необходимо вмешаться:

— Да позволит мне Ваша Грозность объясниться. Во-первых, я вовсе не микардандума и это можно проверить, наведя соответствующие справки. Микарданд — плохое место для художника, поэтому в Мише я остановился лишь на ночлег, а направлялся в Новуресифи. Там я познакомился с Гоишем, и он дал мне рекомендательное письмо к дашту Руза. И во-вторых. Я догадываюсь, почему так рассержен Джам бад-Коне. Дело в том, что я сорвал его попытку похитить шергу Форию.

— Что такое? Что такое? Что такое? — затараторил Экрар.

— Разумеется, именно он заплатил разбойникам, напавшим на караван. Шерга Фория сама говорила мне, что он преследовал ее своими домогательствами и поэтому она уехала из Росида. А Джам решил перехватить ее. Думаю, она требовалась ему не как партнерша для игры в шашки.

— Что скажете, маншерг? — обратился король к дашту.

— Абсолютное вранье, — заявил тот. — У него нет доказательств.

— Я подслушал, как разбойники обсуждали это, сидя у бивачного костра, — опять вмешался Виктор. — Допросите любого.

— Где они сейчас? — спросил Экрар.

— Повешены, все до одного, — выкрикнул Джам. — Во время погони за этим ублюдком я случайно наткнулся на них и свершил справедливый суд на месте.

«Шел я садом однажды и вдруг увидал, как делили коврижку Сова и Шакал», — прокомментировал Хассельборг про себя, а вслух добавил:

— У вас было целых две причины убить их: за то, что они не смогли выполнить ваш приказ и похитить девушку, или чтобы

навечно заткнуть им рты.

Дашт разразился площадной бранью, и король успокаивающе произнес:

— Успокойтесь, успокойтесь, успокойтесь оба. Итак, здесь настоящая головоломка. Вы, Джам, говорите, что господин Кавир шпион. Но в доказательство предъявляете лишь слова *землу*, которые ничего не стоят с точки зрения гозаштандского законодательства. В ответ вы, зер художник, обвиняете моего верного вассала в подстрекательстве к похищению племянницы верховного жреца господствующей Церкви. Более того, вы приписываете ему самые гнусные намерения. Впрочем, низость подобных намерений несколько извиняется чрезвычайной красотой девицы, способной пробудить мысли о любви в печени святого отшельника. И все же данная цыпочка — моя любимица, поскольку у меня нет своих дочерей. И посему я отнесся бы к такому делу весьма сурово, подкрепи вы свое обвинение фактами. Однако единственное ваше доказательство — это речи отребья, чье слово имело бы мало веса, будь они живы, и не имеет вообще никакого, раз они покойники.

Конечно, я мог бы допросить вас обоих с применением раскаленных щипцов, — доур неприятно улыбнулся, а Хассельборг и Джам почтительно потупились. — Такое обращение зачастую благодетельно для жертвы и всегда поучительно для зрителей. Но опыт говорит мне, что этот способ практически не приносит того, к чему мы стремимся, а именно — правды.

Сделав значительную паузу, Экрар посмотрел на дашта:

— А что бы вы сделали с этим человеком, шерг Джам?

— Уволок бы его обратно в Руз, Ваша Грозность. И милостиво заменил бы приговор «смерть-от-зубов-зверя» на «смерть-путем-обезглавливания», хотя ублюдок вряд ли оценит это. А если его колдовство сможет приклеить отрубленную голову к телу, то я подарю подлецу его никчемную жизнь.

— Но, — воскликнул король, — кто тогда завершит мой портрет? По сделанному наброску я вижу, что картина станет лучшей из когда-либо писанных с меня. Следовательно, шпион он там или нет, перед нами действительно настоящий художник. Нельзя, нельзя, нельзя, Джам, умерщвлять его, пока он не закончит свой великий труд. Мы обязаны пойти на это ради процветания империи!

Дашт пожевал губу и предложил:

— Может, оставить его во дворце под охраной стражников на время, необходимое для завершения картины, а потом убить, как он того заслуживает?

— Но, Ваша Грозность, — решительно встрял Виктор, — вы

же понимаете, что истинный художник обладает тонкой натурой. Сможет ли он отдать все силы искусству, помня о висящем над ним смертном приговоре?

— Да, да, я принимаю ваш довод, зер Кавир. Более того, существует ведь еще и ваше обвинение против Джама…

— Вы ведь не верите в эти фантастические небылицы? — возмутился дашт.

— Будьте любезны не перебивать своего сюзерена! Так вот, выдвигать ничем не подкрепленное обвинение против моего вассала, зер Кавир, — очень и очень серьезное дело. Но и его слова против вас бездоказательны. А теперь вы оба выслушаете мой вердикт.

Вы, Кавир бад-Матлум, завершите начатую работу. После вы имеете право остаться под защитой Хершида, но, если дашт соберет бесспорные доказательства вашей вины, я выдам вас ему. Либо вы можете бежать в другие земли на свой страх и риск, потому что там Джам имеет право преследовать вас.

Вы, Джам бад-Коне, обязаны соблюдать эти условия. Пока господин Кавир находится на моей территории, не вздумайте посылать какого-нибудь головореза убить его. Если подобное произойдет, я знаю, где искать виновного. По-моему, мой вердикт абсолютно беспристрастен.

— Тогда, — прорычал Джам, — мне остается только один выход! Кавир бад-Матлум, или как тебя там, я вызываю тебя на поединок! Ты шпион, негодяй, вор, трус и ублюдок, попытайся опровергнуть это своим оружием! — с этими словами дашт сорвал перчатку и бросил ее в Хассельборга.

Король вздохнул:

— Я-то думал, что все улажено. Между прочим, я сомневаюсь в том, что дворянин с вашим высоким титулом имеет право опуститься до поединка с человеком такого низкого социального статуса, как господин Кавир.

— В таком случае вспомните дуэль Ездана с Киштаспанду, которая состоялась в прошлом году, — парировал Джам. — Художник считается выше простолюдина и может быть вызван на бой.

— Эй-эй, — остановил спор Хассельборг. — У нас в Малайере так дела не делаются. Объясните кто-нибудь. Дашт хочет со мной драться, верно?

— Еще как!

— А если у меня нет такого желания?

Джам издевательски рассмеялся:

— Разве я не говорил, что ублюдок слаб печенью! Он уже готов удирать! Ну, уважаемый зер, тогда вы получите пяток

увечий в качестве клейма своей трусости. Я начну с ушей, потом…

— Можете не продолжать. Выбор оружия предоставляется мне?

— Разумеется. Любое оружие из утвержденного законом: копье, пика, кинжал, секира, булава, алебарда, гизарма[23], цеп, дротик, лук, арбалет, праща или метательный нож. Со щитом или без него, в доспехах или нет, пешим или верхом. Я согласен на любое названное тобой оружие, ведь ты будешь двенадцатым из пытавшихся выстоять против меня. А двенадцать — мое счастливое число.

Догадываясь, что случилось с предыдущими одиннадцатью, Виктор вынул кастет и показал его королю:

— Это дозволено?

— Нет, нет, нет! Мы не дикари с Колофтских болот, чтобы молотить друг друга кулаками.

— Тогда арбалеты, без доспехов, пешими, — решил Хассельборг, прикинув, что мастер стрельбы из винтовки получает наилучший шанс именно с этим оружием. — Вам придется дать мне пару дней на тренировку.

— Принято, — согласился Джам. — Это будет отличная схватка, так как я главный охотник с арбалетом в Рузе. Видел мою коллекцию голов?

— Вы имеете в виду те, что на кольях над городскими воротами? Я счел их довольно пошлым выставлением напоказ своих достижений.

— Нет, дурак, голов убитых мной зверей! Ваша Грозность, позвольте мне настоять, чтобы вы приставили к этому мерзавцу стражу, дабы он не скрылся в ночи.

— Это справедливо, — ответил король. — Господин Кавир, слушайте мой приказ: перевезти все свое снаряжение в королевский дворец. Я пришлю людей, чтобы помочь вам.

А Виктор мысленно добавил: чтобы помешать сделать рывок к свободе.

Глаза Фории расширились от ужаса, когда ее герой рассказал о предстоящем бое. А Хасте посетовал:

— Какое безрассудство эти поединки! Совет в Мише недвусмысленно осудил их. Мы, священнослужители, долго старались убедить знать, что дуэль не что иное, как греховная глупость. Но дворяне бросали нам в лицо нашу же собственную астрологию, говоря: разве звезды не даруют победу тому, чье торжество предопределено? Признаюсь, этот довод действовал обескураживающе.

Хассельборг отправился к себе собираться, и Фория последовала за ним, властно велев паре приставленных к нему стражников:

— Оставайтесь за дверью, смерды! Приказываю!

Стражники то ли знали, что перед ними привилегированная особа, то ли сочли, что с такой деспотичной юной леди лучше не спорить.

Войдя в покои, она бросилась Виктору на шею и воскликнула:

— Мой герой! Любовь моя! Могу ли я что-нибудь сделать для твоего спасения?

— Вообще-то, да, — сказал он. — Ты не пришьешь пару подушечек в рукава моей старой куртки?

— Пришить подушечки? Что ты имеешь в виду?

Он терпеливо вывернул куртку наизнанку и объяснил, что именно требуется.

— А, теперь я понимаю, — догадалась она. — Швея я никудышная, но все равно не позволила бы сделать это никому другому. Когда ты наденешь свою куртку, оккультная сила моей любви проникнет в твою кровь и придаст тебе мощи и мужества для великих подвигов.

— Это было бы неплохо, — только и ответил Виктор, укладывая вещи.

— Так и произойдет. Смертью этого грязного мерзавца ты отомстишь за мои унижения.

Некоторое время Фория молчала, неловко работая иглой, затем оторвалась от шитья и спросила:

— Кавир, почему ты так холоден со мной? Ты холоднее, чем большая статуя Карара в Мише!

— В самом деле?

— Да, в самом деле. Разве я не давала тебе понять о своем желании всеми способами, дозволенными порядочной девушке? И даже не очень дозволенными? Послушай, дядя может сегодня же вечером соединить нас навеки обрядом, тогда даже доур не в праве запретить мне сопровождать тебя во дворец и остаться там с тобой. Ты станешь моим мужем, и, какая бы судьба ни ожидала нас, нам будет, что унести с собой в могилу. Смерть все равно придет, рано или поздно, давай же, не упусти свое счастье.

Хассельборг уже начал беспокоиться, что своей настойчивостью она вынудит его сказать «да». Александра была далеко, и когда он смотрел на эту очаровательную фурию, то собирал в кулак всю силу воли, чтобы не ответить согласием на столь заманчивое предложение. Скорее всего, он бы так и поступил, но тогда пришлось бы признаться, что он — *землу*.

Виктор взял себя в руки:

— Фория, я благодарен тебе за заботу, но брак — дело серьезное, а не пролог к поединку. К тому же я не ожидаю ранней смерти, во всяком случае — не в этот раз.

— Тогда сами заканчивайте свое шитье. Надеюсь, вы исколете свои пальцы! — она бросила куртку ему в лицо и стремительно вышла, хлопнув дверью.

Виктор усмехнулся, и в этой кривой улыбке отразились смешанные чувства: ирония над собой, жалость к ней и досада на обстоятельства, поставившие его в такое неловкое положение. Он поднял куртку, надел очки и начал исполнять приказ Фории. Оказавшись между любвеобильной и взбалмошной девушкой и вспыльчивым даштом Руза, Хассельборг хорошо понял состояние Одиссея, когда тот пытался проплыть между Сциллой и Харибдой.

Вечер во дворце прошел уныло. Приставленные к Хассельборгу стражники, получили, очевидно, королевский приказ прицепиться как репейник. Он хотел было поболтать с придворными о Замбе и ее новом короле, но те оказались неожиданно невосприимчивыми к его включенному на всю мощь обаянию. Виктор решил, что их стесняет присутствие мрачных стражей, но один из придворных указал на другую причину:

— Не то чтоб мы вас не уважали, господин Кавир, но мы опасаемся общаться запанибрата с обреченным, ведь вы погибнете в предстоящей схватке. Невезение — та же болезнь, а мы не хотим заразиться.

Хассельборг мрачно удалился в свои новые покои. Хасте и Фория какое-то время составляли ему компанию. Девушка играла в саму любезность, а жрец был по обыкновению разговорчив и казался расстроенным.

— Как вы понимаете, — сказал он, — господствующая Церковь официально не одобряет магию. Но как частное лицо я мог бы связаться с одной из местных ведьм, которая наложит чары на арбалет дашта…

— Валяйте, — разрешил Хассельборг.

— Я не очень-то верю во все эти заклинания, но нельзя отрицать, что в мире случаются-таки странные вещи, не объясненные существующей религией. Как говорит принц в пьесе Хариана…

Наконец многоречивый жрец ушел, так как подошло время еженощных астрономических наблюдений. Фория не слишком охотно последовала за ним.

Оставшись один, если не считать вездесущих стражников, Виктор попробовал почитать витиеватую гозаштандскую книгу,

но вскоре сдался. Он не очень хорошо улавливал смысл фраз, а пользоваться словарем значило выдать себя. Кроме того, этот стихотворный рыцарский роман казался нескончаемым продолжением эпических поэм Ариосто и Веги Каприо.

Пленник попытался разговорить стражников, те пошли на контакт, но вести беседу ему приходилось самому. Он обронил несколько намеков насчет своего побега из росидской тюрьмы:

— …Мне повезло в одной передряге: я нашел сподвижников и был в состоянии щедро отплатить им. Друг, который помог мне в Росиде, никогда больше ни в чем не будет нуждаться…

— Это очень интересно, зер, но во дворце такое невозможно, — отреагировал один.

— Да?

— Да. Доур прекрасно разбирается в людях и с предельной тщательностью отбирал в личную стражу тех, кого невозможно подкупить или чем-либо прельстить.

Виктор обратился к другому:

— Ты согласен с этим, приятель?

— Целиком и полностью, зер.

«Либо он такой же честный, — подумал детектив, — либо боится говорить при товарище. Остаться бы с ним наедине…» Но этому желанию не суждено было сбыться, так как стражники явно получили приказ следить не только за пленником, но и друг за другом. Уразумев безнадежность ситуации, Виктор преисполнился отвращения к жизни и отправился в постель. Там он начал обдумывать совсем уж фантастические планы спасения, типа уговорить стражников смотреть в другую сторону, когда он будет сбегать. Он все еще думал об этом, когда заснул.

На следующее утро Хассельборг спустился в королевский арсенал позаимствовать арбалет. Оружие должно подходить к длине его руки, а тетива — быть достаточно упругой. Выбрав, он отправился поупражняться на плац, где на следующее утро и состоится бой.

Но на плацу к нему тут же подбежал какой-то придворный:

— Господин Кавир, вам сейчас нельзя появляться здесь с оружием.

— Это еще почему?

— Таковы правила. С тех пор, как во время тренировки зер Гвастен «случайно» проткнул своего будущего противника, пандра Лушта, стрелой, доур запретил двум вызванным на бой дворянам упражняться здесь одновременно.

Хассельборг обратил внимание на толпу придворных неподалеку. Будучи ростом повыше большинства стоящих в ней,

он вскоре разобрал, что они наблюдают за воинским искусством Джама бад-Коне.

— Хорошо, подержите мой арбалет, пока дашт не закончит стрелять, — смирился Виктор, отдавая оружие.

— Да, но я не могу позволить *вам* прогуливаться здесь, пока *он* вооружен, вы ведь понимаете, не так ли?

— О, я буду осторожен и не приближусь к нему.

В сопровождении своих стражей Хассельборг подошел чуть ближе к толпе и некоторое время тихо наблюдал за Джамом. Вскоре его присутствие заметили зрители и сам дашт, последний одарил его презрительной усмешкой через плечо и снова переключился на свою мишень.

Система тренировки требовала, чтобы дуэлянт стоял с не взведенным арбалетом в руках спиной к цели. По сигналу свистка он должен выхватить из-за пояса стрелу, взвести арбалет, резко повернуться и выстрелить. Мишень была выполнена в форме человеческой фигуры. Очередная стрела дашта пронзила ее в области сердца (то есть в центре груди, где находится сердце у кришнян), добавив к зловещему скоплению дырок в этом месте еще одну. Джам не преувеличивал, называя себя отменным стрелком.

Хассельборг очень внимательно следил за действиями противника, пытаясь найти слабые места. Ему вспомнилось, как много лет назад, еще в Юридической школе Гарварда, он читал о неком прецеденте на тему устаревших законов. Примерно в 1817 году один англичанин, проигрывая судебный процесс, вызвал своего оппонента на поединок, называемый «божьим судом». На турнирной арене он появился в рыцарских доспехах с головы до пят, с мечом и копьем. Его противник манкировал боем, и англичанин заявил, что выиграл процесс. Юристы лихорадочно засуетились и обнаружили, что этот умник и впрямь-таки выиграл дело. На следующей же сессии парламент в срочном порядке отменил судебные поединки.

Через час-другой дашт закончил и промаршировал прочь, сопровождаемый ратниками, захваченными из Росида. Некоторые из местных дворян задержались, желая посмотреть на выступление Хассельборга.

Однако тот не собирался ставить себя в дурацкое положение на глазах честной компании. Он лениво сидел на скамейке, пытаясь разговорить своих стражей на предмет техники арбалетной стрельбы.

— У нас в Малайере порядки немного иные, но, наверно, у вас, местных, идеи получше…

Неподкупный стражник, которого Виктор безуспешно

прощупывал прошлым вечером, оказался энтузиастом, требовалось только подкидывать ему очередной вопрос, и рассказ мог длиться бесконечно. Заскучавшие зрители вскоре разошлись кто куда.

— Теперь и я немного попробую, — сказал Хассельборг, которому распорядитель после ухода Джама отдал арбалет. — Не забудьте, что в моей стране пользуются арбалетами иного типа, и поэтому сперва возможны промахи.

Он таки отправил несколько стрел в молоко. Вся беда с этой штукой состояла в том, что у нее отсутствовал прицел, но это поправимо.

— Где можно найти пару булавок примерно такой длины и с такими круглыми головками? — он изобразил что-то типа корсажной булавки.

— Я достану, — вызвался энтузиаст, — моя подружка служит горничной у шерги Мандаи. Я не имею права вас оставить, но пошлю слугу.

Через полчаса Хассельборг получил свои булавки. Он всадил одну в деревянное ложе арбалета неподалеку от дульного конца, рядом с желобом для стрелы, а вторую в соответствующую точку сзади. Совместив линию, проведенную через головки булавок, с мишенью, он сделал несколько тренировочных выстрелов, каждый раз корректируя положение прицела. Наконец Виктор добился стопроцентного попадания.

— Клянусь всеми богами! — воскликнул знаток воинских искусств. — Что же это такое придумал наш любезный господин Кавир? Клянусь носом Тайязана, эта новейшая выдумка наверняка смертельна!

— О, там, откуда я родом, эта выдумка далеко не нова, — заверил его Хассельборг.

Итак, проблема попадания в цель снята, осталось подумать, как помешать цели попасть в него. Вспомнив, что Джам стрелял исключительно из положения стоя, детектив спросил:

— Есть правила, требующие от участников поединка стрелять стоя?

— А из какого же еще положения стрелять? — удивился энтузиаст.

— Я видел, как стреляли с колена, — возразил другой стражник. — Бывший инструктор доура учил припадать на колено для стрельбы из-за стены или другого препятствия. Это было еще до тебя, Ар дебил.

— Так как насчет правил? — повторил вопрос Хассельборг.

— В правилах нет конкретных указаний, следовательно, они позволяют стрелять из любого положения, — ответил Ардебил. —

Насколько я понимаю, вполне законно даже просто треснуть своего противника прикладом.

Хассельборг взвел арбалет и перешел в положение для стрельбы лежа, радуясь подушечкам на локтях куртки. Смущало лишь то, что каменные плиты на учебном плацу могли быть и почище. Стрелял он, несмотря на это, настолько точно, что охранники восхищенно присвистнули.

— Следуя кодексу рыцарской чести, стоило бы предупредить дашта о том, с чем он столкнется, — заметил один из них.

— Но вы ведь не хотели бы испортить такой сюрприз, не так ли? — отозвался Виктор.

На следующее утро Хассельборг стоял на тех же каменных плитах внутреннего двора и слушал речитатив гофмаршала, который зачитывал правила состязания:

— …И на концах плаца вам вручат ваши арбалеты. Вы будете стоять лицом к стене, не делая до свистка ни единого движения.

После сигнала вы можете драться, как вам заблагорассудится, и да даруют звезды победу правому.

Гофмаршал находился за небольшой деревянной стенкой, примерно в метр длиной и высотой по грудь, за ней он мог спрятаться, если бой станет слишком жарким. Во дворе кроме него и дуэлянтов никого больше не было, но из окон дворца за поединком следило множество глаз. Король Экрар, верховный жрец Хасте, Фория…

— Станьте спина к спине, — велел распорядитель, — и начинайте расходиться. Раз-два, раз-два… Вы готовы?

Хассельборг уткнулся взглядом в каменную кладку, ощущая, как его спина, куда он в любой миг ожидал получить от вероломного Джама железную стрелу, покрывается испариной. Он находил, что узаконенная дуэль действует ему на нервы сильнее, чем он ожидал. Бой — другое дело. Ему доводилось побывать в нескольких еще на Земле, и тогда все закончилось фатально для его противников. В первом своем бою он почувствовал тошноту, но потом стал воспринимать подобное испытание как нечто само собой разумеющееся. Теперь же к нему вернулось то неприятное, дрожащее ощущение. Стоишь тут как дурак и намеренно рискуешь жизнью на глазах у зрителей.

Пронзительно заверещал свисток. Внутренне напрягшись, Виктор уронил нос арбалета наземь, сунул носок сапога в стремя на конце оружия и с усилием натянул тетиву. Та с легким звуком пошла назад, войдя в паз. Выдернув из-за пояса стрелу, он резко повернулся, бросился на землю и вложил стрелу в желобок.

Джам бад-Коне прицеливался, когда Хассельборг навел

головки булавок на одну линию с самой блестящей из медалей на груди дашта. Тот, секундно заколебавшись, поднял глаза на упавшего без выстрела противника и снова опустил их к прицелу.

Виктор нажал на спуск. Приклад резко дернулся при отдаче, а стрела с гудением унеслась, подымаясь и опускаясь на несколько сантиметров в своей настильной траектории.

А затем в голове у Хассельборга что-то взорвалось, и свет погас.

Глава 10

Чьи-то руки пытались перевернуть его. Виктор очнулся и открыл глаза, голова страшно болела. Кто-то молвил:

— Он жив.

— Чего не скажешь о другом, — заметил другой голос. Эта болтовня создавала в голове у Хассельборга глухой рев.

С огромным усилием он сел и ощупал макушку. Рука вымазалась в крови, но, по крайней мере, осколки черепа не терлись друг о друга, словно льдины в арктический шторм. Значит, стрела дашта лишь чиркнула по его скальпу и снесла не голову, а шляпу, лежавшую сейчас на камнях у стены.

— Со мной все в порядке, — заверил он собеседников, — не беспокойтесь.

Ему совсем не хотелось, чтобы пальцы какого-нибудь кришнянина, обследуя его черепушку, шарили среди приклеенных антенн.

— Слушай! — произнес чей-то голос. — Это ж новый способ целиться из арбалета, клянусь звездами! Будь у нас такой в битве под Меозидом…

— …Не по-рыцарски, клянусь Кондиором, ему следовало предупредить Джама…

Внезапно Хассельборг сообразил, что на него смотрит король. Пошатываясь, детектив поднялся на ноги и, обретя равновесие, обратился к монарху:

— Государь?

— Господин Кавир, — ответил Экрар, — вы лишили меня доброго вассала, бравого воина. Но в живых мог остаться только один из вас, и я не так уж недоволен, что это оказались вы. Да, Джам был сильной и верной правой рукой, но нельзя отрицать, что и хлопот с ним хватало. Да-да, хлопот. Похищать дворянок — это никуда не годится. Полагаю, придется присутствовать на его торжественных похоронах. Варварские штучки эти похороны! А вы, господин живописец, отправляйтесь-ка к лекарю, пусть он заштопает вам макушку, и возвращайтесь к рисованию. И портрету лучше оказаться теперь очень и очень хорошим: за него заплачено жизнью моего вассала.

— Спасибо, Ваша Грозность, но боюсь: голова у меня сейчас в таком состоянии, что картина будет выглядеть весьма ужасно. Не могли бы мы отложить следующий сеанс по крайней мере на день?

— Нет, ничтожный! Когда я говорю, что желаю сегодня… Хотя, наверно, вы и правы. Не хотелось бы, чтоб из-за вашего

плохого самочувствия мой нос на портрете гулял по моему лицу, словно река Пичиде по Гозаштандской равнине. Заштопайте себе голову, отдохните хорошенько и потом приступайте к работе. Однако не покидайте пределов столицы.

— Полагаю, стражники мне больше не потребуются?

— Да-да, они свободны.

— И вы не против, если…

— Если что? Если что?

— Ничего, Ваша Грозность. Вы и так уже оказали мне достаточно милостей, — покачнувшись, Виктор отвесил поклон. Он собирался попросить дозволения переехать обратно в замок Хасте, где было гораздо удобнее, но вовремя сообразил, что тем опять поощрит матримониальные замыслы Фории.

Семенящим шагом король удалился. Детектив принимал сдержанные поздравления верховного жреца и бурные восторги его племянницы по поводу своей чудесной победы. Внезапно к нему обратился некий господин неотесанного вида:

— Господин Кавир, могу я с вами поговорить? Я — Ферзао бад-Ке, капитан личной гвардии покойного дашта.

Отведя Хассельборга в сторонку, капитан продолжил:

— Теперь, когда смерть дашта отменила нашу присягу ему, мы с ребятами думаем: а что же дальше? Джам был хорошим парнем, хоть и легкомысленным с деньгами, так что мы не всегда вовремя получали содержание. Титул наследует его старший сын, но он пока мал, и потому вдова станет регентшей. Эта кислая дамочка настолько же скупа, насколько расточителен был ее муж. Несомненно, она начнет с того, что рассчитает половину из нас и урежет плату остальным. Вот мы и гадаем: не захотите ли вы, в соответствии со старинным обычаем, взять нас к себе на службу? Бойцы мы бравые, свирепые и дерзкие, только прикажите — живо захватим какой-нибудь островок в море Садабао. И вы в момент станете королем, как тот парень на Замбе! Что скажете?

«Вот новая проблема на мою голову!» — подумал Виктор, а вслух спросил:

— Сколько вам платил дашт?

— Ну, по-разному, учитывалось звание, продолжительность службы и тому подобное. Примерно выходило кардов до сорока за десятиночье.

Это было весьма неплохо для обычной вооруженной банды, причем Хассельборг не сомневался, что, согласись он, появится уйма дополнительных выплат. Возможно, эти ребятки ему и пригодятся, а деньги, данные жрецом, оплатят их службу на какое-то время вперед.

— Я согласен, — сказал он.

Но далеко не все ратники Джама захотели служить у господина Кавира. Кто-то отказался сразу, другие отложили решение, сказав, что обдумают этот вопрос в Росиде после похорон бывшего хозяина. Tant mieux[24]: денег хватит на более долгий срок.

Всего под началом Хассельборга оказалось двадцать девять головорезов.

Закрывшись у себя в покоях, Виктор принял таблетки от головной боли и попытался изучить свою рану. К несчастью, та находилась на самой макушке и разглядеть ее с помощью одного зеркала не представлялось возможным. Провозившись с полчаса, он приспособил второе зеркало так, что смог смотреть на себя сверху вниз.

Он смыл запекшуюся на волосах вокруг раны кровь, состриг часть волос миниатюрными ножницами из своего швейного набора, обработал рану противовоспалительным средством и заклеил кусочком бактерицидного пластыря. Работа непрофессиональная, но должно сойти.

Занимаясь всем этим, Виктор обратил внимание, что корни волос выдают их природный каштановый цвет. Он мысленно поблагодарил новуресифийского парикмахера, продавшего ему специальную краску для волос на этот случай, и кисточкой нанес раствор. Антенны держались вполне надежно, а вот один из заостренных кончиков ушей начинал отставать, и его пришлось подклеить.

Большую часть дня он продремал, а затем отправился на ужин в замок Хасте, как то было обещано, чтобы отпраздновать победу. На сей раз у него имелся законный предлог отвергнуть хозяйские коктейли, сославшись на раненую голову. Это было тем более удачно, что сии алкогольные напитки уже начинали нравиться детективу.

За ужином он попросил жреца:

— Расскажите мне о Замбе и ее новом правителе.

Тот поднял антенны:

— Почему вы этим интересуетесь, сын мой? Я полагал, что вас интерес к новоиспеченному королю ограничивается получением с него денег за прошлый портрет.

— Да нет, я просто хотел понять, как это Энтане достиг столь многого за столь короткий срок. Когда я писал его портрет, он не произвел на меня впечатления неординарной личности. Интересно, что он собирается делать, будучи королем.

— Все во власти звезд.

Знакомый молодой жрец, прислуживающий Хасте, вошел и шепнул что-то хозяину.

— Астрологу не спокойнее, чем врачу, — пожаловался верховный жрец. — Сейчас я должен проверить появление Райорда на ночном небе. Фория, прикажи, пожалуйста, повару немного обождать с ужином.

После его ухода девушка внимательно посмотрела на Хассельборга бездонно-зелеными раскосыми глазами.

— А я могла бы сообщить новости о Замбе. Куча знакомых сплетниц из королевского дворца все уши мне прожужжали, болтая о них.

— Что за новости?

— Я лишь сказала, что *могла бы* сообщить, — улыбнулась она.

— Что вы имеете в виду? — спросил Виктор, уже догадываясь о ее намерениях. Ох, мама, снова — здорово!

— Что могла бы стать ценной помощницей герою, но не собираюсь запросто одаривать милостями того, кто лишь поблагодарит да и уедет восвояси, забыв обо мне.

— Придворные сплетни действительно настолько ценны?

— Придется поверить мне на слово: есть важные новости о короле Энтане.

— Боюсь, что не могу купить кота в мешке, — покачал головой детектив и, увидев страдание на лице Фории, добавил: — Конечно, вы понимаете, как я привязан к вам, а если слухи будут в тему, то это станет весомым вкладом…

— Хорошо! Не будем больше фехтовать деревянными мечами. Обещай мне, что если новости и правда окажутся важными, то ты женишься на мне тут же!

— Нет.

— О, ты несносен! Выходит, я должна отдать все, что мне известно, а ты еще будешь раздумывать, делать ли мне одолжение! Я что — так уродлива?

— Нет.

— Что же тогда?

— Дело принципа.

— Принципа! Будь прокляты твои принципы! — в волнении она принялась расхаживать взад-вперед, бушуя гневом. — Мне следовало бы нанять какого-нибудь головореза всадить сталь тебе в глотку, дабы увидеть: потечет ли из раны кровь или всего лишь чернила! Ничтожество! Никогда не встречала я подобного мужчины! Можно подумать, что ты…

Происходящее все больше и больше переставало нравиться Хассельборгу, так как искушало его либо принять домогательства Фории, либо окончательно порвать эти двусмысленные отношения.

— Ну? — вопросила жреческая племянница.

— Я уже объяснил! Мне очень хотелось бы услышать ваши новости, и чем больше вы мне поможете, тем больше я буду вам благодарен. Но я решительно не стану обещать жениться на вас. Во всяком случае, на данном этапе.

Она перевела дух и решилась:

— Хорошо. Я расскажу вам, что слышала, а вы потом поступайте, как хотите! Уезжайте куда глаза глядят, швыряйтесь мной, браните и бейте, как вам будет угодно! Я ничего не требую взамен, кроме как поверить, что я действительно люблю вас и желаю добра.

— Я верю этому. И, может быть, когда-нибудь смогу ответить взаимностью. Итак, что за информацию вы хотели сообщить?

— Король Энтане и его королева готовятся отплыть с Замбы в Маджбур.

Хассельборг резко выпрямился в кресле:

— Зачем?

— Этого не знаем ни я, ни тот, кто поведал мне новость. Очевидно, чтобы купить что-то или для торговых переговоров с синдиками вольного города. Но разве в этом суть! Разве вы не понимаете, в чем ценность моей информации?

— В чем же?

— У вас имеется какое-то таинственное дело к новоиспеченному королю. Не исключено, что он откажет вам в аудиенции. Пока Энтане на острове — вам к нему не подобраться, так как галеры Замбы занимают в море Садабао господствующее положение. А вот когда он окажется на материке… Теперь понимаете?

— Да, и большое спасибо. Но как мне теперь уехать из Хершида, не вызвав раздражения короля Экрара? Ведь в противном случае он бросит за мной в погоню свою армию.

Фория на миг задумалась и предложила:

— Наверное, я могла бы попробовать убедить его. Этот старый *багган* сильно ко мне привязан, хотя порядком недолюбливает моего дядю. Не знаю, прислушается ли он к моим словам. Если я уговорю его, вы женитесь на мне?

— Нет, милая, — улыбнулся Виктор. — А вы крайне настойчивая юная особа, не правда ли?

— Шутки тут неуместны! Разве вы не видите, что в клочья разрываете мне печень? О Кавир, я всегда мечтала о таком мужчине… — воскликнула девушка и расплакалась.

Хассельборг принялся успокаивать ее, но безуспешно, тогда он изменил тактику и приказал:

— Возьмите себя в руки. По-моему, я слышу, как

возвращается ваш дядя.

Спустя мгновение Фория вновь стала степенно-вежливой хозяйкой дома. А детектив подумал, что тому мужчине, с которым она свяжет свою судьбу, скучать не придется никогда.

На следующее утро Хассельборг явился к королю со словами:

— Да порадует это Вашу Грозность: голова у меня больше не болит…

— Вот как? Хорошо! Превосходно! Тогда возобновим наши сеансы. У меня есть свободный часок сегодня вечером…

— Минутку, государь! Я не договорил. Рана не беспокоит меня, но впечатлительная натура художника потрясена поединком. Я никак не смогу хорошо работать, пока не успокою нервы.

— И когда же это произойдет?

— Сложно сказать, ведь это моя первая дуэль.

— Правда? А держались вы неплохо.

— Спасибо. Осмелюсь предположить, что к концу ближайшего десятиночья буду готов продолжить портрет.

— Хм-м-м. Придется позволить вам некоторое время поболтаться по дворцу в праздности, флиртуя с дамами, пока не приведете в порядок свою впечатлительную натуру. Непредсказуемый народ эти художники! На вас нельзя положиться: вы, как старик Хасте, обещаете и никогда не выполняете.

— Сожалею, повелитель, что испытываю ваше терпение, но талант живописца — тот же божий дар и требует бережного обращения. В любом случае, вы ведь все равно отправляетесь на похороны Джама бад-Коне?

— Это правда, меня несколько дней не будет в столице.

— Вот и отлично. Не разрешите ли вы мне тоже отлучиться из Хершида?

— Куда это? — подозрительно спросил Экрар.

— Хотелось бы провести день-другой в Маджбуре. Смена обстановки — лучший отдых, знаете ли.

— Нет, не знаю! Вы, художники, действительно нестерпимы! Вам даден выгодный заказ, любой согласится, что я великолепная модель. Один престиж написать портрет доура вполне окупит ваше время, навсегда подарив вам репутацию придворного живописца. Кроме того, я простил вас, когда вы убили моего верного вассала. И где благодарность?! Сплошные отговорки, задержки, благовидные предлоги! Я не потерплю этого! Смерд, считай себя… Нет, погодите. Вы желаете отдохнуть — вот и отправляйтесь со мной в Росид, а по пути можно и портретом заняться.

— О государь! Во-первых, церемония похорон окончательно расстроит мои нервы. А во-вторых, люди покойного Джама вряд ли сочтут меня желанным гостем.

— Верно, верно. Но ведь ваша поездка в вольный город Маджбур может оказаться лишь предлогом для выхода из-под моей юрисдикции. Вы сбежите, оставив мне за все мои хлопоты карандашный набросок.

— Ваши сомнения легко опровергнуть, повелитель. В Хершиде я оставляю приличную денежную сумму и нанятый мною отряд ратников. К тому же существует такая мелочь, как будущий гонорар за картину, заказанную вами. Не думаете же вы, что я способен бросить все это?

— Полагаю, что нет. Тогда отправляйтесь в свое дурацкое путешествие, и да помогут вам боги, если вы не вернетесь, как обещали!

— Не могли бы вы дать мне рекомендацию к кому-либо в Маджбуре? Скажем, к вашему послу.

— Хорошо, у меня есть там постоянный представитель, господин Горбоваст. Наэн, составь необходимую бумагу прямо сейчас, и я подпишу.

На сей раз Хассельборг очень внимательно отнесся к составлению рекомендательного письма. Он встал перед секретарским столом, пытаясь прочесть текст, что оказалось весьма трудным делом. Витиеватые буквы гозаштандоу и так-то тяжело разбирать, а сейчас письмо лежало вверх ногами. Все же никаких смертоносных слов типа «шпион» Виктор не увидел.

Только-только настал полдень, а он уже мчался по дороге на Маджбур. Детектив даже не попрощался с Форией, ограничившись устным посланием через вестового, так как опасался очередной сцены или требования взять девушку с собой. Возникало, правда, искушение захватить с собой кого-нибудь из нанятых громил, но Виктор подавил это желание. Во время совместного путешествия кришнянин почти наверняка догадался бы о земном происхождении Хассельборга.

Проезжая мимо железной дороги, Виктор обогнал ежедневный поезд из Хершида в Кадар, влекомый биштаром. Пара юных туземцев весело помахала ему из окошка, точь-в-точь как ребятишки на Земле. Он вскинул руку в ответном жесте и одновременно впервые на этой планете ощутил тоску по дому. У детектива перехватило дыхание, когда он достал платочек милой Александры и просто взглянул на него.

В предместье Кадар путешественник прибыл поздно вечером второго дня пути. На последний паром в Маджбур он опоздал, но

провел ночь без происшествий, а наутро воспользовался первым же судном. Большая баржа приводилась в движение дюжиной гребцов на больших веслах, которым помогал западный ветер, надувавший два треугольных латинских паруса. Низкие берега устья Пичиде открывали вид на море Садабао, сверкавшее под лучами восходящего солнца.

Военная галера с катапультами на носу прошла мимо, грохоча веслами в уключинах. Тяжелое купеческое судно пыталось пробиться в порт против ветра, но у него это плохо получалось. В конце каждого галса его поворачивали через фордевинд, словно судно с прямым парусным вооружением, вместо того чтобы лечь на другой галс, опуская в то же время верхние концы латинских рей и подымая нижние для разворота желтых парусов. В ходе этого сложного процесса корабль, дрейфуя вниз по течению, терял набранное раньше расстояние. «Почему наши не показали им, как оснастить настоящий косой парус?» — удивился Хассельборг, но вспомнил декларацию Межпланетного Совета.

Начинающийся скандал отвлек детектива от наблюдений. Оказалось, что его айя слопал один из фруктов, которые некий кришнянин вез на продажу. Чтобы умиротворить этого скандалиста, пришлось купить всю корзину.

Горбоваст был полезен в таких существенных вещах, как рекомендация мест, где Хассельборг мог бы остановиться и поразвлечься. Вообще, хотя представитель доура не сказал этого прямо, создавалось впечатление, что многие развлечения в знаменитом морском порту носили весьма низкопробный характер, как увеселения в Шанхае или Марселе.

К сожалению, Виктор не мог спросить в лоб про ожидаемый визит короля Замбы. Предполагалось, что господин Кавир приехал сюда не за этим, и столь неподобающее любопытство вызвало бы немедленный донос королю Экрару.

Пришлось собраться с духом и прибегнуть к старому, испытанному способу — пройтись по портовым пивнушкам. (Надо отметить, что у кришнян, в отличие от большинства разумных инопланетян, имелась высокоразвитая сеть ресторанов и различных питейных заведений.) На Земле он часто добывал информацию таким методом: идешь в первую попавшуюся забегаловку, заказываешь стаканчик и завязываешь разговор с соседом. Даже если собутыльник производит впечатление человека с двумя мозговыми клетками, треп с ним может что-то дать. Если же он оказывается пустышкой, переходишь к следующему.

В небольших городках благодаря этому способу Хассельборгу почти стопроцентно удавалось получить нужную наводку, хоть иногда на это требовался не один день. Минусом было то, что данная тактика всегда переполняла его болезненными страхами подцепить инфекцию и тяжело сказывалась на его закодированном организме.

Итак, уже вечерело, а Виктор все еще бродил по маджбурскому порту в поисках двадцать второго болвана-собеседника. Голова и пищеварительная система сыщика чувствовали себя весьма скверно. Какие-то подозрительные типы оценивающе приглядывались к нему, но пока могучее телосложение Хассельборга и его бросающийся в глаза меч охлаждали какие-либо враждебные поползновения.

Новая жертва, матрос с далекого острова Сотаспе, обещала оказаться очередной пустышкой. Этот малый со странным именем Отврат, пьянеющий от двух стаканов, уже исчерпал свою норму и теперь горланил песни далекой юности. Его диалект был понятен лишь на половину, а подробности в песнях звучали такие, что сделали бы честь любому психоаналитику. Виктор стал озираться в поисках спасения.

На другом конце скамьи беседовали двое. Один, сидевший лицом к Хассельборгу, походил на крестьянина и говорил медленно, с нажимом. Лица второго не было видно, но вот он обернулся позвать трактирного слугу, и детектив от удивления расплескал свой напиток.

Это был Чжуэнь Ляо-цзы.

Глава 11

— Извини, приятель, но я вижу старого друга, — бросил Виктор собутыльнику, обошел стол и мягко опустил руку на плечо Чжуэня со словами:

— Ни хо бу хо?

Тот повернул голову, слегка улыбаясь без всяких признаков удивления.

— Во хо, — ответил он по-китайски, а затем переключился на гозаштандоу: — Странно встретить тебя здесь! Санандадж, — обратился он к собеседнику, — это мой старый друг… э… мой старый друг…

— Кавир бад-Матлум, — представился Хассельборг.

— Конечно. Познакомься с господином Санандаджем, сейчас он крайне увлекательно повествует мне об альманахах, — Чжуэнь подмигнул старому знакомому. — А я все гадал, сколько тебе понадобится времени, чтобы заметить меня? Но ты бросил своего приятеля-морехода.

— Он занят пением.

— В самом деле? Тогда мы должны их познакомить. Господин Санандадж расскажет парню об альманахах, а тот ему споет. Самая развеселая комбинация.

— Идет. Эй, Отврат!

Детектив приволок сопротивляющегося матроса и усадил его услаждать слух Санандаджа, который продолжал талдычить про альманахи, пытаясь перекричать нового знакомого. Под прикрытием возникшего в результате шума Хассельборг спросил Чжуэня:

— Под каким именем вы разгуливаете?

— Ли-яо. По-другому аборигенам не произнести первую часть моего имени. Фамилию же они и вовсе не выговаривают, у них получается Чувон или что-то вроде этого. А теперь расскажите мне о своих приключениях.

— Рановато. Лучше расскажите о своих. Вы избрали странное место для исследования экономических условий планеты с целью организации высококачественного импорта и экспорта, не правда ли?

— Да, возможно, несколько странное.

— Вы такой же экономист, как я лавочник! Признайтесь, что вы полицейский.

— Ши бу ши?[25] — улыбнулся Чжуэнь.

— Перфейтаменте[26]. Я думаю: мы сможем принести друг другу больше пользы, работая вместе.

— Вот как? И что же вы предлагаете?

— Обоим выложить карты на стол. Вы следите за моей мыслью?

— Очень интересная мысль.

— Вот вы сейчас гадаете: как нам убедиться в честности друг друга. Скажите, вам известно о моем задании?

— Нет.

— Отлично. Я откроюсь вам, а там уж сами решайте, стоит ли вам тратить время на взаимную откровенность. Вряд ли вам понадобится вставлять мне палки в колеса, надеюсь, что и мне не придется перейти вам дорогу.

И Хассельборг поведал о своей погоне за сбежавшей из дому Джульнар.

Когда он закончил свое повествование, Чжуэнь выглядел действительно удивленным.

— Вы хотите сказать, что некий Юсуф Батруни, исходя только из своих мелких личных мотивов, отправил вас в столь опасное, долгое и дорогое путешествие?

— Ну, если вы называете желание отца вернуть дочь мелким личным мотивом, то да.

— Какая романтическая история! Я-то думал, что вы вовлечены в какие-то глубокие дебри межпланетных интриг, во что-то, связанное с государственной политикой и межзвездными отношениями! А оказывается: вы всего-навсего гоняетесь за сбежавшей девушкой!

— Ладно, теперь как насчет вас? Мне понадобится помощь, но я не могу обратиться к туземцам по понятным вам причинам. А насколько сложна ваша задача здесь?

После некоторого размышления Чжуэнь сказал:

— Ваше предложение открыть карты мне подходит. Итак, я агент китайского правительствах особым поручением от Всемирной Федерации. Дело в следующем: некоторое время тому назад груз из пятидесяти пулеметов был отправлен с одной детройтской фабрики в Китай и предназначался нашей полиции госбезопасности. В путь-то этот груз отправился, но к месту назначения так и не прибыл. Разумеется, для большого, экономически развитого государства пятьдесят пулеметов — ничто. Однако ж согласитесь: никому не понравится, что похищенное оружие где-то гуляет, стремясь в руки преступных элементов.

Так к этому делу подключили меня. След привел сперва к тяньцзиньским гангстерам, но те забрали себе только двадцать шесть пулеметов и передали остальные некоему сотруднику «Виажейш Интерпланетариаш». Ситуация вышла за рамки

национальных масштабов, и мое правительство выбило мне у В. Ф. особые полномочия. Я обнаружил, что груз доставлен на Кришну и контрабандно вывезен из Новуресифи для передачи какому-то местному властелину, собравшемуся завоевать планету или, по крайней мере, какую-то ее часть.

— А кто вывозил пулеметы из Новуресифи?

— Не знаю. Кто-то из доверенных лиц.

Детектив кивнул.

— Но кто же заказал подобную посылку? Впрочем, не отвечайте, я сам угадаю. Энтони Фаллон, верно?

— Совершенно.

Хассельборг закурил сигару, предварительно предложив ее Чжуэню, и продолжил:

— Не удивительно, что я наткнулся здесь на вас. Это было бы слишком удачным для простого совпадения. Но вы шли по следу пулеметов Тони, я — следовал за его девушкой, естественно, наши пути должны были рано или поздно пересечься. А где теперь оружие?

— Желал бы я знать, — пожал плечами китаец. — Ходили слухи, что какой-то таинственный ящик спрятали в Колофтском болоте, где скрываются разбойники. Но болото огромно, к тому же полно всяких гнусных тварей помимо разбойников. Я не стал туда соваться, так как уверен, что скоро груз переправят в Маджбур. Поэтому я здесь. Уже несколько дней осматриваю все суда и сплавляемый по реке лес, а также толкаюсь по барам в надежде ухватить какую-нибудь ниточку информации.

— Ну, кой-какую информацию подброшу вам я, — заметил детектив и передал слух о готовящемся визите Фаллона в вольный город. — Как я понимаю, экспедитор доставит груз как раз к этому времени.

— Согласен с вами. Есть ли у вас какие-нибудь связи в Маджбуре?

— Король Экрар рекомендовал меня своему посланнику Горбовасту.

— Вы сможете узнать у него, когда ожидают Фаллона?

— Не хотелось бы. Я приехал сюда под предлогом необходимости сменить обстановку и отдохнуть, с какой стати я буду интересоваться планами короля Замбы? Полагаю, старина Экрар приглядывает за мной через Горбоваста. А вы сможете?

— Постараюсь. Я дружу с верховным синдиком, который, возможно, знает точную дату. А если нет, то он знаком с гозаштандским посланником.

На следующий вечер Чжуэнь разыскал Хассельборга на самом

большом пирсе, тот сидел на вершине штабеля и убедительно изображал прирожденного бездельника.

— Синдик говорит, что Фаллон должен приплыть завтрашней ночью или утром следующего дня, — сообщил китаец. — Следовательно, пулеметы прибудут вот-вот. Вы уверены, что сегодня их еще не было?

— В порт прибуксировали лодку с двумя пассажирами и без всякого груза. Еще пригнали плот леса с дальних верховьев реки, на котором не было ничего, кроме переносной печки и палатки для сплавщиков. *Тамателш*, мы забыли про Кадар! Там есть какие-нибудь причалы?

— Да, но они используются только для рыбачьих лодок и всего подобного. А крупные коммерческие грузы идут через Маджбур.

— Разве наши таинственные друзья не могли именно поэтому высадиться в Кадаре?

— Раньше я об этом не подумал, но такое предположение кажется вполне возможным. Что же нам в связи с этим предпринять?

— Вы останетесь караулить здесь, а я переправлюсь через реку и понаблюдаю там.

— Ладно.

Как выяснилось, паром уже вышел и вернется лишь через час. Чтобы убить время, детектив прогулялся по причалам и ближайшим улицам, зашел в пивнушку, поговорил там с очередным идиотом — еще одна пустышка. К счастью, нетерпение было не самым выдающимся из пороков Хассельборга.

Когда он вернулся к причалу, паром разгружался. Толпа следила за усилиями железнодорожников, пытавшихся успокоить своего биштара. Зрители смотрели со смесью любопытства и страха, готовые к бегству, если огромное животное сделается неуправляемым.

Наконец последний вагон с громыханием съехал с парома, паруса переставили, и шкипер дал сигнал подыматься на борт. Кое-кто из пассажиров передумал ехать, опасаясь соседства с недовольным биштаром. Другие поднялись-таки, но теснились по углам судна, оставляя для этого чудища как можно больше свободного пространства.

Понукаемый погонщиками, биштар осторожно попробовал ногой палубу. Очевидно, ощущение зыбкости ему не понравилось, и он шарахнулся назад. Железнодорожники орали, колотили животное палками и тянули за стрекала, крючья которых вонзались в толстую шкуру. Зверь сердито визжал и вращал безобразными глазками туда-сюда, но в конце концов позволил

загнать себя на борт. Паром заметно осел, приняв его тяжесть.

Матросы отдали концы и оттолкнулись шестами от причала. Гребцы высунули длинные весла и, покрякивая, приступили к своей работе, разворачивая это похожее на шаланду судно в сторону Кадара. Когда паром отплыл, матросы с сильным хлопком распустили паруса, и это вспугнуло биштара. Он замотал головой, переступая с ноги на ногу, издал зловещий визг и захлестал по воздуху своими короткими хоботами.

Хассельборг стоял на вельсе, держась за штаг: отсюда можно в последнюю минуту сигануть на берег, если животное взбесится. Внезапно он вспомнил, что в кармане до сих пор лежит один из фруктов, купленных на пароме днем раньше. Некоторые он съел, некоторые скормил Аввау, а остальные рассовал сегодня утром по карманам — на обед. Теперь остался один плод, с виду похожий на мандарин, но совершенно иной на вкус.

Держа фрукт в вытянутой руке, Виктор приблизился к биштару и окликнул сидевшего на шее животного махаута:

— Эй! Он будет это есть?

— Да, зер, она это любит.

Детектив осторожно протянул фрукт, доверясь судьбе и наполовину ожидая, что вот-вот зверюга схватит его хоботом за руку и разобьет о ближайшую мачту. Однако биштариха, бросив на его лицо настороженный взгляд, деликатно взяла хоботом угощение и отправила его в рот. Хрум-хрум. После этого она успокоилась и лишь мирно прядала ушами, тем более что наполненные ветром паруса больше не хлопали.

— Спасибо, зер, — поблагодарил махаут.

— Пустяки. А для чего ее перевозят-то?

— Не знаю. Говорят, завтра или послезавтра в Хершид пойдет поезд на двойной тяге.

— Ожидается такой тяжелый состав?

— Думаю, да. Желаете узнать подробности — обратитесь к начальнику станции в Кадаре.

Эта информация навела Хассельборга на новые размышления. Они с Чжуэнем исходили из того, что Фаллон, если его не остановят, загрузит свой корабль в Маджбуре контрабандными пулеметами и уплывет обратно на Замбу. Но не планирует ли он вместо этого молниеносный десант на Хершид с целью покорения всей Гозаштандской империи? Конечно, немного странно захватывать столицу, прибывая ежедневным поездом, но ведь головорезы короля Энтане — моряки. Моряку неприлично скакать на айе или шомале, это столь же неуместно, как коню гарцевать на крыше. Кроме того, такой неожиданный ход Фаллона застанет доура врасплох.

Острый рыбный запах ударил в нос и возвестил о приближении Кадара. Когда паром причалил к пирсу, Хассельборг проследил за тем, куда железнодорожники поведут биштариху. Та с видимым облегчением проследовала по сходням и грузно затопала по глав; ной улице, сопровождаемая воем ручных эшунов, которые при виде ее не смогли усидеть спокойно в покосившихся сараях.

Виктор отправился за животным, с чавканьем вытягивая сапоги из непролазной грязи, попутно здороваясь с бездельничающими портовыми пограничниками. На вокзале детектив, покуривая сигару, слонялся с видом пассажира до тех пор, пока не стал привычным зрелищем. Теперь его любопытство будет воспринято не как назойливое или подозрительное, а лишь как попытка убить время. Подойдя к начальнику станции, он заметил:

— Биштариха, которую ваши ребята перевезли сегодня днем, напугала всех чуть не до полусмерти. Не любит она паромов.

— Действительно, эти животные боятся плавать, — согласился начальник. — Но река здесь так широка, что мост не построить, поэтому для переправы биштаров и подвижного состава приходится пользоваться паромом.

— Планируете пустить вскоре какой-то большой поезд?

— Очевидно. Некто едет в Хершид с большой свитой: вчера его представитель заранее оплатил двадцать шесть мест. Не знаю уж, кто этот таинственный «некто», но платит он золотом, следовательно, мы должны выполнить заказ.

Они еще болтали о разных пустяках, когда с парома донесся сигнал колокола, предупреждающий об отправке. Это был последний рейс на сегодня, поэтому Виктор пустился бегом и едва поспел. Матросы уже отдавали концы, Хассельборг перепрыгнул двухметровое пространство между баржей и причалом и плюхнулся на скамью отдышаться. О пулеметах он разнюхать не успел, но информация о двадцати шести билетах до столицы представлялась более важной.

Чжуэнь, похоже, придерживался того же мнения. У него самого новостей не имелось: за день прибыло лишь одно грузовое судно, но ничего, похожего на оружие, там не было.

— А нет ли иного пути от Колофтского болота до Маджбура? — поинтересовался детектив.

— Есть две дороги до Мише. Одна идет прямо на юг из Новуресифи, другая — из деревни Коу, что на краю болота. В принципе возможно доставить пулеметы в Мише, а оттуда по большаку переправить в Маджбур. Но это маловероятно. Во-

первых, путь больно кружной. Во-вторых, в республике Микарданд строго следит за порядком орден Карара и вряд ли пропустит контрабанду, — ответил китаец.

Пришло время очередного ошеломляюще-прекрасного кришнянского заката.

— Пора ужинать, — вспомнил Виктор.

— Идите в трактир — я послежу за рекой, а потом вы меня смените.

— Ладно… Посмотрите-ка, что это?

Вниз по реке плыла лодка, приближаясь к причалу, одинокий латинский парус тихо розовел в лучах закатного солнца. Взглянув на нее, Чжуэнь предупреждающе сжал запястье коллеги и прошептал:

— Лодками такого типа пользуются в районе Коу.

Ботик подплыл поближе — десять весел по каждому борту.

— Лучше нам малость отойти назад и не бросаться в глаза, — тихо сказал Хассельборг.

— Ши. Разделимся: вы контролируете этот пирс, я — следующий, — отозвался Чжуэнь. — И будьте любезны одолжить сигару, а то у меня кончились.

Виктор зевнул, потянулся и двинулся фланирующей походкой обратно к берегу, где пристроился у стены пакгауза, старательно изображая бездельника. Китаец отправился к пирсу выше по реке.

Внешне никак не проявляя своего интереса, сыщик следил за ботом. Течение, ветер и усилия гребцов быстро делали свое дело, и судно вскоре подошло к порту. Детектив разглядел экипаж, сплошь состоящий из дюжих ребят, и массивный ящик на корме. Матросы спустили парус и только на веслах причалили к пирсу, за которым вызвался наблюдать Чжуэнь. Хассельборг направился в ту сторону.

Команда подготавливала груз к транспортировке: ящик обвязали канатом, оставив петли, в которые продели шесты. Попарно встав у их концов, ребята дружно крякнули и подняли груз на плечи, на специальные подушечки. Восемь носильщиков проворно двинулись к началу пирса в сопровождении рулевого и еще одного матроса, остальные остались сторожить бот, уселись и закурили.

Китаец направился за береговой группой, Виктор — за ним. Миновав пару поворотов по узким улицам, матросы остановились у дверей большого здания с высоко расположенными окнами. Чжуэнь проследовал мимо, а детектив внезапно чрезвычайно заинтересовался витринами магазина напротив. В этом заведении

явно продавали дары моря, и из-за неровного и мутноватого кришнянского стекла образцы товара выглядели еще более диковинными, чем были на самом деле.

Рулевой привел в действие железный дверной молоток, и вскоре им открыли. Со своего места Хассельборг не расслышал разговора, но носильщики подняли свой груз и промаршировали в дом. Хлоп!

Через некоторое время девять из десяти вошедших вернулись. Виктор опять вперил взор в дары моря, точнее, в один дар: эта тварь соединяла в себе самые привлекательные черты омара, осьминога и многоножки. Когда матросы удалились, так и не попытавшись пырнуть его ножом в спину, сыщик с облегчением перевел дух.

Из переулка вынырнул Чжуэнь и сообщил:

— Я осмотрел здание с обратной стороны. Никаких окон на нижнем этаже.

— Как же мы туда проникнем?

— Есть одно, расположенное не очень высоко — около двух с половиной метров над землей. Было бы, на что встать…

— И будь у нас лестница и фомка…

— Фомка? Какой Фомка?

— Конечно, не Фома неверующий! Я имею в виду небольшой ломик.

— А! Такая железная штука с крюком на конце?

— Угу. Не знаю, как это называется на гозаштандоу.

— Я тоже, но с помощью языка жестов можно договориться с продавцом. Один из нас должен сходить купить, а другой постережет.

— Хм-м-м, — промычал Хассельборг, — даже если в порту и есть скобяные лавки, все уже закрыто.

— В Маджбуре торгуют допоздна. Надо попытаться.

— Ладно. Я отправлюсь на поиски: у меня ноги длиннее ваших, а вы оставайтесь.

— Нет, лучше вы постерегите, пока я ищу. У вас есть меч, и вы, в отличие от меня, умеете им орудовать.

Виктор не стал спорить, и китаец на своих и в правду коротких ножках засеменил прочь. Детектив занял боевой пост. Закатные огни в небе давно поблекли, и три луны отбрасывали по узким вонючим улочкам пирамидальные тени. Время от времени появлялись одинокие прохожие. Из опекаемого здания вышел незнакомый субъект (явно не один из гребцов) и быстро укатил прочь на самокате. Хассельборг как раз размышлял, затянуться ли ему еще разок уже второй по счету сигарой или погасить ее, когда перед ним возник Чжуэнь с небольшой лестницей.

— Вот, — китаец протянул ломик с загнутым концом.

Оглядевшись и никого на данный момент не обнаружив, они шмыгнули в переулок, ведущий к задней стороне здания.

Искомое окошко выходило во дворик, огороженный солидной стеной с идущими поверху кольями. Но эта преграда благодаря приобретенной лесенке лишь ненадолго задержала компаньонов. Наконец лестницу водрузили под окно пакгауза.

Первым поднялся Хассельборг и атаковал окно — створного типа, со множеством маленьких ромбовидных стекол — с ломиком в руках. По долгу службы он изрядно поднаторел по части взлома, поэтому рама вскоре поддалась с легким хрустом расщепленного дерева. Сыщик просунул голову внутрь.

В свете косо падающих из высоких окон лунных лучей можно было разглядеть что-то, смахивающее на многие акры тюков, упаковочных клетей и ящиков. И ни единого движения, ни единого звука.

— Думаю, мы спустимся в помещение, не втаскивая сюда лесенку, — прошептал Виктор Чжуэню. — Я намерен спрыгнуть вниз и поразведать. Если рее в порядке, залезете и вы. Мой меч у вас? Ладно, я пошел.

И он соскользнул с подоконника в пакгаузную темноту.

Глава 12

Когда детектив приземлился на ближайший ящик, то возблагодарил местных богов за кришнянские сапоги из мягкой кожи, позволившие избежать шума. Подоконник находился примерно на уровне его подбородка, так что вылезти отсюда не составит особого труда. Помимо лунного света здесь присутствовал еще трепетный отголосок свечи, находившийся где-то в другом крыле здания. С кошачьей ловкостью он прокрался по тюкам, осматривая помещение и прикидывая дальнейший маршрут. Давия (так, кажется, зовут местную богиню удачи?) по-прежнему не покинула его и показала ему путь вниз по ступеням из ящиков и мешков.

— Чжуэнь! — тихо позвал Виктор. — Все в порядке, можете не брать лесенку и захватите мой меч.

Силуэт дородной фигуры появился в окне, на мгновение заслонив луну. С удивительной для такого телосложения бесшумностью китаец спрыгнул. По штабелям товаров они спустились на пол и крадучись двинулись к свету свечи. Дважды они ухитрились заблудиться в лабиринте проходов между ящиками, но наконец вышли к нужному месту.

Хассельборг осторожно выглянул из-за горы тюков. Свеча освещала небольшое расчищенное пространство с письменным столом и стулом. Как раз за границей этого пространства и стоял ящик, за которым они охотились. Но в углу спал, прислонившись к стене и вытянув ноги, один из гребцов с барки.

Желая получше рассмотреть его, сыщик неосторожно переместился, и его ножны стукнулись о какой-то ящик с товаром, издав негромкое *бряк*. Глаза спящего мгновенно открылись. Две секунды понадобилось матросу, чтобы обнаружить незваных гостей. Он мгновенно вскочил на ноги, схватив лежащий рядом шамшер, и бросился на взломщиков. Виктор выхватил меч, но гребец ринулся на Чжуэня. Кривой клинок со свистом рассек воздух и лязгнул о ломик.

Хассельборг кинулся на помощь, но его удар пришелся в пустоту, так как противник успел отскочить. И налетел на детектива, рубя направо и налево. Виктор парировал по мере сил, жалея о своем малом опыте владения мечом… *Лязг, дзинь, бац!* Никак не удавалось зацепить ловкого матроса. Но вот китаец зашел сзади и просто тюкнул его ломиком по башке. Сабля с лязгом упала на пол, и боец последовал за ней, опустившись на четвереньки. Он помотал головой, очухиваясь, и потянулся было за шамшером.

— А вот этого делать не стоит! — от волнения Хассельборг перешел на английский, но смысл слов дошел до противника, так как детектив плашмя опустил меч на его руку.

— *Ао!* — воскликнул матрос.

— Заткнись! — рявкнул Виктор, вспомнив наконец гозаштандоу.

Бедолага подчинился, а китаец навалился на него всей тяжестью своего грузного тела и выкрутил его руки за спину.

— *Амиго*[27],— обратился Чжуэнь к компаньону, — срежь-ка где-нибудь кусок веревки и дай мне.

Хассельборг выполнил его просьбу, одновременно гадая: не пора ли отыскать какой-то менее опасный способ зарабатывать на жизнь. В пылу сражения времени на страх не оставалось, но потом возникало тошнотворное послевкусие.

Когда запястья и голени матроса оказались надежно связанными, они перевернули его и привалили спиной к стене.

— Жить хочешь? — без обиняков спросил Виктор, держа острие меча у шеи поверженного противника.

— Конечно. Вы кто, воры? Я лишь временный охранник, пока…

— Засохни. Отвечай только на вопросы, и тихо, не то пожалеешь. Ты с ботика, что прибыл из Колофта, верно?

— Да.

— Погоди, — встрял Чжуэнь. — А где постоянный сторож?

— Отправился повеселиться. Есть тут неподалеку одно милое заведение. Он давно мечтал туда зайти, беда в том, что оба работают ночью. А сегодня парню повезло: мне все равно тут сидеть до утра, вот я и отпустил его.

Китаец взглянул на Хассельборга, тот утвердительно кивнул и добавил:

— Я видел, как он уходил. Где остальная команда бота?

— Гуляют в городе, как и сторож, да поглотит Дупулан его душу!

— Когда вы отчаливаете?

— Завтра на рассвете. Настолько рано, насколько это позволят ночные забавы.

— Ты в курсе, кому предназначен этот груз?

— Говорят, доуру Замбы.

— Ты знаешь его? Видел когда-нибудь?

— Нет.

— Когда он должен прибыть в Маджбур?

— Завтра до заката.

— А от кого вы получили этот ящик? — опять вмешался в допрос Чжуэнь.

— От землянина в Новуресифи.

— Какого землянина?

— Я… э… не помню его имени, какое-то непроизносимое *зем*-ло…

— Лучше постарайся вспомнить, — посоветовал сыщик, покалывая острием меча кожу пленника.

— Знаю! Вспомнил! Господин Жулиу Гоиш!

— Ого! Неудивительно, что он пытался ликвидировать меня! — присвистнул Хассельборг.

— Конечно! — догадался Чжуэнь. — Он не поверил вашему рассказу про мисс Батруни и решил, что вы разыскиваете пулеметы. Я и сам не поверил бы в мелодраму о сбежавшей девушке.

— Но почему Гоиш вообще ввязался в это дело? Что он имеет с подобной контрабанды?

— Думаю, деньги его мало интересуют. Он… э… фанатик по части прогресса.

— Вот почему он сказал на прощанье о своем уважении, «что бы ни случилось». Я действительно был по-человечески симпатичен этому прохвосту, но он видел во мне угрозу своим планам переустройства Кришны и решил устранить препятствие.

— Несомненно, — подытожил китаец и, повернувшись к пленнику для продолжения допроса, вновь переключился на гозаштандоу.

Однако новые подробности сути дела уже не меняли.

— Полагаю, мы выжали этого малого досуха, — заметил наконец Виктор. — Давайте-ка посмотрим на груз.

С помощью ломика они вскоре вскрыли ящик. Там, на оружейной стойке, в два ряда покоились двадцать четыре легких пулемета калибра 6,5 миллиметра. Отделение на самом дне ящика хранило несколько тысяч патронов.

Хассельборг вынул один пулемет и прикинул на руке вес:

— Килограмма четыре потянет. И только гляньте на этих красавцев! Они устанавливаются на любой разумный темп автоматического и одиночного огня, из них можно строчить очередями от двух до десяти выстрелов. Да с одной такой штуковиной и достаточным запасом патронов я готов справиться с целой кришнянской армией!

— Именно так и задумал дружище Фаллон. А что мы теперь будем делать со всем этим скарбом?

— Ничего особенного не приходит в голову. Ну, утопим в реке.

— Это сорвет планы Энтони, но уничтожит улики против него и всей шайки, — возразил Чжуэнь. — Честно говоря, судьба

короля Энтане меня мало волнует. Но по Кришне бродит еще достаточно подобных авантюристов-землян, поэтому главное — перекрыть контрабандный канал, идущий через «Виажейш Интерпланетариаш».

— Вы правы, к этому надо подойти серьезно. Кстати, куда девать этого идиота? — Виктор кивнул в сторону матроса. — Отпускать его не с руки, но и убивать бы не хотелось.

— А почему бы и нет? О, извините, забыл, что вы англосакс. Но что же тогда?

Хассельборг пошарил по карманам.

— Есть у меня хорошее средство. Найдется тут вода? — и детектив заглянул в медный кувшин. — Найдется. У меня есть таблетки, временно затемняющие сознание, одна вырубит бедолагу на пару недель.

— Как же власти Новуресифи позволили вам провести сюда такое?

— Тогда это милое лекарство проходило под именем обыкновенного лонговита, продлевающего жизнь. И заметьте: действительно, благодаря применению данной таблетки я получу возможность прожить подольше.

— Ваши планы?

— Усыпим нашего пленника и спрячем его в этих ящиках. Устроим потайное убежище с достаточным количеством воздуха для поддержания жизни. Его в этом складском лабиринте и за месяц никто не найдет.

— Да, но вернется сторож… И как все же быть с оружием?

Виктор поиграл с пулеметом, щелкая затвором и прищуриваясь в прицел. Дуло он, правда, старательно отводил в потолок.

— Когда-то я разбирал и собирал такие с завязанными глазами, — заявил он, отвинчивая гайку-барашек и извлекая механизм затвора. — Какие шуточки любили вытворять с нами в Отделе Расследований! Коронным номером было подождать, пока мы не выложим все части на стол, а потом спереть ударник. А ты вслепую честно пытаешься собрать пулемет без него. Вот и сейчас бы…

— Извлечь ударники?.. — догадался Чжуэнь.

— И позволить Фаллону спокойно взять свое оружие.

— Великолепный план!

И оба компаньона с энтузиазмом хлопнули друг друга по плечу. Затем детектив продолжил:

— А я рвану обратно в Хершид и подготовлю свою боевую дружину к захвату короля Замбы. Осталось решить проблему со сторожем. Когда он вернется и никого не застанет…

— То решит, что морячок тоже отправился поразвлечься. Наша задача — убедить его в этом. Итак, мы разбираемся с пулеметами, вновь заколачиваем ящик и усыпляем нашего пленника. С его шляпой и саблей я сойду за одного из членов экипажа ботика (я больше вашего похож на кришнянина) и скажу сторожу пакгауза, что прислан сменить приятеля. Утром я якобы возвращаюсь на судно, а на деле болтаюсь поблизости с целью проследить, получит ли Фаллон свое оружие. Вы тем временем скачете обратно в столицу.

— Но ведь команда ботика обнаружит отсутствие своего товарища.

— Надеюсь, они решат, что он просто загулял, и уплывут без него, — пожал плечами китаец. — Если же все-таки отправятся его искать, я тихонько улизну.

Хассельборг, сузив глаза, рассматривал пулемет.

— Послушайте, Чжуэнь, насколько сильно вам необходим Фаллон?

— Да так, средне. Мне главное — взять Гоиша и других заговорщиков с «Виажейш». Но, так как Энтони собирался нарушить закон, полагаю, следует захватить и его. А что?

— Да мне он тоже нужен. Ведь я обязан вернуть мисс Батруни отцу. А едва она ступит на борт космического корабля, как окажется под юрисдикцией Земли. Я не имею права действовать насилием.

— И?

— Скажите, что будет с Фаллоном, когда вы доставите его в Новуресифи?

— Состоится предварительное слушание его дела, на котором я предоставлю все улики председателю суда Кешавачандре. Если суд признает нашего молодца виновным, он сядет в тюрьму. Вот и все.

— Так его будут судить на Кришне? — удивился Виктор.

— Да.

— А как насчет апелляций?

— Об этом заботится Межзвездный Апелляционный суд, который раз в два года наведывается сюда. Но к чему вы клоните?

— Гадаю, нет ли способа сделать так, чтобы процесс по его делу шел на Земле. Тогда влюбленная Джульнар помчится туда безо всяких понуканий с моей стороны. Улавливаете мою мысль?

— Нет шансов: все преступления Фаллона совершены на Кришне.

— Тогда, приятель, мне он нужнее, чем вам. Этот дерзкий молодой человек — мой единственный рычаг для воздействия на мисс Батруни.

— Но разве вы не опасаетесь неприятностей с земным законодательством? Вас могут обвинить в соучастии.

— Нет. На Кришне не существует закона о выдаче преступников, поскольку здешние жители еще не имеют представления о «Habeas corpus»[28] и тому подобных вещах.

— Понимаю. Но, компаньеро[29], возможен и следующий вариант развития событий. Фаллон оказывается в новуресифийской тюрьме, и беспомощная мисс Батруни в растерянности возвращается под отцовское крылышко.

— Это как сказать. А если она так сильно влюблена, что останется торчать под стенами тюрьмы? Или отплывет на Замбу и обратится к подданным: «Ваш король в каталажке, и я, ваша королева, возьму правление в свои руки, пока он не выйдет на волю»? Женщины на троне довольно обычны в этой части Кришны. Нет, Энтони нужен мне.

— Каков ваш план?

— Он пока в зачаточном состоянии, но кое-какие идеи есть. Мне потребуется ваша помощь.

С минуту компаньоны молчали, пристально вглядываясь друг другу в глаза при тусклом свете свечи. Хассельборг очень надеялся, что Чжуэнь уступит без спора и не придется прибегать к угрозам. К тому же ему импонировала сила характера китайского агента. Этот человек был великолепным партнером, но мог стать и опасным противником.

Наконец Ляо-цзы сказал:

— Заключим сделку. Я помогаю вам поймать Фаллона. И оставляю его в вашем распоряжении, если он под присягой дает мне письменные показания против Гоиша. Возможно, власти Новуресифи захотят поближе познакомиться с «королем Энтане». В таком случае я постараюсь разубедить их. Скажу, что для его поимки понадобится целая армия, что все равно он теперь стал государственным свидетелем[30] и тому подобное. Но, если суд будет настаивать, чтобы я привел его, мне придется попытаться это сделать. Вы меня понимаете?

Виктор в свою очередь немного подумал и ответил:

— Хорошо. А теперь — за работу.

Пока детектив впихивал в рот сопротивляющемуся пленнику свою таблетку, Чжуэнь подобрал с пола шамшер.

— Вот уж не думал, что когда-нибудь воспользуюсь подобной штукой. Но я отразил ее рубящий удар какой-то фомкой! Возможно, способности фехтовальщика просто дремали во мне до поры до времени. Как там говорилось в английских средневековых пьесах? Трепещи, злодей! — и китаец свистнул в воздухе кривым клинком.

Глава 13

С тех пор как Виктор покинул Маджбур, дождь лил не переставая. Пару-тройку раз чихнув, он испугался этого вестника грядущей простуды больше, чем сражения со всеми кришнянскими армиями. Стража городских ворот Хершида узнала в Хассельборге спасителя шерги Фории и тут же пропустила, не спрашивая сопровождающих бумаг. Больше всего на свете ему хотелось свернуться калачиком в постели, наглотавшись своих таблеток, и тихо лежать, пока не исчезнет угроза болезни. Однако в замок Хасте он ворвался подобно вихрю.

— Ваше Преподобие, когда-то вы называли себя моим должником за ту небольшую услугу, что я оказал вашей племяннице, и обещали исполнить любую мою просьбу.

— Да, сын мой.

— В таком случае, — Виктор обезоруживающе улыбнулся, — моя просьба готова. Она не слишком сложна и ничего не будет стоить Церкви. Во-первых, соблаговолите послать гонца в королевский дворец к Ферзао бад-Ке, капитану моих ратников. Пусть вся дружина живенько прискачет сюда в полной боевой готовности, захватив еще пару запасных айев.

— Господин Кавир, доур уже несколько раз спрашивал о вас. Не лучше ли вам сперва лично засвидетельствовать ему свое уважение? Он в нетерпении…

— В том-то и дело! Король не должен знать о моем приезде. В противном случае он потребует, чтобы я закончил его портрет, а у меня есть более срочные занятия. Во-вторых, отправьте какого-нибудь лакея купить мне несколько шутих для фейерверка, что выстреливают разноцветными огненными шарами.

— Это сделают, сын мой.

— И, наконец, не выделите ли вы одну из камер вашего подземелья для незваного гостя?

— Господин Кавир! Что вы затеваете? Надеюсь, вы не хотите в качестве благодарности вынудить меня на греховные поступки?

«Старик пошел на попятный», — подумал Хассельборг. Он вспомнил замечание короля Экрара о привычке жреца много чего обещать, но ничего не выполнять и решил держаться напористо.

— Ваше Преподобие, в моей просьбе нет ничего идущего вразрез с высшими интересами Гозаштанда, и вы сами в этом убедитесь. А обещанная вами благодарность мне сейчас совершенно необходима.

Вошла Фория и подчеркнуто официально поздоровалась с

Виктором. Но, когда Хасте начал отдавать распоряжения слугам, она сбросила маску и прошептала:

— Когда я смогу увидеться с моим героем наедине? Я вся горю от тоски по нему! Не могу уснуть…

В следующие полчаса, ожидая прибытия ратников, Хассельборг занимал девушку остроумным, но ни к чему не обязывающим разговором. Перед уходом он попросил:

— Если доур будет справляться обо мне, скажите, что я отправился со своей дружиной на охоту. К тому же это чистая правда.

Они мчались по дороге на Маджбур. Солнце уже садилось, но Виктор надеялся встретить отряд Фаллона до заката. Поезд с захватчиками грозил появиться в любую минуту. Могучие биштары, уступая айям на спринтерской дистанции, в дальних забегах были непобедимы.

Своего бедного Аввау Хассельборг загнал чуть ли не до смерти, еще когда спешил в Хершид, и теперь скакал на одном из запасных айев. Вскоре с ним поравнялся Ферзао бад-Ке и сбавил ход, перейдя на рысь.

— Господин Кавир, по-моему, далеко впереди что-то виднеется, вон на том пути!

Действительно на проложенной слева от большака железнодорожной колее маячило еле различимое пятнышко. По мере приближения оно разрасталось, пока не превратилось в пару биштаров, тандемом впряженных в дюжину вагончиков.

— Приказ вы знаете, — сказал Виктор. — Выполняйте.

Ферзао остановил своих всадников и развернул их. Один из ратников вручил капитану «римскую свечу», которую тот поджег с помощью кремня и кресала. Загоревшийся фитиль зашипел, и Ферзао понесся галопом к поезду, держа шутиху перед собой, словно кавалерийское копье. Остальные двадцать восемь воинов подняли страшный шум, крича во всю глотку и колотя оружием по медным щитам.

«Римская свеча» плюнула по головному биштару огненными шарами. Огонь не причинил особого вреда толстой серой шкуре, но нужный эффект произвел. Махаут в ужасе заорал, а само животное с визгом затопало прочь по мшистой равнине, волоча за собой собрата. Вслед за ними с рельсов сошел и первый вагончик, а следующий закачался и повалился на бок.

Из поезда с дружными воплями и пулеметами «Кольт-Томпсон» выскочило две дюжины молодцев в матросской форме. Надо отдать должное, действовали они дисциплинированно: отбежали от поезда и легли на мох, развернувшись в стрелковую

цепь.

Ратники Хассельборга галопом поскакали к противнику, вооруженные пиками и луками. Стволы пулеметов вскинулись на них.

— *Паззой!* — скомандовал чей-то голос из поезда. Послышалось пустое щелканье.

— Сдавайтесь! Эти штуки не сработают! — крикнул Ферзао и остановился в нескольких футах от вражеской цепи. Несколько матросов вторично клацнули затворами, но с тем же успехом. Остальные перед лицом пик и натянутых луков побросали пулеметы и поднялись на колени, вытянув руки вверх в знак капитуляции.

— Что все это значит?! — заорал тот же голос, и из вагончика выскочил его обладатель — ярко разодетый субъект, в котором детектив узнал красавца-сердцееда с фотографии. Разумеется, он был загримирован под кришнянина. За ним по мху следовала роскошного вида темноволосая девушка, а позади нее виднелась дородная фигура Чжуэня Ляо-цзы.

Энтони продолжал возмущаться.

— Хэлло, Фаллон, — прервал поток его восклицаний Виктор, уже спешившийся и подошедший к своей маленькой армии.

— Вы говорите по-английски?! Так вы…

— Осторожней на поворотах, приятель! Если ты меня выдашь, я окажу ту же любезность тебе. Официально я — Кавир бад-Матлум, художник-портретист при дворе Его Грозности короля Экрара Гозаштандского. А неофициально — Виктор Хассельборг из Лондона.

— О, в самом деле? А что вы делаете…

— Узнаете позже. А пока ведите себя тихо, так как преимущество на моей стороне. Это мисс Батруни, не так ли?

— Это наша жена! — прорычал Фаллон. — Ее Великолепие королева Джульнар Замбийская, с вашего позволения!

— По-моему, у вас уже есть одна жена в Лондоне, не так ли? Вам от нее привет.

— Но вы ведь не для того прилетели с самой Земли, чтобы его передать? В любом случае, это не совсем соответствует истине. Мы уже не женаты на Александре.

— ?

— Да, мы развелись с ней и женились на Джульнар согласно замбийскому праву.

— Ах, как удобно! «Я и суд, я и следствие», — Цап-царап ей ответствует. Очень рад с вами познакомиться, королева. Мистер Батруни отправил меня выяснить, что с вами сталось.

— О, неужели? — отозвалась девушка. — Ну, теперь вы это

узнали. Так почему бы вам не вернуться на Землю сообщить старичку приятную новость и не совать больше нос в наши дела?

— Дело в том, что он поручил мне привезти вас домой.

— Ты ничтожество! — закричал Фаллон и схватился за меч.

— Взять его! — скомандовал Хассельборг.

Двое его ратников набросились на короля, выкрутили ему руки за спину и отобрали оружие.

— Ай-ай-ай, какой озорник, — попенял Виктор. — А теперь давайте продолжим разговор в более спокойном тоне. Мисс Батруни (ах, простите, мистер Фаллон!), Ваше Великолепие королева Джульнар! Как я уже сказал, ваш отец одинок и хотел бы свидеться с вами.

— Ну, я… конечно, люблю старика, но не бросать же мне мужа из-за него. Глупо так же ехать навестить его на выходные за пол дюжины световых лет. Пожалуйста, отпустите нас. А отцу я обязательно напишу.

— Этого недостаточно, — покачал головой Хассельборг. — Король Энтане, не будете ли вы любезны сесть на этого айю? Мой человек поведет его в поводу, и не пытайтесь бежать. Чжуэнь, а вот этот для вас…

— О, — произнес китаец, с опаской глядя на рогатого скакуна. — А как-нибудь по-другому нельзя?

— Нет. В свою коляску я приглашаю юную леди.

— Как? Вы знакомы с этим парнем? — Энтони недоуменно перевел взгляд с Виктора на Чжуэня. — Я думал, это просто пассажир.

— Отнюдь. Господин Ли-яо расследует некое таинственное исчезновение огнестрельного оружия… Вы улавливаете, к чему я клоню, мистер король? — усмехнулся детектив и опять повернулся к приятелю: — Как вы оказались с этой компанией?

— Купил билет, наплел начальнику вокзала, что в Хершиде у меня умирает старый дядюшка, и мне разрешили сесть на спецпоезд. Как вы думаете поступить с вашими замбийцами?

— Отправлю обратно на остров. Эй! — обратился Виктор к махаутам, которые успокаивали своих подопечных. — Спецрейс отменяется. Разделите поезд, одного из биштаров впрягите на место, а второго — в хвостовой вагон. Составы пойдут в разных направлениях.

Отдав распоряжение, Хассельборг направился к угрюмой толпе перешептывающихся матросов.

— Вы осознаете, что незаконно вторглись в Гозаштанд с оружием в руках?

Те кивнули.

— Вы осознаете, что с вами будет, если я сдам вас доуру?

— А разве вы не на него работаете, господин? — спросил один моряк.

— Нет, хотя мы с ним добрые друзья. Вам хотелось бы замять эту некрасивую историю и вернуться в Кадар?

— Конечно, зер! — воскликнули несколько матросов с внезапно пробудившимся интересом.

— Отлично. Ферзао, вели своим людям водрузить сошедшие вагоны на рельсы и отправь пару ратников проводить этих ребят до Кадара. Предоставь айю королю Энтане и поручи лучникам следить за ним: при попытке бегства пусть стреляют. Часовым на въезде в столицу мы скажем, что вернулись с охоты. Надеюсь, они не станут нас пересчитывать. И последнее: пусть кто-нибудь приберет эти пулеметы в мою коляску.

— Послушайте, — обратился к нему Фаллон, — а почему все-таки пулеметы не выстрелили? Нам утверждали, что доставили их на Кришну в полном порядке.

— Секрет фирмы, как-нибудь расскажу, — пообещал Хассельборг. — Королева Джульнар, не окажете ли вы мне честь сесть в мою коляску? А вам, Чжуэнь, не надо так пугаться айю.

— Да, но до земли-то далеко, — пожаловался бывший компаньон, глядя вниз с тряского седла.

— Ну, не так далеко, как кажется. А вспомните ваши подшучивания над моими страхами перед микробами.

— Куда вы нас везете? — потребовал объяснений Фаллон. — К королю Экрару?

— Нет. Пока нет, если будете вести себя хорошо. *Хао!* — Виктор щелкнул кнутом и направил свою повозку к столице вслед за заходящим солнцем.

Хасте погладил длинными пальцами подлокотник кресла.

— Нет. Покуда дело официально не будет улажено, я не буду даже смотреть на этого человека. Я даже не подозреваю о его присутствии, — заявил он.

Хассельборг попытался скрыть раздражение:

— Но Ваше Преподобие исполнит обещанное?

— Не знаю, господин Кавир. Не знаю. Я и правда обещал, но с тех пор много воды утекло. Да, я ваш должник, но изменилась ситуация. Теперь выполнить ваше прошение станет потяжелее Шести Подвигов Карара. Подумайте сами: эти матросы прибудут обратно в Маджбур, и уж ничто на Кришне не помешает им трепать языками. Разговоры дойдут до ушей Горбоваста, а тот сразу доложит королю Экрару. И Экрар захочет узнать, где главари сей странной интервенции. И тут же выяснит, что одного захватили вы и привезли в мой замок. Понимаете, что последует

за этим? Доур немедленно явится сюда в сопровождении вооруженных ратников, найдет Энтане заключенным в подземелье, и мне придется держать ответ.

— Думаю, мы сможем его обмануть, — сказал Хассельборг. — Скажите ему, что я забрал Энтане с собой в Новуресифи. Надеюсь, он не сможет поймать меня и разоблачить.

— Вы, конечно, во всем видите светлую сторону. И все же… не знаю…

— Итак, если вы хотите выполнить свое обещание… — начал Виктор, в душе все больше и больше разделявший мнение короля об этом нерешительном верховном жреце.

— Я выполню его при одном условии.

— Каком именно?

— От вашего внимания не ускользнуло, что моя племянница питает к вам более сильное чувство, чем простое уважение?

— Угу.

— Ну, в таком случае вы женитесь на ней по обрядам нашей святейшей Церкви, а я возьмусь держать у себя вашего пленника, пока вы не распорядитесь его дальнейшей судьбой.

Ни Хасте, ни Фория не знали, что он с Земли и намерен вернуться туда, коль скоро устроит свои дела здесь. Юридически такой брак не будет иметь большого значения. Покинув Гозаштанд, Хассельборг аннулирует его или просто забудет о нем, как поступил со своим браком Фаллон. И все же ему не хотелось обманывать Форию, ведь для девушки замужество — очень серьезная вещь.

— Ну? — прервал ход его мыслей Хасте.

Теперь уже детектив стоял перед необходимостью выбора, как прежде верховный жрец Хершида. Может, на данном этапе стоит плюнуть на все, бросить игру, сдать пленника королю Экрару или Чжуэню и доложить Батруни о неудаче? Это сильно упростило бы и дела с Александрой.

Но нет. Он уже так близок к успеху, что не позволит остановить себя.

— Ладно, — согласился Виктор. — Я отвезу королеву Замбы на ее остров и обвенчаюсь с вашей племянницей.

— Нет, вы должны сделать это до отъезда. Сегодня вечером.

Вот и накрылся его шанс улизнуть.

— Хорошо, как скажете.

Хасте расплылся в усталой улыбке:

— Я давно мечтал об этом великолепном событии. Конечно, мне следовало бы вычислить самый благоприятный день свадьбы по древним астрологическим архивам, но Фория настаивает на немедленной церемонии. Я даже не успею составить ваши

гороскопы, — жрец посмотрел на отмеряющую время полосатую свечу. — Настало время ужина. Предлагаю провести обряд прямо сейчас, как только все мы приведем себя подобающий вид. А потом и поужинаем.

Так, это ставит Хассельборга в весьма пикантное положение, если только он не найдет повода смыться перед брачной ночью. Хотя на данной стадии игры не имеет большого значения, выяснит ли Фория, что он землянин.

— Отлично, — дружелюбно улыбнулся он, — но боюсь, мне придется жениться в том виде, в каком есть, поскольку моя парадная одежда в хижине Экрара.

И Виктор удалился в свою комнату, побрился, умылся и немного вздремнул. Отдохнув, он отправился к покоям Джульнар и постучал.

— Да?

— Королева Джульнар? Это суа-дизан[31] Кавир бад-Матлум.

— Что вам угодно? — она открыла дверь.

— Я подумал, что вам, возможно, захочется побывать на свадьбе.

— На свадьбе? Чьей? Где? Когда? Как замечательно! Очень хотела бы!

— Похоже, что минут через пятнадцать меня и племянницу Хасте Форию окрутят в личной часовне Его Преподобия.

— Правда? Но как же вы можете, ведь вы зем…

— *Ши!* Дело это решенное, и не надо упоминать о подробностях. Просто скажите: вы придете на церемонию?

— С удовольствием! Но…

— Но что? — спросил Хассельборг.

— Я не уверена, что могу принять приглашение и веселиться, в то время как мой муж заключен в отвратительную, тесную камеру. Это было бы неправильно.

— Сожалею, но…

— Почему бы вам не выпустить его на один вечер? Тони парень что надо и, уверена, будет вести себя прилично.

— Посмотрим.

Виктор спустился в подземелье и нашел бывшего короля удобно устроившимся за столом и играющим с Ферзао в кришнянские шашки.

— Тони, — обратился он к своему пленнику, — нынче вечером я женюсь на племяннице Хасте, и ваша… э… жена сказала, что желала бы присутствовать на церемонии вместе с вами. Вы хотели бы?

— Мы определенно хотели бы! — сказал Фаллон с таким нажимом, что Хассельборг встревожено предупредил:

— О побеге и не помышляй, приятель, тебя будут хорошо охранять.

— Ну, *вас* мы не побеспокоим. Слово чести и все такое.

— Ладно. Ферзао, через несколько минут вы с Гумом проведете короля Энтане в личную часовню верховного жреца. Не отходите от него ни на шаг и стерегите его.

И детектив отправился в часовню, где застал Форию со своей горничной, Чжуэня и Джульнар. Невеста посмотрела на него с голодным выражением лица, напоминающим о тех земных паучихах, что поедают своих самцов. Джульнар выглядела чересчур впечатлительной, но, впрочем, нормальной здоровой девушкой. Ее чудесную фигуру выгодно подчеркивало кришнянское вечернее платье, оставлявшее грудь обнаженной.

В сопровождении ратников появился верховный жрец и еще раз напомнил брачующимся правила предстоящего обряда:

— Вы стоите здесь, а Фория тут. Вы берете ее за руку, вот так, а я говорю… Кто это?! Уведите этого человека!

Хассельборг обернулся и увидел Фаллона с двумя охранниками. Энтони вырывался из их рук и кричал:

— Хасте, предатель, двурушник!

— Молчать! Я запрещаю тебе говорить! — завопил жрец.

Пленник не обратил внимания на его слова, продолжая кричать:

— Ах ты, вероломный *зефт!* Мы позаботимся, чтоб ты получил заслуженное… *Охе,* остановите его!

Детектив взглянул на Хасте: тот взводил маленький, пистолетного типа арбалет, направляя его в сторону бывшего короля Замбы. Фаллон и двое его охранников в ужасе пытались увернуться. Паника охватила всех, за исключением Чжуэня и самого Виктора.

Пока китаец озирался в поисках какого-либо оружия, Хассельборг, стоявший поближе к Хасте, вскинул правую ногу в великолепном ударе по его руке. Звон тетивы слился с глухим звуком удара, маленький арбалет взлетел высоко в воздух, а стрела со свистом врезалась в потолок.

Детектив бросился на жреца, проводя футбольную блокировку. Хасте в своем тяжелом и пышном облачении прямо-таки рухнул на пол. Один из его ратников ахнул при виде такого святотатства.

Ну в самом деле, сын мой, — произнес старец, когда к нему вернулось дыхание, — не будьте столь грубы с тем, кто уже не молод!

— Сожалею, — извинился Хассельборг, поднимаясь с пола, куда полетел вслед за жертвой, — Мне показалось, что вы

собираетесь совершить убийство. Я не мог допустить, чтобы вы ввергли себя в подобный грех. К тому же, кто вам сказал, что вы имеете право пристрелить Энтане? Он мой пленник, понимаете?

Крякнув, Виктор встал на ноги с таким ощущением, словно вывихнул бедренный сустав. «Да, староват ты для таких футбольных упражнений, приятель», — подумал он и перевел взгляд на жреца:

— Ого!

— Что случилось? — спросил тот.

— А вот что! — и, протянув руку, Хассельборг сорвал ту из антенн Хасте, которая сама уже частично отделилась от его лба в ходе свалки. — Да вы землянин!

Старец ощупал лоб. Когда через несколько секунд значение происшедшего дошло до него, он так и подпрыгнул. Довольно глупое выражение его лица сменилось откровенным ужасом. Жрец взмолился:

— Ник-кому не говорите об эт-том, с-с-сын мой! Ум-моляю вас! Последствия будут страшными! Меня убьют, господствующая Церковь будет низвергнута, основы нравственности и справедливости — уничтожены! Возьмите все, что у меня есть, только не выдавайте эт-той ст-т-трашной т-тайны!

— Ого, так вот, значит, в чем дело? Вы причастны к этой контрабандной операции, да? И пытались убить Фаллона, потому что он собирался вас выдать?

— Нельзя столь грубо и примитивно толковать мои действия. Я… я м-могу все объяснить, хотя повесть выйдет длинная…

— Ха. Неудивительно, что вы с самого начала не желали его видеть. Ну, это упрощает дело. Извини, Фория, свадьба отменяется.

— Нет! Нет! Ведь я люблю тебя!

Хассельборг проигнорировал ее крики, хотя и не без некоторых угрызений совести. Он думал об Александре и надеялся вскоре увидеть ее.

— Итак, Хасте, я сегодня же отправляюсь в путь с королевой Джульнар. Вы же посадите Фаллона обратно в камеру, окружите его там всевозможным комфортом и под страхом разоблачения будете выполнять любые инструкции касательно его, какие я пришлю. Так же вам стоит назначить Ферзао и Гуму пенсию, чтобы они держали язык за зубами. Улавливаете мою мысль?

— Да. Скажите мне одно, сын мой. Подозреваю, что и вы принадлежите к земной расе. Я прав или…

— А вот это вас абсолютно не касается. Джульнар, тебе тоже придется слушаться меня, в противном случае я отдам Хасте распоряжение положить конец страданиям твоего дружка.

— Понятно, шайтан.

— Тебе, Чжуэнь, понадобится еще поторчать на Кришне, не так ли?

— Так. Мне надо собрать кой-какие дополнительные улики и записать свидетельские показания.

— Хорошо.

— Но, — воскликнула Джульнар, — если я вернусь с вами к отцу, то по кришнянскому времени пройдут целые годы, прежде чем я снова смогу увидеть Тони. На Земле же это будет всего несколько недель.

— Это я улажу, — пообещал Виктор, выуживая из кармана свои драгоценные таблетки. — Тони, это средство для погружения в каталептический транс. Знаешь о таком?

— Определенно знаем, — мрачно ответил Фаллон.

— Вот и прекрасно. Хасте, прежде чем уехать, я хочу позаимствовать у вас ту сумму, какую оставил в своих покоях в королевском дворце. Я дам вам расписку, и после моего отъезда вы можете забрать у короля мои деньги при условии, конечно, что доур почувствует желание проявить честность. Ферзао, посади нашего пленника обратно в камеру, а потом отбери половину ратников сопровождать меня в Новуресифи. Другую половину я передаю в распоряжение господина Ли-яо вместе с деньгами для оплаты их службы. Подготовь так же мою коляску и обеспечь нас запасами продовольствия для долгого путешествия. А сейчас, пожалуй, по чашке горячего шураба для королевы Джульнар и меня.

Путешественники уже порядком отъехали от Хершида, и айя проворно рысил при свете лун, когда Джульнар спросила:

— Разве это не дорога на Маджбур?

— Угу.

— Ну а разве это не кружной путь для попадания в Новуресифи?

— Да. Но короткий маршрут пролегает через Росид, а в Рузе я в данный момент, мягко скажем, непопулярен. Поэтому мы с вами отправимся вверх по Пичиде на лодке.

Девушка замкнулась в мрачном молчании. Позади цокал копытами конвой. Внезапно Хассельборг хлопнул себя по лбу:

— *Таматеш!* Только теперь пришло в голову! Раз Хасте — землянин, то Фория не может быть его племянницей, если, конечно, она на самом деле кришнянка. Слушайте, вы что-нибудь знаете об их прошлом?

— Нет, — ответила Джульнар, — а если б и знала, то все равно не сказала бы вам, разрушитель!

Разрушитель семейных очагов умолк. Да, многое в этой истории оставалось загадкой. Так, надо еще не забыть отправить Ешраму бад-Ешраму, начальнику росидской тюрьмы, оставшуюся половину взятки. Виктор усмехнулся при мысли о том, насколько легче проявлять щепетильность в денежных делах за счет господина Батруни, чем за свой собственный.

Наконец Хассельборг и мисс Батруни спустились по трапу корабля в космическом порту Барселоны. Чемодан девушки вместе с багажом остальных пассажиров шел по скату, а свой Виктор предпочел нести собственноручно, опасаясь рисковать профессиональным снаряжением и лекарствами. В другой руке он крутил резной гозаштандский зонтик, имевший совсем неуместный вид в этот солнечный день.

— Что теперь? — спросила Джульнар, когда они встали в очередь к паспортному столу.

Сперва я собираюсь связаться с вашим отцом в Алеппо, потом должен встретиться с одной… с одним моим другом в Лондоне. И надо найти врача для полного физического обследования.

— Но ведь вы здоровы. Вас только что обследовал врач «Виажейш Интерпланетариаш».

— Обследовал, — серьезно ответил Хассельборг, — но лишняя осторожность не повредит. А еще в ближайшее время мы немного окунемся в светскую жизнь Барселоны. Хотя она тут по большей части эстинкаменти[32], я знаю несколько неплохих заведений на Монтжуйке[33].

— Это просто божественно! Ты необыкновенный человек, Виктор, — восхитилась девушка.

— Вот как?

— Ты разбил мне жизнь, но я чувствую, что не в состоянии ненавидеть тебя.

— Все дело в моем коварном обаянии. Берегитесь его, — и, отвернувшись от Джульнар, детектив протянул таможеннику паспорт.

Они прошли контроль, и Виктор только успел отправить телеграммы, как кто-то обратился к нему по-испански:

— Извините, вы случайно не Виктор Хассельборг?

— *Си, сой Хассельборг*[34].

Обратившийся был в форме полицейского Иберийской Федерации, рядом с ним стояли два сотрудника «Виажейш».

— *Ло сьенто мучо*[35],— поклонился, оправдываясь, испанец, — но я должен арестовать вас.

— За что?!

— Вот у этих господ есть ордер. Сеньор Ндомбу, объясните,

пожалуйста, суть дела.

Темнокожий сотрудник компании лихо отбарабанил:

— Нарушение Положения № 368 правил Межпланетного Совета, раздел четвертый, подраздел двадцать шестой, пятнадцатый параграф.

— Это еще что? — присвистнул Хассельборг.

— Пятнадцатый параграф относится к внедрению механических устройств или изобретений на планете Кришна.

— Да я никогда…

— *Кепра*[36], сеньор, на меня-то зачем нападать из-за этого! Мне известно лишь то, что сказано в ордере. Вы оснастили арбалет прицелом.

— Здорово. Джульнар, — повернулся Виктор к спутнице: — вот кой-какие деньги, возьмите такси и поезжайте в отель «Кристобаль». Оттуда позвоните в фирму «Монтехо и Дуррути» и попросите их внести за меня залог для освобождения из калабосо[37], хорошо?

И арестованный отправился следом за этими деятелями из «Виажейш Интерпланетариаш».

То ли Джульнар воспользовалась случаем поквитаться с ним, то ли у его каталонских коллег случился приступ маньяны[38], но наступил вечер, а детектив все еще сидел в камере. Дело принимало серьезный оборот. Пара корсажных булавок послужит уликой. Зрители тогда взяли их на заметку, а этот народ склонен к подражанию, и, несомненно, прицельное устройство уже распространилось по всей планете. Вряд ли оно сильно изменит эволюцию Кришны, ведь забитый до смерти простой дубиной умирает точно так же, как и взорванный плутониевой бомбой.

Будет предварительное слушанье, на котором местный магистрат либо прекратит дело, либо обязует Хассельборга явиться в суд и поручит вести его процесс суду первой инстанции. Так, чьему же суду подлежит это дело? Преступление совершено землянином на Кришне, нарушены правила Межпланетного Совета, проводимые в жизнь силами безопасности «Виажейш Интерпланетариаш». Арестован преступник на Земле, в Иберии. Значит, Низшая Инстанция, Всемирный Суд Земли для Третьего Международного Судебного Округа, который заседает… хм-м-м… в Париже, не так ли? С апелляцией в… Надо будет порыться в старых учебниках права, когда он вернется в Лондон. Этот юридический лабиринт был настолько запутан, что дела большей частью вообще не доходили до суда, а фигуранты проживали свою долгую жизнь выпущенными под залог.

Нет, *если* он вернется в Лондон. Все могло закончиться

суровым приговором. А вдруг Чжуэнь именно сейчас устраивает компании «Виажейш» огромный скандал? Тогда сверху вполне могут спустить указание завинтить гайки и сделать кого-нибудь козлом отпущения. И будет мало проку уходить в каталептический транс при помощи контрабандно прихваченных с собой таблеток. Пенитенциарные системы Земли знали об этой уловке и просто добавляли проведенное во сне время к назначенному приговором сроку.

Итак, Хассельборг должен выступать в роли своего собственного адвоката, а клиент-то у него — дурак! И ему лучше муй пронто[39] получить советы опытного юриста. Конечно, он сам юрист по образованию, но знания его слишком заржавели, чтобы в одиночку справиться с проблемой. Да, надо было спокойно заниматься правом, а не лезть в следователи. Флер романтики сходит с работы детектива очень быстро…

«Монтехо и Дуррути» звонить явно не собирались, каковой бы ни была причина. Тюремщики позволили ему воспользоваться телефоном, но их контора не отвечала, а домашних номеров он не знал. В телефонном же справочнике числилось столько всяких Монтехо и Дуррути, что ночи не хватит обзвонить их всех.

Виктор попытался дозвониться в отель «Кристобаль». Нет, никакой мисс Батруни у них нет. И сеньора Фаллон тоже не останавливалась. Проживает ли у них королева Замбы? Полно, сеньор, вы смеетесь над нами… о, минуточку. У нас числится некая Хулнар де Тамба, не она ли это?

Номер Джульнар не отвечал, и, разочарованный, Хассельборг улегся спать. По крайней мере, барселонская муниципальная тюрьма в санитарном отношении была довольно приличным учреждением. Кто бы мог подумать, что иберийцы проявят бдительность по отношению к микробам?

На следующее утро Виктор снова висел на телефоне, когда вошедший надзиратель объявил:

— К вам пришла сеньорита Гаршина.

Нетвердой рукой Хассельборг повесил трубку, дважды промахнувшись мимо рычага, и последовал за надзирателем в помещение для свиданий. Девушка уже ждала его там и выглядела точь-в-точь такой, какой он представлял ее себе, только еще более миловидной.

— Александра! Я… ты… ты теперь *мисс* Гаршина?

— Да. Ой, Виктор, твои *волосы!*

— Зеленые, да?

— Ты хочешь сказать, что знаешь это? А я уж подумала, что у меня галлюцинации.

— Зеленые лишь концы волос, и те исчезнут при ближайшей стрижке. А ты ничуть не изменилась — ни на день старше.

— Большую часть времени я пробыла в каталептическом трансе, потому и выгляжу так.

— Правда?

— Да.

— Но… я не привез с собой твоего мужа.

— А я пошла на это вовсе не из-за Тони. Он меня больше нисколько не волнует.

— Тогда… э… из-за кого?

— Неужели не догадываешься?

— Ты хочешь сказать, что ты… э… ты…

Александра кивнула. Виктор раскрыл объятия, и надзиратель, всегда считавший англосаксов бесчувственными людьми, получил сюрприз, способствующий его просвещению.

Детектив достал из кармана кришнянского божка, которого хранил в ожидании именно этой минуты, и подарил его девушке. А потом они сели, держась за руки, и Хассельборг обнаружил, что внезапный паралич его голосовых связок исчез. Они взахлеб говорили о своем прошлом, настоящем и будущем. Наконец арестованный взглянул на часы и воскликнул:

— Слушай, я совсем забыл, что у меня еще нет даже адвоката! Подожди минутку, хорошо, дорогая?

Он бросился к телефону и на этот раз дозвонился до «Монтехо и Дуррути», которые обещали немедленно отправить к нему юриста. Тот как раз организовывал освобождение под залог, когда надзиратель объявил о новых посетителях — сеньоре Батруни с дамой.

В порыве благодарности бывший клиент практически обслюнявил Хассельборга. Наконец детективу удалось вывернуться из объятий эмоционального левантинца и представить вошедшим Александру, назвав ее просто: «Моя невеста, мисс Гаршина». Затем он спросил у Джульнар:

— По-моему, вчера я просил вас срочно позвонить в «Монтехо и Дуррути»?

— Я бы позвонила, Виктор, только…

Только что?

— Этот глупый таксист неправильно меня понял и отвез не туда, поэтому у нас вышел спор. Я не говорю ни по-испански, ни по-каталонски, а он — ни по-английски, ни по-французски, ни по-арабски, и все обернулось просто ужасно. К тому времени как я добралась до «Кристобаля», я напрочь забыла название твоей юридической конторы!

— Так почему же вы не позвонили мне в тюрьму и не

выяснили?

— Не догадалась.

— А где вы были вчера вечером и сегодня утром, когда я вам звонил?

— Вечером я пошла в кино, а когда вернулась в номер, позвонил из Алеппо папа и сказал, что заказывает чартерный рейс на специальном скоростном самолете. Утром я отправилась в аэропорт встречать его.

Хассельборг вздохнул: милая девушка, но слишком уж легкомысленная, с его точки зрения.

— Папа уже сообщил вам новость? — продолжала она. — Конечно, нет, он же только что вошел. Скажи ему, папа.

— Я собираюсь вернуться на Кришну вместе с Джульнар, — сообщил мистер Батруни.

— Зачем? — удивился Виктор.

— Дело в том, что за время вашего отсутствия правительство социалистов национализировало мои фабрики. Они заплатили мне компенсацию, так что голодать не придется, но жизнь перестала приносить радость. Я даже предлагал поработать управляющим, но мне отказали. Не верят, что подлый капиталист будет управлять фабриками, не саботируя производство. Жить на Земле стало неинтересно: все слишком упорядоченно, распланированно и отрегулированно. Метра не пройдешь, не споткнувшись о какой-нибудь бюрократический барьер.

Напишите письмо вашему Хасте, чтобы он отпустил Энтони на свободу. Тогда я отправлюсь на Кришну и буду жить со своим непредсказуемым зятем в его островном королевстве. Там я стану настоящим принцем, которым нельзя стать на Земле, если ты не скандинав.

— Ну, разве это не божественно? — радостно взвизгнула Джульнар. — Теперь я действительно благодарна тебе за свое похищение!

— Шикарно, — вежливо порадовался за них Хассельборг. — Надеюсь, вы удовлетворены тем, как я выполнил ваше поручение, мистер Батруни?

— Более чем. Фактически я настолько доволен, что хотел бы сделать вам одно предложение.

— Новая работа? — с легкой тревогой спросил Виктор.

— Да, но не в том смысле, в каком вы думаете. Вдобавок к положенному гонорару я предлагаю вам читать лекции в Бейрутском университете, где являюсь одним из попечителей.

Хассельборг помолчал, давая этому предложению полностью дойти до сознания.

— Лекции по какому предмету?

— По англосаксонскому праву.

— Вот это да! Надо будет подумать, но все равно примите мою самую искреннюю благодарность. Даже если удастся отбиться от выдвинутых против меня обвинений, мне придется еще стряхнуть пыль со своих правовых знаний и со своего арабского. А теперь как насчет того, чтоб посмотреть достопримечательности Барселоны? Я как раз обещал Джульнар увеселительную прогулку, когда меня замели в кутузку. Пойдемте, ведь это же большая честь пообедать и выпить чаю с Черной Королевой, Белой Королевой и мной!

Слушанье дела проходило на следующее утро. В первом ряду, словно Алиса между двух Королев, сидел мистер Батруни с дочерью и Александрой по бокам. Лицо его являло все признаки похмелья. Магистрат только-только объявил о начале заседания, когда в проходе появился дородный житель Восточной Азии.

— Чжуэнь! — воскликнул Хассельборг, а затем быстро сказал своему адвокату: — Сеньор Агуэзар, вот тот, кто нам нужен!

Китаец тепло пожал руку бывшего компаньона и сказал:

— Я только что прибыл и узнал, что вы в тюрьме. Вылетел через несколько дней после вас, но более скоростным кораблем.

— Вечно мне достается старое корыто, — посетовал Виктор и поведал о причинах своего затруднительного положения.

Как только Ндомбу, темнокожий сотрудник «Виажейш», объяснил причины выдачи ордера на арест, Агуэзар вызвал в свидетели Чжуэня. Китаец через переводчика рассказал о событиях на Кришне. Он особо подчеркнул тот факт, что благодаря незначительному нарушению запрета на внедрение изобретений Хассельборг уцелел и помог предотвратить тяжкое преступление.

— Дело прекращено, — объявил магистрат.

После благополучного окончания слушания Виктор спросил у Чжуэня:

— Вы не могли бы задержаться здесь на два дня и быть моим шафером? — и в ответ на вопросительный взгляд приятеля добавил: — Мы с мисс Гаршиной решили пожениться. Разрешение мы получили еще вчера, но в Иберии по закону полагается выждать три дня.

— Я очень сожалею, но мой рейс сегодня вечером. Если я пропущу его, то ближайший самолет в Китай — только через неделю.

— Печально. И когда вам выезжать?

Китаец посмотрел на часы:

— Следовало бы уже сейчас.

— Я поеду с вами. Дорогие, родные, любимые, вы разрешите мне отлучиться на часок?

Уже в такси Чжуэнь спросил:

— Рады, что вернулись к цивилизации?

— Чрезвычайно! А что вы делали после моего отъезда?

— Несколько дней собирал улики, пришлось потрудиться. Достал, например, те письма Гоиша дашту Руза.

— И что же сталось с Гоишем?

— Он получил десять лет. Еще парочка его сообщников отделалась сроком поменьше.

— Абреу участвовал в этой афере?

— Нет, он чист. Сперва даже не хотел верить, что его помощник — плут, но, когда я убедил его, сильно мне помог. Да, пока я находился в Хершиде, со мной случилось самое ужасное, что только могло случиться.

— Что?

— Фория заставила меня жениться на ней под угрозой разоблачить меня как земного шпиона! Крайне неловкое положение, особенно ввиду того, что у меня уже есть в Гуэйлине жена и восемь детей.

— А что это за ерунда насчет того, что Фория — племянница Хасте? Она была его любовницей?

— Да что вы! Жрец — старый аскет.

— А она действительно кришнянка?

— Самая настоящая, — подтвердил Чжуэнь.

— Как же тогда…

— Когда-то Хасте дезертировал с одного из самых первых кораблей, прибывших на Кришну. Он ведь очень стар, старше двухсот лет. Заделался святым отшельником, жил в пещере, стал немалой силой в гозаштандской Церкви. А несколько лет назад, во время выборов верховного жреца, оба кандидата оказались равными по силам, и в качестве компромисса выбрали третьего — нашего Хасте. Он в принципе неплохой человек, но для такой работы мелковат. Думаю, именно из-за его слабого руководства Церковь и начала утрачивать свои позиции, что, в общем-то, и к лучшему. Мы ведь с вами не верим во всю эту астрологическую чушь.

— А Фория?

— Она была девчонкой из полунищего народа гавехонов — бродячего племени вроде наших цыган. Познакомилась со святым отшельником и ушла к нему жить. Не знаю уж, что тут стало основным мотивом: религия или регулярное питание. Когда же он стал верховным жрецом, она обосновалась в замке вместе с ним в качестве племянницы. Теперь Хасте — глубокий старик, и

Фория подсознательно ищет себе новое теплое местечко. Влюбляется в вас (думаю, искренне) и вынуждает «дядю» сотрудничать, угрожая открыть его земное происхождение. Тем временем жрец чувствует, что его господствующая Церковь теряет влияние, и поэтому вступает в сговор с Фаллоном. Хасте намеревался, когда авантюрист возьмет Хершид, провозгласить его мессией или кем-то подобным. Но мы разрушили все замыслы.

Когда вы сбежали, мысль о замужестве превратилась у бедной Фории в идею фикс. Хасте явно не мог жениться на ней, и поэтому она выбрала меня: на безрыбье и рак рыба. Возможно, она надеялась, что я влюблюсь в нее и останусь. Что происходит в голове у женщины — определить довольно трудно, все равно: землянка она или нет.

Хассельборг в свою очередь ввел друга в курс текущих дел, добавив:

— Я не сказал Батруни, что Александра была прежней женой Фаллона, потому как это привело бы лишь к общему смущению. Как там дела у Тони?

— В полном порядке. Перед моим отъездом собирался уйти в длительный сон.

— Это правильно, ведь Батруни прилетят на Кришну, когда там пройдут годы и годы объективного времени. Однако это их забота. Кстати, знаете, меня иногда беспокоит мысль, что Гоиш и его шайка были правы, а мы и Межпланетный Совет — нет.

— Может быть, но нас это не касается. Мы делали свою работу. И коли речь зашла о работе: вы возьметесь за предложенное преподавание?

— Думаю, да.

— Кажется скучноватым.

— А вам нравится ловить преступников?

— Конечно. Почему же еще, по-вашему, я работаю полицейским?

— Ну а с меня хватит. До последнего приключения я был вполне доволен своим положением. Но на Кришне я искушал судьбу насколько возможно: в меня стреляли из арбалетов, рубили мечами, кололи ножами, я чуть не угодил в пасть екия, — разволновавшийся Виктор утратил привычную сдержанность и нервно затянулся сигарой. — Помню, я читал в «Государстве» Платона, как одного деятеля по имени Эр оглушили в сражении.

Его душа отправляется в Аид, но после возвращается в тело, и Эр приходит в себя. Он рассказывает об увиденном в царстве мертвых. Души выбирают свое новое воплощение, Аякс, например, предпочел полную опасностей жизнь льва. Но Одиссей

— не такой дурак. Он считает, что настрадался уже вполне достаточно, и потому избирает судьбу незаметного, частного гражданина, ведущего мирную жизнь. Подобное желание теперь испытываю и я.

Ну а вы, когда вас ни занесет в Бейрут, заходите повидать профессора Виктора Хассельборга, и миссис Хассельборг, и всех маленьких Хассельборгов. Мы до смерти наскучим вам мирной домашней жизнью.

Чжуэнь поднялся по трапу в самолет и обернулся помахать рукой приятелю, тот махнул в ответ.

«Отличный парень, — подумал Виктор. — Однако надеюсь, что лично я никогда больше не буду иметь отношения к сыскному делу. Хорошенького понемножку».

Некий молодой человек пронесся мимо, задел бывшего детектива плечом, метнул на него быстрый взгляд и взбежал по трапу в закрывающийся уже люк самолета. И хотя Хассельборг лишь мельком видел лицо юноши, этого хватило.

В самолет сел тот самый молодой гозаштандский жрец, правая рука Хасте. Он замаскировался под землянина с помощью парика, волосы которого свисали на лоб, скрывая антенны. Должно быть, Фория отправила его на Землю выследить своего беглого мужа-двоеженца!

Вечный двигатель

1

— Любезный сеньор, — поинтересовался Абреу, — где, черт возьми, вы раздобыли все это богатство? Ограбили половину земных ломбардов?

Он нагнулся, чтобы поближе разглядеть награды, украшавшие грудь Феликса Борела, и продолжил:

— Тевтонский орден, французский орден Почетного легиона, орден Третьей мировой войны, североамериканская медаль «За службу обществу», орден Рыцарей святого Стефана четвертой степени, датский орден Слона, что-то такое-разэтакое из Японии… И спортивные заслуги: значок межуниверситетского чемпионата по баскетболу, значок чемпионата полиции Рио-де-Жанейро по стрельбе из пистолета… *Таматеш,* какая коллекция!

Борел свысока взглянул на маленького толстяка — офицера службы безопасности — и язвительно улыбнулся:

— А откуда вам знать? Вдруг я и правда чемпион-баскетболист.

— Ну и зачем вам все эти побрякушки? Собираетесь загнать их бедным невежественным кришнянам?

— Возможно, если окажусь на мели. Либо просто настолько ослеплю туземцев, что они сами отдадут мне все, чего ни пожелаю.

— Гм. Должен признать, что в этом мундире, да с подобными украшениями, вы и впрямь внушаете благоговейный трепет.

Феликс веселился в душе, глядя на кипящего от злости Абреу. Офицер был сильно раздражен потому, что не находил ни малейшего предлога задержать сидящего перед ним авантюриста в Новуресифи. «Слава богу, наша вселенная пока не так хорошо организована, чтобы нельзя было провернуть в ней фокус-другой», — подумал Борел. Он с удовольствием подложил бы Абреу хорошенькую свинью, так как таил в душе иррациональное предубеждение против всех бразильцев, хотя чиновник и не виноват в том, что именно его страна стала ведущей земной державой.

С откровенной насмешкой Борел ответил:

— Вы бы здорово удивились, расскажи я вам, сколь полезен бывает этот… э… этот маскарад. Служащие космопортов принимают тебя, как минимум, за начальника штаба Всемирной Федерации и кричат: «Сюда, сеньор! Без очереди, сеньор!» Это забавнее цирка.

— Ну, я не могу вас остановить, — вздохнул Абреу. — Однако по-прежнему считаю, что у вас будет больше шансов уцелеть,

замаскировавшись под кришнянина.

— И надеть зеленый парик и фальшивые антенны на лоб?! Нет уж, спасибо.

— Дело ваше. Не забудьте только про Положение № 368 правил Межпланетного Совета. Вы знакомы с ним?

— Естественно. «Запрещается передавать какому-либо туземному жителю планеты Кришна любое устройство, приспособление, машину, инструмент, оружие или другое изобретение, грозящее прогрессом уже существующей на данной планете науке и технике». Продолжить?

— Нау[40], вижу, что знаете. Имейте в виду: компания ни перед чем не остановится, чтобы предотвратить и покарать любое нарушение этого закона. Ранее «Виажейш Интерпланетариаш» мало следила за землянами, покидавшими Новуресифи, но теперь таков приказ Совета.

— Понятно, — зевнул Борел. — Если этот тип закончил просвечивать мой багаж, то я отчаливаю. Как удобнее добраться до Мише?

— Кратчайший путь лежит через Колофтские болота, но тамошние дикие племена иногда нападают на путешественников с целью ограбления. Поэтому вам лучше спуститься на плоту по Пичиде до Коу и следовать оттуда дорогой на юг.

— Обригаду[41]. В республике Микарданд действует золотой стандарт, не так ли?

— Поиш сим[42].

— И какова долларовая стоимость здешнего золота?

— О Деуш меу![43] Для подобных вычислений требуется математик классом повыше, нежели я, ведь надо принять в расчет и фрахт, и проценты, и торговый баланс.

— Хотя бы приблизительно.

— Ну, по-моему, около двухсот долларов за грамм.

Феликс встал, забирая свои документы, характерным жестом откинул назад рыжие волосы и улыбнулся:

— Адеуш[44], сеньор Кристовау. Вы мне очень помогли.

Эта улыбка говорила о прекрасном понимании ситуации. Разумеется, Абреу менее всего хотел оказать ему какую-либо помощь и до сих пор кипятился оттого, что остановить вторжение Борела на Кришну не удалось.

На следующий день Феликс Борел уже дрейфовал на плоту из сплавляемого леса вниз по Пичиде и рядом с ним сидел нанятый в Новуресифи слуга-колофтянин, хвостатый и чудовищно безобразный. Шел сильный ливень, заставляя обоих путешественников горбиться и ежиться.

Наконец дождь прекратился и на зеленоватом небе Кришны показалось солнце. Едва появились первые лучи, Борел встал и встряхнул плащ. Еревац последовал его примеру, ворча на ломаном гозаштандоу:

— Если б господина слушать, что я говорить, и не надеть одежда бедный человек, он мог бы ехать на баржа и держаться рядом с берег. А когда лить с неба вода, мог бы натягивать просмоленный парусина. Не промокать и не бояться разбойники.

— Я знаю, что делаю, — бросил Феликс, разминаясь, чтобы восстановить кровообращение, и осматриваясь. Низкий правый берег реки сплошь порос камышом.

— Что там?

— Колофтский болота, — уведомил слуга.

— Твои сородичи живут здесь?

— Нет, не у река. Подальше. У река сплошь уджеро. — Так по-колофтянски назывались жители планеты, которых большинство землян мысленно именовало просто кришнянами, так как те являлись преобладающим видом. — Сущая разбойника! — добавил он.

Глядя на темную линию камышей, Борел гадал, правильно ли он поступил, отвергнув совет Ереваца купить полное облачение *гарма*, то есть рыцаря. (Наверняка слуга надеялся и сам заполучить на дармовщинку шикарные латы.) Феликс отверг эту идею из-за дороговизны и тяжести доспехов. А ну как упадешь в таком железном гробу в Пичиде? Повлияло, конечно, и предубеждение цивилизованного человека против атрибутов кришнянского средневековья, ведь одна лишь земная бомба могла с легкостью стереть в порошок любой здешний город, а пушка — выкосить целую армию. Теперь же он по-новому осознавал тот факт, что с ним нет и не будет ни бомб, ни пушек.

Впрочем, уже слишком поздно сожалеть об упущенных возможностях, и Борел решил проверить имеющееся вооружение. В новуресифийской лавке он приобрел себе меч (больше для поддержания реноме, чем для защиты), а слуге — недорогую палицу со звездообразным железным набалдашником. Кроме того, у обоих были упрятанные в ножны ножи универсального назначения. Но главная ставка делалась на арбалет. Феликс отнюдь не обладал воинственным характером и надеялся, если придется драться, избежать хотя бы ближнего боя. Сперва он положил глаз на лук, но тетива оказалась слишком тугой, и тот дрожал в его неумелых руках. Времени на тренировку не оставалось, и он купил арбалет.

Борел положил свернутый плащ на вещмешок и уселся сверху, желая еще раз мысленно пробежаться по своим планам.

Единственная сложность заключалась в том, каким образом проникнуть в орден Карара по прибытию в Мише. Как только он обзаведется друзьями в Братстве, считай — полдела сделано. По всем слухам, эти микардандума были прирожденными лохами. Но как вступить в орден? Вероятно, придется импровизировать на месте.

А когда он преодолеет первое препятствие, то многолетний опыт в подобных аферах и тщательная подготовка помогут легко справиться с остальными. И самое приятное во всем этом — посмеяться над стариной Абреу, который не сможет противостоять его планам. Борел считал честность признаком глупости, но Кристовау, при всей его напыщенности, был далеко не глуп, следовательно — обычный ловкач. А все его разговоры о принципах — одно лицемерие.

— *Ао!* — ворвался в раздумья Феликса крик одного из сплавщиков. Кришнянин показывал в сторону правого берега, где из гущи камышей выплывала лодка.

Еревац вскочил на ноги, волосатой ручищей прикрывая глаза от солнца, и прохрипел:

— Разбойники!

— Как же ты можешь определить это отсюда? — усомнился Борел, но тошнотворный страх уже заставлял гулко стучать его сердце.

— Ты сам увидеть, — предрек колофтянин, нервно подергивая хвостом, и с надеждой добавил: — Храбрый господина убивать разбойники? Не позволять им трогать нас?

— Раз-зумеется, — пообещал «храбрый господина». До половины обнажив меч, он посмотрел на клинок и со стуком загнал его обратно в ножны. Это действие выдавало скорее нервозность, чем что-либо другое.

— *Охе!* — испугался кто-то из сплавщиков. — Вы думаете драться с разбойниками?

— Полагаю, да, — ответствовал Борел.

— Ни в коем случае! Не сопротивляйтесь, и они убьют только вас, а нас, простых бедняков, не тронут.

— Вот как?! — повысил голос Феликс, содержание адреналина в крови которого начинало превышать норму. — Значит, вы ожидаете, что я спокойненько дам перерезать себе глотку, лишь бы ваши остались целы, да? Я вам покажу, баггана! — его меч молнией выскочил из ножен и плашмя опустился на голову дерзкого кришнянина, заставив того пошатнуться. — Мы будем драться, нравится вам это или нет! Первого же труса я убью сам! Немедленно соорудить из багажа заслоны по краям плота! Печку передвинуть вперед! — заорал

Борел на двух других плотогонов.

Он кричал и размахивал мечом, пока все указания по обороне не были исполнены, и только после этого перешел на более спокойный тон:

— Теперь возьмите свои шесты и пригнитесь. Ты тоже, Еревац. Я постараюсь отбиться из арбалета, но если нас все же возьмут на абордаж, то вы выскакиваете из засады и мы вместе бросаемся на разбойников по моему сигналу. Понятно?

Лодка шла по касательной на перехват плота. Осторожно выглядывая из-за прикрытия, Феликс уже различал лица нападавших. Один сидел на носу, один — на корме, остальные гребли. Всего, наверное, человек двадцать.

Сплавщики оглядывались на левый берег, словно раздумывая, не предлагает ли река шанс уцелеть. Вид их стал еще более несчастным, когда Борел насмешливо отсоветовал пускаться вплавь, напомнив о чудовищах Пичиде.

— Пора арбалета взводить, — прошептал слуга.

Феликс сунул ногу в стремя у дульного конца арбалета, крякнув, обеими руками взвел механизм и вложил стрелу в желоб. Стрела представляла собой железный штырь в пядь длиной, а сплющенный ромбовидный наконечник, сделанный с закрутом, позволял ей вращаться во время полета.

Лодка подходила все ближе к плоту, и пират, сидевший на носу, прокричал через разделявшее их водное пространство:

— Сдавайтесь!

Борел шепотом велел спутникам проглотить язык. К этому времени он уже настолько раззадорился, что почти наслаждался экстремальностью ситуации.

С лодки повторили:

— Сдавайтесь, и мы вас не тронем! Нам нужно только ваше добро!

Плот ответил молчанием.

— В последний раз предлагаем сдаться, иначе вас ждет мучительная смерть!

Феликс чуть сместил арбалет, наводя его на крикуна. Проклятье! Ну почему эти болваны не поставят на оружие прицелы? Днем раньше он немного потренировался в стрельбе по мишени и счел результат неплохим. Однако сейчас его цель отнюдь не была неподвижной, а плот почему-то ходил ходуном, заставляя руку дрожать.

Гребцы, подбадривая себя криками, налегли на весла, а тип на носу лодки достал что-то вроде небольшого якоря, привязанного к канату. Когда расстояние между противниками сократилось, он принялся раскручивать якорь над головой.

«Абордажная кошка», — догадался Борел, зажмурился и дернул за спуск. Громко щелкнула тетива, прикладом при отдаче ударило в плечо, а затем кто-то из сплавщиков радостно завопил.

Открыв глаза, Феликс обнаружил, что картина изменилась. Разбойник на носу лодки больше не раскручивал свой дрек, а уставился на корму. Рулевого не было! Гребцы сушили весла и взволнованно тараторили.

— Великая господина попадать в капитан! — обрадовался Еревац. — Лучше снова взводить арбалет.

Борел встал и перезарядил оружие. Итак, целясь в одного, он попал в другого, но не собирался теперь разрушать иллюзии слуги по поводу снайперской меткости хозяина.

На лодке перестроились и снова двинулись вперед. Место убитого занял другой разбойник, а к типу с дреком присоединился лучник.

— Не высовываться, — приказал Борел и выстрелил в лучника. Стрела пролетела слишком высоко. Надо вновь перезаряжать арбалет, но подниматься сейчас было бы опасно. Нельзя ли сидя взводить эту треклятую штуку? Одна вражеская стрела с пугающим свистом пронеслась над его головой, другая вонзилась в багаж. Феликс живо ощутил, что может справиться с оружием, не вставая.

Затем он снял фуражку, как слишком соблазнительную мишень, и прицелился в рулевого. Новый промах, а пираты все ближе. Лучник, прикрывая их подход, выпускал по три стрелы на каждый выстрел Борел а.

Наконец арбалетная стрела врезалась в дощатую обшивку лодки, в ответ один из разбойников опять начал раскручивать свой дрек.

— Эй, — окликнул Феликс одного из сплавщиков. — Ты, с топориком! Когда кошка перелетит к нам, выскакивай и руби канат. А вы двое приготовьтесь отталкивать лодку шестами.

— Но стрелы… — пролепетал первый плотогон.

— Это моя забота.

Как только плот оказался в пределах досягаемости троса, метальщик моментально выпустил свой снаряд. Тот с глухим звуком вонзился в бревно, и пират принялся подтягивать канат, наматывая его на руку. Тем временем лучник держал плот под прицелом, не позволяя никому приблизиться к дреку.

Требовалось немедленно отвлечь его. Борел лихорадочно огляделся, схватил фуражку и поднял ее над прикрытием. Тут же просвистела выпущенная с лодки стрела.

— К кошке! — пронзительно приказал Феликс, но его экипаж колебался. Разбойник уже тянулся к висевшему за спиной

колчану за новой стрелой, когда Борел, с трудом сдерживая нервную дрожь в руках, нажал на спуск арбалета.

Лучник издал громкий звериный вопль и согнулся пополам.

— Ну же! — снова заорал Борел и замахнулся на плотогонов. Те мигом ожили. Один перерубил канат, а двое других шестами оттолкнули лодку.

Пират, оставшийся без дрека, отшвырнул бесполезный трос, что-то крикнул своим гребцам и схватил багор. Феликс выстрелил в него, но на этот раз не сумел сдержать волнения и промахнулся, хотя враг находился практически на расстоянии плевка.

Разбойнику удалось зацепить плот крюком, и теперь он подтягивал лодку поближе, а некоторые из гребцов оставили весла и толпились на носу с оружием наготове.

В отчаянии Борел отбросил арбалет, выдрал конец багра из бревна и рванул на себя. Пират, не успевший выпустить древко из рук, полетел в воду. Борел тянул крюк к себе, пытаясь завладеть багром и проткнуть им пирата, но тот не уступал и оказался подтянут к краю плота, куда уже хотел влезть.

Это напряженное единоборство прервал Еревац, обрушивший свою палицу на голову разбойника. Шапка зеленых волос ушла под воду.

Тем временем сплавщики снова оттолкнули шестами вражескую лодку и теперь что-то победно орали на своем диалекте.

Оставшиеся без предводителя пираты раздумали пока идти на абордаж, но один из них подобрал со дна лодки лук и уже возился со стрелой. Пришлось Феликсу снова браться за арбалет. На этот раз он не промахнулся, и новоявленный лучник, ругаясь, схватился за плечо.

Борел еще раз взвел арбалет, но стрелять не стал, а просто целился то в одного, то в другого разбойника. Те по очереди пытались укрыться, и организованная гребля сделалась невозможной.

— Эй, хватит с вас? — крикнул Феликс.

На лодке посовещались, поспорили, и наконец один крикнул в ответ:

— Ладно, не стреляйте. Мы вас отпускаем.

Пиратские весла вновь заработали в постоянном ритме, лодка развернулась и направилась к болоту. Отойдя на безопасное расстояние, лихие вояки заорали какие-то угрозы и оскорбления, которых Борел из-за дальности не понял.

Еревац бормотал что-то о своем чудесном господине, а плотогоны хлопали друг друга по спинам и громко радовались

наперебой:

— Мы молодцы! Разве не говорил я, что мы сможем одолеть хоть сто разбойников!

Внезапно Феликс ощутил страшную слабость. Если бы сейчас на плоту оказалась мышь (или что там на Кришне водится похожее), и эта мышь пискнула на него, он наверняка прыгнул бы в Пичиде от ужаса. Однако следовало скрыть от подчиненных навалившийся страх. Дрожащими руками Борел вставил в длинный изукрашенный мундштук сигарету, закурил и обратился к слуге:

— Похоже, моим проклятым сапогам здорово досталось. Наведи на них глянец, ладно?

II

Поздно вечером отважные мореплаватели добрались до Коу. Здесь Феликс расплатился со сплавщиками и, отправляясь спать, услышал, как те рассказывают хозяину постоялого двора свои байки. Мол, они (при незначительной поддержке одного землянина) смогли отбиться от сотни речных пиратов и убили десятки.

На следующее утро плотогоны пришли проститься с бывшим попутчиком. Они отчаливали вниз по реке, к Маджбуру, где собирались продать свой лес и отправиться на какой-нибудь барже домой.

А через четыре долгих кришнянских дня Борел уже расхаживал по Мише. Столица Микарданда оказалась больше, нежели он ожидал. В центре города высился холм (типичная американская столовая гора), на котором находилась могучая цитадель ордена Карара.

Твердыня хмуро смотрела на Борела, а тот хмурился ей в ответ. Он прикидывал способы проникновения не столько в крепость, сколько в саму касту.

— Еревац!

— Да, господина?

— Насколько я знаю, гармы не занимаются ни хлебопашеством, ни ремеслами, не так ли?

— Хранители работать? Конечно, нет, зер! Они управлять страной, защищать народ от врагов. Этого же достаточно?

— Может быть, но меня интересует не это. Как хранители обеспечивают себе средства к существованию?

— Собирать налоги с простонародье.

— Так я и думал. И кто же собирает эти налоги?

— Оруженосцы работать на казначей.

— А кто казначей ордена?

— Благороднейший гарм Кубанан.

— И где я могу увидеть этого благороднейшего зера?

— Если он в цитадель, нельзя видеть. Если в казначейство, можно.

— А где находится казначейство?

— Там, — слуга неопределенно махнул рукой. — Господина хотеть ехать?

— Да. Готовь коляску, хорошо?

Еревац исчез, и вскоре купленный еще в Коу легкий четырехколесный экипаж катил по булыжной мостовой. Во время поездки Борелу пришло в голову, что доблестного рыцаря обычно

представляют верхом на горячем скакуне, нежели с комфортом восседающим в коляске. Однако последнее было значительно удобнее, поэтому он пошел на риск вызвать предубеждение со стороны микардандума.

Казначейство располагалось в одном из тех неуклюже громоздких зданий из неотесанного камня, которые являлись образцом официального архитектурного стиля карарума. По обе стороны массивной двери высились каменные екии, стоящие на задних лапах. Эти плотоядные, преобладающие в здешних местах, представляли из себя что-то вроде шестиногой норки размером с тигра. По дороге из Коу Феликс потерял голову от страха, услышав отдаленный рык такого зверя.

Придерживая меч, Борел вылез из коляски, принял самое высокомерное выражение лица и спросил у привратника:

— Где мне найти сборщика налогов, любезный?

Выслушав подробные указания, он проследовал по коридору к окошку, за которым сидел человек в невзрачной одежде простолюдина.

— Я желаю знать, не задолжал ли я республике каких-либо налогов, — бросил Борел чиновнику. — Но с тобой я обсуждать это не собираюсь, вызови своего патрона.

Негодование и страх отражались на лице служащего, когда он рванул за начальством. Вскоре в окошке появились иное лицо и торс. Торс этот был облачен в пестрый мундир ордена Карара, но малая величина эмблемы в виде дракона у него на груди свидетельствовала о том, что хозяин мундира — всего лишь оруженосец.

— Нет, я желаю видеть начальника отделения.

Парень нахмурился так, что антенны, выступавшие у него между бровей, скрестились.

— А кто вы, собственно, такой? — осведомился он. — Сборщик налогов перед вами, и если вы хотите заплатить…

— Любезный, — перебил Борел. — я не хочу вас унизить, но, как бывший Великий Магистр Земного ордена и член многих других, я не привык иметь дело с подчиненными. Извольте сообщить вашему начальнику, что здесь находится гарм Феликс Борел.

Оруженосец ушел, недоуменно покачивая головой. Вскоре дверь в коридоре открылась, и появился новый сотрудник казначейства с рыцарскими знаками различия. Он двинулся навстречу посетителю, протягивая руку в приветствии.

— Мой дорогой зер! Заходите, прошу вас. Необыкновенно приятно встретить рыцаря истинной веры, прилетевшего с Земли. Я и не подозревал, что там есть такие. Все землума, какие

посещали Микарданд, толковали про странные бунтарские доктрины, касающиеся свободы и равенства для простонародья. Все, даже те, кто претендовал на высокое положение, вроде зера Эрика Коскелайнена. Но вы, сразу видно, человек действительно знатный.

— Спасибо, — поблагодарил Борел, входя в кабинет. — Я знал, что любой из гармов карарума сразу почувствует нашу духовную связь, хоть я и принадлежу к другой расе.

Рыцарь поклонился и продолжил:

— Что вы говорили касательно своего желания уплатить налоги? Признаюсь: когда я услышал об этом, то сперва просто не поверил собственным ушам. За всю историю республики ни один человек не предлагал заплатить налоги по собственной воле.

— Я не сказал, что *хочу* уплатить их, но, будучи в Микарданде впервые, хотел бы знать свои права и обязанности. Вот и все. Лучше разобраться с самого начала, не так ли?

— Конечно. Но… скажите, вы ведь только-только приехали из Коу?

— Да.

— Тогда… не вы ли тот храбрец, который убил пирата Ушьяриана и одного из его сподручных в битве на реке Пичиде?

— Пустяки, — протестующе взмахнул рукой Борел. — Нельзя же позволять таким негодяям бегать на воле. Я перебил бы всю шайку, но на дрейфующем плоту за злодеями не погоняешься.

Карару так и подскочил:

— Вам положено вознаграждение!

— Вознаграждение?

— Как, разве вы не знаете? За голову Ушьяриана уже не один год, как объявлена награда в десять тысяч кардов! Я должен немедленно проверить истинность ваших слов и…

— Не трудитесь, — прервал его Феликс, у которого появилась одна мыслишка. — Мне, в общем-то, не требуется награды.

— Как? Вы не *желаете* получить десять тысяч кардов? — тупо уставился собеседник.

— Да. Я всего лишь выполнил свой долг дворянина и не нуждаюсь ни в каком вознаграждении.

— Но… это ведь такая сумма…

— Что ж, передайте ее на какое-нибудь достойное дело. Разве у вас в Мише нет благотворительности?

Рыцарь сумел наконец овладеть собой:

— Поразительно. Вы должны встретиться с самим казначеем. Что касается налогов, то… дайте-ка подумать… чужеземцам полагается платить налог за проживание. Хотя у нас существует договоренность с Гозаштандом и некоторыми другими странами,

освобождающая дворян этих государств от налогообложения. Не знаю, будет ли это распространяться на вашу персону. Я улажу этот вопрос с казначеем. Вы не могли бы подождать?

— Разумеется. Вы не против, если я закурю?

— Отнюдь. Разрешите угостить вас, — и карару достал из ящика письменного стола коробку кришнянских сигар.

Вернувшись через несколько минут, рыцарь пригласил Борела проследовать в кабинет патрона. Казначей ордена оказался (что редкость среди кришнян) весьма дородным пожилым мужчиной, смахивающим на Санта-Клауса, только без бороды.

Предыдущий разговор более или менее повторился, за исключением того, что старик был болтлив и склонен перескакивать с одной темы на другую. Особенно заворожили его медали Феликса.

— Это? — переспросил Борел, показывая на значок участника чемпионата по баскетболу. — О, это вторая степень тайного ордена Лихачей. Очень тайного и очень могущественного. Туда принимаются только люди, обвиненные в убийстве, но оправданные судом. А это…

Наконец Кубанан удовлетворил свое любопытство и сказал:

— Чудесно, чудесно. Мой дорогой зер, не бойтесь, мы найдем способ обойти вопрос с налогом. Пусть наш орден сильно стеснен в средствах, но нельзя допустить, чтобы такой благородный человек, как вы, платил словно обыкновенный простолюдин.

Намек на бедность карарума! Именно этого и дожидался Борел. Он тут же вцепился в благоприятную возможность:

— Ордену хотелось бы иметь дополнительные источники дохода?

— Ну, разумеется, — воскликнул казначей, с любовью разглядывая золотые перстни, коими были усеяны его пухлые пальцы. — Конечно, все мы давали обет нищеты и послушания. И все у нас общее, даже наши женщины и дети. Тем не менее оборона республики ложится на нас тяжелым бременем.

— А вы не думали о лотерее?

— А что это такое?

Феликс объяснил, отбарабанив детали с той быстротой, какую позволяло его приличное владение языком.

— Чудесно, — восхитился Кубанан. — Хотя, боюсь, я не все уловил в вашем описании: вы же говорите с акцентом. Не могли бы вы изложить все вышесказанное в письменном виде?

— Само собой разумеется. Фактически я могу сделать кое-что получше.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, к примеру, намного легче объяснить, как ездить на айе, чем действительно научиться этому, не так ли?

— Да.

— Точно так же объяснить, как действует лотерея, легко, но для ее проведения требуется практический навык.

— Что же делать?

— Я могу организовать вашу первую лотерею.

— Зер Феликс, вы меня совершенно поражаете. А какие суммы фигурируют в этом плане?

Борел набросал приблизительную смету, возможную в городе такой величины.

— А что это за десять процентов директору? — нахмурился казначей.

— Это поощрительная оплата. Если вы собираетесь и после моего отъезда проводить подобное мероприятие, то нам лучше сразу организовать его по-деловому. И руководитель должен получать комиссионные. На первый раз директором, естественно, буду я.

— Понимаю. Это кажется разумным. Но членам ордена не позволяется иметь никаких частных средств, кроме разве что малой толики карманных денег. Как же быть с комиссионным вознаграждением?

— Вам придется что-нибудь придумать, — пожал плечами Борел. — Возможно, стоит нанять в качестве директора кого-то из банкиров или купцов.

— Возможно. Мы должны обсудить это поподробней. Не зайдете ли вы сегодня вечером ко мне на ужин? Я приглашаю вас в цитадель.

— Теперь моя очередь быть ошеломленным, Ваше Превосходительство! — воскликнул Феликс, пытаясь скрыть торжествующую усмешку. Вот он, заветный миг удачи!

В назначенный час Борел предъявил часовому свой пропуск и был взят на буксир проводником в форме оруженосца. Изнутри этот мишейский кремль сильно напоминал разросшийся муравейник. Огромные каменные дома, арсеналы, официальные учреждения и прочее перемежались со смотровыми плацами и площадками для игр. Броско разодетые хранители обоих полов фланировали по улицам, бросая на чужака острые взгляды, но не пытаясь его остановить. Феликс внимательно смотрел по сторонам, запоминая путь на случай, если потребуется спешно удалиться по причине какого-либо промаха. Именно из-за несоблюдения этой меры предосторожности он однажды провел шесть месяцев в качестве гостя французской республики.

Казначейские апартаменты выглядели безусловно роскошными для жилища человека, давшего обет бедности. Кроме хозяина, гостя встречала молодая женщина, при виде которой у Борела захватило дух. Если не обращать внимания на зеленые волосы и перистые антенны, это была самая соблазнительная штучка, какую он видел с тех пор, как покинул Землю. Особенно учитывая тот факт, что микардандское вечернее платье оставляло грудь полностью обнаженной.

— Зер Феликс — шерга Зердая, моя доверенная секретарша, — представил Кубанан и понизил голос, имитируя конфиденциальность: — Я *думаю*, что она моя родная дочь, хотя, естественно, этого никто и никогда не может знать наверняка.

— Значит, среди хранителей существуют-таки сердечные чувства? — удивился Феликс.

— Да, к сожалению, вы правы. Это постыдная слабость, но зато какая приятная. О-хо-хо, временами я завидую простолюдинам. Да ведь и сама Зердая не так давно дала взятку инкубаторской прислуге, чтобы узнать, какое яйцо принадлежит ей.

— Я только сегодня спускалась туда, — оживилась девушка. — Служанки говорят, что младенец вылупится дней через пятнадцать.

— Хм, — смущенно кашлянул гость. — Не будет ли вопрос об отцовстве противоречить правилам хорошего тона? Извините, если я иной раз совершаю какой-то промах, я еще не вполне сориентировался в местных обычаях.

— Никаких обид. Отец ребенка — зер Сарду, предшественник зера Шургеза, не так ли, Зердая?

— Так. Но, боюсь, наши повседневные дела кажутся скучными такому бывалому галактическому путешественнику. Зер Феликс, поведайте нам о Земле. Я давно мечтаю отправиться туда! Меня зачаровывают рассказы про Московский Художественный театр и шанхайские ночные клубы. А как, наверное, чудесно ехать на мощной машине! Или говорить с кем-то во многих милях от тебя! И все эти потрясающие изобретения и фабрики…

— Иногда я думаю, что шерга Зердая проявляет неподобающее отсутствие гордости за свой орден. Возможно, это извиняется ее молодостью, — сухо произнес Кубанан. — Перейдем к лотерее. Вы позаботитесь о том, чтобы отпечатали сертификаты?

— Конечно, — пообещал Борел. — Но я и не подозревал, что у вас есть печатный станок.

— Есть, мы получили его от землян, хотя предпочли бы

получить ваше оружие, чтобы уничтожить врагов. Но нет, землума ограничиваются лишь устройствами, способными внести смуту в наше общество. Ведь если простолюдины научатся читать, то кто знает, какие безумные мысли поможет распространить среди них эта злосчастная машина?

Борел у пришлось задействовать все свое обаяние, чтобы уйти от скользкой темы. По счастью, ужин состоял из наиболее приемлемых кришнянских блюд (на этой планете существовала большая возможность, что тебя угостят чем-нибудь похожим на гигантского таракана). После трапезы все трое закурили сигары и продолжили беседу, потягивая спиртное.

— Зер Феликс, — сказал казначей, — вы достаточно опытны в сфере человеческих взаимоотношений. Вы понимаете, что зачастую истинная причина поступка скрывается за ложной мотивацией. Земляне отказываются посвящать нас в свои научные открытия, объясняя это незрелостью кришнянской культуры. Они имеют в виду наши гладиаторские игры, судебные поединки, общественное неравенство, войны и тому подобное. Я не говорю, что они не правы, более того, лично я был бы рад никогда не видеть даже пресловутого печатного станка. Но вот какой вопрос вертится в моей голове: а в чем истинная причина их отказа?

Борел наморщил лоб, силясь сочинить подходящий ответ. Будучи авантюристом и отнюдь не принадлежа к интеллектуалам, он никогда особо не утруждал себя размышлениями над такими отвлеченными вопросами.

— Наверное, они боятся, — сказал он наконец, — что воинственные кришняне научатся строить космические корабли и нападут на соседние планеты.

— Какая странная мысль, — поднял брови Кубанан. — Не так уж много времени утекло с тех пор, как поднялся страшный шум по поводу вопроса о населенности планет. Наша Церковь всегда заверяла, что каждая планета — воплощение божества. Еретиков, утверждавших иное, просто распинали. Неудивительно, что мы приветствовали первых астронавтов с Земли и других планет вашей системы как богов!

Феликс вежливо пробормотал что-то в знак согласия. Эх, будь у членов первой экспедиции хоть капля здравого смысла, они бы согласились со статусом высших существ и не стали развеивать подобных иллюзий. Но сюда прилетела компания прекраснодушных добрячков, жаждущих осчастливить все человечество…

Между тем собеседник продолжал:

— Перед Микардандом стоит масса куда более насущных проблем. Мы со всех сторон окружены врагами. За Пичиде

располагается империя Гозаштанд, правитель которой в последнее время относится к нам крайне недружественно. А город Маджбур, находящийся на границе двух империй, вообще настоящий рассадник заговоров и коварных замыслов. И если бы кто-нибудь, понимаете, кто-нибудь смог бы доставить нам хотя бы одну земную пушку, то благодарность ордена не знала бы границ. У нас есть великолепные кузнецы, способные скопировать что угодно, поэтому требуется всего одна пушка.

Теперь Борел догадался, почему старикан *так* гостеприимен.

— Я понял вас, Ваше Превосходительство. Вы осознаете, насколько рискованно браться за такое дело?

— Чем больше риск, тем больше награда.

— Верно, но все это нуждается в тщательном обдумывании. Я дам вам знать, когда у меня будет время для размышлений.

— Хорошо, — сказал Кубанан, вставая. — А теперь я вас покину, а то Кария подумает, что я совсем забыл о ней. Вы, конечно, останетесь переночевать?

— Я… — удивился Феликс. — Спасибо, Ваше Превосходительство. Я только хочу отправить записку своему слуге.

— Да, да, я пришлю к вам пажа. Шерга Зердая пока составит вам компанию, а если захотите почитать, то на полках стоит множество книг. Ваша спальня — вторая налево.

Борел пробормотал какую-то дежурную фразу, и казначей удалился.

Не испытывая ни малейшего интереса к библиотеке Кубанана, Борел присел рядом с девушкой. Та взглянула на него горящими глазами и попросила:

— Теперь, когда нам незачем больше говорить о финансах, поведайте мне о Земле. Как вы живете? Я имею в виду, какая у вас система личных отношений? У вас собственные дома и семьи, как у простолюдинов, или же все общее, как у нас, хранителей?

Внимательно выслушав рассказ, она вздохнула и произнесла с мечтательным видом:

— Ах, если бы я только могла отправиться к вам. Что может быть романтичнее, чем быть земной домохозяйкой, иметь родной дом, мужа, собственных детей! И телефон!

Борел вспомнил, что многие земные домохозяйки поют совсем иную песню, но вслух лишь мягко спросил:

— А разве вы не можете выйти из ордена?

— Теоретически да, но практически… Это значило бы шагнуть совсем в иной мир. Как тебя там встретят простолюдины? Они ведь относятся к нашей касте крайне недоброжелательно, обвиняя нас в высокомерии. А

необходимость столкнуться с презрением всех хранителей… Нет, это не годится. Единственный выход — вообще оставить планету, отправившись, например, на Землю…

— Наверно, это можно устроить, — осторожно произнес Борел. Он готов был пообещать ей луну с неба (лишь бы заручиться ее помощью), а потом бросить. Но существовало опасение ввязаться в большее число афер, чем он мог потянуть.

— Правда? — загорелась девушка. — Я бы сделала все, что угодно, для…

«Все они так говорят в надежде получить желаемое», — подумал Борел, а вслух сказал:

— Скорее всего, мне понадобится содействие в некоторых проектах. Могу я рассчитывать на вас?

— Всей душой!

— Хорошо. Я позабочусь, чтобы вы не пожалели об этом. Из нас получится чудесная команда, вам не кажется? С помощью вашей красоты и моего опыта мы преодолеем любые препятствия. Представляете, какой трезвон пойдет по всей галактике?

Зердая приникла к нему, учащенно дыша.

— Ты чудо!

— Да вообще-то, нет, — улыбнулся Борел. — Вот ты — да.

— Нет, ты.

— Нет, ты. У тебя есть красота, ум, храбрость… Ну да ладно, у меня будет уйма возможностей сказать тебе все это позже, после лотереи.

Последние слова, казалось, вернули ее с небес на Кришну. Девушка взглянула на полосатую свечу, отмеряющую время, и погасила сигару.

— Великие звезды, я и не думала, что уже так поздно! Мне давно пора спать. Зер Феликс Рыжий, вы не проводите меня в мою опочивальню?

III

— Слава звездам, — сказал Кубанан за завтраком, — Большой Совет собирается нынче утром. Я вынесу на заседание ваше предложение о лотерее, и, если Совет одобрит, мы сможем сегодня же приступить к делу. Так почему бы вам прямо сейчас не заняться организационным планированием?

— Великолепная мысль, Ваше Превосходительство, — согласился Борел.

Сразу после трапезы он отправился разрабатывать макет лотерейных билетов и рекламных плакатов. Зердая вертелась вокруг, ежеминутно предлагала помощь и пыталась прижаться к нему, заглядывая в бумаги. Она смотрела на Борел а с таким неприкрытым обожанием, что даже он, обычно подверженный смущению ничуть не более носорога, несколько робел под ее взглядом.

Однако с этим стоило мириться по весьма уважительной причине, а именно по причине большого куша, ждавшего Феликса Этьена Борела.

К середине дня вернулся торжествующий Кубанан:

— Они одобрили! Великий Магистр сперва немного сомневался: ему претило допускать в тайны ордена лицо, к ордену не принадлежащее. Но я его уломал! Ну, как продвигаются наши дела?

Борел показал ему проекты.

— Чудесно! Чудесно! — восхитился казначей. — Продолжай, мой мальчик, и обращайся ко мне, если тебе что-либо понадобится.

— Обязательно. Сегодня вечером я договорюсь, чтобы эти материалы напечатали, а потом нам понадобится киоск. Предлагаю установить его в нижнем конце той улочки, что подымается к воротам цитадели. И нужна пара человек для продажи билетов и еще несколько — для охраны денег.

— Все будет сделано. Послушай, а почему бы тебе не переехать сюда? Места у меня много. Это сбережет время и упростит переговоры, таким образом, мы убьем двух унх одной стрелой.

— Переезжай, — вздохнула Зердая.

— Ладно. Найдется ли в вашем доме место для моего слуги, а в ваших стойлах — угол для моего айи?

— Конечно.

Остаток дня Борел потратил, договариваясь с печатниками. В

Мише таковых имелось всего два, и у каждого — лишь маленький ручной печатный пресс, следовательно, на работу уйдет, как минимум, дней двадцать.

За ужином он доложил об этом Кубанану, добавив:

— Выпишите мне чек в казначейство ордена на пятнадцать сотен кардов, чтобы покрыть первоначальные расходы.

Это больше, чем на пятнадцать процентов превышало цены, затребованные печатниками, но казначей согласился без всяких вопросов.

— А теперь, — продолжил Борел, — давайте займемся другими делами. Кстати, если Зердая — ваша доверенная секретарша, то, полагаю, вы не против ее присутствия?

— Ничуть. Итак, нашли вы способ обойти технологическую блокаду Кришны, установленную землянами?

— Ну… и да, и нет. Уверяю вас, что бессмысленно ехать в Новуресифи и пытаться контрабандой вывезти пушку или ее чертежи. У них там есть такая машина, которая видит тебя насквозь, и все обязаны пройти осмотр.

— Неужели у них нет никакого уважения к личным тайнам?

— Только не в этом вопросе. Более того, даже если б удалось обмануть машину, был бы немедленно выслан специальный агент, чтобы доставить преступника живым или мертвым.

— Об этих агентах я слыхал, — чуть вздрогнул Кубанан.

— К тому же я не инженер (это ремесло простолюдинов) и не смогу просто запомнить ряд чертежей, по которым работали бы ваши люди. Пушка — слишком сложный механизм.

— И что же вы предлагаете?

— Думаю, единственный способ — это взаимовыгодная сделка. Мы должны заинтересовать их чем-то ценным, чтобы взамен получить послабление блокады.

— Но что у нас есть ценного для землян? Практически все изготовляемые нами вещи они способны сделать сами, и значительно дешевле. Даше наше золото, с их точки зрения, чересчур тяжелый груз, чтобы прибыльно вывозить его за миллиарды миль. Мне ведь доводилось обсуждать эту тему с сотрудниками «Виажейш» в Новуресифи. Хоть я и рыцарь ордена, должность требует от меня быть в курсе низменных торговых дел. К сожалению, Кришна ничего не может предложить Земле.

— Земляне — изобретательный народ, — заметил, затянувшись сигарой, Борел, — они постоянно выдумывают всякие новые штуковины.

— Страшное, наверно, местечко эта Земля, — содрогнулся казначей. — Никакой стабильности.

— Так вот, заинтересовать их способно только какое-то

изобретение, намного опережающее их последние разработки. Тогда они могут пойти на сделку. Понимаете?

— Да, но что же мы придумаем? Мы-то здесь отнюдь не специалисты по части нововведений. Никакой дворянин не опустится до возни с машинами, а у простонародья недостает ума.

— А если я владею секретом подобного изобретения? — улыбнулся Борел.

— Ну это другое дело! Что за секрет?

— Одна идея, которую подарил мне некий умирающий старец. Земляне презирали этого ученого, говоря, что его изобретение противоречит законам природы, но штука работала! Я знаю это, потому что он показывал мне модель.

— Но что же это за изобретение такое? — воскликнул Кубанан.

— О! Оно не только представляет огромный интерес для Земли, но и сделает Микарданд могущественнейшим государством Кришны.

— Не мучайте нас, зер Феликс! — взмолилась Зердая.

— Это вечный двигатель!

— А что это такое? — спросил казначей.

— Машина, которая работает вечно или, по крайней мере, до полного износа.

Кубанан нахмурился и сдвинул антенны:

— Не уверен, что понимаю. У нас есть водяные колеса для зерновых мельниц, которые работают до полного износа.

— Это не совсем то, что я имею в виду, — сказал Борел и задумался над формулировкой. Излагать научное открытие профанам — дело чрезвычайно трудное, к тому же и сам Феликс был весьма и весьма далек от науки. — Я имею в виду, что эта машина выдаст больше силы, чем в нее вложено.

— И в чем же выгода?

— Как в чем! Земляне превыше всего ценят силу и мощь. Это называется энергией. Энергия приводит в действие их автомобили и космические корабли, благодаря ей работают все средства связи и фабрики. Энергия освещает их дома, доит их коров… Извините, забыл, что вы ничего не знаете о коровах. И где же они добывают энергию? Из угля, урана и тому подобных полезных ископаемых. Кое-что дает солнце и всякие приливы-отливы, но этого недостаточно, и они сильно обеспокоены истощением своих минеральных ресурсов. Так вот, мое устройство извлекает энергию из силы тяжести, которая является фундаментальным свойством материи, — сподобившись на такую лекцию, Борел в волнении мерил шагами комнату. — Рано или

поздно на Кришне, как и на Земле в свое время, произойдет научный переворот. Ни вы, ни «Виажейш Интерпланетариаш» не сможете вечно сдерживать его. И когда…

— Надеюсь, я до этого не доживу, — с чувством произнес Кубанан.

— …когда это произойдет, то разве вы первый не захотите, чтобы планету возглавил Микарданд? Конечно же! И вам не потребуется отказываться от привычной социальной системы. При правильном ведении дел техническая революция не только укрепит власть ордена в Микарданде, но и распространит его влияние на всю Кришну!

Казначей начинал понемногу заражаться энтузиазмом Борела.

— Как вы предполагаете этого добиться?

— Вы когда-нибудь слышали о корпорации?

— Дайте-ка подумать… это случайно не какая-то пошлая система, используемая землянами в торговле и производстве?

— Да, но куда шире. Нет пределов тому, что можно сделать при помощи корпорации. «Виажейш», например, тоже корпорация, хотя все ее акции принадлежат нескольким государствам, — и Феликс дотошно объяснил все возможности подобного объединения, напоследок добавив: — И, конечно, учредитель получает, учитывая его заслуги, пятьдесят один процент акций.

— И кто же будет в нашем случае учредителем?

— Я, естественно. Мы можем образовать корпорацию для финансирования строительства вечного двигателя. Первоначальный капитал предоставит орден Карара, зато позже деньги потекут рекой…

— Погодите-погодите. Как же члены ордена смогут купить акции, когда у них нет собственных денег?

— М-да. Тяжко. Полагаю, акции должно держать на хранении казначейство. А далее оно извлечет прибыль либо от сдачи двигателей в аренду, либо от продажи котирующихся акций…

— Зер Феликс, — прервал его Кубанан. — От ваших слов у меня голова идет кругом. Повремените немного, иначе моя голова расколется, как арбуз на чурбане (я правильно сказал?). Ваш план очень соблазнителен, но есть одно неустранимое препятствие.

— Какое?

— Ни Великий Магистр, ни другие высокопоставленные лица никогда не допустят (не в обиду вам будет сказано), чтобы какой-то чужак приобрел такую власть над орденом. Мне с трудом удалось добиться согласия Совета на лотерею, но этот ваш проект

покажется им столь же неуместным, как второй нос на лице.

— Хорошо, мы еще обсудим это, — решил сменить тему Борел. — А сейчас не расскажете ли вы мне историю ордена?

Казначей любезно согласился, поведав во всех подробностях о героических деяниях Карара, легендарного основателя ордена, поубивавшего множество различных великанов и чудовищ. Покуда он болтал, Феликс размышлял над создавшимся положением. Сомнительно, что карарума примут в свои ряды существо с другой планеты. Но, даже если это произойдет, их правила действительно запрещают частную собственность, что идет в разрез с его привычным стилем.

— А каким образом микардандума становятся членами ордена? — наконец спросил он. — Просто потому, что… э… вылупились в официальном инкубаторе?

— Не обязательно. Каждый ребенок из карарумского инкубатора подвергается различным испытаниям. Если он проваливает хотя бы одно из них, его отдают в подходящую семью простолюдинов. С другой стороны, когда число членов ордена сильно снижается, в него могут быть приняты родные дети тех же простолюдинов, проявившие какие-либо исключительные качества.

Кубанан еще какое-то время толковал о различных степенях рыцарей ордена, но затем его начало клонить в сон и он откланялся.

После его ухода Борел спросил у Зердаи:

— Любишь меня?

— Ты же знаешь, что люблю, мой повелитель!

— Тогда у меня есть для тебя одно поручение.

— Все, что скажешь, дражайший господин.

— Я хочу добиться почетного членства.

— Но, Феликс, оно же только для таких выдающихся деятелей, как, например, король Гозаштанда! Ума не приложу, что тут сделать…

— Ты предложишь это Кубанану, понимаешь? И будешь донимать его, пока он сам не предложит мне искомого статуса. Он тебе доверяет.

— Попробую, драгоценный мой. Надеюсь, что Шургез никогда не вернется.

При обычных обстоятельствах Борел постарался бы добиться ясности с этим последним загадочным замечанием, но в данный момент голова у него была слишком забита честолюбивыми планами.

— И еще одно. Кто в Мише лучше всех умеет работать по металлу? Мне нужен кто-то, кто способен сделать действующую

модель вечного двигателя.

— Для тебя я разузнаю все, мой рыцарь!

Зердая направила Борела к некому Хенджаре бад-Кавао по прозвищу Медник. Этого смахивавшего на гнома микарданду Феликс сперва ослепил своим фасадом, а затем взял с него обязательство хранить тайну, произнося жуткие клятвы своего собственного изобретения.

Только после этого он представил ремесленнику грубый набросок колеса со множеством стержней с подвижными грузиками на концах, которые при вращении, достигая верхней точки, свешивались вниз, якобы придавая колесу дополнительный импульс.

Затем особое устройство возвращало стержни в исходное положение, и так, по идее автора, могло продолжаться до бесконечности.

Борел был сведущ в науках ровно настолько, чтобы понимать: данное устройство работать не будет, хотя и не понимал — почему. Но так как здешние болваны знали еще меньше, то втюхать им эту идею казалось ему делом совсем не трудным.

Вечером Кубанан обратился к гостю:

— Зер Феликс, мне пришла в голову блестящая мысль. Не согласитесь ли вы стать почетным членом нашего гордого ордена? Поистине, вы найдете это весьма выгодным, пребываете ли вы в Микарданде или в иных краях.

— Я? — деланно удивился Борел. — Покорнейше благодарю, Ваше Превосходительство, но достоин ли такой чести чужак вроде меня?

Одновременно Феликс подумал: «Дружище Зердая! Будь я из тех, кто женится…» — и даже на миг заколебался в своей решимости бросить девушку, когда та исполнит свое назначение.

— Чепуха, мой мальчик; конечно же, ты достоин. Я предложил бы тебе полное членство, но устав предоставляет его лишь урожденным микардандума. Но звание почетного карару даст тебе практически все привилегии и, конечно, некоторые обязанности.

— Я вне себя от счастья.

— Остался маленький вопрос с посвящением.

— Какой? — справился со своим голосом Борел.

— Ну, это действительно мелочь: масса церемоний и ночное бдение. Я наставлю тебя по части ритуала. Приобретешь церемониальные одежды по моему списку, ты ведь действительно не король.

Феликс пожалел, что не поднял расходы на печатанье

материалов для лотереи еще на пятьдесят процентов.

Посвящение оказалось делом не только дорогим, но вдобавок еще и вселенски скучным. Братья по ордену стояли кругом в фантастических нарядах и диковинных масках, бормоча какие-то мистические речитативы.

Перед Борелом возвышался Великий Магистр, лицо которого было столь выразительно, что словно вырезано из дерева. Феликс отвечал на его бесконечные вопросы, задаваемые на архаичном гозаштандоу, и, естественно, понимал лишь половину того, о чем его спрашивают. Ему прочли целую лекцию о славном прошлом, могущественном настоящем и безграничном будущем ордена Карара, интересы которого посвящаемый теперь обязан охранять. Вслед за этим Борел добровольно призвал на свою голову всякого рода сложные астрологические несчастья в качестве наказания за нарушение клятвы.

— Сейчас ты готов к бдению! — провозгласил Магистр. — И я приказываю тебе разоблачиться!

Гадая, во что же теперь он вляпался, Феликс исполнил приказ.

— Ступай за мной, — распорядился Великий Магистр, зер Джувейн.

Путь вел глубоко вниз, по лестницам и различным коридорам, что становились все уже и уже, все темнее и темнее, все неприятнее и неприятнее. Пара братьев в капюшонах несла фонари, которые вскоре стали необходимыми, чтобы видеть дорогу. Наверное, они находились уже много ниже наземного уровня цитадели, подумал Борел, спотыкаясь и чувствуя себя крайне стесненно и неуютно.

Наконец они спустились в самые недра земли.

— Ты останешься здесь на всю ночь, о соискатель, — молвил зер Джувейн. — Опасность будет наистрашнейшей, и все зависит от того, как ты ее встретишь!

Кто-то из братьев вымерил длинную полосатую свечу и установил ее на небольшом карнизе в неотесанной стенке туннеля. Другой брат вручил Борелу охотничье копье с вытянутым широким наконечником.

И Феликс остался один.

До сих пор он играл свою роль не моргнув глазом, уверенный, что все это типичный блеф и эффектная чушь. Однако, когда шаги братьев стихли, его уверенность сильно приуменьшилась. Разумеется, ничего серьезного затеваться не могло. Только проклятая свеча освещала пространство всего на метр кругом, а дальше туннель погружался в полнейшую черноту.

Что-то зашуршало, и волосы соискателя встали дыбом. Он ткнул копьем в сторону звука — какая-то крысоподобная тварь шмыгнула прочь. Борел принялся нервно расхаживать взад-вперед. Если б только этот чертов дурень Абреу позволил ему взять с собой часы! Тогда, по крайней мере, он имел бы представление о ходе времени. Сейчас же возникала иллюзия, что прошло уже много часов.

Борел почувствовал под ногами какую-то непонятную щербину и, нагнувшись, ощупал ее. По туннелю тянулась пара параллельных канавок в два-три сантиметра глубиной. В свете свечи он попытался изучить их — тщетно. И все же: зачем на полу две параллельные канавки, подобные рельсам?

Он расхаживал, пока ноги не заболели от усталости, а потом уселся прямо на пол, прислонясь спиной к стене. Глаза начали закрываться, и пришлось снова встать, чтобы члены ордена не нашли его спящим.

Свеча сгорала очень медленно, пламя ее много минут кряду оставалось совершенно неподвижным и лишь изредка колебалось, когда его задевал какой-нибудь слабенький ток воздуха. Неподвижная тишина и мрак.

Скоро свеча догорит. И что тогда? Не ожидают же они, что он останется здесь в полной темноте?

Внезапно раздавшийся звук заставил Феликса сильно подпрыгнуть. Природу звука он определить не мог: просто слабый шум впереди по туннелю.

А затем началось такое, что действительно, без преувеличения подняло дыбом его волосы. Издалека донесся низкий гортанный рык, какой раздается в зоопарке из клеток плотоядных животных перед кормежкой. Урчание крупной кошки. Рык приближался.

Угасающее пламя свечи выхватило из мрака тело огромного екия, вскинувшееся в прыжке. Глаза зверя сверкали, с клыков стекала пена. На секунду (она показалась часом) Феликс Борел застыл с беспомощно поднятым копьем и отвисшей челюстью.

Но именно в эту секунду мозг авантюриста вдруг заработал со скоростью захлопывающейся мышеловки. Что-то неуловимо странное было в движениях нападающего зверя. Приплюсовав к этому наблюдению необъясненные дотоле параллельные канавки, мозг выдал результат: перед ним лишь чучело на колесиках.

Борел стремительно нагнулся и положил копье поперек туннеля. Через мгновение хитрый муляж с грохотом врезался в стену, наткнувшись на препятствие.

Победитель подобрал копье и внимательно изучил сошедшего с рельсов екия. Голову и шею зверя крест-накрест

пересекали швы: именно тут вспарывали и вновь зашивали шкуру. Вообще, образчик таксидермии оказался весьма потрепан на вид. Очевидно, это чучело использовалось в церемонии посвящения давно. Некоторые из соискателей ранили его, защищаясь, остальные с позором бежали, и были признаны недостойными.

Свеча на карнизе окончательно оплыла, когда в коридоре послышались шаги и забрезжил свет фонарей.

Появился Великий Магистр, а за ним Борела окружило множество братьев в масках, включая и одного брата с рогом (рог имитировал рычание екия). Все хлопали его по плечам и шумно восхищались им.

По множеству лестничных маршей испытуемого доставили обратно в главный зал, где и позволили снова облачиться в свои одежды. После этого зер Джувейн повесил ему на шею усыпанный самоцветами орден, изображающий дракона, и произнес цветистую речь в старинном стиле:

— О зер Феликс! Ты принимаешься ныне в самый благородный, самый древний, самый почтенный, самый тайный, самый могущественный, самый рыцарственный и самый братский орден. Тебе дарованы отселе все права и привилегии, звания и льготы, обязанности и атрибуты рыцаря сего наиблагороднейшего, наидревнейшего, наипочтеннейшего…

Долгая кришнянская ночь прошла уже на две трети, когда рыцари закончили жать ему руку и пить за его здоровье. К утру Борел и Кубанан, пьяно выписывая кривые, в обнимку доплелись до казначейских апартаментов. По пути неофит пытался горланить какие-то куплеты старой песни о короле Английском и королеве Испанской, пока сотрапезник не утихомирил его словами:

— Разве ты не знаешь, что поэзия в Микарданде запрещена?

— Нет. Почему?

— Орден счел, что она дурно влияет на наш… ик… боевой дух. Кроме того, ети клятые поеты слишком много врут. А што там в следусчей строфе?

IV

Проснувшись на следующий день, зер Феликс (теперь он дал себе слово называться так даже мысленно) сразу же перешел к насущным делам. Он добился вечернего приема у Великого Магистра и изложил там проект вечного двигателя. Зер Джувейн пришел в некоторое затруднение, тогда Борел призвал на помощь Кубанана.

Последний смог убедить Магистра, и тот наконец решил:

— Хорошо, брат Феликс. Вы сообщите мне, когда все предварительные разработки будут закончены, и я вынесу ваше предложение на общее собрание.

Оставалось дождаться изготовления рабочей модели, и Борел пару дней понукал Хенджаре Медника. Одновременно он присматривал за строительством киоска для продажи лотерейных билетов, печатание которых почти завершилось.

Требовалось убить время, и Феликс свистнул Ереваца помочь поупражняться в езде на коляске. Через пару часов он довольно неплохо овладел трудным искусством попятного движения и разворота кругом на ограниченном пространстве.

— После обеда приготовишь коляску.

— Господина ехать кататься?

— Да. Но ты мне не понадобишься, я буду править сам.

— Уй. Нехорошо. Господина попадать в беда.

— Это уж моя забота.

— Ручаться: господина брать катать девушка. Плохой дело.

— Не лезь куда не просят! — прикрикнул Борел на слугу.

«Теперь Еревац будет целый день дуться, и мне придется умащивать его, иначе не видать мне приличной службы», — подумалось Феликсу. Черт возьми, ну почему не существует механических слуг, абсолютно бесчувственных и не доставляющих хозяевам дополнительной мороки! На Земле, правда, кто-то попытался сотворить такого, но образец взбесился и уничтожил создателя.

Послеполуденное солнце застало Борела разъезжающим в экипаже по главному проспекту Мише. Рядом сидела Зердая и поедала спутника обожающими глазами.

— А если чья-нибудь коляска появится из-за поворота, то кто кого должен пропускать? — поинтересовался Борел.

— Феликс, да в любом случае у тебя право приоритетного проезда! Ведь ты теперь член ордена, пусть даже и не настоящий

хранитель!

— О! — ограничился он восклицанием, поскольку подобное обстоятельство мало возбуждало его тщеславие. Очевидно, демократические институты Земли сделали свое дело, и здешние классовые различия пришлись Борелу не по вкусу. С легкой иронией он добавил: — Иными словами, поскольку я теперь почетный рыцарь, то могу мчаться по городу полным галопом, выкрикивая «баянт-хао!», а если кто-то попадет под колеса, то тем хуже для него?

— Естественно. А ты как думал? Ах да, ты же с другой планеты! Наверное, это и придает твоему облику неповторимые черты. За суровой внешностью искателя приключений скрывается самый нежный и внимательный мужчина, которого я когда-либо видела!

Борел скрыл улыбку. Как его только ни называли: и вором, и мошенником, и гнусным, подлым обманщиком, а вот нежным и внимательным — никогда. Может быть, это и есть пример проявления той *относительности у* о которой талдычат все волосатики-ученые?

— Куда бы тебе хотелось сейчас отправиться? — спросил он спутницу.

— На Землю! — отозвалась та, кладя голову ему на плечо.

На какой-то миг Феликс едва не поддался искушению послать к черту все свои планы и действительно взять девушку с собой. Но тут же на выручку ему поспешил холодный эгоизм, бывший главной чертой данного авантюриста. Эгоизм напомнил, что когда быстро сваливаешь, то чем меньше багажа, тем лучше. Люби прекрасных дев и вовремя бросай их. Да и разве не счастливей будет сама Зердая, если они расстанутся до того, как она узнает, что он, в конце концов, никакой не добрый дядя?

— Давай съездим на турнирное поле за Северными воротами. Сегодня будет бой между зером Волхаджем и зером Шуспом.

— Что это за бой? Я о нем не слышал.

— Зер Шусп вызвал на поединок зера Волхаджа: у них какая-то ссора из-за дамы. Шусп уже трех рыцарей убил в подобных схватках.

Борел пришел в недоумение:

— Но ведь у хранителей, по идее, все общее, как у коммунистов, которые когда-то водились у нас на Земле. Так разве рыцарь имеет право быть ревнивым? Почему они не могли ухаживать за этой дамой одновременно?

— Все дело в традициях. Деве полагается отвергнуть одного возлюбленного, прежде чем принимать ухаживание другого. Поступить иначе — бестактно.

Они добрались до Северной заставы и неторопливо покатили по проселочной дороге.

— А куда она ведет? — спросил Феликс.

— Разве ты не знаешь? В Колофт и Новуресифи.

За последними домами, там, где начинались возделываемые поля, и находилась площадка для турниров. Борелу она напомнила футбольное поле какой-нибудь североамериканской средней школы: та же разноголосая толпа зрителей, те же маленькие деревянные трибуны, только вместо ворот — шатры. Центральный сектор одной из трибун представлял из себя ложу, предназначенную для высших чинов ордена.

В толпе сновали лоточники, и крик одного перекрывал общий шум:

— Цветы! Цветы! Красные цветы для сторонников Волхаджа, белые — для тех, кто за Шуспа! Купите цветочек вашего рыцаря-фаворита!

Судя по преобладанию белых цветов на шляпах, большинство зрителей составляли болельщики Шуспа.

Трибуны были заполнены, но Борел проигнорировал предложение Зердаи прогнать каких-нибудь простолюдинов и усесться на их места. Вместо этого он отвел девушку в тот конец поля, где стояли опоздавшие. Феликс немного досадовал на себя за то, что не приехал вовремя и не успел сделать несколько ставок. Ожидаемое зрелище обещало оказаться куда более азартным, чем лошадиные скачки на Земле. А если бы он поставил на обоих претендентов, уравняв шансы на выигрыш, то получил бы прибыль вне зависимости от победителя.

Заиграла труба, возвещая начало турнира. Из шатра неподалеку от Борела выехал рыцарь в доспехах мавританского типа и островерхом шлеме с наносником. Айя его, крупный и сильный на вид, также был защищен латами. По красным штрихам в экипировке всадника Феликс догадался, что перед ним зер Волхадж. Поскольку именно этот рыцарь был вызван на поединок, Борел (в силу собственной неприязни к насилию) проникся к нему сочувствием. Ну почему тот второй болван не мог просто по-дружески расстаться со своей любезной? Борел, например, именно так всегда и поступал, от чего обе стороны только выигрывали.

С противоположного края поля выехал другой всадник, экипированный сходным образом, но с участием белого цвета. Бойцы встретились в центре, развернулись лицом к Великому Магистру и пустили своих скакунов шагом к его ложе. Зер Джувейн произнес какую-то речь, коей Борел не расслышал, после чего рыцари вернулись каждый к своему шатру. Оруженосцы (или

секунданты, или как-там-они-назывались) вручили своим господам кавалерийское копье и маленький круглый щит.

Снова грянула труба, противники галопом помчались навстречу друг другу и с грохотом столкнулись посередине поля. Борел зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, что красный рыцарь выбит из седла и катится по мху. Оба скакуна продолжали нестись в противоположных направлениях, но белый рыцарь придерживал своего, а затем развернул и направил обратно к центру.

Тем временем Волхадж с заметным усилием поднялся на ноги (железные вериги тянули его вниз) и с лязгом заковылял подбирать свое копье. Он уперся тупым концом древка в землю, а острие направил прямо в грудь атакующего айи противника, туда, где легкие латы скакуна не могли служить надежной защитой. Неуловимое движение копья — и айя встал на дыбы, пронзительно заржал и сбросил седока, а потом рухнул на землю, забив ногами. Борел всегда принимал близко к сердцу судьбу меньших братьев и теперь с негодованием подумал, что для пресечения подобных зверств следует учредить межпланетное Общество защиты животных от жестокого обращения.

На этой стадии боя зрители в азарте начали кричать и толкаться, поэтому Борелу пришлось оторваться от поединка и достаточно долго распихивать локтями окружающих, расчищая место для своей дамы. Когда же он снова посмотрел на поле, рыцари уже дрались пешими, подымая страшный грохот. Шусп орудовал огромным двуручным мечом, меч Волхаджа был менее крупных размеров.

Соперники рубили, кололи, парировали удары, кружа друг подле друга и постепенно перемещаясь к тому краю поля, где стоял Борел. Теперь Феликсу стали видны вмятины на латах и струйка крови, стекавшая по подбородку зера Волхаджа. К этому времени оба противника настолько выдохлись, что бой замедлился и стал больше походить на борцовский поединок. Рыцари попеременно делали несколько вялых выпадов, а потом останавливались, чтобы отдышаться, прожигая друг друга ненавидящими взглядами.

В разгар обмена ударами меч зера Волхаджа взлетел ввысь, несколько раз перевернулся в воздухе и упал к ногам зера Шуспа. Последний тут же наступил на клинок и взмахами своего меча (больше похожего на лом) заставил соперника попятиться. Затем Шусп подобрал упавший меч и отбросил его как можно дальше.

— Послушай, а так позволено поступать? — обратился Борел к Зердае.

— Не знаю, — ответила девушка. — Правил не так уж много,

но, возможно, это действие и противоречит им.

Белый рыцарь теперь стремительно атаковал красного, у которого для защиты остались лишь кинжал и совершенно деформированный щит. Волхадж отступал, по мере сил парируя удары.

— Почему этот болван не удирает? — удивился Феликс.

— Разве ты не знаешь, что в наказание за трусость с рыцаря ордена заживо сдирают кожу? — уставилась на него Зердая.

Шусп теснил противника к краю поля, и становилось очевидным, что скоро бедняга Волхадж будет наступать зрителям на ноги. Толпа уже начала нервно раздаваться в стороны. Борел заметно приуныл: нет никакого удовольствия наблюдать, как твой обессилевший фаворит приближается к последней черте.

И тут, поддавшись внезапному порыву, Феликс выхватил собственный меч и крикнул:

— Эй, Волхадж, не оглядывайся, но вот кое-что для тебя!

С этими словами он метнул свой меч, словно тот был спортивным копьем. Острие вонзилось в землю рядом с красным рыцарем. Последний тут же отбросил кинжал, схватил меч и с удвоенной энергией насел на Шуспа.

Мгновение — и белый рыцарь уже лежал на земле. Волхадж нашел на горле противника щель в латах, вставил туда острие меча и обеими руками надавил на рукоять…

Когда Борел снова открыл глаза, ноги Шуспа дернулись в последний раз. Последовали торжествующие крики и оплата проигранных ставок.

Между тем победитель обратился к Борелу:

— Зер Феликс Рыжий, как я понимаю, это вы только что помогли мне?

— Как вы догадались?

— По вашим пустым ножнам, мой друг. Вот, примите свой меч вместе с моей благодарностью. Думаю, что судья не сочтет ваш поступок нарушением правил, поскольку основной истец больше не сможет жаловаться. И, когда бы вам ни понадобилась помощь, зовите меня.

Волхадж горячо пожал ему руку и устало ушел к своему вигваму.

— Это был храбрый поступок, Феликс, — восхищенно говорила Зердая, когда они пробирались через расходящуюся толпу обратно к коляске.

— Не вижу в нем ничего особенного, — правдиво отозвался Борел.

— Как?! Ведь, окажись зер Шусп победителем, он вызвал бы

на поединок тебя!

— Мгм! — сглотнул Борел (об этом он не подумал).

— Что случилось, дражайший мой?

— Да так, что-то в горло попало. Ладно, давай-ка попробуем обогнать весь этот поток зрителей. Н-но, Галахад!

После обеда Зердая уединилась в своих покоях, сказав, что не придет на ужин, так как от пережитых волнений у нее разболелась голова.

— Сиё редкость, — заметил Кубанан, — потому как с вашим прибытием настроение девочки намного улучшилось. А то всё про зера Шургеза думала.

— Вы хотите сказать, что она горевала по своему дружку, пока не появился я и не отвлек ее? — ответил Борел, подумав, что этот казначей — неплохой старикан. Жаль, что именно ему затеваемый проект отводит роль жертвы, но… бизнес есть бизнес.

— Да! — воскликнул Кубанан. — И как это горько, что Зердая никогда не снесет тебе яйца, ибо ты принадлежишь к иному виду! А ордену совсем не помешало бы иметь потомство, унаследовавшее твои качества. Даже я, старый, сентиментальный дурак, мечтаю о тебе как о зяте, словно какой-то семейный простолюдин.

— А что там насчет Шургеза? Что с ним случилось?

— Великий Магистр приказал ему отправиться в поиск.

— В какой поиск?

— Доставить бороду короля Балхиба.

— Зачем? Орден собирается заняться набивкой кресел?

— Конечно, нет, — рассмеялся казначей. — Просто в последнее время вышеупомянутый король относился к ордену с некоторым пренебрежением, вот мы и решили преподать ему урок.

— А почему отправили именно Шургеза?

— Из-за совершенного им бесчестного убийства брата по ордену, зера Замрана.

— А за что он убил Замрана?

— Как? Вы не знаете эту историю? Ах, я все забываю, что вы еще новичок. Ведь именно зер Замран и заколол даму Шургеза.

— Но я думал, что девушкой Шургеза была Зердая.

— Была, но позже. Позвольте мне начать с начала. Когда-то зер Замран и шерга Февзия являлись любовниками, это вполне пристойно с точки зрения традиций нашего ордена. Затем по какой-то неизвестной причине Февзия покинула Замрана, что также не противоречит обычаю, и вступила в связь с зером Шургезом. Истинному рыцарю подобает относиться к своему

поражению философски, но разгневанный Замран поступает иначе. На балу, посвященному сближению планет Вишну и Ганеша, он подходит к своей бывшей пассии сзади и сносит ей голову. И это в тот самый миг, когда дама подносила Великому Магистру пирог домашней выпечки!

— Ух ты! — вымолвил Борел, откровенно содрогнувшись.

— Конечно, это был далеко не рыцарский поступок. Особенно скверно то, что все произошло перед лицом самого зера Джувейна, да и отстирать ковер оказалось весьма трудной задачей. Если уж он так хотел убить девушку, ему следовало хотя бы вывести ее из зала. Великий Магистр в крайней досаде резко отчитал Замрана за подобную невежливость. На беду, именно в этот момент в зал вошел зер Шургез, разыскивающий свою любезную, и увидел всю эту сцену! Он заколол обидчика прежде, чем кто-либо успел вмешаться. В результате на ковре уже два трудновыводимых пятна, а Великий Магистр в сильной ярости. В качестве наказания зер Джувейн отправил Шургеза за бородой короля балхибского. Это научит дерзкого вызывать врага на бой как положено, а не вонзать нож в ребра любому, кто вызовет его неудовольствие. К тому же существует шанс, что по ходу дела Шургеза убьют, так как король Балхиба отнюдь не лишен мужества.

После этой истории Борел был стопроцентно уверен, что никто и никогда не убедит его надолго поселиться среди столь агрессивных личностей.

— А когда же у Шургеза нашлось время… э… подружиться с Зердаей?

— Ну не мог же он отправиться в путь, не дождавшись благоприятного расположения звезд. Он оставался в Мише еще двадцать один день и все это время пользовался симпатией моей секретарши. Зердаю всегда манили дальние страны, думаю, она мечтала уехать с ним.

— И каковы последние новости об опальном рыцаре?

— Самые простые, а именно — полное отсутствие каких бы то ни было известий. Но, по крайней мере, мои шпионы уведомят меня о его возвращении раньше, чем он прибудет.

Только теперь Борел осознал, что непонятный клацающий звук, сопровождавший беседу, есть на самом деле стук его собственных зубов. Он твердо решил весь следующий день стоять над душой Хенджаре, поторапливая его скорее завершить модель.

— Ответьте мне еще на один вопрос: а что случилось с пирогом шерги Февзии?

Однако Кубанан не смог ему этого сообщить.

Модель была готова, и Борел предложил Великому Магистру завтра же провести демонстрацию вечного двигателя. Он ожидал, что общее собрание состоится вечером, когда все рыцари придут после доброго ужина и, следовательно, в дружелюбном расположении духа. Но оказалось, что единственное «окно» в расписании зера Джувейна выпадает на утро.

— Конечно, зер Феликс, если вы предпочитаете отложить демонстрацию еще на несколько дней…

— Нет, о могущественнейший владыка, — отказался Борел, вспомнив об угрозе со стороны Шургеза. — Чем раньше, тем лучше и для вас, и для меня, и для ордена.

И вот на следующее утро, после завтрака, Феликс стоял на подмостках главного зала цитадели, готовясь выступать перед несколькими тысячами рыцарей ордена Карара. Рядом с ним на столике красовалась новенькая сверкающая модель вечного двигателя. Тайной особенностью данного механизма была тонкая, но прочная нить, сделанная из волос с шомальих хвостов и намотанная на ось колеса. Нить уходила за кулисы, к скрытой от посторонних взоров Зердае. Борелу потребовалось все его красноречие, чтобы убедить девушку сыграть эту роль.

Он с жаром приступил к своей речи:

— Что есть основная цель и задача нашего благородного ордена? Мощь! А что есть основа мощи? Во-первых, наши собственные сильные руки, а во-вторых, богатство карарума, которое напрямую зависит от народного благосостояния. Следовательно, все, что ведет к увеличению этого благосостояния, укрепляет одновременно и мощь ордена. Не так ли?

Позвольте мне привести пример. Как известно, вдоль побережья проходит железная дорога от Маджбура до Джазмуриана. На ней трудятся биштары, тянущие за собой небольшие цепочки вагончиков. Так вот, установите на подобном вагончике мой двигатель, ременной или цепной передачей соедините его ось с осями колес вагона и запустите в движение двигатель. Каков эффект? Такой вагон, будучи поставленным в голове поезда, потянет за собой какой угодно длинный тяжелый состав. Более того, мой двигатель никогда не состарится и не умрет, как это обязательно случится с животным. Он не взбесится и не бросится крушить собственность, как некоторые биштары. В часы бездействия он спокойно стоит в сарае и есть не просит.

Мы можем построить железную дорогу от Мише до Маджбура и еще одну от Мише до Джазмуриана, и грузооборот между этими городами будет значительно быстрее, чем сейчас. И это несмотря на тот факт, что сейчас перевозки идут напрямую. Таким

образом, здесь таится источник бесконечного богатства, из которого орден, конечно же, получит положенную долю.

Затем, у вас существуют проблемы с оружием. Я не могу входить в подробности, потому что многие из них секретные, но меня положительно заверяли, что в Новуресифи есть люди, которые с радостью обменяют могучее оружие Межпланетного Совета на тайну этого маленького колеса. Вы прекрасно понимаете, какое преимущество получит тогда Микарданд.

А теперь я продемонстрирую вам, как работает предлагаемый мною двигатель. Перед вами модель, а не настоящее рабочее колесо. Это только игрушка, призванная дать представление о механизме, рабочее колесо будет гораздо больше. Модель не дает достаточно мощи, чтобы принести ощутимую пользу. Почему? Причина в трении. Еще много веков назад ученые моей родной планеты обнаружили, что трение в маленьких машинах пропорционально сильнее, чем в крупногабаритных. Следовательно, рабочее колесо даст нам огромное количество энергии. Однако и предложенная вашему вниманию модель все же обладает достаточной силой, чтобы поддерживать свое вращение сколь угодно долго и без всякой посторонней помощи.

Вы смотрите, братья? Следите же: я отпускаю тормоз, не дающий колесу вертеться. Затаите дыхание, зеры…

Феликс незаметно подал Зердае условленный знак. Девушка потянула за нить, сматывая один конец ее и одновременно травя другой. Колесо медленно повернулось, а медные ножки защелкали, когда достигли расцепляющего устройства наверху.

— Видите? — заорал Борел. — Оно движется! Оно вращается! Перед вами оживает тайна веков! Оно работает! Орден всесилен и всемогущ!

Дав колесику повращаться минуту-другую, лектор подытожил:

— Братья! И что же теперь, когда у нас появилось это чудесное изобретение? Во-первых, необходимы средства для создания изрядного количества больших колес. Мы должны испробовать разные виды применения механизма: оснастим им корабли и железнодорожные вагоны, мукомольные мельницы и валы машин в мастерских. Кроме того, можно попытаться усовершенствовать предлагаемую мной версию колеса.

Во-вторых, для эксплуатации данного изобретения нужна организация. Она будет заключать сделки с другими государствами о сдаче колес в аренду, договорится с великими державами об обмене тайны колеса на… Вы сами знаете, на что. На Земле организация такого типа именуется корпорацией.

Какое-то время Борел объяснял выгоды подобного

мероприятия, повторяя то, что уже говорил Кубанану и Джувейну. Наконец он перешел к заключительной части своей речи:

— Итак, что же нам нужно для этой корпорации? Высшие чины ордена и я договорились, что для начала казна выделит сумму в 245000 кардов, за которую орден получит право на сорок девять процентов акций компании. Пятьдесят один процент, естественно, остается у основателя и директора компании; именно такой порядок мы на Земле нашли наиболее удачным. Однако такое крупное капиталовложение требует, согласно уставу ордена, голосования. Но теперь мне лучше остановить наше чудесное маленькое колесо, чтобы его шум не отвлекал вас.

Докладчик положил ладонь на колесо, и щелканье стержней прекратилось. Зердая за кулисами быстро оборвала нить, смотала ее и выскользнула из укрытия. После этого Борел сказал:

— А сейчас я уступаю свое место на этой сцене нашему другу, руководителю, советнику и вождю, Великому Магистру Джувейну.

Великий Магистр поставил вопрос на голосование, и подавляющее число рыцарей высказалось «за». Под торжествующие крики публики Кубанан вывел на подмостки вереницу пажей, пошатывающихся под тяжестью мешков с золотыми монетами. Мешки выставили в ряд на всеобщее обозрение.

Когда Феликсу удалось вновь добиться тишины, он произнес:

— Благодарю вас всех и каждого в отдельности. Если кому-то хочется изучить мое колесико поближе, то они смогут убедиться в отсутствии подвоха.

Гарма карарума всем скопом полезли на сцену. А сей авантюрист, изо всех сил пытаясь не выказывать особой радости при виде денег, говорил себе, что осталось только смыться с добычей. Золото он продаст Всемирной Федерации, вернется на Землю, а там как законопослушный гражданин вложит полученные от В. Ф. доллары в какие-нибудь надежные акции. И больше ему никогда не придется беспокоиться о деньгах. Правда, то же самое Борел уже обещал себе после окончания нескольких предыдущих афер, но деньги как-то сами собой утекали меж пальцев прежде, чем он успевал найти действительно надежные акции.

V

Сквозь толпу протиснулся зер Волхадж со словами:

— Зер Феликс, можно мне поговорить с вами где-нибудь в сторонке?

— Разумеется. Что случилось?

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично. Как никогда лучше.

— Это хорошо, потому что Шургез выполнил порученное ему дело и вернулся в Мише.

— Как? — возмутился Кубанан. — Шургез уже в столице, а мои шпионы и в ус не дуют?

— Именно, маншерг.

— Ой-ой-ой, — пригорюнился казначей. — Если он вызовет вас на поединок, зер Феликс, то, как рыцарь, вы обязаны незамедлительно дать ему удовлетворение. Каким оружием кроме меча вы владеете?

— Мгм, — судорожно сглотнул Борел. — Ник-каким. Но разве право выбора оружия не принадлежит вызванной стороне? — добавил он в смутной надежде сменить меч на боксерские перчатки.

— Согласно правилам ордена, — ответил за Кубанана Волхадж, — каждый боец может применять во время поединка любое оружие, какое ему по нраву. Шургез, несомненно, пустит в ход весь набор: копье, меч, булаву или топор про запас — и выйдет на ристалище в полном латном облачении. Что касается вас… Ну, поскольку мы с вами схожи размерами, не стесняйтесь одолжить у меня все, что нужно.

Прежде чем Борел успел ответить, в зале раздался ропот, и головы, поворачивающиеся ко дверям, уведомили его о приближении чего-то интересного. Когда толпа раздалась в стороны, перед Феликсом предстал мощного телосложения рыцарь с ярко выраженными монголоидными чертами.

— Ты тот, кого называют зер Феликс Рыжий?

— Д-да, — выдавил из себя Борел, чувствуя, как ледяные иглы страха пронзают его внутренности.

— Я — зер Шургез. Мне стало известно, что в мое отсутствие ты вступил в связь с шергой Зердаей. И посему я называю тебя гнусным предателем, подлым негодяем, мерзким мошенником, низким механиком и злодейским иностранцем! И всё вышеперечисленное я намерен доказать на твоем нездоровом и безобразном теле нынче же, после обеда, на турнирном поле. Получай, ничтожная тварь! — с этими словами зер Шургез снял

латную рукавицу и легко швырнул ее в лицо Борелу.

— Мы будем драться! — выкрикнул тот в неожиданном приливе вспыльчивости. — *Багган! Зефт!*

Феликс вспомнил еще несколько гозаштандских ругательств и бросил рукавицу обратно Шургезу, который ловко поймал сию деталь своих доспехов, усмехнулся и удалился строевым шагом.

— Вот так-то, — промолвил Кубанан. — Впрочем, я уверен, что столь храбрый и опытный рыцарь, как вы, сделает из этого хвастуна отбивную. Мне поручить пажам перенести золото в ваши покои, пока мы обедаем?

Борел почувствовал желание сказать: «Не хочу я никакого обеда», но рассудил, что это будет противоречить политесу. Его ум, оправившись после мгновенного паралича, вызванного ужасом, снова заработал. Ну чем он заслужил такое? Зачем вступил в этот паршивый клуб, где вместо того, чтобы обжуливать друг друга в карты, как подобает джентльменам, забавляются жестокими и варварскими методами? Он же всего-навсего развлекал Зердаю, пока этот чурбан был в отъезде…

Затем Феликс взял себя в руки и попытался придумать какой-нибудь способ выйти из создавшегося затруднительного положения. Не следует ли просто отказаться драться? Это означало снятие кожи заживо. Может, сослаться на якобы растянутую ногу? Да, но вокруг куча рыцарей, которые уличат его во лжи. Ну почему он не сказал этому доброжелательному идиоту Волхаджу, что смертельно болен?

Как бы просто смыться с золотом? Оно наверняка слишком тяжело для его коляски — потребуется большой экипаж с двумя айями в упряжке, а его за пару минут не купишь. Да и как тут улизнешь, когда со всех сторон — эти проклятые дорогие друзья-братья…

А карарума засыпали его добрыми советами:

— Я знал одного рыцаря, который начал атаку с опущенным копьем, а потом закрутил им, словно дубиной…

— Когда зер Вардао убивал того хмыря из Гозаштанда, он вообще отбросил копье и взялся за булаву…

— Если сможешь обхватить его одной рукой за шею, бей кинжалом в пах…

Все это казалось Феликсу полным бредом, так как единственное, что он хотел бы сейчас услышать, это каким образом сбежать из этого акрополя и дать тягу в Новуресифи с третью орденской казны.

Проглотив последний безвкусный лакомый кусочек, он извинился:

— Простите, пожалуйста, любезные зеры. Мне надо кое-что

сказать доверенным друзьям.

Зердая плакала в постели. Борел взял ее на руки и поцеловал. Девушка горячо откликнулась (данный земной обычай кришняне переняли с большим рвением).

— Полно, — утешал он, — не так уж все и плохо.

— Но я люблю только тебя! — неистово прильнула к нему Зердая. — Я не могу без тебя жить! И я так надеялась отправиться с тобой на далекие планеты…

Тут в душе Феликса проснулись остатки совести, и он выпалил в редкой вспышке откровенности:

— Видишь ли, чем бы ни закончился бой, твоя потеря будет невелика. Я вовсе не тот блистательный герой, за которого ты меня принимаешь. Более того: многие люди считают меня отъявленным негодяем.

— Нет! Нет! Ты добрый и хороший…

— Даже если я выживу, мне, возможно, придется тебя оставить и бежать одному.

— Но тогда я умру! Я никогда не смогу вернуться к этому скотскому Шургезу…

У Борела мелькнула мысль поделиться с девушкой золотом, все равно ведь все мешки ему не увезти. Впрочем, орден, руководствуясь своими коммунистическими принципами, наложит лапу на подаренные ей деньги. После некоторых колебаний он отшпилил от груди пару-тройку медалей поярче и протянул Зердае со словами:

— Это тебе на память!

Подарок, казалось, совершенно доконал ее.

Затем Феликс разыскал Еревaца и распорядился:

— В случае, если бой сложится не в мою пользу, бери столько золота, сколько унесешь, и быстренько сматывайся из города.

— О, чудесныя господина должен победить!

— Ну, это уж как звезды решат. Надейся на лучшее, но готовься к худшему.

— Но, господина, когда же подавать коляска?

— Моего айю тоже оставь себе. Волхадж дает мне для предстоящей потасовки своего, крупногабаритного. И вот еще что: когда поедешь на турнирное поле, спрячь где-нибудь под одеждой один из этих мешков.

Час спустя слуга застегнул последний ремень одолженных тем же Волхаджем доспехов. Это защитное вооружение было составным: кольчуга на сочленениях и пластинчатые латы. Данная сбруя сковывала движения Борела значительно меньше, чем он ожидал, когда прикидывал ее вес перед облачением.

Он вышел из шатра на своем краю поля. Волхадж держал под уздцы рослого айю, который повернулся и подозрительно посмотрел на будущего седока исподлобья. На противоположном конце площадки Шургез уже оседлал своего скакуна. Борел, хотя и выглядел внешне спокойным, отчаянно ругал себя за то, что не подумал о массе предосторожностей. Во-первых, в качестве оружия следовало выбрать пистолет. Во-вторых, надо было купить биштара и с высоты его слоноподобного тела расстреливать противника в упор из арбалета, самому оставаясь вне пределов досягаемости. В-третьих…

Еревац засуетился у седла, прилаживая принесенный с собой мешок. Он пытался провести данную операцию незаметно, но звон золота привлек внимание Волхаджа, и тот поинтересовался, зачем это.

— На удачу, — соврал Борел, пробуя стремя. Первая его попытка перекинуть ногу через спину скакуна провалилась из-за добавочного веса доспехов, и секундантам пришлось подсадить своего рыцаря. Слуга подал ему островерхий шлем, который Феликс осторожно нахлобучил на голову. Все внешние звуки сразу же сделались приглушенными и едва просачивались сквозь сталь.

Затрубил рог. Подражая виденным им в предыдущем бою рыцарям, Борел пришпорил скакуна и медленно двинулся к выехавшему навстречу противнику. Слава богу, на Земле он научился справляться с лошадью! Здесь все было похоже, за исключением того, что седло располагалось прямо над промежуточной парой ног айи, а это создавало неприятную тряску.

Выражение лица Шургеза скрывал наносник шлема, и Феликс тешил себя мыслью, что его собственные эмоции также скрыты. Без единого слова они свернули к той стороне поля, где сидел в своей ложе Великий Магистр. Шагом оба подъехали к трибуне и выслушали напутственную речь зера Джувейна. Борел отметил, что сей достойный зер тратит чрезвычайно много слов, объясняя общеизвестные вещи. Высокопарная речь Джувейна сводилась к тому, что в поединке дозволяются любые приемы.

Рядом с Великим Магистром сидел Кубанан. До самых последних слов выступления он сохранял каменное выражение лица, но в конце подмигнул Борелу. Боковым зрением Феликс заметил среди зрителей Зердаю, поймав его взгляд, она неистово замахала рукой.

После напутственной речи Магистр взмахнул жезлом, игра началась. Противники развернули скакунов и разъехались рысью обратно к своим шатрам. Вол хадж подал Борелу копье и круглый

щит, посоветовав:

— Держите копье ровно и следите за…

Но всадник был слишком взволнован, чтобы слушать наставления.

Заиграла труба, и Борел бросил:

— Спасибо, прощайте.

Копыта скакуна Шургеза уже выбивали дробь по мшистому ковру поля, а Феликс еще пытался совладать с нервами и привести в движение собственного айю. Какое-то время фигурка противника казалась совсем маленькой, а затем внезапно выросла до натуральной величины и налетела на него.

Так как Шургез опередил его, то встреча состоялась не на середине поля. Отражая атаку, Борел поднялся на стременах и метнул в соперника кавалерийское копье, а затем тут же увел айю вправо. Шургез пригнулся, и потому острие его копья дрогнуло и разминулось с Борелом на целый метр. Последний услышал, как его снаряд лязгнул о доспехи врага. Противники промчались друг мимо друга.

На чужом конце поля Феликс безжалостно пришпорил айю и быстро оглянулся. Шургез все еще тянул за поводья, разворачивая своего скакуна. Тогда Борел нацелил своего в проход между трибунами. Народ с криками разбегался прочь, когда айя с грохотом пронесся через вражеский лагерь.

Феликс скакал напрямик к главной дороге на Новуресифи. Закрепив поводья на выступе передней луки седла, он принялся сбрасывать с себя лишнюю тяжесть. Полетел прочь, с лязгом упав на дорогу, красивый вороненый шлем. За ним последовали меч и боевой топор. Повозившись немного, он избавился сперва от наручей и латных рукавиц, а затем от кирасы с ее короткими кольчужными рукавами. Железным штанам придется подождать более благоприятной возможности.

Айя продолжал бежать во всю прыть, пока очертания столицы не пропали вдали. Когда скакун начал тревожно пыхтеть, Борел разрешил ему перейти на шаг. Однако позади на дороге возникли какие-то точки, что могло означать погоню, и он снова пришпорил скакуна, пустив его галопом. Точки исчезли, и айе опять была дарована передышка. Галоп — рысь — шаг — рысь — галоп — именно так покрывают большие расстояния на лошади. Наверное, этого правила стоит придерживаться и с её шестиногим эквивалентом. Феликс в очередной раз дал себе слово не выходить в своих аферах за пределы Земли. Там, по крайней мере, известно, что к чему.

Он кинул пренебрежительный взгляд на негромко позвякивающий сбоку от седла мешок с золотом. Только такой

груз он и посмел захватить с собой из страха замедлить бег животного. Что ж, и это неплохой улов для мелкой аферы: он позволит достаточно долго жить безбедно и присматриваться к очередному выводку лохов. И все же это ничто по сравнению с тем кушем, какой он сорвал бы, не возникни столь несвоевременно пресловутый Шургез. Всего лишь мешок золота, а сколько Борел получил бы после продажи акций и лотереи…

Следующее утро застало Феликса по-прежнему верхом, с трудом пробирающимся по гати, проложенной через Колофтские болота. Жужжали и кусались различные летучие твари, сквозь черную воду подымались и лопались пузыри вонючего газа. Время от времени какая-нибудь медлительная болотная тварь высовывала морду и издавала кряхтящий брачный зов. Ночной ливень промочил Борела насквозь, и в этой влажной атмосфере одежда, казалось, никогда не высохнет.

Из кустов с тявкающими криками вырвались хвостатые обитатели Колофта и устремились к всаднику. Эти дикие собратья Ереваца с каменными ножами и копьями (с каменными же наконечниками) были наги, чрезвычайно косматы и страшны на вид. Борел заставил айю бежать неуклюжей рысью. Хвостатые аборигены выбрались на настил и только-только не успели схватить его. Брошенное копье просвистело рядом с головой.

Борел плюнул на свой принцип «доброты-к-животным» и вонзил шпоры в бока айи. Колофтяне с топотом бежали следом и нагоняли. С отвратительным звуком пролетело еще одно копье. Феликс дернулся, и кусок обсидиана врезался в заднюю луку седла. Копье сломалось, древко со стуком упало на насыпь. «В следующий раз они могут и попасть», — мрачно подумал Феликс.

Но тут беглеца осенило вдохновение. Открой он мешок с деньгами и брось на дорогу горсть золота, эти дикари могут остановиться и начать собирать деньги. Он рванул веревку, завязывавшую мешок. Дзинь! Золотые посыпались на землю и покатились во все стороны. Хвостатые с радостными воплями набросились на монеты, и думать забыв о погоне. Конечно, цена спасения оказалась несколько высоковата, однако оспаривать право обладания деньгами было в данный момент равносильно самоубийству, и Борел устало поскакал дальше.

Он дотащился до Новуресифи примерно к полудню. Едва лишь он пересек границу, неизвестно откуда выскочил некий бразилец в форме сил безопасности.

— Сеньор Феликс Борел?

— Что? — и без того измотанный Борел так долго думал на гозаштандоу, что бразило-португальский язык космических трасс

показался ему бессмысленным.

— Я сказал, вы сеньор Феликс Борел?

— Да. Точнее, зер Феликс Борел.

— Мне нет дела до того, как сеньор себя называет. Вы арестованы.

— За что?

— За нарушение Положения № 368. Вамуш, пор фавор![45]

На предварительном слушании Борел потребовал себе адвоката. Поскольку он не мог оплатить услуг юриста, судья Кешавачандра назначил в качестве такового Мануаля Сандака.

Кристовау Абреу выступил с обвинением.

— Сеньор Абреу, — удивился Феликс, — как же вы, черт возьми, быстро проведали о моем маленьком проекте!

— Будьте любезны адресовать свои замечания суду, — высказался Кешавачандра. — У службы безопасности, естественно, свои методы. Имеете ли вы сказать что-либо, относящееся непосредственно к делу?

Борел пошептался с Сандаком, после чего тот поднялся и заявил:

— Защита утверждает, что дело, представленное на рассмотрение службой безопасности, prima facie[46] не имеет законной силы. Устройство, о котором идет речь, а именно пресловутый перпетуум мобиле, неосуществимо, поскольку нарушает хорошо известный закон сохранения энергии. В то время как под Положение № 368 попадают лишь действующие механизмы, «грозящие прогрессом уже существующей на данной планете науке и технике».

— Вы хотите сказать, — с жаром выпалил Абреу, — что это была липа, обычное надувательство?

— Разумеется, — подтвердил Борел, от души веселясь при виде выражения лица начальника службы безопасности.

— Самая последняя полученная мной информация, — буркнул Кристовау, — гласит, что позавчера вы демонстрировали действие своего устройства в зале собраний ордена Карара в Мише. Что вы на это скажете?

— Что это и есть надувательство, — ответил подследственный и поведал о роли Зердаи.

— А как вы объяснили им принцип действия данного изобретения? — спросил судья и после исчерпывающего рассказа воскликнул: — Господи боже, да ведь эта форма вечного двигателя восходит к европейскому средневековью! Я помню дело, в котором фигурировал подобный механизм. Я тогда работал юристом в Индии и специализировался на патентном праве! А вы что на это скажете? — обратился Кешавачандра к

обвинителю.

— Сим, Восса Ышселенсия[47],— заметил Абреу и повернулся к Борелу. — Знал я, что ты аферист, но никак не ожидал подобного нахальства!

— Бюрократ! — презрительно фыркнул Феликс.

— Не переходите на личности, — оборвал зарождающуюся перепалку судья. — Боюсь, сеньор Кристовау, я не могу привлечь к суду сеньора Борела.

— А как насчет обвинения в мошенничестве? — с надеждой спросил Абреу.

— Нельзя, ваша честь, — вскочил на ноги Сандак. — Указанный акт совершен в Микарданде, где данный суд не имеет полномочий.

— Ладно, а если просто задержать его, пока республика не потребует выдачи преступника? — не отступал Абреу.

— Невозможно, — заявил адвокат. — У нас с Микардандом нет договора об экстрадиции, так как их уголовно-процессуальный кодекс не отвечает минимальным требованиям Межпланетной Юридической комиссии. Кроме того, подозреваемый не может быть принудительно возвращен под юрисдикцию государства, в котором он, скорее всего, будет убит на месте.

— Боюсь, закон на стороне защиты, — обратился судья к разочарованному начальнику службы безопасности. — Однако у нас все же есть некоторая власть над нежелательными лицами. Составьте требование о безотлагательном выселении сеньора Борела, и я подпишу его быстрее, чем вы скажете «нон вульт»[48]. В порту стоят корабли, отбывающие в ближайшее время, — пусть он выбирает любой! Думаю, что вскоре, — добавил Кешавачандра с тонкой улыбкой, — данный субъект вернется сюда, словно фальшивая анна[49], преследуемая по пятам полицейскими. Он рассуждает здесь о вечном двигателе? Так он и есть этот самый двигатель!

В баре «Нова-Йорк» совершенно измотанный Борел заказал «двойную комету». В карманах оставалось примерно четыре с половиной карда. На это он мог прокормиться пару дней или устроить первоклассный кутеж. Феликс выбрал последнее: если он качественно напьется, то еда уже не понадобится.

Мельком он увидел себя в зеркале позади стойки: рыжая щетина, глаза приблизительно того же цвета, даже краснее, а когда-то изысканный мундир превратился в лохмотья. В итоге большая часть внешнего лоска испарилась. Если он и избежал на данный момент новуресифийской тюрьмы, то все равно его скоро

вытурят отсюда. Мысль о бесплатном проезде не доставляла никакого удовольствия, так как соседствовала с невыразимой скукой навязанного космического путешествия.

Зердая теперь была безвозвратно утрачена, и он тешился иллюзией, что действительно собирался взять ее с собой. Очевидно, следовало подыскать какую-то работу, хоть эта идея и казалась кощунственной. (Когда Феликс попадал в подобные передряги, мысль о честном труде приходила ему в голову.) Но кто в Новуресифи примет на работу человека, впавшего в немилость начальника службы безопасности? Возвращаться же в Микарданд глупо. Жалость к самому себе переполнила сердце Борела.

Рядом за стойкой потягивал спиртное плотный мужчина среднего возраста с сонно-добродушным выражением лица.

— Вы здесь недавно, сеньор? — обратился к нему Феликс.

— Да, — ответил тот. — Прилетел с Земли два дня назад.

— Со старушки Земли, — взгрустнул Борел.

— Верно, со старушки Земли.

— Позвольте мне поднести вам рюмочку.

— Позволю, если вы примите ответную.

— Идет. Надолго вы сюда?

— Пока не знаю.

— Вас что-то смущает?

— Да. Прилетев сюда, я намеревался помимо всего прочего хорошенько осмотреть планету. На данный момент я закончил свои официальные дела и посетил все достопримечательности Новуресифи. Теперь хотелось бы побродить по другим местам, но я не владею туземными языками, а подыскать проводника не удается. Похоже, здесь все заняты собственными делами и твои проблемы никого не интересуют.

В душе Борел сделал стойку, как гончая, почуявшая добычу.

— А какие государства вы хотели бы посетить?

— Ну, во-первых, Гозаштандскую империю, затем, наверное, заехал бы ненадолго в вольный город Маджбур. На обратном пути завернул бы в Балхиб.

— Это была бы шикарная экскурсия, — согласился Феликс. — Конечно, при этом вам пришлось бы пересечь кое-какие дикие земли, и путешествовать надо верхом на айе. Никаких экипажей. К тому же есть некоторый риск.

— Это пустяки, я с детства ездил верхом на лошади. Что до риска, то я уже прожил пару веков и могу позволить себе немного поразвлечься, прежде чем действительно состарюсь.

— Выпейте еще рюмочку, — предложил Борел. — Знаете, возможно, нам удастся договориться. Я только что закончил одно

дело и сейчас совершенно свободен. Меня, кстати, зовут Феликс Борел.

— Семен Трофимов, — представился мужчина. — Вы серьезно интересуетесь ролью проводника? Судя по вашему мундиру, я счел вас каким-то должностным лицом…

Остальное Борел едва расслышал. Семен Трофимов! Самая что ни на есть большая шишка: один из директоров «Виажейш Интерпланетариаш», член всевозможных общественных советов и комитетов, сотрудник различных ведомств там, на Земле… Да, не возникает никаких сомнений в платежеспособности этого дяди. Более того, своим авторитетом он способен задавить всех местных бюрократов. Теперь никто не посмеет посадить Феликса Борела на ближайший корабль и отправить его за десятки световых лет отсюда!

— Разумеется, сеньор дом Семен, — с чувством сказал он. — Я устрою вам такую экскурсию, какой не видывал ни один землянин. В северном Рузе, например, есть знаменитый водопад, до которого редко добираются путешественники. И потом, вы знаете, как устроено королевство Балхиб? Очень интересная система. В принципе я частенько подумывал, что пара неглупых землян с небольшим капиталом могли бы организовать там одно предприятие, причем все совершенно законно и чисто. Позже объясню. А пока нам лучше начать собираться в дорогу. У вас есть меч? А седло со сбруей? Я знаю одного честного колофтянина, который прекрасно подойдет в качестве слуги, если только я смогу его найти. Что же касается того балхибского плана, то это абсолютно верное дело…

Поиски Зеи
(Перевод А. Лисочкина)

Поиски Зеи

Всей своей нескладной, как у лося, фигурой Дирк Барнвельт навис над машинкой и напечатал:

«В двадцати пяти градусах к северу от экватора на планете Кришна раскинулось море Ваандао — крупнейший водный массив планеты. На просторах этого моря и притаился Сунгар — родина самых невероятных тайн и легенд.

Здесь, под палящими лучами жаркого полуденного солнца, в крепких объятьях обширного, плавающего на воде континента из переплетенных водорослей — терпалы — тихо догнивают таранные галеры Дюра и пузатые джазмурийские парусники. Даже неистовые штормы кришнянских субтропиков способны разве что слегка подернуть рябью поверхность этого необъятного плавучего болота, которую, однако, время от времени вспучивают и вспенивают резвящиеся под водой морские страшилища планеты, такие, как гвам или гарпунер».

Барнвельт откинулся в кресле и задумался. Вот уже почти два года пишет он о местах, которые исследует Игорь Штайн; а сам-то он хоть когда-нибудь их увидит? Вот если б матери его не было в живых… Куда там! При нынешней гериатрии[50] она еще добрый век протянет. У него еще прапрадедушка жив-здоров в Голландии. «А потом, — подумал он виновато, — нехорошо рассуждать так о матери, чьей бы она там ни была». Он вернулся к машинке:

«Ничто, единожды угодив в эту паутину из водорослей, не в состоянии высвободиться оттуда — за исключением разве что акебатов, которые прилетают на своих перепончатых крыльях с материка поохотиться на мелких обитателей Сунгара. Время здесь не значит ровно ничего; ничего не существует, кроме тишины, дымки, зноя и зловония гниющих водорослей».

По крайней мере, подумалось Барнвельту, все это отвлеченное сочинительство все же получше однажды испробованных попыток вколачивать величие английской литературы в явно не расположенные к тому черепа деревенских недорослей, у которых только две вещи на уме: секс и борьба с тяготами системы обязательного среднего образования.

«В самое сердце этого столь отталкивающего края и планирует проникнуть в ходе своей предстоящей экспедиции на Кришну Игорь Штайн, знаменитейший из ныне здравствующих первопроходцев, чтобы раз и навсегда пролить свет на те зловещие слухи, которые долетают из этой не открытой еще страны».

Будто лось, заслышавший призывный рев соперника в

брачный сезон, Барнвельт уставился в пространство, выжидая, пока в голове сформируется следующая фраза. Вот будет номер, если Штайн так и не появится, чтобы организовать эту самую экспедицию! Ему, Дирку Барнвельту, никогда не выпустить задуманный рекламный пузырь, пока пропавший исследователь не обнаружится.

«Хорошо, скажете вы, а почему бы Штайну попросту не попросить капитана космического корабля высадить его на побережье, чтобы потом облететь море на вертолете, жужжа камерами и ощетинившись оружием? Да потому, что Кришна принадлежит к планетам класса „X“, и согласно правилам, изданным Межпланетным Советом, пришельцам с других планет строжайше запрещается знакомить с современными техническими устройствами и изобретениями ее хоть и яйцекладущих, но вполне человекообразных обитателей, которые представляются, с одной стороны, слишком отсталыми и воинственными, чтобы им можно было доверить подобные вещи, а с другой — достаточно интеллектуально развитыми, чтобы суметь извлечь из них выгоду.

Так что никаких вертолетов, никакого оружия. Доктору Штайну придется осуществлять свой замысел далеко не самым легким путем. Но каким? Ведь по Сунгару нельзя ни пройти пешком, ни проплыть на лодке…»

Тут Барнвельт дернулся, словно сработавшая мышеловка, поскольку над плечом его склонилась миссис Фишман со словами:

— Дирк, начинается собрание.

— Какое еще собрание?

Миссис Фишман, секретарь «Игорь Штайн Лимитед», закатила глаза, как она всегда поступала, когда Барнвельт демонстрировал свою бестолковость.

— Директоров. Вас ждут.

Он проследовал вслед за ней в кабинет правления, заранее готовясь к каким-нибудь неприятным неожиданностям, словно подсудимый, вызванный для ознакомления с приговором военного суда. Присутствовали трое директоров «Игорь Штайн Лимитед»: Стюарт Лайинг, который являлся также вице-президентом и управляющим делами, банкир Олаф Торп и Панагопулос, тоже финансист. Со времени исчезновения Штайна список администрации завершала миссис Фишман, секретарь.

Хоть лично президент фирмы и отсутствовал, с цветной батиграфии на стене на них поглядывал его полный двойник: кирпично-красная, с квадратной челюстью физиономия, изборожденная множеством мелких морщинок, холодно

поблескивающие бледно-голубые глаза, короткий ежик тронутых сединой бронзовых волос.

Неофициальную сторону, помимо Барнвельта, представляли коротышка Дионисио Перес, фотограф, смуглый здоровяк Джордж Тангалоа, страновед, и Грант Марлоу, актер, очень похожий на портрет на стене даже без грима, который он обычно накладывал, замещая Штайна во время публичных выступлений.

— Ба, никак литературная тень нашего великого шефа! — ухмыльнулся Тангалоа.

Барнвельт робко улыбнулся и сгорбился на свободном стуле. Хоть он, подобно остальным, тоже являлся держателем акций компании, вклад его был столь ничтожен, что он, карась среди щук, правом голоса тут никаким не пользовался. Однако на сей раз предстояло не обычное собрание директоров или акционеров, а, скорее, нечто вроде встречи обеспокоенных специалистов, объединившихся, дабы представить публичному взору некое синтетическое существо по прозванию «Игорь Штайн», в коем настоящий Штайн являл собой только часть — хотя, пожалуй, и наиболее весомую.

— Ну так что, Стю? — проговорил Марлоу, раскуривая трубку.

— О Старике так ничего и не слыхать, — отозвался Лайинг.

— Чтоб они провалились, все эти детективы! — проскрипела миссис Фишман. — Сотни долларов неделями на них грохаем, и хоть бы чепуху какую раскопали! Я просто-таки уверена, что пока мы их не наняли, они разве что за неверными мужьями подсматривали!

— Нет-нет, — возразил Лайинг. — Отзывы об Уголини просто прекрасные.

— Как бы там ни было, — продолжала она, — если мы немедля не начнем действовать, контракт с «Виажейш Интерпланетариаш» станет не дороже прошлогоднего снега.

Лайинг заметил:

— Знаете, а Уголини действительно считает, что Старика забрали на Кришну.

— С чего это он взял? — поинтересовался Марлоу, попыхивая трубкой.

— Игорь рассчитывал прояснить все эти слухи относительно связи между Сунгаром и делишками вокруг янру. Отдел Расследований не имеет возможности послать туда человека — вернее, кого бы они туда ни посылали, никто не вернулся. Так что в МОР решили, что, может, Старик, как частное лицо, чего-нибудь выяснит. Ну а Игорь, благодаря Дирку, получил просто-таки шикарнейшую рекламу этому своему сафари. А теперь давайте

предположим, что основные связи Кольца янру находятся на Земле — по той причине, что эффект снадобья нацелен в первую очередь на людей.

(Вид у Переса при этих словах стал такой, будто он вот-вот разрыдается.)

Лайинг продолжал:

— Тогда почему бы Кольцу, прослышав об экспедиции, не поохладить его пыл?

Барнвельт кашлянул, и его длинная лошадиная физиономия приобрела тот смущенно-нерешительный вид, от которого он никогда не мог избавиться при общении с начальством.

— А откуда вы знаете, что они его попросту не убили? Лично я опасаюсь, что это совсем не исключено.

— Мы этого не говорим, но полностью избавиться от тела далеко не просто, а на Земле и следов его нет.

Лайинга перебил низкий, как у органа, голосина Тангалоа:

— Эти ребятки *уже* не раз проскальзывали прямо перед носом у Межпланетной таможни, а те даже ухом не вели.

— Знаю, — сказал Лайинг. — Однако на поиски Игоря мы задействовали и частную, и государственную, и районную, и городскую, и международную, и межпланетную полицию, и это все, на что мы сейчас способны в этом направлении. Неотложнейшим делом на данный момент для нас является контракт. И единственный выход, который мне сейчас видится, — это что кому-то из нас придется слетать на Кришну и претворить в жизнь планы Игоря. Отснять 50 000 метров пленки — четверть из них на Сунгаре, передать ее в «Виажейш» и выяснить, готова ли эта фирма и дальше иметь с нами дела. Выручить Игоря, если получится.

Острые глаза Лайинга обвели кабинет. Все закивали.

— Итак, — продолжал он, — следующий вопрос: кто?

Большинство присутствующих тут же отвели глаза, приняв независимый вид людей, которые к происходящему не имеют ровно никакого отношения, а так, заглянули на минутку.

Джордж Тангалоа похлопал себя по необъятному пузу.

— Можем мы с Дио.

Перес подскочил:

— Никуда я нэ поеду! Нэ поеду, покуда нэ разбэрусь как слэдует с жэной! Я нэ виноват, что эта баба подсунула мнэ то проклятое снадобье…

— Да, да, — перебил Лайинг, — мы в курсе ваших проблем, Дио, но посылать одного никак нельзя.

Тангалоа зевнул:

— Полагаю, что прекрасно управлюсь и один. Дио мне уже

показал, как обращаться с камерой «Хаяши».

— Если мы пошлем одного Джорджа, — встряла миссис Фишман, — то полученной пленки не хватит даже вокруг пальца обмотать. Он обоснуется в первом же месте, где хватает жратвы и пива, и…

— Вот как? — притворно оскорбился Тангалоа. — Уж не хотите ли вы сказать, что я лентяй? Какая низкая инсинуация!

— Ты чертовски прав — еще какой лентяй! — подал голос актер Марлоу. — Ты, наверное, самый ленивый и прожорливый выходец с Самоа, какой там был за всю историю. Тебе обязательно нужен кто-нибудь вроде Дирка, чтоб присматривать…

— Эй! — завопил Дирк, который моментально стряхнул с себя всю робость, словно плащ после дождя. — Почему я? А почему не ты? Мало того, что ты похож на Игоря, так ты еще и этот его жуткий русский акцент передразнивать умеешь! Это тибье надо ехать, мой дрюг…

Марлоу отмахнулся:

— Я уже слишком стар и немощен, чтобы расставаться с привычным образом жизни, — просто бурдюк с киселем, и у меня нет абсолютно никакой специальной подготовки к подобным…

— А у меня есть, что ли? Ты же сам недавно говорил, что я непрактичный и мягкотелый интеллигент, так что какой с меня прок в деле заполнения белых пятен и стояния на страже закона?

— Но ты же умеешь обращаться с «Хаяши», и ты яхтсмен, если я не ошибаюсь?

— Да какой там яхтсмен! Катался пару раз с приятелем. Уж не думаете ли вы, что я могу содержать яхту на мою-то зарплату? Конечно, если вы хотите ее увеличить…

Марлоу пожал плечами:

— Учитывается опыт, а не то, как ты его приобрел. К тому же, пожив на ферме, ты познакомился со спартанским образом жизни.

— Но у нас там было электричество и водопро…

— Кроме того, у нас у всех семьи, за исключением вас с Джорджем.

— А у меня мать, — заявил Барнвельт, и без того румяная физиономия которого стала просто багровой. Ссылки на деревенское прошлое всегда его немало смущали, поскольку, даже предпочтя городскую жизнь, он никак не мог избавиться от ощущения, что для всех этих отпрысков каменных джунглей он навечно остался объектом насмешек.

— Чушь! — послышался ядовитый голосок миссис Фишман. — Уж не волнуйтесь — наслышаны о вашей старушке,

Дирк. Вам давно уже пора вылезти из-под ее передника.

— Послушайте-ка, что-то я не пойму, какое вам дело…

— Если хотите, можем платить ей жалованье в ваше отсутствие, так что с голоду она не помрет. А если вы справитесь, то дивидендов вам с лихвой хватит, чтоб вылезти из тех долгов, в которые она вас вечно втягивает.

— Хватит даже на то, — подхватил Марлоу, — чтобы позволить себе шикарные двухэтажные апартаменты со слугой-малайцем.

— Послушайте, а вам не кажется, что ему веселей было бы с горничной-француженкой? — встрял Тангалоа.

Барнвельт, красный как рак, прикусил язык. Упоминания о матери никогда не доводили его до добра. С одной стороны, он чувствовал, что обязан встать на ее защиту, а с другой — опасался, что они правы. Если б только его отец, голландец, не умер, когда он был еще мальчишкой.

— К тому же, — продолжал Марлоу, — я прекрасно знаю, на что я способен, и наверняка не добьюсь на месте Игоря большего успеха, чем он на моем тогда, в Нью-Хейвене.

— Это вы о чем? — заинтересовался Торп. — Сомневаюсь, что слышал эту историю.

Лайинг пояснил:

— Как вы знаете, оратора хуже Игоря во всем свете не сыщешь, так что в этой области его место занял Грант, используя его пленки, точно так же, как Дирк пишет за него книги и статьи. На всякий пожарный случай мы приспособили специальный проигрыватель с динамиком в виде цветочка, который вставляется в петлицу, и заготовили записи нескольких лекций, написанных Дирком и начитанных Грантом. Потом мы научили Игоря, как стоять за кафедрой и открывать рот синхронно с речью, доносящейся из динамика.

— Ну и?

— Ну и два года назад Грант заболел, и его заместил Игорь с этим самым приспособлением. Только вот, когда он расположился за кафедрой и запустил проигрыватель, эта штуковина разрегулировалась и принялась без передышки твердить: «…счастлив оказаться здесь… счастлив оказаться здесь… счастлив оказаться здесь…» Короче, заело. Кончилось дело тем, что Игорь исполнил на этом аппарате какую-то дикую пляску, изрыгая русскую матерщину.

Пока Торп хохотал, Лайинг повернулся к Барнвельту:

— Вопрос, конечно, сложный, Дирк, но другого выхода нет. А потом, раз уж вы в некотором роде являетесь тенью Игоря, разве вам не хотелось бы вернуть свое тело?

Тангалоа, ухмыляясь, словно толстый полинезийский божок, пропел:

— Вер-нись, вер-нись, вернись мое тело ко мне, ко мне!

Все, за исключением Барнвельта, рассмеялись.

— Нет, — произнес он с твердостью человека, который почувствовал, что его внутренняя линия обороны в любой момент готова дать трещину. — На Земле я могу прекрасно прожить и без «Игорь Штайн Лимитед», даже получше, чем сейчас…

— Погодите, — перебил его Лайинг. — Есть еще кое-что. Я совсем недавно разговаривал с Цукунгом из Отдела Расследований — так они действительно всерьез обеспокоены всеми этими делишками вокруг янру. Вы в курсе, как это коснулось Дио, и наверняка читали об убийстве Полемуса. Этот экстракт такой крепкий, что сотню доз можно в дырке зуба спрятать. Так вот, потом его сотню раз разводят, и на рынке вдруг появляются духи под названием вроде «Nuit d'amour» или «Moment d'extase»[51]. С добавкой янру они действительно действуют так, на что намекают названия. Стоит женщине опрыскаться этим снадобьем, а мужчине разок его нюхнуть, как он превращается в круглого идиота — он у нее через обруч прыгать будет и ни на секунду не засомневается. Эффект почище, чем от осирианского псевдогипноза.

Но и это еще не все. Янру действует исключительно на потребу женщинам против мужчин, и, учитывая способ распространения этой заразы, Цукунг всерьез опасается, что через пару десятилетий женщины обретут полную власть над мужчинами.

— Не так уж это и плохо, — заметила миссис Фишман. — Лично я себя с удовольствием чем-нибудь таким опрыскала.

— Таким образом, — торжественно продолжал Лайинг, — вам предоставляется возможность спасти мужскую половину человечества от участи похуже смерти — или, по крайней мере, той, с которой вы знакомы благодаря своей матушке. Ну что, это уже посерьезней, а?

— Поразмыслите, — встрял Марлоу, — а вы уверены, что его матушка и впрямь не испробовала на нем это зелье?

Барнвельт энергично замотал головой:

— Нет, она на меня просто психологически давит, с самого детства. Да и зачем ей это? Я уже и так, как негр на плантации.

— Вот и удерите от нее, — заключил Лайинг.

Вмешался Тангалоа:

— Ты ведь не хочешь, чтобы женщины поработили мужчин так же, как вы тут, на Западе, поработили женщин?

— Это сделает из тебя настоящего мужчину, — сказал

Марлоу. — Любому в твоем возрасте, кто не был еще женат, требуется хорошая встряска.

— Вы получите реальные впечатления и опыт для вашего сочинительства, — сказала миссис Фишман.

— Такие похождения хороши сейчас, пока ты молод и холост, — сказал Торп. — Мне бы твои годы…

— Мы увеличим вам оклад, — сказал Панагопулос. — При ваших расходах на Кришне вы сможете…

— Ты только подумай, каких невыразимых тварей там насмотришься, — сказал Тангалоа. — Ты же сам не свой до всяких диковинных зверей.

— В конце концов, — сказал Лайинг, — мы же не предлагаем вам лететь на Один и жить с кислородной маской на физиономии среди всяких переросших насекомых. Местные жители действительно очень похожи на людей.

— Особливо, женского полу… — прокудахтал Тангалоа, очерчивая в воздухе некие округлые формы.

— Ладно, черт с вами, еду, — вырвалось наконец у Барнвельта, который прекрасно знал, что в конце концов они его все равно уломают. Разве много лет назад, еще мальчишкой, не мечтал он о подобных приключениях, обитая на ферме в округе Чатагуа? Вот и получил, что хотел.

— Джордж, — воззвал Барнвельт, — что мне теперь делать? Увеличить сумму страховки?

— Не переживай — все уже устроено, — откликнулся Тангалоа. — У меня уже забронированы места на «Эратосфен», который вылетает послезавтра.

Барнвельт выпучил глаза:

— Ты хочешь сказать… хочешь сказать, что вы действительно все это обстряпали заранее?

— А то! Мы знали, что все равно тебя уломаем.

Хоть Барнвельт густо покраснел и принялся что-то возмущенно шипеть, Тангалоа холодно добавил:

— Тебе долго собираться?

— Да как сказать… А что мне брать? Затычки для ушей?

— Просто обычные шмотки на пару месяцев. Я возьму камеры и прочее снаряжение, а остальное купим в Новуресифи. Нет смысла платить за перевес багажа, без которого можно прекрасно обойтись.

— А куда летит «Эратосфен»? На Плутон?

— Нет, перевалочная база для цетических планет теперь на Нептуне. А оттуда уже безо всяких посадок на «Амазонке» прямиком до Кришны.

— А что делать с матерью?

— Как что? Да ничего!

— Но если она узнает, то наверняка запретит лететь, а я не смогу с ней спорить. То есть смогу, конечно, да только все равно это без толку.

Тангалоа ухмыльнулся:

— Скажи ей, что собираешься прокатиться на яхте с этим своим приятелем.

— Хорошо. Скажу, что мы навестим прабабку Андерсон в Балтиморе. Тогда лучше сразу позвонить Прескотту. Не хватало еще, чтоб все это выплыло в самом начале.

Высвободив из-под рукава наручный телефон, он набрал номер.

— Гарри? Дирк. Можешь оказать мне одну услугу?

Войдя в собственную квартиру, Барнвельт с великим облегчением обнаружил, что матери дома нет. Вне всяких сомнений, она отправилась в центр заниматься своим излюбленным делом — а именно превышением своего банковского кредита. С постыдной поспешностью он уложил чемодан, сердечно распрощался с котом, золотой рыбкой и черепахой и через полчаса на цыпочках прокрался наружу, чувствуя себя, как начинающий взломщик.

Но когда за ним захлопнулась входная дверь, в голове у него словно протрубила сигнальная труба. Ссутуленная спина выпрямилась: в конце концов, мужчина есть мужчина, повелитель собственной судьбы. Если все пойдет хорошо, до отъезда он с матерью не увидится. Он будет, впервые за тридцать один год собственной жизни, действительно сам себе хозяин.

Только вот правильно ли это? Его так и душили сомнения…

Так что, пока на метро и автобусе он добирался до квартиры Тангалоа, две стороны его натуры активно боролись между собой. А когда он вошел в дверь, сторона, вооруженная эдиповым комплексом, стала проявлять явное превосходство.

— Чего это ты как в воду опущенный, приятель? — поинтересовался Тангалоа. — Можно подумать, ты космотеист, у которого только что умер гуру! Ты что, всю жизнь собрался проторчать на Земле?

— Нет, — уныло согласился Барнвельт. — Просто совесть мучает. Хоть и во благо, но мы наврали, и эта ложь сидит теперь на пороге нашего предприятия. Наверное, мне все-таки лучше позвонить…

И он отцепил от зажима специальную иголочку, чтобы набрать номер.

— А вот этого не надо! — неожиданно резко рявкнул Тангалоа, прихлопывая смуглой ручищей запястье Барнвельта с

телефоном.

Через несколько секунд Барнвельт опустил глаза.

— Ты прав. Вообще-то, пожалуй, лучше совсем отключить телефон.

Тем концом, на котором была крошечная отвертка, он сунул иголку в гнездо на аппарате и повернул ее с еле слышным щелчком.

— Так-то лучше, — пробасил Тангалоа, возвращаясь к чемоданам. — Ты когда-нибудь общался с психоаналитиком?

— Угу. Оказалось, что у меня эдипов комплекс. Но маманя быстренько все это прекратила. Побоялась, что сработает.

— Тебе следовало бы вырасти в полинезийской семье. Там собрана такая бездна всякого народу, что на личностях никто не концентрируется, и мы и слыхом не слыхивали об этих ваших несчастных комплексах.

Насвистывая какой-то легкомысленный мотивчик, Тангалоа сложил рубашки, чтобы они влезли в чемодан, и принялся раскладывать по соответствующим отсекам специальные материалы и снаряжение. Первым делом на месте оказались лекарства и медицинские препараты, в том числе предназначенные на все случаи жизни капсулы лонговита, без которых ни один человек не мог рассчитывать на как минимум двухсотлетнюю прибавку к своему зрелому возрасту.

За ними последовали шесть одномиллиметровых камер «Хаяши», каждая из которых была упрятана в массивный разукрашенный перстень, надежно ее маскировавший, а также пара ювелирных луп и тонюсенькие отвертки для открывания камер и замены пленки.

Потом — два блокнота Кенига и Даса с титан-иридиевыми страничками, увеличительное стекло для просмотра записей и складной пантограф, служащий для уменьшения букв, начертанных рукой пишущего, до почти микроскопических размеров. Делая записи крошечными буковками и используя диграфический алфавит Эвинга, опытный человек вроде Тангалоа ухитрялся вместить на одну сторону странички размерами шесть на десять сантиметров около двух тысяч слов.

Барнвельт поинтересовался:

— А что, служба безопасности перевозок на Кришне действительно позволит нам вынести эти камеры из резервации?

— Да. Если впрямую руководствоваться Положением № 368, это нельзя, но на «Хаяши» они смотрят сквозь пальцы, поскольку кришняне их попросту не замечают. К тому же в каждую встроен аварийный деструктор, и при любой попытке разобрать камеру она разлетается на кусочки. Вот эту катушку с микрофильмом

брось к себе в сумку.

— А что это такое?

— Элементарный курс гозаштандоу. В пути можешь заняться, вот звуковое сопровождение, — он вручил Барнвельту диск сантиметра в два толщиной и шести в диаметре. — На кораблях есть проигрыватели. Выше нос, чувак!

Проводить Тангалоа в нью-йоркском аэропорту явились аж сразу четыре дамы: его очередная супруга, две бывшие и потрясная подружка. Тот поприветствовал их в своей обычной разухабистой манере, шумно всех перецеловал и небрежно потопал к автобусу.

Барнвельт, тоже распрощавшись с прекрасным квартетом, последовал за Тангалоа, испытывая к счастливчику вполне обоснованную зависть. Выглянув из окна автобуса, чтобы напоследок помахать девушкам, он вдруг заметил крошечную седовласую фигурку, которая, решительно распихивая толпу, пробиралась вперед.

— О боже! — выдохнул он, торопливо отворачиваясь от окна.

— Что стряслось, приятель? — встрепенулся Тангалоа. — Ты даже побледнел!

— Моя мать!

— Где? А, вон та, маленькая такая? На вид так не очень страшная.

— Ты ее просто не знаешь. Этот болван водитель собирается ехать?

— Не психуй. Ворота закрыты, сюда она не пролезет.

Барнвельт съежился на сиденье. Наконец автобус пришел в движение, и меньше чем через минуту они уже подкатили к кораблю. Трап — высокая и крутая лестница на колесиках — уже стоял на месте. Барнвельт поспешно взлетел наверх. Тангалоа, хрипло сопя и бурча что-то насчет эскалаторов, тяжко втащился следом.

— Надо было тот тортик еще и сиропчиком полить, — заметил ему Дирк.

Теперь, когда из-за расстояния и сгустившихся сумерек он уже не мог различить лица в толпе у ворот, он снова начал чувствовать себя человеком.

Забравшись внутрь фюзеляжа, они спустились к своим креслам, повернутым так, чтобы можно было сидеть прямо, хотя корабль при этом стоял на поле космопорта на хвосте.

Барнвельт заметил:

— А ты довольно спокойно расстался со всеми своими женщинами.

Тангалоа пожал плечами:

— Да если приспичит, в минуту другая будет!

— Когда в следующий раз будешь списывать очередной набор эдаких красоток, не забудь хоть одну мне оставить.

— Если они не будут против — за чем дело стало? Полагаю, ты предпочитаешь бледную, или — как вы тут на Западе выражаетесь — белую расу?

Служащий авиакомпании, обходя круг за кругом и компостируя билеты, спускался вниз по фюзеляжу. При этом он выкликал:

— Имеется ли на борту пассажир по имени Дик Барнвелл?

— Наверное, это я, — встрепенулся Барнвельт. — Дирк Барнвельт.

— Ага. Ваша мать только что вызывала нас по радио с башни управления полетами, просила вас высадить. Вам нужно поставить нас в известность прямо сейчас, пока трап не убрали.

Барнвельт сделал глубокий вздох. Сердце его гулко застучало. Он поймал на себе насмешливый взгляд Тангалоа.

— Скажите ей, — проквакал он, — что я остаюсь!

— Вот и славненько! — гаркнул Тангалоа. Служащий полез обратно наверх.

А потом в ураганном реве реактивных двигателей потонули все остальные звуки, и поле космопорта провалилось вниз. Показался Нью-Йорк, подмигивающий миллионами огоньков, а потом и весь Лонг-Айленд целиком. На западе над горизонтом вновь поднялось солнце, которое село полчаса тому назад. Высоко над головами пассажиров за поворотом коридора с лязгом распахнулась дверь воздушного шлюза. Понатыканные по всей «Амазонке» репродукторы заунывно затянули: «Todos passageiros fora — пассажиров приглашаем на выход — todos passageiros..»

Дирк Барнвельт, стоя рядом с Джорджем Тангалоа в очереди ожидающих высадки пассажиров, машинально продвигался вперед, держась вплотную к человеку, что стоял впереди. Сквозь невидимую открытую дверь в носу корабля доносилось дыхание незнакомого воздуха: влажного, теплого и насыщенного растительными ароматами. Он так отличался от воздуха в космическом корабле, с его запашками озона, машинного масла и немытых человеческих тел. Тут и там вспыхивали огоньки зажигалок — пассажиры торопливо закуривали первые после Нептуна сигареты.

Очередь начала ощутимо продвигаться вперед. Когда они приблизились к шлюзу, Барнвельт услышал посвистывание порывистого ветра и перекрывающий шарканье подошв плеск дождя. Наконец их взорам предстал внешний мир — жемчужно-серый прямоугольник на фоне более темных переборок.

Барнвельт пробормотал:

— Я чувствую себя просто как мумия, которая вылезла из саркофага. Никогда не думал, что космическое путешествие — это такая морока.

Подойдя к шлюзу ближе, он увидел, что серая пелена представляет собой брюхо дождевой тучи, проплывающей мимо. Ветер вовсю хлопал тентом, натянутым над трапом, и с боков на него то и дело задувало капли дождя.

Когда Барнвельт, дождавшись своей очереди, перешагнул через порог шлюза, то услышал внизу шлепанье тяжелых сумок и чемоданов, подаваемых ворчащими грузчиками через служебный шлюз под трапом на желоб, и шуршание, с которым те съезжали вниз. Бросив взгляд через поручень, он даже вздрогнул: до земли было далековато.

Ветер на все лады завывал в ажурной конструкции трапа и прижимал пальто Барнвельта к коленям. Спустившись вниз, он обнаружил, что предстоит еще несколько минут шагать до здания таможни. Крытый навесом на тонких стойках переход пересекал чуть ли не все поле — голую земляную плоскость коричневого цвета, усеянную многочисленными лужами. Неподалеку бульдозер и каток выравнивали кратер, оставшийся от последнего запуска. «Амазонка» высилась у Барнвельта за спиной, словно колоссальный винтовочный патрон, поставленный торчмя. Когда они доплелись до таможни, дождь перестал и между громоздящимися скоплениями туч желтым щитом выглянул Рокир.

Человек в униформе службы межпланетных перевозок держал дверь таможни открытой и на межпланетном бразильско-португальском повторял: «Пассажиры, остающиеся на Кришне, — первая дверь направо. Следующие до Ганеши и Вишну…»

Девять из четырнадцати пассажиров толпой устремились в первую дверь направо и выстроились в очередь перед стойкой, за которой восседал крупный неприветливый тип, представленный табличкой как «Афанасий Горчаков, старший таможенный инспектор».

Когда подошла их очередь, Барнвельт с Тангалоа предъявили свои паспорта, которые были тут же проверены, проштампованы и зарегистрированы, пока сами они расписывались и ставили отпечатки больших пальцев в учетную книгу. Двое помощников Горчакова тем временем досматривали багаж.

Добравшись до камер «Хаяши», один из них подозвал Горчакова, который, повертев камеры в руках, спросил:

— Деструкторы есть?

— Есть, — ответил Тангалоа.

— Вы не допустите, чтоб они попали в руки кришнянам?

— Да бог с вами.

— Тогда мы их пропускаем. Это, конечно, не совсем законно, но сделаем исключение, поскольку Кришна все время меняется, и, если снимки старой Кришны не сделать сейчас, их уже не будет никогда.

— А почему она так меняется? — удивился Барнвельт. — Я-то думал, что вы, ребята, тщательно оберегаете кришнян от постороннего влияния.

— Так-то оно так, но они и от нас самих много чему ухитрились научиться. Взять, к примеру, принца Ферриана из Сотаспе. В 2130 году он ввел в своем королевстве патентную систему, и теперь она вовсю начинает давать свои плоды.

— А кто это такой?

— Ох и мошенник! Как-то целую техническую библиотеку пытался на Кришну протащить под видом мумии какого-то предка. Когда мы ее перехватили, он и дал ход этой своей идее с патентами, а позаимствовал он ее во время своего визита на Землю.

— А кто тут советник по делам иностранцев? — вмешался Тангалоа.

— Куштаньозо. Обождите, потом я вас представлю.

Когда все вновь прибывшие прошли медосмотр, Горчаков провел людей Штайна через зал в другой кабинет, занимаемый Геркулио Куштаньозо, помощником инспектора службы безопасности Новуресифи.

Как только Горчаков удалился, Тангалоа поведал тому о целях и задачах предстоящей экспедиции, добавив:

— На юную особу положиться можно? Нам бы очень не хотелось, чтобы наши планы дошли до аборигенов.

При этом он кивнул в сторону симпатичной секретарши Куштаньозо.

— Конечно-конечно! — заверил Куштаньозо, смуглый крошечный человечек.

— Вот и славненько. За несколько последних месяцев через ваши руки не проходил кто-нибудь, похожий на доктора Штайна?

Куштаньозо внимательно изучил протянутую ему батиграфию. Трехмерный образ холодно уставился на него в ответ.

— Не думаю… хотя погодите, вроде был такой на последнем корабле с Земли, а с ним еще двое. Сказали, будто король Балхиба нанял их сделать топографическую съемку королевства.

— А как бы это им удалось без нарушения ваших правил?

— Им пришлось бы ограничиться исключительно

кришнянскими методами топографии. Но даже в этом случае, как они уверяли, точность замеров будет куда выше, чем у любого кришнянина. Сейчас, по зрелом размышлении, мне эта легенда и впрямь представляется довольно зыбкой, поскольку ни для кого не секрет, что, с тех пор как зер Шургез отрезал королю Киру бороду, у того просто мания против иностранцев. Я пошлю ему запрос. Сеньорита Фоли!

— Sim[52]? — девушка обернулась, широко раскрыв огромные голубые глаза. На Куштаньозо она уставилась с таким нетерпеливым вниманием, будто он собирался, по меньшей мере, поделиться с ней беспроигрышной методикой игры в бридж.

— Письмо, рог favor[53]. От Геркулио Куштаньозо и так далее — Его Несравненной Грозности Киру бад-Баладу, доуру Балхиба и Кубьяба, наследному дашту Джешанга, титулованному пандру Чилихага, и прочая, и прочая. Имеем честь поставить Вашу Грозность в известность относительно того, что межпланетная служба безопасности испытывает нужду великую в сведениях, касательство имеющих…

Закончив диктовать, он распорядился:

— Переведите на гозаштандоу и перепишите от руки на местной бумаге.

— Должно быть, смышленая девчонка, — заметил Барнвельт.

— Это уж точно.

Заслышав эту скупую похвалу, девушка зарделась. Геркулио обратился к ней:

— Сеньорита, это наши гости, сеньоры Джордж Тангалоа и Дирк Барнвельт; мисс Элин Фоли.

— Что там за история с бородой короля? — полюбопытствовал Барнвельт. — У местной публики, должно быть, недюжинное чувство юмора.

— Вы, гляжу, даже десятой доли всего не знаете. Этот самый Шургез был послан за бородой в порядке епитимьи, потому что убил кого-то в Микарданде. Кир чуть не лопнул со злости, поскольку у кришнян бороды практически не растут и ему всю жизнь пришлось положить, чтоб ее вырастить.

— Вполне представляю, каково ему пришлось, — кивнул Барнвельт, припомнив, как однокашники по педагогическому колледжу однажды насильно избавили его от усов. — А когда это было?

— В 2137 году, после задержания Ферриана с мумией и скандала с Гоишем.

И Куштаньозо поведал им об удивительных приключениях Энтони Фаллона и Виктора Хассельборга, дополнив свой рассказ другими подробностями из новейшей кришнянской истории.

— Запутано почище вопросника для вычисления подоходного налога, — заметил Барнвельт. — Что-то не припомню, чтоб я про это где-нибудь читал.

— Вы забываете, сеньор Дирк, что известия об этих событиях еще не достигли Земли до вашего отлета, а путешествовали вы ни много ни мало двенадцать земных лет, по объективному времени.

— А-а, ясно. Что-то мне такое говорили про эффект Фицджеральда. Правда, я не чувствую, что стал на двенадцать лет старше.

— Конечно, потому что физически этого не произошло — вы постарели разве что на три-четыре недели. А с Хассельборгом вы разминулись в пути: он недавно вернулся на Землю.

— Кхе-гм, — вмешался Тангалоа. — Давайте все же вернемся к сути дела, джентльмены. Как бы нам попасть в Сунгар?

Куштаньозо подошел к стене и опустил свернутую в рулон карту.

— Взгляните, сеньоры. Мы находимся вот здесь. Это река Пичиде, которая отделяет империю Гозаштанд на севере от республики Микарданд на юге. Тут пролив Палиндос, который на юге сообщается с морем Ваандао, а вот он и Сунгар.

Как видите, ближайший к Сунгару порт на море Ваандао — Малайер, но в тех краях идет война, и кто-то мне говорил, будто этот Малайер осадили кочевники Каата. Так что вам придется спуститься по Пичиде до Маджбура, потом доехать по железной дороге вдоль побережья до Джазмуриана, а оттуда по обычной дороге добираться до Рулинди, столицы Квириба. Далее, полагаю, лучше двигаться водой, если, конечно, вы не предпочтете посетить Сотаспе, — (он ткнул в некую точку на карте вдалеке от моря Садабао), — где можно зафрахтовать один из ракетных планеров Ферриана.

Если вы спросите, как вам действовать после Рулинди, то честно скажу: не знаю, поскольку искренне не представляю, как вы ухитритесь проникнуть на этот континент из *sargaco*[54] без того, чтоб вам, по меньшей мере, не перерезали глотки. Однако тот же Квириб еще сравнительно не затронут земным влиянием, и я уверен, что вы сочтете его достаточно живописным с точки зрения кинематографии.

Тангалоа помотал головой:

— В контракте сказано Сунгар. А как нам ехать до этого Рулинди?

— В смысле, — уточнил Барнвельт, — в качестве кого нам путешествовать? Открыто, как землянам?

— Лично я не стал бы, хотя некоторым это удается без особых происшествий. Наш парикмахер вполне в состоянии помочь вам с

небольшим маскарадом — накладными антеннами, остроконечными ушами и зеленой краской для волос.

— Ох! — простонал Барнвельт.

— Или же, если не хотите красить волосы, что вдобавок сопряжено с необходимостью повсюду таскать с собой запас краски по причине роста волос, можете путешествовать в качестве уроженцев Ньямадзю, где принято брить голову наголо.

— А где находится это самое Нья-как-его-там? — спросил Барнвельт. — Ну и названьице — прямо родной городок Игоря!

— Ньямадзю. Это в районе южного полюса, в тысячах ходдов отсюда, взгляните на глобус. Да, лучше вам действительно стать ньямцами. Они редко добираются до этой части планеты, так что, если будете выдавать себя за них, никого не насторожит ваш акцент и незнание местных обычаев.

— А у вас есть тут какое-нибудь оборудование для интенсивного изучения языков? — поинтересовался Тангалоа.

— Да, есть механический тасовщик карточек со словами и наборы записей, а в разговорном языке вас поднатаскает сеньорита Фоли. В любом случае вам придется потратить несколько дней, чтоб упорядочить свои знания в области кришнянского социального поведения.

Когда они согласились с предложением путешествовать в качестве ньямцев, Куштаньозо объявил:

— Я должен дать вам ньямские имена. Сеньор Джордж, вы будете… гм… Сеньорита, вам не идет на ум парочка достойных ньямских имен?

Девушка наморщила лобик.

— Помню, были два таких знаменитых ньямских авантюриста — Таджди из Вьютра и Сньол из Плешча.

— Годится! Сеньор Джордж, вы будете Таджди из Вьютра. А вы, сеньор Дирк, — Сньол из Плешча. Плешча, две согласные. А теперь вот что: вы умеете ездить верхом и фехтовать? Мало кто из землян умеет.

— Могу и то, и другое, — сказал Барнвельт. — Честно говоря, даже знаю воинственные баллады на шотландском наречии.

Тангалоа застонал:

— Мне пришлось выучиться скакать верхом во время той экспедиции на Тор, хотя какой из меня всадник. Но что же касается всяких там сражений на мечах — это увольте! Повсюду, кроме этих погрязших в невежестве планет класса «Х», вы можете спокойно залезть в какой-нибудь летательный аппарат и застрелить кого вам надо из ружья, как подобает цивилизованному человеку.

— Но здесь не совсем цивилизованная планета, — возразил

Куштаньозо. — К примеру, вот эту самую батиграфию сеньора Штайна вам брать с собой нельзя. Во-первых, это против правил, а во-вторых, любой кришнянин при виде трехмерного изображения сразу решит, что это какое-то колдовство землян. Можете, правда, сделать с нее обычный плоский отпечаток и взять с собой.

— Теперь вот что, — продолжал представитель службы безопасности межпланетных перевозок. — Я дам вам рекомендательное письмо к Горбовасту в Маджбуре, а он, в свою очередь — к королеве Квириба, которая в дальнейшем может оказаться вам полезной. Если ей не следует знать, что вы земляне, какой назовем предлог вашего появления?

— Разве не могут быть у людей какие-нибудь законные дела на море Ваандао? — поинтересовался Барнвельт.

— Могут, конечно. Например, охота на гвамов из-за их камней.

— Гвам — это такая помесь меч-рыбы с гигантской каракатицей? — уточнил Тангалоа.

— Точно. Будете охотниками на гвамов. Камни из их желудков поистине бесценны, поскольку у кришнян существует поверье, будто ни одна женщина не устоит перед мужчиной, у которого есть такой камень.

— То, что тебе надо, Дирк, — хихикнул Тангалоа.

— Да ладно тебе! — отмахнулся Барнвельт. — Я в такие вещи не верю, так что они для меня действительно бесценны — в смысле, никакой цены не имеют. А что сейчас вообще — день, вечер, сеньор Геркулио? Мы так долго проторчали в этом летающем саркофаге, что совершенно потеряли представление об объективном времени.

— Считайте, вечер. Нам уже пора закрываться.

— Ну а чем бы вы посоветовали закрепить это ощущение, что уже пять вечера?

Куштаньозо ухмыльнулся:

— Бар «Нова-Йорк» находится в соседнем здании. Если вы, джентльмены…

Зеленоватое небо уже почти полностью очистилось, заходящее солнце багрянцем и пурпуром подсвечивало снизу редкие оставшиеся облака.

Незатейливые бетонные здания выстроились прямоугольником, образуя замкнутую глухую стену. Все окна и двери выходили только во внутренний дворик.

В баре Куштаньозо посоветовал:

— Попробуйте по кружечке квадра — это основной спиртной напиток на Кришне.

— Надеюсь, — заметил Барнвельт, — его готовят не из того, что пожевали и выплюнули местные женщины, как принято на родине Джорджа.

Куштаньозо скривился. Как только они сделали заказ, где-то рядом вдруг раздался чей-то высокий, скрипучий голос: *«Зефт! Зефт! Чу вой зу! Зефт!»*

Барнвельт выглянул из-за перегородки, которая отделяла их кабинку от соседней, и обнаружил огромного красно-желто-синего какаду, восседающего на жердочке.

— Это Фило, — пояснил Куштаньозо. — Мирза Фатах привез его с собой на последнем корабле — том самом, с которого высадился человек, предположительно являющийся вашим доктором Штайном.

— А почему он оставил попугая здесь? — полюбопытствовал Барнвельт.

— Согласно правилам, птица должна была пройти карантин, а Мирза очень торопился на съезд своей секты в Мише. Так что он отдал попугая Абреу, моему шефу, а шеф передал его мне, когда Фило укусил сеньору Абреу. Кстати, джентльмены, вам не нужен попугай?

Когда исследователи покачали головами, какаду взвизгнул: *«Зефт! Багган!»*

— Кто-то научил его всем гозаштандским непристойностям, — вздохнул Куштаньозо. — Когда у нас бывают приличные кришняне, мы его прячем.

— А кто такой Мирза Фатах? — спросил Барнвельт. — Похоже на иранское имя.

— Так оно и есть. Он космотеистский миссионер — маленький такой толстячок, который болтается между цетическими планетами, проповедуя свой культ.

— Бывал я в Иране, — заметил Тангалоа. — Подходящая страна.

Куштаньозо продолжал:

— Сеньора Мирзу мы не видели уже несколько лет, поскольку он летал на Землю получать благословение главы культа.

— Это вы про мадам Вон-Зейц? Которая уверяет, будто является перевоплощением Франклина Рузвельта и посредством телепатии черпает вдохновение от некого бессмертного имама, что живет в пещере среди арктических льдов?

— Про нее самую. Как бы там ни было, Мирза обрабатывает этот регион уже почти как век. Забавный тип: совершенно искренне, как мне кажется, верит во всю свою сверхъестественную галиматью, да и человек он добрый, а вот доверять и на грош нельзя. На Вишну его как-то уличили, что он плутует в карты.

— Все эти ханжествующие теоретики вообще, как правило, жулики, — заметил Барнвельт.

— Что-что? Вообще-то у него жизнь не сахар, у бедняги. Лет двадцать назад, перед самым отлетом на Землю, он потерял здесь, на Кришне, жену с дочерью.

— А я думал, у космотеистов обет безбрачия.

— Верно, и я сам слышал, как Мирза, заливаясь слезами, которые струились по его пухлой физиономии, твердил, что обрушившаяся на него беда и была следствием нарушения этого табу.

— А как это случилось?

— Они ехали из Маджбура в Джазмуриан (вам это тоже предстоит), и на поезд напала банда грабителей. Жену Мирзы сразу убили стрелой из лука. Сам Мирза, который вообще не отличается отвагой, избежал подобной участи, прикинувшись мертвым, а, когда открыл глаза, обнаружил, что девочка пропала. Грабители наверняка утащили ее с собой, чтобы продать потом в рабство.

В разговор вмешался Тангалоа:

— Потрясающе, но лучше расскажите нам поподробней про Квириб.

— Да о чем речь! Квириб — это королевство, правда, я бы уточнил, королевство от слова «королева», а не «король». Это матриархальное государство в незапамятные времена основала королева Деджаная. И мало того, что страной правят женщины, — есть там один диковатый обычай. Королеве выбирают среди мужчин супруга — консорта, и, после того как он прослужит год, его с великой помпой и церемониями казнят и выбирают следующего.

— В точности, как у некоторых древних земледельческих племен на Земле! Взять, к примеру, первобытный Малабар…

— Не думаю, — заметил Барнвельт, — что на столь рискованную должность очень большой конкурс. Есть, наверное, и более простые способы зарабатывать себе на жизнь, даже на Кришне.

Куштаньозо пожал плечами:

— Мнение этих бедолаг никого не интересует. Их избирают большинством голосов, хотя мне приходилось слышать, что результаты голосования частенько подтасовываются. Существует движение за замену настоящей казни символической, чтобы отставному королю лишь давали шлепка, оставляя отметину. Но консерваторы считают, что подобные перемены разгневают богиню плодородия, в честь которой всякий раз и затевается эта отвратительная церемония.

Барнвельт поинтересовался:

— А не получится ли, что столь высокая честь будет оказана кому-то из нас? Лично меня такая перспектива что-то не прельщает.

— Да нет, что вы, правом избрания обладают только подданные Квириба! Тем не менее вам обязательно следует запастись каким-нибудь презентом для королевы Альванди.

— Хм, — задумался Барнвельт. — Ну что, Джордж, насколько я понимаю, наши командировочные фонды ожидает первый серьезный удар…

— Погоди-ка чуток! — сказал Тангалоа, поглядывая маслеными глазками на попугая. — А как насчет этого какаду, сойдет? Не думаю, чтобы у королевы были какие-нибудь земные птицы, а?

— То, что надо! — одобрил Куштаньозо. — Кстати, это обойдется вам бесплатно: только рад буду избавиться от этой твари.

— Эй! — встревожился Барнвельт. — Я, конечно, люблю животных, но у меня жуткая аллергия на перья!

— Будь спок! — заявил Тангалоа. — Клетку, так и быть, понесу я, а ты все остальное барахло.

А Куштаньозо добавил:

— Обязательно предупредите королеву, чтоб была с Фило поаккуратней.

— Мне кажется, — заметил Барнвельт, — он потому такой злой, что давно не встречал какаду женского пола.

— Возможно, но поскольку ближайший таковой какаду находится в двенадцати световых годах отсюда, придется ему с этим смириться.

— А как насчет его словарного запаса? Королеве может прийтись не по вкусу столь шокирующая лексика.

— Об этом не беспокойтесь. Она, говорят, и сама за словом в карман не лезет.

— Ну, давай поднимайся, — довольно резко объявил Барнвельт на следующее утро. — Нечего тебе тут валяться, весь день переваривая завтрак! Ты почище того борова, что был у моего старика на ферме! Пошли!

И, всячески понукая и подталкивая явно не страдающего избытком трудового энтузиазма Тангалоа, он поволок его в гимнастический зал Новуресифи. Хоть номинально старшим считался Джордж, Дирк понял, что ему следует все больше и больше забирать бразды правления в собственные руки, если они вообще рассчитывают куда-то попасть.

В зале они обнаружили какого-то коренастого лысоватого

голубоглазого детину, подтягивающегося на турнике. Детина сообщил, что его зовут Хёггстед.

— Сто зелаете? Массаш? — поинтересовался детина, стоя на голове.

— Нет, пофехтовать, — ответил Барнвельт.

— Сопрались ф путешестфие по стране, очефитно? У меня ест фее, сто нузно, — заверил Хёггстед, делая глубокие наклоны. Прервался он только затем, чтобы притащить пару защитных масок, жилеты, перчатки и шпаги.

— Спаги потязелей семных, — пояснил он, раскинув руки и делая диагональные наклоны. — Зтоп больсе похотили на крисняпские меси. Крисняпский месь тязелый, зтоп доспехи пропи-фал. Фы снакомы с оснофами? — добавил он, продолжая безостановочно выполнять всевозможные упражнения.

— Угу, — отозвался Барнвельт, напяливая жилет. — А ну-ка одевайся, Джордж, пока я на твоей шкуре свои инициалы не наколол!

— Я уже поставил тебя в известность, что я полный чайник во всех видах спорта, за исключением разве что крикета, — с несчастным видом простонал Тангалоа.

— Да ладно тебе! Ты плаваешь как рыба.

— А это не спорт, а чисто утилитарный метод преодоления водной преграды при отсутствии моста или лодки. Как полагается держать этот архаичный предмет?

Барнвельт продемонстрировал, пока Хёггстед делал стойку на брусьях.

— Я устал, уже просто наблюдая за мистером Хёггстедом, — пожаловался Тангалоа, вяло выставляя перед собой клинок.

— Шрат нато поменьше, — огрызнулся Хёггстед, стоя на одной руке, — пит, курит, спат то полутня! Попати фы ко мне ф руки, я пы стелал ис вас муссину! Наусил пы тействфительно насластаться сиснью!

— Я уже и так насладился настолько, что сомневаюсь, выдержу ли дальше, — пропыхтел Тангалоа. — Ох!

— Ис неко ф сисни не фыйтет фехтофальсик, — заметил Хёггстед, подпрыгивая в воздух, делая сальто и вновь оказываясь на ногах. — У неко нет инстинкта упифать, фот ф сем пета! Он тер-шит ее, как филку са опетом!

— Конечно, нет, берсерк вы норвежский! — с готовностью согласился Тангалоа. — Я ученый, а не кровожадный гладиатор! Единственный случай, когда я кого-то пришил, был тогда на Торе, когда на нас подумали, будто мы сперли священный пирог, и нам пришлось прорываться со стрельбой.

Тангалоа и вправду не казался многообещающим учеником.

Он был слишком медлителен, неуклюж, да и интереса особого не проявлял.

— Давай, жиртрест несчастный! — подбадривал его Барнвельт. — Да выстави ты руку подальше! Что бы подумал д'Артаньян?

— А мне чихать, что бы там подумал какой-то немытый европеец из семнадцатого века. И никакой я не толстый, — с достоинством ответствовал Тангалоа. — Просто в меру упитанный.

Где-то через половину кришнянского часа Барнвельт оставил страдальца в покое и обратился к Хёггстеду:

— Не хотите сразиться?

Этим они и занялись. Тангалоа, обливаясь потом, сидел на брезенте спиной к стене и смотрел.

— Это более подходящая роль для моего созерцательного темперамента, — заметил он при этом. — Пока средневековые романтики занимаются своим делом, мое дело — наблюдать.

— Он просто лентяй и пытается скрыть это фысо-копарными слофесами! — сказал Хёггстед. — А у фас неплохо полузяется, хот на фит фы тофольно неуклюши. *Туше!*[55]

— Все дело в практике, — откликнулся Барнвельт, выполняя отскок с *двойным дегаже*[56].— Игра, в которой у Джорджа практики навалом, на Кришне нам не поможет.

— Не такие уш они и мастера, эти крисняне, — успокоил его Хёггстед. — У них осен сапутанный метот опусения, осен формальный, по картинкам на полу. *Туше!*

Барнвельт сделал еще несколько выпадов и вернул Хёггстеду инвентарь.

Тангалоа зевнул:

— Полагаю, что следующим делом надо заглянуть к Куштаньозо и посоветоваться насчет снаряжения.

— Никаких извинений! — воскликнул Куштаньозо. — Это моя работа.

— Можно с вами? — спросила Элин Фоли, бросая робкий взгляд на шефа.

— Конечно! — отозвался тот и, выйдя из кабинета, провел их через внутренний дворик в лавку, торгующую всевозможной экипировкой, где их встретил первый кришнянин, которого Барнвельт сумел рассмотреть вблизи.

Местный молодец просто-таки до чрезвычайности походил на обычного человека, хотя ярко-зеленые волосы, огромные остроконечные уши и антенны, растущие между бровей, придавали ему такой вид, будто он сошел со страниц какой-то

земной детской книжки. Когда Барнвельт пригляделся к кришнянину попристальней, то начал подмечать и другие небольшие отличия: в цвете и форме зубов, ногтей, глаз и так далее. По сравнению с Барнвельтом кришнянин был низкорослым, но мускулистым и жилистым. Физиономия его украшалась шрамом, который по диагонали пересекал курносый нос.

— Это Визгаш бад-Мурани, один из наших доверенных кришнян, — сказал Куштаньозо. — Он продаст вам всю необходимую экипировку. Визгаш, эти джентльмены собираются путешествовать в качестве ньямцев.

— У меня есть как раз то, что вам нужно, джентльмены, — с акцентом заверил кришнянин чудным дребезжащим голосом и с редкостным достоинством направился к подставке, увешанной яркими отороченными мехом костюмами, в которые можно было одеть взвод Санта-Клаусов из земных супермаркетов.

— Нет-нет! — вмешался Куштаньозо. — Я не имел в виду, что они собираются в Ньямадзю. Они едут в Квириб, а там они в таких нарядах просто спарятся!

— На мою родину? — проговорил кришнянин. — Но там им не понадобятся костюмы!

— Вы хотите сказать, что они там ходят голые? — забеспокоился Барнвельт, поскольку к нудизму относился отрицательно и вовсе не считал свои голенастые формы образчиком совершенства.

— Да нет, разве когда купаются, — ответил Куштаньозо. — Он имеет в виду, что квирибцы не носят сшитых портным облегающих костюмов, как это принято у нас и жителей Гозаштанда. Они просто обертываются парой кусков ткани, скалывают их булавками и считают себя одетыми с ног до головы. Правда, если вы заберетесь еще дальше на юг, то повстречаете кришнян, которые и вовсе считают ношение одежды излишней роскошью.

— Хотела бы я на вас посмотреть, если б вам под такого пришлось маскироваться! — сказала Элин Фоли Барнвельту.

— Вы были бы разочарованы, — буркнул Барнвельт, заливаясь краской.

— А откуда вы знаете, чего я ожидаю?

— Я просто буду больше обычного похож на лошадь.

«Ну и язва», — подумал при этом Барнвельт. Куштаньозо предостерег:

— Держитесь от таких подальше: с ними вы за своих не сойдете. По-моему, лучше всего остановится на летних гозаштандских костюмах.

— Сорок четвертый размер, третий рост, — добавил Барнвельт.

Визгаш согласно выложил на прилавок обмундирование, состоящее из тесной курточки, штанов, больше похожих на широченные, словно юбка, удлиненные шорты, чего-то вроде старинных панталон, чтоб надевать под них, и вязаной шапочки, завязки которой полагалось обматывать вокруг головы на манер тюрбана.

— Когда доберетесь туда, где потеплее, нижние штаны можете не надевать, — пояснил Визгаш. Уставившись на Тангалоа, он прибавил: — Боюсь, что вашего размера у меня нет. Придется попросить нашего портного…

— А вот вроде что-то просторное, — сказал Барнвельт, роясь в куче одежды.

— *Охе*, а я и забыл! Один стокилограммовый землянин заказывал, да помер, прежде чем мы успели отправить.

Тангалоа напялил костюм, после чего Барнвельт заметил:

— Твой видок, Джордж, заставил бы покатиться со смеху самого неисправимого мизантропа.

— По крайней мере, у меня коленки не торчат, — огрызнулся страновед.

— Теперь займемся оружием и доспехами, — объявил Куштаньозо.

— Сюда, — пригласил Визгаш. — Если вы мне растолкуете, что задумали…

— Наблюдать людей и обычаи, — поспешно ответил Барнвельт. — Обычное страноведческое исследование.

— Вы собираетесь изучать такие вещи, как кришнянская история и археология?

— Да, а еще экологию, социодинамику и религию.

— Хорошо, а почему бы тогда не начать с посещения руин к западу от Коу? Это совсем недалеко — большие руины с надписями, которые никто не может прочитать. Никто не знает, кто их построил.

— Давайте прямо завтра все вместе поедем туда на пикник, — предложила Элин Фоли. — Это будет воскресенье, и мы сможем взять большую лодку нашей конторы.

Барнвельт с Тангалоа вопросительно переглянулись.

— Хорошая мысль, — сказал Куштаньозо. — Сам я поехать не могу, но для вас обоих это будет прекрасной возможностью потренироваться в кришнянском поведении. Полагаю, что Визгаш отправится с вами в качестве гида.

Барнвельт подозревал, что Куштаньозо попросту пытается вежливо сбыть их с рук, но возражений никаких не видел. Когда

все детали предстоящего пикника были утрясены, он с помощью Визгаша выбрал себе нижнюю рубашку из тонкой кольчуги, меч и кинжал. Тангалоа от клинка отказался.

— Ну уж нет! — заявил он при этом. — Я человек цивилизованный и не собираюсь навьючиваться всяким примитивным металлоломом. К тому же там, куда мы направляемся, если я не сумею уладить дело простыми уговорами, оружие нам все равно вряд ли поможет.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался Визгаш. — У меня тут есть несколько прелестных… э-э… амулетиков в виде балхибского бога Бакха. Их можно носить везде, кроме Верхней Герры, где это считается государственным преступлением. И всякие кришнянские книги: словари, путеводители…

— А это что такое? — полюбопытствовал Барнвельт, развязывая шнурок, который стягивал две деревянные крышки. Между ними была вложена книга в виде длинной сплошной ленты из местной бумаги, сложенной зигзагом. — Прямо кодекс майя!

— Навигационный справочник, изданный в Маджбуре, — отозвался Визгаш. — Здесь есть таблицы, показывающие эволюции всех трех лун, созвездий и приливно-отливных течений, а также указатель счастливых и несчастливых дней.

— Беру.

Они расплатились, договорились с мисс Фоли о времени языкового урока и направились в парикмахерскую приобретать маскарадные личины.

На лодочной станции службы безопасности перевозок дежурил какой-то хвостатый тип с Колофтских болот, весь заросший волосами и страшный, как смертный грех. Элин Фоли вручила ему записку от коменданта Кеннеди и поинтересовалась:

— Ничего в последнее время не слышно о разбойниках на Пичиде, а, Еревац?

— Нет, — ответствовал Еревац. — С та великая битва — нет. Моя там быть. Треснуть разбойник по башка, вот как…

— Он готов рассказывать эту историю любому, только б слушали, — шепнула Элин Фоли. — Возьмем вон ту лодку.

Она указала на гребную лодку со вставленными в борта полукруглыми дугами, которые образовывали над корпусом ряд тонких арок.

— А почему не эту? — спросил Тангалоа, поглядывая на моторку.

— Господи, а вдруг она попадет в руки кришнянам? Это только на самый крайний случай.

Барнвельт ступил в лодку и подал руку мисс Фоли. Визгаш

влез следом, придерживая ножны. Когда к содержимому лодки добавил свой вес Тангалоа, та ощутимо просела. Еревац подал им корзину с провизией, отвязал конец и отпихнул их от мостков багром.

Как только их вынесло на открытую воду, Тангалоа заметил:

— Я, конечно, в местной метеорологии не спец, но осмелюсь предположить, что вот-вот пойдет до…

Конец фразы заглушил раскат грома, а щелканье первых крупных капель сделало дальнейшие комментарии излишними.

Визгаш вытащил из носового отсека тент, и совместными усилиями они натянули его на дуги.

— Самое сырое лето с тех пор, как я вылупился, — заметил кришнянин.

— Боюсь, что кто сядет на руль, тот здорово вымокнет, — сказал Тангалоа.

— Пускай Визгаш, — предложил Барнвельт, — Он знает, куда плыть.

Недовольно бурча, кришнянин завернулся в плащ и взялся за румпель, пока земляне разбирали весла.

Тангалоа снял с пальца перстень с камерой и сунул его в карман, заметив при этом:

— Все это очень напоминает мне один пикничок, на котором я присутствовал в Австралии.

— Это какая-то местность на вашей планете? — поинтересовался Визгаш.

— Точно. Я там несколько лет прожил — по правде говоря, даже в школу ходил.

— На том пикнике тоже дождь шел?

— Нет, но знаете, какие у них там в Австралии муравьи: вот такие здоровенные, жала на обоих концах…

— А что такое муравей?

Пока земляне растолковывали, что такое муравей, дождь перестал и на зеленоватом небосводе, затянутом низкими тучами, вновь засиял Рокир. Тент опять убрали. Они уже достаточно прилично спустились вниз по Пичиде, и лодочная станция пропала из виду. Вскоре они достигли конца бетонной стены, которая шла вдоль северного берега реки и защищала Новуресифи от всяких неприятных неожиданностей.

Тангалоа попросил:

— Расскажите нам о Квирибе, сеньор Визгаш, раз уж вы оттуда родом.

— Держитесь оттуда подальше, — продребезжал Визгаш. — Э-э… как это говорится — паршивая страна. Правление женщин развалило ее вконец. Я сбежал оттуда много лет назад и

возвращаться не собираюсь.

Южный берег меж тем становился все ниже, покуда между водой и небом не осталась лишь темно-зеленая полоска камышей с понатыканными то тут, то там диковинного вида кришнянскими деревьями.

— Это Колофтские болота, где обитают дикие сородичи Ереваца, — пояснила Элин Фоли.

Тангалоа оглядел свои руки, словно опасаясь волдырей, и заметил:

— А против течения грести будет уже не так весело.

— Будем возвращаться у самого берега, там течение слабое, — успокоил его кришнянин.

Вдруг острая, словно конек крыши, борозда, образованная неким скользящим под водой существом, стремительно взрезала речную гладь перед самым носом лодки и растаяла вдали.

— Нам до самого Коу грести? — поинтересовался Барнвельт.

— Нет, — откликнулся Визгаш, — стоянка чуток не доезжая Коу, на южном берегу.

Из прибрежных зарослей с пронзительными криками и хлопаньем перепончатых крыльев поднялась пара акебатов, они кругами набрали высоту и улетели к югу. Визгаш то и дело прихлопывал веревками румпеля каких-то мелких летучих тварей.

— Что хорошо, — заметила мисс Фоли, — так это, что насекомые нас не беспокоят. Видно, мы сильно отличаемся по запаху от бедняги Визгаша.

— Наверное, мне надо переехать на вашу планету, чтоб они меня тоже не кусали, — отозвался страдалец. — А вон и стоянка.

Камыши вдоль южного берега реки уступили место пологим бурым откосам в два-три человеческих роста.

— А как бы узнать время? — спросил Барнвельт. — Куштаньозо не разрешил нам взять часы.

Визгаш отстегнул с руки браслет, защелкнул его снова и поднял за длинную тонкую цепочку.

— Сейчас без четверти девять дня: по вашему времени где-то час после полудня. Правда, поскольку наши дни и часы не совпадают, я не уверен в точности такого перевода. Солнце сквозь эту дырочку освещает метки внутри, как сквозь бойницу крепостной башни в романе «Аббек и Данжи». Может, купите такие, когда вернемся в Новуресифи?

— Может, и купим.

Барнвельт уложил весла на борта и неуклюже полез вперед.

В воде у самого берега возвышался простейший причал — частокол из коротких разномастных бревен, засыпанный мелкими

камнями. К нему огромными висячими замками были прикованы две лодки явно кришнянской постройки. Через прорытый в обрывистом береге спуск к причалу сбегала узкая грязная дорожка. Когда плавсредство службы безопасности ткнулось носом в сваи, в воду с плеском скользнули две какие-то небольшие чешуйчатые твари.

Когда путешественники вылезли на причал и привязали лодку, Визгаш повел их вверх по дорожке, которая поворачивала влево, в сторону Коу. Вдали вдруг послышалось рычание, и всевозможные попискивания, шорохи и чириканье мелких обитателей придорожной растительности разом смолкли.

— Все в порядке, — приободрил спутников Визгаш. — Они редко подходят близко к деревне.

— Теперь не жалеешь, что не купил меч, а, Джордж? — сказал Барнвельт. — Лично я без своего чувствовал бы себя, как адвокат без портфеля.

— С такими защитниками, как вы с Визгашем, я чувствую себя просто замечательно. Держи-ка корзину.

Барнвельт безропотно подхватил корзину с провизией, в чем-то завидуя нахальству Тангалоа, который всегда без зазрения совести мог переложить тяжелую ношу на плечи кому-нибудь другому. Жара и кочковатая тропа вскоре окончательно отбили у них охоту болтать на ходу.

— За мной! — бросил наконец Визгаш, продираясь сквозь кусты по левой стороне дороги.

Путешественники последовали за ним. Поскольку местность в чем-то походила на открытую саванну, продвигаться было не очень тяжело. Через несколько минут они вышли на свободное пространство, усеянное, словно моренный ландшафт, обломками камней и валунами. Приглядевшись, Барнвельт заметил, что большинство камней имеют неестественную правильную форму и размеры и расположены ровными рядами или полукружьями.

— Наверх, вон туда, — распорядился Визгаш. Они полезли на какую-то коническую груду — остатки круглой башни, которая давно рухнула, рассыпавшись на куски, но по-прежнему позволяла охватить местность одним взглядом. Руины тянулись до самой реки. «Крепость или укрепленный лагерь», — предположил Барнвельт.

— Смотрите, — провозгласил Визгаш, указывая на остатки статуи раза в три побольше натурального человеческого роста. Уцелел только пьедестал с одной ногой, в то время как среди каменных обломков, раскиданных у основания, Барнвельт углядел голову, часть руки и другие детали изваяния. Ему припомнилось:

Рассказывал мне странник, что в пустыне,
В песках, две каменных ноги стоят
Без туловища с давних пор поныне.
У ног — разбитый лик, чей властный взгляд
Исполнен столь насмешливой гордыни,
Что можно восхититься мастерством,
Которое в таких сердцах читало,
Запечатлев живое в неживом.
И письмена взывают с пьедестала.

— Чего это вы там бормочете? — спросила Элин Фоли.

— Простите, — опомнился Барнвельт. — Мне просто пришло на ум…

И он продекламировал сонет целиком.

— А это случайно не этих английских чуваков Келли с Шитсом[57]? — влез в разговор Тангалоа. — В смысле, которые «Микадо» написали?

Прежде чем Барнвельт успел поправить коллегу, вмешался Визгаш:

— Вам обязательно следует ознакомиться с величайшей поэмой нашего стихотворца Калли, посвященной руинам вроде этих. Называется она «Горестные размышления…»

— А как насчет заморить червячка? — встрял Тангалоа. — Гребля пробудила во мне зверский аппетит.

— Называется она, — твердо повторил Визгаш, — «Горестные размышления, порожденные вкушеньем трапезы средь замшелых руин Маринжида, сожженного балхибцами в год Аввала сорок девятого цикла после Карара».

— При столь основательном заглавии, — заметил Тангалоа, — наверняка нет нужды…

Но кришнянин тут же разразился раскатистыми, гортанными гозаштандскими стихами, делая при этом размашистые делсартийские[58] жесты. Барнвельт обнаружил, что способен уловить от силы одно слово из пяти.

Тангалоа обратился к Элин Фоли:

— Вот чего мы добились, отправившись в компании с этой парочкой помешанных на поэзии! Если вы не против немного прогуляться, пока они тут токуют, я наверняка разыщу несколько более гостеприимный…

В этот самый момент Визгаш завершил декламацию со словами:

— Я могу продолжать еще час, но думаю, что вы ухватили основную идею.

После этого он вызвался выступить в качестве шеф-повара и отправился на поиски дров. Сооруженная им кучка веточек выглядела далеко не многообещающе, но вдобавок он сорвал еще и несколько каких-то сорняков со стручками. Стручки он разломал и вытряс на горку щепок мелкую желтую пыльцу.

— Это *ясувар*. Этот порошок у нас применяют в фейерверках, — пояснил он.

Потом он вытащил какой-то крошечный цилиндрик с поршеньком, который плотно в него вставлялся и был снабжен массивным набалдашником. В цилиндрик Визгаш насыпал щепотку трута из маленькой коробочки, вставил в его открытый конец поршенек и резко ударил ладонью по набалдашнику, загоняя поршенек внутрь.

— Мне это нравится больше механических кремневых зажигалок вроде той, что вы купили, — сказал он. — Реже выходит из строя.

Вытащив поршенек, он высыпал тлеющий трут на костер. Рдеющие крошки подожгли желтый порошок, который тут же с треском вспыхнул и запалил остальное.

Элин Фоли тем временем выкладывала содержимое корзины. Помимо всего прочего, Визгаш сам извлек оттуда какой-то сверток, обернутый вощеной бумагой. Когда бумага была развернута, на свет божий показались четыре суставчатые твари, похожие то ли на рачков, то ли на здоровенных пауков.

— Это, — объявил Визгаш, — очень большой деликатес.

Барнвельт судорожно сглотнул и почувствовал на себе насмешливый взгляд Тангалоа. На Самоа жрут, что ни попадя; но ему, Барнвельту, в жизни не достигнуть той неразборчивости в еде, которая отличает истинного путешественника. Однако ему удалось, по крайней мере, не скривиться и сохранить более-менее отсутствующее выражение лица: может, и почище чего есть придется. Если бы эта особенность исследований чужих планет пришла ему в голову раньше, он бы с куда большим пылом противился уговорам.

— Какая прелесть, — проговорил он с натужной улыбкой. — Их долго готовить?

— Пять-десять минут, — отозвался Визгаш. Жуков он зажал между двумя проволочными решетками и принялся подрумянивать над огнем, отчего те тут же съежились и стали распространять острую вонь.

Где-то в стороне дороги из кустов с хриплыми криками вдруг вырвалось с дюжину каких-то летучих существ. Барнвельт бесцельно проследил, как они улетели прочь, гадая, не спугнул ли их какой-нибудь рыскающий в округе хищник. Звуки, производимые мелкими обитателями кустов и травы, вроде снова примолкли.

— Визгаш, — проговорил он, — а вы уверены, что в округе действительно нет никаких бандитов?

— Уже несколько лет, как нет, — подтвердил кришнянин, переворачивая решетку над огнем и подбрасывая в пламя дополнительные щепочки. — А что такое? — добавил он резко.

Тангалоа, нацеливая «Хаяши» на обломки руин, предложил:

— Давай сходим к реке, Дирк. На том конце вроде древняя кладка сохранилась.

— Скоро уже будет готово! — заявил Визгаш тоном протеста.

— Мы недалеко, — заверил Тангалоа. — Позовите нас, когда почти совсем прожарится.

— Но… — начал было Визгаш в нерешительной манере человека, с трудом облекающего мысли в слова.

Но Тангалоа уже устремился к реке. Барнвельт последовал его примеру. Вдоль скал на северной стороне руин они направились к краю нависавшего над водой обрыва. Возле самой крепостной стены стояла здоровенная плита, наполовину ушедшая в землю и пьяно покосившаяся, покрытая спереди полустертыми письменами.

Тангалоа отснял несколько сантиметров пленки, приговаривая:

— Вот через пару часов, когда солнце как следует проявит эти письмена…

Барнвельт обернулся в сторону костра и замер. Визгаш стоял на ногах и махал рукой.

— По-моему, он нас зо… — начал было Барнвельт и тут же понял, что кришнянин, скорее всего, подзывает кого-то с противоположной от дороги стороны.

— Эй! — воскликнул Барнвельт. — Посмотри-ка, Джордж!

— Куда?

— Что это там движется вон в той рощице?

— Вон там? А-а, наверное, какие-нибудь местные дружки нашего…

Группа людей, которая вышла из рощицы, торопливо двигалась к костру. Визгаш им что-то сказал. Барнвельт слышал его голос, но в стремительном потоке кришнянских слов разобраться не сумел.

— Вид у них не очень-то дружелюбный, — заметил Барнвельт. — Похоже, нам придется либо драться, либо удирать.

— Чепуха, малыш. Ты просто неисправимый романтик…

Все пришельцы, а с ними и Визгаш, бегом бросились к двоим землянам, сжимая в руках мечи, кроме одного, который держал лук со стрелами.

— Мамочки! — ахнул Тангалоа. — Похоже, и впрямь запахло жареным!

Он торопливо подобрал пару камней величиной с теннисный мячик.

Барнвельт прислонился спиной к стене и выхватил меч. Хоть клинок и вылетел из ножен с подбадривающим «ф-фить!», Дирку пришло в голову, что чтение исторического приключенческого романа про неустрашимого героя, который с архаичным инвентарем в руках выбирается из самых немыслимых передряг, по всем статьям куда более бодрящее занятие, нежели попытки играть эту роль самолично.

Также его поразило, что во всей этой ситуации было решительно что-то не то. Пока Визгаш вызывал своих друзей из кустов, Элин Фоли стояла с другой стороны костра. Она по-прежнему находилась там, не выказывая ни тревоги, ни удивления, когда они пронеслись мимо, уделив ей не больше внимания, чем один прохожий другому в давке переполненного метро. Потом она неспешной походкой двинулась вслед за ними к реке.

— Брось меч! — крикнул Визгаш. — А ты камни! Тогда вас никто не тронет!

— Это у вас называется пикник? — поинтересовался Барнвельт.

— Бросайте оружие, я сказал! Иначе мы убьем вас!

Восемь кришнян — девять, считая Визгаша, — остановились на безопасном от клинка Барнвельта расстоянии. В конце концов, и он, и его спутник заметно превосходили своей статью местных жителей.

— А если бросим? — мягко промурлыкал Тангалоа.

— Сами увидите. Вам придется пойти с этими людьми, но вреда они вам не причинят.

— Пожалуйста, подчинитесь, — попросила Элин Фоли из-за спин кришнян. — Так будет лучше.

— Даю вам последнюю возможность, — пригрозил Визгаш. — Если тут кого-то ранят, в том будет ваша вина.

— Элин, а вы-то какое ко всему этому имеете отношение? — крикнул Барнвельт.

— Я… я…

— Маньой чи! — рявкнул Визгаш своим дребезжащим голосом, переключаясь с португальского на родной гозаштандоу.

Однако вместо того, чтобы наброситься всем скопом, после чего наверняка все бы сразу и закончилось, его спутники нерешительно двинулись вперед, поглядывая друг на друга и словно выжидая, кто нанесет первый удар.

Тангалоа с похвальным проворством запустил в них камнем.

— Мохой раф! — гаркнул Визгаш.

Бац! Камень стукнул лучника по физиономии в тот самый момент, когда он доставал из-за плеча стрелу. Заливаясь кровью, лучник повалился на спину.

Барнвельт, перепуганный, но полный решимости, вспомнил старую банальность относительно лучшего способа обороны и стремительно выбросил руку в неистовом attaque-en-marchant, целясь в ближайшего кришнянина. Элин Фоли истошно завизжала.

Тангалоа швырнул второй камень в Визгаша, которому удалось увернуться, и быстро нагнулся за следующим.

Барнвельт перехватил неприятельский клинок вихревым prise и заставил противника отступить. Кришнянин споткнулся о камень и растянулся во весь рост. Пока он пытался сесть, Барнвельт глубоко воткнул меч ему в туловище.

В этот самый момент Барнвельт почувствовал в левом боку, ближе к спине, жгучую боль и услышал треск рвущейся ткани. Он резко обернулся. Прямо на него наседала целая шеренга неприятелей, один из которых и ткнул его сзади. Следующий тычок Барнвельт парировал и почти сразу же отбил второй клинок, который обрушился на него с другой стороны. Он прекрасно понимал, что даже более опытному фехтовальщику против двоих долго не устоять.

Тангалоа бросил еще один камень и одним махом взлетел на гребень стены. К нему тут же бросились трое кришнян и через пару секунд проткнули бы его насквозь.

— Бежим! — взревел Тангалоа, падая со стены на уходящий вниз склон.

Два кришнянина непосредственно угрожали Барнвельту, а остальные бестолково сгрудились чуть в стороне. Поскольку Элин Фоли, судя по всему, относилась к противоположному лагерю, ее можно было со спокойной совестью бросить. Один кришнянин расположился прямо между Барнвельтом и стеной, другой наседал справа. Барнвельт бросился вперед в corps a corps и в тот самый момент, когда тело противника тесно прижалось к нему, изо всех сил врезал ему кулаком слева, метясь пониже. Как только кришнянин согнулся пополам, Барнвельт отпихнул его вбок и вскочил на гребень стены — как раз в тот самый момент, когда стремительный взмах другого меча сорвал у него с головы шапочку. Тангалоа успел добежать до середины склона, а справа от Барнвельта несколько кришнян уже лезли на стену вдогонку. Барнвельт спрыгнул со стены и гигантскими скачками понесся вниз, глубоко утопая в мягкой земле при каждом шаге. Тангалоа впереди него с треском вломился в прибрежные камыши, топча сапогами хрупкие стебли, и бросился в реку.

Барнвельт понимал, что слишком перегружен амуницией для занятий плаванием, но ведь и кришняне не стали бы стоять и смотреть, как он стаскивает сапоги. Он ткнул мечом в ближайшего, отшвырнул перевязь с ножнами и плюхнулся в воду вслед за коллегой, который уже торопливо выгребал на стремнину, словно вырядившийся в человеческий костюм тюлень.

Ф-фиу — плюм! Что-то вонзилось в воду совсем рядом с Барнвельтом. Торопливый взгляд назад показал, что кто-то из кришнян подобрал лук того типа, которого Тангалоа вырубил первым камнем, и стрелял с гребня стены. Элин Фоли безучастно смотрела на Визгаша, который метался по берегу, размахивая мечом и отдавая распоряжения.

Ф-фиу — плюм! Двое кришнян у самого края воды поспешно сбрасывали с себя куртки, сапоги и вообще все, что могло им помешать.

— Ныряй! — крикнул Барнвельт Тангалоа, и тот незамедлительно исчез под водой.

Барнвельт поступил тем же самым образом. Сквозь толщу воды внизу отчетливо виднелось песчаное дно. Глубина здесь была чуть выше пояса. Под напором течения мягко колыхались водоросли.

Когда Барнвельту стало не хватать воздуха, он снова

вынырнул на поверхность, машинально мотая головой, чтобы стряхнуть с глаз несуществующие волосы, и оглянулся. Где-то с полдюжины кришнян или сбрасывали амуницию, или плюхались в воду вслед за ним. Впереди на водной глади возникла башка Тангалоа, который отфыркивался, точно касатка.

Ф-фиу — плюм! Барнвельт сделал глубокий вдох и опять нырнул. Дна теперь было практически не видно: глубина увеличилась до нескольких метров. Где-то над ним в зеркальную гладь воды врезалась еще одна стрела, оставляя за собой пузырящийся хвост, как комета. Скорость она потеряла где-то уже через метр и всплыла обратно на поверхность, покачиваясь наконечником вниз, словно рыболовный поплавок.

Теперь из лука их было не достать. Однако пять-шесть кришнян уже отплыли от берега, продвигаясь сильными, размеренными гребками. Барнвельта с Тангалоа уже порядочно снесло течением вниз по реке. В воде Барнвельт кришнян не очень опасался: плавал он хорошо, а Тангалоа и вовсе отменно. Только вот…

— Джордж! — позвал он. — Если эти поганцы доплывут вслед за нами до северного берега, они нас точно достанут!

Тангалоа выплюнул изо рта воду.

— Можно выждать на мелководье и наброситься, когда они станут вылезать!

— Тогда они рассыплются вдоль берега, и, пока будем возиться с одним, остальные вылезут на берег. Что, если заняться ими прямо здесь?

— Сумеешь проплыть к первому под водой?

— Думаю, что да.

— Договорились — твой номер первый.

Тангалоа по-дельфиньи нырнул — только пятки над водой сверкнули. Барнвельт последовал его примеру и заскользил к ближайшему преследователю. Тангалоа под ним, неистово разгребая воду, вырывался вперед и нацеливался на второго.

Снизу казалось, что у преследователей нет голов. Барнвельт прикидывал, как получше встретить противника. Тот перед заплывом разделся до белья — чего-то вроде ночной рубашки, которая колыхалась вокруг него в такт движениям. Из-за кушака, перепоясывающего одеяние кришнянина, торчала рукоять кинжала.

Барнвельт занял внизу вертикальное положение чуть впереди неприятеля и, когда естественная плавучесть стала выталкивать его на поверхность, вытащил собственный кинжал. Он удачно рассчитал сближение и, когда кришнянин оказался прямо у него над головой, по-лягушачьи дернул ногами и вонзил кинжал в

живот своему противнику.

Вода тут же потемнела от крови и помутнела от пузырей, поскольку кришнянин бешено забился. В этот самый момент Тангалоа ухватил за лодыжки второго пловца и затащил его под воду.

Барнвельт высунул голову, чтобы отдышаться, и оказался рядом с заколотым кришнянином. Остальные пловцы смотрели на эту сцену с явно обеспокоенными лицами. К тому времени течение снесло их так далеко, что руины пропали из виду.

Заколотый преследователь, недвижимо лежа лицом вниз на поверхности воды, начал медленно погружаться вглубь. Голова Тангалоа вынырнула рядом с тем местом, где он затянул под воду второго, но жертва его так и не показывалась.

— Ну что, еще двоих? — крикнул Тангалоа. Остальные кришняне, однако, все как один развернулись и в тучах брызг зашлепали обратно к берегу, с которого плыли. Барнвельт же с Тангалоа направились к северному. Заплыв был не из коротких, но теперь они могли не торопиться. Верхнюю одежду они сбросили.

— Хорошо еще, что у них лодки под рукой не оказалось, — заметил Барнвельт. — Когда с голым задом барахтаешься в воде, лодка все равно как крейсер.

— Что же за всем этим кроется? — пропыхтел Тангалоа. — А подруга-то, видно, тоже из этой шайки.

Дальше они плыли в молчании, пока под ними вновь не показалось дно, и вскоре вылезли из воды и присели на бревно передохнуть.

— Ого, да тебя тоже порезали! — воскликнул Барнвельт.

Тангалоа бросил взгляд на рану на левой руке.

— Царапина! Давай-ка посмотрим, чего там у тебя.

Рана Барнвельта начала уже болезненно пульсировать, а кровь все еще текла, очевидно, из-за воды. Внимательный осмотр, однако, показал, что острие кришнянского меча лишь скользнуло вдоль ребер, а не воткнулось между ними в легкие.

Разрывая рубашку на бинты, Барнвельт заметил:

— Может, в следующий раз все-таки возьмешь меч? Против лома нет приема.

— Может, и возьму. Но, если бы на нас были те кольчуги, мы бы наверняка потонули. Интересно, а что теперь эти ребята будут делать? В Новуресифи-то им возвращаться нельзя: мы ведь можем их опередить и все рассказать.

Барнвельт пожал плечами:

— Если только они заранее не состряпают какую-нибудь фантастическую отмазку вроде того, что мы контрабандисты янру

или… Кстати, ты не думаешь, что именно такое и приключилось с Игорем?

— Ничуть не исключено.

— Об этом стоит подумать. А между тем уж клонится к горизонту та туманная звезда, кою именуют тут солнцем, так что лучше бы нам убираться подобру-поздорову, покуда не *окутало саваном черным безграничные своды небес*[59].

— Ну и энергии в тебе, живчик чертов! — простонал Тангалоа, с натугой поднимая свою тушу с бревна. — Все у него скорей, скорей, скорей! Мы, полинезийцы, единственный народ, который умеет жить как следует.

— Подождите, мне нужно позвонить на речную заставу, чтоб там подтвердили ваши слова, — сказал охранник.

На речной заставе действительно подтвердили тот факт, что мистеры Барнвельт и Тангалоа, они же Сньол из Плешча и Таджди из Вьютра, миновали утром контрольный пункт, направляясь на пикник вместе с мисс Фоли из офиса службы безопасности и мистером Визгашем из одежной лавки. А как указанные джентльмены выглядят?..

— Проходите, — разрешил в конце концов охранник. — И так всякому ясно, что вы земляне.

— Неужели это так заметно? — подмигнул Тангалоа Барнвельту. — Э, смотри-ка, у тебя антенна отклеилась. Черт бы побрал этого парикмахера!

— Я сейчас больше заинтересован, — отозвался Барнвельт, — чтоб Визгаш на пару с прекрасной Элин надежно сидели *за решеткой в темнице сырой.*

— Серьезно? Лично я их уже простил. Сейчас вспомнить, так все это было просто весело.

— Весело, как похороны на рождество! Лично я первым делом навещу Куштаньозо.

Барнвельт гордо промаршировал через укрепленные ворота, не обращая внимания на изумленные взгляды, которые привлекал его расхристанный вид, и направился прямиком к соседнему зданию, в котором размещался офис сил безопасности.

Ворвавшись во входную дверь, он сразу зашагал через зал к кабинету Куштаньозо. Дверь была приоткрыта, и он совсем уже собрался величественно вступить внутрь, как вдруг его остановили доносящиеся из-за нее голоса. Он придержал рукой Тангалоа, тяжело топавшего следом.

— …мы их предупреждали, — слышался голос Визгаша, — но нет, они твердили, что не купались с самого отлета с Земли. Так что они быстро сняли одежду и бросились в реку, после чего мы

увидели, как один из них закричал и исчез, а потом и второй тоже.

— Это было ужасно! — с неподдельным пафосом и искренностью добавил голос Элин Фоли.

Куштаньозо, насколько было слышно, только сокрушался:

— Пришла беда — отворяй ворота. Эти земляне — очень важные шишки и лично мне были крайне симпатичны. А сколько нам теперь всяких бланков заполнять! Хотя странно, что пропали сразу оба: аввалу обычно хватает одного.

— Если только их в Пичиде не два, — сказал кришнянин.

— Верно, но все это уже не поможет вернуть этих достойных…

Тут Барнвельт и вошел в кабинет со словами:

— Я очень рад, что мы пропали не навсегда, сеньор Геркулио. Пикник пришлось отменить по причине дождя… из стрел. На самом-то деле…

Элин Фоли с визгом подпрыгнула, словно белка-сирена с планеты Вишну. Визгаш тоже вскочил на ноги, изрыгая ругательства и выхватывая меч.

— Уж на сей-то раз ты навсегда пропадешь! — завопил он, бросаясь на застывших в дверях землян.

Барнвельта на мгновенье охватила паника. От кинжала против меча толку мало, до ближайшего стула дотянуться он не успевал, а при попытке отступить неминуемо натолкнулся бы на Джорджа. Нельзя было ни бежать, ни драться. Только что сохранив жизнь с такими колоссальными усилиями, теперь он должен был с ней расстаться из-за самой тривиальной непредусмотрительности. Острие меча было от него уже в каком-то метре, и Барнвельт, как за последнюю надежду, ухватился за нож, когда глухо хлопнул пистолетный выстрел. Меч вылетел из руки кришнянина и с лязгом покатился по полу. Визгаш остался стоять безоружным, с чрезвычайно глупым видом держась за руку.

Куштаньозо с пистолетом, который он выхватил из ящика стола, поднялся.

— Не двигаться, *amigo*[60],— приказал он. Зал снаружи неожиданно быстро наполнился людьми — мужчинами и женщинами, землянами и кришнянами, в форме и штатском, — которые испуганно галдели, перебивая друг друга. Визгаш принял вид оскорбленной невинности.

— Любезный мой Куштаньозо, — проговорил он, — прикажите своим людям обращаться со мной с должным почтением. В конце концов, я — это я.

— Это уж точно, — рявкнул Куштаньозо. — Наденьте на него

наручники!

Когда Барнвельта с Тангалоа наконец отпустили, долгий кришнянский день уже уступил место вечеру.

— Переоденьтесь, сеньоры, и сходите пообедайте, — посоветовал Куштаньозо. — Мне еще нужно как следует допросить задержанных. Встретимся потом в «Нова-Йорке»?

— Годится, — отозвался Тангалоа. — С удовольствием бы слегка перекусил. Из той корзины нам так ничего и не досталось.

Два с половиной часа спустя оба исследователя, которые успели переодеться в земные костюмы и восстановить угасшие было силы долгожданным обедом, уже сидели в баре. Поначалу Барнвельт мучительно страдал от непроходящего чувства страха, которое вызвал у него недавний эпизод, и был уже на пороге того, чтобы бросить к чертям и экспедицию, и работу. Но Тангалоа жизнерадостно трещал на протяжении всего обеда, не давая ему и рта раскрыть, и теперь это чувство бесследно исчезло. Они увидели вошедшего Куштаньозо, который осмотрелся и направился к их кабинке.

— Она раскололась, — усмехнулся бразилец.

— Надеюсь, вы не были чересчур жестоки с бедняжкой, — заметил Тангалоа.

— Нет-нет, просто задал несколько неприятных вопросов при помощи метаполиграфа. Она и вправду не знает, кто такой этот Визгаш — если его действительно так зовут, в чем лично я сомневаюсь, — но считает, что он из Кольца янру. В наши дни все друг друга подозревают в отношении к контрабанде янру.

Барнвельт согласно буркнул, раскуривая кришнянскую сигару. Вообще-то обычно он курил сигареты или трубку, но здесь ему хотелось поскорей приучиться к местным сигарам.

— А как во все это дело втянули мисс Фоли? — спросил Тангалоа. — Такая прелестная маленькая шейла[61]…

— Это довольно странная история, — отозвался Куштаньозо, со смущенным лицом разглядывая собственные ногти. — Похоже, что она… э-э… влюбилась… гм… причем не в кого-нибудь, а в меня, хоть у нее масса поклонников и она прекрасно знает, что я женат.

— И вы отвергли бесчестье светлое ее любви? — ухмыльнулся Барнвельт.

— Хорошо вам смеяться, любезный мой зер. Этот Визгаш пообещал ей флакон духов с добавкой янру, чтобы использовать на мне. Все, что ей надо было сделать взамен, это поехать на тот пикник, а после того как вас обоих ликвидируют, вернуться в Новуресифи и подтвердить его сказочку про аввала.

— А это еще что такое? — удивился Барнвельт.

— Огромная змееподобная тварь, которая живет в воде. Что-то вроде гигантского, покрытого броней угря или крокодила без ног. В Пичиде один такой водится. Не далее как на прошлой неделе утащил женщину из Коу.

— *Уп!* Так вы хотите сказать, что мы купались в одной реке с этим?

— Да. Мне следовало бы вас предупредить. Когда Визгаш послал своих людей за вами вдогонку — не думаю, что он говорил им про аввала, — вы заплыли так далеко, что вас уже почти не было видно с берега. А потом те вернулись и сказали, что двое из них и вы оба погибли. Насколько я представляю, они солгали, поскольку опасались, что, если рассказать Визгашу правду, он разозлится и лишит их гонорара. Но, если б они сказали правду, Визгаш с мисс Фоли не приплыли бы обратно в Новуресифи с этой басней про аввала.

— Что же теперь сделают с бедняжкой? — поинтересовался Тангалоа.

— Джордж, — возмутился Барнвельт, — твои попытки выжать слезу в отношении этой юной леди Макбет я нахожу уже несколько утомительными.

— Ты просто очень неотзывчивый, Дирк. Так что?

— Это будет решать судья Кешавачандра, — пожав плечами, сказал Куштаньозо. — А вам пока лучше восстановить потери в экипировке и подыскать себе другого учителя языка.

Они окончательно утрясли детали своего маршрута до Квириба: вниз по реке до Маджбура, по железной дороге до Джазмуриана, а потом в дилижансе до мифического Рулинди.

— С этим проклятым попугаем, от которого я все время чихаю, — добавил Барнвельт. — И тогда мы окажемся *над морем сумрачным в стране забвенной*[62]?

— Угу, — подтвердил Куштаньозо. — Только вы в этом море не купайтесь, пока не выясните, что там будет за компания. Это для вашей же пользы.

— Кстати, — вспомнил Барнвельт, — а что говорит сам Визгаш?

— Пока не могу сказать. С ним все гораздо сложнее, метаполиграф на кришнян не действует, — сказал бразилец и бросил взгляд на часы. — Мне пора идти допрашивать этого мошенника… Да?

Появившийся тем временем человек в форме службы безопасности что-то прошептал Куштаньозо на ухо.

— *Таматеш!* — взревел Куштаньозо, вскакивая и хлопая себя ладонью по лбу. — Недопрошенный арестант сбежал из своей камеры! Я пропал!

И он пулей вылетел из бара.

Опять темно-зеленая полоса камышей, окаймлявших Колофтские болота, медленно проплывала мимо Дирка Барнвельта и Джорджа Тангалоа. Но на сей раз они со всеми удобствами расположились на носу речной баржонки под названием «Чальдир», которую тихо влекли вниз по Пичиде сила течения и одинокий парус, поставленный на единственной суковатой мачте в носу. Преобладавший западный ветерок сносил дым их сигар вниз по реке. Что было несколько менее приятно, нес он также ароматы груза невыделанных шкур, а также загнанных под кормовой навес шестиногих шейханов, которым по окончании рейса предстояло тащить баржу бечевой обратно вверх по реке. Чтобы перебить эту вонь, путешественники беспрерывно курили. Вот показалась стоянка, где они причаливали во время поездки на злополучный пикник неделю назад, а потом руины, все еще хранящие свои непостижимые тайны. Затем на южном берегу открылась деревушка Коу, крошечная и убогая, и, столь же тихо скользя назад, скрылась из виду.

— *Зефтп! Чу вой зу!* — рявкнул попугай Фило из своей клетки.

Барнвельт, отрабатывая фехтовальные выпады, заметил:

— Я все поражаюсь, до чего эти кришняне похожи на людей!

Тангалоа успокоился на приобретении полуметровой булавы с крепкой деревянной ручкой и утыканным острыми шипами стальным набалдашником. Булаву он заткнул за кушак и, скрестив ноги, словно огромный бронзовый Будда, восседал на палубе спиной к мешку со снаряжением. Дирк подумал, что со своей смуглой кожей и монгольскими чертами лица друг куда больше похож на настоящего кришнянина, нежели он сам.

Тангалоа откашлялся, демонстрируя, что готов прочесть небольшую лекцию, и начал:

— Это вполне объяснимо, Дирк. Цивилизованные разновидности живых существ обязаны обладать определенным набором физических характеристик: скажем, глазами, чтобы видеть, и, по крайней мере, одной рукой или щупальцем для манипулирования предметами. И они не могут быть слишком большими или слишком маленькими. То же самое в равной мере относится и к характеристикам разума. Если какие-то существа чересчур однообразны в своем умственном развитии, им не достичь того разделения труда, которое требуется для создания подлинной культуры. В то же время при слишком большой разнице более смышленые особи легко и просто тиранят остальных, результатом чего также будет застывшее в своем

развитии общество. При чрезмерной обособленности и некоммуникабельности они не способны скооперироваться, а при очень уж тесных общественных связях никогда не произведут шизоидных типов вроде тебя, чтоб генерировать новые идеи.

— Спасибо за комплимент, — поклонился Барнвельт. — Намек понял. Как только почувствую пробуждение в себе гения, обязательно поставлю тебя в известность.

— И даже при соблюдении всех этих условий, — продолжал Тангалоа, — все равно среди внеземных цивилизаций существует множество самых разных вариантов, вроде Сириуса 9 с его муравьиной экономикой. Просто так получилось, что все разумные виды кришнян являются человекообразными…

— Хар-имма! Хар-имма! — проскрипел Фило.

— Если это действительно означает то, что я думаю, — заметил Барнвельт, — то королева Альванди должна быть женщиной довольно широких взглядов, чтоб воспринять Фило спокойно.

— Не исключено, что она его попросту не поймет. Понимаешь, квирибский диалект заметно отличается от стандартного гозаштандоу. В нем все еще сохраняется средний залог в глаголах…

Покончив с тренировкой, Барнвельт прошел на корму взглянуть на шейханов, с которыми успел уже крепко подружиться, и почесать их косматые лбы.

На ночь они стали на якорь на мелководье вдали от жилья. Рокир медленно опускался за низкий горизонт во всем многоцветном великолепии кришнянского заката; жена шкипера приготовила ужин; над водой разносились потрескивания и попискивания всякой мелочи, обитающей в, камышах; матросы, выставив на палубу походные алтари, возносили молитвы всевозможным богам, перед тем как отправиться на боковую.

Так и проходили дни, пока они спускались вниз по Пичиде, которая неторопливо извивалась по Гозаштандской равнине до самого моря Садабао. Они прикидывали, что скажут Горбовасту в Маджбуре и королеве Альванди в Рулинди и чем следует запастись, чтобы преодолеть опасности Сунгара. Дирк Барнвельт успел приобрести облупившийся на солнце нос, умение носить на поясе меч так, чтобы он не застревал между ног, беглое владение новыми для себя языками и совершенно твердое и определенное чувство уверенности в себе, которым никогда не мог похвастать на Земле.

Теряясь в догадках, он искренне пытался разобраться, что же родило в нем подобное чувство: то ли долгожданная возможность реализовать романтичность натуры, которая доселе только

нещадно подавлялась, то ли шовинистическое ощущение превосходства над кришнянами, а может, и попросту тот факт, что ему наконец удалось удрать от материнского присмотра. Не без облегчения он отметил, что за смертью двух кришнян, которых ему пришлось убить, не последовало никакой бурной психологической реакции — ни тогда, ни после. Однако по ночам его время от времени мучили кошмары, в которых он из последних сил убегал, зовя маму, от роя огромных ос.

При всем этом он прекрасно понимал, что попытка облегчить душу перед Тангалоа ни к чему хорошему не приведет, поскольку тот попросту посмеется над его мягкотелыми рефлексиями.

Сам Джордж, обладая выдающимся умом (он демонстрировал удивительные способности к языкам и с легкостью усваивал всю ту многостороннюю информацию, которая имеет отношение к ремеслу страноведа), имел все же склонность пасовать перед трудностями вроде работы, которая была ему не по душе. Очевидно, так было потому, что некоторые вещи казались ему слишком уж простыми, а может, и просто по причине чересчур вольного полинезийского воспитания. Добрый и отзывчивый в самом общем смысле этого слова, он не отличался особой эмоциональной глубиной и целеустремленностью; зная, вроде бы, все обо всем и умея складно об этом поговорить, был он все же человеком слова, а не человеком дела, способным повести за собой в решающий момент. Барнвельт все больше убеждался, что, хоть Джордж и по возрасту старше, и по должности, вся ответственность за возложенное на них предприятие рано или поздно целиком и полностью ляжет на его собственные костлявые плечи.

Постепенно река стала такой широкой, что с одного берега дома на другом казались не больше спичечных коробков, а люди крошечными, как муравьи. «Чальдир» неторопливо двигался мимо прибрежных вилл маджбурских богачей, чьи отпрыски играли в салки на лужайках или с громким хохотом и визгом спихивали друг друга с мостков в воду. Движение на реке стало заметно оживленнее: то и дело попадались стоящие на якорях лодки с застывшими в них удильщиками, или такая же, как «Чальдир», баржа неуклюже пересекала реку под парусом, чтобы высадить упряжку шейханов на северный берег, вдоль которого пролегала бечевая тропа.

Поскольку приземистый и пузатый «Чальдир» не отличался маневренностью, при каждой встрече с другим судном шкипер заявлял о своем праве на дорогу, колотя в помятый бронзовый гонг. Один раз они чуть было не столкнулись с плотом из бревен, который тихо сплавлялся по течению прямо у них на курсе.

Плотовщикам и матросам «Чальдира» пришлось долго распихиваться шестами, изрыгая такие ругательства, что земляне стали опасаться поножовщины, а шейханы на корме взволнованно заревели. Однако баржу удалось обвести вокруг плота и вновь выйти на чистую воду, так что все кончилось относительно благополучно.

Виллы уступили место пригородам, а пригороды — собственно городу, который отличала не увенчанная луковичными куполами роскошь Хершида и не серая крепостная хмурость Мише, а исключительно собственная, неповторимая атмосфера. Это был город бесчисленных изящных арок, изукрашенных замысловатой, фантастической резьбой, зданий в пять и даже в шесть этажей и бьющей через край неуемной уличной толчеей.

На берегу стали появляться причалы и пристани, у которых было пришвартовано множество подобных «Чальдиру» барж и баржонок. За ними Барнвельт углядел лес мачт и снастей морского порта. Шкипер «Чальдира» засек свободное место и направил суденышко к берегу, а двое матросов с кряхтеньем налегли на весла, чтобы преодолеть течение. Какая-то рыболовная посудина, увешанная парусами, словно задний двор в понедельник, нацелилась, судя по всему, на то же самое место и попыталась подрезать барже нос, да, видно, недостаточно проворно. Попугай Фило радостно присоединил свои вопли к проклятьям обоих экипажей.

Когда баржу наконец ошвартовали, начинало уже припекать. Барнвельт и Тангалоа сердечно распрощались со шкипером и его людьми и вылезли на пристань, чтобы отправиться на поиски конторы Горбоваста. Барнвельт шел с некоторым холодком в животе, что с ним обычно приключалось, когда предстояла встреча и достаточно долгое общение с незнакомыми людьми.

Но он зря волновался. На основании письма Куштаньозо Горбоваст принял их, по определению Барнвельта, «с суетливым радушием и елейными учтивостями». Этот гладенький кришнянский джентльмен давно опроверг известный афоризм о погоне за двумя зайцами сразу, поскольку, выступая в качестве особого маджбурского уполномоченного гозаштандского короля Экрара, уже много лет подрабатывал еще и тем, что снабжал информацией службу безопасности межпланетных перевозок в Новуресифи.

— Тот самый Сньол из Плешча? Поохотиться на гвамов в Сунгаре, говорите? — затрещал он, произнося ньямское имя Барнвельта «Эсньол», как, кстати, поступали все говорящие на гозаштандоу кришняне. — Ну что ж, кто не рискует, тот не богач,

как гласит присловье мудрого Нехавенда! Знаете вы, наверное, что давно уж стало море Ваандао истинным рассадником беспутнейших пиратов кровожадных, и нет от них избавленья, ибо Дюр в гордыне своей платит им дань, дабы вредили они торговле не столь великой — такой, как в Маджбуре иль Замбе. И мало того — молва просочилась, будто мошенники сии связаны и с торговлею янру, отчего всякий вольный муж мелкой дрожью по ночам содрогается!

Барнвельт без особых подробностей поведал ему о разоблачении Визгаша в Новуресифи.

— Выходит, — покачал головой Горбоваст, — что негодяи и в тех краях орудуют? Не будет вреда, коли замолвить словечко синдику верховному, ибо народ маджбурский смертельно боится, как бы снадобье сие не распространилось промежду них, позволив женщинам заправлять всеми делами. Хоть и не столь подвержены мы ему, как глупцы-земляне, коих даже запашок легкий тут же в покорнейший студень превращает, все ж таки великая неразбериха может быть наслана на нас неуловимым сим препаратом. Что же касаемо письма доурии Квирибской, то получите вы его незамедлительно. Правда, лучше поспешить вам, коли желаете вы вручить его.

— А что, старая людоедка помирает?

— О нет — по той лишь причине, что, как толкуют в тавернах, намеревается она, поскольку супруг ее нынешний обезглавлен быть должен согласно варварскому их и кровавому обычаю, трон в пользу дочери своей Зеи отказать.

У Барнвельта полезли вверх брови, а вместе с ними и приклеенные антенны. Квириб под началом молодой и свежекоронованной монархини начинал выглядеть куда более заманчиво, нежели управляемый старой несговорчивой татаркой вроде Альванди.

— Надо же, я про такое не слышал! Может, господин Горбоваст, вы снабдите нас сразу двумя рекомендательными письмами — к каждой даме в отдельности?

— О чем разговор! Советую вам следить за каждым шагом своим среди дам сих властительных, ибо поговаривают, будто держат они мужей своих в покорности все тем же лекарством…

И он объяснил им все, что полагалось знать о билетах и расписаниях поездов, добавив:

— Показывает стекло, что колесо небесное не повернулось еще к зениту, и до отправленья экспресса южного располагаете вы толикою времени, дабы обозреть город наш драгоценный.

Этим путешественники и занялись, пошатавшись для начала по набережной и снимая на пленку суда — большей частью

обыкновенные парусники, вполне сравнимые с земными, но тем не менее довольно впечатляющие своим исключительно местным колоритом. Были здесь массивные высокобортные посудины с прямыми парусами из Дюра, что на море Ваандао, суда с латинским вооружением из Сотаспе и других портов Садабао и даже катамаран с полукруглым парусом из далекого южного Малайера. А среди длинных приземистых боевых галер сразу бросалась в глаза гордость военно-морских сил Маджбура — квинрема «Джунсар», с ее уложенными вдоль бортов здоровенными веслами на пятерых гребцов, высокой позолоченной кормой и остроконечным тараном, торчащим в носу на уровне ватерлинии.

Не сумев устоять перед ароматами припортового рынка, путешественники рискнули отведать одно из кушаний, которые предлагали местные прилавки.

Барнвельт вскоре в полной мере удовлетворил свое любопытство, поскольку то, что поставили перед ним в чашке с супом — некое морское создание вроде огромного слизняка со щупальцами, — обладало удивительной способностью оставаться живым и шевелиться после того, как было сварено. Он успел проглотить пару извивающихся кусочков, пока поднявшийся к горлу комок не прервал этот эксперимент.

— Слабаки вы там, на Западе, — хихикнул Тангалоа, приканчивая своего слизняка и вытирая губы.

— Пошел к черту! — буркнул Барнвельт, упорно продолжая битву, пока морской организм не исчез с тарелки.

После этого они посетили муниципальный зверинец. Барнвельт, припомнив купание в Пичиде, невольно содрогнулся при виде посаженного в огромный чан аввала, не выросшего, кстати, еще и до половины. Но потом его было просто за уши не оторвать от всевозможных тварей в клетках, так что далее Тангалоа, который в жизни никуда не спешил, был вынужден напомнить ему про поезд и выволакивать из зверинца силой.

В парке они наткнулись на открытое представление балетной труппы из храма Дашмока, собственного бога коммерции этого вольного города. Жрец пустил по рукам шляпу, вернее, некий сосуд из чего-то вроде тыквы, дабы публика посодействовала нуждам храма материально. Глядя на подскакивающих в воздух девиц, Барнвельт почувствовал, как в лицо ему бросилась краска. Округ Чатагуа все это никоим образом не напоминало.

Тангалоа сухо заметил:

— Понимаешь, Дирк, различие культур проявляется и в том, что принято скрывать. Лишь немногие, вроде вашей западной, содержат строгое табу на обнаженное тело. Корни запрета

кроются в древней сирийской цивилизации, откуда он попал к вам посредством иудаизма и его боковой ветви, христианства…

Танец закончился, и зеваки стали расходиться. Земляне направились к вокзалу, где обнаружили, что поезд до сих пор не составлен и не отправится еще, по меньшей мере, час от времени, указанного в расписании. Поскольку станционный служащий не сделал более вразумительных заявлений, оставалось только сидеть на лавке и курить, чтобы хоть как-то убить время.

Вскоре подошел и пристроился по соседству с землянами какой-то тип в бледно-голубом костюме и с мешком на плече. На голове у него красовался легкий, украшенный строгим орнаментом серебряный шлем, с боков которого торчала пара серебряных же крыльев акебата.

Барнвельт никогда не отличался большим талантом завязывать разговоры с первыми встречными, но развязный Тангалоа вскоре уже вовсю болтал с обладателем шлема.

— Сие означает, — пояснял кришнянин, постукивая пальцем по шлему, — что тружусь я в «Межроу Гурардена», разнося посланья всевозможные и посылки. — (Это название можно было грубо перевести, как «Компания по быстрой и надежной доставке»). — Девиз нашего товарищества таков: «Ни буря, ни мрак, ни хищный зверь, ни злой человек не воспрепятствуют курьерам нашим в быстроте отправленья их службы благородной!»

— Замечательный девиз, — согласился Барнвельт. — Честно говоря, звучит довольно знакомо.

— Без сомненья, слово компании нашей достигло уж и далекой Ньямадзю! — гордо заметил нарочный. — А когда-нибудь настанет и час, когда и этот край студеный включен будет в сферу наших услуг. О благородные зеры, мог бы поведать я вам такие истории о деяньях сотоварищей моих, что антенны на головах ваших встали бы дыбом от ужаса! Совсем недавно друг мой Гехр пакет доставлял в самое сердце коварного Сунгара и вручил его не кому иному, как самому главарю пиратов, Шиафази ужасному!

Барнвельт с Тангалоа одновременно подались вперед. Последний поинтересовался:

— А какой он из себя, этот Ши… ну, в смысле, пиратский король?

— Что до сего, то друг мой Гехр ведает о том не больше вас самих, ибо Шиафази сей не показывается никому, кроме как своим собственным подданным. Но поскольку Гехр не имел права уйти, покуда грузополучатель не распишется в квитанции, под конец решено было, что архиразбойник оный просунет длань

свою сквозь дыру в занавеси, дабы завладеть пером. И Гехр таким манером все ж углядел кое-что. О господа, что за кошмарное то было зрелище! Не рука человечья, но жуткая чешуйчатая лапа с когтями преострыми оставила оную подпись, будто ступня того пудамера ужасного, что кроется в ледниках на родине вашей! Так что Шиафази, как видно, созданье не из нашего честного мира, а с некой распутной и опасной планеты где-то в глубинах космоса — вроде той, что Землею зовется и прибежищем служит чародеям коварным да колдунам-душегубам…

— *Пун дессой!* — объявил привратник.

Курьер поднялся и закинул за плечо посылочный мешок, а земляне подхватили сумку со снаряжением и птичью клетку. «Так значит, Земля опасная и распутная планета», — подумал Барнвельт, посмеиваясь и патриотически негодуя в то же самое время. К несчастью, положение было не совсем то, чтоб размахивать клетчатым флагом Всемирной Федерации.

Поезд состоял из пяти небольших четырехколесных вагончиков: двух платформ, на которые грудами был навален всевозможный товар, и трех пассажирских, больше смахивающих на слегка переделанные кареты, поставленные на рельсы с шириной колеи около метра. Роль локомотива исполнял биштар, впряженный в передний вагон веревочными постромками. Зверь стоял, покачивая двумя огромными бивнями, стегая хвостом и пошевеливая похожими на раструб геликона ушами.

Самый последний вагон оккупировала какая-то шумная семейка, состоящая из крошечного заморенного мужчинки, здоровенной дородной тетки, троицы юнцов и одного портативного инкубатора, в которых у кришнян принято перевозить недосиженные яйца. Дабы избежать женской болтовни, Барнвельт, Тангалоа и их новый знакомый сели в первый вагон.

Когда все ожидавшие пассажиры набились в поезд, сидящий на шее биштара махаут дунул в рожок и огрел зверя остроконечной палкой. Клацнули, натягиваясь, провисшие соединительные цепи, и вагон, в котором расположились земляне, рывком тронулся с места. Застучали колеса на стыках, и они прокатили мимо биштара, который тянул вагоны по соседней колее, причем так близко, что Барнвельт, будь он слегка побезрассудней, вполне мог дотянуться до любой из шести похожих на колонны ножищ.

По полосе отчуждения между застроенными участками они выкатились с привокзальной территории и наконец выехали на одну из главных улиц Маджбура, по середине которой пролегали две колеи. Через некоторое время они разминулись с

пригородным составом, который стоял на перекрестке, высаживая пассажиров.

Улицу заполняла разношерстная толпа кришнян. Некоторые неслись куда-то на самокатах, некоторые восседали верхом на приземистых шестиногих айях или высоких четырехногих шомалах, некоторые катили в экипажах. Упряжка из четырех айев тащила некое огромное двухэтажное сооружение, судя по всему, общественный омнибус. На оживленном перекрестке официального вида кришнянин в шлеме регулировал движение при помощи меча, которым размахивал с такой целеустремленностью, что Барнвельт испугался, как бы он не отхватил ухо зазевавшемуся пешеходу.

— *Сплелись так тесно новое со старым, будто время ничем здесь не было,* — процитировал Барнвельт.

Постепенно уличное движение становилось все более редким, а дома — все меньше и меньше. Колея покинула середину улицы и вновь бежала вдоль полосы отчуждения. Вправо, к реке, от нее отошла боковая ветка. Город сменили пригороды, дома стали перемежаться возделанными огородами. Потом две колеи слились в одну, и путешественники оказались на открытой местности. Первый раз они остановились, чтобы пограничная охрана республики Микарданд — воины в марокканского вида доспехах — произвела досмотр багажа и проверку пассажиров.

Путешествие протекало без особых происшествий, за исключением разве того, что, когда они остановились в какой-то безвестной деревушке, чтобы напоить биштара и дать пассажирам возможность перекусить или каким-то иным образом скрасить тяготы дальнейшего пути, старшенький дитятя из шумного семейства в последнем вагоне каким-то образом ухитрился этот самый вагон отцепить, так что, когда поезд тронулся, вагон остался стоять на месте, а толстуха визжала из него почище Фило. Поезд остановили, и мужской части пассажиров пришлось толкать покинутый вагон, пока его связь с составом не была восстановлена. Кондуктор при этом на все лады взывал к Кондиору, Дашмоку, Бакху и прочим божествам, способным подвергнуть юного правонарушителя тем страшным мукам, которых он, несомненно, заслуживал.

Курьер объяснил, почему вместо билета он предъявил нечто вроде пропуска: оказывается, у «Межроу Гурардена» имелись соглашения со всеми основными транспортными службами, включая железнодорожную, которые возили курьеров в кредит, выставляя потом счета за реальный пробег.

На первую ночевку они остановились в Янтре, где на боковой ветке, пропуская их, уже стоял встречный поезд. Под конец

третьего дня они достигли Гала и вновь увидели волны моря Садабао. Климат здесь был заметно теплее, и кое-где стали попадаться люди, одетые по квирибской моде — в запахивающиеся тоги и похожие на одеяла накидки. На следующее утро, когда приятели занимали свои места в поезде, послышался чей-то низкий голос:

— Свободно ли сие место?

Какой-то долговязый молодой кришнянин, одетый почти так же, как они сами, разве что несколько побогаче, влез в вагон. Не дожидаясь ответа, он пинком сбросил сумку землян с сиденья, которое та занимала, и затолкал свой мешок в сетку над окном. Потом он отцепил ножны, прислонил их в углу и плюхнулся напротив землян.

В купе заглянул еще один потенциальный пассажир, выискивающий по вагонам свободное местечко.

— Все занято! — гаркнул новый попутчик, хотя места явно хватало. Пассажир испарился.

Барнвельт ощутил внутри неприятный холодок. Он совсем уже был готов рявкнуть: «Подбери!» — и подкрепить эту команду, если б потребовалось, ухвативши нахала за грудки, когда вдруг прорезался музыкальный голосок Тангалоа:

— Не обманывают ли меня чувства мои, или же и впрямь почтило нас обществом своим лицо, титулом облеченное?

Барнвельт украдкой бросил взгляд на своего напарника, смуглая физиономия которого не выражала в этот момент ничего, кроме неподдельного интереса. Когда дело касалось страноведческих изысканий, Джордж был способен становиться на такую безликую и отстраненную позицию по отношению к кришнянам, словно они были микробами под его микроскопом. И их дружелюбие, и оскорбительное высокомерие являлись для него не более чем научными данными, которые ни в коей мере не затрагивали его человеческих эмоций. В этом отношении, подумалось Барнвельту, Джордж его превосходил, поскольку сам он склонялся к довольно острой эмоциональной реакции на все внешние раздражители.

— А-а, всего лишь гарм, — коротко уточнил юнец, правда, несколько менее воинственным тоном. — Зер Гавао бад-Гарган. А вы кто такие будете?

— Я Таджди из Вьютра, — представился Тангалоа, — а это мой верный компаньон по многим опасным приключеньям, который откликаться изволит на имя Сньол из Плешча.

— Тот самый Сньол из Плешча? — удивился зер Гавао. — Хоть обычно и нету мне дела до иноземцев всяких, о ньямцах немало наслышан я доброго. Вот разве что мыться привыкли они

не столь часто, сколь от народа культурного требуется.

— У нас очень холодно, зер, — сказал Тангалоа.

— Может, и так. А что ж до меня, то предстоит мне цельное десятиночье провести средь квирибцев сих феминизированных, что позволяют бабам своим править собою! Вы тоже путь туда держите?

Курьер кивнул.

Барнвельта несколько удивила фраза «тот самый Сньол из Плешча». Вроде как и Горбоваст подобным образом выразился. Когда Куштаньозо даровал его этим nom-de-guerre[63], он решил, что так прозывался какой-нибудь совсем древний и полузабытый деятель. Если настоящий Сньол по-прежнему существовал, то дальнейшие обстоятельства могли сложиться, мягко говоря, довольно неловким образом.

— Сигару? — предложил он. — А сами вы откуда, позвольте полюбопытствовать?

— Из Балхиба, — бросил зер Гавао.

Взяв протянутую сигару, он с отвращением оглядел ее и тут же выбросил, после чего вытащил изукрашенный драгоценностями портсигар, достал свою собственную, закурил и спрятал портсигар обратно. Барнвельт оскалил зубы, пытаясь перенять отстраненную манеру Тангалоа.

— Из Балхиба, говорите? — промурлыкал Тангалоа, — А не доводилось ли слыхать вам о некой топографической съемке, заказанной вашим королем?

— Знать про такое не знаю.

— Нам тут рассказывали совершенно потрясающую историю про ваши края, — продолжал страновед. — Что-то там насчет бороды короля.

— А-а, вон оно что! — на физиономии Гавао, как трещина во льду, прорезалась первая улыбка. — И впрямь довольно пикантную штучку учинил этот зер Как-его-там из Микарданда! Не превосходи нас республика впятеро по численности войска, нешуточная война бы приключилась! Так старому Киру и надо: нечего фамильярничать со всякими иноземцами!

— А как же это зер Шургез сумел так близко подобраться к королю? — спросил Барнвельт.

— Хитростью коварною. Представился он курьером вроде нашего друга, здесь присутствующего, и сообщил, что принес пакет для вручения в собственные руки и что подпись на квитанции лишь Его Грозность оставить может.

— Ничего особенного, — прокомментировал курьер. — Вполне рутинная процедура, дабы жалоб избежать на недоставку пакетов.

— И вот что вышло, — продолжал Гавао. — Стоило только королю занести над документом оным кольцо своё с печатью — ибо, истинным воином будучи, ни читать, ни писать не обучен, — как курьер самозванный выхватил из пакета своего ножницы, коими и учинил шутовское постриженье свое. Быстренько отхватил бороду и, прежде чем кто-нибудь успел остановить иль заколоть его, ногами проворными сбежал по ступенькам дворцовым, вскочил на айю своего и был таков!

— До чего ж низкопробная и распутная шуточка! — возмущенно воскликнул нарочный. — Компания моя сразу потребовала принять меры законные супротив Шургеза этого за самозванство. Поскольку форма сия известна повсюду как воплощенье честности и ответственности высокой, нарочные наши возможность имеют ничтоже сумняшеся проникать и туда, куда другой и помыслить не мог бы! Но теперь, когда всякие шутнички самоуверенные начинают играть нашу роль, что же станется с неприкосновенностью нашей?

— А то же станется, что с духом пугала огородного в балете Дараша известном, — молвил Гавао. — А именно — пропадет навсегда. А теперь вы, досточтимые зеры, коли уж в настроенье общительном пребываете, не поведаете ли, куда вы путь держите и зачем?

— Мы задумали экспедицию по охоте на гвамов, — ответил Барнвельт.

— Тогда, полагаю я, направляетесь вы в Малайер?

— Нет, мы думаем все организовать в Рулинди. Малайер ведь вроде как под осадой?

— Он уже пал, — сообщил зер Гавао.

— Правда?

— Угу. Поговаривают, будто этот ренегат Кугирд взял его при помощи коварства подлого, применивши некое изобретенье зловещее для разрушенья стен.

— А что за изобретение?

— О том я не ведаю. По мне, так все эти механизмы новомодные, Дупулан бы их побрал, разрушают лишь старое доброе искусство войны. Я бы всех этих изобретателей казнил принародно! По-моему, основание общества тайного по предотвращенью изобретений в области военной достойным было бы деяньем! Иначе не сегодня-завтра не доблесть да отвага, а всякая механика определять будет суть войны, как промежду землян проклятых! Говорят, будто благородное искусство воинское столь пагубно в технике всякой погрязло, что земляне отменили его совсем — заставили правительство планетное вообще запретить войны! Более мрачной участи и в страшном сне

не приснится!

— Следует уничтожать нам нещадно всех переодетых землян, что скрываются промежду нас, покуда окончательно не опутали они народ наш черным своим колдовством! — горячо воскликнул курьер.

— Интересная мысль, — заметил Барнвельт. — Однако мне кажется, что нам все равно лучше отправляться из Рулинди: в Малайере наверняка порядочная неразбериха после осады и разграбления победителями.

Гавао рассмеялся.

— Ну что ж, доброй вам охоты, но только не уговаривайте меня сделать заказ на продукт ваш будущий, ибо никогда не считал я, что без камней гвама нельзя получать маленькие удовольствия от жизни. Да что там далеко ходить — перед самым отъездом из Гала я…

И Гавао переключился на предмет, в котором ему в полной мере удалось проявить свое красноречие. Добрых несколько часов без перерыва он потчевал попутчиков байками о подвигах, которые, если, конечно, он нигде не приврал, стяжали ему славу ведущего будуарного атлета планеты. Он оказался настоящим кладезем информации, касающейся интимных обычаев и характеристик особей женского пола различных рас и национальностей Кришны. Барнвельт почувствовал, что находится в обществе великого специалиста. Через некоторое время все это его несколько утомило, но, не выходя за рамки приличий, перекрыть бурный поток амурных анекдотов было просто невозможно.

В остальном все шло достаточно гладко. Остановившись на ночлег в очередной деревушке, на следующий день они покатили вдоль побережья в Джазмуриан.

Немного не доезжая до конечного пункта своего путешествия, они пересекли еще одну границу, которая отделяла Микарданд от Квириба. Когда поезд остановился, Барнвельт обнаружил, что пограничники на квирибской стороне — сплошь женщины, наряженные в какое-то опереточное обмундирование, которое состояло из плиссированных юбочек, медных шлемов и медных же бюстгальтеров. Некоторые гордо потряхивали блестящими щитами и копьями.

— Встаньте у своих вагонов, — на квирибском диалекте распорядился один такой до блеска надраенный экземпляр — очевидно, командирша. — Ага! — налетела она на Барнвельта и его спутников. — Сюда, Ная! Опечатай-ка мечи у этих ребяток: у нас в стране не дозволено мужчинам расхаживать при оружии! А что же до этого с дубинкой… — она задумчиво поковырялась

щепкой в зубах. — Раз уж ножен нету, мы ее просто потуже примотаем к поясу. Коли вздумаешь пустить в ход эту гадость, останешься без штанов, что ни удаль твою не приукрасит, ни достоинство!

— Это, мадам, смотря, что считать достоинством, — заметил Тангалоа. Амазонка, почесывая в голове, удалилась, а оставшиеся мужчины хихикнули в кулаки.

Девушка по имени Ная со всем необходимым инвентарем приблизилась к ним и несколькими витками крепкой стальной проволоки обмотала рукояти мечей Барнвельта и Гавао, пропустив ее потом через кольца в ножнах. Свободные концы проволоки были затем зажаты в чем-то вроде компостера, который скрепил их свинцовой пломбой вроде тех, какими на Земле опечатывают багажные вагоны.

Таможенница при этом сурово добавила:

— Коли вздумаете взломать сии пломбы, ответ за то держать будете по суду. И оправданья ваши да будут вески, иначе… — она выразительно чиркнула пальцем по горлу. — Становитесь теперь в очередь, дабы уплатить пошлину.

После этого они вновь покатили по направлению к Джазмуриану. Как только пограничный пост скрылся из виду, зер Гавао извлек на свет божий набор каких-то собственных приспособлений. Первым делом он вытянул одну из проволочных петель настолько, чтоб та слегка провисла, после чего перекусил ее небольшими клещами и скрутил концы между собой. Потом из крошечной жестянки извлек пальцем немного какой-то темной воскообразной пасты, которой тщательно замазал соединение, и только при очень тщательном осмотре можно было бы догадаться, что проволока повреждена.

— Ну-с, — объявил он с хитренькой рыбьей ухмылочкой, — случись теперь какая заварушка, только дерну я за рукоять, как проволока распадется, и красавчик мой выскочит из ножен! Так-то спокойней человеку благородному, вынужденному путешествовать по сей вонючей провинции, где за закон почитается… — тут он употребил сугубо анатомический термин для характеристики матриархата.

— А нам нельзя сделать то же самое? — попросил Барнвельт, поскольку Гавао уже прятал свой набор.

— Об чем речь!

Так что вскоре и земляне привели свое оружие в боевое состояние тем же самым способом.

— Спасибо, — поблагодарил Тангалоа. — А что за городок этот Джазмуриан?

— Смердящая дыра, где честные люди страшатся по вечерам

выходить на улицу в одиночку! Поскольку находится он под владычеством Квириба, равно как и прочие земли окрест, то давно уж превратился в истинную помойную яму международную, где толчется всякий сброд со всех пяти морей, и воительницы королевы Альванди совладать с ним могут не более, чем вы с гвамом, пытаясь выудить его простым крючком рыболовным.

На подъезде к Джазмуриану под конец дня железная дорога отклонилась в глубь материка. Вскоре она уперлась в реку Зигрос, где опять повернула к востоку и следовала извивам реки до самого города. Солнце, садящееся позади поскрипывающих вагонов, багрово полыхало в волнистом местном стекле множества окон. Второй по величине порт на море Садабао на первый взгляд оказался не так уж и плох, как расписывал Гавао, хотя и несколько менее располагал к себе по сравнению с Маджбуром, в котором не было столь бросающихся в глаза бесчисленных трущоб, распивочных и неряшливого вида личностей всех цветов кожи.

— А где вы остановитесь? — спросил Барнвельт у Гавао.

— В гостинице Ангура, напротив вокзала. Единственное место, где от вони, что шибает в антенны, у порядочного джентльмена второй желудок не выворачивается.

Барнвельт с Тангалоа переглянулись. Горбоваст в Маджбуре рекомендовал им именно эту гостиницу для ночевки перед завершающим броском до Рулинди, куда предстояло выехать на следующее утро.

Скрипнув тормозами, поезд остановился. Как только земляне подхватили багаж и выбрались из вагончика на дощатый перрон, послышался чей-то голос:

— Портреты, господа хорошие? Волшебные портреты?

Обладателем голоса оказался потрепанный старикашка с жидкими клочками волос на подбородке и огромным ящиком на треноге.

— Клянусь зелеными глазами Хои! — воскликнул Барнвельт, решив попрактиковаться заодно в кришнянских идиоматических оборотах. — Ты только глянь!

— Что это еще за фиговина? — поинтересовался Тангалоа.

— Фотоаппарат! — Барнвельт сразу узнал в громоздком ящике камеру вроде тех, какими пользовались века назад пионеры фотодела. При этом он не удержался, чтобы украдкой не бросить взгляд на крошечную «Хаяши», надежно упрятанную в перстне. — Интересно, как он собрался снимать при таком освещении?

Он посмотрел на убегавшую вдаль реку, зеркальная гладь

которой уже разрезала диск Рокира своим тонким шнуром, и добавил:

— Должно быть, это продукт научно-технической революции принца Ферриана. Нет, спасибо, — отмахнулся он от фотографа и двинулся было своей дорогой, когда обрушившийся сзади неистовый поток брани заставил его буквально замереть на месте.

Мясистая девица, имевшая, судя по всему, отношение к полиции, крепко распекла фотографа за нарушение каких-то правил, выразившееся в назойливом приставании к клиентам на железнодорожной платформе. Закончила она так:

— …А теперь ступай, босяк, и благодари матушку-богиню, что не пришлось ночевать тебе в холодной кутузке!

Барнвельт тоже собрался идти, но был остановлен следующим воплем:

— Стой, тебе говорю! Гляжу, что чужеземец ты, а следовательно, невежа, но нет оправданья невежеству в законах! Знай же, что у нас в Квирибе не положено поминать имя богини Хои всуе! Считается сие серьезным нарушеньем общественного порядка, и меры к сему принимаются самые строгие и решительные. Покажите-ка оружье свое!

Она внимательно осмотрела пломбы на мече Барнвельта и булаве Тангалоа. У Барнвельта сердце ушло в пятки: он был уверен, что она обязательно заметит то место, где Гавао перекусил и срастил проволоку. Но то ли из-за поверхностного характера осмотра, то ли по причине слабеющего закатного освещения ей это не удалось, и она отпустила их на все четыре стороны со следующим напутствием:

— Ступайте по своим законным делам, чужеземцы, да будьте начеку!

Гостиница Ангура была хорошо видна от вокзала. Над входом, дабы обозначить направленность заведения, был приколочен череп какого-то хищника со здоровенными клыками. Трехэтажное здание нависало прямо над тротуаром — второй этаж поддерживался рядами арок. Весь первый этаж, за исключением небольшого холла с крошечной конторкой сбоку, был отведен под харчевню.

Путешественники протолкались сквозь толпу на тротуаре, глазевшую на уличного фокусника, который на виду у всех вытаскивал из совершенно пустой шляпы детеныша унхи, и вошли в дверь. На звон в небольшой гонг, подвешенный над кассой, из окошечка выглянула плоская кришнянская физиономия — физиономия, украшенная столь необычайно длинными антеннами, что обладатель ее походил на жука.

— Ангур бад-Эххен к вашим услугам, — отрекомендовалась

физиономия.

— *Багган!* — рявкнул Фило из своей клетки.

— Ну… Вообще-то, зеры мои…

— Это не мы, — торопливо сказал Барнвельт и в полном смущении разразился типично кришнянской напыщенной тирадой: — Это не мы, а сей негодный зверь из далеких краев, чьи шутки плоские лишь перепев слов человеческих, значенья коих все равно он не разумеет, равно как вы или я сокровеннейших тайн богов сущих постигнуть не в силах. А посему не обращайте вниманья просвещенного своего. Да взойдет когда-нибудь счастливая звезда ваша! Знайте же, что я — Сньол из Плешча, а это компаньон мой, Таджди из Вьютра.

Он примолк, слегка запыхавшись, но крайне гордый своими достижениями.

Когда они утрясли вопрос с номером, Ангур, вытянув шею, высунулся из окошечка посмотреть на попугая.

— Воистину, зеры, не видывал я существа, облаченного в столь странный и диковинный мех! Откуда взялось оно?

— С высочайших гор Ньямадзю, — ответствовал Барнвельт, отмечая про себя, что перья на этой планете неизвестны, и надеясь, что на его приемной отчизне *действительно* имеются горы, в которых мог обитать Фило. Отсутствие перьев было только к лучшему: не следовало опасаться и перьевых подушек, которые всегда вызывали у него сенную лихорадку.

— Гар-р-рк! — заявил Фило, приоткрывая крылья.

— Да он еще и летает?! — вскричал Ангур. — И при том не акебат это, и не бижар, и никакой иной зверь летучий знакомых очертаний. Редкостной забавой послужил бы он постояльцам моим, уговори я вас с ним расстаться!

В порядке эксперимента он сунул в клетку палец, но тут же отдернул, как только Фило, разинув клюв, сделал попытку его цапнуть.

— Нет, — ответил Барнвельт, — увы, но с сожаленьем превеликим вынуждены мы отказать вам, ибо в тот час, когда мы… гм… купили сие созданье, один великий астролог предсказал нам, что вся судьба наша зависит отныне лишь от него одного и горем отмечен будет тот день, когда расстанемся мы с ним.

— Какая жалость, — сказал Ангур. — Хотя ясно, как пики дарийские, что и впрямь была у вас причина веская для подобного ответа, как ведьма лесная сказала Карару в предании. Вот вам ключ. Делить вам покои свои придется с другим постояльцем иль же ночевать где-нибудь в другом месте. Но пусть не тревожит вас это слишком, ибо из иного мира он и спит не в

кровати. Не желаете ли до трапезы компанию обрести для ублаженья своего?

— Нет-нет, спасибо, — торопливо ответил Барнвельт.

— Но владеем мы лицензией…

— Нет, большое спасибо! — повторил Барнвельт и решительно направился к лестнице.

Тангалоа извиняющимся тоном заметил:

— Понимаете, господин Ангур, мой друг привык вести уединенный образ жизни.

После этого он устремился за Барнвельтом, пыхтя на ходу:

— Батюшки мои! Ну куда ты так несешься! Вообще-то ты неплохо управился с этим малым. Интересно, что за парня он к нам подселил?

— Ангур сказал: он не из этого мира — может, вообще привидение какое-нибудь.

— Ну тогда вы с ним живо договоритесь. Ты ведь тоже в некотором роде привидение — я имею в виду Игоря. А ты уверен, что это действительно «он»? Личные местоимения не всегда точно отражают пол.

— Вообще-то, нет, но посмотрим. Как эта масляная лампа устроена?

Подкрутив лампу, они осмотрели комнату в поисках чего-нибудь более-менее характеризующего природу соседа. В углу валялся небольшой мешок, из которого вперемешку высовывались всякие пожитки. На подоконнике стояли три баночки, закрытые крышками, и одна открытая, из которой торчали какие-то палочки. Барнвельт обнаружил, что это ручки небольших малярных кистей.

Он переглянулся с Тангалоа и пожал плечами. Разложив снаряжение, они умылись и проверили состояние маскировки. Глядя на себя в зеркало, Барнвельт через плечо усмотрел напротив дверей что-то белое. Это было объявление. Путаясь в цветистых гозаштандских оборотах, они с Тангалоа в конце концов его перевели:

ВНИМАНИЕ! ОБРЯДЫ ЛЮБВИ СОВЕРШАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ ТОЛЬКО В СТРОГОМ СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, УТВЕРЖДЕННЫМИ СОВЕТОМ КУЛЬТА БОГИНИ ВАРЗАИ, А ИМЕННО: ПРЕДВАРЯТЬСЯ ДОЛЖНЫ ОНИ КОРОТКОЙ МОЛИТВОЮ МАТЕРИ-БОГИНЕ, А ЗАКЛЮЧАТЬСЯ СОКРАЩЕННЫМ ОЧИЩЕНЬЕМ РИТУАЛЬНЫМ. ЦЕНУ ЛЮБВИ В ОДИН КАРД (КВИРИБСКИЙ) В ПОЛЬЗУ МАТЕРИ-БОГИНИ СЛЕДУЕТ УПЛАТИТЬ СОДЕРЖАТЕЛЮ ГОСТИНИЦЫ.

Согласно распоряжению Сехри бад-Гараджи, верховной жрицы.

— Ну и ну! — присвистнул Тангалоа. — Первый раз вижу, чтобы кто-нибудь ухитрился обложить налогом это.

Барнвельт ухмыльнулся:

— Как мы обломали Ангура, а?

— Сборище фанатичных генотеистов[64] — вот кто эти квирибцы. Интересно, как налоговая инспекция все это проверяет?

— Пожалуй, этот *обычай из тех, которые похвальнее нарушить, чем блюсти*[65],— откликнулся Барнвельт.

Из таверны доносились звуки какой-то совершенно фантастической музыки. Производил их оркестрик из четырех кришнян — двоих с дудками, одного с барабаном и девушки с чем-то вроде арфы, а в полумраке зала молоденькая кришнянка исполняла танец, в ходе которого заворачивалась в бесконечную полосу полупрозрачной материи, словно гусеница в кокон.

— Похоже на стриптиз задом наперед, — заметил Тангалоа. — Надо было пораньше прийти.

— Честно говоря, я больше ожидал увидеть стриптиз в исполнении квирибца мужского пола под жадными взглядами амазонок, — отозвался Барнвельт.

Зал, пропахший кришнянами, безвестными наркотиками и напитками, окружали скамьи, которые протянулись вдоль стен практически впритык друг к другу. Некоторые посетители, вооружившись похожими на крохотные копья палочками, уже трудились над тарелками. Довольно разношерстная публика, как отметил Барнвельт, хотя преимущественно буржуазного толка: в углу имелась даже парочка в аристократических шелковых полумасках.

В соответствии с местными обычаями земляне сделали заказ через прилавок непосредственно повару, который в поте лица трудился на виду у всех. Потом они бочком протиснулись вдоль стены и устроились на свободных местах. Официант принес им квадр, и они сидели и потягивали его, пока девушка в марле продолжала свои вращательные движения.

Наконец танец закончился. Пока зрители хрустели пальцами, что изображало тут аплодисменты, вошли еще несколько посетителей, а за ними по пятам еще один, который явно выбивался из общей компании, — некое динозавроподобное существо на голову выше человека, которое переваливалось на птичьих лапах, балансируя торчащим сзади огромным хвостом. Вместо одежды тело нового посетителя покрывал замысловатый узор из переплетенных разноцветных полос, намалеванных прямо

поверх чешуи.

— Осирианин! — поразился Барнвельт. — И, судя по раскраске, мужского пола. С ума сойти, вот уж не ожидал такого тут встретить!

Тангалоа пожал плечами:

— Их и на Земле довольно немного. Ребята они в целом неплохие, правда, подвержены гипомании — излишне импульсивны и легковозбудимы.

— Я их и раньше видел, но ни с одним лично не знаком. Просто однажды я пригласил одну девушку, которая смертельно боялась змей, посмотреть Ингрид Димитроу в «Вожделении инкорпорейтед», а когда зажгли свет, рядом с ней сидел осирианин, и она хлопнулась в обморок.

— В большинстве своем они совершенно безобидны, — заметил Тангалоа. — Но если тебе, паче чаяния, придется завести с таким спор, не давай ему смотреть тебе прямо в глаза, иначе в момент окажешься под псевдогипнозом. Если, конечно, у тебя вместо черепа не серебряный колпак под скальпом.

— Слушай, Джордж, а тебе не кажется, что это и есть наш сосед по номеру?

Барнвельт перехватил взгляд официанта и поманил его поближе. Приблизившись, прислужник вполголоса проворковал:

— Гляжу я, что ньямцы вы, любезные зеры. Не желаете ли случайно жаровню с ньомниджу? Имеем мы альков уединенный для целей…

— Нет, спасибо, — ответил Барнвельт, не имея ни малейшего представления, в какой безвестный порок пытается втянуть их официант. — Кто этот малый с хвостом?

— Это Сишен, что проживает здесь, — ответил официант. — В смысле чаевых клиент весьма выгодный, несмотря на облик свой ужасающий.

— Ну что ж, будем надеяться, что осириане публика честная. Скоро там наша жратва будет готова?

Во всем виде осирианина совершенно ясно читалось, что пропасть, которая отделяет разумных существ с хвостами от разумных существ без таковых, с маху не перескочишь. Пронзительным, присвистывающим голоском сделав заказ, который повар едва разобрал, он съежился в углу лицом к стене, разложив по полу хвост, который торчал внутрь зала, и нервозно поднимал взгляд всякий раз, когда кто-то проходил мимо. Официант принес ему выпивку в особой посудине вроде бидона для горючего.

Барнвельт, глядя в другую сторону, проговорил:

— Ого-го, если тут и есть привидения, то одно я уже вижу. Он

что, за нами охотится?

Это был все тот же жидкобородый старец с сундуком-аппаратом, который только что о чем-то беседовал с личностью в маске и теперь направлялся к землянам, надтреснутым голосом приговаривая:

— Портреты, господа хорошие? Волшебные портреты?

— Давай поддержим частную инициативу, — предложил Тангалоа. — Не думаю, что это так уж подкосит наш бюджет.

Он повернулся к фотографу.

— А скоро вы сможете доставить снимки?

— К завтрашнему утру, любезный мой владыка. В труде праведном проведя всю ночь, я…

У Барнвельта возникли было возражения по нескольким поводам сразу. Но он предпочел не вмешиваться, не желая лишний раз оказываться в глазах своего беззаботного незакомплексованного коллеги в роли эдакого прижимистого перестраховщика. К тому же это была исключительная возможность своими глазами увидеть, с чем приходилось иметь дело земным пионерам фотографии вроде Дагерра и Штейнгейля.

Добрых несколько минут фотограф наводил фокус, двигая то одну стойку треноги, то другую. Потом он вытащил небольшую плоскую чашку с приделанной снизу длинной ручкой и моток бечевки. Отрезав кусок бечевки, он закрепил его концом в зажиме внутри чашки. Затем в его руках появилась склянка, из которой он насыпал в чашку желтый порошок вроде того, что вытряс из стручков Визгаш на неудавшемся пикнике. Склянку он заткнул пробкой и убрал, удерживая чашку с порошком в горизонтальном положении. Потом достал кремневую зажигалку, которой долго щелкал у свисающего конца бечевки, пока та не зашипела и не занялась. Оказывается, это был запал.

— Пожалуйста, не шевелитесь, благородные зеры! — объявил старикашка, подступая к аппарату спереди и щелкая шторкой затвора.

Он отодвинулся в сторону и поднял чашку над головой. Тихо потрескивая, пламя поднялось по шнуру до края чашки и на мгновенье исчезло внутри.

Ф-фумп!

Зал озарила яркая вспышка, и над чашкой мгновенно вырос клубящийся гриб едкого желтого дыма. Не успел фотограф вновь обойти свой ящик и щелкнуть затвором, как послышался грохот, и все обернулись на осирианина Сишена, который испуганно вскочил на ноги, опрокинув посудину с выпивкой.

Осирианин сделал два широких шага в сторону фотографа, который уставился на него так, будто видел подобное существо

впервые.

— *Охе!* — взвизгнул старик, подхватил фотоаппарат и пулей вылетел из таверны.

— Ну что же он так? — расстроился Сишен. — Не желал я ничего иного, кроме как попросить его и меня обслужить подобным образом, а он умчался, будто сам Дупулан гнался за ним по пятам! Непонятливый народ эти кришняне! А вы, господа, должно быть, соседи мои новые по номеру? Судя по головам вашим бритым, решил я, что вы ньямцы, а Ангур только что предупредил меня, что подселил ко мне ньямцев.

— Похоже на то, — согласился Барнвельт.

— Правда? Тогда будем надеяться, что не станете вы заявляться за полночь и утром ранним, в настроении шумном ото сна меня пробуждая. Еще увидимся, прекрасные зеры!

Когда осирианин вернулся на свое место, Барнвельт задумчиво произнес:

— Мне кажется, что этот старый сморчок тоже из людей янру.

— У тебя просто мания подозрительности! — возмутился Тангалоа. — Помнишь, как нам Куштаньозо говорил: все, что выходит за рамки обычных представлений, тут же вызывает сомнения… Смотри-ка, никак наш новый дружок с рыбьей физиономией и дурными манерами?

Сквозь толпу у входа решительно проталкивался долговязый зер Гавао бад-Гарган. Заметив землян, он сразу направился к ним с воплями:

— Ба, ужель мои ньямцы! В награду за должное почтенье, кое выказали вы званию моему, милостиво дозволяю разделить со мною трапезу!

И он без спросу плюхнулся рядом с ними.

— Официант! — проревел он. — Кубок бухрена, да поживей! А где работник «Гурардены»? В смысле посыльный?

— Мы его не видели, — ответил Барнвельт и обратился к официанту: — Нам того же.

— Ну ладно, невелика потеря. Доверчивый простак, что верит в байки о волшебном могуществе землян, чтоб им всем! Лично я свободен от суеверий дурацких, среди коих числю любую болтовню про богов, духов, ведьм и силы магические. Правят всем непреклонные законы природы, даже этой Землею проклятой.

Правда, он тут же окунул палец в свою кружку, стряхнул на пол каплю напитка, вполголоса пробормотал какое-то заклинание и только потом отпил.

Барнвельт по-английски произнес:

— Следи за этим типом. Что-то он мне не нравится.

— Чего ты сказал? — тут же гаркнул Гавао.

Барнвельт поспешил ответить:

— Изъяснялся я на исконном своем наречии и просил Таджди не предаваться тем злоупотреблениям неосторожным, что обошлись нам столь дорого в Хершиде.

— Впервые слышу, чтоб бойцы закаленные считались со столь бабскими предупрежденьями, но это ваше дело. На кого это ты так уставился, толстяк?

Тангалоа с ухмылкой огляделся.

— Вон на ту малютку, танцовщицу. Если мне не изменяет зрение, она вполне определенно строила мне глазки.

Барнвельт проследил направление его взгляда. Там и впрямь сидела девушка, все еще закутанная в свой многометровый покров.

— Пора нам познакомиться поближе, — решил Тангалоа. — Закажи мне десерт, Ди… Сньол.

— Эй… — только и успел промямлить Барнвельт. Ему, конечно, пришлась не по вкусу очередная затея Тангалоа, но вместе с тем он прекрасно понимал, что остановить приятеля будет трудновато. Так что он остался сидеть на месте, с несчастным видом провожая взглядом пропадающую в полутьме широкую спину коллеги, который устремился к танцовщице с амурной прытью мартовского кота.

— *Ао!* А вот и певица! — воскликнул Гавао, тыча куда-то пальцем. — Это Пари бад-Хорай, известная по всему побережью Садабао имитациями своими. Вот, помню, был я раз на одном постоялом дворе в Хершиде сразу с певицей, танцовщицей и акробаткой, и с тем, дабы решить…

И Гавао погрузился в изложение очередной истории о своих сексуальных подвигах.

Юная кришнянка с синеватыми волосами, свидетельствующими о принадлежности к западным расам, приволокла за собой затейливо отделанный табурет, на который в конечном счете и уселась. Костюм ее представлял собой квадратный кусок тонкой пурпурной ткани, пропущенный подмышкой и сколотый на другом плече драгоценной застежкой. Принесла она также и некий музыкальный инструмент вроде земного игрушечного ксилофона, и небольшой молоточек.

Сидя на табурете с инструментом на коленях, она отпустила пару шуточек, отчего большинство присутствующих разразилось побулькиванием и кулдыканьем, которое сходило здесь за смех, хотя Барнвельт по причине диалекта и пулеметной быстроты ее речи так ничего и не понял. Вообще, он жил в постоянном страхе наткнуться где-нибудь на настоящего ньямца, которому

вздумается потолковать с ним на чертовски трудном ньямском наречии.

В этот-то самый момент Барнвельт и ухватил уголком глаза некое мимолетное движение. Когда он обернулся, рука его спутника уже покоилась на прежнем месте. Однако Барнвельт готов был поклясться, что Гавао успел торопливо провести рукой над его, Барнвельта, кружкой. Снотворное?

Мешочек с запасом всяких капсул и пилюль висел у Барнвельта на шее, но он не мог просунуть руку под тесную кришнянскую курточку, чтобы не привлечь внимания.

А девушка между тем принялась постукивать по своему инструменту, который отзывался чистыми, похожими на звон колокольчика звуками, и голосом, наполненным меланхолией и ностальгией, запела:

Сапытли ста руюлю поф
Инекрус тит оне…

Хотя мотив показался Барнвельту смутно знакомым, он, как ни силился, не мог разобрать слова. Что это еще за *сапытли* такое? Может, страдательный залог от *сапытлер* — «пить»?..

Тут он даже хрюкнул, поскольку его неожиданно осенило. Господи, стоило лететь за одиннадцать световых лет, чтобы послушать «Старую дружбу»[66] в кафешантанном исполнении! Да есть ли во всей вселенной место, где можно избежать земного влияния? Нет, в следующий раз надо посетить планету, где у всех жителей поголовно щупальца, а живут они в океане из серной кислоты!

Однако проблема с предположительным наличием снотворного в напитке по-прежнему оставалась нерешенной. Если он будет просто сидеть, не притрагиваясь к кружке, это наверняка возбудит подозрения…

Вдруг ему пришло в голову, что в предложенную игру могут с равным успехом играть и двое. Ухватив Гавао за рукав, он указал рукой в зал:

— А кто этот малый в маске? Одинокий Космический Скиталец?

Пока Гавао приглядывался, Барнвельт быстро поменял кружки местами.

— А, этот-то? — проговорил Гавао. — Того я не ведаю. Таков уж обычай у местной знати — появляться в местах общественных исключительно в масках. Так вот, говорю, когда проснулись мы…

Барнвельт сделал глоток напитка Гавао, который на вкус очень напоминал коктейль из виски с томатным соком. Гавао

тоже отпил. Певица тем временем затянула следующую песню:

Насеф эреди комсто итади нока
Наго лайвер жинесос на…[67]

Кто бы там ни написал этот бессмертный шедевр про одинокую сосну, в жизни бы его не узнал, подумал Барнвельт, приглядываясь к Гавао на предмет признаков действия своего напитка. Певица тем временем все в той же манере отбарабанила «Лорелей», «Кукараччу» и «Янки-дудль» и уже затянула:

Джингабельц, джингабельц, джингель оллави…

— когда кришнянин вытер губы рукавом и пробурчал:

— Сие питье, видать, расстроило мне второй желудок. Чувствую себя отвратно. Вот погоди, оправлюсь когда, обязательно разыщу ту унху шелудивую, коя за это ответственна, и в мелкие кусочки покрошу за обращенье такое с рыцарем посвященным…

К тому времени, как вновь появился Тангалоа, очень смахивающий физиономией на кота, только что полакомившегося канарейкой, голова Гавао уже бесчувственно покоилась на столе.

— Что это с нашим приятелем, уже натрескался? — изумился Тангалоа. — Я просто умираю от жаж…

Барнвельт поспешно накрыл ладонью кружку Тангалоа и тихо сказал:

— Осторожно — там снотворное. Нас посетил некто Мики Финн[68]. Мне удалось переставить кружки. Пошли-ка отсюда.

— Ты что, чокнулся? В самом разгаре потрясающее исследование особенностей инопланетной культуры, а он уходить намылился! Смотри, опять ансамбль выходит. Интересно, что они собираются сбацать?

— Извини, но мне что-то не по себе.

— А ты что, не танцуешь? Эх, будь здесь моя третья жена, я бы тебе показал…

Вошедшие гуськом четверо кришнян с инструментами принялись наяривать какой-то мрачноватый экзотический мотивчик, в котором Дирк Барнвельт через некоторое время признал шлягер «Мне не нужно одеяло», пользовавшийся бешеной популярностью на Земле года за три до их отлета.

Скорчив гримасу, он повернулся к Тангалоа.

— Ну вот, стоит мне только представить, что я в таверне «Русалка» в шекспировские времена, как они сразу заводят чего-нибудь в этом духе!

— Чрезвычайно беспомощный и узколобый подход, — отрезал Тангалоа. — Принимай вещи такими, какие они есть, —

как я.

— Это уж точно! — отозвался Барнвельт с заметной язвительностью в голосе.

Пара в масках поднялась и закачалась в медленном кришнянском танце, который состоял в основном из бесчисленных взаимных поклонов. Барнвельт только сейчас сумел как следует рассмотреть эту пару. Несмотря на маленький рост и совершенно бесполое одеяние — тунику из бледно-розовой марли, которая оставляла одно плечо открытым, — было заметно, что мужчина гибок и мускулист. Женщина была одета точно так же, с одним лишь отличием: на боку у нее висел короткий меч.

Барнвельт прошептал:

— Видишь, штаны у квирибских дамочек носить все же не принято, а вот мечи — другое дело. Где-то я этого крепыша уже видел. Вспомнить бы только где.

В зале появились и другие танцующие пары. Осирианин поднялся, рыгнул и на своих птичьих лапах вперевалку направился к арфисту.

— Слушай, — довольно бессвязно пробулькал он, — коли играете вы музыку земную, то позвольте показать вам и танец земной…

Через некоторое время рептилия под ручку с распорядителем появилась на середине зала. Выражение лица последнего ясно говорило, что он поступает подобным образом только с целью предотвратить более крупные неприятности. Осирианин принялся все быстрей и быстрей кружиться в стиле популярного земного танца, пока его хвост не хлопнул обладателя маски по филейным частям в тот самый момент, когда кришнянин отвешивал очередной поклон своей даме.

— *Хишкак багган!* — рявкнул тип в маске, теряя равновесие.

— Прошу прощенья… — начал было осирианин, но оскорбленный танцор уже выхватил из ножен своей партнерши меч и продребезжал:

— Сейчас ты получишь у меня прощенье, страшилище чешуйчатое! С великой радостью погляжу я, как безобразная башка твоя, отсеченная от остальной поганой туши, поскачет по полу, будто мячик!

С этими словами он скакнул вперед и как следует замахнулся тяжелым клинком.

Барнвельт схватил со стола пустую кружку. Это было добротное керамическое изделие, украшенное внутри барельефными изображениями то ли мужчин, побивающих женщин, то ли наоборот. Дирк занес ее над головой и швырнул.

Кружка вдребезги разбилась о затылок типа в маске.

Выставленная вперед нога у него подкосилась, и он рухнул на четвереньки. Осирианин шмыгнул за дверь.

В зале поднялся небывалый галдеж. Ангур, поднатужившись, поставил типа в маске на ноги и пытался его успокоить, а Барнвельт, который успел опуститься на свое место, сидел с совершенно невинным видом, хотя и готовый в любой момент ухватиться за рукоять своего меча. Тип в маске обвел глазами зал со словами:

— Ну и дела, матушка моя яйцекладущая! Некий негодяй осмелился крайне неучтиво стукнуть меня по башке со спины, и коли поймаю мерзавца, руки-ноги переломаю… Не приметили ли вы эту сволочь, мадам? — осведомился он у своей спутницы.

— О нет, ибо взор мой направлен был только на вас, мой владыка.

Глаза за прорезями маски остановились на Барнвельте.

— Что… — начал было ее обладатель, озираясь в поисках меча, который только что держал в руках.

Ангур с официантом, стоя по бокам от него, обнажили короткие дубинки.

— Нет уж, и не думайте скандалить во владеньях моих, господин хороший, иначе не погляжу я и на положение ваше! Уймитесь же, наконец!

— *Ча!* Пойдемте-ка отсюда, мадам, и поищем место, где подостойней встречают особ звания нашего. В конце концов, я — это я!

— Да это же наш старый знакомый, Визгаш бад-Мурани! — воскликнул Барнвельт. — Если ты помнишь, при нашей последней встрече он выразился точно таким же образом.

Поскольку Тангалоа наконец согласился уйти, приятели расплатились и направились к себе в номер, оставив все еще распластанного на столе Гавао спать сладким сном. Когда они открыли дверь номера, осирианин Сишен склонялся над клеткой с попугаем, а как только они вошли, осторожно снял тряпку, которой та была прикрыта. Фило открыл глаза, захлопал крыльями и испустил душераздирающее «Йир-р-рк!».

Осирианин, как укушенный, отскочил от клетки, развернулся и одним махом прыгнул прямо на Тангалоа, обхватив его птичьими ножищами за талию, а маленькими ручками — за шею. Из рептильей глотки вырвалась шипящая вариация гозаштандского: «Спасите!».

— Да отцепитесь же, черт побери! — глухо пробубнил Тангалоа откуда-то из-под чудовищных объятий существа, пошатываясь под непосильной ношей.

Сишен рухнул на пол, заливаясь осирианским эквивалентом слез.

— Я очень сожалею, — всхлипнул он, — но события вечера

нынешнего: нежданная вспышка света, ссора с джентльменом в маске, а теперь еще и вопль жуткий сего злобного чудища — порядком расшатали мои нервы. Это ведь вы спасли меня, когда тот забияка задумал погубить меня за тривиальную оплошность?

— Верно, — не стал отказываться Барнвельт. — Кстати, а почему вы не управились с ним одним только своим всемогущим взглядом?

Сишен беспомощно развел лапками:

— Тому были свои причины, а именно: нам дозволено и Землю посещать, и земные пределы космические, лишь давши строгую клятву отречься от применения таланта сего невеликого. А поскольку собственные наши пределы космические не далее простираются, чем до Эпсилона Эридана, обязаны мы, сами относясь к группе прокионической, средь цетических планет клятве сей следовать. Далее, не так уж силен я в искусстве увещевания, как способнейшие из собратьев моих, хотя ту же сеть мысленную и набросить могу, и снять не хуже прочих. И, наконец, не столь восприимчивы кришняне к влиянию нашему, как обитатели Земли, а посему попросту не успевал я подчинить задиру разбушевавшегося воле своей, когда собственная жизнь моя на тонком волоске висела. Так что вмешательство ваше весьма своевременным оказалось. А теперь, ежели вознаграждения какого желаете вы от Сишена, только скажите, и в меру невеликих возможностей моих будет оно вам дадено.

— Спасибо… будем иметь в виду. А что вас привело в Джазмуриан? Наверняка ведь не дама?

— Меня-то? О, я всего лишь обычный турист, что посещает места удаленные и диковинные ради удовлетворения стремлений своих к опыту новому и знанию. Застрял потому я здесь, что три дня назад гид мой, бедолага, выловлен был у причала с ножом в спине, а агентство туристическое так и не удосужилось прислать мне другого. А владею я языками иностранными столь скудно, что и не помышляю путешествовать без сопровождения. Впрочем, потеря сия имела и сторону положительную, ибо сумею я теперь посетить Маджбур, где, говорят, храм имеется отделки редкостной.

Осирианин зевнул, что оказалось довольно жутковатым зрелищем.

— Простите меня покорно, джентльмены, но весьма я утомился. Пора бы и отдохнуть нам сегодня.

Сишен раскатал коврик, который использовал вместо кровати, и растянулся на нем, словно греющаяся на солнце ящерица.

На следующее утро Барнвельт счел необходимым разбудить Тангалоа, величайшего соню всех времен и народов, проревев ему прямо в ухо:

> Встань! Бросил камень в чащу тьмы восток:
> В путь, караваны звезд! Мрак изнемог![69]

Когда они уходили, Сишен был все еще полностью поглощен наведением марафета на раскраску, заменявшую ему одежду, каковое занятие, очевидно, отнимало львиную долю его активного времени. Спустившись с лестницы, они наткнулись на Ангура, который оживленно спорил с какими-то мрачноватого вида молодцами с дубинами в руках.

— О мои добрые зеры! — взмолился Ангур. — Объясните же, наконец, сим болванам, что картины, кои оставил здесь утром старый фотограф, — ваши, а не мои, и разбирайтесь с ними сами, как нужным сочтете!

— А что, собственно говоря, стряслось? — поинтересовался Барнвельт.

Самый здоровенный из троих детин молвил:

— Знай же, о человек из Ньямадзю, что представляем мы комитет гильдии художников, и комитет оный решенье принял искоренить сие срамное изобретенье, покуда совсем оно куска хлеба нас не лишило. Ибо как соревноваться можем мы с тем, кто, ни ремеслом не владея, ни талантом, наводит лишь ящик свой дурацкий, и щелк! — портрет готов? Противно сие замыслам богов, чтоб люди мир окружающий живописали столь низменными средствами механистическими!

— Господи боже мой! — пробормотал Барнвельт. — Тут, видно, и впрямь всерьез обеспокоены техническим прогрессом!

Кришнянин продолжал:

— Ежели вы попросту откажетесь от картин старого мошенника, все будет хорошо. Пожелай вы заиметь портреты свои, гильдия наша с радостью великой изобразит обличья ваши что углем, что кистью за чисто символическую плату. Но сии тени иллюзорные — *ча!* Так что, отдадите, как люди разумные? Иль принять нам решительные меры?

Барнвельт с Тангалоа обменялись продолжительными взглядами. Последний по-английски проговорил:

— Вообще-то, какая нам разница…

— Ну уж нет! — взвился Барнвельт. — Пусть и не думают, что на нас можно наезжать безнаказанно! Готов?

Тангалоа вздохнул.

— Ты опять переел мяса. А ведь такой тихоня на Земле был!

Ох-хо-хо!

Барнвельт резко дернул за эфес. Скрученная проволока оборвалась, и меч вылетел из ножен. Барнвельт от души огрел плашмя спикера художественной гильдии по лбу. Кришнянин полетел на булыжники тротуара, выронив дубинку. Тангалоа в тот же самый момент выхватил из-за пояса палицу и налетел на уцелевшую парочку. Тех словно ветром сдуло. Упавший художник, шатаясь, поднялся на четвереньки и тоже дал тягу. Земляне преследовали их несколько шагов, после чего вернулись ко входу в гостиницу.

— Одна поганка за другой, — пожаловался Барнвельт, оглядываясь по сторонам, дабы удостовериться, что среди свидетелей скандала не оказалось представительницы квирибской полиции. — Ну что, посмотрим карточки?.. Елки-палки, если б я знал, что они такие паршивые, я бы их точно отдал этим детинам. Я тут похож на заплесневелую мумию!

— А этот опухший вурдалак — я? — жалобно простонал Тангалоа.

Без особой охоты они выдали Ангуру деньги для фотографа, скрутили обратно проволоку на своем оружии, собрали манатки и по главному бульвару Джазмуриана направились на вокзал.

На бульваре, рядом с депо, в ожидании пассажиров стояла огромная карета, запряженная шестеркой рогатых айев. Курьер, который ехал с ними от Маджбура, уже был здесь и беседовал с кучером, но зер Гавао не показывался.

— Простите, это дилижанс до Рулинди? — осведомился Барнвельт у кучера.

Получив ответ в виде энергичных кивков головы, они с Тангалоа вручили ему оставшиеся корешки комбинированных железнодорожно-дилижансных билетов, закинули свой мешок на крышу (задний сетчатый багажник был уже полон) и, подхватив птичью клетку, забрались внутрь.

Мест в салоне было около дюжины, и к моменту отправления карета заполнилась приблизительно наполовину. Большинство пассажиров путешествовало облаченными в незамысловатые квирибские наряды, отчего Барнвельту представилось, будто он очутился в турецкой бане.

Кучер дунул в рожок и щелкнул хлыстом. Карета двинулась с места, грохоча колесами по булыжникам и плюхая по лужам. Поскольку загрузка была далеко не полной, рессоры почти не прогибались, и пассажиров ощутимо потряхивало.

Барнвельт задумчиво проговорил:

— Знаешь, по-моему, и Гавао, и Визгаш — агенты сунгарской

банды, которым поручено заняться нами.

— Как это так? — удивился Тангалоа.

— Все сходится. План на вчерашний вечер был такой: Гавао нас усыпляет, а потом они с Визгашем под видом наших старых добрых друзей выволакивают нас в какой-нибудь безлюдный переулок и преспокойно перерезают глотки. А когда же я сам усыпил Гавао, Визгаш попросту растерялся. Ты видел, как он тогда на нас уставился?

— Вообще-то похоже на правду, Холмс. А что касается Сишена… — тут Тангалоа перешел на местный язык и обратился к курьеру: — Вы нам вроде как-то рассказывали, будто у этого таинственного Шиафази, который правит Сунгаром, чешуйчатые лапы с когтями?

— Именно так, любезные мои зеры!

— Господи! — выдохнул Барнвельт. — Ты что, и в самом деле считаешь, будто Сишен — это Шиафази, и мы спали с ним в одном номере? Да это почище купания с аввалом!

— Вовсе необязательно. Та свара выглядела вполне натурально. Но если предположить, что эта парочка — именно то, что ты говоришь, что тогда с ними делать?

— Господи, да понятия не имею: нельзя же убивать каждого встречного, который вызывает малейшие подозрения! Кстати, не очень похоже, чтоб настоящий глава Сунгара болтался тут инкогнито, точно калиф из «Тысячи и одной ночи».

— Со временем мы наверняка это узнаем.

— Угу, хотя лично мне эта работенка все меньше и меньше нравится. *Дракона поймать в вишневую сеть, тигрицу словить паутиной* — да, тут придется исхитриться.

Барнвельт предложил курьеру сигару, тот взял ее, но заметил:

— Курить в пределах сих запрещается, добрые зеры. Посему подожду я остановки, дабы на крышу вскарабкаться.

Барнвельт находил ароматы скопившихся в тесном пространстве кришнян довольно тягостными: прямо как на фабрике, где делают клей. Ему очень хотелось, чтобы Межпланетный Совет в один из своих регулярных приступов либерализма позволил познакомить эту планету с секретом выделки мыла. В конце концов, разрешили же здесь книгопечатание, что куда как более революционно.

Поэтому его очень обрадовала остановка в какой-то деревушке для высадки пассажиров и выгрузки пары мешков. Он вышел, закурил и вместе с Тангалоа и курьером залез на крышу. Вскоре карета вновь покатила дальше, следуя огибающей берега залива Бажжай железной дороге и пересекая речные устья и

заливчики. В Мишдахе, расположенном в основании Квирибского полуострова, дорога резко забрала влево, или к востоку, вдоль северного побережья полуострова, а железнодорожная колея ушла вправо, по направлению к Шафу.

Дорога теперь принялась взбираться на возвышенность с южной стороны залива, где в необъятную зелень неспокойных вод сбегали поросшие крошечными, согнутыми ветром деревцами скалистые косы. Раз подъем оказался таким крутым, что мужской половине пассажиров пришлось выйти и толкать карету. Дорога причудливо петляла по холмистому взморью, то карабкаясь вверх, то падая вниз, обходя каменистые вершины и выступы. Деревья здесь были крупней и более многочисленны, чем приходилось пока землянам встречать на Кришне, с глянцевыми стволами зеленоватого, коричневого и красного оттенка. Иногда пассажиры империала чуть не стукались головами о протянувшиеся над дорогой ветви. Карета раскачивалась, посвистывал ветер.

Так они и гремели по горной дороге некоторое время, пока внезапно их внимание не привлекли какие-то новые звуки. Из-за деревьев галопом вылетела дюжина вооруженных людей верхом на айях.

Прежде чем пассажиры успели хоть как-то отреагировать на их появление, два всадника во главе группы уже скакали по бокам кареты. Причем справа мчался не кто иной, как недавний попутчик землян, Гавао бад-Гарган, вопя во всю мочь:

— Стой! Стой, иначе поплатишься жизнью!

Тот, что скакал с другой стороны и Барнвельтом опознан не был, злодейского вида малый с отломанной антенной, державшийся на расстоянии вытянутой руки от борта кареты, вдруг запрыгнул с ногами на спину своего скакуна и с ножом в зубах полез на крышу — в лучших традициях капитана Черная Борода.

Барнвельт, который давно уже подремывал на ходу, прореагировал на грядущий визит довольно вяло. Он только начал соображать что к чему и суматошно потянулся за мечом, когда железный набалдашник палицы Тангалоа с треском опустился на череп незваного гостя. Секунду спустя послышался негромкий щелчок — кучер разрядил в Гавао маленький самострел в виде пистолета. Стрела миновала всадника, но поразила скакуна, который взревел от боли, взвился на дыбы, крутнулся на месте и кубарем покатился с дороги на прибрежные скалы внизу.

Кучер отложил свое оружие, неистово защелкал кнутом и завопил: *«Баянт-хао!»*

Шестеро зверей бешено рванулись в упряжи и понесли. Карета с громом летела все быстрее и быстрее. Подбитый стрелой скакун вожака поверг преследователей в некоторое замешательство. Всадники остановились у тела бандита, которому пробил череп Тангалоа, а один осадил так резко, что перелетел через голову своего айи. Потом их скрыл поворот дороги.

— Держись! — рявкнул кучер, когда они заложили поворот на одних только правых колесах. Снизу, из салона кареты, доносился перепуганный ропот остальных пассажиров.

Барнвельт, вцепившись в сиденье, оглянулся назад. В конце небольшого прямого отрезка дороги вновь показалась погоня, хотя и слишком далеко позади, чтобы разглядеть лица. По кузову кареты отчаянно барабанили камни, летящие из-под тридцати шести копыт. Еще один поворот, и они опять скрылись от взглядов преследователей.

— Далеко следующий город? — спросил Барнвельт у кучера.

— До Кьята почти двадцать ходдов, — последовал ответ. — Вот, заряди-ка мне арбалет!

Барнвельт, возясь с диковинным пистолетом, бросил Тангалоа:

— При таком раскладе они сцапают нас много раньше, чем мы доберемся до города!

— Это уж как бог свят! Что делать будем?

Барнвельт оглядел высоченные деревья по бокам.

— Спрячемся в лесу. Хватайся за первый же сук, какой будет пониже, и моли бога, чтоб они нас не заметили и пролетели понизу!

Он повернулся к кучеру:

— Они охотятся только за нами, и, если ты сбавишь ход, когда будет сказано, мы тебя избавим от своего опасного присутствия. Только не говори им, где мы слезли, понял?

Кучер согласно буркнул. Преследователи, которые успели заметно приблизиться, еще на несколько секунд показались в поле зрения. В воздухе засвистели стрелы. Одна из них с глухим чавканьем угодила в цель. «Я ранен!» — крикнул курьер и повалился с кареты на дорогу. Потом всадники скрылись вновь.

— Этот слишком высоко, — сказал Тангалоа, провожая глазами сук.

Карета все подскакивала и раскачивалась, влекомая бешено несущейся упряжкой. Кучер неустанно улюлюкал и хлопал кнутом.

— А этот слишком тонкий, — указал Барнвельт.

Тут он вспомнил про вещи. Схватив мешок со снаряжением,

он как можно дальше забросил его с крыши кареты в густой кустарник, который надежно его упрятал.

— А как же попугай? — крикнул Тангалоа.

— Он внизу, да и все равно он нас выдаст своими воплями. Давай, вон тот вроде сойдет. Кучер, потише!

Кучер потянул тормозную рукоять, и карета замедлила ход. Барнвельт с ногами забрался на сиденье и встал, довольно рискованно раскачиваясь в такт подергиваниям кареты. Сук все приближался и приближался.

— Пошел! — крикнул Барнвельт, отталкиваясь ногами от сиденья и взлетая в воздух. Сук упруго хлестнул его по рукам.

Натужно кряхтя, он перевалился через него и встал, уцепившись за соседнюю ветку, чтобы удержать равновесие. У Тангалоа это получилось еще менее изящно. Относительно ровный до того, как они на нем повисли, сук заметно прогнулся под их весом, и, чтобы добраться до ствола, им пришлось влезать вверх под довольно приличным углом.

— Скорей, черт возьми! — взорвался Барнвельт, поскольку его спутник непростительно неуклюже перебирал ногами по гладкой лоснящейся коре. В любую секунду из-за поворота могла вылететь погоня, и было бы совсем ни к чему болтаться на суку прямо перед глазами у неприятеля.

Наконец они пролезли к стволу и скользнули за него — в тот самый момент, когда барабанная дробь копыт и клацанье доспехов объявило о появлении банды Гавао. Они пронеслись мимо буквально на расстоянии плевка, причем Гавао опять скакал впереди. Барнвельт с Тангалоа затаили дыхание, пока кришняне не скрылись из виду.

Тангалоа, физиономия которого, несмотря на смуглый оттенок, была на сей раз значительно бледнее обычного, вытер лоб рукавом.

— Сам не понимаю, как я ухитрился выполнить подобный трюк при своем возрасте и весе. А дальше что? Когда эта кодла перехватит карету и выяснит, что нас на борту нет, то в пять секунд обратно прискачет!

— Углубимся в лес и попытаемся улизнуть от них пешим ходом.

— Сначала нужно подобрать этот чертов мешок… Господи милосердный, вот они уже и возвращаются!

В отдалении действительно послышался приближающийся грохот копыт.

— Да нет, — сказал Барнвельт, приглядевшись. — Это карета! Какого дьявола они развернулись?

— Это встречная, — охладил его пыл Тангалоа. — Ну, что

скажешь: может, тормознем ее и вернемся в Джазмуриан?

— Годится!

Барнвельт поспешно слез с дерева и выбежал на дорогу прямо перед каретой.

Заскрежетали тормоза, и экипаж замедлил ход. Земляне на бегу ухватились за поручни и влезли.

— Осади-ка на минутку! — крикнул Барнвельт кучеру.

Выскочив на дорогу, он отбежал в сторону, подхватил мешок и догнал карету. Когда мешок оказался в заднем багажнике, он вновь ухватился за ручку.

— Все на борту, — объявил он, влезая на крышу и переводя дух. — Сколько платить до Джазмуриана? Получив деньги, кучер произнес:

— Клянусь левым ухом Тайязана, чуть из штанов я со страху не выпрыгнул, когда выскочили вы на дорогу! Уж не из-за вас ли такая суматоха вон там, позади?

— Какая еще суматоха? — невинно поинтересовался Тангалоа.

— Ожидал я на разъезде дилижанс восточный, дабы пропустить его, когда появился он раньше времени, причем так гнал, будто сам Дупулан преследовал его! И только собрался я выехать на магистраль королевскую, как вдруг всадники вооруженные проскакали неистово вслед за каретой. Настороженный видом их, стараюсь править я с тех пор сколь можно быстрее. Не знаете ли вы чего про них?

Бросая нервозные взгляды назад, они заверили его, что и слыхом ничего не слыхивали.

Слушай, Дирк, а все-таки: как нам попасть в Рулинди, если по маршруту болтаются эти деятели?

Барнвельт спросил у кучера:

— А между Джазмурианом и Рулинди есть какое-нибудь морское сообщение?

— Конечно! То же вино фалатское, к примеру, возят во все порты Садабао.

Таким образом, вечер застал их уже на выходе из залива Бажжай, на борту валкого парусника «Гийям», настолько перегруженного кувшинами с вином, что его надводный борт можно было измерить разве что в сантиметрах. Шкипер только посмеялся над их вполне оправданными опасениями, когда первая же шальная волна бурным потоком пронеслась по палубе.

— Ну уж нет, — заявил шкипер, — до сезона ураганов еще несколько десятиночий будет!

Решив хоть чем-нибудь заняться, Барнвельт вытащил из

мешка купленный в Новуресифи навигационный справочник и попытался самостоятельно вычислить их местонахождение и курс. В его распоряжении находились весьма скудные данные: показания судового компаса (картушка которого вертелась туда-сюда безо всякой видимой связи с направлением), время, определенное по солнечным карманным часам, и высота Рокира, вычисленная при помощи импровизированной астролябии. Неудивительно, что при стольких источниках погрешностей судно, по его расчетам, должно было находиться на реке Зигрос в сотнях ходдов от устья, где-то между Джешангом и Кубьябом.

— Чтенье — багаж бесполезный для истинного моряка, — заметил шкипер, насмешливо наблюдая за мучениями Барнвельта. — Я вот всякому чистописанью не обучен, а посмотри на меня! Ну уж нет, куда лучше проводить время, на волны глядя, да на облака, да на тварей летучих, мудростию всего этого проникаясь… иль в изучении склонностей божеств всяких местных, дабы каждого умилостивить на территории его собственной. Так, в Квирибе я правоверный последователь их Матери-Богини, в Маджбуре почитаю старого весельчака Дашмока, а в портах гозаштандских склоняюсь к культам астрологическим. Простирайся моря наши до студеной Ньямадзю, без сомненья, выучился бы и квадратам да треугольникам поклоняться, как кангадиты мрачные поступают.

Очень хорошо, подумал Барнвельт, что они с Тангалоа не пожалели времени и все же придумали, каким именно образом проникнуть в Сунгар. Поразмыслив и так и этак, в конце концов они решили соединить вместе все то, что тем или иным образом подсказали им друзья и знакомые на Кришне. Другими словами, они решили, что кому-то из них или обоим сразу надо попытать счастья под личиной курьера компании «Межроу Гурардена».

Ветер держался свежий и попутный, и на третий день утром «Гийям» уже входил в гавань Рулинди. Когда над искрящимся морем поднялось солнце, Барнвельт замер в молчаливом восхищении.

Перед ними раскинулся порт — не собственно Рулинди, а самостоятельный от него городок Дамованг. К юго-западу от Дамованга вздымалась высокая гора Сабуши. В стародавние времена, еще до того, как матриархат возвысил над остальными культ богини плодородия и устранил прочих конкурентов, каменотесы превратили гору в громадное приземистое изваяние бога войны Кондиора (квирибцами именуемого Кунджаром), который словно сидел на глубоко ушедшем в землю, приблизительно до икр бога, троне. Время не пощадило работу скульпторов, особенно голову, но все равно было заметно, что

весь город Рулинди с характерным лесом высоких остроконечных шпилей возлежит на коленях гигантской каменной фигуры.

И, наконец, вдалеке, за горой Сабуши, да фоне неба вырисовывалась ломаная цепь горного хребта Зора — район, откуда матриархальное королевство и черпало те нескончаемые природные богатства, что позволили ему обрести могущество, никак не соответствующее относительно небольшим размерам страны.

А еще через час они уже взбирались с толпой квирибцев наверх по крутому склону, представляющему собой подол одеяния Кондиора и ведущему прямиком к столице. В манере местных жителей одеваться ясно прослеживался принцип: коли у тебя есть с собой кусок ткани, считай, что ты одет с ног до головы, пусть ты и едва прикрылся им, накинув на плечо. Барнвельт обратил внимание, что если женщины в большинстве своем были одеты с аскетической простотой, то мужчины увлекались вычурными орнаментами и косметикой.

— Теперь, — объявил Барнвельт, — нужен только какой-нибудь презент для королевы взамен пропавшего попугая.

— А ты не думаешь, что дилижансная компания могла его сохранить? Сомневаюсь, правда, что у них есть бюро находок.

Они заглянули в контору компании и навели справки. Нет, никто не слышал о клетке, содержащей невиданное чудище. Да, карета, остановленная разбойниками на перегоне между Мишдахом и Кьятом, в город прибывала, но кучер на данный момент в рейсе. Если они оставили подобную клетку в дилижансе, кучер наверняка продал ее в Рулинди. Почему бы джентльменам не прогуляться по зоомагазинам?

Таковых в городе оказалось три, все в одном квартале. Еще не дойдя до первого, земляне уже знали, где их ждет добыча, — по истошным воплям и ругательствам, которые неслись из магазина, приютившего Фило.

Внутри царил невероятный шум и гам. В соседней с Фило клетке, издавая звуки, похожие на стук молотка по наковальне, шуршал кожаными крыльями бижар, а в другой поквакивал сидящий на яйцах двухголовый райиф. Огромный сторожевой эшун встал на сетчатую перегородку передними из своих шести лап и глухо ворчал. Воняло — хоть топор вешай.

— Вон тот? — воскликнул владелец магазина, когда Барнвельт сообщил, что интересуется попугаем. — Платите полкарда и забирайте его с нашим удовольствием! Я готов был уже утопить сего зверя. Укусил он лучшего из покупателей моих, что задумал приобрести его, покуда не познакомился с нравом его сварливым. А кроме того, непристойности выкрикивает

разного толка.

Птицу они выкупили, но Барнвельту захотелось задержаться и посмотреть других животных.

— Джордж, — канючил он, — можно я куплю вон ту чешуйчатую фиговинку? Тоскливо без какой-нибудь ручной зверюшки.

— Нет! Зверюшка, которая тебе нужна, ходит на двух ногах. Пошли, — и страновед выволок Барнвельта на улицу. — Это в тебе, должно быть, деревенское прошлое играет. Сам не свой до всяких зверей!

Барнвельт помотал головой:

— Просто мне их гораздо проще понять, чем людей.

Когда Рокир наконец низко завис над горизонтом, а народ Рулинди оставил свои дела ради чашечки шураба и куска пирога с фунгусом, Дирк Барнвельт и Джордж Тангалоа, измотанные, но не потерявшие бдительности, вступили во дворец. Барнвельту не без труда удалось подавить страх от перспективы встретить такую массу незнакомых людей одновременно. Миновав двух стражниц в позолоченных юбочках, медных шлемах, наколенниках и бюстгальтерах, они прошли еще множество всяких проверок и досмотров, прежде чем были препровождены под светлы очи Альванди, доурии Квирибской.

Вернее, оказались они пред светлыми очами не одной, а сразу двух дам: одной уже в летах, с квадратной челюстью, приземистой и коренастой, и другой, молоденькой, и не то чтобы красивой в полном смысле этого слова, а, скорее, очень миловидной, насколько это было возможно при столь резких и решительных чертах лица. На обеих были простые свободные одеяния вроде тех, что греческие скульпторы обычно приписывали амазонкам. Незамысловатость нарядов заметно контрастировала со сверканием тиар, что красовались у них на головах.

Земляне, которые предварительно ознакомились с тонкостями квирибского дипломатического протокола, преклонили колена, пока распорядитель их представлял.

— *Тот самый* Сньол из Плешча? — молвила женщина постарше, очевидно, королева. — Какая приятная неожиданность, ибо агенты мои донесли, что давно уж нету тебя в живых! Подымайтесь!

Как только они поднялись, Тангалоа разразился заранее отрепетированным приветственным спичем, предъявив под конец какаду. Когда он закончил, распорядитель забрал у него клетку и ретировался.

— Благодарим вас за столь щедрый и необычный дар. Иметь

в виду будем предостереженье ваше о наклонностях сего созданья — как, говорил ты, именуется оно на планете своей исконной? *Птытса?* А теперь, зеры, о замыслах ваших. Дело иметь вам тут следует не со мною, но с дочкой моей, принцессой Зеей, кою зрите вы сидящею слева от меня. И десятиночья не пройдет, как начнется ежегодный фестиваль наш, кашьо именуемый, после коего отрекусь я от престола в пользу дитяти моей смиренной. Так что следует испытать ей самолично, что за ноша непосильная лежит на плечах моих, прежде чем ответственностью законной облечена будет. Говорите же!

Барнвельт с Тангалоа заранее условились, что первым будет говорить страновед, а вторую речь произнесет Дирк. Но при виде женщин Барнвельт внезапно почувствовал, что проглотил язык. Летели секунды, а он не мог и слова вымолвить.

И причина заключалась вовсе не в том, что Зея оказалась довольно высокой, хорошо сложенной девушкой, смугловатой, с огромными карими глазами, прелестным ртом и носиком с необычной для кришнян горбинкой. Она вполне могла сойти с росписи на древнегреческой вазе, если не обращать внимания на антенны, темно-зеленые волосы и уши сказочного гнома.

Да что там, Барнвельту и раньше приходилось общаться с девушками. Он и свидания им назначал, хотя мать всегда прилагала все старания к тому, чтобы такие отношения не заходили слишком далеко. Истинной причиной внезапно поразившей его немоты была сама королева Альванди, которая и видом своим, и речью чертовски напоминала его собственную маманю, только в куда как более крупном, крикливом и устрашающем масштабе.

Стоя дурак дураком с разинутым ртом и ощущая, как по его и без того румяным щекам расплывается краска, он услышал наконец, как томительную тишину нарушил вкрадчивый голосок Тангалоа. Молодчина, Джордж! За спасение в столь отчаянный момент Барнвельт готов был простить ему почти все.

— Ваша Грозность, — начал Тангалоа, — мы лишь странствующие искатели приключений и молим смиренно только о двух одолженьях: во-первых, разрешить высказать вам уважение наше, что вы уже благосклонно дозволили учинить нам, а во-вторых, основать в Рулинди товарищество с целью отправиться на поиски камней гвама в просторах моря Ваандао.

Девушка бросила вопросительный взгляд на мамашу, лицо которой по-прежнему оставалось каменным. Наконец Зея ответила:

— Горбоваст уж поведал нам в письме о намеренье вашем на гвамов поохотиться, — при этих словах она коснулась листа

бумаги на столе. — Но не убеждена я, однако, что поиски камней гвамовых получат Матери-Богини одобренье, поскольку, ежели верованья народные и впрямь правдою являются, дают оные камни мужчинам преимущества, что вразрез идет с принципами государства нашего…

Поскольку тут она запнулась, королева Альванди напомнила ей театральным шепотом:

— Скажи им, мол, требованье закона таково, чтоб заплатили они налоги и гадостью своей торговали подальше отсюда!

— Ладно… Гм… Однако, — продолжала Зея, — дозволено сие вам будет на двух условиях: во-первых, что не станете вы продавать означенные камни в пределах Квириба, а во-вторых, что уплатите вы с доходов предприятия вашего, представленью ревизорам нашим подлежащих, десятую долю в государственную казну квирибскую и еще десятую в пользу Матери Божественной.

— Мы согласны, — сказал Барнвельт, у которого наконец-то прорезался голос. Было довольно несложно обещать поделиться доходами от торговли камнями гвама, когда им с Тангалоа прекрасно известно, что не предвидится никаких доходов вообще.

— Пущай аванс внесут! — прошипела Альванди. — Не то как же мы получим денежки, коли их уже не достанем вместе с ихними камнями?

— Э-э… Необходимо небольшой аванс внести, — объявила Зея, — э-э… скажем, в тысячу кардов. Подходят ли вам сии условия? Все, что превысит сумму налога, возвращено вам будет.

— Нам сии условия подходят, — ответил Барнвельт после нескольких торопливых мысленных калькуляций.

— Надо было пять тыщ с них содрать! — проворчала Альванди. — Этот Сньол из Плешча завсегда пользовался репутацией…

В этот самый момент к ним довольно бесцеремонно ворвался некий круглолицый молодой кришнянин, который с порога во весь голос принялся причитать:

— Носитель дурных новостей я, о прекрасная Зея, ибо префект с дамою своей, некою хворью сраженные, не смогут к нам вечером прийти… Ой, прощу прощенья! Ужель прервал я аудиенцию неотложную и значительную?

— Достаточно значительную, — пробурчала Альванди, — чтоб задать за невоспитанное вторженье твое больше перцу тебе, чем принято по обыкновенью. В обществе нашем находятся два головореза благородных из дальних краев у нижнего полюса, где народ носит имена, кои никто иной выговорить не может, и где баня за ужасный языческий обряд почитается. Вон тот молодчик, что слева, прозывается Сньол из Плешча, а этот пузан необъятный

справа откликаться изволит на варварское прозвище Таджди из Вьютра. А сей балбес юный, вторженье коего ход красноречья вашего прервало, — Заккомир бад-Гуршмани, сего трона хранитель и дочки моей знакомый.

— Генерал Сньол! — возопил Заккомир, на накрашенной физиономии которого возникло выражение неподдельного восторга. — Зер, позволите ли вы мне пожать ваш большой палец в знак величайшего к вам уважения? Давно уж слежу я за деяньями вашими с восхищеньем. Как вы тогда, с единственным крылом войска своего, на ногах коего были те доски, что служат у вас для скольженья по снегу, — по-моему, лыжами они именуются, — опрокинули и в бегство обратили жалкий сброд этого Ольнеги… Но думал узреть я вас куда как более в летах.

— В нашем роду долго живут, — грубовато ответил Барнвельт, желая в этот момент знать несколько больше о человеке, которого волей судеб был вынужден замещать. Хотя накрашенный юнец и не произвел на него особо благоприятного впечатления, восхищение того просто не имело границ.

Заккомир обратился к Зее:

— Принцесса, было бы недостойно со стороны нашей отнестись к особе столь знатной как к простому бродяге, потому лишь только, что лживый культ кангадитов изгнал его из державы, коей служил он столь славно, и стал он странником, скитающимся по планете. И раз уж префект с дамою своей занедужили, давай вместо них на вечер сих господ пригласим. Что скажешь ты?

— Замысел сей стоит обдумать, — согласилась Зея. — И как раз число игроков должное будет у нас для *шанайкишахи*.

— Очередной каприз! — не особо понижая голос, заявила Альванди. — Сразу эдакое-то приглашенье, когда даже благопристойность гостей будущих ничем не подтверждается! Да уж ладно, пускай, поелику пригласивши, не можем отвести мы приглашенье оное в одночасье, приглашенного не обидевши. Глядишь, и более приличными людьми они окажутся, нежели местные, где все поголовно либо чудаки шумные, либо дурни скучные, а то и те, и другие сразу.

Барнвельт предполагал, что подготовка к экспедиции отнимет, как минимум, неделю, но все основные вопросы удалось решить уже к концу долгого кришнянского дня. На продажу была выставлена добрая дюжина всяких судов и суденышек: чисто парусный рыболовный бот, мореходный, но чрезвычайно неуклюжий; военная галера, которая требовала куда большего экипажа, чем земляне собирались нанять; пара изъеденных

червями галош, годных разве что на дрова…

— Выбирай, приятель! — сказал Тангалоа, пуская кольца дыма. — Ты ведь у нас специалист по военно-морским вопросам.

В конце концов Барнвельт остановился на совсем крошечном суденышке с единственной мачтой, вооруженном латинским парусом, четырнадцатью веслами на одного гребца и явным запахом запустения. Однако под слоем грязи он сумел разглядеть благородные обводы и удостоверился, что дерево нигде не тронуто гнилью.

Он пристально поглядел на торговца.

— Это судно, случайно, не для контрабанды строилось?

— Верно сие, владыка Сньол. Откуда прознали вы? Люди королевы отобрали его у шайки мошенников и продали с аукциона. Купил я его в надежде получить хоть небольшой, но честный навар. Но вот уж три оборота Каррима валяется оно тут у меня на мели, ибо торговцы да рыбаки законопослушные находят его для целей своих недостаточно вместительным, в то время как для военных не отличается оно быстроходностью должной. И посему продаю я его совсем дешево… сущий подарок.

— Как оно называется?

— «Шамбор» — имя, удачу приносящее.

Однако цена, заломленная торговцем, по мнению Барнвельта, не имела ровно никакого отношения к «подарку», о котором шла речь. Основательно поторговавшись и в меру сил сбив первоначальную цену, Барнвельт купил суденышко и тут же отдал распоряжения относительно кренования, чистки, покраски и замены всех вызывающих сомнения снастей. Потом они с Тангалоа направились на биржу труда и при посредстве глашатая объявили, что им требуются моряки исключительной храбрости и преданности, поскольку, как пояснял тот наиболее непонятливым, предстоящая экспедиция связана с необыкновенными опасностями и лишениями.

После этого они заглянули в магазин подержанной одежды, где приобрели голубую униформу курьера «Межроу Гурардена». И, поскольку униформа эта — единственная на весь магазин — прекрасно подошла Барнвельту, а на Тангалоа даже не налезла, было решено, что наденет ее для вторжения в Сунгар именно Барнвельт.

Управившись с обедом, они вернулись в свой номер и оделись понарядней, после чего двинулись к дворцу, который, как и большая часть Рулинди, освещался горелками с природным газом. Их проводили в покои, где уже сидели королева Альванди, принцесса Зея, Заккомир бад-Гуршмани и пузатый, с затуманенным взором кришнянин средних лет, мрачно

раскладывающий доску для какой-то игры.

— Супруг мой Кай, собственной своей ненаглядной персоной, — пояснила Альванди, представляя землян под их ньямскими псевдонимами.

— Это великая честь, — воспитанно сказал Барнвельт.

— Избавьте меня от сих пустых славословий! — поморщился доур. — Когда-то и я, вам подобно, вес кой-какой имел в битвах да забавах, но чего теперь о сем говорить?

— Р-р-рк! — послышался знакомый голос, и принадлежал он, конечно, сидящему в клетке Фило. Какаду позволил Барнвельту почесать себя между перьями, даже не попытавшись его цапнуть.

— Изволите ли играть вы в шанайкизахи? — продолжал король.

Барнвельт, несколько обалдев оттого, что Зея поднялась и уступила ему место, уставился на доску. Та выглядела в чем-то знакомо: в форме шестиугольника, разбитого перекрещивающимися линиями на множество треугольных полей.

— Отец! — произнесла Зея с чувством, прикуривая сигару от газового рожка. — Сколько следует твердить вам, что произносится сие «шанайкишахи»!

— Правильное название сей игры, — возразила королева Альванди, — «шанайкишаки».

— Не говорите глупостей, матушка! — вскричала Зея. — Заккомир, правда ведь «шанайкишахи»?

— Что бы ни молвила ты, все это сущая правда, о наиблестящее из сокровищ Зоры!

— Подлиза! — заявила королева. — Да последнему дурню известно…

Король Кай фыркнул.

— Коли уж какое-то жалкое десятиночье ждать мне осталось, так называть я сие буду, как мне вздумается, клянусь Кунджаром!

— Раз так, значит, уж наверняка врешь, — холодно заметила королева Альванди. — И не по вкусу мне поминанье твое кровожадного божка, коего прародительницы мои праведным указом своим изгнали из сих краев навсегда! Лично я всегда говорю «шанайкишаки». А ты что скажешь, о человек из Ньямадзю?

Барнвельт поперхнулся. Чувствуя себя укротителем, которого попросили войти в клетку и разнять двух подравшихся львов, он наконец промямлил:

— Ну… гм… В моих краях сия игра известна как «шанхайские шашки».

— Во-во, как я и говорила! — обрадовалась королева. — Не считая, конечно, варварского твоего заморского акцента. В

общем, кто желает со мной играть, для того это будет «шанайкишаки», и точка. Выбирай, и красные ходят первыми.

Она протянула кулак с фишками всех шести цветов. Красную вытащил король Кай. Печально поглядев на нее, он произнес:

— Если б на прошлом кашьо повезло бы мне так при жеребьевке, не ждал бы меня теперь столь жалкий и бесславный конец…

— Хватит каркать, акебат старый! — взвилась королева. — Изо всех консортов моих самый ты бесполезный, что в постели, что вне ее! Можно подумать, что не было у тебя в году прошедшем всей роскоши и шику, что земля наша произвести может. Давай играй! Задерживаешь!

До Барнвельта дошло, что Кай и являлся одним из тех требуемых курьезным обычаем ежегодных супругов, закат карьеры и самой жизни которого неумолимо приближался под видом фестиваля кашьо. При подобных обстоятельствах вряд ли стоило винить Кая за состояние некоторой прострации, с которым он смотрел на вещи.

— Заккомир, — возмутилась принцесса Зея, — ну кто же так ходит? Что же ты лесенку должную не выстраиваешь?

— Смотри за собственными фишками и не суй нос свой длинный в мои, милочка! — отрезал Заккомир.

— Нахал! — вскричала Зея. — Зер Сньол, ужель и ты назвал бы нос мой длинным?

— По правде говоря, я определил бы его скорее как «аристократический», вместо обыденного «длинный», — сказал Барнвельт, который давно уже украдкой присматривался к рельефным чертам лица принцессы, и потрогал свой собственный, отнюдь не отличавшийся миниатюрностью хобот.

— Как, — поразилась она, — ужель в Ньямадзю далекой нос птичий знаком высокого рожденья является? У нас так все наоборот: чем курносей, тем благородней, а посему вечно знакомые мои забаву находят в облике моем низкородном. Должно быть, следовало бы мне в ваши края студеные переехать, где волшебством обычаев общественных уродство мое разом в красоту бы превратилось.

— Уродство?! — вскричал Барнвельт и принялся было лихорадочно выдумывать какой-нибудь велеречивый комплимент, когда неожиданно встрял Заккомир:

— Поменьше кокетства дамского, мадам, и побольше к игре вниманья! Как Курди великий заметил однажды, помыслов да деяний красота переживает красоту плоти, будь последняя и не слишком соблазнительною.

— Не по вкусу и мне рассужденья столь легковесные об

обычаях незыблемых, — пробурчала королева Альванди. — Сие воображаемое пред зеркалом кривлянье к лицу лишь хвастливым да глупым мужчинам, но никак не тем, кто к сильному полу себя причисляет!

Когда затюканная таким образом Зея вернулась к игре, Заккомир повернулся к Барнвельту:

— Генерал Сньол… Генера-ал!

Барнвельт, который, глядя на Зею, впал в некоторый транс, очнулся и вздрогнул.

— А? Пардон?

— Поведайте мне, зер, как подвигаются приготовленья ваши к охоте на гвамов.

— Да почти все готово. Осталась сущая ерунда: оплатить по счетам, набрать экипаж и закончить ремонт судна.

— До чего же хотелось бы мне разделить с вами сей жребий! — мечтательно проговорил Заккомир. — Давно уж грезил я приключеньями…

— Дудки! — рявкнула королева. — Слишком опасно сие для личности пола твоего, и, как опекунша твоя, запрещаю я это строго! Да и не к лицу персоне, к трону приближенной, примыкать к авантюре столь сомнительной. Кай, гнусный ты мошенник, сейчас мой ход! Эх, устроить бы фестиваль чуток пораньше, чем диктуется стеченьями астрологическими!

Барнвельта даже в чем-то обрадовало подобное вмешательство королевы. Заккомир со своими напомаженными губками, может, парень и неплохой, но совсем не к чему было вмешивать в это дело посторонних, особенно если учесть, что цели экспедиции несколько отличались от официально заявленных.

— И верно, — согласился Заккомир, — опасности моря Ваандао не одолеешь с настроем фривольным. Сумей мы убедить вас обоих отказаться от предприятья своего опрометчивого, сыскалось бы вам получше занятие на службе нашей армейской, коя ныне разболталась настолько, что без крепких рук вроде ваших не навести в ней порядка.

— А что случилось? — заинтересовался Тангалоа.

Королева ответила:

— Глупые мои девицы-воительницы твердят, будто мужчины не желают жениться на них по причинам всевозможным, тупоголовые. Подразделенья различные в сварах погрязли, командирши ревности ради субординацию позабыли — эх, долгая это и скорбная история. Короче, приходится мне теперь принципы свои бросить на ветер слабости человеческой и генерала нанимать мужеского полу, дабы повыбил дурь из отдельных голов

пустозвонных. А поелику должность сия нашим мужчинам законом возбраняется, должна искать я командира такого в землях заморских, хоть решенье оное и с гордостью моею вразрез идет. Поняли ль вы намек мой?

Король Кай, которому в этом доме редко удавалось ввернуть словечко, неожиданно вклинился в разговор с вопросом:

— Скоро ль отправление ваше, зеры?

— Не так уж и скоро, чтоб толк тебе был! — рявкнула Альванди. — Я-то вижу, откуда ветер дует, друзья мои! Задумал он соблазнить вас отплыть пораньше да его тайком прихватить под видом мешка с клубнями табида. Хочет он пробудить гнев праведный Матери-Богини, избежавши уплаты цены заслуженной за годовое правленье свое. Знайте же, зеры: лучше вам следить за каждым шагом своим достойным, ибо не далее как сегодня три смертных приговора подписала я жалким мужчинам, кои возжелали тайком удрать из государства нашего — без сомненья, для того чтоб присоединиться к разбойникам сунгарским. Что же до сего идиота моего презренного…

Довольно, шлюха! — заорал Кай, вставая с места. — Если и осталось мне совсем немного, избавь меня, по крайней мере, от тявканья своего поганого! Пускай за меня астролог доиграет.

И он быстро вышел из комнаты.

— Старый маразматик! — взвизгнула ему в спину королева, после чего поманила лакея и велела сходить за придворным астрологом. Зее она сказала:

— Выбирай супругов помоложе, дочка. От старой рухляди вроде нынешнего родственничка нашего ни при жизни ихней удовольствия не получишь, ни когда помрут: жесткие, как подошва.

— Вы хотите сказать, что *едите* их? — обмер Барнвельт.

— А то! Сие традиционная часть фестиваля. Ежели не уедете к тому времени, прослежу я, чтоб достался вам кусочек посочней.

Барнвельт содрогнулся. Тангалоа, который воспринял это сообщение довольно спокойно, пробормотал что-то насчет похожих обычаев у ацтеков.

С момента ухода Кая пухлые губки Зеи были плотно сжаты. Наконец она взорвалась:

— Больше в жизни не приглашу я друзей своих на сборища наши семейные! Сии путешественники должны держать нас за варваров…

— А кто ты такая, чтоб старшим перечить? — взревела королева. — Зеры, и десятиночья не прошло, как она, что тихоню такую из себя строит, была в той шайке лоботрясов юных, кои, подстрекаемые шутом сим гороховым, братцем ее приемным, —

она ткнула пальцем в Заккомира, — разоблачились догола и в чем из яйца вылупились взгромоздились на фонтан центральный в парке дворцовом, скульптурную группу Панжаки из себя изображая. А как раз в ту пору прогуливалась я по парку с господином одним из Балхиба и дамою его, отпрысками рода весьма старинного. Ужель, изумились они, зрим мы новую работу скульптора великого, кою никогда еще лицезреть не сподобились? И, покуда стояла я, язык проглотивши, и гадала, уж не шуточку ли какую любимцы со мной разыгрывают, статуи оные внезапно к жизни пробудились и на нас накинулись, мокрые, грязные, с шуточками да прибауточками непристойными…

— Уймитесь! — завопил Заккомир, неожиданно обнаруживая свое присутствие. — Ежели вы, женщины, не прекратите вечное занудство свое, удалюсь я туда же, куда Кай, бедолага! Поступок наш не причинил никому вреда. Господин ваш из Балхиба вместе с прочими хохотал, когда от испуга первоначального оправился! Давайте побеседуем лучше о более приятных вещах. Генерал Сньол, как удалось избегнуть вам застенков кангадитских, кои грозили вам по обвиненью в ереси?

Барнвельт тупо посмотрел на любопытного юнца. Настоящий Сньол из Плешча, должно быть, это какой-то ньямский военачальник, у которого возникли нелады с официальной религией этого государства. Немного поразмыслив, он ответил:

— Сожалею, но не могу этого поведать, не подвергая опасности тех, кто мне помогал.

В этот самый момент вошел придворный астролог. Барнвельт облегченно вздохнул, радуясь, что обсуждение очередной скользкой темы опять прервали. Астролог, дряхлый чудаковатый старикашка, отрекомендовавшийся как Квансель, с порога заявил:

— Дозвольте показать вам гороскоп, что составил я на вас, генерал Сньол! Давно уж слежу я за вашей карьерой, и пока все идет, как светилами небесными предначертано, включая появленье ваше нынешнее в столице квирибской и при дворе.

— Очень интересно, — промямлил Барнвельт. Если б только, подумалось ему, мог он разъяснить этому малому, как жестоко тот ошибается!

Астролог между тем продолжал:

— А в дополненье к сему, зер, счел бы я за честь великую, если б дозволили вы мне и зубы ваши осмотреть скрупулезно.

— Зубы?!

— О да! Да позволено мне сказать будет, что ведущий я зубник во всем королевстве!

— Спасибо, но зубы у меня вроде не болят.

Антенны на лбу у астролога полезли вверх:

— Нету дела мне ни до болей зубных, ни до снадобий лекарских! По зубам вашим поведал бы я вам о характере вашем и уделе дальнейшем. После премудростей звездных наука сия по точности не далее как на втором месте располагается!

Барнвельт про себя решил, что даже если у него вдруг заболят зубы, то к дантисту, который изучает зубы пациентов, чтобы предсказывать им судьбу, он в жизни не пойдет.

— Зер Сньол! — гаркнула королева. — Твой ход, ежели и впрямь убежден ты, что глаза твои заняты игрою, а не дочкой моей. У нее что, голов больше чем положено?

Через два дня их пригласили опять, а потом и еще через день. Но на сей раз, к радости Барнвельта, им не пришлось иметь дело ни с угрюмым королем, ни со сварливой королевой. Присутствовали только Зея, Заккомир и их молодые друзья. Осторожные расспросы, имевшие отношение к торговле янру и исчезновению Игоря, не принесли ничего нового.

Барнвельт ломал голову, с чего это вдруг они с Джорджем впали в такую милость во дворце. Он испытывал твердое убеждение, что монархи обычно весьма разборчивы в знакомствах, и нисколько не обольщался относительно того, что при своем весьма умеренном владении искусством слова сумел сразить их исключительно личным обаянием. И хотя Джордж отличался куда более общительным и развязным характером, Барнвельту тем не менее они уделяли куда больше внимания, чем его спутнику.

Барнвельт в конце концов пришел к заключению, что здесь сказалась целая совокупность различных факторов. Представители правящей верхушки этого, во многом изолированного от остальных, города уже настолько утомились обществом друг друга, что были только рады появлению двух экзотических и обаятельных пришельцев с прекрасными рекомендациями, которых можно было демонстрировать знакомым, будто некую диковинку. Кроме того, все они, особенно помешанный на военно-героической тематике Заккомир, находились под впечатлением достижений предполагаемого генерала Сньола. И наконец, Зея с Альванди всерьез намеревались нанять его на службу.

В целом золотая молодежь Рулинди Барнвельту приглянулась: праздная и ни на какое серьезное дело не годная, по строгим меркам, но совсем не лишенная дружелюбия и обаяния. Из обрывков салонной болтовни он мог судить, что и в этом классе встречаются исключения, но такие во дворце не приняты. Заккомир, при единственном в своем роде положении

хранителя трона, помимо чисто профессиональных обязанностей, судя по всему, служил еще и соединительным звеном между внешним миром и Зеей, которая создавала впечатление затворницы.

Барнвельт заметил, что принцесса сразу оживала, когда поблизости не было матери, — вообще-то говоря, становилась чуть ли не буйной. Наверное, сочувственно решил он, у нее были проблемы, во многом схожие с его собственными.

А потом его начало всерьез заботить еще кое-что. Он все чаще ловил себя на том, что не может оторвать глаз от Зеи, думает о ней даже за пределами дворца и с нетерпением ждет очередного визита. Больше того — между ними словно возникла некая телепатическая связь. Во время возникающих то и дело споров он все чаще обнаруживал, что они с ней стоят на одной точке зрения против всех остальных. (Тангалоа ни в какие споры не вмешивался, взирая на спорщиков с независимо-насмешливым видом, а вернувшись вечером домой, заносил в блокнот ценные с социологической точки зрения фрагменты услышанных бесед.)

После нескольких таких визитов Барнвельт даже почувствовал в своих отношениях с девушкой достаточную близость, чтобы в открытую подраться с ней, послав к чертям все дипломатические протоколы. Однажды вечером он выиграл у нее партию в «шанхайские шашки», обведя ее вокруг пальца хитрым обманным ходом. При этом она с чувством произнесла несколько гозаштандских слов, знания которых Барнвельт никак от нее не ожидал — если, конечно, она не переняла их у Фило.

— Ну-ну, — сказал он на это, — не подымай волны, милочка. Если б ты смотрела, что я делаю, а не сплетничала насчет того крапчатого яйца, что снесла мадам Вузис, ты бы…

Бац! Зея схватила со стола игральную доску и от всей души треснула ею Барнвельта по башке. Поскольку сработана та была из хорошего твердого дерева — не то, что земные картонки, — а волос, могущих смягчить удар, на голове у Барнвельта не было, из глаз у него просто-таки посыпались искры.

— Вот тебе за критицизм твой, господин Всезнайка!

Барнвельт тут же наклонился на стуле и отвесил ей звонкого шлепка пониже спины.

— *Ао!* — вскричала она. — Больно! Столь нахальная игривость, зер…

— Игральная доска тоже не сахар, сударыня, а я привык делать другим то же самое, что сделали мне, и предпочтительно первым. Ну что, соберем шашки и сыграем еще разок?

Видя, что остальных это происшествие скорее позабавило, чем возмутило, Зея поостыла и на шлепок вроде не обиделась. Но

когда Барнвельт церемонно пожелал ей доброй ночи в дверях и повернулся, чтобы уйти, то получил такой мощный удар по заду, что чуть было не растянулся на полу. Обернувшись, он увидел Зею с метлой в руках и Заккомира, который в полном восторге катался по коврам.

— Смеяться последним всегда желанней, как присловье гласит мудрого Нехавенда, — произнесла она нежно. — Доброй ночи, зеры, да не забывайте дорогу сюда!

Дирку Барнвельту и раньше случалось влюбляться, даже несмотря на все старания матери этого не допустить. Однако в таких делах он никогда не терял головы и прекрасно понимал, что нельзя и представить себе что-нибудь более трагичное и абсурдное, чем любовь к существу женского пола совсем иного биологического вида. Да еще к такому, какое избавляется от использованных существ мужского пола на манер земного паука или богомола.

Барнвельт основательно поработал над экипажем, сколачивая его в сплоченный и умелый коллектив. Зная, что присущая ему стеснительность порой делает его в глазах других людей нелюдимым и бессердечным, он взял за правило держаться с моряками попроще, а те, похоже, были весьма польщены, что столь значительная персона дозволяет им непривычные фамильярности.

После дня, целиком посвященного обучению экипажа в порту, посетившие дворец земляне встретили там только Зею с Заккомиром, хотя королева из вежливости заглянула на минутку поздороваться. Король же вообще не показывался.

— Мертвецки пьян, бедолага, — объяснил Заккомир. — Я бы тоже так поступил, окажись в его положении незавидном. Последнее время не вылезает он из покоев своих, перебирая да разглядывая коллекцию свою портсигаров. Редкостнейший набор у него сих вещиц: и драгоценностями затейливо изукрашенные, и мозаикой искусною, и с секретами всякими — один даже музыку играет, ежели крышку отворить.

— А можно на них взглянуть? — заинтересовался Тангалоа.

— Разумеется, господин Таджди! Великое удовольствие старику доставите. Собранье сие для него чуть ли не единственная радость в жизни, да и чем еще ему заняться? Королева лишь глумится над увлеченьями его, а гости, дабы подольстить ей, во всем Ее Грозности поддакивают. Извините ли вы нас, господин и мадам, иль же вы и сами желаете пойти?

— Пожалуй, обойдемся, — сказал Барнвельт.

Мужчины удалились.

— Скоро ль отплываете вы? — поинтересовалась Зея.

Барнвельт, который внезапно ощутил в горле какой-то странный комок, нерешительно отозвался:

— Вообще-то, могли бы уже послезавтра…

— Не след уезжать вам до окончанья фестиваля кашьо! Предоставим мы вам отборнейшие места, сразу по почетности своей за родом нашим королевским!

— Наверное, с моей стороны это не очень вежливо, — ответил Барнвельт, — но забой на мясо твоего бедного старого отчима — это зрелище, без которого я вполне могу обойтись.

Она помедлила, после чего проговорила:

— А правда, что осуждают нас в иных странах по сей причине, как Заккомир утверждает?

— Честно говоря, некоторые просто в ужасе.

— Так и он говорит, да только сомневалась я, ибо тайно симпатизирует он партии реформ.

— Это тем, которые не хотят, чтобы убивали королей?

— Именно. Не проболтайся только матери моей властительной, иначе крепко бедняжка Заккомир пострадает. Послали они ей сообщенье через посредников, что требуют хотя бы от церемониального пожиранья супруга ее последнего отказаться. Но оставила она просьбу сию без вниманья, так что под гладью безмятежной, коей край наш многим представляется, зреют бунты теперь да заговоры изменнические.

— А как ты сама поступишь, когда станешь королевой?

— Того не ведаю я. Хоть и с пониманьем отношусь я к поползновеньям отменить сей обычай наш старинный, мать моя все равно сохранит большое влияние на дела квирибские, сколько жива будет. А по собственным словам ее, даже помимо соображений религиозных, иного нет способа удержать пол мужской на должном месте, кроме как ежегодной казнью представителя его высокопоставленного.

— Смотря что считать должным местом, — пробормотал Барнвельт, которому пришло в голову, что в Квирибе давно нужна… как там будет наоборот от «феминизм» — «маскулизм»? — партия маскулистов.

— О нет, — возразила Зея, — не уподобляйся Заккомиру в доводах своих! Процветанье государства нашего неотделимо от законного верховенства пола женского!

— Но я могу привести массу примеров процветающих государств, где мужчины правят женщинами, и таких, где они равны.

— Экий ты возмутитель спокойствия! Как уже говорила я, когда столь развязно по филейным частям ты меня хлопнул, не

место таким в Квирибе!

— Что ж, если мое присутствие и возмущает местное спокойствие, то скоро вы от него избавитесь. Кстати, ты можешь дать мне несколько полезных советов. Скажи, а есть какая-нибудь связь между пиратами Ваандао, торговлей янру и Квирибом?

Зея уставилась на кончик своей сигары.

— Мыслится мне, что лучше бы сменить нам тему беседы нашей, не то вступим мы на те зыбкие почвы, где благо одного лишь бедою другого достигнуто быть может…

По пути домой Барнвельт предложил:

— Джордж, а давай прямо послезавтра и отвалим?

— Ты что, чокнулся? Я ни за что эту церемонию не пропущу! Ты только подумай, какие будут классные кадры!

— Уф-ф, все это замечательно, но меня просто тошнит от мысли, что они зарежут и зажарят беднягу Кая прямо у меня на глазах. Не говоря уже о том, что после придется его есть.

— А откуда тебе знать, каков он на вкус? У моих предков считалось вполне обыденным делом, чтобы победитель в спортивном состязании съедал побежденного.

— А я не папуас какой-нибудь! Ты прекрасно знаешь, что с точки зрения моей культурной традиции есть людей некрасиво.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Тангалоа. — Кай-то не человек в привычном смысле слова. Постоянно умирают миллионы кришнян — одним больше, одним меньше…

— Да, но…

— И потом, нельзя же обижать королеву. Она нас ждет.

— Большое дело! Стоит нам выйти в море…

— Не забывай, что мы оставляем здесь залог, а Панагопулоса просто кондрашка хватит, если он узнает, что мы пустили его псу под хвост. Да и матросы наверняка будут настаивать, чтобы их доставили домой, когда все это кончится.

Несколько ошарашенный такой непривычной непреклонностью Тангалоа, Барнвельт сдался. При этом он уверял себя, что поступил так исключительно под давлением аргументов Тангалоа, а вовсе не потому, что иначе лишился бы возможности лишний раз повидать Зею. Тем не менее он ощущал, что такая возможность здорово подняла ему настроение.

Вечером в день открытия фестиваля Заккомир придирчиво оглядел наряды Барнвельта с Тангалоа и счел их подходящими.

— Хотя, — заметил он при этом, — это не совсем то, что требует обычай, но прочие простят вас, как иноземцев, в традициях наших не сведущих.

— Слава богу, что не заставили нас напялить эти

расфуфыренные тоги, — прошептал Барнвельт. — Лично меня в такой просто ветром бы сдуло.

Никакой царь Соломон в самом своем наироскошнейшем облачении не смог бы сравниться с Заккомиром, наряженным во что-то вроде парчового саронга. Хранителя трона украшали драгоценные браслеты, позолоченные сандалии, ремешки которых достигали середины его голых икр, и золотой венец поверх зеленых волос; физиономия квирибца была наштукатурена, как у русской балерины.

Он провел их в просторную приемную, где уже топтались королевские тетушки и дядюшки. Наконец протрубили трубы и сквозь толпу промаршировали король с королевой, за которыми тут же стали пристраиваться по ранжиру остальные. Кай пошатывался на ходу и выглядел куда мрачнее обычного, несмотря на все усилия придворного художника по макияжу придать его физиономии выражение восторженного энтузиазма.

Заккомир показал Барнвельту с Тангалоа их места в кортеже и сразу забежал вперед, чтоб подхватить Зею под ручку сразу за королевской четой.

Поскольку амфитеатр, в котором должен был состояться фестиваль, располагался прямо за территорией дворца, процессия направилась туда пешком. На небе вспыхивала то одна, то другая из трех лун, попеременно закрываемых облаками, теплый свежий ветерок трепал просторные одеяния и заставлял помигивать огоньки газовых рожков. За стеной, которая огораживала дворцовый парк, тесно толпился простой люд Рулинди, и построившейся клином страже пришлось расталкивать его, чтобы расчистить дорогу процессии.

Амфитеатр быстро заполнялся. На ровном пространстве посреди арены красовались кухонная печь и новехонькая, свежевыкрашенная в красный цвет мясницкая колода. Возле всего этого оборудования шеренгой выстроились какие-то люди. Там были дряхлая Сехри, верховная жрица Матери-Богини, несколько ее помощниц — некоторые с музыкальными инструментами в руках, дворцовый шеф-повар с двумя поварятами и какой-то тип в мешке с прорезями для глаз, который опирался на рукоять топора вроде того, каким пользуются мясники, только раза в два побольше. Поварята затачивали прочие кулинарные орудия. Вдоль всего верхнего яруса театра кольцом выстроились амазонки, на бронзовых доспехах которых играли отсветы колеблющихся газовых огоньков.

Барнвельту досталось место во втором ряду чуть правей королевской ложи, которую, помимо королевы с принцессой, заполняли прочие высокопоставленные родственники. Каждая

скамья была оснащена еще и некой конструкцией вроде узкого столика. Сам Кай остался внизу, на центральной арене, и сгорбился на колоде, обхватив руками колени.

Барнвельт прошептал Тангалоа:

— Что-то я не пойму, как они собираются разделывать Кая, чтобы всем досталось по кусочку, если, конечно, не намелют фарш и не смешают с обычным мясом. А что тут еще будет твориться?

— Тут довольно сложный сценарий. Балетная труппа будет представлять возвращение солнца с юга, зреющий урожай и прочую такую фигню. Тебе понравится.

Сам Барнвельт в этом здорово сомневался, но, поскольку амфитеатр был уже полон, предпочел обойтись без обсуждения этого вопроса вслух. Верховная жрица воздела вверх руки и провозгласила:

— Перво-наперво должны пропеть мы гимн Матери-Богине: «Привет Тебе, О Прародительница Священная Богов Всех и Людей». Готовы?

Дирижерским жестом она взмахнула руками. Забрякали и заквакали музыкальные инструменты, и все присутствующие грянули песню. Однако после громового энтузиазма первых строчек пыл исполнителей несколько поувял. Барнвельт заметил, что многие заозирались по сторонам, приглядываясь к губам соседей, и понял, что точно так же, как в случаях со «Звездно-полосатым знаменем» и «Песнью Всемирной Федерации», большинство знакомо от силы со словами запева. Тангалоа невозмутимо снимал всю эту сцену упрятанной в перстень камерой.

Как только громкость пения поуменьшилась, Барнвельт уловил еще какие-то посторонние звуки, которые становились все слышней и грозили вскоре окончательно заглушить певцов, — похожий на шум прибоя отдаленный гомон толпы. В конце первого куплета жрица застыла с воздетыми вверх руками. В воцарившейся тишине шум еще больше усилился, на его фоне можно было уже различить отдельные вопли, взвизгивания и лязг металла. Зрители завертели головами, на верхнем ярусе некоторые привстали, чтобы выглянуть за пределы амфитеатра. Амазонки засуетились, встревожено переговариваясь между собой.

Барнвельт обменялся недоумевающим взглядом с Тангалоа. Шум между тем становился все громче.

И вдруг на арену сквозь входной туннель ворвался какой-то окровавленный человек, который истошно вопил:

— *Моръя сунгарума!*

Тут до Барнвельта дошло, что причиной шума было нападение сунгарских пиратов.

В следующую секунду его чуть не сшиб с ног панический натиск толпы. Не без труда Барнвельту удалось выпрямиться снова. Тангалоа перед ним крепко уцепился за угол королевской ложи, чтобы не оказаться снесенным прочь.

Опять шум и гам в районе одного из входных туннелей, и сквозь него, тесня амазонок, ворвалась группа пиратов. Барнвельт видел, что несколько воительниц сразу упали под ударами нападавших, остальные же разлетелись в стороны. Вскоре пираты извергались уже изо всех проходов сразу. Барнвельт машинально потянулся за мечом, после чего вспомнил, что от него потребовали оставить оружие дома. Все квирибские мужчины были безоружны, и, хотя мечи оказались у нескольких женщин, похоже, ни они сами, ни их спутники и понятия не имели, как с ними обращаться.

Какой-то пират с факелом в одной руке и листом бумаги в другой заорал на квирибском диалекте:

— Стойте! Ежели не станете убегать, все будете целы! Потребны нам лишь два человека, что находятся промежду вас!

Это заявление повторял он до тех пор, пока шум и вопли немного не попритихли.

Снаружи тоже доносились подобные обращения. Барнвельт предположил, что пираты взяли театр в кольцо, чтобы перекрыть квирибцам пути к бегству. Возникла у него и тревожная догадка относительно личностей тех двоих, что требовались налетчикам.

Королева Альванди с принцессой Зеей стояли в своей ложе, бледные, но решительные.

Основная масса зрителей все еще бурлила возле выходов. Повара, палача и большую часть жриц завертело в общей давке в центре арены; видны были только король Кай и верховная жрица.

Предводитель пиратов с факелом заорал:

— Желаем мы…

И в этот самый миг все газовые рожки разом потухли.

Неожиданно наступившая темнота вызвала короткое затишье, после чего поднявшийся ропот сразу перерос в оглушительный рев.

— Сньол! Слышишь ли меня, Сньол из Плешча? — послышался чей-то крик.

Барнвельт огляделся. В нескольких метрах от него стоял король Кай, неясно освещенный тусклым светом одной из лун. На лице короля была торжествующая улыбка, а в руках мясницкий топор.

— Да-да, ты! — подтвердил король. — Отведи королеву во

дворец, а товарищ твой Таджди пусть проводит принцессу!

— А как же вы? — крикнул в ответ Барнвельт.

— Я остаюсь здесь. Ко мне, верные квирибцы! Ко мне! Изничтожим сию негодяйскую шайку!

— Я с вами! — послышался высокий голосок Заккомира, и молодой человек спрыгнул с барьера ложи с дамским мечом в руке. К нему присоединились несколько придворных похрабрее, а также остатки амазонской стражи. Возглавляемые королем, который вращал над головой топором, они врезались в брызнувшую кто куда толпу пиратов. Вопли потонули в лязге оружия.

Оглядевшись, Барнвельт увидел, как Тангалоа влез в королевскую ложу, сграбастал Зею и поволок ее к отдельному королевскому выходу. И хотя Барнвельт предпочел бы заняться этой работенкой лично, ему ничего не оставалось, как выполнять приказ короля.

— Пойдемте, Ваша Грозность, — поторопил он.

— Но ты… Он…

— Потом поговорим!

— Никуда я не пойду, покуда…

Барнвельт выхватил с пояса королевы меч, крошечный, как шампур, но, по крайней мере, с острым кончиком.

— Пошли, иначе мне придется погонять вас этой штуковиной!

Они рысью пронеслись сквозь туннель, через который уже успели удрать королевские тетки и кузины.

Столь тщательно организованная пиратами облава снаружи быстро потерпела неудачу, как только погасли светильники. Люди разбегались во все стороны, тут и там в полутьме мелькали занесенные для удара мечи и копья. Некий квирибский джентльмен ошибочно принял Барнвельта за пирата и кинулся к нему. Барнвельт парировал его первый и единственный выпад, поскольку вопль королевы просветил обмишурившегося защитника в какую-то долю секунды.

На пути у них встала другая личность с факелом.

— Стой! А-а, вот и тот, кого…

Это был уже хорошо знакомый землянам специалист Гавао бад-Гарган. Клинок Барнвельта воткнулся ему прямо в живот. Гавао переломился пополам и рухнул, выронив факел.

Но на Барнвельта тут же навалился еще один пират. Отбив первый выпад, Барнвельт почувствовал, что его ответный укол достиг цели. Но пират, и не думая падать, не отставал. Не представляя физиологии кришнян, никогда не знаешь, поразил ты какой-то жизненный орган или нет.

— Пшел вон, поганец! — тявкнула королева, очевидно, пирату.

— После поговорим, шлюха чесоточная! — огрызнулся пират, наскакивая на Дирка.

Так все и продолжалось, пока кто-то из квирибцев не треснул пирата по голове сорванной с пьедестала статуэткой. Бац!

Где-то в отдалении труба прогудела довольно замысловатую музыкальную фразу. Толпа уже порядком поредела, да и сунгарцы, видно, тоже куда-то разбежались. Барнвельт заметил невдалеке какую-то пару, которая бросилась вниз по колоссальной лестнице, ведущей из Рулинди в Дамованг и далее к морю. Он наступил на валявшееся у него на пути тело, а потом еще на одно, которое вроде еще шевелилось. Стоны, доносившиеся время от времени из окутанных тьмою кустов, свидетельствовали о брошенных пиратами раненых.

У парадного подъезда дворца группа амазонок перекрыла портал двумя полукруглыми шеренгами. Стражницы в первом ряду опустились на одно колено, во втором — стояли, выставив вперед копья, словно дикобраз иглы. По приказу королевы амазонки раздвинулись, пропуская маленький отряд внутрь.

— Видела ли ты дочку мою? — спросила Альванди у командирши.

— Нет, владычица моя!

— Я вернусь и поищу ее, королева, — предложил Барнвельт.

— Ступай да кого-нибудь из этих с собою прихвати. Нам они уже не потребны, ибо разбойники отступили.

Барнвельт, возглавив с полдюжины воительниц, бросился обратно. Одна из амазонок несла маленькую лампу. По пути он споткнулся о парочку трупов и повстречал только одну живую личность, которая ускользнула, прежде чем он успел ее опознать. За спиной Барнвельта вразнобой клацало боевое снаряжение девиц. Он уже решил, что окончательно заблудился, и принялся оглядываться в поисках направления, когда на глаза ему попался какой-то помаргивающий, словно упавшая звезда, крошечный огонек.

Он устремился туда и наткнулся на тела двух заколотых им пиратов. Чуть в стороне валялся факел Гавао, уже почти потухший — только с одного бока выбивался слабенький язычок пламени.

В свете луны заметил он также и некий белый квадрат, лежавший прямо на тропе. Барнвельт подобрал листок бумаги где-то пяди в длину и столько же в ширину и перевернул его. Обратная сторона казалась темной.

— Будь добра, подай-ка сюда лампу, — попросил он и при

слабом свете масляного пламени изучил листок.

Это был отпечаток того самого снимка, который сделал с них старик-фотограф в Джазмуриане.

Фотографию он затолкал под куртку, размышляя, до чего же удачно вышло, что королева так и не узнала, за кем именно охотились сунгарцы, иначе наверняка бы их с Джорджем выдала.

— Джордж! — позвал он в темноту. — Таджди из Вьютра! Джордж Тангалоа!

— Ужель это господин мой Сньол? — откликнулся чей-то далекий голос, после чего послышался приближающийся топот и звон. Однако это был не Джордж Тангалоа, а Заккомир бад-Гуршмани, который основательно прихрамывал и вел за собой отряд из нескольких амазонок.

— А где король? — спросил Барнвельт.

— Погиб в общей свалке. Таким образом, хоть и не избежал он удела, звездами ему предначертанного, конец его все ж счастливей был того, что ждал его ныне. Королева, однако, весьма разгневается!

— Почему?

— А вот почему: во-первых, сорвало сие церемонию. Во-вторых, усилит движенье за равные права для мужчин. Ведь именно у мужчины, привратника дворцового, ума хватило перекрыть газ. А кроме того, Кай уже сам знал, чего хочет. Повергнувши оземь двоих разбойников, молвил он мне: «Ежели победим мы здесь, то следующим делом займемся эшунами старыми». И мыслится мне, что под эшунами разумел он королеву со жрицею Сехри. Но вскоре клинок пиратский заставил его замолчать навсегда. Но довольно об этом. Где друг ваш и где принцесса?

— Сам голову ломаю, — ответил Барнвельт и позвал снова.

Отряд рассыпался на поиски. После долгих блужданий среди кустов одна из амазонок объявила:

— Вот тут вроде лысый какой-то лежит!

Барнвельт поспешил туда и убедился, что это и впрямь был Тангалоа, который лицом вниз распластался на земле. На его бритом черепе, прямо над ухом красовалась здоровенная окровавленная шишка. К своему очевидному облегчению, Барнвельт удостоверился, что пульс у Джорджа по-прежнему имеется. Когда амазонка, зачерпнув шлемом воды из фонтана, выплеснула ее в физиономию Тангалоа, тот приоткрыл глаза и застонал. Правая рука у него тоже была в крови: клинок проткнул мышцу насквозь.

— Что случилось? — склонился к нему Барнвельт. — Где Зея?

Заккомир эхом вторил ему.

— Не знаю. Я же говорил, что в фехтовании я полный чайник! Одному чуваку я все-таки замочил по башке, но меч подруги сломался о его шлем, а больше я ничего не помню.

— Так и надо вам, — заметил Заккомир, когда ему перевели эти слова, — кто ж применяет клинок легкий в манере столь прямолинейной? Но где же наша принцесса?

— Дайте подумать, — проговорил Тангалоа, прикладывая руку ко лбу. — Прямо перед тем, как все это случилось, один из них ее сграбастал, а другой орал чего-то насчет того, чтобы брали обоих… В общем, все вопили, как оглашенные. Это все, что я знаю.

— Достаточно и этого, — заключил Заккомир. — Из слов сих понять мы можем, что схватили они ее. Мушая, беги скорей на верхний ярус и погляди, все ли корабли пиратские отошли от причала. Ежели нет, может, поспеем мы еще…

Но Мушая крикнула сверху через пару минут, что весь сунгарский флот уже вышел в море.

Королева была вне себя.

— Трусы! — визжала она. — Следовало бы казнить мне немедля всю вашу паршивую свору! Да и вас заодно, иноземцы несчастные! — добавила она, тыча пальцем в Барнвельта и Тангалоа, у которого была забинтована рука. — Что ж это за королевство без доурии — сброд бесполезный! И что это за доурия, подданные коей кровь свою не могут пролить за ради ее спасенья! Мерзавцы трусливые — вот кто подданные у меня! Всех сгною! Как жить они только могут, когда дочка моя ненаглядная пропала?

— Нет-нет, — встрял астролог Квансель. — Ваша Грозность, все, что случилось, давно предначертано было на своде небесном, и избежать того были мы не в силах. Взаимное расположенье Шеба и Рокира знаменовало собою…

— Заткнись, болван! Будет у тебя еще время для шарлатанства звездного, когда девочка моя вернется! Вот вы! — королева Альванди нацелила толстый палец на одну из перезревших министерш. — Как вы оцениваете сию халатность вопиющую?

— Госпожа, могу ли я молвить без страха?

— Молви, — буркнула королева, хотя свирепое выражение ее физиономии отнюдь не располагало к откровенностям.

— Тогда внимайте же мне, о величественная! То, что приключилось, и впрямь предопределено было, да только не тем, о чем толковал тут наш друг, звезды созерцающий. Вот уж пять царствований право носить оружье в краях наших женским лишь

полом ограничивается. Так что от подданных полу мужеского нечего проку ждать в битве нежданной, в то время как женщинам вооруженным, хоть доблести и не занимать, силы да весу недостает, дабы выдержать натиск грабителей неистовых.

Королева вспыхнула:

— Радуйся, что выговорила ты у меня неприкосновенность спервоначала, иначе, клянусь шестью грудями Варзаи, разорвала бы я тебя на части собственными руками за речи твои изменнические! Но ладно, будем считать, что ничего ты не говорила. И чтоб больше никаких рассуждений отвлеченных, основы государства нашего подрывающих! Видится мне, что Рулинди снесен с лица земли будет, а головы жителей его станут кучами на том месте громоздиться, коли позволю я погасить свет тот немеркнущий, что проливает держава наша на весь сей жалкий мир, возвышая пол достойнейший до надлежащего места. Ну что — в поход, дабы спасти ее?

Так и следовало бы поступить, — осторожно отозвалась министерша, — да только сунгарцы, без сомненья, захватили Зею заложницею, замыслив либо в узде нас держать, либо выкуп получить богатый, и немедля жизни ее лишат, коли предпримем мы супротив них нападенье.

Верховная жрица Сехри пробурчала что-то насчет неизбежных расходов, а начальница амазонок запротестовала:

— Хоть никакие мужчины и не сравнятся с нами в неустрашимости, Ваша Грозность, Сунгар являет собою край опасный и непроходимый, по коему ни пешком не пройдешь, ни на корабле не проплывешь. Думается мне, что задача сия взывает более к хитрости, нежели к мощи оружья.

— Хитрости, говоришь? — повторила королева, уставясь той прямо в глаза. — Вроде как, скажем, посылки отряда малого в крепость сию призрачную, с целями якобы вполне невинными, а на деле ж с заданьем дочь мою вызволить?

Ее маленькие поблескивающие глазки остановились на Барнвельте.

— Ты, зер, заявился сюда с увереньями, будто собрался на море Ваандао искать камней гвамовых, что для возбужденья похоти всяких развратников служат. Приобрел ты корабль подходящий, набрал снастей охотничьих и людей нанял, а также, как шпионы мои доносят, купил курьерскую униформу подержанную. Уж она-то на что тебе сдалась? Не замыслили ли и вы оба коварство какое, дабы на Сунгар проникнуть переодетыми?

«До чего же шустрая дамочка», — подумал Барнвельт, одаряя королеву уклончивой улыбкой.

— Разве знаешь, когда какая вещь пригодится в жизни, Ваша Грозность?

— Уф! Принимаю отговорку твою за согласие. Так что, коли желаешь ты сего, ты сие и учинишь. Поручается тебе спасти принцессу из лап уголовников сунгарских!

— Эй, эй! — забеспокоился Барнвельт. — При чем тут мое желание? Я вроде как не вызывался в добровольцы!

— А кто сказал, что вызывался? Таков приказ мой и обязанность твоя святая! Прямо завтра и отправитесь.

— Да я и не подумаю никуда отправляться без Джо… моего друга Таджди, а он не выйдет в море, пока у него рука не заживет!

— Отсрочка такая фатальною оказаться может. Взамен предоставлю я тебе Заккомира.

— Буду только счастлив, — встрял Заккомир. — Сие такая честь — служить под началом великого Сньола!

Барнвельт бросил на юного кришнянина сердитый взгляд, после чего вновь обратился к королеве:

— Послушайте, мадам, я ведь не гражданин Квириба. Что помешает мне отправиться по своим собственным делам, как только я окажусь за пределами страны?

— А вот что: во-первых, Сньол из Плешча известен как тот, кто свято держит данное слово, а во-вторых, сотоварищ твой останется со мною заложником, дабы покорность твою неохотную подкрепить. Стража! Схватить их, да кликнуть палача с инструментами пыточными!

Две амазонки схватили Дирка за руки. Он хотел было вырваться, но женщины оказались довольно сильными, и пока он сумел перебороть земное убеждение, что пинать дам в живот некрасиво, другие стражницы облепили его так, что он вообще не мог двинуться. Остальные вцепились в Тангалоа, который даже и не пытался сопротивляться.

Вскоре появился уже известный тип с мешком на голове и притащил с собой жаровню, где накалялись рабочие части всевозможных клещей и прочих замысловатых приспособлений.

— Ну, — провозгласила Альванди, — подчиняетесь, иль потребны вам более болезненные доказательства воли моей?

— Да ладно, поеду! — вырвалось у Барнвельта. — Но если вы хотите, чтоб у меня что-нибудь вышло, расскажите мне про этот Сунгар. Ведь и впрямь существует какая-то связь между ним, торговлей янру и Квирибом? Вы знали пирата, с которым я тогда дрался, верно?

— Он прав, о попечительница моя грозная! — вмешался Заккомир. — Вылазка предстоящая и без того опасна, чтоб

сражаться с врагом вслепую по причине неведенья.

— Хорошо, — согласилась королева. — Отпустите их, стража, но приглядывайте как следует. Садитесь, друзья мои.

Знайте же, что янру — не что иное, как вытяжка из тех самых водорослей, что Сунгар образуют. И с самого основанья монархии нашей матриархальной, коли природа несправедливо создала пол мой меньшим по размеру, приходится нам неравновесье сие исправлять при помощи духов, что смешаны с летучей эссенцией, янру именуемой. Распространяются они, конечно, не между всеми без разбору, но любая дама, господин коей неповиновенье начинает выказывать, может получить толику духов оных в храме Матери-Богини, дабы отбившегося от рук супруга приструнить.

Основательница династии нашей, великая Деджаная, заслала в свое время отряд на Сунгар, тогда еще пустыню совершеннейшую из воды да водорослей, дабы возвести там фабрику плавучую и снадобье сие выделывать. Все шло как задумано, но только женщины наши не выдерживали зноя, сырости да зловония, и дело оное все больше и больше переходило в руки каторжников, сосланных в место сие уединенное искупать вину за преступленья свои. Со временем мужчины превзошли женщин числом своим втрое, чем не преминул воспользоваться один бунтовщик, преступник государственный, и стал прочих глупых мужчин к восстанью подстрекать, сказками улещивая про превосходство мужское средь дикарских народов. Так что учинили они восстанье оное и захватили фабрику, женщин низвергнув до положенья простых наложниц. (Что самое в сем ужасное — многим из них, видать, это по вкусу.) Флот наш они растрепали, а от нас вытребовали дань в обмен на жиденький ручеек янру. Пытались собирать мы терпалу, что вдоль побережья произрастает, дабы от их ненасытности отделаться, да, как оказалось, лишь на Сунгаре трава сия должными качествами обладает.

С той самой поры Сунгар для нас, что бельмо на глазу. Не только выжимает он из нас соки последние за чудесное сие вещество, но и убежищем служит недовольным нашим мужчинам. А посему населенье его увеличилось заметно и, помимо выделки янру, нашло себе и другие занятия — к примеру, охоту на гвамов и пиратство обычное. В годы правленья предшественницы моей непосредственной предводитель их, по имени Авасп, дела завел с Дюром, вследствие чего Дюр стал платить дань в обмен на обещанье его корабли не трогать, а всем остальным же на море Ваандао пакостить нещадно. Таким образом достиг Дюр монополии полной не только на море Ваандао собственном, но и во всех водах сего полушария.

Каких только личностей невиданных не сыщешь в ужасающей сей крепости! Не только квирибцы беглые, но и обитатели хвостатые болот Колофтских, даже земляне и иные созданья из глубочайших глубин космоса нашли здесь приют. Когда умер Авасп, предводитель на место его был избран как раз из таких — отвратительная чешуйчатая тварь с планеты, Осирисом именуемой, чудище жуткое по прозванью Шиафази, кое, как молва идет, основало там правленье железное одним лишь страшным могуществом неких чар своих умственных. И так далеко и широко Шиафази оный раскинул щупальца предприятья своего, что даже с Землею снадобьем сим торгует, богатство сколотивши, Дакхака достойное.

Несмотря на все понукания королевы, не отплыли они ни завтра, ни послезавтра.

Для начала, познав про истинные цели предстоящей экспедиции, половина экипажа попросту испарилась в неизвестном направлении, так что пришлось набирать и обучать новых людей. Один из них, бойкий юнец по имени Занзир, хвостом ходил за Барнвельтом, задавая бесчисленные вопросы. Польщенный, Барнвельт уделял ему львиную долю своего времени, пока Тангалоа не предостерег его относительно возможных последствий фаворитизма, и Дирку пришлось в равной мере распространить свое покровительство на остальных членов экипажа.

Нанял он также и нового боцмана, Часка, — коренастого, неулыбчивого типа, с обломанными корешками вместо зубов и поблекшими до оттенка светлого нефрита волосами. Чаек сразу взялся за матросов и вскоре превратил их в настоящую команду, достаточно ловко обращающуюся с веслами и парусом. Все шло гладко, пока однажды, когда Барнвельт сидел в каюте, не послышался шум потасовки. Выскочив наружу, он увидел, что Чаек у фальшборта растирает кулак, а Занзир валяется рядом, уткнувшись окровавленным носом в шпигат.

— Поди-ка сюда, — бросил Дирк Часку и, когда тот оказался в каюте, выдал ему по первое число: —…и с экипажем чтоб обращаться по-человечески, ясно? На моем судне никакой жестокости не будет!

— Но, капитан, этот сопляк обсуждает мои команды, болтает, будто лучше меня разбирается в том, на что я всю жизнь положил…

— Занзир — смышленый парнишка. С ним лучше действовать похвалой, а не принуждением. Ты же не боишься, что он отнимет у тебя работу, верно?

— Но, зер, изо всех соображений возможных никак не могу я вести корабль, общественному клубу подобный, где у каждого есть право голоса при маневре. И ежели те, кто кораблем командует, дозволяют морякам простым на одну доску с собою становиться да каждый приказ подвергать обсужденью, недалеко и до беды…

Несмотря на некоторые сомнения в собственной правоте, Барнвельт решил проявить твердость.

— Это приказ, Чаек. На судне все будет по-моему.

Чаек удалился, что-то ворча себе под нос. Таким образом, жить матросам стало полегче, хотя подготовка их при этом, конечно, заметно пострадала.

И вот наконец «Шамбор» отвалил от дамовангского причала с Барнвельтом и Заккомиром на борту, а Тангалоа, окруженный амазонками, помахал им здоровой рукой с берега.

Барнвельт уже располагал всеми позициями составленного им списка специального снаряжения, которое, как он надеялся, должно было несколько облегчить предстоящую задачу. Сюда входили дымовые бомбы, сработанные местным пиротехником из спор ясувара, и легкие мечи с петлей посредине клинка, которая позволяла сложить оружие пополам и уместить в голенище курьерского сапога. Оружие это, конечно, заметно уступало обычному мечу. И не только размерами, но и по той причине, что петля представляла собой весьма слабое место, а на рукояти не доставало должной гарды. Барнвельт, однако, сомневался, что

пираты пустят его к себе нормально вооруженным.

Запасся он также сундуком золота и всяких драгоценных побрякушек в качестве презента Шиафази от королевы Альванди и письмом, в котором запрашивались условия освобождения Зеи.

Кришнянский квадрант, простой, но крепкий и довольно точный, должен был послужить дополнительным средством для определения географической широты.

Заккомир, одетый в точности, как Барнвельт, и прямо-таки неузнаваемый без своего обычного макияжа, размахивая складным клинком, обратился к Барнвельту:

— Владыка мой Сньол, не научите ли меня владеть сим мечом надлежащим образом? Ибо согласно законам нашим никогда не имел я возможности школу такую пройти. То была просто случайность, что не зарезали меня тогда налетчики. Всегда лелеял мечту я несбыточную быть женщиной — то есть не женщиной из краев ваших, что равны по положению нашим мужчинам, а женщиной квирибскою — и вести себя грубо, по-женски: ругаться забористо да свысока на других поглядывать. Эх, быть бы мне высижену в вашей стране, где обычай долею такой мужчин наделяет!

По крайней мере, подумал Барнвельт, парнишка испытывал желание учиться.

Первый этап плавания оказался нетрудным, поскольку преобладали попутные западные ветры, которые легко несли «Шамбор» вдоль побережья Квирибского полуострова, где над белой каймой пены, окружавшей скалистые мысы, темнели чахлые, уродливые деревца. Заккомира пару дней потошнило, после чего он расстался с морской болезнью навсегда. Они зашли в Ноджур, чтобы пополнить запасы.

Барнвельт изучал свой навигационный справочник и осваивался с управлением «Шамбором». В самом недалеком будущем ожидалось полнолуние всех трех лун сразу, что должно было вызвать действительно высокий прилив. Случалось такое лишь раз за несколько кришнянских лет.

По корпусу и рулевому управлению суденышко было вполне сравнимо с теми яхтами, с которыми Барнвельту приходилось иметь дело на Земле. Парус, однако, сильно отличался — латинского типа, асимметричный и высокий, в противовес симметричным латинским парусам в Маджбуре и прямоугольникам с более бурных северных морей. Выглядел парус, конечно, весьма романтично, но использование его по назначению являлось просто-таки мукой мученической. Сочетая в себе множество недостатков как прямого, так и косого парусного

вооружения, он практически не вобрал в себя их преимущества.

Чаек пояснял:

— Капитан, есть шесть способов поворота с латинским парусом, и все как один никуда не годятся. Будь у нас оснастка из тех, коими в Маджбуре пользуются, где короткие стороны паруса одинаковы, могли бы мы у валиться, шкоты потравивши, и брас носовой отдать, а кормовой выбрать, дабы нижний угол паруса поднялся, а верхний опустился, сами меж тем через фордевинд поворачивая. Но с этой оснасткою надлежит нам либо вообще убирать парус, вооружая заново его с другой стороны мачты, либо половину матросов на галс ставить и оттягивать его к корме, дабы рею торчмя поставить и вкруг мачты обвести. И все ж таки в штилевых краях, куда направляемся мы, парус сей высокий ценен тем, что позволяет слабые ветра верховые улавливать.

Наконец они достигли оконечности полуострова, где, словно броня на спине некого доисторического чудища, в море сбегали предгорья Зоры. Здесь они взяли право на борт и в галфвинд направились к югу. Барнвельт лишь изредка посылал матросов на весла — исключительно для поддержания дисциплины, — стараясь их пока не переутомлять. Их силы могли очень потребоваться в дальнейшем. К тому же волнение было чересчур сильным, чтоб от весел имелся особый прок.

Потом изумрудная зелень воды превратилась в сероватую голубизну, ветер стих, и они целый день двигались на веслах в тумане, из которого непрестанно сыпал теплый мелкий дождичек. Чтобы пополнить запасы питьевой воды, они растянули над палубой брезент.

Барнвельт стоял в самом носу, напряженно всматриваясь в серую пелену тумана, когда «Шамбор» неожиданно содрогнулся, словно врезался в отмель. С кормы донеслись вопли матросов.

В воде у левого борта стремительно ускользало прочь какое-то продолговатое тело. Покрытое серо-стальной кожей, оно могло принадлежать киту или водяному змею. Через секунду блестящий холм, вздыбившийся у самого борта, исчез под водой.

Долетевший с кормы пронзительный визг заставил Барнвельта резко обернуться. Там прямо из воздуха (поскольку то, на чем она держалась, было скрыто туманом) возникла крокодилья голова с челюстями достаточной величины, чтобы заглотить человека одним махом. Голова склонилась набок и метнулась вниз, к палубе, таща за собой колоссальных размеров шею. Хлоп! — сомкнулись челюсти, утаскивая в туман визжащего матроса.

Барнвельт поначалу настолько растерялся, что не сумел ничего предпринять, пока жертва летела в море. Затем он схватил

запасное весло и бросился на корму, но опоздал. Вопли несчастного резко оборвались, когда чудовищная голова исчезла под водой.

— Навались! — рявкнул Чаек, и гребцы резко зарыли весла в воду.

Расстроенный Барнвельт отдал приказ держать на палубе вооруженных копьями вахтенных на случай подобного нападения. Ненадолго вернувшись обратно на нос, он торопливо направился в рубку.

Он уже открывал дверь, когда шарканье ног и покашливание у него за спиной заставили его оглянуться. Это был Занзир, а с ним еще трое матросов.

— Капитан Сньол, — начал Занзир, — мы тут с парнями подумали и решили, что лучше бы нам поворачивать назад, к дому.

— Что?! — опешил Барнвельт, уверенный, что ослышался.

— О да, так постановили мы. Разве не так, кореша? — обратился Занзир к матросам, и те согласно закивали. — Некоторым из нас дурно от всей этой слякоти. У многих семьи дома остались. Лезть сквозь гибельный туман сей в царство не указанных в лоции рифов и кровожадных разбойников…

— И неведомых смертоносных чудищ, не забывай! — напомнил один из корешей.

— И неведомых смертоносных чудищ вроде того, что сейчас уволок сотоварища нашего. Это затея, смысла лишенная, а посему уверены мы, что, будучи добрым дружком нашим…

— Который считает, что мы ничуть не хуже его, — ввернул все тот же подсказчик.

— Который считает, что мы ничуть не хуже его, обратите вы вниманье на совет наш и вернете нас по домам отчим. Верно, кореша?

Троица подтвердила, что верно.

— Будь я проклят! — пробормотал Барнвельт. — Нет, назад мы не повернем. Обо всех опасностях вас предупреждали еще до отплытия, и теперь вам придется через них пройти.

— Но, кэп, старина, — удивился Занзир, кладя ладонь на руку Барнвельта, — разве нету промежду друзьями доверья взаимного, разве не могут они уважить друг друга при случае? Мы же проголосовали и большинством голосов четыре к одному…

— Вернись на свое место и принимайся за работу! — резко сказал Барнвельт, стряхивая руку Занзира. — Командую здесь я, и клянусь задницей Кондиора, я сейчас… я сейчас…

— Это в смысле, что не станете поворачивать? — проговорил

Занзир с разочарованно-изумленным видом. — Даже чтоб уважить друзей?

— Вали отсюда! Эй, Чаек! Пусть они у тебя поработают как следует, а если кто начнет трепаться насчет возвращения, сразу наказывай!

Матросы удалились, бросая хмурые взгляды на Барнвельта, который, подавленный и злой, прямо-таки ворвался в рубку и углубился в навигационные расчеты. Вот что случается, когда фамильярничаешь с подчиненными! Все просто замечательно, пока дела идут гладко, но в тяжелую минуту положиться на них можно не больше, чем на веревку из песка. Все это он, конечно, и раньше слышал, но на веру не брал, уверенный, что подобные теории служат только для оправдания аристократических и диктаторских замашек. Теперь матросы, конечно, разобидятся — и вовсе не без причины: он всегда позволял им думать, что они могут поступать по-своему, а потом столь жестоко разочаровал.

— Не по нраву мне все это, — проговорил Заккомир, опасливо всматриваясь в туман сквозь окна каюты. — Варзая его знает, на какой стороне пролива Палиндос подойдем мы к берегу, ежели и впрямь не наскочим на скалы. Были б только средства некие поточней определить положенье наше между востоком и западом!

Барнвельт поднял взгляд от начерченной собственноручно карты, которую как раз сравнивал с имеющейся в справочнике, и чуть было не брякнул что-то насчет морских хронометров и радиосигналов, когда вдруг вспомнил, где находится. Вместо этого он сказал:

— До южного побережья моря Садабао, по меньшей мере, несколько часов ходу. Незадолго до того, как мы войдем в опасные воды, я прикажу грести потише и бросать лот.

— Будем надеяться, что сие у вас выйдет, зер! Прахом пойдут помыслы наши выручить деву из беды, коли мчимся мы со стремительностью бесшабашной ради того лишь, чтоб конец свой найти в утробе безвестного чудища морского.

— Уж не влюблен ли ты в Зею? — поинтересовался Барнвельт подчеркнуто небрежно, хотя сердце у него при этих словах гулко забилось.

Заккомир натянуто улыбнулся:

— О нет, только не я! Из-за долгого знакомства почитаю я ее за сестрицу и готов дарить всею привязанностью братскою. Но любовь, как промежду мужчиной и женщиной? Быть супругом королевы не так-то просто. Не хотелось бы мне принадлежать той, кою обычай наш понуждает нареченного своего на смерть отправлять в конце года. Маленькая фрейлина Мулая, кою видели

вы во дворце, и есть суженая моя, ежели получится у меня убедить ее предложенье мне сделать.

У Барнвельта подобный ответ вызвал очевидное облегчение, хотя он прекрасно представлял себе всю глупость ситуации, раз уж сам никак не намеревался жениться на Зее. Углубившись в карты, он вдруг уловил некое пощелкивание, которое определил как стук зубов Заккомира.

— Что, замерз? — бросил он.

— Нет, просто б-боюсь. Следовало бы мне скрывать от вас свою слабость мужскую.

Барнвельт похлопал его по спине.

— Выше нос — все мы когда-нибудь чего-нибудь боимся!

— Как, даже вам, великому и бесстрашному Сньолу, ведом страх?

— А ты как думал! Если б ты знал, как я перетрусил, когда в одиночку бился с шестью прихвостнями Ольнеги! Возьми себя в руки!

Заккомир взял себя в руки чуть ли не со слышимым хрустом, и Барнвельт продолжил свои вычисления. Когда по его расчетам они достаточно приблизились к проливу Палиндос или примыкающим к нему берегам, он распорядился делать замеры глубины. В первый раз лот коснулся дна на четырнадцати метрах. Здесь они замедлили ход и осторожно пробирались вперед, пока глубина не уменьшилась до пяти метров и им не показалось, что в отдалении слышится слабый шум прибоя. Тут они окончательно застопорились и стояли на якоре, пока не потянул свежий северный ветерок, который быстро разогнал клочья тумана.

— Разве не говорил я, что вы непогрешимы! — вскричал Заккомир, которому происходящее явно прибавило куражу.

Пролив Палиндос показался в прямой видимости к юго-востоку от них. Пролив этот разделялся островом Фоссандеран на два прохода: восточный использовался для судоходства, западный был заметно уже, и пометка в лоции Барнвельта гласила, что минимальная глубина достигает здесь всего двух метров, — слишком мелко даже для «Шамбора» (конечно, при соответствующем уровне прилива).

Заккомир прибавил:

— Никак не уразумею я, как же вы, выходец из Ньямадзю, где нет столь обширных водных просторов, сумели добавить и искусство мореплавательское к прочим своим достиженьям?

Барнвельт это замечание проигнорировал, поскольку они уже хорошим ходом шли восточным каналом, закрытые от ветра.

Указывая на Фоссандеран, Заккомир заметил:

— Говорят, что на острове сем богатырь Карар спарился как-

то с самкою екия и от союза их пошел род зверолюдей с телами человечьими, но головами звериными. Доносят также, что чудища оные все еще устраивают шумные гульбища свои при определенных сочетаньях астрологических, с битьем в барабаны и звоном цимбал, трепетать моряков заставляя ночами долгими.

Барнвельт припомнил екия, которого видел в маджбурском зоопарке, — хищника размером с земного тигра, но больше похожего на шестиногую норку-переростка.

— А почему там до сих пор кто-нибудь не высадился и не узнал поточней? — спросил он.

— Знаете, зер, но мысль такая никогда не приходила мне в голову! Когда нынешняя наша задача разрешена будет, кто знает, за что мы еще возьмемся? Под вдохновенным началом вашим чувствую я отвагу достаточную, чтоб самому с самкою екия спариться!

«Ну-ну, только если ты рассчитываешь на мою непосредственную помощь в подобном эксперименте, то ты жестоко ошибаешься», — подумал Дирк.

Когда они попали в полосу затишья между западными и северо-восточными пассатами, заметно потеплело, а воздух нес еще больше влаги. Из-за штилей приходилось днями идти исключительно на веслах. Барнвельт проверил запасы продовольствия и воды и забеспокоился.

Кришнянские летучие рыбы, которые действительно летали, хлопая суставчатыми крыльями, а не просто планировали, как земные, предпочитали парить подальше от суденышка. Раз Барнвельту довелось увидеть свою условную добычу — гвама. Гвам, раздвигая воду, словно плуг, гнался за стайкой морских тварей поменьше, накалывая их на когтистые щупальца и отправляя в утробу. Барнвельт заметил:

— После подобного зрелища сунгарцы вовсе не кажутся такими уж страшными.

Все чаще стали попадаться плавающие в воде островки терпалы, после чего на горизонте возникла ломаная полоска громоздящихся корабельных остовов. Когда «Шамбор» чуть приблизился к этим корабельным скелетам, водоросли стали столь густыми, что меж их скоплениями пришлось лавировать, поворачивая то вправо, то влево. Где-то впереди, в туманной дымке, и скрывалась цитадель сунгарских пиратов. Наверняка там была Зея, а не исключено, что и Игорь Штайн.

Сунгарцы, очевидно, проникали в свое убежище и покидали его посредством некого канала. Барнвельт надеялся обнаружить этот проход, просто обойдя плавучий континент по периметру. И

вот, достигнув первого судна, сидящего в плену у водорослей (это был примитивный мореходный плот с вяло трепыхавшимся на легком ветерке обрывком паруса), они взяли правей и осторожно двинулись вдоль края терпалы к западу. Слева водоросли представляли собой плотную слизистую массу коричневого цвета, поддерживаемую на плаву гроздьями похожих на виноградины газовых пузырьков.

Глянув поверх другого борта, Барнвельт уловил какое-то движение. Родом с «Шамбором» плыла пятнистая угреподобная тварь.

— Фондага, — пояснил Чаек. — Ядовитый укус ее — смерть мгновенная, а они тут кишмя кишат.

Барнвельт завороженно следил за грациозными движениями твари.

Где-то через полдня подобного плавания Чаек крикнул в каюту:

— Зер, впереди корабль!

Барнвельт вышел на палубу. Похоже, это была галера, длинная и многовесельная. Матросы «Шамбора» вполголоса переговаривались и в испуге тыкали в нее пальцами. Барнвельт с Заккомиром вернулись в каюту и надели курьерские костюмы (кришнянину тоже заранее раздобыли форму). Заккомир сначала не хотел надевать под куртку тонкую кольчугу, отговариваясь тем, что она стесняет движения, а при падении за борт попросту его утопит. Но Барнвельт настоял на своем. Перед выходом он напомнил:

— И не забудь наши новые имена. Меня как зовут?

— Гоззан, зер. И вот еще что, господин мой: должен признаться я, что ужаса клещи вновь горло мне крепко перехватили. Ежели запнусь я иль дрогну, столкните меня лучше в воду, иначе замысел ваш под угрозою окажется из-за робости моей презренной!

— Ты неплохо держишься, сынок, — успокоил его Барнвельт и снова вышел на палубу.

Когда они приблизились к галере, Барнвельт увидел, что стоит она прямо у входа в тот ведущий внутрь Сунгара канал, который он намеревался отыскать. Пара толстых канатов сбегала с ее кормы в обширную массу терпалы, которая на первый взгляд казалась неотъемлемой частью Сунгара. Когда они подошли еще ближе и услышали скрежет взводимой катапульты, обнаружилось, что огромный ком терпалы, к которому была пришвартована галера, существует отдельно от всего остального. Барнвельт гадал: уж не является ли он своеобразной затычкой, перекрывающей вход в канал на случай нападения.

Палуба галеры заметно возвышалась над маленьким «Шамбором», а длиной превосходила его чуть ли не втрое — метров тридцать или сорок, по расчетам Барнвельта. Когда над фальшбортом галеры возникла какая-то физиономия и «Шамбор» окликнули, Дирк небрежно прислонился к мачте и отозвался:

— Курьер компании «Межроу Гурардена» с товаром и посланьем от доурии Альванди Квирибской для Шиафази, предводителя Сунгарского!

— Подходи к борту! — распорядилась физиономия. Вскоре на палубу «Шамбора» шлепнулась веревочная лестница, а за ней последовал и сам обладатель физиономии — субъект в шлеме и грязных белых шортах, на шее у которого на цепочке болтался некий знак различия. Несколько других сунгарцев перегнулись через борт галеры, наведя на палубу «Шамбора» взведенные арбалеты.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Барнвельт. — Ежели изволите пройти вы в каюту, зер, я покажу вам наш груз. Может, капля доброго фалатского вина малость преуменьшит тяжесть задачи вашей?

Субъект, выполняющий сейчас обязанности таможенника, подозрительно покосился на Барнвельта, но досмотр провел без придирок. Затем он принял вино, буркнул что-то в знак благодарности и отпустил «Шамбор» с миром, подсадив на него одного из своих людей в качестве лоцмана.

Они медленно поползли вверх по каналу. Гребцы между взмахами весел нервозно поглядывали на скопище кораблей и прочих плавучих сооружений, которые вырисовывались в паре ходдов впереди. Из этого нагромождения то тут, то там поднимались тонкие струйки дыма, застывая в стоячем воздухе и застилая низкое красноватое солнце.

У одного из берегов канала они заметили небольшую валкую шаланду, которая служила для весьма любопытных целей. С борта шаланды сбегала цепь, прикрепленная к панцирю некого морского создания вроде гигантской черепахи. Чудище перебирало ластами, медленно продвигалось вдоль края терпалы и поедало водоросли, шумно отхватывая своим клювом огромные кусищи. Экипаж шаланды направлял существо баграми. Барнвельт нацелил на чудище свою камеру, жалея, что нельзя остановиться и познакомиться с ним поближе.

— Так вот, оказывается, как, — сказал Заккомир, бросая взгляд через плечо, дабы удостовериться, что стоящий на руле сунгарец находится вне пределов слышимости, — негодяи сии сохраняют канал свой от зарастанья водорослями, что способны перекрыть выход! Как поступим мы, коли события пойдут не по

плану? Ежели, к примеру, «Шамбору» удирать придется до окончания миссии нашей, бросив нас в руках у злодеев?

Барнвельт задумался.

— Если получится, попытаемся встретиться потом у того парусного плота, что миновали рано утром. Узнаешь его, Чаек?

— О да, зер! Но как, в сунгарскую ловушку угодивши, добраться до оного места условленного? Не можете же вы летать, крыльев не имея.

— Не знаю. Вероятно, если получится украсть какую-нибудь лодочку, можно попробовать на шестах пробраться сквозь водоросли…

И вот наконец они добрались до конца канала, где перед ними раскинулся самый удивительный плавучий город, который кто-либо из них видел, — крепость Шиафази.

«Шамбор» обогнал еще одну шаланду, нагруженную высокой копной свежескошенной терпалы. Вонь подсыхающих водорослей напомнила Барнвельту ароматы коровника в округе Чатагуа. На острой корме шаланды, покуривая, развалился какой-то тип, который без особого интереса проводил взглядом уходящий вперед «Шамбор».

Вскоре показались боевые галеры сунгарцев, пришвартованные аккуратными рядами в соответствии с классом. По соседству с ними, рассыпавшись там и сям среди опутанных водорослями корабельных остовов, пристроились старые посудины без мачт, приспособленные сунгарцами под жилье. Между ними виднелись плоты и блокшивы, построенные из разномастных обломков и досок, добытых при разборке старых корпусов. Поскольку дерево при этом попадалось самого разного возраста, происхождения и сильно разнилось по оттенку, то с виду эти плавучие сооружения напоминали лоскутное одеяло.

За ближайшим блокшивом, почти скрываясь за ним, громоздились плоты и баржи, назначение которых выдавали дым, вонь и шум, доносившиеся оттуда. Это и была та фабрика, где терпала перерабатывалась в наркотик под названием янру.

Все это чудовищное нагромождение кораблей живых и кораблей мертвых опутывала сложная система всевозможных мостков, переходов и лестниц. На палубах жилых посудин двигались женщины и играли дети. На малышах были веревочные вожжи на случай, если они свалятся за борт. В неподвижном воздухе висели ароматы стряпни.

Барнвельт прошептал Заккомиру:

— Не забудь, действуем по сигналу: «Время идет».

Теперь корабли сунгарцев окружали их со всех сторон.

Барнвельт сразу понял, как определить те, что еще использовались для плавания. Достаточно было посмотреть: заросло ли судно водорослями по самые борта или же окружено пространством чистой воды, в которую можно опустить весла. По его расчетам, у сунгарцев было двадцать с лишним боевых кораблей, не считая мелких парусников, грузовых транспортов и прочих вспомогательных плавсредств.

Сунгарец на корме подвел «Шамбор» к группе из трех самых крупных галер, какие им только пока попадались, пришвартованных борт о борт, — посудин, вполне сравнимых по размерам с маджбурским «Джунсаром». Положив право на борт, лоцман обогнул их и направил «Шамбор» к небольшому плавучему причалу, что лежал на воде у борта ближайшей квадриремы.

— Швартуйтесь тут, — распорядился лоцман. Пока экипаж «Шамбора» выполнял это предписание, проводник спрыгнул на причал и взбежал по мосткам на палубу галеры, где о чем-то переговорил с караульным. Через некоторое время он вернулся и объявил Барнвельту:

— Дозволено вам, взявши столько людей, сколько потребно, дабы нести вон тот сундук, на палубу взойти и там ожидать милости нашей!

Барнвельт махнул рукой. Четверо матросов взялись за концы шестов, привязанных по бокам сундука, и с кряхтением подняли его. Барнвельт в сопровождении лоцмана ступил на причал. Заккомир держался позади. У входа на трап среди матросов возникла небольшая перебранка, поскольку конструкция оказалась узковатой, и им пришлось втиснуться по двое между концами шестов, чтобы уместиться на трапе.

Оказавшись на палубе, они опустили свою ношу и уселись на нее. Рассчитанные на четырех гребцов скамьи пустовали, а весла были уложены под продольным мостиком между ними, но впереди в рубке ощущались какие-то признаки жизни. Через некоторое время к ним подошел человек, знак на шее которого свидетельствовал о неком довольно значительном чине.

— Давайте сюда письмо верховному адмиралу! — потребовал он.

— Был бы рад, — ответствовал Барнвельт, — да велено мне доставить все это добро только Шиафази лично. Иначе королева Альванди никакой ответ не сочтет подлинным, ибо желает знать, с кем имеет дело.

— Уж не собрался ли ты командовать мною? — угрожающим тоном буркнул чин.

— Нисколько, зер. Я только лишь повторяю, что она мне

велела. Ежели не устраивают вас сии условия — что ж, разбирайтесь с нею сами. Мое дело с краю.

— Хм. Должен узнать я мнение верховного адмирала Шиафази.

— Скажите ему еще, что королева потребовала показать мне Зею, чтоб я лично удостоверился в ее здравии.

— Не многовато ли хочешь, а? Не удивлюсь я, коли Шиафази вообще прикажет бросить тебя фондагам!

— В моей работе такие возможности ничуть не исключены, — с деланным безразличием отозвался Барнвельт, хотя сердце его учащенно забилось, а колени задрожали.

Чин удалился, перебравшись по мосткам на соседнюю галеру. Барнвельт с пятью своими спутниками остался ждать. Солнце — ярко-красный шар в туманном мареве — коснулось горизонта и принялось постепенно проваливаться за него. Барнвельт, который то и дело исподтишка включал камеру, как кинематографист пожалел о наступлении темноты (в вечернем освещении от «Хаяши» толку было мало), хотя та значительно повышала шансы на успех в случае неожиданного бегства.

Когда солнце окончательно скрылось и Каррим, самая близкая и яркая изо всех трех лун, бледно засветился над горизонтом на востоке, чин вернулся и объявил:

— Следуйте за мною!

Матросы взгромоздили свою ношу на плечи и вслед за Дирком и Заккомиром перешли по мосткам на соседнюю галеру. Там чин провел их вперед, к большой рубке между передней мачтой и форштевнем. Караульный распахнул дверь и посторонился.

Бросив на караульного взгляд, Барнвельт неожиданно вздрогнул: перед ним стоял Игорь Штайн.

Хоть полуосознанно он и ждал некой встречи со Штайном, при виде босса на Барнвельта чуть не напал столбняк. Он приостановился, по-дурацки вытаращив глаза и ожидая какого-то знака или слова в подтверждение, что его узнали, пока остальные толпились у него за спиной.

Действительно ли Штайн присоединился к пиратам, а если так: не донесет ли на Дирка? Или то был просто способ проникнуть на Сунгар с какими-то профессиональными целями? Или Барнвельт попросту обознался?

Нет, это была определенно та самая, в сеточке морщин физиономия — кирпичная краснота ее явственно бросалась в глаза даже в полумраке, те самые пронзительно-голубые глаза, те коротко подстриженные усики цвета тронутой ржавчиной стальной мочалки. Штайн даже не пытался маскироваться под

кришнянина, налепив на лоб накладные антенны, хотя и был в кришнянском наряде.

Босс, не говоря ни слова, ответил на замешательство Барнвельта недоуменным взглядом.

— *Ао,* господин Гоззан! — поторопил стоящий позади Заккомир. Дирк очнулся и перешагнул через высокий порог каюты.

Внутри по причине недостатка дневного света уже зажгли лампы. Посреди каюты стоял широкий штурманский стол, вокруг которого расположились три фигуры. Первая из них принадлежала долговязому кришнянину, вырядившемуся в нечто вроде пончо — большой кусок ткани с дырой для головы и лабиринтным узором по краю. Другой был тоже кришнянин, правда не такой высокий и в шортах.

А третий оказался ящероподобным осирианином, очень похожим на Сишена, встреченного Барнвельтом в Джазмуриане. Только данный экземпляр, по-видимому, плевать хотел на все осирийские представления о нормах приличия, поскольку никакой раскраски поверх чешуи у него не наблюдалось. Дирк сразу догадался, что это и есть Шиафази.

Барнвельт судорожно сглотнул, дабы прочистить порядком пересохшую глотку. Его пугал даже не весь тот жуткий бедлам, который должен был вот-вот здесь начаться, а, скорее, вероятность упустить в суматохе что-нибудь существенное, из-за чего всем им могла грозить гибель.

Матросы уселись было на поставленный на пол сундук, но субъект в пончо приказал на каком-то диковинном диалекте:

— Моряки пусть выйдут и обождут на палубе!

Чин, который привел их в каюту, затворил и запер на засов дверь, после чего вытащил из ящика штурманского стола письменные принадлежности. Барнвельт предположил, что он являлся кем-то вроде ординарца или адъютанта, в то время как остальные трое сунгарцев действительно командовали здесь всем парадом.

— Посланье ваше! — раздался сухой, шелестящий голосок, который едва можно было разобрать. Голосок принадлежал осирианину.

Барнвельт извлек из-под куртки письмо королевы и вручил его Шиафази, который, в свою очередь, передал бумагу адъютанту, распорядившись:

— Зачти.

Адъютант откашлялся и зачитал:

«От Альванди, милостию богини Варзаи королевы

Квирибской — Шиафази, предводителю и прочая.

Удивлены и удручены Мы, что в пору мира промежду вами и Нами люди ваши свирепый разбой учинили, ворвавшись в столицу Нашу Рулинди и граждан Наших грабя и убивая, а также лицо похитивши неприкосновенное — дочь Нашу, принцессу Зею коронованную.

Исходя из сего, требуем Мы, под страхом ужасных последствий гнева Нашего, немедля принцессу освободить и либо своими силами в пределы Наши доставить, либо доверенным подателям посланья сего деяние оное перепоручить. А помимо того требуем Мы объяснений должных столь низкого акта хищнического, а также удовлетворенья ущерба, безвинным подданным Нашим причиненного.

Если же, однако, пролегли между нами некие материи, в коих чувствуете вы себя обиженными, держим Мы двери Наши открытыми, дабы жалобы разумные выслушать. А с целью заверить, что даже сие деянье преступное чаши доброй воли Нашей не иссушило, с доверенными курьерами шлем Мы вам дары щедрые. Приказанья отданы им следующие: только вам в собственный руки сие посланье и дары сопутствующие вручить, только из рук ваших собственных ответ убедительный принять, и ни в коем случае в обратный путь не пускаться, своими глазами принцессу не узревши и в здравии ее лично не удостоверившись.»

На несколько секунд в каюте воцарилась тишина. Барнвельт почувствовал, что королева поставила его в довольно дурацкое положение, с ходу разразившись потоком гневных требований и угроз и лишь под конец весьма невнятно намекнув, что предлагает выкуп и заплатит при необходимости еще. Хотя что было бедной старушке делать? Она пыталась сорвать банк с двойками на руках.

Он выступил вперед, отпер сундук и поднял крышку. Сунгарцы столпились вокруг него, заглядывая внутрь, перебирая монеты, поднося отдельные побрякушки к окнам и лампам, чтоб получше их рассмотреть. Барнвельт очень надеялся, что они не обратят внимания на явное несоответствие между объемом драгоценностей и размерами сундука. Хоть и по весу, и по цене дань была более чем приличная, но золото все же металл тяжелый, и в земном дорожном чемодане все это добро едва закрыло бы дно.

Наконец Шиафази оторвался от сундука со словами:

— Внимание, джентльмены. Согласны ли вы, что письмо наше, уже приготовленное, отвечает на все вопросы, поднятые сим посланием?

Кришнянин в пончо согласно кивнул головой. Кришнянин в шортах, однако, колебался:

— Зеры, мыслится мне все ж, что не уделили мы вниманья должного моему предложенью. Принцесса — ключ к богатствам Зоры, и проклянем мы еще тот день, когда ключ оный выскользнет из пальцев наших, задрожавших от нетерпенья…

Говорил он на квирибском диалекте.

— Довольно, Урган! — прервал его осирианин. — Не секрет также, что немало ключей подобных в замках поломано было, когда, хоть и не подходили они, пытались повернуть их силою. Успеем мы еще обсудить твое предложенье, ответа от старой карги ожидаючи.

В ходе этого диалога адъютант успел достать из ящика небольшого письменного стола, стоящего у стены, другое письмо. Теперь вместе с письменными принадлежностями он вручил его Шиафази. Пиратский предводитель подписал бумагу, после чего адъютант запечатал конверт и вручил Барнвельту.

— Вот ответ наш, — объявил Шиафази. — На случай, ежели волею судьбы утеряно оно будет прежде, чем доставить ты его успеешь, передай Альванди следующее: дочку ее отпустим мы целою и невредимою на двух условиях. Первое: если контракт наш, продажи янру касающийся, изменен будет в сторону увеличенья цены, дабы возросшие наши издержки компенсировать. И второе: если выдаст она нам двух бродяг, при дворе ее ныне обретающихся, кои именуют себя Сньол из Плешча и Таджди из Вьютра. Для освобожденья принцессы условие сие последнее повдумчивей рассмотреть следует. Подробности письмом утрясаются.

Барнвельт почувствовал, как стоящий сбоку Заккомир вздрогнул, когда до него дошел смысл этого требования. «Уж не в знаменитом ли осирианском псевдогипнозе дело», — соображал Барнвельт. Шиафази мог применить его на Штайне и теперь с той же целью рассчитывал наложить лапу и на них с Тангалоа, чтобы по-тихому покончить с их попытками исследовать Сунгар, а заодно и приспособить к делу, превратив в пиратов. Штайна, скорее всего, подвергли этой процедуре еще на Земле, чтоб был посговорчивей.

— По-моему, это все… — начал было Шиафази, но Барнвельт возразил:

— Мы так и не видели принцессу, зер.

— Конечно, не видели! Да кто ты такой, чтоб тут условия мне ставить?!

— Погодите, — вмешался низенький кришнянин, которого звали Урган. — Сие вполне резонно и ничуть нам не повредит.

Ежели откажем мы, эта ведьма решит, что скормили мы ее дочку фондагам, и переговоры на цельную вечность растянутся, покуда будет истину она вызнавать.

Субъект в пончо нетерпеливо сказал:

— Давайте решать скорей, обед стынет.

После короткого совещания сунгарских боссов адъютант отворил дверь и переговорил со стражником.

Барнвельт услышал удаляющиеся шаги.

— Курить тут у вас можно? — поинтересовался он.

Получив разрешение, Барнвельт пустил портсигар по кругу.

Все взяли по сигаре, за исключением осирианина. Чтобы скрыть охватившее его возбуждение, Барнвельт небрежно прикурил от ближайшей лампы, глубоко затягиваясь и выпуская огромные клубы вонючего дыма. Снаружи уже сгущались сумерки.

Вновь послышался топот шагов. Дверь распахнулась, и в каюту вошел Штайн, крепко держа за руку Зею. Барнвельту показалось, что сердце сейчас выпрыгнет у него из груди, кольчуги и всего прочего. На ней была все та же полупрозрачная туника, в которой она щеголяла на открытии фестиваля, хотя корона и украшения бесследно исчезли — несомненно, в казну Шиафази.

Барнвельт услышал, как у Зеи перехватило дыхание, когда она узнала «курьеров», но, будучи прирожденной актрисой, девушка быстро сориентировалась и не проронила ни слова. Барнвельт с Заккомиром формально опустились на одно колено и тут же вскочили, как того и следовало ожидать от занятых порученцев, вынужденных по ходу дела выразить почтение угодившей в плен высокопоставленной особе. Адъютант коротко познакомил ее со всеми обстоятельствами.

Поскольку время действовать неумолимо приближалось, присутствие Штайна все здорово усложняло. Не мог же Барнвельт попросту повернуться к Заккомиру, который стоял бок о бок с ним, и вслух попросить: «Когда настанет момент, землянина не убивай. Только оглуши, потому что он мой друг».

Он двинулся вперед, будто бы попросту размяться, чтобы оказаться между Штайном и Заккомиром.

Штайн, вглядываясь ему в лицо, когда он проходил мимо, проговорил:

— А не могли ли мы еще где встречаться с тобою, о курьер?

Когда сердце Дирка уже окончательно ушло в пятки, Штайн отвернулся, бурча:

— Обознался, должно быть. Но похож…

Барнвельт чуть было не расхохотался вслух, услышав, как его

шеф изъясняется на гозаштандоу с жутким русским акцентом. В фонетике Игорь никогда силен не был.

— Передайте матери моей властительной, — молвила Зея, — что ни дух мой, ни тело, ни честь девичья посяганиям никаким не подверглись, разве что стряпня в сем городе болотном и сравненья не выдерживает с той, к коей в Рулинди я привыкла.

— Слушаем и повинуемся, о принцесса! — ответствовал Барнвельт и, небрежно почесывая ляжку, повернулся к Шиафази: — Миссия наша, как видно, завершена, господин мой, так что, ежели вы позволите нам взять на борт немного пресной водички, мы сразу и отвалим. Время идет…

Барнвельт продолжал почесываться, и в результате такого далеко не джентльменского поведения ухитрился залезть рукой под штанину шортов, посильнее затягиваясь сигарой. Рука его в сей же миг появилась оттуда, сжимая одну из дымовых бомб, пристегнутых ремешками к бедру. Быстрым движением он поднес к сигаре запал, и тот моментально вспыхнул.

Тут же, все еще сжимая бомбу в кулаке, он нанес Штайну оглушительный апперкот в челюсть.

Послышался глухой шлепок, и великий исследователь, отлетев к стене, съехал по ней на пол и остался сидеть там. Барнвельт швырнул бомбу в центр каюты и полез в сапог, где скрывался сложенный меч. Заккомир уже успел выхватить свой.

Щелкнув запором, Барнвельт распрямил клинок в тот самый момент, когда бомба зашипела, наполняя помещение дымом, а остальные сунгарцы тревожно и угрожающе завопили, хватаясь за оружие.

Ближе всех к Барнвельту, поскольку Штайн был выведен из строя, оказался адъютант, вытаскивающий меч. Оружие почти уже вылетело из ножен, когда выпад Барнвельта достиг цели. Клинок угодил между ребрами и уперся в хребет. Барнвельт успел выдернуть меч как раз вовремя, чтобы встретить Игоря Штайна, который поднялся на ноги, кашляя от дыма и тряся головой, и попер вперед. Фехтовальщик из Штайна был аховый, но палашом он размахивал с такой чудовищной мощью, что игрушечка Барнвельта в любой момент могла переломиться пополам. Плюс у него было то преимущество, что Барнвельт старался не убить его, в то время как Штайна в этом плане абсолютно ничего не сдерживало.

Низенький кришнянин, тот самый, которого звали Урган, с похвальной сноровкой схватился за эфес, но Зея вцепилась ему в правую руку и повисла на ней, прежде чем он успел вытащить клинок. В конце концов коротышке удалось ее стряхнуть, но острие меча Заккомира вонзилось ему точно в горло. Потом

Заккомир сцепился с типом в пончо. Оба кашляли, как заведенные.

Барнвельт то и дело бросал взгляды на меч заколотого Заккомиром коротышки, рассчитывая подхватить его взамен своего собственного, но возможности такой у него не было. Штайн упорно загонял его в угол. Уже в полном отчаянии Барнвельт бросился в клинч и свободной рукой врезал Штайну в челюсть, надеясь сбить его с ног. Однако челюсть у босса оказалась покрепче гранита. Отбиваясь, Барнвельт понял, что на небольшое преимущество, которое он имел перед кришнянами благодаря рождению на планете с силой тяготения на одну десятую больше, здесь рассчитывать не приходилось.

Шиафази, который один среди мужчин в каюте не был вооружен, забежал Заккомиру за спину и схватил его за руки. Тип в пончо сделал выпад. Заккомир, несмотря на захват, ухитрился отразить первый удар. Повторный укол угодил в цель, но кольчуга Заккомира выдержала — клинок даже согнулся в дугу. Шиафази покрепче вцепился юноше в руки. Тип в пончо занес руку и нацелился на открытое горло Заккомира…

Однако Зея, которая успела к тому моменту подхватить легкий стул, стоявший в углу, как следует огрела им Пончо по башке. Голова у того упала на грудь, будто увядшая лилия. Второй удар повалил его на четвереньки, а третий распластал по полу. Заккомир отчаянно вырывался из захвата Шиафази.

Барнвельту, не выходя из клинча, удалось вывести Штайна из равновесия, толкнув его плечом. Когда тот пошатнулся, Барнвельт обхватил его левой рукой вокруг туловища и высвободил клинок. Блям! — звякнул серебряный шлем, по которому пришелся удар абордажной сабли Штайна. Барнвельт пустил в ход правый кулак, в котором был все еще зажат меч. После серии мощных тычков в ребра, челюсть, шею и заключительного удара набалдашником эфеса по макушке Штайн наконец вырубился всерьез и надолго.

Барнвельт вихрем крутнулся на месте и бросился на выручку Заккомиру. Зея с противоположной стороны успела уже и осирианина приложить по ребрам все тем же стулом. Когда Барнвельт обегал вокруг штурманского стола, Шиафази попытался загородиться Заккомиром, как щитом. Но Барнвельт отстранил своего спутника и с ходу воткнул клинок в чешуйчатую шкуру. Неглубоко — на сантиметр-другой. Когда Шиафази с жутким шипением попятился, Барнвельт последовал за ним, приговаривая:

— Веди себя прилично, червяк, иначе и тебя мигом прикончу!

Как бы не так! — огрызнулся Шиафази — Ты уже под

влияньем моим. Ты засыпаешь. Ты должен бросить меч. Я твой господин. Ты будешь повиноваться моим приказаньям…

Несмотря на впечатляющую убедительность всех этих заклинаний, Барнвельт обнаружил, что не испытывает ровно никакого желания повиноваться приказаниям осирианина. Заккомир тоже без тени сомнения ткнул острием клинка в шкуру Шиафази, и вдвоем они оттеснили его к стене. Вся потасовка заняла не более минуты.

— Все дело в шлемах, — объяснил Барнвельт, припомнив рассказ Тангалоа об осирианском псевдогипнозе. — Нечего нам этого петуха ощипанного бояться. Зея, приоткрой-ка дверь и потихоньку позови матросов.

Когда за дверью послышалось шарканье матросов, тип в пончо застонал и пошевелился.

— Добей его, Зея, — распорядился Барнвельт, несколько удивленный собственной безжалостностью. — Да не того — вон этого.

— Как?

— Возьми у него меч, приставь к шее и нажми посильней.

— Но…

— Делай, что сказано! Ты что, хочешь, чтоб нас всех тут поубивали? Вот и молодец!

Зея с содроганием выдернула обратно окровавленный клинок.

— А теперь, — продолжал Барнвельт, — свяжи и заткни кляпом вон того, который тебя привел. Потом объясню, зачем.

Через высокий порог каюты перешагнули четверо матросов. Как только глаза у них немного привыкли к задымленному полумраку и до них дошел смысл разыгравшейся сцены, они застыли.

— Парни, — приказал Барнвельт, — в темпе закрывайте дверь и вываливайте все эти побрякушки из сундука. Да не по одной! И не давайте этому чудищу смотреть вам прямо в глаза, если жить хотите.

Сундук повалили на бок, и драгоценности со звоном и стуком рассыпались по полу.

— Помогите принцессе связать этого малого, — продолжал Барнвельт. — Вы что-нибудь слышали?

— О да, зер, — отозвался кто-то из матросов, — слыхали мы, как кричали здесь громко, но решили, что вмешательство наше пока не потребно.

— Уж не задумал ли ты в сундук меня посадить? — догадалась Зея.

— Угу, — отозвался Барнвельт. — Только вот… Погоди, дай

подумать.

Конечно, изначально совсем не планировалось забирать с собой и Зею, и Штайна, но попробовать было можно. Морякам он сказал:

— Засовывайте землянина в сундук. Вот так, пихайте как можно глубже. А теперь посмотрим, Зея, влезешь ли ты поверх него…

— Какая близость вульгарная с иноземцем, да еще и поведенья столь разнузданного! — вздохнула Зея, но тем не менее послушно полезла в сундук.

С двоими, однако, крышка не закрывалась.

Заккомир предложил:

— Ежели нужен вам так сей землянин, оставим его в сундуке, а принцесса пускай идет с нами, будто мы ее уже выкупили. А чудище сие поведем под конвоем, клинки держа наготове — так всех троих с собою и захватим.

— Годится, — одобрил Барнвельт. — Адмирал, пойдете с нами. До самого судна мы будем держаться по бокам, и при первом же неверном движении заработаете по первое число.

— А где вы меня отпустите?

— А кто-то разве говорил, что мы вас отпустим? Вам придется совершить небольшую прогулку на частной яхте. Готовы?

Матросы подхватили сундук со Штайном внутри. Барнвельт с Заккомиром взяли Шиафази под руки, прикрывая локтями обнаженные мечи, острия которых покалывали чешуйчатую шкуру осирианина. За ними пристроилась Зея с матросами.

В таком порядке процессия двинулась на корму, где был перекинут мостик на соседнюю галеру. Они благополучно преодолели его и пересекли палубу галеры, направляясь к трапу, который опускался на плавучий причал.

Однако в этот самый момент над бортом галеры показались сначала головы, а потом и плечи каких-то людей, поднимавшихся по трапу с причала. Сначала Барнвельт решил, что это его собственные матросы. Но света было достаточно, чтобы разглядеть совершенно чужие лица. Бросив взгляд поверх борта квадриремы, он заметил мачту еще одного суденышка, пришвартованного по соседству с «Шамбором».

«Тихо!» — прошептал Барнвельт и покрепче вдавил острие меча в шкуру Шиафази. Чтобы пропустить встречную группу, он оттащил осирианина в сторону.

Тот, кто двигался впереди, при виде Шиафази сделал некий жест вроде отдачи чести, но вдруг замер, уставившись на Барнвельта.

— Ты?! — послышался дребезжащий голос. Это был, как оказалось, не кто иной, как его старый знакомый, Визгаш бад-Мурани, экс-приказчик, о башку которого он разбил в Джазмуриане глиняную кружку.

Не дав себе труда разобраться в ситуации, Визгаш выхватил меч и набросился на Барнвельта. Тот инстинктивно парировал, но в результате ослабил хватку, и Шиафази сразу вырвался. Заккомир все-таки успел ткнуть рептилию мечом, оставив в мясистом боку небольшую рану.

Спутники Визгаша кинулись на помощь. Первый с ходу нанес удар одному из матросов «Шамбора». Клинок обрушился тому на шею, чуть не снеся голову с плеч, и матрос свалился замертво. Остальные трое уронили сундук, который с треском повалился набок. Крышка откинулась, и на палубу выкатился Штайн.

Барнвельт отразил удар Визгаша и ответным выпадом поразил его в бедро.

— Бежим! — завопил Заккомир.

Когда раненый Визгаш рухнул, Барнвельт торопливо огляделся по сторонам. Заккомир уже волок Зею прочь. Шиафази приплясывал вне пределов досягаемости и шипел какие-то распоряжения сунгарцам, которые тут же ринулись на захватчиков. Трое уцелевших матросов ударились в бегство, один из них суматошно прыгнул за борт. В полумраке поблескивали неприятельские клинки.

Барнвельт помчался вслед за Заккомиром и Зеей, которые уже запрыгнули на мостки, ведущие на большую галеру, где они вели переговоры с пиратскими главарями. Троица пулей пронеслась по мосткам, по палубе, а потом по другим мосткам на третью большую галеру. Сзади грохотали шаги преследователей.

— Погоди минутку! — выкрикнул Барнвельт, когда они спрыгнули на палубу третьей галеры. — Помоги…

Он торопливо перерезал веревки, крепившие конец мостков к палубе корабля. Потом они с Заккомиром подсунули пальцы под доски. Двое сунгарцев уже вскочили на мостки с другого конца. Поднатужившись, беглецы оторвали конец мостков от палубы и швырнули в воду. Доски с шумом и плеском плюхнулись у борта, а вместе с ними, вереща от ужаса, свалились в заросли тины и оба преследователя.

Свистнула пущенная из самострела короткая стрела. Барнвельт со своими спутниками бросился к противоположному борту. С него спускалась лестница на какую-то шаланду, от которой в обе стороны расходились вереницы плотов, теряющиеся где-то среди нагромождений жилых плашкоутов и прочих разномастных посудин.

— Куда? — спросил Барнвельт, когда они оказались на палубе шаланды и остановились перевести дух. Заккомир вытянул руку:

— Сии плоты уходят на север. Вы с Зеей идите туда и схоронитесь за бортом, а когда появятся они, уведу я их в противоположную сторону. Потом пытайтесь вы с ней пробиться к месту встречи условленному.

— А как же ты? — опешил Барнвельт, который ощутил определенную неловкость. Не то чтобы ему так уж хотелось отпускать Заккомира с Зеей, а роль подсадной утки играть самому, но предложенная молодым человеком жертва была чересчур уж серьезной.

— Я-то? За меня не волнуйтесь! Я скроюсь от них во тьме, а под вдохновенным началом вашим обрел уж я храбрость, самого Карара достойную! Прячьтесь скорей, ибо слышу я, что они приближаются.

Он подтолкнул их, все еще пребывающих в нерешительности, к борту. Барнвельт с Зеей спрыгнули на плот и скорчились под нависающим носом шаланды.

Звуки погони стали слышней, свидетельствуя о том, что сунгарцам удалось раздобыть другую доску взамен сброшенной в воду. Дробно застучали шаги Заккомира, а вопли: «Вот он где!» и «За ним, болваны!» — окончательно довершили картину происходящего.

Когда шум стих вдали, Барнвельт отважился выглянуть из-за борта шаланды. Вдали вроде двигались какие-то тени, но стемнело уже так, что разобрать подробностей не удалось. Схватив Зею за руку, он увлек ее в противоположную сторону.

После того как они вдоволь напрыгались с плота на плот и с шаланды на шаланду, плавучая дорога вывела их на палубу одного из жилых судов.

— Не следует ли нам и тут мостки в воду скинуть? — предложила Зея.

— Нет. Остановит это их ненадолго, зато покажет, где мы шли.

— Народу тут у них сегодня, похоже, немного.

— Обеденное время, — предположил Барнвельт.

Они продолжали безостановочно переходить с одного плавучего дома на другой. Раз на беглецов чуть было не наткнулся какой-то кришнянский подросток, который кинул на них лишь мимолетный взгляд и исчез за ближайшей дверью, откуда доносились звуки семейной свары.

Так они и продвигались по палубам и мосткам, по

карабкающимся вверх и ныряющим вниз лестницам, пока не наткнулись на огромный крытый блокшив без признаков жизни на борту. Когда-то, видно, он служил торговым транспортом на море Ваандао, но теперь больше походил на ноев ковчег, каким его принято изображать на картинках.

Они сделали круг по палубе, не обнаружив каких-либо иных переходов с этого судна на другие. Вероятно, оно и представляло собой самую северную точку сунгарского поселения, поскольку за ним беспорядочно громоздились только полуразвалившиеся остовы, не имевшие отношения к собственно «городу». Барнвельт посмотрел на север и, несмотря на сумерки, углядел на горизонте потрепанный парус плота, возле которого они договаривались встретиться. Почти на одной линии с ним темной пирамидой на фоне мрачноватого северного небосклона высился нос какой-то здоровенной заброшенной галоши, глубоко осевшей кормой в водоросли.

— Похоже, дальше ехать некуда, — заметил он. — Интересно, что это за посудина?

Огромное, похожее на амбар сооружение, возведенное на палубе, не имело окон, зато имело три двери — две маленькие с боков и одну здоровенную, словно ворота, с торца. Правда, на всех троих висели массивные замки.

Барнвельт решил заняться дверью на северо-восточной стороне, не видной из поселения. Замок оказался крепким, а сделать подходящую отмычку было не из чего, даже если бы он и представлял, как открывают замки отмычкой. Железные полосы, на которых висел замок, были попросту прибиты к двери и косякам толстенными гвоздями, а не привинчены шурупами, которые можно открутить ножом. С достаточно крепким инструментом вроде фомки их, конечно, удалось бы оторвать, но попытка проделать то же самое при помощи ножа или меча, как он прекрасно понимал, завершилась бы попросту поломкой клинка.

Однако, проведя по двери рукой, он нащупал на петле, приделанной к косяку, заметные неровности. Внимательно осмотрев ее и поковыряв ногтями, Дирк удостоверился, что петля насквозь проржавела, — проржавела настолько, что кое-где крошилась на кусочки прямо под пальцами.

Таким образом, можно было особо не мудрствовать. Он навалился на петлю и отогнул ее наружу настолько, чтобы между ней и дверью проходили пальцы обеих рук. Затем, покрепче вцепившись в петлю, уперся ногой в дверь и поднатужился. На руках его буграми вздулись мышцы.

С негромким хрустом ржавая петля подалась. Барнвельт

пошатнулся и чуть было не опрокинулся на спину, если б не Зея, которая, испуганно вскрикнув, успела удержать его за руку.

Через минуту они уже были внутри. Тьма там царила кромешная, только из открытой двери расползались три полосы лунного света, но этого не хватало, чтобы понять, куда они попали. Барнвельт споткнулся обо что-то твердое и вполголоса выругался. Надо было догадаться прихватить свечу или что-нибудь в этом роде, да разве все предусмотришь…

Это навело его на мысль. Он ощупью двинулся вдоль стены, время от времени натыкаясь на какие-то предметы, и очень скоро нашарил железный крюк, на котором висела небольшая масляная лампа. Изрядно повозившись с карманной зажигалкой, он запалил фитиль и торопливо прикрыл дверь, чтобы свет не выдал их местонахождения.

Оказалось, что посудина была задействована под склад, где в строгом порядке хранились всякие припасы: бочонки со смолой, гвоздями и прочей мелочью, доски и брусья, разнокалиберные канаты и веревки, уложенные в аккуратные бухты, рангоутные реи, парусина и весла. Посреди помещения на полу лежала откинутая крышка широкого люка, и, наклонившись, Барнвельт убедился, что и нижняя палуба плотно уставлена бочками, поленницами дров, стопками мешков и прочим имуществом.

— Очень интересно, — пробормотал он. — Хотя я пока не вижу, какой нам от всего этого толк.

— По крайней мере, — заметила Зея, — нам есть, где спрятаться.

— Далеко в этом не уверен. Если Заккомир удрал, они все поселение обыщут. И все равно они знают, что должны быть еще двое. Вообще-то говоря, по пути сюда нас кое-кто видел. Часку я сказал, чтоб ждал нас на границе Сунгара…

— А кто такой Чаек?

— Мой боцман. Очень надеюсь, что ему все-таки удалось выбраться вместе с судном, когда поднялся весь этот переполох. А даже если он и впрямь завтра появится, не стоит рассчитывать, что ему дадут долго торчать там после рассвета.

— Так ты не знаешь, выбрался он или нет?

— Нет. Если б только удалось незаметно стибрить какую-нибудь лодчонку…

— По пути ни одной мне не повстречалось, и говорят, что на лодке никак сквозь тину сию не пробиться.

— Может, и так, — буркнул Барнвельт. — Только ты просто не представляешь, какие невозможные вещи вытворяют люди, когда им деваться некуда. Пойду посмотрю.

Он выскользнул за дверь и еще раз обошел вокруг палубы,

всматриваясь в лунный полусвет в поисках лодки или маленького парусника. Но не высмотрел он ничего — ничего, кроме гнилых остовов, обросших со всех сторон водорослями. Покончив с этим делом, он внимательно оглядел надстройку, дабы убедиться, что наружу не просачивается свет. Свет действительно едва заметно пробивался сквозь щель под юго-западной дверью.

Вернувшись внутрь, он отмотал с бухты кусок каната и тщательно заткнул им щель. При этом он поведал Зее о своей неудаче.

— Разве не можешь ты плот выстроить, всеми этими припасами располагая? — предложила Зея.

— Десятиночий за шесть, да и то если набор инструментов найдется. Слушай, а что это имели в виду пираты, когда один там — забыл, как его звать — толковал, будто ты ключ к богатствам Зоры?

— Очевидно, случилось сие еще до моего появленья.

— Так оно и было. У этого малого, судя по всему, было какое-то альтернативное предложение, которое он предлагал обсудить, да Шиафази быстро его приткнул. Боялся, видно, чтоб я не прознал их планы.

— Должно быть, пират тот квирибский, зовут коего (или, верней, звали) Урган, не так давно — уважаемый торговец из Рулинди. Дурною сочтя манеру, с коей супруга деньги его тратила — что она, согласно уложенью нашему, имела полное право делать, — бежал он на Сунгар. Истинная направленность замысла его мне не ведома, хоть по намекам отдельным, кои роняли они в моем присутствии, могу заключить я, что Шиафази намеревался увещеваньями мысленными меня покорить, а после захватить Квириб. Меня истинною правительницей они объявили бы, а на деле марионеткой в их руках я б была. Не вмешайся вы с Заккомиром — и впрямь учинили бы они подлость подобную, ибо многие сунгарцы из Квириба происходят и мечтают делишкам своим придать оттенок законности. Но как вы с Заккомиром попали сюда?

Барнвельт поставил ее в известность о последних событиях в Рулинди, опустив, правда, то обстоятельство, что подвигнуть его на эту благородную акцию удалось лишь под угрозой раскаленных клещей. Он чувствовал, что такая подробность грозит снять с ее восхищения этакий романтический налет.

— …И таким образом, — заключил он, — мы пробрались сюда под видом курьеров «Межроу Гурардена». Теперь меня зовут Сн… Гоззан.

Черт, он так и знал, что обязательно перепутает два эти прозвища!

— А что это за землянин, коего собирался ты вынести в сундуке? По мне, так обычный пират он и не стоит такой суматохи.

— Долго рассказывать. Как-нибудь потом объясню, если выберемся отсюда живыми.

— Живыми или мертвыми, но о подвиге сем еще долго молва идти будет, — заметила она. — Барду нашему придворному следовало бы в поэме его эпической описать, гептаметром героическим. Разносторонняя личность, видать, ты, господин Сньол. С гор ньямских пришел ты на моря, от снегов полярных в сии тропики жаркие. Лыжи сменил ты на паруса…

— *Ох ха!* А это мысль!

Барнвельт вскочил и принялся исследовать штабеля леса. Через некоторое время он наткнулся на доски, ширина и толщина которых показались ему подходящими, и вытащил из штабеля несколько штук.

— Длину надо делать метра два, — бормотал он себе под нос. — Жаль, что длинноваты.

Он огляделся в поисках верстака с инструментами, но такие работы, видно, выполнялись где-то в поселении. В итоге он взялся обстругивать доску ножом.

— Чем занят ты? — удивилась Зея. — Лыжи строишь, дабы шагать по болоту из терпалы? Вот уж поистине ум скорый, как молния! Только не провалимся ли мы в промоину какую средь водорослей, устроивши банкет чудищам морским?

— Дай-ка сюда ногу. Черт бы побрал эти сандалеты — в руках разваливаются…

Час проходил за часом, а Барнвельт все трудился. Когда он вновь открыл северо-восточную дверь, свет ни одной из трех лун уже не проникал в дверной проем, поскольку сияющая гроздь успела переместиться на западную половину усыпанного звездами неба.

Далее Барнвельт действовал по тщательно разработанному плану. Первым делом он еще раз обошел палубу, приглядываясь и прислушиваясь: не видно ли и не слышно ли погони. Не обнаружив ничего подозрительного, он посмотрел туда, где к северу от них расстилалась залитая лунным светом пустыня из водорослей. Бледный лоскут на горизонте, который, по его мнению, и являлся парусом искомого плота, было уже не разглядеть, но торчащий нос полузатонувшей посудины перед ним вырисовывался достаточно отчетливо.

Потом он стукнул в дверь и тихо сказал:

— Туши лампу и выходи.

Зея повиновалась. Вдвоем они вытащили на палубу четыре

лыжи, два весла, которым предстояло служить в качестве балансировочных шестов, и пару мотков веревки. Один конец более толстого каната он обмотал вокруг кнехта на палубе, а другой перекинул через борт в воду.

Затем он сбросил кольчужный жилет, который не дал бы в случае чего выплыть, вооружился веревкой потоньше и занялся изготовлением лыжных креплений. На боковых кромках лыж он заранее вырезал глубокие зарубки для постромок, поскольку для простоты дела решил пропустить их прямо понизу. С его собственными лыжами особых проблем не возникло. Хоть ему раньше и не приходилось делать лыжных креплений, в узлах, благодаря земному опыту яхтсмена, он разбирался неплохо, а курьерские сапоги прекрасно защищали ноги.

С Зеей, однако, все оказалось гораздо сложней. Хоть он и вырезал заранее два куска парусины, которыми обмотал ей ноги, чтобы в них не врезались веревки, но опасался, что она их все равно сотрет. Однако делать было нечего…

— Сунгарцы приближаются! — произнесла девушка громким шепотом.

Он прислушался. Кроме обычных отдаленных шумов ночной жизни Сунгара, до них теперь доносились и куда более определенные звуки: топот шагов, лязганье стали и гул голосов.

Он лихорадочно затянул последние узлы и заспешил к борту, хлопая привязанными к ногам досками по палубе.

— Я пойду первым, — объявил он и перегнулся через фальшборт, хватаясь за толстый канат.

Скользнув вниз, он услышал, как лыжи хлопнули по воде, и сразу почувствовал, что ноги обволокло холодом. На мгновенье ему показалось, что водоросли не выдержат его вес, что если он отпустит канат, то неминуемо провалится по шею.

Шум, который производили приближающиеся люди, быстро становился все громче и громче. Барнвельт теперь мог уже различить отдельные голоса, хотя слов разобрать было нельзя.

— Поспеши! — донесся сверху голос Зеи. Барнвельт едва сдержался, чтобы не рявкнуть на нее — а что еще, интересно, он делает? — и с опаской опустился пониже. Натяжение каната внезапно ослабло, и он понял, что стоит на толстом слое водорослей, а вода не доходит ему даже до середины икр. Он сделал осторожный шажок, потом другой, все еще держась за канат, и обнаружил, что дальше от борта водоросли представляют собой куда более надежную опору. Также он выяснил, что, если двигаться без остановок, можно оставаться сравнительно сухим, а стояние на месте влекло за собой погружение в воду где-то по колено, поскольку под весом человека терпала незамедлительно

проседала.

— Подай мне весло! — негромко попросил он и, когда Зея выполнила эту просьбу, опробовал: лыжная палка вышла хоть куда.

Судя по звукам, поисковая партия уже двигалась по мосткам прямиком к блокшиву. У противоположного борта уже загремели шаги, и Барнвельт уловил обрывки разговоров: «…одним богам известно, мы ведь все уже обыскали…», «…ежели тут их нету, должно быть, утопли они…», «обойди-ка кругом палубу, не то…»

Зея достигла уровня воды, сделала один неверный шаг, воткнула обструганный нос лыжи в терпалу и чуть было не рухнула.

— Осторожней! — неистово прошипел Барнвельт. — Вот тут терпала вроде как поплотней. Держи весло. А теперь живей вперед.

Со свистом разрезая воду лыжами, они двинулись к северу. Барнвельт бросил короткий взгляд назад, на блокшив. Хотя ближний к ним борт скрывался в тени, на палубе что-то неясно мелькнуло. Послышался скрип открываемой двери и крик: «Они вломились сюда! Бегом за лампой!»

Пару минут Барнвельт надеялся, что сунгарцы слишком увлекутся обыском блокшива и не заметят беглецов прямо у себя перед носом: не додумаются посмотреть на водоросли за бортом, не рассчитывая увидеть людей, бредущих по воде, аки посуху.

Куда там.

— А что тут веревка делает? — послышался чей-то голос. — *Ох ха,* вот куда они девались!

— Куда?

— Вон туда, в терпалу!

— Да это же невозможно!

— И все ж таки они…

— Колдовство!

— Самострел! Самострел сюда! У кого там самострел?

— Ни у кого, зер, ибо приказали вы…

— Мало ли что я приказал, болван! Живо беги и принеси…

— Сумеешь ли ты добросить…

— Скорей! — торопил Барнвельт, удлиняя шаг.

Голоса у него за спиной слились в беспорядочный гомон.

— Осторожно, тут промоина, — предостерег он Зею.

Расстояние росло угнетающе медленно. Сзади щелкнула спущенная тетива, и рядом с ними что-то резко и коротко свистнуло.

— Они в нас стреляют! — плачущим голосом простонала Зея.

— Все нормально. На таком расстоянии в темноте им в нас в

жизни не попасть.

Сам Барнвельт столь твердой уверенности далеко не испытывал. Сомнения его еще больше увеличились, когда в следующий раз свистнуло так близко, что он мог поклясться, будто ощутил толчок воздуха. Что же делать, если в кого-нибудь из них все-таки попадут?

Фить! Фить! Эх, в кольчуге было бы явно уютней, даже несмотря на вес.

Мало-помалу расстояние увеличилось, и невидимые снаряды перестали посвистывать прямо над ухом.

— Теперь мы в безопасности, — объявил он. — Приостановись-ка и лови веревку. Обвяжись вокруг пояса. Это на случай, если кто-то из нас провалится в промоину — другой сможет его вытащить. Слава великому богу Бакху, что ты не заморыш какой-нибудь! А теперь пошли, и помни — не останавливаться.

Они заплюхали по воде к носу стоящей торчмя заброшенной посудины.

Зея заметила:

— До чего ж непривычно узреть все три луны полными одновременно! Старый Квансель уверяет, будто явленье сие сулит некий великий подъем в жизни светской нашего государства, хотя мать моя к нему не прислушивается, настаивая на том, что все в руках у Варзаи, а все рассужденья астрологические старика — не более чем суеверья нечестивые.

— «…И рифмы лирики унылой пророчат то, что не понять умом». Что ж он тогда до сих пор сидит на зарплате, если ее не устраивают плоды его труда?

— О, достался в наследство он нам еще от властительной бабки моей, и мать моя, коя суровой и черствой представляется тем, кто не знает ее поближе, не в состоянии все же выбросить на улицу верного слугу, что прослужил столь долгий срок. А помимо того, будь ученье его звездное истиной или же заблужденьем, человек он весьма просвещенный и… *бульп!*

Веревка неожиданно резко натянулась, и Барнвельт едва удержался на ногах. Зея все-таки свалилась в промоину. Все бы болтать этим бабам! Не без облегченья Барнвельт увидел, что голова ее сразу показалась над водой со свисавшей поверх одного глаза прядкой терпалы.

— Ну что ж, вылезай теперь, госпожа Зея! — ядовито молвил он, переминаясь на лыжах, чтоб не давать веревке ослабнуть. — Давай-давай, на животе, вот так!

Беспомощно путаясь в своих лыжах, она все-таки выкарабкалась на плотный слой водорослей.

— Разворачивай лыжи. Да не обе сразу, по очереди! — командовал он. — Подбирай весло и вставай. В следующий раз смотри под ноги!

— Господин Сньол! — послышался обиженный голос. — Хоть и спас ты меня от опасностей ужасающих, разрешенья не давалось тебе обращаться ко мне, будто к простой кухарке!

— Еще почище стану обращаться, если не будешь слушаться! Пошли!

Она погрузилась в молчание. Барнвельт несколько устыдился своей вспышки, хотя и не настолько, чтоб приносить извинения. «В конце концов, — твердил он себе, — этих привыкших командовать квирибских дамочек надо сразу обламывать, иначе потом они просто на голову сядут».

С некоторым злорадством он подумал о том, что наверняка впервые за всю жизнь Зеи простой мужчина разговаривал с ней так грубо. Она, наверное, просто от такого обалдела. Размышляя о происхождении этого самого злорадства, он вдруг осознал, что и сам никогда так с женщинами не разговаривал. Должно быть, дело было в неком подсознательном удовлетворении его мужского начала, наконец-то сумевшего противопоставить себя женскому полу. Однако он дал себе обещание впредь вести себя посдержанней и не превращать Зею в мишень для своей нарождающейся агрессивности, поскольку бедняжка никак не была причастна к некоторым особенностям его воспитания.

Он бросил взгляд на девушку, которая старательно шлепала вслед за ним. В своей насквозь промокшей полупрозрачной тунике в свете трех лун выглядела она так, будто одежды на ней вообще не было. В голове у него замелькали метафорические образы богинь, поднявшихся из морских глубин…

С восточной стороны, метрах в ста от них, поверхность водорослей неожиданно вздыбилась. Что-то темное и лоснящееся — голова, плавник? — на миг показалось в лунном свете и тут же с громким плеском исчезло.

— По-моему, — нарушил он молчание, — нам обоим лучше все-таки не падать в промоины… Интересно, выкрутился ли Заккомир? Мне этот малый по душе, и я никак не возьму в толк, чего он так старается, чтоб его поскорей прикончили.

— А ты сам разве нет?

Барнвельт помедлил, прежде чем ответить:

— В определенном смысле… Только вот… А между вами существует… гм… определенное взаимопонимание?

(Он уже задавал подобный вопрос Заккомиру, но желательно было бы получить дополнительное подтверждение.)

— Нисколечко, — отозвалась она. — Будучи верным

подданным и лицом, приближенным к трону, должен быть только счастлив он жизнь положить во благо короны.

Ну что ж, подумал Барнвельт, в монархических государствах такие взгляды, наверное, и впрямь должны считаться нормой, хотя ему, уроженцу планеты, где стандартной формой государственного устройства давно является демократическая республика, и представить такое трудно.

Через некоторое время они дотащились до торчащего из воды носа полузатопленной посудины и, хватаясь за поручень фальшборта, влезли по вздыбленной палубе к открытому люку, где уселись передохнуть.

Барнвельт посмотрел на север, но по-прежнему не сумел с полной уверенностью определить, где находится парус вожделенного плота. Однако общее направление было известно, и Барнвельт рассчитывал достаточно точно выйти на него, почаще оглядываясь назад. Поселение сунгарцев сливалось отсюда в темную неровную линию над южной стороной горизонта, но он засек в качестве ориентира плавучий склад, который вырисовывался еще достаточно отчетливо.

— Как ноги? — поинтересовался он.

— Хоть тут и не паркет в зале танцевальной, пока что терпимо.

— Ладно, тогда пошли.

Они вновь устремились сквозь водоросли. Гроздь лун повисла уже совсем низко, и Барнвельту показалось, что он видит на востоке какое-то неясное свечение, широким клином выбивавшееся из-за горизонта. Через некоторое время оно угасло — должно быть, это и был тот самый излюбленный поэтами «призрак утра неверный». Он продолжал то и дело оглядываться на полузатопленный корпус и далекий блокшив.

Луны опустились еще ниже, а небо на востоке, похоже, на сей раз по-настоящему порозовело. Когда пропали из виду самые маленькие звездочки незнакомых созвездий, в отдалении четко прорисовался потрепанный парус плота.

Поскольку цель была уже совсем близка, Барнвельт прибавил шагу, страстно желая поскорей забраться на плот и скинуть с ног надоевшие доски. При этом он вырвался вперед, и Зея, которую он поволок за собой, взмолилась:

— Не так быстро, заклинаю!

Барнвельт повернул было голову, чтобы ответить, и в этот самый момент лыжи уехали из-под него куда-то вперед. Нахлынувшая вода с плеском и бульканьем накрыла его с головой.

Прежде чем он успел вынырнуть на поверхность, что-то резко

стукнулось ему в спину, и он запутался в чьих-то конечностях. Он сразу понял, что произошло: оказавшись у него за спиной, а не сбоку, Зея не сумела противостоять натягу веревки и, когда он свалился в промоину, была увлечена туда вслед за ним.

Наконец он сумел поднять голову над водой, сорвал с шеи обернувшуюся вокруг нее на манер мехового воротника длинную прядь терпалы и принялся вылезать. Это оказалось посложнее, чем он думал, поскольку лыжи постоянно цеплялись за водоросли и сковывали движения. В конце концов ему удалось подобрать под себя ноги и ухватиться за весло, он боком выполз из промоины и помог Зее, натягивая веревку.

Когда она выплюнула изо рта половину моря Ваандао и отдышалась, то заметила:

— Надеюсь, господин мой, что не сочтешь ты излишней назойливостью напоминанье, что и тебе иногда полезно под ноги смотреть!

Он стыдливо ухмыльнулся:

— Не хвались, на рать идучи, как выражаются у нас в Ньямадзю. Слава богам, мы почти на месте.

Когда стало посветлее, он понял, почему провалился. Они уже приблизились почти к самому краю сунгарского материка, где в слое водорослей зияли многочисленные прорехи. А впереди, за плотом, терпалы вообще не представляли собой единое целое, а плавали отдельными желтовато-коричневыми лоскутьями самого разного размера.

В конце концов они влезли на плот и с одновременными вздохами облегчения уселись на сбитые между собой бревна. Барнвельт отвязал лыжи и занялся креплениями своей спутницы. При первом же прикосновении она дернулась, а когда он снял веревки и куски парусины, то увидел, что ноги у нее в нескольких местах стерты до крови.

— Великий Кондиор! — испугался он. — Это же, наверное, жутко больно! Что же ты ничего не сказала?

— А зачем? Все равно не смог бы ты нести меня на себе по сей зыбкой дороге из тины плавучей, а жалобы мои лишь зазря отвлекали бы тебя от задачи твоей нелегкой.

— А ты, видать, не плакса, — заметил он, стаскивая сапоги и выжимая носки.

— Спасибо уж, — она вдруг расхохоталась. — Ой, посмотрика на ноги свои!

В усиливающемся утреннем свете он увидел, что те покрыты затейливыми синими разводами от полинявшей курьерской униформы.

Потянувший предрассветный ветерок заставил Барнвельта

застучать зубами.

— Бр-р! — поежилась Зея. — А я-то почти высохла после первого купанья! А ну-ка скидывай одежу свою промокшую и позволь мне отжать ее как следует. Иначе в сырости такой вовек ей не высохнуть.

Подкрепляя слово делом, она мигом выскользнула из своего эфемерного наряда и отжала его за бортом плота. Прошлое Барнвельта, прочно гнездящееся в округе Чатагуа, решительно заявило о себе, залив ему щеки ярким закатным румянцем, в то время как Зея вела себя с непосредственностью годовалого младенца.

Деловито развесив свои причиндалы на уцелевших реях плота, она обратилась к Барнвельту.

— Что же удерживает господина моего от действий? Иль уродства какого стыдишься ты в членах своих?

Барнвельт молчаливо повиновался.

Когда он снимал куртку, из-под нее выпало письмо Шиафази. Он скомкал его и швырнул за борт. Теперь оно все равно было ни к чему и могло лишь вызвать ненужные сложности, пробудив любопытство королевы Альванди относительно того, с чего это вдруг сунгарцам так понадобились ее друзья из Ньямадзю.

— Если к этим твоим волдырям добавится еще и солнечный ожог, ты и шагу ступить не сможешь, — заметил он. — Может, сорвем этот старый парус и укроемся… Хотя нет, лучше его пока оставить, иначе Чаек нас не найдет.

— А ежели корабль твой не появится?

— Чего-нибудь придумаем. Может, у меня получится сходить ночью обратно в поселение — стащу чего-нибудь поесть и снасти, чтоб вооружить этот плот или построить новый. Хотя, по-моему, это не совсем жизненная идея.

— О, столь расторопный герой, как ты, с любыми обстоятельствами управится! А между тем неплохо было бы и подкрепиться, ибо разгулялся у меня чудовищный аппетит.

— Да где же я тебе возьму тут еду?

— Но при выдающихся способностях твоих наверняка выдумаешь ты некий способ хитроумный…

— Спасибо за комплимент, милочка, но даже я не всесилен. И нечего смотреть на меня таким голодным взглядом! Это напоминает мне о зверских обычаях твоей родины.

— Да прекрати ж, наконец, усмешки свои и оставь в покое сию тему! Вовсе не я оный обычай выдумала! И не волнуйся, пожалуйста, что в отношении тебя строю я планы людоедские, ибо, подобно шомалу скаковому, одни в тебе жилы да кости!

Он зевнул:

— Пока мы тут ждем, стоит чуток поспать. Давай заваливайся, а я подежурю.

— Но разве не следует тебе отдохнуть первому? На долю твою выпала самая тяжелая…

— Спать! — гаркнул Барнвельт, ощущая очередной приступ мужского превосходства.

— Хорошо-хорошо, господин благородный, — пробормотала она, кидая на него воинственный взгляд.

Он уселся на палубе, спиной к мачте, обводя глазами горизонт. При этом ему то и дело приходилось отвешивать себе чувствительные щипки и шлепки, чтобы не задремать ненароком. Высохнув, морская вода оставила на коже множество крохотных крупинок соли, отчего та жутко зудела. Почесывая бритую голову, он обнаружил, что на ней проклюнулась основательная щетина. Надо было в темпе придумывать, чем ее сбрить, иначе его инопланетное происхождение очень скоро стало бы очевидным.

— О Сньол! — воззвала Зея жалобным голоском. — Слишком замерзла я, чтобы заснуть!

— Ну иди сюда, я тебя погрею, — не подумав, ляпнул Барнвельт и тут же об этом пожалел. Быстрым кошачьим движением Зея поднырнула ему под правую руку и пристроила голову у него на груди. Она действительно вся дрожала от холода.

— Так-то лучше, — удовлетворенно пробормотала она, улыбнувшись ему.

«Да неужели?» — подумал Дирк, в душе которого две стороны его натуры — осторожный, расчетливый делец и здоровое, молодое животное — тут же сцепились в смертельной схватке. Кровь гулко застучала у него в висках.

На сей раз делец одолел.

— Извини, — буркнул Барнвельт, решительно поворачиваясь к Зее спиной и протягивая руку к своей одежде, которая свисала с вант.

Она была еще влажной, чего и следовало ожидать при столь близком соседстве с водной поверхностью. Тем не менее он напялил на себя непросохший костюм, бросив через плечо:

— На веревке наши шмотки в жизни не высохнут. А если их надеть, тепло тела их со временем высушит. Тебе, пожалуй, тоже лучше одеться.

— Уф! — вздохнула она, вертя в руках порядком потрепанную тунику. — Ну ладно, как скажешь, господин мой.

Она через голову влезла в свое полупрозрачное одеяние.

— А теперь изволь-ка опять согреть меня, ибо зубы мои начинают стучать, будто кастаньеты танцора балхибского!

Они опять устроились у основания мачты. Луны зависли уже у самого горизонта — в самом скором времени должно было показаться солнце. Зея довольно вздохнула и улыбнулась Барнвельту. И прежде чем он осознал, что такое творит, он склонился над ней и поцеловал.

Она ни оттолкнула его, ни ответила на поцелуй. Вместо этого на лице ее было написано неподдельное изумление и растерянность. Наконец она выговорила:

— Ужель сие и есть тот земной обычай, «поцелуем» именуемый, о коем знаю я только из слухов?

— Ну да. А он что, еще не дошел до Квириба?

— Говорят, что повесы отдельные в наших краях уж вовсю его практикуют, хоть никто из круга нашего придворного пока мне его не показывал. Верно ли, что средь землян это нечто вроде приветствия, что свидетельствует о любви и почтении?

— Так меня, по крайней мере, уверяли.

— Чудесно! Можно и должно, чтоб подданные верные любили особ династии царствующей! Так что, дражайший Сньол, яви доброту свою еще разок, дабы доказать свою преданность трону!

В голове у Барнвельта мелькнула мысль, что у слова «любить» довольно много значений, но он уступил просьбе. Зея, как он обнаружил, демонстрировала исключительные способности совершенствоваться с практикой.

В висках у него опять застучало. Барнвельт-Здоровое животное, сбитый было с ног, опять поднялся и вцепился в Барнвельта-Дельца. Последний взмолился: «Ради всех богов, Дирк, опомнись! Если ты будешь продолжать в том же духе, а она не станет противиться — что просто однозначно, — это может стоить тебе головы! Погоди, вот уладишь все дела и проблемы, связанные с нынешним предприятием…»

Барнвельт-Животное никаких аргументов не выдвигал, да это ему было и ни к чему. Пользуясь явным превосходством в грубой силе, он повалил Барнвельта-Дельца на ковер. Ко всему прочему он выяснил, что частичное прикрытие прелестей Зеи ничуть не преуменьшило его желаний, а, скорее, еще больше их стимулировало.

Он поменял положение, поскольку придавленная Зеей правая рука у него начала затекать. В этот момент показавшееся вдали светлое пятнышко заставило его резко выпрямиться.

— В чем дело, дражайший мой друг? — забеспокоилась Зея.

Барнвельт неохотно высвободился из ее объятий и указал на крошечный белый треугольник, который поднимался на фоне светлеющего неба над западной стороной горизонта.

— Если не ошибаюсь, это парус «Шамбора»!

Он обвел Зею долгим, медлительным взглядом. Однако Барнвельт-Делец к тому моменту сумел вновь оказаться у руля. Дирк мрачно занялся утренней зарядкой. Трухлявые доски древнего плота только поскрипывали под его отжиманиями и приседаниями.

— Чем это занят ты? — изумилась Зея. — Уж не ежеутренним ли поклоненьем угрюмым богам ньямским?

— Понимай как знаешь. Просто слегка упражняюсь, чтобы… гм… усилить кровообращение. Хочешь, сама попробуй.

Наконец он остановился, тяжело отдуваясь.

— Слушай, мне тут пришло в голову, что, может, это вообще не наш корабль. Так что давай-ка лучше заляжем за мачтой, чтоб зря не светиться.

— А ежели это неприятели наши?

— Слезем в воду и будем молиться, чтоб фондаги нам чего-нибудь не отгрызли.

Под напором рассветного бриза парус стремительно рос. Когда он приблизился настолько, чтобы из их укрытия можно было разглядеть корпус, Барнвельт удостоверился, что это действительно «Шамбор». Однако он выждал еще немного, пока не углядел на руле Часка, после чего вскочил, издавая вопли и размахивая руками.

Через несколько минут суденышко врезалось носом в водоросли и уткнулось в плот. Барнвельт помог Зее перелезть через фальшборт и вскарабкался следом.

Он мрачно уверял себя, что только редкостная удача позволила ему избегнуть вступления с принцессой в интимную связь, которая бог знает чем могла закончиться. Но в то же самое время еще одна, наименее практичная сторона его натуры — Романтичный Мечтатель Барнвельт — тихонько шептала: «Ах, но ты же все равно ее любишь, и вовсе не как верный подданный царственную особу, вовсе нет! И когда-нибудь, наверное, вы все равно с ней как-нибудь, где-нибудь соединитесь. Когда-нибудь. Когда-нибудь…»

Рука Зеи

Когда Барнвельт с Зеей перелезли через фальшборт, Чаек позвал на руль кого-то из матросов и прошел вперед, восклицая:

— Да это же сама властительница Зея! Морские боги и впрямь благоволили предприятию нашему!

Перед принцессой он опустился на колено, а Барнвельту крепко пожал большой палец, сам в этот момент очень похожий на какого-то коренастого морского божка.

Дирк приветствовал остальной экипаж взмахом руки и ухмылкой:

— Здорово, ребята!

Матросы, которые сидели на веслах и стояли у шкотов, молчаливо отвели глаза. Один или двое нерешительно улыбнулись, остальные же, похоже, были настроены более хмуро. Барнвельт с неприятным холодком в животе вспомнил, что так и не успел наладить с ними прежних отношений, с тех пор как отверг их требование свернуть экспедицию.

— Угодно ли вам, — подал голос Чаек, — чтоб направились мы к проливу Палиндос со всею возможной быстротою, капитан?

— Именно так!

— Есть, зер!

Вскоре они окончательно выбрались из водорослей.

— С правого борта впереди греби… Теперь все разом — навались! Шкоты набивай… Руль на ветер… А теперь гребите во всю мочь свою, покуда галеры сунгарские нас не заметили! Курс на северо-запад. Круче к ветру держать!

Боцман опять повернулся к Барнвельту:

— Что приключилось с вами, зер, и где тот юный чудак, что сопровождал вас?

— Пошли с нами в каюту, — предложил Барнвельт.

Пока Дирк, распотрошив шкаф с медикаментами, смазывал бальзамом и бинтовал ноги Зее, Чаек собрал им перекусить и выложил свою историю.

— В общем, стояли мы у причала спокойно, покуда к нам не пришвартовалась другая посудина, с коей высадился отряд пиратов и взошел по трапу на большую галеру. А потом вдруг узрели мы, как один из наших матросов прыгает с оной галеры прямо в воду и к нам на борт лезет с криками, что все пропало и надобно удирать немедля. Покуда медлили мы, не желая отваливать, пока хоть какая-то надежда оставалась, появились сунгарцы с клинками обнаженными, выкликая, что задержать нас потребно.

Так что отпихнулись мы от причала, задержавшись чуток лишь для того, чтоб швартовы пиратской посудине обрезать и преследованию помешать. А потом погребли что было сил, побольше шуму по дороге устраивая, дабы помочь беглецам ускользнуть под покровом ночи. После схоронились за какой-то галошей огромной у самого края терпалы и слушали, как галеры шарят поблизости, нас разыскивая. С рассветом выбрались мы из сей норы и, кораблей сунгарских поблизости не узревши, двинулись к месту условленному во исполненье прощальных приказаний шкипера нашего.

— Хорошо, — похвалил Барнвельт. — Но почему вы не убрали парус, когда достаточно рассвело? Так и напрашивались, чтоб сунгарцы вылезли и прижали вам хвост!

— Того молодцы наши потребовали, не желая корабль продвигать одними лишь собственными силами. Насилу я угрозами да уговорами заставил их крюк этот сделать, дабы вас подобрать.

Чаек направил на Барнвельта обвиняющий взгляд, в котором ясно читалось: *«Именно вы развалили дисциплину на борту, так что я тут ни при чем».*

— А теперь, капитан, все же поведайте, что приключилось с вами.

Барнвельт в разумных пределах изложил события прошедшей ночи.

— Когда, уже в каюте, мы обсуждали условия освобождения принцессы, я бросил дымовую бомбу. В возникшей неразберихе мы с Заккомиром закололи двоих пиратов. Главаря-осирианина мы загнали в угол и заставили пойти с нами и принцессой, приставив ему к ребрам мечи. Но судьба распорядилась так, что я наткнулся на одного человека, с которым уже встречался раньше, далеко от Сунгара. Узнав меня и будучи в курсе, что никакой я не курьер, он поднял тревогу. В результате нам пришлось спешно удирать. Заккомир отвлек внимание преследователей, чтобы мы с Зеей могли скрыться в другом направлении, и в итоге мы добрались до плота прямо по водорослям, привязав к ногам доски.

— А у юного щеголя оказалось побольше отваги, чем я думал. Что же сталось с ним, в конце концов?

— Не знаю. А теперь скажи, почему матросы такие мрачные? Я-то думал: они будут рады нас видеть.

— На то целых две есть причины. Во-первых, ежели извините вы мою прямоту, не по душе им сей вояж, поскольку стоил он уж жизни четырем-пяти, если считать Заккомира. Понимаете, зер, многие храбры, как екий, в родном порту плаванья задумывая

отчаянные, а настоящим опасностям в лицо заглядывая, тише воды, ниже травы делаются, точно Кур-храбрец в песне матросской. И хоть числю я главнейшую передрягу уже позади, побаиваются они все же, что опустится им на плечи тяжелая рука Сунгара, прежде чем окажутся они в безопасности.

И второе: средь нас — сей юный Занзир, который ненавидит вас смертельно за то, что опозорили его пред товарищами, коим хвастался он отношеньями с вами приятельскими. К тому же родом он из Катай-Джогорая, где ни званий нет, ни титулов, и где впитал он мысли вредоносные о равенстве всех людей. Так что вбил он в башку себе, будто жизнь повелительницы моей Зеи — сам я ничего такого не имею в виду, госпожа — будто жизнь ее весит не больше на весах богов в мире загробном, чем жизнь моряка простого, и что выкупать ее за четыре иль пять их собственных — не более чем убийство и притесненье. А посему экипаж, им подстрекаемый…

— Что?! — вскричала Зея с набитым ртом.

— Не подумайте обо мне дурно, владычица моя…

Прожевав, она сумела проговорить:

— Ни единого огреха не вменяю я тебе в вину, любезный Чаек, просто изумлена я до глубины души воззреньями подобными. Сие либо вдохновенные помыслы гения, либо бред безумца!

— Как бы там ни было, законом они почитают в Катай-Джогорае…

— А почему ты ничего не предпринял в отношении этого малого? — спросил Барнвельт, прерывая то, что грозило вылиться в семинар по обществоведению. — Всем известно, что на морском корабле нечего разводить демократию!

Про себя Барнвельт признал, что несколько покривил душой. Он и сам начинал с установки, такую демократию допускающей, и по-прежнему считал, что в точке зрения Занзира есть рациональное зерно. Но погибших уже не воскресишь, а потом, всех честно обо всем предупреждали и в плавание они пустились по собственной воле.

— Возьму на себя смелость, зер, — заметил Чаек, — напомнить вам собственные ваши указанья, отданные при отплытии: никакой «жестокости», вы сказали. Так что время для действий решительных, коими язва сия могла быть вскрыта, уже минуло, тем более что Занзир старательно держится от меня подальше с наиболее фанатичными приверженцами своими…

— Зеры! — завопил вдруг матрос, засовывая голову в дверь каюты. — У нас на хвосте галера!

Они поспешили на палубу. Утреннее солнце действительно высвечивало на горизонте парус, между ними и уже едва различимым Сунгаром. Барнвельт вскарабкался на мачту. С высоты бейфута под парусом можно было различить и корпус, нос которого целился прямо в них, и ряды весел, что вздымались и опадали у бортов. Со своего наблюдательного пункта обнаружил он и еще один, более удаленный парус.

Он слез вниз и обвел взглядом палубу. Юный Занзир, который в этот момент сжимал руками первое от носа весло с левого борта, не без вызова посмотрел на него в ответ, словно чего-то ожидая. Барнвельт позвал боцмана и Зею в каюту, отомкнул шкаф с оружием и вытащил себе с Часком по мечу, а Зее длинный кинжал.

— Теперь понял, что я говорил насчет паруса? Кстати, я далеко не готов поручиться, что наш юный идеалист не попытается на нас напасть, когда сунгарские корабли подойдут поближе, чтобы сдать потом в обмен на собственную свободу.

— Сие вполне вероятно, — согласился Чаек, — хотя честные моряки смертельно боятся сунгарцев, почитая их не за людей, но за механизмы бездушные, оживленные злодейским волшебством того чудища, что сим болотом правит.

— Ну что ж, если кто сделает хоть одно неверное движение, закалывай безо всяких разговоров и выкидывай за борт, — решил Барнвельт. — Теперь можешь опираться на собственные взгляды в вопросах дисциплины.

Чаек наделил Барнвельта некоторым подобием улыбки, хоть от открытого ликования и воздержался.

— А теперь я займусь курсом, если ты мне поможешь, — объявил Барнвельт боцману и повернулся к Зее: — Лучше бы тебе переодеться во что-нибудь более… гм… морское. Эта твоя тюлевая драпировочка уже по швам расползается.

Отперев сундук, он достал оттуда кришнянский вариант свободных матросских штанов из грубой негнущейся парусины, после чего разложил на столе карты и углубился в работу. Катившая с севера крупная зыбь валяла «Шамбор» достаточно прилично, чтобы превратить навигационные расчеты в довольно неприятное занятие. Когда Барнвельт закончил, Чаек заметил:

— Ежели вскорости не поменяем мы галса, окажутся сунгарцы в такой позиции, что от пролива нас отрежут.

— Тогда давай делать поворот, — отозвался Барнвельт.

Опасаясь обжечь на солнце свой голый скальп, он напялил уже изрядно помятый серебряный шлем и вновь вышел на палубу.

Свежеющий с каждой минутой северный ветер косо сносил вдоль палубы срывающиеся с носа пенные брызги. Вода то и дело

захлестывала в весельные порты. На такой высокой волне гребцам уже не удавалось сохранять размеренный ритм, приходилось постоянно делать паузы между гребками, подняв весла повыше и ожидая в подходящий момент команды загребного: «Навались!»

Барнвельт еще раз поднялся на мачту, крепко цепляясь за перекладины вант, чтобы не слететь при внезапном рывке. В снастях гудел ветер, потрескивали тросы, а парус крепко и упруго надулся на рее. Преследующая галера за кормой хоть и приблизилась, но испытывала, похоже, те же трудности. Время от времени Барнвельт видел, как у носа ее вскипает пена, когда она зарывалась в волну. Будучи крупнее, зарывалась она сильнее «Шамбора», который отыгрывался, как поплавок. Галера, как теперь он сумел разглядеть, была двухмачтовая, с большим гротом впереди и маленькой бизанью на корме.

Как только Барнвельт спустился вниз, Чаек скомандовал:

— По местам стоять!

Боцману пришлось снять несколько человек с весел, иначе народу было маловато, чтобы справиться с парусом при таком ветре.

— Руль на полветер! Травить брас и шкот! Отдать ванты!

Наблюдая за этим запутанным маневром, Барнвельт опасался, что внезапный шквал может порвать парус, который теперь развевался впереди корабля, оглушительно хлопая и треща, словно огромный треугольный флаг, или что мачта, лишенная вант, свалится за борт. И в том, в и другом случае игра была бы окончательно проиграна. С довольно приличной скоростью их сносило вниз по ветру, несмотря на то, что гребцы табанили изо всех сил.

Палуба грохотала под ногами матросов, суетливо боровшихся с парусом. Наконец им удалось поставить рею вертикально и с воплями, кряхтением, всем весом повисая на концах замысловатых талей, перевалить ее на другую сторону мачты.

— Руль на ветер! Добирай шкот! Круче к ветру!

Рея опустилась в свое нормальное наклонное положение, но с обратной стороны мачты. Отданные мачты вновь натянули, и парус с гудением и потрескиванием наполнился ветром на новом галсе. Матросы вернулись на весла.

Насколько все это было бы проще, подумалось Дирку, с обыкновенным бермудским вооружением, когда все, что надо сделать, — это положить руль на борт и не забыть пригнуть голову, когда гик перелетает над палубой. Да и идти можно куда круче по ветру. Он сомневался, что им удавалось держаться круче шести с половиной румбов. Даже земные парусники с прямым вооружением (если, конечно, такие еще остались) могли с равным

успехом делать то же самое, да еще и поворачивали значительно быстрее.

Зея, которая стояла рядом с ним на юте, встревожилась:

— О Сньол, на что нам была сия эволюция? Не перережет ли путь нам корабль сунгарский?

— Под парусами — нет. Ему придется лечь на тот же галс, что и нам, а от одних весел в такую болтанку толку мало, — ответил он, хмуро оглядев небо, море и такелаж. — Если и впрямь здорово раздует, ему придется сматывать до дому, но и нам несладко придется. В шторм с таким вооружением поворот уже не сделать, и, чтоб остаться на плаву, останется только спускаться по ветру, в результате чего нас вынесет прямиком обратно на Сунгар.

— А что если ветер окончательно стихнет?

— Тогда они нас тоже достанут. У них там человек сто на веслах, а у нас только четырнадцать.

Интересно, если они продержатся впереди галеры до вечера, удастся ли тогда ускользнуть в темноте? Наверняка нет, коли все три луны будут сиять одновременно. Другое дело — дождь или туман, но при нынешней погоде не приходилось особо рассчитывать ни на то, ни на другое. А потом, с мачты «Шамбора» можно было по-прежнему различить парус второй галеры.

— Прошу прощенья, — выдавила Зея, — но чувствую я себя дурно и вынуждена удалиться… уп!

— Только с подветренного борта! — переполошился Барнвельт, указывая рукой.

Когда Зея уже спустилась вниз, чтобы прилечь, появился Чаек.

— Капитан, есть еще один вопрос, который потребно бы обсудить нам с вами. Не взявши на борт воды пресной в Сунгаре, рискуем мы в самом скором времени окончательно истощить наши запасы. А, понимаете ли, гребцам при эдакой гонке без воды никак, ибо быстро выходит она из них вместе с потом.

— Воду отпускай строго по норме, — распорядился Барнвельт, наблюдая за галерой, которая тоже быстро меняла курс, как только «Шамбор» пошел ей наперерез.

Матросы, словно муравьи по соломинкам, уже ползли по реям на обеих мачтах галеры, притягивая паруса сезнями. Хоть и обладая некоторым опытом работы с парусами на высоте, Барнвельт был все же рад, что не болтается сейчас над морем вместе с ними, оседлав рею, словно объездчик дикого скакуна, и отчаянно вцепившись в парусину.

Мало-помалу паруса съежились, притянутые к реям. Потом реи опустились на палубу. Галера пересекла кильватер

«Шамбора» и продолжала тянуть на север. Барнвельт решил, что преследователи пытаются набрать высоту и уменьшить отрыв до того, как вновь поднимать паруса, поскольку трудности осуществления поворота с латинским вооружением растут прямо пропорционально размерам паруса и для галеры могут оказаться даже более обременительными, чем для маленького «Шамбора».

Обреченный выкручиваться исключительно при помощи парусов, Барнвельт в этот момент много бы отдал за компактную газовую турбинку «Эллис-Чамберс» или «Майбах», установленную в корме, с которой они со свистом долетели бы до пролива Палиндос, не обращая внимания ни на ветер, ни на погоду.

Долгий кришнянский день тянулся невыносимо медленно. Барнвельт спустился в каюту, поспал и побрил голову морской водой, иначе медный цвет волос и бороды очень скоро выдал бы его происхождение. Матросы ворчали насчет недостатка воды, но сразу затыкались, когда Барнвельт проходил мимо с рукой на рукояти меча и весьма решительным выражением на лице.

Потом к ним занесло какое-то летучее существо, очевидно, сбитое ветром с курса, которое опустилось на один из тросов такелажа. Походило оно на небольшую безволосую обезьянку с крыльями летучей мыши. Чтобы хоть как-то убить время, Барнвельт сманил его с этого насеста, и к концу дня оно уже кормилось у него с руки.

Наступил вечер. Зеленоватое небо оставалось чистым. На западе, позади галеры, успевшей еще приблизиться и тяжело пахавшей воду под вновь поставленными парусами, садился ярко-красный Рокир. Паруса галеры маячили на его фоне черными силуэтами. Высыпали звезды, сверкая с небывалой для этих туманных широт яркостью и блеском. Барнвельт отыскал среди незнакомых созвездий Солнце — на звездной карте Региона Восемь, в котором располагались цетические планеты, находилось оно почти на одной линии с Арктуром. Над горизонтом поднялась гроздь из трех лун: самой большой под названием Каррим, средней Голназ и маленькой Шеб — словно три медведя, подумал Барнвельт, где сам он в роли Лютика.

Ветер слегка закис. Глядя на север, Барнвельт отчетливо представил себе раскинувшуюся там, над морем Садабао, зону высокого давления, из которой к югу, в сторону Сунгара, растекаются плотные потоки холодного воздуха.

— Сколько может продержаться такой ветродуй? — спросил он у Часка.

Боцман воздел руки, что у кришнян заменяло пожатие плечами.

— Может, день, а может, четыре-пять. Стихнет он в

одночасье, оставив море сие зловонное в спокойствии на долгое время. Радоваться надо, если дотянем мы хотя бы до той полосы, где западные ветра преобладают.

Гребцы выбивались из сил, даже несмотря на то, что матросов на «Шамборе» хватало на две полные вахты. Однако галера не приближалась, должно быть, и там гребцы порядком вымотались.

Как бы там ни было, — сказал Чаек, — вряд ли попытаются они напасть на нас в темноте. Суденышко вроде нашего гораздо шустрей крутиться да уворачиваться способно. А пулять из катапульт да самострелов в ночи, даже при свете лунном — только снаряды попусту тратить. Не пойти ли вздремнуть вам чуток, капитан?

Барнвельт уже размышлял, не стоит ли ему самому присоединиться к гребцам, хоть и сознавал, что Чаек этого не одобрит. Вдобавок он не был уверен, поднимет или опустит его такой шаг в глазах экипажа. Предыдущая попытка стать с ними на одну доску, похоже, ничем хорошим не закончилась.

К тому же он сомневался, что его мускулы послужат таким уж серьезным подспорьем к гребной мощи «Шамбора». Хоть он и был тут самым высоким и довольно сильным, по местным представлениям, поскольку родился на Земле с ее несколько большей силой тяготения, но никак не мог похвалиться налитыми плечами и мозолистыми ручищами профессионала. В конце концов он последовал совету Часка и отправился спать, чтобы через некоторое время сменить боцмана на палубе.

Всю ночь галера — темный расплывчатый силуэт, обведенный снизу призрачным свечением воды под форштевнем и ударами весел — висела у них за кормой. Света ни на одном судне не зажигали.

К концу своей второй вахты, когда долгая ночь начала понемногу сдавать свои позиции, Барнвельт разбудил Часка и сказал:

— Я тут вот что подумал: будь у нас другой тип парусного вооружения, мы бы запросто сделали этих ребят.

— Что за вооруженье, капитан? Имеете вы в виду нечто, в полярных краях порожденное? Менять оснастку в разгар погони столь лютой, даже коли задумка ваша некое преимущество нам сулит, — чистейшей воды безумство, по разуменью моему, ежели простите вы мне прямоту столь откровенную. Да к тому времени, как оснастка ваша новая завершена будет…

— Знаю, но взгляни, — и Барнвельт указал туда, где под лучами рассветного солнца розово отсвечивали паруса галеры. — Они нас настигают, а, по моим расчетам, к проливу мы подойдем

не раньше полудня. При таком раскладе нам однозначно не уйти.

— Уверены ли вы в сем, капитан?

— Да. Вообще-то говоря, мы здорово залезли на запад, так что придется еще раз скрутить поворот. В результате мы пройдем у них перед носом на таком расстоянии, что доплюнуть будет можно.

— Положенье и впрямь не из легких, зер. Что же делать?

— Сейчас покажу. Если мы заранее тщательно спланируем эту замену, а потом все вместе навалимся, то успеем перевооружиться как раз к тому моменту, когда они будут готовы нас сцапать. И лучше заняться этим прямо сейчас, пока совсем не раздуло и эти ребята не подобрались совсем близко.

— Из положенья отчаянного и выходы отчаянные, как присловье гласит мудрого Нехавенда! Что следует учинить нам?

— Отбери пару ребят, которым можно доверять, и приведи в каюту.

Через полчаса замысел Барнвельта начал воплощаться в жизнь. Сам он был далеко не так убежден в его непогрешимости, насколько пытался убедить остальных, но всяко это было лучше, чем бессильно наблюдать за галерой, которая подкрадывалась к ним с неотвратимостью морского прилива.

А задумал он ни больше ни меньше, как преобразовать существующее латинское вооружение в бермудское, иначе еще называемое «Маркони».

Первым делом один из матросов прошелся вдоль нижней шкаторины паруса, проделывая в ней через равные промежутки небольшие отверстия. Другой тем временем нарезал бухту тонкого троса на короткие шкертики такой длины, чтобы ими можно было в один виток обвернуть толстое дерево реи, которой предстояло теперь служить в качестве мачты. Когда все было готово, Чаек переложил руль и нацелил нос «Шамбора» на ветер. Парус заполоскал, и гребцы, которые сразу почувствовали, что помощи от него нет, посильней навалились на весла.

Галера, где заметили этот маневр, тоже привелась, полоща парусами. Барнвельт с холодком в спине осознал, что теперь она может двинуться по гипотенузе равнобедренного треугольника им наперерез, поскольку от ветра уже ничего не зависело.

— Парус долой! — завопил Чаек, и огромная рея полетела вниз, вытянувшись во всю длину «Шамбора».

Матросы злобно заозирались на Барнвельта, и он заметил, как один из них покрутил пальцем у виска. Но боцман не дал им времени поворчать. Повинуясь сыплющимся друг за другом командам, они бросились отдавать ванты и выбивать клинья, которые раскрепляли мачту. Пока одни удерживали ванты на

носу, в корме и по бортам, другие выдернули мачту из степса и поставили ее шпором на палубу сбоку от пяртнерса. Летучая тварь, с которой Барнвельт уже почти успел сдружиться, кругами носилась между ними и возбужденно покрякивала.

Тем временем матрос, который проделывал отверстия на нижней шкаторине, занялся тем же самым на задней, а его напарник спешно перерезал стропы, крепившие парус к рее. Потом все скопом, за исключением гребцов, навалились на рею, чтобы установить ее на место мачты. Повиснув на фале, они вздернули ее до топа старой мачты, которая временно использовалась в качестве подъемной стрелы, и завели толстым концом в пяртнерс. Высоченная рея, она же мачта, угрожающе пошатнулась, матросы на вантах заорали, но толстенный комель в конце концов встал на место с громким стуком, потрясшим все суденышко, и был незамедлительно раскреплен клиньями. Затем, перекрепив ванты на рею и понемногу отдавая фал, они опустили бывшую мачту на палубу.

Галера, треща растравленными парусами, подползала все ближе и ближе. Барнвельт услышал едва различимый оклик, долетевший против ветра.

Когда новая, более высокая мачта оказалась на месте, они привязали короткую шкаторину паруса к бывшей мачте, пропуская трос через отверстия и спирально обматывая вокруг нее, теперь призванной играть роль гика. Потом принялись крепить к бывшей рее, ныне мачте, среднюю по длине шкаторину заранее заготовленными короткими шкертиками, обхватывая ими рангоутное дерево и завязывая рифовыми узлами, так что получалось что-то вроде ряда веревочных колец. Когда все кольца были увязаны, матросы навалились на фал, поднимая парус.

— Живей, мошенники! — орал Чаек. — Шевелись, шевелись!

С галеры донесся уже более громкий оклик. Оставалось только прикрепить так называемые «усы» — вилку, которая недавно соединяла мачту с реей, а теперь должна была заменить шарнир гика. Привязать ее надо было так, чтобы мачта, ныне гик, могла свободно поворачиваться, но в то же время не болталась.

На галере хлопнула катапульта. Черная точечка стремительно выросла в свинцовое ядро, которое дугой пронеслось над водой и плюхнулось в воду в паре длин весел от «Шамбора».

— Иди-ка в каюту, принцесса, — сказал Барнвельт Зее.

— Я не трусиха. Место мое…

— В каюту, кому сказано!!!

Когда он удостоверился, что она послушалась, то повернулся к Часку:

— Как думаешь, пойдет такое крепление?

— Думаю, выдержит, капитан.

Рядом что-то резко свистнуло, будто кто-то взмахнул кнутом. Барнвельт инстинктивно зажмурился. На носу галеры он увидел какого-то типа, вздымающего тяжелый самострел. Вторая стрела прожужжала еще ближе.

Однако казавшаяся нескончаемой работа по перевооружению «Шамбора», похоже, была завершена.

— Крепи фал! — крикнул Чаек.

Парус безвольно повис, лениво похлопывая. Сейчас и должно было решиться, имел ли замысел Барнвельта право на жизнь. Ему совсем не понравилась чрезмерная гибкость новой мачты, но отступать было уже поздно. Он взлетел по ступенькам на ют и выхватил румпель из рук рулевого.

Вновь глухо щелкнула катапульта. Снаряд пронесся мимо Барнвельта, чиркнул по палубе и с треском оторвал кусок левого фальшборта. Гребцы пригнулись, вразнобой задирая весла, когда он прогремел у них над головами. Нос галеры, облепленный людьми, маячил уже совсем близко.

Барнвельт резко положил длинный румпель на правый борт. «Шамбор» послушно отозвался, нос его покатился влево. Ветер разом разгладил складки на парусе и наполнил его. Как только парус забрал ветер, «Шамбор» резко накренился, принимая воду в левые весельные порты и вновь сбивая с ритма гребцов, но тут же выпрямился, как только Барнвельт слегка отработал рулем назад.

Жужжание арбалетных стрел время от времени перемежалось упругими хлопками, когда они насквозь пробивали туго натянутый парус. Со своего места Барнвельт углядел в нем уже две небольшие дырочки. «Только б они не начали рваться! — подумал он. — Парус и так непонятно на чем держится со всеми этими нашими дырками без люверсов!»

Чаек, расставив по местам матросов, поднялся на ют и встал рядом. Вскоре он заметил:

— Чудится мне, что отрываемся мы, зер!

Барнвельт отвел взгляд от паруса, чтобы торопливо оглянуться на галеру. Да, она и впрямь чуть-чуть уменьшилась… или он просто принимает желаемое за действительное?

Вновь послышался звук сработавшей катапульты. Барнвельт краем глаза заметил пролетающее совсем рядом ядро. Устремилось оно прямиком в мачту. Не хватало еще, чтобы все пошло насмарку из-за одного удачного выстрела!

Снаряд почти слился с мачтой… и миновал ее в каком-то волосе, с треском стукнувшись о крышу каюты и отскочив в море. За ним опять последовал посвист арбалетных стрел, одна из

которых вонзилась в дерево рядом с рулевым и осталась торчать под острым углом.

— Перешли они к навесной стрельбе, ибо прямой наводкою в нас уже не попасть, — заметил Чаек. — Еще мгновенье, и ускользнем мы от обстрела окончательно.

Следующий выпущенный из катапульты снаряд плюхнулся уже за кормой «Шамбора». Мало-помалу они вырывались вперед. Барнвельт, все еще натянутый, как струна, бросил взгляд назад. На галере, сочтя одну греблю недостаточной, опять возились с парусами.

Однако с каждой минутой становилось все более очевидным, что «Шамбор» под управлением Барнвельта, рука которого не отрывалась от румпеля, а взгляд — от паруса, дабы выжать из новой оснастки все возможные градусы крутизны, идет по меньшей мере на румб ближе к ветру, чем его преследователи. Таким образом, суда оказались на расходящихся курсах. Через некоторое время галера оказалась на траверзе «Шамбора», но слишком далеко вниз по ветру, чтобы представлять какую-то опасность.

Барнвельт дождался, пока галера не показала свой профиль целиком, после чего резко переложил руль. Ни секунды не медля, «Шамбор» перевалил на другой галс. Галера стала быстро уменьшаться в размерах, поскольку теперь они с ней вообще шли в разные стороны. Барнвельт видел лихорадочную суету на палубе галеры, но к тому времени, как латинские паруса удалось перестроить на другой галс, она была уже слишком далеко, чтобы разглядеть подробности.

Когда солнце поднялось повыше, галера отстала настолько, что провалилась за горизонт по самые весла. Однако кто предполагал, что преследователи в бессильном гневе уберутся домой, тот был весьма разочарован. Неспособная поспеть за быстрыми и короткими поворотами Барнвельта, галера продолжала упорно брести за ними на веслах.

На «Шамборе» тоже не бросили греет и, хотя Барнвельт передал распоряжение сократить число гребцов до восьми, чтобы оставшиеся отдохнули. Ему показалось, что события последнего часа вновь несколько подняли его в глазах экипажа.

Только теперь он почувствовал, насколько проголодался. За эти сумасшедшие сутки он практически ничего не ел, и его животное «я» начало заявлять по этому поводу бурные протесты. Он передал румпель Часку и направился в носовую каюту, рассчитывая перекусить в компании Зеи.

— О капитан! — послышался вдруг чей-то голос, и перед ним выросли трое матросов, в числе которых, естественно, находился

и неугомонный Занзир.

— Да?

— Когда дадут нам воду, зер? — вопросил Занзир. — Мы помираем от жажды!

— Следующую порцию получите в полдень.

— Но мы хотим сейчас, капитан. Иначе мы не можем грести. Вы ведь не откажете нам, верно?

— Я уже сказал, — рассердился Барнвельт, повышая голос, — что воду вы получите только в полдень. И когда вам в следующий раз вздумается ко мне обратиться, попросите сначала разрешения у Часка.

— Но, капитан…

— Хватит! — зарычал Барнвельт, бешенство которого еще больше подогревалось осознанием того факта, что развал дисциплины частично вызван его собственными просчетами. Он устремился дальше, слыша позади бормотание, из которого уловил лишь отдельные слова: «…ишь, император какой выискался…»

— Что печалит капитана моего? — поинтересовалась Зея. — Вид у тебя кислый, как у Карара, когда надул его король Ишка!

— Сейчас все будет в порядке, — заверил Барнвельт, плюхаясь на рундук. — Не соберешь ли чего пожрать, подруга? — (Это, конечно, была далеко не лучшая форма обращения к коронованной особе, но он слишком устал и вымотался, чтобы такие мелочи его особо заботили.) — То есть если ты, конечно, чего-то соображаешь в стряпне.

— А почему бы и нет? — отозвалась она, роясь в шкафу.

— Усу! — зевнул он. — Ну, ты ведь у нас принцесса, знатная особа и все такое прочее…

— Умеешь хранить тайны трона?

— Угу.

— Так вот, матушка моя властительная, напуганная революциями, кои уже, к прискорбию всеобщему, нарушили порядок законный в Замбе и еще кое-где, заставила меня с прилежаньем изучить искусство ведения домашнего хозяйства, дабы я, на случай происшествия подобного, не пребывала в растерянности относительно того, как накормить себя да одеть. Любишь ли ты фрукты сушеные? Кажется мне, что черви не успели еще расположиться в них на постой.

— Класс! Дай-ка еще вон ту буханку бадра и ножик.

— Иерархия небесная! — воскликнула девушка, когда увидела, в какой кусище он впился зубами. — Да уж, и впрямь деянья героические с героическим же аппетитом идут рядом! Всю жизнь мою читала я легенды про Карара да присных его и, не

зная никого, помимо слабосильных щеголей наших местных, к мысли приходила — пока с тобою не повстречалась, — что люди такие крепкие лишь в сказаньях да песнях существуют!

Барнвельт стрельнул в Зею подозрительным взглядом. Хоть из всех знакомых кришнян она нравилась ему больше всех, от влезания в более серьезные области отношений он все же предпочитал воздерживаться.

— Тогда, — заметил он, — тебе, наверное, не очень-то улыбается стать королевой, раз в год берущей в мужья эдакого свежеокрашенного квирибца?

— Тут верно ты подметил. Но даже и недолюбливая сей обычай, видно, то ли силою, то ли коварством не располагаю я должными, дабы вспять повернуть ход событий устоявшийся. Одно дело толковать, подобно героине «Заговорщиков» Хариана, о забвении удобств да преимуществ титула ради любви, и совсем другое — на деле так поступить. И все же завидую иногда я простым девицам в краях варварских, что выходят за головорезов вроде тебя, кои помыкают ими, как мать моя своими консортами. Ибо, хоть владычество женское и есть закон и обычай квирибский, боюсь, что по натуре своей совсем я не владычица.

Барнвельт представил себе было революцию в Квирибе, с Зеей в роли «Большевистской императрицы» Шоу, но усталость окончательно взяла свое.

— *Ао!* Теперь положенную мне порцию воды, и хорош.

— Но ты же капитан, и…

— Только положенную порцию!

— Экая скрупулезность! Можно подумать, родился ты средь республиканцев Катай-Джогорая!

— Не совсем так, хотя я сочувствую их идеям.

Он прикрыл ладонью зевок и вытянулся на рундуке, пока девушка убирала со стола.

Следующим осознанным ощущением было, что Часк изо всех сил трясет его за плечо.

— Зер, — твердил боцман, — ветер стихает, и галера опять настигает нас!

Барнвельт, моргая глазами, сел. Только сейчас он заметил, что качка и впрямь стала поменьше, а шум ветра и волн — потише.

Он вышел на палубу. С севера по-прежнему катила зыбь, в которую они то и дело глубоко зарывались носом, но волны были пологие и гладкие, не подернутые даже рябью. Ветра хватало только на то, чтобы парус сохранял свою форму. Чаек уже вновь усадил на весла полную вахту гребцов. Галера маячила позади

приблизительно на том же расстоянии, что и тогда, когда Барнвельт уходил в каюту. Вне всякого сомнения, «Шамбор» после этого должен был оторваться еще сильнее и успел потерять отрыв, когда стих ветер. Более того, вдали опять показалась вторая галера, которую они видели днем ранее. Пока, правда, можно было разглядеть в основном мачты, если только «Шамбор» не подбрасывало повыше волной.

В безветрие галеры должны были достать их через самое короткое время. Впереди не имелось ни единого признака северных берегов моря Ваандао. Рокир, однако, стоял еще высоко — должно быть, недавно перевалило за полдень.

— Прикажи им еще навалиться, — распорядился Барнвельт.

— Гребцы делают все, что могут, — возразил Чаек, — но недостаток воды лишил жилы их обычной силы.

Результаты определения координат показали, что, хотя пролив Палиндос на виду еще не показывался, вход в него должен лежать не так уж далеко за горизонтом. Согласно тщательным расчетам, они могли успеть проскочить в пролив прямо перед носом у преследователей.

Боцман при этом заметил:

— Да, мы и впрямь попадем в море Садабао раньше, но что в том проку? Сии головорезы не отстанут от нас до самого причала дамовангского!

— Верно, — согласился Барнвельт, хмуро разглядывая карту. — А что если ткнуться в берег и удрать в лес?

— Тогда они тоже пристанут к берегу, дабы охоту на нас устроить, и, поскольку тьма народу у них, чтоб лес прочесать планомерно, нет сомнений у меня, в чью пользу охота сия завершится. Что бы еще предпринять нам?

— Хорошо, а если крутануться за какой-нибудь мыс и спрятаться в бухточке, пока нас не будет видно?

— Взгляните сюда, зер, — Чаек ткнул своим корявым пальцем в карту. — Побережье восточное моря Садабао — вот оно — сплошь усеяно скалами, и трудно подойти к нему, пробоину не получивши. На западном тоже скалы, голые открытые берега и очень мало мест, где спрятаться возможно. На северной оконечности Фоссандерана, может, и впрямь бухточки такие отыщутся, да только в жизни не заставите вы моряка простого на остров сей проклятый высадиться.

— Да брось ты! Они что, так боятся этих мифических зверолюдей?

— Сие не миф, капитан. По крайней мере, сам я не раз слыхивал звуки, кои, говорят, барабаны демонов производят. Миф то или нет — люди все равно не подчинятся.

Барнвельт вновь вышел из каюты, чтобы услышать хор хриплых воплей: «Воды! Воды, капитан! Воды, заклинаем! Мы требуем воды!»

Галера между тем подкралась еще ближе. Ветер теперь стих окончательно, за исключением отдельных легких дуновений. Парус безвольно похлопывал, напоминая Барнвельту предсказание Часка относительно долгого затишья.

Он распорядился выдать матросам полуденную порцию воды, которая, как он надеялся, должна была их слегка успокоить. Однако они заворчали еще пуще, жалуясь на ее скудость.

Галера теперь была видна целиком. Весла ее вздымались и опадали с размеренностью автомата, поскольку море было относительно спокойным. Вторая галера тоже приблизилась.

— Земля! — выкрикнул впередсмотрящий. Он не ошибся: над горизонтом действительно поднимались поросшие лесом вершины холмов Фоссандерана. Крылатый дружок Барнвельта тоже их углядел и тут же улетел на север.

Барнвельт спустился обратно в каюту, чтобы внести поправки в координаты, и проложил курс к восточному проходу. Зея наблюдала за ним огромными темными глазищами, не проронив ни слова.

Он еще раз торопливо пробежал свои расчеты. На сей раз выходило, что галера должна опередить их у самого входа в восточный канал пролива. Чего тогда стараться? Только разве что в обычной надежде на чудо. Вдруг на галере в последний момент откроется течь или вспыхнет мятеж…

Какая жалость, что западный проход был недостаточно глубок для «Шамбора», иначе удалось бы заманить галеру на мель!

Ну-ка, ну-ка, а так ли это? При полнолунии всех трех лун сразу на Кришне должны быть рекордные приливы. А поскольку обычно приливы на здешних морях невелики, по причине ограниченных размеров самих морей и сложной зависимости от взаимного положения Рокира и всех трех лун, в данном случае приливные волны должны попасть в одну фазу и вызвать прилив вполне земных масштабов.

Барнвельт торопливо вытащил справочник, который купил в Новуресифи. При виде его ему сразу вспомнился Визгаш бад-Мурани, кришнянский приказчик, который продал ему эту книгу. Тот самый Визгаш, который пытался на пикнике отдать его в лапы банды то ли похитителей, то ли убийц. Тот Визгаш, который потом в обличье джентльмена в маске затеял скандал в джазмурианской таверне. И который, наконец, обернулся сунгарским пиратом и камня на камне не оставил от тщательно

разработанного Барнвельтом плана бежать с Зеей и Штайном.

У Барнвельта теперь не было никаких сомнений, что все эти события связаны между собой. Он был уверен, что сунгарцы взяли его под колпак с того самого момента, как он сошел с трапа «Амазонки» в Новуресифи. Он ухмыльнулся при мысли, что та самая книга, которую продал ему Визгаш, и могла оказаться средством, способным расстроить все хитроумные планы не в меру шустрого кришнянского мафиози.

Книга вместе с остальным снаряжением Барнвельта изрядно промокла, когда он провалился в промоину в ходе пробега сквозь терпалу. Разлеплять страницы — вернее, длинную цельную полосу бумаги, сложенную зигзагом — пришлось осторожно, чтобы они не расползлись под пальцами. Однако, будучи все же раскрытой, книга оказалась источником просто-таки бесценной информации. Содержала она не только таблицы для расчетов эволюции всех трех лун, но и отдельную диаграмму, которая показывала, насколько приливные волны, вызываемые каждым из светил, опережают или запаздывают относительно его перемещения в различных местах.

Маджбур, Джазмуриан, Сотаспе, Дюр… Ага, вот и пролив Палиндос. Барнвельт даже присвистнул, когда выяснил, что прилив, вызываемый Карримом, отстает от самой луны на какой-то кришнянский час, а приливы Голназа и Шеба — и того меньше.

— Часк! — завопил он.

Хотя Часка явно одолевали сомнения, он не мог не признать, что им ничего не оставалось, кроме как попытать счастья в западном проходе, особенно если получится попасть туда незадолго после полудня. Именно тогда, а еще сразу после полуночи, должно было наступить время самого высокого прилива.

«Шамбор» взял левей и пополз к западному проходу, а галеры потащились следом за ним. Чем дальше они продвигались по зеркально-гладкой воде, тем выше поднималась из-за горизонта земля. Вначале казалось, будто остров является частью материка, но потом, когда они еще больше приблизились, открылся и искомый проход.

Галеры по-прежнему неумолимо сокращали дистанцию. Барнвельт с содроганием обернулся. Неужели опять придется уворачиваться от тучи стрел и ядер? Послышался голос кого-то из гребцов:

— Без толку сие, капитан! Мы уж окончательно вымотались!

К пораженческому хору присоединялось все больше матросов:

— Зацапают они нас много раньше, чем достигнем мы убежища…

— Давайте лучше сдадимся на условии…

— А ну-ка заткнитесь, вы там! — прикрикнул Барнвельт. — Я вырублю любого, кто…

В этот момент один из матросов — не Занзир, а какой-то малый постарше и покрупнее — обратился к экипажу с открытой речью:

— Сей капитан надменный плевать на всех на нас хотел — заботит его лишь шлюшка эта коронованная! Давайте-ка бросим их рыбам и…

Барнвельт в самом начале этого спича вытащил меч и направился к оратору. Тот, заслышав его приближение, развернулся на каблуках и схватился за нож. Кое-кто из экипажа последовал его примеру.

Барнвельт преодолел два оставшихся шага бегом и, прежде чем бунтовщик успел замахнуться, плашмя огрел его по голове мечом. Матрос отлетел вбок и через дыру в фальшборте, оставленную неприятельским снарядом, свалился за борт. Бултых!

Барнвельт вовсе не намеревался убивать зачинщика, собираясь только оглушить его. Но ему пришлось все же проявить твердость: остановиться, чтобы подобрать его, они все равно не могли, а сомневающиеся теперь будут знать, что он не бросает слов на ветер. Единственно, он сожалел, что это был не Занзир, который наверняка и заварил всю эту кашу за спинами товарищей.

— Есть еще желающие? — поинтересовался он. Никто не ответил. Он прошелся взад-вперед по проходу между скамейками, приглядываясь к гребцам. Одного, который, на его взгляд, сачковал, он шлепнул по голой шее плоской стороной меча.

— А ну навались!

«Я и капитан Блад», — подумал он про себя.

Гроза, похоже, миновала.

— Чаек, становись на руль, — скомандовал Барнвельт. — Поставь двоих на нос бросать лот. Я полез наверх… Ох-хо-хо!

— Что такое, зер?

— Да у нашей новой оснастки нет выбленок. Дай-ка мне молоток, несколько костылей и моток веревки.

Через некоторое время Барнвельт, за спиной которого побрякивало все это хозяйство, уже карабкался на мачту. Делом это оказалось нелегким, поскольку зацепиться можно было разве что за веревочные кольца, крепившие переднюю шкаторину к мачте, а опору они представляли собой крайне ненадежную. Преодолев где-то две трети мачты, он вбил в нее пару костылей и перекинул через них взятый с собой трос, который завязал

простейшим беседочным узлом. Пусть с некоторым риском и неудобствами, но теперь он, по крайней мере, мог оценить глубину впереди по изменению оттенка воды. Сзади доносились постукивание и плеск весел галеры.

— Возьми левей! — крикнул он вниз. — А теперь чуть вправо. Так держать…

В любой момент суденышко могло коснуться дна, в результате чего он рисковал слететь вниз. Он без устали высматривал на густой зелени воды более светлые пятна. Легкое приливное течение, потянувшее через пролив к северу, подталкивало «Шамбор» вперед.

Обнаружив достаточно глубокий проход, он кинул взгляд за корму. Галера все приближалась, следуя точно в кильватере, а в паре ходдов позади нее двигался однотипный корабль. Крики матросов, бросавших лот с носа галеры, долетали до «Шамбора» эхом донесений его собственных лотовых — разве что цифры назывались разные.

Барнвельт сосредоточился на сомнительном участке, где бледно-зеленые разводы, казалось, совершенно перекрыли им дорогу.

Внезапно до слуха его донесся настоящий взрыв ликования:

— Они на мели! Пиратский корабль застрял!

Ха, его план и впрямь сработал! Но все же он не отваживался пока оторвать взгляд от воды впереди. Вот по-дурацки бы вышло, если он заманил пирата на мель только затем, чтоб через минуту сесть самому!

Толчок мачты возвестил, что они тоже коснулись грунта.

— Навались! — заорал он, — На волос вправо!

Весла глубоко зарылись в воду, и «Шамбор» выскочил на свободу. Впереди раскинулась такая густо-зеленая вода, какую можно было только пожелать.

Барнвельт испустил продолжительный вздох облегчения и снова обернулся назад. На галере лихорадочно табанили, вспенивая воду вдоль бортов. За нею вторая галера, повинуясь флажным сигналам, взяла правей и показалась в профиль, направляясь к востоку.

Барнвельт предположил, что второй корабль получил приказ идти в обход восточным каналом и пытаться перехватить «Шамбор» в море Садабао. Так что можно было не рассчитывать безмятежно плыть до самого Квириба, будто все заботы остались позади. Стоит второй галере засечь их в открытом море, как они окажутся в той же переделке, что и раньше, причем ни на мелководный пролив, ни на спасительный северный ветер рассчитывать уже не придется.

В чем «Шамбор» сейчас действительно нуждался, так это в каком-нибудь неприметном местечке, где можно было бы пополнить запасы пресной воды. Матросы не преувеличивали своей усталости. Собственная глотка Барнвельта больше напоминала нечто выкопанное из египетской гробницы. И если его экипаж по суеверным соображениям боится высаживаться на Фоссандеране, то наверняка стоит ждать того же и от пиратов.

Часку он сказал:

— Право на борт, и давай ищи какую-нибудь бухточку на северной оконечности Фоссандерана, куда может впадать ручей или речка.

— Но, капитан…

— Рули куда сказано!

Чаек, покачивая головой, развернул суденышко к востоку. Когда они оказались в водах моря Садабао, севшая на мель галера уже скрылась за мысами Фоссандерана. Ветерок опять слегка посвежел. Идя в полветра, они ходко покатили вдоль скалистых, поросших деревьями берегов.

Где-то через кришнянский час Барнвельт сказал:

— Вот там, по-моему, подходящее место — в такой ложбине стопроцентно должен быть ручей.

— Только не говорите потом, что не предостерегал я вас, зер, — вздохнул Чаек, поворачивая суденышко к берегу.

И сразу же матросы, которые заметно попритихли с того момента, как бунтовщик оказался за бортом, разразились бурными протестами:

— Еще чего, на остров!

— Капитан наш безумный тащит нас в самое прибежище демонов!

— Мы пропали!

— Он, видать, и сам демон!

— Куда угодно, только не сюда!

— Охотней без воды мы обойдемся!

Барнвельт вновь решительно повернулся к ним, но особого действия это не возымело: гребцы едва обмакивали весла в воду. Впрочем, большой роли это уже не играло, поскольку ветер и так быстро увлекал их к берегу.

— Первый же, кому вздумается табанить без приказа, — пригрозил Барнвельт, — будет уже на том свете табанить. Зея! Выходи. Мы высаживаемся на берег. Захвати ведра.

«Шамбор» потихоньку втянулся в крошечный заливчик, и вскоре ветки прибрежных деревьев заскребли по палубе и зашуршали в снастях. Чаек распорядился опустить парус и бросить якорь, после чего торопливо устремился на нос.

Барнвельт спрыгнул с бака прямо в воду — ее было от силы по колено — и подхватил Зею, когда она перелезла через фальшборт.

— Свежая вода! — заорал он, указывая туда, где среди камней игриво струился жиденький ручеек, широко разливаясь по плоскому песчаному пляжу.

Матросы столпились на носу, один за другим прыгали в воду, пили и наполняли для судовой цистерны ведра, которые передавали по цепочке на палубу. Хоть Барнвельт не меньше остальных страдал от жажды, из-за всей этой суматохи он сумел напиться последним и с ухмылкой повернулся к Зее:

— Надо будет сказать старому Кванселю, что его любимые луны действительно спасли нам шкуры — только не всякими там оккультными астрологическими силами, а старой доброй силой тяготения!

Чаек сошел на берег последним. Помахивая топориком, он подошел к Барнвельту и сказал:

— Не по нраву мне все это, капитан. Следовало бы высаживаться нам при оружии на случай появленья зверолюдей. Хотя при нынешнем настрое матросиков наших ошибкою было бы оружие им выдать. Но, увы, испытываем мы еще и дров недостаток, и мыслится мне…

— Ну ладно-ладно, не занудничай, — перебил его Барнвельт. — Лично я пока не вижу оснований… Эй, что там происходит?

Словно сговорившись, все матросы кинулись обратно к «Шамбору» и суматошно полезли на борт. Прежде чем Барнвельт с Часком успели добежать до суденышка, они разобрали весла и принялись неистово табанить, выбирая якорный конец. «Шамбор» пришел в движение.

Барнвельт с Часком схватились за якорь, прежде чем тот успел перевалиться через планшир, и потянули его к себе, будто вдвоем можно было одолеть четырнадцать матросов, бешено навалившихся на весла. Внезапно натяжение конца ослабло, и Барнвельт с Часком шумно плюхнулись в воду. Кто-то додумался его перерезать.

Пока Барнвельт с довольно дурацким видом сидел в мелкой воде, «Шамбор» быстро удалялся под хихиканье матросов:

— Прощай навсегда, капитан!

— Целуйся таперича со своими демонами!

И Занзир, громче всех:

— Спасибочки за отличный корабль, капитан! Уж мы-то сыщем ему примененье подходящее!

Бросаться за «Шамбором» вплавь смысла не было: он уже

вышел задним ходом из бухты, поднял парус и нацелился носом на северо-восток, сильно подобрав шкоты. Вскоре он окончательно скрылся с глаз, бросив Барнвельта, Зею и Часка на сомнительном берегу острова Фоссандеран.

— Надо было вырубить этого поганца, когда он еще в первый раз высунулся! — горевал Барнвельт.

Его очень беспокоило, что теперь станется с «Шамбором», вооруженным новой оснасткой, которую он намеревался еще до прихода в Дамованг переоборудовать обратно в старую, дабы избежать неприятностей со службой межпланетных перевозок за привнесение на Кришну земного изобретения.

— И вдвоем не следовало на берег сходить, — добавил Чаек. — Последнее было только моею оплошностью!

— Вместо того, чтоб рассуждать, кто тут виноват больше, — вмешалась Зея, — нельзя ли чем-нибудь более полезным заняться, дабы дальнейшие наши шаги продумать?

— Принцесса — воистину кладезь мудрости! — воскликнул боцман. — Чем раньше мы сей остров проклятый покинем, тем раньше домой доберемся. По милости богов остался у нас сей топор и кусок конца якорного. Предлагаю, капитан, соорудить плот, стволы сих деревьев используя и веревку, дабы увязать стволы оные между собою. Тогда сумеем доплыть мы до западного материка, а оттуда к дороге пробраться, что из Шафа в Малайер ведет и не так уж далеко к западу отсюда пролегает.

— Этим обрывком мы свяжем от силы два бревна, — заметил Барнвельт. — Придется плыть верхом, как на айе.

Чаек выбрал подходящее дерево и срубил его. Он еще отсекал от ствола глянцевитые ветви и сучья, когда из обступивших их со всех сторон деревьев донеслись жуткие крики и вопли.

Из-под прикрытия ветвей вырвался целый рой каких-то созданий, которые вприпрыжку понеслись к троице путешественников. Размерами и обликом они напоминали людей, если б не хвосты, головы, словно позаимствованные у земных обезьян-бабуинов, и густая шерсть вместо одежды. Они вовсю размахивали каменными топорами, дубинами и копьями.

— *Бежим!* — взвизгнул Чаек.

Все трое бросились к устью ручейка и повернули к западу вдоль берега. Берег здесь представлял собой изгибающийся полумесяцем пляж, который переходил в каменистую косу. Барнвельт с Зеей, будучи повыше Часка, вырвались вперед, пока они мчались по песку, преследуемые рычащими зверолюдьми. Барнвельт слышал, что их настигают.

Внезапно шум позади как-то странно прервался, что

заставило Барнвельта бросить взгляд через плечо. То, что он увидел, наполнило его ужасом. Чаек споткнулся о камень и упал. Прежде чем он успел подняться, зверолюди окружили его и заработали здоровенными ручищами. Барнвельт приостановился было и схватился за меч, когда вдруг понял, что бедняга наверняка уже мертв под таким градом ударов дубин и копий, и возвращаться — только попусту рисковать жизнью.

Он побежал дальше. Оказавшись на косе, они долго прыгали с валуна на валун, пока перед ними не открылась еще одна короткая полоска песка.

— Ао! Зея! — позвал он. — Сюда!

В самом начале нового пляжика волны вымыли песок из-под огромного старого дерева, голые корни которого теперь нависали над водой, а ствол угрожающе накренился. Один хороший шторм, и дерево должно было неминуемо рухнуть в море, но пока пустота под корнями представляла собой что-то вроде крошечного грота.

Беглецы с ходу ввинтились в этот грот, сразу приняв душ из грязного песка и огромного количества каких-то отвратительных ползучих многоножек. Одна из них провалилась Барнвельту за куртку и скреблась там, пока он лихорадочно охлопывал себя по бокам. В предсмертных судорогах тварь ухитрилась отщипнуть от живота Барнвельта довольно порядочный кусочек, отчего он неистово зашипел, стараясь не заорать в голос.

Когда они забились в самую глубь, то обнаружили, что берега оттуда уже не видно, поскольку корни плотным занавесом свисали с крыши их убежища, словно ус в пасти кита.

«Ладно, — подумал Барнвельт, — если мы ничего не видим, значит, и нас не видно. Только вот как там следы?» Между краем воды и собственно берегом, частью которого и было их дерево, пролегала только совсем узкая, не больше метра шириной, полоска мягкого сухого песка, и оставалось надеяться, что они на ней особо не наследили. Они съежились в своей норе, затаив дыхание и опасаясь даже пошевелиться, хотя тишина под корнями и так царила гробовая.

Шум, которым сопровождалось избиение Часка, понемногу утих. Мимо по мокрому песку — топ-топ, топ-топ — прошлепали босые пятки. Зверолюди перекликались между собой на каком-то непонятном наречии. Единственное объяснение, которое Барнвельт сумел придумать этой перекличке, — это что они готовят нападение на пещеру. В любой момент он был готов снести с плеч первую же отвратительную бабуинскую башку, которая сунется в их убежище. Можно успеть задать им хорошего перцу, прежде чем…

Вскоре все звуки утихли вдали, не считая шипения прибоя и тихого посвистывания ветерка. Тем не менее, беглецы продолжали сидеть неподвижно.

Дирк прошептал:

— Не хватало еще, чтоб они уселись снаружи в ожидании, пока мы сами вылезем!

Когда пробивающийся из-за корней свет заметно потускнел, свидетельствуя о наступлении вечера, Барнвельт углом рта пробормотал:

— Оставайся здесь. Я пойду на разведку.

— Будь осторожен!

— Нечего так вопить. Конечно, буду. Если к утру не вернусь, попробуй добраться до материка вплавь.

Он осторожно начал выбираться наружу, сантиметр за сантиметром, словно некий робкий моллюск, выползающий из своей раковины. Однако неприятелей нигде не было видно.

Наступил отлив, и вода, которая чуть ли не заплескивала в их убежище, когда они в нем укрылись, теперь ушла на несколько метров. Барнвельт осторожно прокрался на место падения Часка. Песок там был весь изрыт и заляпан коричневой кришнянской кровью, которая широкой полосой стекла в воду, но тела видно не было.

Барнвельт прошел по многочисленным следам человекообразных до самого устья ручейка. В нескольких метрах вверх по течению, где лежало поваленное Часком дерево, он наткнулся на топорик боцмана, который лежал на дне, омываемый прозрачной водой. Он подобрал его и двинулся вверх по течению, высматривая следы зверолюдей. Несколько раз попадались сломанные ветки и кровь, капавшая с их ноши, но травянистый дерн не хранил отпечатков ног, так что вскоре он окончательно сбился со следа. Как жаль, подумал он, что ему никогда не приходилось болтаться по джунглям на пару с опытным проводником-следопытом.

Покуда он пребывал в нерешительности, до слуха его донесся какой-то странный звук — некий размеренный грохот, слишком резкий и звонкий для обычного барабана, но при этом и слишком гулкий для простого стука по бревну. Поначалу казалось, что доносится он со всех сторон одновременно, Но, основательно покрутив во все стороны головой, словно антенной радара, Дирк вроде уловил направление и полез по склону холма на юго-восток.

Где-то через час стало ясно, что источник звука находится совсем близко. Он вытащил меч, перехватил его поудобней и придержал рукой ножны, чтобы они невзначай не звякнули.

Опустившись на четвереньки, он осторожно пролез в ложбину между сходящимися склонами и выглянул вниз, где и происходила некая таинственная деятельность.

На плоском пространстве, расчищенном от деревьев, вокруг костра плясали зверолюди, а один из них размеренно бил в барабан, сделанный из выдолбленного бревна. Вернее, как сумел разглядеть Барнвельт, это были действительно те, кого они приняли за зверолюдей, обернувшиеся теперь обычными хвостатыми кришнянами — *Кришнантропус колофтус* — такими же, как на Колофтских болотах или острове За. В момент нападения на них были резные звериные маски, которые они теперь сняли и развесили на сучьях вокруг поляны. И хотя жителей За можно было считать даже полуцивилизованными, а уроженцы Колофта, по крайней мере, подчинялись микардандским властям, фоссандеранские представители этой породы сумели сохранить свои местные традиции во всей их первобытной дикости.

Над костром Барнвельт с упавшим сердцем, хотя и без особого удивления, узрел различные части своего бывшего боцмана, шипящие на вертелах. И хотя он не сумел с уверенностью опознать некоторые органы — внутри кришняне куда меньше похожи на людей, чем снаружи, — сомнений относительно избегнутой ими участи у него не возникало.

Барнвельт с трудом проглотил вставший в горле комок и поспешно ретировался.

Вернувшись в убежище, он сообщил:

— Я его все-таки нашел. Его уже едят.

— Какой ужас! — перепугалась Зея. — Такой достойный был человек! Что за скотский, отвратительный обычай!

— Обычай не из лучших, только разве он чем-то отличается от того, что у вас принято в Квирибе?

— Еще как! Не ждала от тебя я эдакой софистики богохульственной! Ибо одно дело церемония торжественная, высшими силами осененная, а совсем другое — грубое удовлетворенье аппетита плотского.

— Ну, это как посмотреть. Ладно, не будем спорить — надо поскорей выбираться отсюда. Вплавь это довольно далеко, и потом, что-то не хочется оставлять тут одежду и оружие…

— А почему бы тогда не докончить плот, что убиенный друг наш и соратник начал?

— Потому что на стук топора они моментом сюда сбегутся, — ответил он и втянул ноздрями ветерок. — Ветер поворачивает на северо-запад, а мы как раз на северо-западном берегу острова. Лес тут вроде сухой, а зажигалка должна работать.

— Ужель собираешься ты разжечь костер, дабы отвлечь хвостатых сих тварей от их занятия вдумчивого?

— Честно говоря, я собираюсь устроить самый обалденный лесной пожар, какой ты когда-либо видела. Подсоби-ка, подруга.

Еще с час они опасливо прошатались по берегу, собирая в кучи хворост и сухие сучья, пока цепь этих куч на добрую ходду не протянулась вдоль побережья, огибая устье ручейка. Там они оставили место, чтобы закончить плот.

Когда с этим делом было покончено, Барнвельт направился на восточный конец цепи и запалил крайнюю кучу зажигалкой. Когда она разгорелась, они с Зеей выхватили из нее по пылающему суку и побежали вдоль берега, поджигая одну кучу за другой. К тому времени, как они бросили сучья в последнюю, весь склон, что спускался к воде, превратился в ревущий ад. Пламя проворно перескакивало с дерева на дерево.

Барнвельт с красной от жара физиономией поспешно занялся плотом. Сделать оставалось не так уж много: разрубить поваленный ствол пополам, столкнуть полученные бревна в воду и связать их отрезком якорного конца. Потом он срубил молоденькое деревце и вытесал из его мягкого ствола пару грубых весел. Лопасти, конечно, вышли узковатыми, но на что-то получше не хватило бы и долгого кришнянского дня.

— Поехали! — крикнул он, перекрывая рев пламени, и воткнул топор в одно из бревен. Зея уселась на них спереди, опустив ноги в воду. Обувь они повесили на шею и погребли прочь от берега. Жар от пылающего склона нестерпимо жег им спины. Весь Фоссандеран казался либо ярко-красным от пламени, либо черным от дыма.

Толстые рукояти импровизированных весел оказались жутко неудобными. Барнвельт даже подумал: не лучше ли грести просто голыми руками. Как только они отошли от берега, каждая волна начала обдавать их с головы до ног, а когда выгребли достаточно далеко, чтобы повернуть к западу в сторону материка, плот стало угрожающе валять с боку на бок. Барнвельт опасался, что в любую секунду он окончательно перевернется и окунет их с головой в воду.

Метр за метром продвигались они вперед под заходящим солнцем. Когда они вползли в западный проход пролива Палиндос, высыпали первые звезды. Это пришлось только кстати, поскольку с того места, где они пересекали канал, сидящая на мели галера видна была просто как на ладони.

Застрявший корабль был со всех сторон увешан зажженными фонарями. Из-за отлива он перекосился на один борт, выставив успевшее высохнуть пузатое днище. За ним темно-красным

силуэтом в отблесках пожара на Фоссандеране маячила вторая галера. Между кораблями пучками протянулись слегка провисшие толстые канаты, ряды весел недвижимо покоились на воде.

Очевидно, предположил Барнвельт, вторая галера успела смотаться на море Садабао и либо перехватила «Шамбор», либо решила отказаться от преследования и вернулась, дабы снять свою незадачливую сестрицу с мели. Но исполнению этого замысла помешал отлив, и теперь они ожидали полуночи, чтобы попробовать еще раз.

Барнвельт со своей спутницей пересекли канал без всяких приключений. Когда все три луны поднялись над горизонтом — теперь уже не так кучно, как прошлой ночью, — плот с путешественниками мягко ткнулся в песчаную отмель, которая сбегала с материка в сторону пылающего острова.

Порядком закоченевший Барнвельт неловко слез с плота и подал руку Зее. Вытащив плот на берег и натянув сапоги, он принялся возиться с узлами, которые стягивали бревна.

— Что делаешь ты, о герой души моей? — изумилась Зея.

— Трос снимаю.

— На что сдались тебе два обрывка старой веревки?

— А на то, дорогая моя Зея, что в сложившейся ситуации нам пригодится все, на что только можно наложить руки. И мало что способно так понадобиться на природе, как самая обычная веревка.

Поддевая узлы ножом, Барнвельт в конце концов с ними справился. Таким образом, в руках у него оказались два куска троса где-то с большой палец толщиной и метра по два в длину. Прочее снаряжение включало в себя меч, кинжал, перочинный нож и зажигалку для сигар. Упрятанную в перстень камеру «Хаяши» он не считал, поскольку, с точки зрения выживания в безлюдной местности, никакой ценности она собой не представляла.

Сейчас он много бы отдал за компас или, по крайней мере, за примитивные кришнянские часы с единственной стрелкой, которые при нужде вполне сошли бы вместо компаса. В самом начале путешествия такие часы действительно лежали у него в кармане, но после купания в промоине посреди терпалы они безнадежно испортились, и он оставил их на «Шамборе».

Одну веревку Барнвельт обмотал вокруг пояса, а вторую отдал Зее.

— Надеюсь, я правильно понял Часка, — сказал он, указывая на запад, — что если достаточно долго идти вон в ту сторону, то в конце концов выйдешь к дороге между Шафом и Малайером.

— Именно так — хотя ни дороги, ни даже тропки малой не наблюдая, не представляю я, как продеремся мы сквозь лес сей угрожающий.

— Ну что ж, можно для начала несколько ходдов пройти по берегу полуострова, прежде чем углубляться на материк.

Сказать это, как оказалось, было куда проще, чем сделать. Берег был довольно каменистым и лишь кое-где перемежался крошечными песчаными пляжиками, которые уже заливал прилив. Лезть сквозь нагромождения камней и скал было делом настолько утомительным, что путники вскоре бросили эту затею и направились в глубь материка.

Здесь условия оказались ничуть не лучше. Деревья вдоль границы, до которой поднималась вода во время прилива, росли так густо, что продраться сквозь чащу можно было разве что верхом на биштаре. Чуть подальше от побережья листва у самой земли была пореже, и идти стало чуть легче. Однако наверху она оставалась настолько плотной, что практически не пропускала лунного света, в результате чего путешественники, пробираясь почти в полной тьме, то и дело спотыкались об упавшие стволы и проваливались в какие-то ямы.

Вокруг со всех сторон стрекотали, попискивали, шуршали и жужжали всякие мелкие ночные твари. Время от времени Барнвельт чувствовал на щеках прикосновения чьих-то крошечных крыльев. То и дело в отдалении от них с треском удирали сквозь кусты невидимые животные покрупнее.

Где-то после часа такой, с позволения сказать, ходьбы Барнвельт уловил журчание воды.

— А вот и ручей, — пропыхтел он вскоре. — Что… что скажешь, если устроим тут привал?

— Я… я только и ждала, когда передохнуть ты предложишь! Так уж устала я, что едва ноги волоку.

— Ты просто молодчина!

Для начала они напились. Потом, все исцарапанные, в синяках и укусах, рухнули на землю под большим деревом. Когда голова Зеи опустилась ему на плечо, Барнвельт собирался что-то сказать. Прежде чем он успел это сделать, оказалось, что она уже крепко спит.

Ближе к утру Барнвельт проснулся, весь затекший, скукоженный, дрожащий от холода. Свежий ветерок шуршал листьями у них над головой. Все три луны уже завалились к западу, так что их косые лучи еще меньше проникали за полог леса. Зея тоже пошевелилась, пролепетав:

— Я замерзла!

— Сейчас я этим займусь, — пообещал Барнвельт. — Пошли отыщем местечко поудобней, и я разведу костер.

— А не углядят ли его сунгарцы?

— Не думаю. Тут ведь полуостров, так что вряд ли им видна эта часть берега. Прошу!

Спустившись вдоль ручейка в кустарник, окаймлявший побережье, он наткнулся на место, где некий трухлявый лесной великан, падая, снес несколько деревьев поменьше, отчего образовалась крошечная полянка. Здесь было уже достаточно света для его привыкших к темноте глаз, чтобы разобрать, где что. Собрав несколько веток, он наломал их на куски, сложил в кучку и вытащил зажигалку.

Зажигалка была очень похожа на земные, только куда более громоздкая и грубая, явно не промышленной выделки. Из-под колесика, которое он крутанул большим пальцем, вылетел сноп искр. Фитиль занялся было, но тут же мигнул и погас.

Барнвельт попытался еще и еще, но пламя так и не появилось.

— Вот черт! — произнес он с чувством. — Либо горючка кончилась, либо зажигалка подмокла, пока мы выгребали с острова. Посмотрим, нельзя ли поджечь щепки одними искрами.

После нескольких попыток он оставил эту затею и убрал зажигалку подальше, после чего сел, подпер подбородок руками и задумался. Через некоторое время он встал и принялся ощупывать и простукивать упавшие и еще живые деревья поблизости.

— Что делаешь ты, благородный господин мой? — поинтересовалась Зея.

— Собираюсь кое-что попробовать, только не знаю, что из этого выйдет. Дай мне, пожалуйста, ремешок от сандалии.

Время шло, а Барнвельт все рубил, строгал и складывал так и эдак какие-то непонятные деревяшки. Наконец ему удалось произвести на свет божий нечто вроде лучковой дрели и весьма грубую доску с ямкой на конце.

— Теперь поищи какую-нибудь гнилушку для трута — только посуше, хорошо?

Через некоторое время он уже водил своим луком взад-вперед, нажимая куском дерева с довольно грубо выдолбленным углублением на продетый в тетиву стержень. Все водил и водил, но ничего не происходило.

— А что… — начала было Зея.

— Волшебство, — проскрипел Барнвельт, — никогда не получится, если в радиусе десяти ходдов от него болтает женщина!

Он продолжал водить луком взад и вперед. Небо на востоке

понемногу светлело.

В конце концов, когда с неба одна за другой пропали звезды, дрель начала дымиться. Нижний конец стержня красновато засветился. Барнвельт осторожно подсунул туда трут, потихоньку подул и еще попилил луком. С едва слышным «поп!» над трутом проклюнулся крошечный язычок пламени, завораживающе приплясывая над кучкой лесного мусора.

— Хм. Знаешь первое правило употребления в пищу всякой незнакомой дряни? Съешь сначала немножко и жди, что произойдет.

— Ежели в Сурусканде их едят, должно быть, и впрямь они съедобны.

— Лучше не будем торопиться. Они могут быть другого вида или являться съедобными только в месяцы, начинающиеся на букву «х».

Одну из раковин он расколол рукояткой кинжала, отрезал от сидящего внутри резиноподобного существа кусочек и на заостренной палочке сунул в костер. В конце концов он отправил подрумянившийся, шипящий кусочек в рот.

— Хм, неплохо, если только ты в состоянии разжевать кусок старой автомобильной камеры!

— О каких таких камерах молвишь ты, мой добрый владыка?

— Пардон. Это такая ньямская шутка — непереводимая игра слов.

— А когда же и я заполучу свой кусочек? Ибо ароматы стряпни пробудили во мне аппетит чудовищный.

— Тебе придется ненадолго придержать свой чудовищный аппетит, пока не станет ясно, какой эта штуковина производит эффект. Если я начну кататься по земле, исходить пеной и посинею, на будущее имей в виду, что местный подвид сафка решительно возражает против своего поедания.

— Тогда, дабы быстрей пролетело время, желаю развлечься я рассказами о похожденьях твоих. Поведай мне, к примеру, как удалось разбить тебе войско Ольнеги.

Не имея ни малейшего представления о вооруженных конфликтах между Ньямадзю и Ольнегой, Барнвельт предпочел обойти этот деликатный момент.

— Ой, это слишком долгая и довольно скучная история. Просто одна куча народу по уши в снегу отрывала головы другой куче народа, не в силах додуматься, что вся эта заморочка на потребу лишь личным прихотям предводителей. Лично я считаю свое посещение Новуресифи и путешествие оттуда в Квириб куда более захватывающими.

— Приходилось ли сталкиваться тебе с землянами лицом к

лицу?

— Разумеется! Я даже довольно близко подружился с Куштаньозо — это главный земной полицейский. Там-то я и разжился этой проклятой птицей, которую потом презентовал твоей мамаше.

— Как же попало существо сие в Новуресифи, так далеко от планеты родной?

— Понимаешь, есть такой космотеистский миссионер, Мирза Фатах, который болтается между цетическими планетами и везде проповедует свою веру… Кстати, ты не космотеистка часом?

— Спаси меня Варзая, нет! Особам званья моего лишь почитанье Матери-Богини приличествует. Так как, говоришь, землянин твой прозывался?

— Мирза Фатах. А ты что, с ним знакома?

— Имя сие некие струны затрагивает в памяти моей… Но нет, знать я его не знаю. Заклинаю, продолжай!

— Так вот, этот Мирза, конечно, порядочный жулик, но и он получил свою долю неприятностей. При налете на поезд между Маджбуром и Джазмурианом у него убили жену с ребенком. А недавно он опять прибыл сюда с этой сварливой птицей в клетке. Но медицинские власти в Новуресифи не разрешили ему взять ее с собой и потребовали оставить у них, дабы убедиться, что она ничем не больна. Мирза ждать не мог, поэтому отдал ее одному из тамошних землян, и в конце концов я получил ее от Куштаньозо.

— Так ты не находишь землян жестокими, лживыми, надменными, вероломными и трусливыми негодяями?

Барнвельт поднял брови, а вместе с ними и приклеенные антенны.

— Нисколько. Земляне очень похожи на кришнян. Среди них есть и хорошие, и плохие, и никакие, а в большинстве намешано и то, и другое, и третье. А что, так считают в Квирибе?

— Да, большею частью. Правда, лишь немногие осмелились бы руку поднять на землянина истинного, страшась могущества смертоносного, кое, согласно поверью, существа оные в глубинах космоса черпают и с великим коварством и злобою в ход пускают. Ежели приобретешь ты в Рулинди известность землянолюба, детишки станут камнями в тебя швыряться на улице.

Но, как бы там ни было, сама я воззренья подобные не исповедую и, хоть знакома с уроженцами земными лишь шапочно, вполне допускаю, что мненье, кое только что высказал ты, совсем недалеко от истины. Но придержала я колеса повествованья твоего, зер, так что бери-ка вожжи и подстегни как следует упряжку айя размышлений своих!

Барнвельт рассказал о путешествии, которое они с Тангалоа — вернее, Таджди из Вьютра, другим ньямцем — проделали вниз по реке Пичиде до шумного Маджбура, откуда на биштарном поезде доехали до Джазмуриана. Поведал о происшествии в джазмурианской гостинице, где его загадочный противник Визгаш, тот самый, который пытался подстроить ему ловушку в Новуресифи, затеял свару с соседом Барнвельта Сишеном, ящероподобным уроженцем планеты Осирис — насколько мог судить Барнвельт, совершенно безобидным туристом.

Рассказал он и о попытке устроить на них засаду по дороге в Рулинди. Говорил он не торопясь, чтобы ненароком не выболтать какую-нибудь подробность, из которой стало бы ясно, что никакой он не Сньол из Плешча, а Дирк Барнвельт. Естественно, он и словом не обмолвился ни о своей жизни на Земле, ни о работе преподавателем английской литературы до поступления на службу в «Игорь Штайн Лимитед»; никак не упомянул, что ввязался в эту экспедицию частично ради того, чтобы сбежать от чрезмерной материнской опеки.

— Живот не болит, — объявил он наконец. — Пожалуй, эти штуковины вполне безвредны. Держи свою порцию.

Слегка подкрепившись не слишком питательными дарами моря, они весь день пробирались на запад. Хотя Барнвельт постоянно высматривал что-нибудь пригодное в пищу, со снедью в рахских лесах, как видно, были проблемы. В порядке эксперимента он съел несколько ягод, а попробовать какие-то мерзкие на вид, но наверняка съедобные ноздреватые наросты вроде грибов так и не отважился. Весьма соблазнительного вида оранжевый фрукт на поверку оказался набитым сухими семечками без единого признака какой-либо мякоти. Однако из его твердой, гладкой скорлупы получились две очень удачные посудины для питья.

К вечеру побережье полуострова стало так заметно уклоняться к северу, что Барнвельт сказал:

— Завтра, по-моему, надо уже окончательно углубляться на материк, если мы рассчитываем когда-нибудь добраться до дороги.

— Как же думаешь ты направлять стопы свои, когда удалимся мы от путеводного побережья? Ведь нету у нас стрелы мореходной.

— Сориентируемся по солнцу. С утра будем держать его точно за спиной, а к вечеру — впереди.

— А что же делать в полдень, когда Рокир животворный встает прямо над головой?

— Отведем это время для отдыха и поисков съестного. Никогда не думал, что дикарям так тяжело живется: вечно ищи, чего бы пожрать.

— Верно, любезный мой собеседник. Хотя будь мы истинными уроженцами лесов сих диких, наверняка знали бы множество съедобных вещей, кои в городском невежестве своем из виду упускаем.

— Вроде вон того, — кивнул Барнвельт на некую многоногую тварь, которая тут же юркнула под камень.

Он давно уже высматривал какой-нибудь ручей. Вскоре они действительно набрели на родник, который стекал в море Садабао у основания небольшого песчаного мыска.

— Остановимся здесь, — решил он. — Если на нас кто полезет, мы, по крайней мере, сможем рассмотреть, с кем имеем дело.

Они совершили еще одну скудную трапезу. Еще в самом начале перехода через Рахский полуостров Барнвельт поклялся держать свои руки подальше от Зеи. Любовные утехи на мягкой лесной подстилке могли закончиться так же, как у Аталанты с Меланиппом[70]: конечно, они не превратились бы во львов стараниями какого-нибудь оскорбленного до глубины души божества, но при столь долгом переходе последствия могли оказаться не менее фатальными. Не без некоторого облегчения Дирк отметил, что благодаря усталости и жуткому чувству голода добровольное воздержание переносилось куда легче, чем он опасался.

Барнвельт отыскал дерево, которое усохло еще в юности, повалил и нарубил на поленья, и вскоре его лучковая дрель вновь вгрызлась в дерево. После некоторой тренировки добывание огня пошло более успешно, хотя он очень надеялся, что сухая погода продержится до той поры, когда они доберутся до дороги. В том, что у него получится добыть огонь трением друг о друга мокрых деревяшек, он весьма и весьма сомневался.

— По-моему, лучше спать по очереди, — сказал он. — Какие мы были дураки, что сразу до этого не додумались!

От холода и голода Барнвельт проснулся еще до начала своей вахты. Подняв взгляд, он обнаружил, что Зея преспокойно спит, свернувшись калачиком под большим валуном. Он тактично ничего не сказал, а просто подбросил в костер дров и заступил на часы.

Ему не давала покоя одна логическая задача. Заключалась она в следующем: если тратить время на поиски пропитания в необходимом количестве, практически не останется времени на переходы. А если же питаться одними ягодами и сафками,

которые можно набрать часа за два поисков, с каждым днем они будут все больше и больше чахнуть. Таким образом, продвигаться к дороге они станут все медленней и медленней, пока окончательно не свалятся от истощения где-нибудь в лесу — не исключено, что в каком-то полете стрелы от цели.

Если получится ухлопать какого-нибудь зверя покрупнее, еды должно хватить до самого конца. Но как? По пути они то и дело вспугивали всяких мелких животных, поедавших листву и корешки. Но таких животных можно было разве что подстрелить, скажем, из арбалета. Барнвельт очень сомневался, что они подпустят его на такое расстояние, чтобы реально было пустить в ход меч. Даже если сделать копье, привязав кинжал к длинной палке, все равно этого недостаточно. Что же до лука, то Барнвельт даже не представлял, с какого бока к нему стрелу приставляют.

Медленно тянулись часы, мерцающими роями по небу ползли звезды. Три луны, которые успели уже заметно отдалиться друг от друга, опускались за лес. Как только первые рассветные лучи розово окрасили небо на востоке, Зея проснулась.

— Почему, вероломный ты тип, не разбудил ты меня в должный час? — возмутилась она, позевывая. — Верно, впала я в дремоту во время вахты своей и за халатность сию строжайшего взысканья заслуживаю. В чем заключаться оно будет?

— Если ты… — начал было Барнвельт, чуть не ляпнув, чего ему действительно хочется, но вовремя прикусил язык. — Ну… Один маленький поцелуй, и будем считать, что мы квиты.

Пока она выполняла это пожелание, он даже руки сцепил, чтоб ненароком ее не сграбастать. Вдруг какой-то странный звук заставил его резко обернуться. Зея тихонько взвизгнула:

— Екий!

Барнвельт суматошно вскочил на ноги, чуть не столкнув Зею в костер. У основания песчаного мыска, на котором они расположились на ночлег, притаился какой-то огромный зверь. Хоть было еще темновато, чтобы разглядеть его в подробностях, Барнвельт уже видел екия в маджбурском зоопарке и прекрасно представлял, как он выглядит.

Хищник, ростом и весом не уступающий земному тигру, но раза в полтора длиннее, на шести относительно коротких ногах. Башка и лапы у него — как у земного медведя или, только в куда более крупном масштабе, как у норки. Зверь был сплошь покрыт бурой лоснящейся короткой шерстью.

Екий, подогнув все шесть своих коротких лап и, почти касаясь брюхом земли, скользнул вперед, словно кот, охотящийся за

канарейкой. Барнвельт выхватил из костра пылающую головню и швырнул в него. Он не попал, но зверь отскочил вбок, цапнул в воздухе лапой и рыкнул, когда крутящаяся головня пролетала над ним. Потом он опять стал подкрадываться. Лихорадочно соображая, что бы такое предпринять, Барнвельт швырнул в него еще одним поленом.

— Они умеют лазать по деревьям? — пропыхтел он.

— Нет… Разве что детеныши, но только не взрослые екии!

— Кидайся в него головнями и подбрось еще дров в костер!

Барнвельт поспешно подхватил верхушку молодого деревца, срубленного вечером. Остаток ствола вместе с ветвями оказался чуть повыше его самого.

— По-моему, вот-вот он бросится, Сньол! — тревожно проговорила Зея.

— Кидай, не останавливайся!

Барнвельт зажал верхушку деревца в левой руке и принялся торопливо обрубать ветки мечом — по одному быстрому, с оттяжкой удару на каждую.

Через несколько секунд он получил длинный прямой шест, который оканчивался похожим на оленьи рога ершом из сучьев, обрубленных в футе-другом от ствола и довольно острых.

— А теперь, — бросил он, — видишь вон то большое дерево? Ну, где сучья почти у земли?

— О да!

— Сейчас мы на него залезем.

— Но как, ежели зверь, сей ужасный, отрезал нам путь к нему?

— Сейчас увидишь. Бери топор и не высовывайся у меня из-за спины.

Держа в левой руке горящую головню, а в правой импровизированную рогатину, он осторожно двинулся навстречу екию. Зверь, который никак не ожидал от своей добычи подобного поведения, отпрянул на шаг и встал на дыбы, оставшись на двух задних парах лап. При этом он весьма злобно рычал и ворчал.

Барнвельт, напряженный, как тетива, ткнул ему в морду рогатиной и замахнулся факелом. Зверь хрипло заорал, исходя пеной, и цапнул пучок сучьев передней лапой.

— Проваливай! Кыш! — завопил Барнвельт, вновь тыча его рогатиной.

Зверь по-рачьи отодвинулся вбок, пытаясь обойти торчащие сучки. Барнвельт старался этого не допустить, поворачиваясь вслед за ним и выставив факел.

Екий угрожающе рыкнул и подобрался для прыжка, но

Барнвельт скакнул вперед и ткнул его прямо в глаза. Зверь отпрянул, содрогаясь всем телом и оглашая лес хриплым визгом.

Дюйм за дюймом он теснил хищника вбок. Каждый раз, когда тот готовился к прыжку, Барнвельт опережал его и заставлял отступить. Наконец ему удалось оказаться между екием и спасительным деревом. Зея держалась у него за спиной. Он прекратил орать на зверя, чтобы гаркнуть девушке:

— Лезь на дерево! Быстро!

Она повиновалась. Пятясь спиной вперед, он вслед за ней отступил к стволу и швырнул пылающую головню в башку екия. Ветка стукнула зверя по носу, отчего тот бешено подскочил и вздыбился, хватая воздух передними лапами.

Барнвельт полез на дерево, цепляясь за ветки одной рукой, а другой сжимая рогатину. Преодолев первые несколько сучьев, он бросил свое деревянное оружие и полез уже быстрее.

Екий неистово взревел, подскочил к дереву и, встав на задние лапы, во всю длину вытянулся вдоль ствола. Барнвельт успел отдернуть ногу как раз в тот момент, когда жуткие челюсти щелкнули в каком-то дюйме от каблука.

— Мамочки! — выдохнул он, пристраиваясь на суку рядом с Зеей. — В жизни так не пугался!

— О, мой герой! — вскричала Зея, удушая его поцелуями. — Да как же храбрец такой и говорить может о страхе!

— Если б ты знала, что происходит внутри героев, дорогая, даже когда они спасают девиц прекрасных от чудищ ужасных! Интересно, скоро ли наш друг внизу устанет нас поджидать? — ответил Дирк и ткнул пальцем в екия, который все еще сидел под деревом и поглядывал вверх с весьма обнадеженным выражением на морде.

— Покуда не ослабнем мы от голода и жажды иль не уснем, свалившись прямо в пасть его ненасытную.

— Тогда он просчитался. Отмотай с пояса веревку и привяжись вон к той ветке. Я же говорил, что она пригодится!

Надежно привязавшись веревками к дереву, они расположились на суку в надежде пересидеть хищника. Правда, екий, похоже, никуда не спешил.

Зея сказала:

— Как посетила тебя мысль светлая простой рогатиною чудище кровожадное отвратить?

Барнвельт хихикнул.

— В моих краях так дрессируют зверей для представлений перед публикой. Когда укротитель екиев находится в клетке со своими зверями, то всегда держит под рукой легкий стул, чтобы держать их подальше, если они вдруг забудут, кто тут главный, и

полезут на него. Мимо ножек им никак не пробраться, а просто отнять стул, видно, ума не хватает. Так вот, когда эта холера навалилась на нас, я зациклился на том, что нужен стул. А поскольку никакой мебели под рукой не оказалось, пришлось искать замену.

Зея вздохнула.

— Сказки, кои рассказывают о доблести генерала Сньола, видать, и впрямь былью являются. Скажи, а есть ли у тебя гарем из ньямских девиц сладострастных, как, говорят, полагается человеку заметному в далеких твоих краях?

— Да что ты, и одной-то не успел обзавестись. Слишком много приходится ездить.

Барнвельт пристальным взглядом посмотрел на принцессу. В голове его неотвязно вертелся все тот же образ субъекта в капюшоне с дырками для глаз, который таскает с собой мясницкий топор и после года неземной любви по квирибскому образцу начинает проявлять повышенный интерес к одному из возлюбленных.

Она удивленно подняла брови вместе с антеннами.

— И все же, насколько могу судить я, не находишь ты женщин породою непривлекательной!

— Смотря, каких женщин. Если б у нас в Ньямадзю были такие, как ты я бы давно обзавелся гаремом почище, чем у Соломона.

— Чем у кого?

— Да так, у одного допотопного царя — не обращай внимания, — и он поглядел вниз на екия, который явно не собирался оставлять свой пост. — Я вот думаю: не соорудить ли в конце концов копье из палки и кинжала и не проткнуть ли этого гада сверху… Пожалуй, не стоит — потеряем кинжал и еще больше его раззадорим.

Несколько часов просидели они на своем насесте, тупо таращась на екия, который не менее тупо таращился на них. Барнвельт задремывал, просыпался, потом снова задремывал. Снились ему при этом в основном бифштексы. Потом ноздрей его коснулся какой-то новый запах.

— Вот что заставит монстра сего убраться отсюда подобру-поздорову! — объявила Зея, показывая куда-то рукой.

— Ого-го! — воскликнул Барнвельт, посмотрев в ту сторону.

Одна из брошенных ими горящих веток устроила в траве самый настоящий пожар. Снизу поднимались тонкие струйки дыма, под которыми с пощелкиванием и потрескиванием плясали крохотные язычки пламени.

— Заставит-то оно заставит, только мы тоже поджаримся, —

заметил Барнвельт.

При виде разгорающегося пожара екий тоже забеспокоился. Огромная бурая башка отвернулась от сидящей на дереве парочки и ненадолго уставилась на огонь. Зверь неохотно пошевелился, еще разок опершись лапами о дерево, словно чтобы убедиться, что добычу действительно никак не достать.

А пожар и в самом деле разгорался. С неожиданным «пумп!» столбом огня занялся кустарник. Горящие листья стремительно взмывали вверх, кружились и опадали обратно на дымящийся дерн.

Екий обошел вокруг дерева, поглядывая на огонь и тревожно принюхиваясь к дыму. Наконец, рявкнув от отвращения, зверь затрусил прочь.

— Выждем еще минутку, — сказал Барнвельт, отвязывая страховочную веревку.

— Но пожар сей…

— Знаю, дорогая. Но будет совсем ни к чему, если этот красавец прискачет обратно и сцапает нас, как только мы слезем на землю.

Он выглянул из-за плотной листвы. Все было тихо, за исключением вздохов прибоя и нарастающего гула пламени.

— Порядок, приступаем к тушению. Ты заливай из чашек, а я буду затаптывать.

— На что тушить ты задумал пламя сие чудотворное? Думается мне, что оно лишь на пользу, ибо отвадит любого зверя недружелюбного, что шатается поблизости.

— А на то, что если начнется настоящий лесной пожар… И думать забудь!

— Но на Фоссандеране…

— Ради всех богов прекрати болтовню и отправляйся за водой! Потом объясню. Если подует с востока, мы просто сгорим к бесу!

Вооружившись толстой палкой, он принялся забивать ею пламя и затаптывать ногами. То количество воды, которое за один раз могла принести Зея из моря, плескавшегося поблизости, казалось смехотворно ничтожным. Но мало-помалу они одерживали верх.

Где-то через час, весь в копоти и саже, Барнвельт объявил, что пожар побежден. После купания в море Садабао и завтрака из ракушек они вновь устремились на запад, удаляясь от побережья и ориентируясь по солнцу.

На третий день, вскоре после полудня, Барнвельт с Зеей вышли из рахского леса на дорогу между Шафом и Малайером.

Оба были исхудалые, грязные, оборванные и исцарапанные. Зея несла копье, которое Барнвельт соорудил из подходящего сука, привязав к нему кинжал, на случай новой встречи с екием. Однако пустить это оружие в ход случая так и не представилось. Барнвельт вздохнул.

— Вообще-то, следовало бы теперь шагать дальше на север, но давай-ка лучше присядем — может, поймаем какой транспорт.

Он воткнул топор в землю и тяжело опустился под деревом, прислонившись спиной к стволу. Зея плюхнулась по соседству и тут же положила ему голову на плечо. Он лениво пробормотал:

— У нас, вроде, еще ягоды остались?

Девушка положила на колени свою матросскую шапочку, которую они использовали в качестве мешка. Барнвельт принялся выуживать из нее ягоды, которые по очереди отправлял в рот то себе, то ей.

Одну он внимательно осмотрел и выбросил, заметив:

— От таких у нас живот уже болел. Представляешь, какой мы закатим пир, когда доберемся до города?

— О, еще как представляю! Сперва чудесный печеный унха, обложенный табидом, с тунистом во рту, да полная плошка соусу бету иного…

— И гроздочка этих желтеньких как-их-там-зовут на десерт, и большой кувшин фалатского вина…

— Только не мишдахского фалата — он слишком жидкий, а ходжурского, особенно урожая года Екия…

— Вот про екиев не стоит! Все, что мне от них было надо, я уже получил. Потом буханочку бадра, чтоб вымакать соус…

Она подняла голову.

— Ну и молодчик! Сидит, считай, с коронованною девицей на руках и не может думать ни о чем, кроме утробы своей ненасытной!

— А сама-то что?

— Что это в виду ты имеешь?

— Нет лучшего блюстителя для добродетели, нежели воздержание от пищи. Будь у меня силы, недолго бы ты оставалась девицей!

— Хвастун! Даже тут вопрос пропитанья ввернуть ухитрился! Я-то помню, сколько яств ты тогда проглотил на «Шамборе», и гляжу, что сказанья о прожорливости народа вашего просто-таки бледнеют пред действительностью!

— Между прочим, у нас очень холодно, — заметил Барнвельт.

— Но сейчас-то тебе не холодно?

— И потом мы, по крайней мере, питаемся нормальной здоровой пищей, а не отработанными мужьями.

— Кашьо не трапеза, балда, а торжественная церемония…

— Я это уже слышал, но по-прежнему считаю, что это ставит вас на одну доску с хвостатыми обитателями Фоссандерана.

— Наглый придира! — вскричала она, отвешивая ему шлепок — слабый, чтобы показать, что это не всерьез.

— А потом, — продолжал он, — что-то я не пойму, каким образом вы ухитряетесь сохранять династию, если всякий раз, когда консорт замечает смотрящую на него королеву, ему не ясно, то ли страсть горит у нее в глазах, то ли она просто высматривает кусочек посмачнее. Такая семейная обстановка лишит присутствия духа даже сексуального гиганта!

— Наверное, мужчин наших не так легко мужских достоинств их лишить, нежели тех, что в выстуженной местности вашей обитают! Квирибец истинный и при смерти кавалером остается галантным, а ньямца подержишь на ягодах с ракушками каких-то три дня…

— Четыре!

— Ну, четыре дня, и слепцом становится он бесчувственным ко всему, помимо еды.

— Да ладно! Ты сама ничуть не меньше меня мечтаешь о еде — вон сколько всего нафантазировала!

— А вот и нет! Тем более что твое пиршество воображаемое превысило мое, как Зора гору Сабуши превышает!

— И как ты думаешь это доказать?

— Принцессе коронованной нет нужды утвержденья свои доказывать! Одного лишь слова ее вполне довольно!

— Да ну? Тогда тебе, пожалуй, следует изучить несколько новых обычаев.

— Вроде того земного, именуемого «поцелуй», коему обучил ты меня? Пожалуй, потребно мне еще в забаве сей поупражняться…

Через некоторое время Барнвельт заметил:

— Боюсь, что я не настолько близок к истощению, как думал.

— Вот как? И не думай нарушить древние обычаи квирибские, иначе познакомишься с приемами потасовочными, коим воительниц наших обучают в палестрах!.. Часом не таскаешь ли ты камень гвамовый в кармане?

Барнвельт переменил положение.

— Нет, обычно я полагаюсь исключительно на свое природное обаяние. Во всяком случае, я сомневаюсь, что такой камень дает мужчине власть над женщинами, как янру делает это наоборот. По-моему, желаемое просто выдается за действительное.

— И все ж поощряешь ты сие суеверие, охотясь за монстром

морским ради камней его.

— А кто я такой, чтобы опрокидывать веками сложившиеся представления? У меня и так было вполне достаточно заморочек дома, в Ньямадзю, когда я пытался просветить людей относительно некоторых совершенно ясных и очевидных вещей. А что касается твоих воительниц, по-моему, у тебя уже есть опыт, который убедительно подтверждает: комплектовать армию женщинами — пусть даже весьма мужественными, если такое вообще возможно — попросту непрактично.

— По какой это такой причине? — поинтересовалась она.

— Хотя бы по такой, что мужчины крупнее. Если бы тут была планета, где женщины в десять раз здоровей мужчин, было бы совсем другое дело.

— Не очень-то справедливо было то со стороны Варзаи — несоответствие такое учинить.

— Конечно, если ты во всем привыкла винить богов.

— А если не богов, то кого?

— Все зависит от того, во что ты в таких случаях веришь.

— Ужель не воспринимаешь ты богов серьезно?

— Не-а. Я считаю, что какие-то вещи просто случаются, и все тут.

— Неудивительно, что кангадиты возжелали умертвить тебя за ересь!

— Конечно, неудивительно. Удивительно то, что Квириб до сих пор не схавал какой-нибудь могущественный сосед, при таком-то раскладе!

— Королевы наши испокон веку предотвращали войны дипломатией искусной и интригами коварными, природные богатства наши используя, дабы одного врага на другого натравливать.

— Все это замечательно, но как-нибудь придет к тебе крепкий парень и скажет: «Дерись или сдавайся!» — и больше выбирать тебе будет не из чего.

— Ежели поставишь ты меня пред выбором столь мрачным, о нигилист надменный, можешь не сомневаться — буду я драться!

— Ну уж нет. Чтобы добиться своего, я лучше пущу в ход дипломатию искусную и интриги коварные, о которых ты только что толковала. Вот, к примеру…

— Нахал! — воскликнула она, как только вновь обрела способность говорить. — О, ужель не останешься ты в Рулинди, дабы вечно играть со мною в игру эту радостную?

— Хм! Это будет от многого зависеть.

— От чего? А потом, приказываю я…

— Если твоя маманя отречется от престола, твоему консорту

наверняка это не понравится.

— Пусть хоть вякнуть попробует! Мое слово — закон.

— И все-таки вряд ли окружающие одобрят такую фамильярность.

— Хорошо, а разве не можешь ты и его обучить искусству сему? Или же, что еще лучше, самому стать первым моим консортом?

— Боги всемилостивые, только не это! Уж не думаешь ли ты, что я мечтаю закончить свои дни в вашей жертвенной духовке?

Она была явно удивлена и немного обижена.

— Чести такой многие бы позавидовали. Струсил?

— Чертовски верно подмечено! Ты мне, конечно, очень нравишься, но не настолько же!

— Да ну? Ну и грубияны же вы, ньямцы!

— К тому же, у меня все равно нет на это права.

— Сие можно было бы устроить, — тут же откликнулась Зея.

— А я думал, что супруга королеве выбирают большинством голосов.

— Сие тоже препятствие не великое. В выборах оных все далеко не так, как публике широкой представляется.

— Да, я что-то такое слышал. Но я по-прежнему не намереваюсь провести год в роли дамского комнатного эшунчика и потом отправиться на плаху. Ты можешь представить, чтобы твой любимый герой Карар делал такие вещи?

— Н-нет, только…

— Все это слишком напоминает мне одних жуков в моих краях — они называются богомолы, — у которых самка поедает самца в ходе совокупления.

Глаза ее наполнились слезами.

— Ты сказал, я тебе нравлюсь, и мы с тобой действительно одной породы, за исключеньем внешних различий мнимых…

— Я правду сказал, — ответил он и прервался, дабы показать ей некоторые новые приемы так полюбившейся ей игры. — Черт, да я просто по уши в тебя влюблен. Но…

— Я тоже тебя люблю.

— Как мужчину или как бифштекс? Ох!

Она довольно чувствительно ткнула его локтем в ребра.

— Как мужчину, дуралей, — отозвалась она. — По крайней мере, как мнимого, ибо определенье сие еще доказательства требует.

— Ничего себе! Слушай, ты лучше кончай взламывать мою внутреннюю оборону, не то я сейчас…

— Погоди-ка, а вроде есть один выход! Слыхал ли ты про агитацию партии реформ, коя предлагает казнь в простой символ

превратить? Так вот, на большую часть мира остального глядючи и слушая, что ты сам да прочие скептики непочтительные глаголят, теперь не так я убеждена, что Матери Божественной так уж сия жертва потребна.

— Ты хочешь сказать, что примешь программу реформистов, когда придешь к власти?

— А почему бы и нет? Тогда сможешь отбросить ты прочь свои страхи.

— Нет, — твердо сказал Барнвельт. — Послушай-ка, лапочка. Во-первых, твоя мать все равно сохранит влияние на все дела — ты сама говорила, — даже если отречется от престола, и я не думаю, что она потерпит столь вольное обращение со старыми обычаями.

— Но…

Он решительно приложил ей ладонь ко рту.

— А во-вторых, когда я люблю девушку, мне она нужна постоянно, а не на годик попользоваться, Перспектива наблюдать потом за парадом остальных счастливчиков… Ой! Ах ты, чертовка, решила заранее откусить кусочек, чтобы попробовать, каков я на вкус?

— Нет, скелет ты жилистый! Всего лишь куснула я тебя легонько, дабы напомнить, что мне тоже дышать надобно, а с ручищей поверх губ очень мне сие затруднительно. А что ж до теорий твоих о жизни да любви, то довольно необычны взгляды подобные для авантюриста странствующего. Большинство из таких, слыхала я, короткую страстную связь да ретираду поспешную предпочитают.

— Я не из таких. А в-третьих, черт побери, я сам хочу быть боссом, а не прозябать в роли эдакого квирибского домохозяина. Так что меня ваша матриархальная система не устраивает в целом.

— Ежели в краях варварских женщины домохозяйками являются, то почему бы в наших, соответственно, мужчинам домохозяевами не быть?

— Это не аргумент, милочка. Если они с этим смирились, это их личное дело. А я нет. И точно так же я в жизни не допущу, чтобы меня одурманили этой заразой под названием янру.

— Клянусь шестью грудями Варзаи — никогда супротив тебя его не применю!

— Ну-ну. Лично у меня такой уверенности нет. Нет, дорогая моя, боюсь…

Барнвельт несчастно вздохнул, поскольку понял, во что влип, доверчиво признавшись Зее в своих нежных чувствах. Истинная-то причина его железного отказа крылась в том, что они

принадлежали к совершенно разным биологическим видам. И пока Тангалоа держали заложником, Штайн не был спасен, а условия контракта с «Виажейш» не выполнены, ему нечего было и думать выдавать свою земную сущность, учитывая узколобые предубеждения большинства кришнян. Однако ее близость по-прежнему наполняла его желанием.

— Что же тогда? — спросила она с опасным блеском в глазах. — До коих же пределов особа происхожденья моего должна унижаться пред тобою?

— Дай мне подумать, — выдавил он уклончиво.

— Мямля несчастная! — воскликнула она, вскочила, пнула его как следует ножкой в бедро и устремилась прочь. — Какая же я дура, что позволила тебе так долго мне голову морочить! Здесь, зер, расходятся пути наши навсегда. Отправляюсь я далее в Рулинди одна!

И она гордо направилась по дороге к северу. Барнвельт наблюдал за ее решительно удаляющейся спиной со смешанным чувством. С одной стороны, надо было только радоваться, что девушка сама прекратила эту опасную и не сулящую никаких выгод игру. А с другой — он с ужасом услышал собственный призыв, ответственность за который, несомненно, несла наиболее мягкая и непрактичная сторона его натуры:

— Ну, вернись, милая! Давай не будем ссориться. И куда ты денешься без денег?

Она даже не повернулась. Еще несколько секунд, и она окончательно скрылась бы за поворотом дороги.

И в эту последнюю минуту он приложил ладони ко рту и зарычал, как охотящийся екий. Он не особо рассчитывал, что это сработает, и порядком изумился, когда Зея с испуганным вскриком подскочила высоко в воздух, бросилась назад и кинулась ему в объятья.

— Ну, ну, ничего-ничего, — проговорил он. — Со мной тебе нечего бояться. Давай-ка еще посидим и успокоимся.

— А что же до родства нашего будущего, любовь моя… — начала было она.

Барнвельт тут же приложил ей палец к губам со словами:

— Я же сказал, что должен подумать, — значит, должен подумать.

— Настаиваю я…

— Дорогая, тебе бы давно следовало уяснить, что за пределами Квириба мужчинам до лампочки все твои настаивания. Предлагаю вообще на некоторое время воздержаться от обсуждения этого вопроса.

— Ох!.. — вздохнула она потихоньку.

— А потом, когда умираешь от истощения, не время принимать столь ответственные решения.

— Опять он о еде! — вскричала она, вновь обретая свое неукротимое чувство юмора. — Разве не говорила я, что все ньямцы просто обжоры? Давай тогда еще в игру нашу поиграем…

Истощение там, не истощение, подумал Барнвельт, но в тот самый момент, когда древние обычаи Квириба оказались под вполне реальной угрозой, на дороге послышался скрип влекомой шейханом телеги, которая направлялась к северу. Размахивая руками, они с Зеей моментально вскочили. Кучер сплюнул и остановил зверя.

— Влезайте, зер и мадам, — пригласил он. — Давно уж «Межроу Гурардена» не оказывала чести тихоходной колымаге моей, но форма ваша довольно меня убеждает.

Барнвельт и забыл совсем, что на нем по-прежнему курьерский костюм. Вне всякого сомнения, владелец телеги выставит потом компании счет за пробег, отчего наверняка поднимется шум; но в данный момент Дирка Барнвельта это меньше всего беспокоило.

Дилижанс, в который они пересели в Альвиде, остановился на границе между южным Сурускандом и северным Квирибом. На квирибской стороне путешественников ожидала привычная стража из амазонок, привычный досмотр и привычное предупреждение, что в соответствии с квирибским законодательством меч Барнвельта должен быть опломбирован.

— А теперь, — провозгласила таможенная инспекторша, пока одна из стражниц ходила за набором для пломбировки, — имена ваши?

Этот вопрос Барнвельт предварительно не обдумал, так что пришлось ответить попросту.

— Я Сньол из Плешча, а эта юная леди — Зея бад-Альванди…

— Что?! — вскричала таможенница, от волнения дав петуха. — Ужель сама? Ваша Грозность!

Инспекторша бухнулась на колени.

— Получили распоряженье мы наблюдать за вами!

— О, давайте только не будем так суетиться… — начал было Барнвельт, но амазонка в полном упоении продолжала:

— Девочки! Принцесса спасена! Разожгите скорей огонь в дымовой бочке, дабы весть сия полетела в столицу! Но не можно Вашей Грозности путь продолжать в простецкой вонючей карете! К услугам вашим наш связной экипаж, и лично я буду сопровождать вас. Умоляю, пройдите вон туда. Багаж ваш? Нету? Какие лишенья, видать, довелось вам вынести!

Девочки, быстро заложите карету. Оседлать… так-так-так…

пять айя! Вазная, возглавишь пост до моего возвращенья. Пробуди-ка смену вторую ото сна их сладкого и форму парадную выдай, с сапогами и пиками для службы эскортной…

Через полчаса Барнвельт уже с ветерком катил в сторону Шафа на заднем сиденье служебного ландо с опущенным верхом. Рядом с ним расположилась Зея, а таможенная инспекторша сидела напротив, упираясь в них коленками. У экипажа был черный лакированный кузов с золочеными королевскими гербами на дверцах. Двумя огромными битюгами-айями правил тщедушный квирибец мужского пола, а пять стражниц, разодетых в пурпур и надраенную медь, скакали впереди и позади. Чтобы освободить дорогу, когда они въезжали в населенный пункт, передняя всадница пронзительно дудела в серебряный рожок.

Хоть так ехать было быстрее, да и воняло поменьше, чем в том общественном рыдване, из которого они недавно вылезли, Барнвельту не очень-то пришлась по душе эта пересадка, поскольку о прежней близости с Зеей теперь не могло быть и речи. К тому же снаряжение эскорта лязгало и громыхало так громко, что приходилось орать, чтобы быть услышанным, а на прямых отрезках сухой дороги очень донимала пыль, которая клубами поднималась из-под копыт упряжки. И, наконец, Барнвельту некуда было деваться от болтовни инспекторши, весьма восторженной и экзальтированной дамочки. Она без продыху трещала про беспросветный мрак, павший на государство с исчезновением Зеи, и безграничное ликование, которое должно было теперь в нем воцариться.

Однако в Шафе, как отметил Барнвельт, большинство людей занималось собственными неотложными делами, которые, как видно, интересовали их больше, нежели судьбы царствующей династии.

Часто меняя упряжки, они все с той же удалью неслись вперед — только дождь, пошедший после полудня, вынудил их слегка замедлить ход. Второй день после пересечения границы застал их уже на дороге, которая вилась вдоль северного побережья Квирибского полуострова, — той самой дороге, где Барнвельта с Тангалоа поджидали сунгарские эмиссары во главе с Гавао, когда они первый раз ехали в Рулинди. На сей раз, однако, обошлось без происшествий. Слева мирно плескались изумрудные воды залива Бажжай, справа вздымались косматые вершины Зоры.

Рокир уже почти спрятался за ними, когда наконец показалась квирибская столица. Барнвельт еще не видел Рулинди с этой точки, откуда колоссальное изваяние бога Кунджара

показывалось в профиль, нависая над утыканным шпилями городом, словно расплывшийся от обжорства Будда с именинным тортом на коленях.

Слева, далеко внизу, раскинулась гавань Дамованга. Когда ее стало видно поотчетливей, Барнвельт заметил, что она буквально забита судами. И больше того — преимущественно боевыми галерами, составлявшими куда более солидный флот, чем те военно-морские силы, которыми, как он знал, располагал Квириб.

— Что это все значит? — удивленно спросил он у инспекторши.

— Не ведаете вы сего? О, конечно, глупая я баба, откуда знать вам? Сие объединенный флот правителей со всего моря Садабао, коих монархиня наша величественная сколотить задумала в альянс железный ради искорененья негодяев, что столь опрометчиво грозить нам осмелились. Требовалось убедиться ей лишь в здравии принцессы, чтоб привести машину сию военную в движенье. Замерли там наготове корабли боевые из Маджбура, Замбы, Дарьи и прочих держав Садабао западного. С самых времен разгульного царствованья Десфула Золотого в Ульванаре не стонало море сие под тяжестью флота столь могучего!

— А это что еще за корабль? — полюбопытствовал Барнвельт, указывая рукой. — Вон та галера с крышей.

Корабль, о котором шла речь, и впрямь походил на огромную галеру, накрытую широкой плоской крышей. Инспекторша хихикнула и ответила:

— Сие корабль принца Ферриана из Сотаспе, что вечно мир потрясает какой-нибудь новинкою. Один из подданных его планер изобрел невиданной доселе конструкции, и отличается оный планер от прочих тем, что движет его сквозь эмпиреи небесные двигатель пиротехнический. Галера же сия приспособлена, дабы нести на крыше своей два десятка аппаратов подобных, коими, говорят, рассчитывает принц пиратов уязвить в жилище их болотном, летая над головами у них и каменьями побивая с воздуха.

Барнвельту сразу припомнились виданные когда-то изображения земных военных кораблей, именуемых авианосцами, которые одно время выдвинулись в качестве основы военно-морской стратегии после ухода в прошлое паровых, увешанных броней линкоров — до появления атомных ракетоносцев. Авианесущая галера, однако, представляла собой комбинацию, способную поразить любое воображение.

— Но погодите, — спохватилась инспекторша, — ведь надобно еще учинить приготовленья к прибытию вашему!

Она подозвала переднюю всадницу и приказала ей галопом скакать во дворец, в то время как экипаж поплелся еле-еле, чтобы дать королеве время организовать встречу.

Так что, когда ландо наконец остановилось перед дворцом, налицо были уже все протокольные элементы: амазонки салютовали копьями, трубы трубили что-то пышное и бравурное, а на ступеньках парадного подъезда выстроилась блестящая шеренга власть предержащих Квириба и соседних государств.

Стоило Барнвельту окинуть взглядом свой словно снятый с огородного пугала наряд, его былая робость вспыхнула с новой силой, а коленки (в чем он был готов поклясться) заметно задрожали. По сравнению с разодетыми в пух и прах аристократами на крыльце выглядел он далеко не франтом. «Однако, — подбодрил он себя с ухмылочкой, — может, оно и к лучшему». В потрепанном непогодой костюме курьера, в помятом и почерневшем серебряном шлеме он никак не сольется с прочей толпой. Так что он взял себя в руки, помог Зее выйти из экипажа и повел вверх по ступенькам.

Та-ра-ра! — проревели трубы. Барнвельт чуть было не оглянулся посмотреть, не катит ли за ним кинокамера на тележке, настолько киношной получилась сцена. Тут он вспомнил про камеру на собственном пальце и, приближаясь к королеве, нажал на спуск. Стоящий в первом ряду, в нескольких шагах от королевы Альванди, Джордж Тангалоа откровенно подмигнул ему, а движения его кулака неопровержимо свидетельствовали о том, что он тоже вовсю снимает творящееся действо на пленку.

Барнвельт преклонил колено, пока королева обнимала свое чадо, а потом поднялся, заслышав зычный голос Альванди:

— …Ввиду того, что государство наше, строенье коего предопределено свыше, ордена рыцарского не включает, не могу я в рыцари тебя посвятить в знак благосклонности и уваженья, генерал Сньол. Однако взамен наделяю я тебя гражданством почетным квирибской державы, со всеми правами не только мужскими, но и женскими даже, — заодно с чеком на полученье из казны пятидесяти тысяч кардов.

А теперь дозволь мне представить господ сиятельных, здесь собравшихся. Ферриан бад-Аржанаг, принц-регент Сотаспе. Король Ростамб Ульванарский. Президент Сурусканда Кангавир. Софкар бад-Херг, дашт дарийский. Великий Магистр ордена рыцарей Карара из Микарданда, зер Джувейн. Король замбийский Пенжирд Второй…

Упрятав чек во внутренний карман, Барнвельт изо всех сил старался удержать в памяти длинную череду имен и физиономий. Первый кришнянин, которому он пожал большой палец,

знаменитый принц Ферриан, оказался моложавым малым среднего роста, худощавым, смуглым и непоседливым, наряженным в кирасу из находящих друг на друга пластин вороненой стали с золотой насечкой.

За ним последовал ульванарский король Ростамб, здоровенный, пузатый, с карикатурно жиденькой бороденкой, который глянул на Барнвельта со строгой проницательностью. Остальные же незнакомые имена и лица смешались у него в голове в беспорядочную кашу.

Вновь послышался голос королевы:

— А где же Заккомир, господин Сньол?

— Не знаю, Ваша Грозность, но опасаюсь худшего. Мы разделились, удирая от погони на Сунгаре.

— Горестна сия потеря, но не будем все же оставлять надежды. Прошу во дворец, дабы одеянья переменить к банкету.

«Банкет? С речами? Ну вот, — упал духом Барнвельт, — едва успел смерти избежать, как на тебе — новая беда».

Толпой завалившихся во дворец гостей сразу обнесли кружками с приправленным квадром. Восторженные почитатели с такой энергией выкручивали Барнвельту большой палец, что в конце концов герой забеспокоился, как бы его совсем не оторвали. Он никак не мог пробиться к Зее, которую, не успевшую еще переменить матросский наряд, в четыре ряда обступила золотая молодежь.

Президент Сурусканда, эдакий крепкий боровичок в роговых очках и малиновой тоге, поверг Барнвельта в полное изумление, вытащив из складок своей хламиды местную записную книжечку и коробочку с пером и чернильницей.

— Генерал Сньол, со времен избранья моего отпрыск мой старшенький донимает меня просьбами собирать ему автографы великих, статус мой нещадно эксплуатируя. Так что, зер, коли не возражаете вы руку свою приложить вот тут…

Барнвельт старательно вывел на протянутом листочке несколько гозаштандских завитушек.

Президент Кангавир поглядел на результат.

— Поелику вряд ли решусь я беспокоить вас в будущем, зер, не затруднит ли вас добавить сюда и подпись на языке вашем исконном?

Барнвельт судорожно сглотнул, поскольку и понятия не имел, какие там у ньямцев буквы. Несколько долгих секунд тупо протаращившись на бумажку, он в конце концов нацарапал «Сньол из Плешча» обычной английской скорописью. К счастью, боровичок-президент, похоже, ничего предосудительного не усмотрел.

— Простите, Ваше Благодеяние, — промямлил Барнвельт и поспешно ретировался. Поскольку Зея уже исчезла, он пошел поболтать с Тангалоа, который безмятежно потягивал свой напиток в сторонке.

Смуглый здоровяк ничуть не похудел и не утратил своей обычной жизнерадостности. Стискивая ладонь Барнвельта, страновед заметил:

— Господи, старина, да тебя можно просто принять за бродягу!

— Ты бы не лучше выглядел, если бы был с нами. Давно тебя выпустили из тюряги?

— Как только получили сообщение по дымовому телеграфу, что вы с шейлой в безопасности.

— Как рука?

— Почти как новая. Но давай-ка лучше с тебя начнем: у тебя новостей побольше. Выкладывай как на духу.

Барнвельт сжато поведал обо всех своих приключениях.

— …В общем, можно с полной уверенностью заключить, что этот осирианин, Шиафази, действительно босс всех этих флибустьеров. Мало того — он и Игоря одурманил своим осирийским псевдогипнозом, так что теперь наш неугомонный московит и понятия не имеет, кто он такой. Если б не серебряные шлемы, нас с Заккомиром ожидала бы точно такая участь.

Тангалоа закудахтал:

— Это несколько усложняет наши усилия по его спасению, но смею надеяться, что не все так ужасно. Валяй дальше.

Когда Барнвельт дошел до устроенного на Фоссандеране пожара, то не без удивления заметил, что добродушная физиономия Тангалоа приняла весьма осуждающее и строгое выражение.

— В чем дело? — не понял Барнвельт.

— Ничего лучше не придумал? Только представь, сколько ты строительного леса загубил! На Земле каждая щепочка давно на учете. А что случилось с хвостатыми?

— Откуда мне знать? Может, поджарились. Может, переплыли на материк с другой стороны. А они-то тут при чем?

— Ну ты даешь! Это же целая культурная группа, которая до сих пор не изучена! Похоже, они той же породы, что в Колофте и За, но культура-то у них наверняка совсем другая! Все эти группы строго локальны и территориально ограничены с тех самых пор, как тысячи лет назад эту планету заполонили бесхвостые кришняне. Кстати, ничуть не исключено, что наши хозяева как раз и переняли свой каннибализм от хвостатых аборигенов, которых вытеснили. Ой, да есть целая масса вероятностей —

верней, была, пока ты не спалил свидетельства. Как ты мог, Дирк?

— Вот так номер! — взвился Барнвельт. — А что ты, черт побери, думал, я буду делать — позволю этим дикарям сожрать себя, чтоб ты потом мог явиться изучать их с блокнотиком?

— Нет, но…

— В общем, было так: либо мы, либо они. А что же до деревьев, то на Кришне по сравнению с Землей населения кот наплакал, а площадь суши в три-четыре раза побольше, так что нечего нам так переживать насчет истощения их природных ресурсов. Хвостатые аборигены, скажите, пожалуйста!

— Всегда смотри в корень, — наставительно произнес Тангалоа своим лекторским тоном. — Обычно это дикарство, как его именует большинство людей, попросту является защитной реакцией на угнетение со стороны так называемой цивилизованной публики. То же самое сотни лет назад произошло с моими собственными тихоокеанскими прародителями. Приплывают европейцы на корабле, грабят, убивают, насилуют, а на следующем корабле, видите ли, удивляются, с чего это их забрасывают копьями и едят, не успели они на берег вылезти. Очевидно, этих фоссандеранцев окончательно достали набеги работорговцев…

— Так и что с того? Что мне следовало делать?

— Надо было спокойно объяснить…

— Я по-ихнему не понимаю, а если б даже и понимал, они бы меня сначала разделали под орех, а потом задавали вопросы. Вообще-то говоря, именно так они и поступили с беднягой Часком.

— Но стоит мне представить, сколько научных данных пошло коту под хвост…

— Если там чего-то осталось, то, когда покончим с делами, можешь отправиться на Фоссандеран и опрашивать их в самом просвещенном антропологическом духе, покуда тебя будут заталкивать в племенной котел.

— Распространенное суеверие. Если некое племя достаточно развито, чтоб иметь котлы, ни о каком каннибализме не может быть и речи. А что было дальше?

Барнвельт поведал об их приключениях в лесах Рахского полуострова.

— Единственно, что нас спасло, — сообщил он, — это что мы случайно наткнулись на кладку яиц. Четыре штуки, вот такие здоровые. Понятия не имею, что за местная тварь их отложила. Во всяком случае, мамаша болталась где-то далеко от гнезда, так что мы сцапали яйца и сделали ноги.

— А как вы их приготовили?

— Положили на землю рядом с костром и каждые несколько секунд переворачивали. Получилось — пальчики оближешь: должно быть, их только-только снесли. Иначе наши кости давно бы уже глодали екии где-нибудь посреди этого мрачноватого леса.

— Да ладно тебе, старина, не делай из мухи слона! Такая упитанная молодая парочка вроде вас с принцессой могла бы неделями бродить без пищи, прежде чем окончательно свалилась. У нас на Торе то же самое вышло, когда там решили, будто мы сперли их священный пирог, и нам пришлось уносить ноги. У нас там даже ракушек с ягодами не было, одни яйца жрали, — Тангалоа задумчиво оглядел свой живот, — Да-а, вот тогда-то, надо сказать, я действительно похудел, пока эта прогулка закончилась. Кстати, сколько ты пленки отстрелял?

— Да не сильно много. На Сунгар мы попали только к вечеру, а когда пришлось удирать, мне стало как-то не до камеры. В лесу вообще все время было темно. Отснятые ролики у меня в кармане, если только вода не попала в капсулы. Но что с Игорем-то будем делать? Его придется забирать силой.

— Это уже вроде как само собой устроилось, — ухмыльнулся Тангалоа.

— В смысле? — забеспокоился Барнвельт.

— Королева проталкивает тебя в главнокомандующие задуманной экспедиции против пиратов.

— Меня? Почему меня?

— Потому что ты знаменитый генерал, если ты об этом забыл. Поскольку ты тут приезжий, она решила, что они скорей согласятся на тебя, чем позволят кому-то из своей компании подняться над остальными. Пенжирд на ножах с Феррианом, Ферриан на ножах с Ростамбом, а Ростамб на ножах вообще со всеми сразу.

— Да какой из меня адмирал? Я не сумел даже справиться с экипажем на четырнадцативесельной контрабандистской калоше!

— Если не будешь болтать, они в жизни этого не узнают. Они тут уже мозги набекрень свернули, пытаясь выдумать, как пробраться сквозь водоросли, а у тебя уже все готово.

— Это ты про лыжи? Может…

Барнвельт пребывал в нерешительности. С одной стороны, экспедиция могла оказаться превосходным предлогом, чтобы убраться из Квириба, пока он не втрескался в Зею настолько, что на разрыв у него не хватит никакой силы воли. К тому же все равно надо было что-то предпринимать в отношении Штайна и контракта с «Виажейш Интерпланетариаш». С другой стороны, его

старая робость просто-таки переполняла его ужасом от перспективы возглавить целую орду совершенно незнакомых людей и взвалить на себя ответственность, которая была ему явно не по плечу.

— Конечно, все это фигня, — заметил Тангалоа. — Если б тогда Куштаньозо дал это имя мне, в адмиралы выбрали бы меня, а не тебя. При таком раскладе я, не обремененный военными амбициями, спокойно снимал бы на этом посту кино. А ты тут голову ломаешь.

Внимание Барнвельта отвлекли сверкнувшие в свете газовых рожков драгоценности. К ним направлялась Зея, до блеска намытая и завитая, в полупрозрачной тунике и блестящей тиаре, расталкивая роящихся вокруг накрашенных юнцов с целеустремленностью нападающего команды регбистов. Барнвельт даже присвистнул от восхищения и процитировал:

> Пускай не думает красотка, что наряд
> Для красоты ее ничто не значит!

— Что это, владыка мой? — удивилась она, и Барнвельту пришлось перевести.

— Ньямский поэт по имени Теннисон, — уточнил он на всякий случай.

Она повернулась к Тангалоа:

— Поведал ли он уже о приключеньях наших, господин Таджди? Никакими словами не передашь того, что в действительности происходило, ибо по сравненью с усилиями нашими Девять Подвигов Карара попросту ничто! Рассказал ли он, что, когда мы высадились на материк, загнал нас на дерево екий? Или как зажигалка у него сломалась, и добыл он огонь трением?

— Нет… А что, правда? — изумился Тангалоа.

— Угу. В справочнике бойскаута все верно расписано. Все получается, если у тебя есть сухое дерево и терпение Иова. Но я бы не советовал…

— А что такое «рачник боската»? — вмешалась любопытна Зея.

— Справочник бойскаута? — переспросил Тангалоа. — Ньямская народная энциклопедия. А ты не пробовал соорудить лук со стрелами, Сньол?

— Нет. Я бы на это угрохал месяц, и то если б ничего другого не надо было делать, и еще пару месяцев учился бы стрелять. Но мы и так уже были истощены до крайности. На этом чертовом полуострове абсолютно нечего пожрать, кроме ягод, орехов и этих

ползучих тварей, которых мы добывали из-под камней, — при этом воспоминании Барнвельта даже передернуло. — И выяснить, какие из них ядовитые, можно было только одним способом — съесть немножко и ждать эффекта.

Он бросил взгляд на настенные водяные часы. — Пойду-ка я лучше умоюсь и переоденусь:

> Ведь крылья Времени не знают утомленья,
> В один лишь край устремлены они.

Как почетный гость, Барнвельт получил место справа от королевы, слева от которой сидела Зея, похожая на какую-то закутанную в газ античную богиню. Остальная компания расселась по ранжиру полумесяцем, тускло поблескивая драгоценностями в свете газовых рожков.

Как и опасался Барнвельт, произносились речи. Сановники один за другим поднимались и — очень часто на диалекте, который Барнвельт едва мог разобрать — со всем красноречием и элегантностью говорили в его честь ничего не значащие слова. Когда адмирал Не-Разбери-Поймешь из Гозаштанда разразился очередным подобным спичем, королева обратилась к Барнвельту шепотом, который, должно быть, услышали даже на кухне:

— Эту шушеру я скоро разгоню, ибо пора открывать нам совещанье деловое. Еще не знаешь, что командованье штабом плывет тебе в руки прямехонько?

Барнвельт что-то воспитанно, но весьма нечленораздельно промычал и добавил:

— Вы хотите, чтобы я что-то предпринял в этом направлении?

— Прикрой-ка пока варежку и положись на меня — сама я все обтяпаю, — любезно заверила королева.

После того как участники банкета были распущены, в одном из залов поменьше собрался военный совет. На нем присутствовало около дюжины персон — сплошь главы и верховные главнокомандующие вооруженными силами соседних государств.

Первым делом гозаштандский адмирал в длинной речи и в весьма изысканных выражениях пояснил, почему его всемогущий правитель, король Экрар, не имеет возможности присоединиться к альянсу: в самом разгаре переговоры с Дюром, и… кхе-гм… всякому ясно, что сие значит.

— Сие значит, что сквалыга твой коронованный скорей с пиратством да грабежом смирится, нежели даже мелким профитом своим коммерческим пожертвует! — отрезала

королева. — Если б зрил он дальше носа своего вздернутого, давно бы заметил, что из-за беззакония сего разнузданного вдесятеро больше теряет! Ежели, конечно, из трусости обыкновенной не опасается он, как бы Дюр не напал на него, коли на лапы он дружкам его распутным наступит.

— Мадам, — вздернул голову адмирал, — не можно допустить мне, чтоб выпады столь дерзкие в адрес властителя моего без должного упрека остались…

— Сядь на место и помалкивай в тряпочку иль катись колбаскою к королю своему трусливому! — взвилась Альванди. — Здесь собранье воителей, а не сопляков рахитичных! Когда в лицо врагу мы смотрим без страха, сидит он на толстой заднице своей в Хершиде с большими силами под командованьем своим, чем у нас всех вместе взятых, и дрожит, как бы лишние полкарда на движенье смелое не потратить! Тошнит уж меня от него!

Адмирал собрал свои бумаги, натянуто поклонился и удалился, не проронив ни слова. Когда он ушел, принц Ферриан одарил королеву сардонической ухмылкой.

— Эк отделали бродягу старого! — заметил он. — Не удивительно, что женщины правят Квирибом. Хотя имей мы, Экрару Гозаштандскому подобно, границы общие с Дюром, должно быть, и мы не пели бы песни столь победные. Однако ближе к делу.

— Совершенно вы правы, — согласилась Альванди. — Вот, справа от меня, сидит тот, о коем уже толковала я вам, — герой, что проник в самое сердце Сунгара и выжил, чтоб поведать об этом. Генерал Сньол, расскажите господам коротенько, как спасли вы дочку мою.

Барнвельт сжато изложил ход событий до бегства на самодельных лыжах, после чего поинтересовался:

— А вы вообще знаете, что такое лыжи?

Все явно недоумевали, за исключением Ферриана, который отозвался:

— Я знаю. В прошлом году гостил на острове нашем один ньямец, который и показал нам, как доски для хожденья по почвам зыбким выстругивать да загибать. Не имея в Сотаспе солнечном диковинного того дождика мерзлого, что «снегом» именуется, облепили мы склон холма мягкою влажною глиной и катались с него на досках упомянутых. Подбил глаз я себе тогда и ногу вывихнул, так что с клюкою ковылял неделю, но забава того стоила. Так вот как бежали вы? Скользя по терпале на оных приспособленьях?

— Да. Понимаете, я нашел несколько досок и выстругал…

— Все ясно мне теперь! Снабдим мы все войско наше лыжами

и пошлем прямиком сквозь тину, покуда сунгарцы глупые тешиться будут мыслью, будто неприступны они посреди болота своего морского. Берусь обучить я и возглавить подразделенья оные, и завтра же пошлю всех плотников Рулинди лыжи выстругивать.

— Ну уж нет! — гаркнул король Пенжирд. — Хоть и знаем мы все вас за человека энергичного да ума вдохновенного, Ферриан, все ж не будете вы воинами моими командовать!

— Моими тоже, — проворчал Ростамб Ульванарский. — Кто сей юный выскочка, что опрокидывать смеет испытанные принципы военные? Да я командовал солдатами, когда он еще из яйца не вылупился…

— Уймитесь, зеры, — вмешалась королева Альванди. — По этой-то самой причине и позвала я сюда головореза сего из дальних краев, царства холода и льда. Достоинства его уж не раз подтверждены были — как репутацией его давней мужа деяний доблестных, так и недавней вылазкою его одиночной…

— А мне плевать, — отрезал Пенжирд Замбийский. — Будь он сам Карар в образе смертном, все равно не властен он людьми моими командовать! Они мои, мною набранные, выученные и прошедшие под началом моим все переделки мыслимые, и никому, помимо меня, не доверятся. Я — это я!

— Прошу прощенья, господа, — подал голос верховный синдик Маджбура, который сразу выделялся из окружающего великолепия простым коричневым костюмом.

Он тихо продолжил:

— Большинство собравшихся тут властью облечены по праву наследному на срок пожизненный. Так что пониманье интересов да желаний других людей далеко не в привычках ваших. И все ж таки без единой главы экспедиция задуманная на провал обречена неминуемо, что в ученье военном сведущие с охотою подтвердят. А посему, коли желаем мы стрелою своей шейхану в самый глаз угодить, при всей независимости нашей должны компромисс сыскать — как мы, в государствах с правом избирательным, давно уж поступаем привычно. А коли так, кто ж лучшим предводителем может стать, помимо него — человека силы и ума из краев удаленных, что никакими интересами местными не повязан?

— Верно, мешки вы мои денежные! — вскричал Ферриан. — Хоть скорей я с зубом расстанусь, нежели с толикою власти своей, вынужден отступить я пред силою выводов логических. Согласен ли ты со мною, а, Пенжирд, старина?

— Не знаю. Без…

— Как бы не так! — взревел Ростамб Ульванарский. —

Откуда знать нам, что Сньол из Плешча и впрямь ту репутацию заработал, о коей столько слов уж сказано? Чем больше сказку сказывают, тем больше вранья в ней, а известен он нам лишь по слухам, что уж полшара планетного облетели! Откуда знать нам, что так бескорыстен он, как друг тут наш маджбурский толкует? Слишком давно вертится он при дворе квирибском, и откуда знать нам, что за обещанья тайные иль отношенья связывают его с интересами доурии? — он тяжелым взглядом посмотрел на Зею. — А потом, откуда знать нам, что и взаправду он Сньол из Плешча? Всегда полагал я, что генерал Сньол куда как старше.

Королева Альванди, прикрывшись ладонью, зашипела Барнвельту:

— Скажи старому *фастуку*, что забыл, мол, бумаги свои в Ньямадзю, и вызови его на поединок за оскорбленье!

— Что?! Но я…

— Делай, что сказано! Вызови его!

Барнвельт, безрадостно сознавая, что, коли уселся верхом на тигра, по своей воле уже не слезешь, поднялся и произнес:

— Удостоверенья моей личности остались у меня на родине, из коей мне пришлось бежать. Однако ежели кто желает взваливать на меня груз лживых обвинений, я буду только рад уладить сие дело частным образом, как джентльмен с джентльменом.

С этими словами он шмякнул по столу переговоров мечом, так что подскочили пепельницы. Ростамб что-то пробурчал и потянулся к эфесу.

— Стража! — взвизгнула королева, и в помещение моментально влетели несколько амазонок. — Разоружить эту парочку! На законы наши плевать вздумали, охальники? Лишь принимая во вниманье звания ваши, дозволили мы вам проникнуть в пределы сии при оружии, и любая скотская выходка такого рода кончится тем, что голова смутьяна на стене городской красоваться будет, пускай даже и короною украшенная! Сядьте на места свои. Владыка мой Ферриан, мыслится мне, что лишь ваша голова ясность мысли тут еще сохранила. Продолжайте доводы свои…

Добрых несколько часов они без толку толкли воду в ступе. Сначала за Барнвельта были только королева, принц Ферриан и верховный синдик. Потом им удалось переманить к себе сурускандского президента, потом Пенжирда из Замбы, а мало-помалу и остальных, пока не остался один Ростамб Ульванарский.

— Вас всех тут обабили этими духами, коими ведьмы квирибские мужичков своих несчастных дурманят, — пробурчал

король Ростамб. — Едучи сюда, мыслил я, что будет сие честное предприятие промеж товарищами да равными, вместо чего вижу самое низкое и бессовестное надувательство, коим надеется Альванди наложить лапу свою не только на Сунгар, что признает она открыто, но и на всех на вас, дабы воплотить в краях ваших злосчастных порочные мечты свои о правлении женском. Пошло оно все к Хишкаку! Скорей увижу я кровавый стяг сунгарский, реющий над золотым моим Ульванаром! Еще увидите, зеры, насколько прав я был, а теперь же позвольте пожелать вам покойной ночи!

И он гордо удалился, задрав вверх клочковатый подбородок. Впечатление от его ухода было несколько подпорчено тем обстоятельством, что, не глядя под ноги, он споткнулся о складку на ковре и проехался по нему физиономией.

В результате всяких проволочек, без которых не обходится ни одна широкомасштабная операция, прошло куда больше десятиночья, прежде чем лыжи были готовы, люди обучены на них ходить, а мелкие организационные прорехи наконец заштопаны. Поход против сунгарцев был, что называется, практически на мази. Правда, Барнвельта, который депонировал полученное от королевы вознаграждение банкирской фирме «Талун и Фосг», очень беспокоило приближение сезона ураганов на море Ваандао. Однако он обнаружил, что ни помочь, ни помешать уже практически ничему не может: подчиненные ему командиры совершенно независимо занимались решением своих собственных отдельных задач.

Он чувствовал, что играет во всем этом роль свадебного генерала, эдакого зиц-председателя, необходимого лишь для того, чтобы остальные не лезли в начальники и поменьше лаялись между собой. Даже когда дело касалось возникающих то и дело споров и противоречий, он предпочитал перекладывать задачу на Джорджа Тангалоа, которого назначил своим заместителем. А Джордж с его великолепным даром убеждения и неистощимым чувством юмора проявлял настоящий талант примирять самых непримиримых спорщиков и совмещать самые несовместимые точки зрения.

Как-то Тангалоа заметил:

— Знаешь, Дирк, по-моему, мы и впрямь накладем сунгарцам по первое число. Но как бы нам, черт возьми, удержать наших молодцов от того, чтоб они и Штайну башку не оторвали вместе с прочими?

Барнвельт задумался.

— По-моему, я знаю как. Вырвем листок из книжки самих же

пиратов, как говорится. У тебя еще цела фотография Игоря, которую я тебе давал перед отправлением на поиски Зеи?

— Кажется, да.

После этого разговора Барнвельт отправился к королеве и начал:

— Ваша Грозность, в Джазмуриане есть один старый фотограф…

— Знаю такого: не так давно гильдия художников в суд подала на него, обвиняя, что нанял он банду хулиганскую, коя нападает на них средь бела дня на улицах, понуждая конкуренцию ослабить. Но при рассмотренье же дела оказалось, что хулиганами оными не кто иные были, как два путешественника, прозывающиеся Сньол из Плешча и Таджди из Вьютра — имена сии кажутся мне смутно знакомыми, — кои лишь противостояли вымогательствам гильдии упомянутой. Так что судья моя дело закрыла и предостереженье вынесла мазилкам самонадеянным. А на что он сдался?

— Понимаете, он сунгарский шпион, и я хочу, чтоб вы его арестовали…

— Еще как арестую! Живьем сварю мерзавца, покуда мясо с костей не поотваливается! Так вот какова благодарность его за справедливость правосудия нашего! Велю башку я ему ювелирной пилкою отпилить, по волоску за пропил! Я…

— Да подождите же, королева! Он мне для другого нужен.

— Ну?

— В общем, на Сунгаре есть один землянин, которого мне обязательно надо взять живым…

— Зачем?

— Ну, он как-то мне здорово напакостил, и теперь я хочу обработать его как следует, чтоб надолго запомнил. Обидно будет, если кто-то из наших солдат вот так вот возьмет и убьет его одним махом. Так что я прошу сохранить старому фотографу голову и отпустить его потом на все четыре стороны в обмен на одну работенку — размножение портретов этого самого землянина. Он должен получить все материалы и помощь, какие только потребуются, чтоб в лепешку разбился, но выдал мне до отплытия три тысячи отпечатков. Я раздам их всем штурмовикам и пообещаю пять тысяч кардов награды тому, кто доставит мне землянина живым, но никак не мертвым.

— Странные идеи у тебя бывают, господин Сньол, но будь по-твоему.

В назначенный день Барнвельт вместе с теми, кто пришел его проводить, поднялся на палубу «Джунсара», который избрал в качестве флагмана. (Королева была крайне удивлена и разочарована, ожидая, что он предпочтет ее собственную «Доурию Деджанаю». Однако он настоял на своем, чтобы избежать любых проявлений фракционности. К тому же «Джунсар» был больше.) Провожающие расхаживали по палубе с кружками в руках и болтали, словно это была вечеринка на яхте.

Барнвельту очень хотелось несколько более сердечно попрощаться с Зеей, с которой со времени возвращения в Рулинди едва мог перекинуться парой слов наедине. Однако у обоих никак не получалось отвязаться от вежливых бесед с остальными. В конце концов он взял шейхана за рога, извинился и обратился к Зее:

— Нельзя ли вас на минутку, принцесса?

Он прошел с ней в свою личную каюту, согнувшись в три погибели, чтобы не стукаться головой о балки, и произнес, заключая девушку в объятья:

— До свиданья, дорогая.

Когда он отпустил ее, Зея тихо проговорила:

— Ты просто *обязан* вернуться, любимый мой! Иначе жизнь всякий вкус для меня потеряет. Наверняка сумеем найти мы решенье некое, дабы желаньям твоим потрафить. Разве не могу я сделать тебя полюбовником своим постоянным, королевой будучи, чтоб царила наша любовь вечно, покуда супруги мои рогоносные приходить да уходить будут?

— Боюсь, что нет. Никому не говори, но на самом-то деле я очень высокоморальная личность.

— Ежели решенье такое тебе не подходит, настолько не мыслю я нас друг без друга, что брошу безоглядно титул свой королевский, чтоб скитаться с тобою по миру иль нырнуть в жуткие глубины космоса, откуда земляне загадочные к нам прибывают. Ибо тайною мечтою моей всегда было подчиняться человеку могучему и отважному — такому, как ты!

— Да ладно тебе, не настолько уж я…

— Никто с тобою сравниться не в силах! Сам Карар, если и взаправду жил он, а не порожденьем был фантазий поэтических, на тебя бы равнялся! Скажи лишь словечко…

— Ну, ну, кончай плакать. Когда мы снова увидимся, мы все уладим.

Слушая ее похвалы, он чувствовал себя довольно неловко, поскольку никак не мог избавиться от чувства вины и убеждения,

что большей части всех бед, включая гибель Часка, можно было бы избежать, обращайся он с экипажем «Шамбора» более умело. И хотя он действительно любил ее (пошло оно все к черту!), он по-прежнему считал свой план наилучшим со всех точек зрения. А задумал он, как только Штайн окажется в безопасности и будет отснята вся пленка, тихо исчезнуть с кришнянского горизонта и вернуться на Землю.

Он поцеловал ее с пылом, который сделал бы честь и великому актеру Роберто Канну, вытер ей слезы и вместе с ней вернулся на палубу. Гости понемногу расходились. Те, кто отплывал вместе с ними, вроде принца Ферриана, — отправились на свои корабли, кто, вроде короля Пенжирда из Замбы, оставался — сходили на берег. Под хлопанье флагов, рев оркестров, шипение фейерверка и приветственные клики тысяч квирибцев с причала заскрипели весла, и союзная армада, над которой кружил один из ракетных планеров Ферриана, длинной цепью выползла в изумрудное море.

Над горизонтом вновь поднялись фоссандеранские холмы, на сей раз утыканные обгоревшими пнями и похожие на небритый подбородок под микроскопом. Только далеко слева, на восточной оконечности острова, упорно зеленела, коричневела, розовела и пунцовела кришнянская растительность.

Барнвельт, перегнувшись через поручень мостика «Джунсара», распорядился:

— Джордж, передай по флоту, что мы зайдем в бухту на северном побережье Фоссандерана пополнить запасы воды. Мне не хочется опять оказаться на нуле.

— А если они начнут выступать насчет демонов?

— Дело большое! Напомни, что я уже раз разделался с этими демонами одной левой. Естественно, водоносы пусть возьмут охрану.

Флот растянулся вдоль северного побережья острова, пополняя запасы воды, а сотни гребцов сошли на берег, чтобы урвать несколько часов сна на твердой земле, поскольку от самого Дамованга им лишь изредка удавалось вздремнуть, скорчившись на своих жестких скамьях. Хвостатые не показывались, и рассказ о том, что удалось выяснить про них Барнвельту, похоже, окончательно развеял большинство распространенных страхов, связанных с этим местом.

Когда предводители собрались на борту «Джунсара» на совещание, дарийский дашт высказал предположение:

— Очевидно, негодяи сии запросят наши условия?

— Утопить эмиссаров ихних в море! — брякнула королева

Альванди.

— Не соотносится сие с практикою наций цивилизованных… — начал было маджбурский адмирал.

— А кого волнует? Кто называет сие ворье самонадеянное цивилизованным?

— Минутку, мадам, — вмешался принц Ферриан. — Соблюденье моральных норм немалую выгоду сулить нам может, тем более что сие нам ничего не стоит. Предлагаю условия им выставить такие, от каких наверняка они откажутся. Пообещаем, скажем, одни лишь жизни им сохранить в случае сдачи.

Так и было решено.

Когда все емкости были заполнены водой, гребцов разбудили, и флот вновь устремился к цели. За идущим впереди «Джунсаром» маячил чудной силуэт весельного авианосца Ферриана под названием «Куманишт». На носу его хлопнула катапульта, запуская в воздух для тренировочного полета ракетный планер, который покружил над флотом и скользнул обратно на взлетно-посадочную палубу, где его подхватила обслуга.

Когда они огибали восточную оконечность Фоссандерана, втягиваясь в судоходный канал пролива Палиндос, Барнвельт схватил Тангалоа за рукав. Несколько хвостатых охотились на мелководье за рыбой, тыкая в воду копьями. Едва заметив «Джунсар», они тут же вскарабкались обратно на берег и скрылись среди деревьев.

— Слушай, — оживился Тангалоа, — а нельзя ли ненадолго остановиться, чтоб я смог их опросить? Я бы взял охрану…

— Нет! Если выиграем войну, может, остановимся на обратном пути… Да?

Появившийся чин доложил, что у капитана такого-то разошлась обшивка и он просит разрешения вернуться на базу.

— О господи! — простонал Барнвельт. — Уже четвертая или пятая часть откололась! Вначале у нас действительно был небольшой перевес, но нас совершенно подкосил Ростамб, и при таком раскладе нам вскоре придется иметь дело с превосходящими силами противника!

— В Дамованге мы все проверяли, — напомнил Тангалоа.

— Конечно! Я сильно подозреваю обыкновенный саботаж со стороны кое-какой публики, которой совсем не улыбается лезть в драку. Пойду сам посмотрю на эту обшивку.

Барнвельт произвел осмотр, велел капитану заткнуть течь парусиной и вернулся на «Джунсар», Как только они вышли на просторы моря Ваандао, он направил пару порожних грузовых лайб в Малайер с заданием загрузиться продовольствием и водой,

а потом присоединиться к основному флоту у Сунгара. После этого он вновь занял прежнюю позицию, упершись локтями в поручень и угрюмо разглядывая море.

— Ты чего такой мрачный? — поинтересовался Тангалоа. — В прошлый раз ты и то смотрелся веселей, а ведь риску было куда больше.

— Никакой я не мрачный. И риск тут вообще ни при чем.

— А что тогда?

— Все чудесно, все прекрасно.

— Я знаю: ты влюбился!

— Угу, — неохотно согласился Барнвельт.

— Чего тогда тосковать? Лично я всегда это, наоборот, находил забавным.

— Я сказал ей «прощай навсегда».

— С какой это стати?

— Она вбила себе в голову, что из меня выйдет хороший консорт. А… — Барнвельт выразительно чиркнул ребром ладони по горлу.

— Да, такой момент я как-то упустил из виду. Это следовало бы как-то устроить.

— Это уже устроено! Но этого-то мне совсем не надо!

— Нет-нет, погоди. Я хочу сказать, что если ты с толком возьмешься за дело, то свергнешь к бесу весь матриархат и навсегда покончишь с этим обычаем. Такая форма государственного устройства, как у них в Квирибе, не должна отличаться стабильностью.

— Ты имеешь в виду, потому что мужчины сильнее женщин, как у нас?

— Не совсем, хотя и это не стоит сбрасывать со счетов. Кхе-гм. Я имел в виду, что рассматриваемое общество с женской доминацией не развилось естественным путем. Изменения в культурной модели произошли скачкообразно, в результате ряда неких исторических инцидентов. Базовые же представления людей остались теми же, что и в окружающих кришнянских государствах, где такая модель предусматривает приблизительное равенство полов.

— Ясно. *Хоть неприметной в лютне трещинка была, на нет она всю музыку свела*[71].

— Вот именно. Вот в той же Ньямадзю, насколько я понимаю…

— А разве не могли эти, как их — базовые культурные модели перемениться с тех пор, как королева Деджаная ввела матриархат?

— Нет. На это потребовались бы столетия. Понимаешь,

большинство людей получает основные культурные представления еще до достижения школьного возраста и, как правило, потом их не меняет. Именно поэтому на Земле еще кое-где прослеживаются остатки расовых предубеждений и дискриминации, несмотря на все законодательные меры и пропаганду последних веков. И, скорее всего, подобный подход к рассмотрению динамики культурных моделей можно в равной мере проецировать и на Кришну. Так что если ты испытываешь желание разрушить означенную модель базилофагной гинеократии, пока та не успела окрепнуть…

— Модель чего? — опешил Барнвельт.

— Пардон, старина, я и забыл, что тут не собрание антропологической ассоциации. Так вот, подобная модель монархопожирательного бабского правления, как мне следовало сразу выразиться, вполне может быть разрушена одним-единственным решительным человеком, к чему у тебя все данные: доступ к вершинам власти, геройская репутация…

Барнвельт помотал головой:

— По натуре я довольно тихий малый и не испытываю желания *свет летучий пролить на престолы, чтоб черное стало черней*[72].

— Да ладно тебе, Дирк! Ты у нас любишь быть первым. Я за тобой давно наблюдаю.

— По крайней мере, я не собираюсь совать голову в петлю, пока королева Альванди не рассталась с привычкой травить своих подданных духами — как их там, «Разнузданная похоть»? — чтобы держать под каблуком. А потом, остаются мои обязательства перед фирмой.

— Точно — я и забыл про «Игорь Штайн Лимитед». Слушай, а почему бы шейле не сменить работу? Тогда тебе не придется становиться консортом.

— Честно говоря, она уже это пообещала. Она даже готова лететь со мной на Землю.

— Господи, да что ж тебе еще надо? — переполошился Тангалоа. — С этакой-то цыпочкой! Да я бы на твоем месте…

— Она же кришнянка, дурень!

— Ну и что? Отношения-то все равно возможны… или во «Второзаконии»[73] что-нибудь против этого сказано?

— Да не в том дело. Мы несовместимы. Понял, в каком смысле?

— Тем лучше! Можно не волноваться насчет…

— Но я так не хочу!

— В смысле, ты хочешь, чтоб вокруг бегала куча маленьких Дирков? Как будто одного мало?

— Ох! — простонал Барнвельт.

— Возвышенные помыслы о бессмертии рода?

— Да причем тут это? Просто я сторонник стабильной семейной жизни, а один голый секс никогда тебе этого не даст.

— Ха-ха, — молвил Тангалоа. — Чего это ты там цитировал Куштаньозо насчет отвергания светлого бесчестья любви? Ты все еще повязан массой иррациональных табу, мой мальчик. Вот у нас в Полинезии давно…

— Знаю. Может, тебе система прогрессивной полигамии в самый раз, но я-то иначе устроен. Так что никакие яйцекладущие принцессы в мою жизнь не вписываются.

— Чрезвычайно нетерпимые расовые предрассудки.

— А мне плевать, это мои воззрения. Очень хорошо, что подвернулась эта экспедиция и мы расстались, иначе у меня никогда не хватило бы пороху ее бросить.

— Ну ладно, это твое дело, — заявил Тангалоа и вытер лоб. — А тут пожарче, чем на северных территориях Австралии в январе!

— Южный ветер, — отозвался Барнвельт. — До самого Сунгара париться будем.

— Надо брать пример с этих чуваков из Дарьи. Как только мы отвалили от причала в Дамованге, они переоделись в национальные костюмы — намазались жиром, а теперь они и жир стерли.

Наконец в туманной дымке на горизонте показались очертания Сунгара. Барнвельт, у которого уже возникло ощущение, будто он знает местные воды как свои пять пальцев, проложил курс к северо-западному побережью плавучего острова, где располагался вход в поселение пиратов. Планер вернулся на «Куманишт» с сообщением, переданным на «Джунсар» флажными сигналами, что навстречу им движется какой-то корабль. Едва только сообщение разобрали, как появился и сам корабль. Приблизившись, он убрал паруса и на веслах направился прямиком к «Джунсару». Оба судна замедлили ход, пока не замерли друг против друга, почти касаясь носами. На грот-мачте пирата реял зеленый вымпел перемирия.

— Кто вы такие и чего вы тут делаете? — спрошено было с носа сунгарского корабля дребезжащим голосом на квирибском диалекте.

Барнвельт сказал герольду с рупором, который стоял рядом с ним:

— Ответь, что мы — объединенные военно-морские силы моря Садабао, пришли очистить Сунгар от мерзавцев.

— *Очистить от нас?!* — донесся в ответ возмущенный вопль. — Да мы вас… — тут сунгарский парламентер чуть ли не со слышимым усилием взял себя в руки. — Собираетесь ли выставить вы условия некие, покуда потасовка не началась?

— Ежели сдадитесь вы нам на милость, гарантируем мы вам жизнь, но ничего больше — ни свободы, ни имущества!

— Какие добряки, ха-ха! Ухожу я, дабы донести обещанье ваше щедрое до начальства!

Прежде чем развернуться, сунгарская галера довольно долго пятилась задним ходом — очевидно, капитан ее предпочел не подставлять свой уязвимый борт под неприятельский таран на близкой дистанции, перемирие там, или не перемирие. Потом послышался неистовый стук и плеск пиратских весел, и корабль помчался в сторону прохода в водорослях.

«Джунсар» двинулся вслед за ним, лениво перебирая веслами, чтобы дать сунгарцам возможность рассмотреть ультиматум. Вдруг суматошный перестук весел донесся до Барнвельта: «Доурия Деджаная» королевы Альванди вся в пене понеслась вдогонку за пиратами.

— Эй, вы там! — гаркнул Барнвельт через воду. — А ну назад в строй!

Назад прилетел хриплый лай королевы:

— Герольдом у них Гизил-Шорник! Потоплю я корабль его, и…

— Какой еще Гизил-Шорник?

— Дерзкий бродяга квирибский и известный разжигатель недовольства средь мужчин наших! Велели мы повесить мерзавца, да, про приказ сей прослышав, спасся он бегством. На сей раз не уйти ему!

— Вернитесь в строй, — повторил Барнвельт.

— Но Гизил же ускользнет!

— Пусть его.

— Ну уж нет! Кто ты такой, чтоб командовать королевой квирибскою?

— Главнокомандующий, вот кто! Немедля остановитесь, иначе, клянусь ногтями Кондиора, я вас сам потоплю!

— Кишка тонка! Навались, мальчики!

— Ах так? — Барнвельт повернулся к Тангалоа. — Передай вниз: полный вперед — зарядить носовую катапульту — подвернуть на цель.

Хотя в ходе обмена любезностями «Доурия Деджаная» успела вырваться вперед, более крупный «Джунсар» вскоре достал ее.

— Шарахните им разок поверх кормы, — распорядился Барнвельт. — Постарайтесь только ни в кого не попасть.

Банг! — сработала катапульта. Огромная стрела чуть ли не с человека длиной с воем пересекла узкое пространство между кораблями. Барнвельт рассчитывал, что она пролетит над королевой с приличным запасом. Однако то ли цель оказалась чересчур заманчивой, то ли качка не дала как следует прицелиться, но на деле вышло несколько по-иному: стрела зацепила мантию Альванди, сорвала ее с сановных плеч и унесла далеко в море, где трепыхающийся на лету символ власти вместе со снарядом с грандиозным «бултых!» исчезли под водой. Саму королеву при этом развернуло задом наперед и шмякнуло о палубу. На помощь ей тут же кинулась одна из амазонок.

Распорядившись прекратить греблю, она погрозила «Джунсару» кулаком. Барнвельт повсюду видел довольные ухмылки, поскольку самодурство королевы Альванди бельмом на глазу выпирало далее во флоте, который возглавляли такие незакомплексованные личности, как принц Ферриан Сотаспийский. С этого момента все приказы Барнвельта стали выполняться беспрекословно.

«Я и Наполеон!» — подумал Барнвельт. Если б они только знали, кто он такой на самом деле…

Когда они приблизились к Сунгару, клочья терпалы стали попадаться так часто, что то и дело цеплялись за весла. Поглядев в длинный кришнянский телескоп, Барнвельт увидел, что навстречу им выходит корабль, охранявший вход. Галера уже успела вернуться на свое место и теперь затягивала затычку из терпалы в устье канала. В глубь его поспешно удалялся вельбот.

Сунгарцы готовились к обороне. Барнвельт передал: «Привести в действие план номер два».

С великим обменом сигналами и дудением в трубы флот перестроился. Две группы посудин, переделанных из обычных галер в десантные транспорты за счет уменьшения числа весел, расползлись по флангам, в то время как Барнвельт на «Джунсаре» повел маджбурскую эскадру прямиком к затычке, которая перекрывала уходящий в глубь Сунгара проход.

Пиратская галера осталась стоять на страже внутри канала, соединенная с терпаловой затычкой путаницей канатов. За ней по каналу уже двигались какие-то другие суда.

Барнвельту пришло в голову, что сунгарцы решили продолжить переговоры, но тут капитан «Джунсара» указал ему на коричневый вымпел вызова, лениво полоскавшийся на топе грот-мачты сторожевой галеры.

— Вот вам ответ, владыка мой, — объявил он. Мгновением позже глухо стукнула катапульта, и над разделявшей

противников полоской воды принялись чертить дуги свинцовые ядра и толстые оперенные дротики. Когда эта полоска еще больше сузилась, к ним добавились стрелы, выпущенные из луков и арбалетов. По распоряжению капитана «Джунсара» матросы огородили бак щитами, чтобы Барнвельт и его спутники могли наблюдать за происходящим с большей безопасностью.

— Не учинить ли и нам стрельбу? — осведомился капитан.

— Нет, покуда они не будут так добры вместо нас пристреляться, — отозвался Барнвельт.

Он повел телескопом по сторонам, пытаясь разглядеть, следуют ли остальные эскадры разработанному заранее плану, хотя из-за нанесенной теплым ветром дымки видно было ничуть не лучше, чем невооруженным глазом.

Между «Джунсаром» и его соседом с правого борта плюхнулся снаряд.

— Давай! — крикнул Барнвельт, и на носах кораблей маджбурской эскадры захлопали катапульты.

Дирк сполна познал то беспокойное чувство, с которым главнокомандующий отдает последний приказ, выполнения коего можно ожидать с более-менее обоснованной уверенностью в самом начале битвы. Очень хочется внести в планы последние усовершенствования, но теперь уже поздно, и исход боя целиком и полностью ложится на плечи простых бойцов.

О загородку из щитов стали с грохотом и звоном ударяться всевозможные летающие предметы. Треск и взрыв воплей на корме возвестили, что огонь защитников угодил в цель.

Барнвельт, выглянув из-за щитов, обнаружил, что лишь затычка из водорослей и несколько метров чистой воды отделяют его от галеры, сторожившей вход. Галера беспрерывно стреляла, снаряды неслись у них над головой с протяжным гудением и свистом. Четыре маджбурские галеры вплотную приблизились к затычке и стреляли в ответ, хотя, уткнувшись носами в водоросли, могли использовать только передние катапульты, а лучникам на баках было просто не развернуться.

С атакующих галер на тараны полезли люди с крюками и граблями, растаскивая на длинные пряди золотисто-коричневую вязкую массу с пурпурными поплавочками. Пряди они передавали наверх остальным, чтоб покрепче вцепиться в затычку. Прямо на глазах у Барнвельта один из багривших водоросли был подбит стрелой и рухнул в воду. Место его тут же занял другой.

Протяжное шипение над головой заставило Барнвельта поднять взгляд. Это был один из планеров Ферриана, который закладывал вираж над вражескими позициями. За ракетами его

тянулся длинный хвост желтого ясуварного дыма. Когда планер пролетал над сторожевой галерой, с него посыпалось что-то похожее на дождь. Барнвельт знал, что это была пригоршня стальных стрелок, великое множество которых принц Ферриан наготовил для своих авиаторов.

Другой планер долетел до основного поселения, где тоже что-то сбросил. Там поднялось облако дыма и как следует ахнуло, хотя Барнвельт не заметил, чтобы вся эта пиротехника причинила какой-либо реальный ущерб.

Хрясь! Чугунное ядро из вражеской катапульты проломило загородку в двух щитах от Барнвельта и кегельбанным шаром прокатилось по палубе бака. Двое матросов бросились заменять расколотый щит. Внизу, среди водорослей, уже валялось несколько человек. Барнвельт увидел, как одно из тел как-то странно дернулось, и мельком углядел у самой воды пятнистую шкуру. Привлеченные кровью, собирались фондаги, или ядовитые угри.

Одна из маджбурских галер уже завела на палубу несколько косм терпалы и начала табанить, но, как следует натянувшись, те одна за другой порвались. Над головами прошипел еще один планер. На сторожевой корабль просыпался град мелких снарядов, не причинивших никакого вреда.

— Владыка мой Сньол! — крикнул капитан «Джунсара». — Сюда движется принц Ферриан!

Барнвельт добежал до кормы в тот самый момент, когда Ферриан, стройный и смуглый, уже перемахивал через фальшборт, сверкая на солнце своими вороненными доспехами. Экипаж вельбота, доставившего его с «Куманишта», устало опустил весла под кормой «Джунсара».

Несколько секунд Ферриан переводил дух, после чего выпалил:

— Некий странный флот приближается к нам с севера, владыка мой! Один из летунов моих узрел его с высоты.

— Что за флот?

— Пока не ведомо, но послал я другой планер выяснить.

— Кто же это может быть? Королю Ростамбу стало стыдно, и он решил прийти нам на выручку?

— Все возможно, но более вероятно, что сие флот Дюра спасать идет дружков своих разбойничков!

Дюр! Барнвельт про него и думать забыл. А между тем неистовая перестрелка с сунгарцами не ослабевала.

— Я отправлюсь с вами на «Куманишт» и посмотрю, что можно сделать, — решил он, после чего обратился к Тангалоа: — Оставайся здесь. Просигналь на транспорты, чтоб не высаживали

лыжный десант до следующих указаний.

«Было бы совсем ни к чему, — мрачно размышлял он, слезая по веревочной лестнице в вельбот, — подвергнуться нападению с моря в разгар столь тонко разработанной операции».

Оказавшись на борту авианосца, он принялся нервно расхаживать по планерной палубе, отходя в сторону во время взлетов и посадок. Наконец планер, посланный к северу на разведку, вернулся и с грацией бабочки скользнул на палубу, где был подхвачен матросами.

Авиатор вылез из него со словами:

— Еще четверть часа, и оказался бы я в море из-за нужды в горючем! Владыки мои, флот надвигающийся, и впрямь принадлежит Дюру, что без сомненья по парусам видно квадратным в манере Ваандао бурного.

— Сколько их там? — спросил Ферриан.

— Насчитал я четырнадцать великих кораблей да еще, пожалуй, столько же поменьше.

Барнвельт прикинул в уме.

— Если мы будем держать сунгарцев заткнутыми, у нас еще останется преимущество, чтоб разобраться с Дюром.

— Не видали вы еще великих кораблей дюрских, — угрюмо огрызнулся Ферриан. — На крупнейших галерах у них не менее чем по тысяче народу на каждой, и одною лишь целую эскадру наших раздавить можно, как жуков под каблуком! А посему, владыка мой, извольте-ка поскорей проявить ту изобретательность сверхъестественную, о коей Альванди все уши нам прожужжала, покуда солнце заходящее не высветило лучами своими картину грустную, как вы, я и все наши вояки бравые на корм отправляются фондагам. Итак, зер, каковы будут распоряженья?

На корм фондагам? Барнвельт задумался, ухватившись рукой за свой длинный подбородок. Минутку, а ведь это палка о двух концах!

— Скажите мне вот что, — начал он. — Вот уже битый час ваши планеры забрасывают сунгарцев всякой дрянью совершенно без толку…

— Планеры мои — величайшее изобретенье военное с той самой поры, как побил Карар воительниц Варзени-Гандераны зельем своим магическим! — горячо возразил Ферриан. — Благодаря им стали мы столь же могущественны в искусстве Кондиора, как земляне проклятые! Но согласен, — тут он слегка утихомирился, — что не доведены они еще до уровня должного. Что предлагаете вы?

— Сколько они могут взять груза?

— Для полета короткого — столько же, сколько человек весит, помимо пилота. К чему это вы клоните?

— На судах сопровождения у нас полно кувшинов с водой. Если вылить из них половину или две трети, каждый будет весить приблизительно, как человек — если даже не меньше…

— Но что проку нам от бомбардировки кувшинами с водою? Разве что одному-другому врагу прямиком по башке угодишь…

— А если кувшины набить фондагами?

— *Ао*, вот теперь предложенье ваше похоже на дело! — вскричал Ферриан. — Наживкою послужат тела павших, а ловить будем крюками, коими надоумили вы маджбурцев водоросли рвать на клочья… Капитан Заир, шлюпки на воду! У адмирала нашего распоряженье есть для флота! Живей, живей!

— Но, владыки мои! — пролепетал капитан Заир с выражением ужаса на лице. — Люди смертельно боятся сих тварей, и по доброй причине!

Барнвельт и сам их здорово побаивался, но виду не подал.

— Дело большое! Лично меня они нисколечко не страшат. Раздобудьте мне толстую кожаную куртку и пару рукавиц, и я покажу.

Как обычно, принцу Ферриану достаточно было уловить лишь суть идеи. Вскоре он уже носился во всех направлениях, одних посылая вязать рыболовные снасти, других гнуть крюки из наконечников для копий, а третьих передавать распоряжения остальному флоту.

На все это ушло время. Первым делом Барнвельту пришлось лично продемонстрировать, как обращаться с фондагами, чтобы не быть укушенным, благодаря богов за опыт с земными акулами и угрями. К тому времени, как экипажи всех кораблей, уткнувшихся в терпалу, уже вовсю выуживали, поддевали и накалывали на пики извивающихся, щелкающих зубами чудищ и запихивали их в кувшины с водой, второй планер вернулся с сообщением, что флот Дюра вот-вот покажется на горизонте.

Барнвельт бросил взгляд на высокое, жаркое солнце.

— При этом южном ветре, — сказал он Ферриану, — на организацию у нас остается от силы час. Я собираюсь разделить флот и вверить вашему попечению ту часть, которая выступит против дюрцев.

Заметив, что Ферриан насмешливо поднял антенны, он добавил:

— Нашим главным оружием против них являются планеры, что понимаете вы лучше кого-либо другого. Я же хочу вернуться на «Джунсар», потому что уверен — когда пираты увидят, как

большинство нашего флота уходит, то наверняка попытаются сделать вылазку.

Он повернулся к шкиперу «Куманишта»:

— Капитан Заир, дайте сигнал всем адмиралам собраться здесь.

В корму «Куманишта» ткнулся баркас, нагруженный кувшинами. Рулевой весело распевал:

— А вот рыбы кому? Прекрасной свежей рыбы? Один укус — и ты мертвая туша!

Матросы бросились перегружать кувшины на авианосец. Одно из суденышек поменьше, заваленное амфорами, тоже пристроилось к борту. Ряды кувшинов на взлетно-посадочной палубе галеры стали расти на глазах.

Командиры один за другим поднимались на борт. Барнвельт посвящал их в свой план, сразу отсекая все возможные возражения:

— Это все — выполняйте!

Когда он спустился в вельбот, с «вороньих гнезд» на мачтах союзного флота стали доноситься крики: «Парус на горизонте! Парус на горизонте! ПАРУС НА ГОРИЗОНТЕ!»

Флот Дюра показался в поле зрения.

«Джунсар» между тем продолжал участвовать в перестрелке. Все корабли были уже изрядно покорежены. Выпущенные из катапульт снаряды повыламывали куски фальшбортов, в стенах рубок зияли обширные дыры. На одном маджбурском корабле была снесена бизань-мачта, на другом вдребезги разбита катапульта, в то время как вражеские палубы казались буквально усыпанными обломками.

С кормы «Джунсара» Барнвельт с Тангалоа наблюдали за эволюциями основного флота. Массивный «Куманишт» расположился посередине, а остальные рассыпались по морю в стороны, выстраиваясь в виде огромного полумесяца с выставленными вперед рожками. На горизонте проглянули бледные крошечные прямоугольники — паруса дюрских кораблей.

Часа через два моряки маджбурской эскадры оторвали от затычки уже половину водорослей, отчего приблизились к сторожевику еще теснее, и перестрелка стала еще жарче.

— Владыка мой Сньол, — подал голос маджбурский адмирал, — мыслится мне, что и впрямь вылазку они затевают, как вы и предсказывали!

За сторожевым кораблем в глубине канала показалась двойная колонна сунгарских галер. Барнвельту не удалось их сосчитать, поскольку корпуса ведущей пары заслоняли остальные,

но и так было ясно, что численное преимущество далеко не на его стороне.

Тангалоа оторвался от киносъемки, чтобы заметить:

— Эти чуваки сейчас попытаются подойти к нам вплотную, потом выстроятся впритык друг к другу, и к нам хлынет бесконечный поток абордажников.

— Ясно дело. Как бы убедить тебя надеть хоть какие-нибудь доспехи?

— А вдруг я свалюсь в воду?

Барнвельт хмуро наблюдал за приближением сунгарцев. Пришла бы только в голову какая-нибудь светлая идея!.. Если пиратам и впрямь удастся прорвать блокаду, погонятся ли они за основным флотом или же рассыплются по сторонам? Впрочем, это не должно его особо волновать: к тому моменту его уже наверняка убьют.

Шум впереди заметно попритих. Люди на палубе сторожевой галеры временно прекратили огонь, стараясь развернуть ее так, чтобы она не загораживала проход остальным. Весла ее шевелились еле-еле, да и у подходящих галер тоже, что навело Барнвельта на мысль, что они, должно быть, сильно недоукомплектованы гребцами.

— Надо пока прекратить огонь, — сказал он маджбурскому адмиралу, — чтобы убрать обломки, укрепить фальшборт и набрать побольше снарядов. Ну как, наберем?

— Еще как наберем, зер, ибо корабль мой стрелами да копьями утыкан, будто взбешенный *эвашг* колючками!

— Все наши шесть кораблей нужно связать между собой, как я покажу, и толкать ими затычку вперед. И напомните людям насчет того человека, который мне нужен живым!

Барнвельт провел пальцем по заточке меча.

Маджбурские корабли сцепились швартовами. Гребцы, оказавшиеся внутри получившегося супер-катамарана, убрали весла, поскольку места для них не осталось. Оставшиеся навалились на вальки, и гигантское сооружение двинулось вперед, заталкивая затычку из водорослей вместе с изуродованным сторожевиком в глубь канала.

Однако вскоре два первых пиратских корабля тоже воткнулись таранами в ком терпалы, толкая его в другую сторону. Поскольку весел у них в ходу было больше, они остановили продвижение затычки и принялись выпихивать ее обратно в открытое море.

— Что это ты там делаешь, Джордж? — удивился Барнвельт.

— Да так, хочу кое-что попробовать, — отозвался Тангалоа. В руках он держал метровый обломок катапультной стрелы, к

которому привязывал длинную тонкую веревку.

— Они вылезают, — объявил Барнвельт. Две сунгарские галеры уже достаточно далеко вытолкали затычку и шесть маджбурских кораблей в море, чтобы пиратское суденышко поменьше, которое доселе держалось позади, смогло проскользнуть мимо них и обогнуть затычку, хотя и цепляясь веслами за водоросли при каждом гребке. Мало-помалу оно пролезло сквозь узкий проход в терпале, пока не уткнулось носом в правый крайний корабль маджбурской эскадры.

Барнвельт и Тангалоа бросились туда, смешавшись с людьми, свободными от гребли. В тот же момент с борта на борт перелетели тросы с крючьями. Взревели трубы, и с обеих сторон на доски ринулись абордажники. Сшиблись они аккурат посередине. Люди сцеплялись друг с другом и падали с мостков, ударяясь о торчащие внизу тараны и плюхаясь в пропитанную водой тину. Сзади тут же напирали другие, а с баков обоих кораблей лучники и арбалетчики посылали стрелы в самую гущу противостоящих бойцов. Лучники с соседнего маджбурского корабля тоже включились в перестрелку.

Работая локтями, Тангалоа протолкался сквозь людскую кашу на баке. Добравшись до фальшборта, он взял наизготовку свой самодельный кнут и принялся раскручивать его над головой. Конец хлыста змеей метнулся над полоской воды между сцепившимися кораблями. Щелк! Хлыст обвился вокруг шеи кого-то из сунгарцев, и в ту же секунду тот перелетел через борт. Плюх! Тангалоа подобрал веревку и вновь замахнулся. Щелк! Плюх!

Барнвельт уже дошел до того взвинченного состояния, в котором его просто-таки тянуло в драку, но толпа на носу плотно перекрыла ему дорогу. Под превосходящим огнем маджбурцев и взмахами кнута Тангалоа сунгарцы стали отступать, пятясь по мосткам, пока маджбурцы бурным потоком не выплеснулись на шкафут пиратской галеры, увлекая за собой Барнвельта. Он спотыкался о трупы, не в силах что-либо толком рассмотреть из-за толпы и ничего не слыша из-за жуткого шума.

Давка и шум еще больше возросли, когда на корму посыпались пираты с другой сунгарской галеры. Как и предсказывал Тангалоа, пираты составили свои корабли впритык друг к другу и перебегали по ним, как по мосту, чтобы ввести в действие максимально возможные силы. Барнвельт почувствовал, что его теснят в сторону носа, и вскоре уперся спиной в фальшборт. Теперь, хотя внезапный натиск толпы мог сбросить его за борт, ему, по крайней мере, было видно, что происходит. Половина палубы была уже забита сунгарцами, которые упорно

пробивались вперед.

Не в силах добраться до облепленных людьми мостков, Барнвельт убрал меч в ножны, слез через фальшборт на таран, перешагнул чей-то труп, перепрыгнул на таран маджбурского корабля и вскарабкался на борт. Бак был по-прежнему битком набит людьми. Посреди всей этой неразберихи высился маджбурский адмирал, закованный в доспехи, как омар, и одно за другим ревел какие-то распоряжения.

Тангалоа прислонился к поручню, преспокойно покуривая.

— Тебе не следовало бы так поступать, — изрек он. — Главнокомандующий должен держаться позади, где он действительно может главнокомандовать, а не лезть в вульгарную потасовку.

— Честно говоря, до настоящей потасовки я так и не добрался.

— Скоро доберешься. Вон они уже где!

Клин сунгарцев развалил ряды противника надвое и опять прорвался к мосткам. Маджбурцы на мостках были либо зарублены, либо сброшены вниз, либо оттеснены назад на свой собственный корабль, а пираты, не отставая ни на шаг и с безумной свирепостью размахивая оружием, следовали за ними. Во главе их бушевал коренастый землянин с багровой физиономией, испещренной множеством крошечных морщинок.

— Игорь! — заорал Барнвельт, сразу узнавая начальника за железным наносником шлема.

Игорь Штайн тоже заметил Барнвельта и ломанулся к нему, вращая кривым клинком. Барнвельт парировал удары сплеча, а то и колющие тычки, но удары следовали так часто, что, кроме обороны, ни о чем другом и помыслить было нельзя.

Шаг за шагом Штайн загонял его на корму маджбурского корабля. Шлем Барнвельта лязгнул под ударом, достигшим цели.

Раз или два Штайн открывался при отскоке, но Барнвельт не решился воспользоваться оплошностью противника. Вот если б удалось огреть шефа по башке плоскостью меча, как того художника в Джазмуриане… Но он, зараза, шлем напялил, только меч сломаешь.

В пылу схватки Барнвельт даже не заметил, что всеобщая потасовка успела растечься по всем маджбурским галерам. Время от времени ему приходилось бросать быстрые взгляды через плечо, чтоб кто-нибудь неожиданно не напал сзади. Мельком он увидел Тангалоа, проламывающего вражеский череп палицей, пирата, который перебрасывал кого-то из маджбурцев за борт на острие пики…

Штайн с дьявольской силой продолжал теснить его назад.

Барнвельт терялся в догадках: откуда, к чертям, у Штайна, в его-то возрасте, такая физическая выносливость. Будучи куда как моложе и куда лучшим фехтовальщиком, Барнвельт, тем не менее, уже попросту выдыхался. Ноющие пальцы едва удерживали ставшую скользкой от пота рукоять, а Штайн все пер и пер вперед.

Полуют заметно возвышался над палубой. Барнвельт нащупал ногой у себя за спиной первую ступеньку и начал шаг за шагом подниматься наверх, отражая замахи Штайна у самых ног. Конечно, это совсем нечестно, когда приходится драться с человеком, который только и думает, как бы тебя убить, а самому тебе убивать его нельзя!

Размахивая мечами, они пересекли полуют. Барнвельт стал приходить к мысли, что если он в самом скором времени как-то не ранит Штайна, тот наверняка его зарубит, поэтому принялся метить ему в руки и ноги. Раз он почувствовал, что куда-то попал, но Штайн продолжал наступать все с той же бешеной мощью.

В спину Барнвельта уперся поручень фальшборта. Теперь ему оставалось выбирать только между посвистывающим клинком Штайна впереди и морем Ваандао позади. За спиной Штайна замаячила могучая туша Тангалоа, но по какой-то непонятной причине Джордж просто стоял себе на юте, никуда не двигаясь.

Штайн приостановился, свирепо сверкнув глазами, перехватил поудобней саблю и опять обрушился на Барнвельта. Тангалоа по-прежнему стоял столбом. На сей раз вопрос уже стоял прямо: либо тот, либо другой…

Внезапно разом взревели трубы. В тот же самый момент в воздухе что-то мелькнуло, щелкнуло и обвилось вокруг левой щиколотки Штайна. Веревка рывком натянулась, выдергивая из-под Штайна одну ногу и заваливая его навзничь на палубу.

Прежде чем он успел подняться, сверху на него шмякнулась необъятная туша Тангалоа, выпустив из него воздух, как из аккордеона перед укладкой в футляр.

Барнвельт скакнул вперед, наступил на кулак, сжимавший саблю, вырвал у Штайна оружие, сдернул с него шлем и от души жахнул шефа по темени плашмя мечом. Штайн отрубился.

А тем временем сунгарцы, успевшие проникнуть на все маджбурские корабли, разом бросились назад к мосткам, которые вели на их собственные посудины. Кое-где еще вспыхивали мелкие стычки, как язычки пламени в догорающем костре, но маджбурцы, потерявшие почти четверть своего личного состава, большей частью не мешали неприятелю убираться восвояси. Галеры были буквально усыпаны мечами, копьями, топорами, шлемами, щитами и прочим боевым снаряжением, а также

телами своих и врагов.

Пока Тангалоа вязал Штайну руки за спиной, Барнвельт спросил:

— Где это ты так насобачился обращаться с хлыстом, а, Джордж?

— А-а, это в Австралии. Какое жлобство все эти драки! Настоящему ученому вроде меня тут вообще не место.

— Какого черта ты стоял как пень, почему сразу не вмешался? Он же меня чуть не прикончил!

— Я вас снимал.

— *Что?!*

— Ну да, из вашей со Штайном драки вышел просто-таки изумительный эпизод. Он обязательно войдет в нашу картину о Сунгаре.

— Ни хрена себе! — взвыл Барнвельт. — Мне это нравится! Из меня тут, можно сказать, котлету делают, а он, видите ли, думает, как бы это заснять покрасивши! Я полагаю…

— Ну ладно, ладно, — произнес Тангалоа примирительным тоном. — Я прекрасно знал, что такому спецу по фехтованию не может грозить особая опасность. Так ведь и вышло, разве нет?

Барнвельт даже и не знал, то ли с кулаками на Тангалоа лезть, то ли рассмеяться, то ли надуться от гордости. Наконец он пришел к заключению, что Джорджа все равно уже не перевоспитаешь, и предпочел замять эту тему.

— А куда это сунгарцы сматывают? — поинтересовался он. — Я-то думал, они победили!

— Оглянись!

Барнвельт оглянулся и увидел, что союзный флот возвращается обратно. Уже слышались даже удары гонга, задающего ритм гребцам. Посреди переваливался на волнах авианосец «Куманишт», который тащил на буксире огромную галеру с прямым парусным вооружением и длиннющими, рассчитанными то ли на восемь, то ли на десять гребцов веслами, расположенными в два яруса.

Пираты, которые успели в полном составе убраться на свои корабли, посбрасывали в воду мостки и суматошно отпихивались от маджбурских галер шестами, копьями и веслами. Через некоторое время неприятель уже торопливо плюхал вверх по каналу, в сторону основного скопления пиратских судов.

Первый раз за очень долгое время Барнвельт взглянул на солнце, уже низко повисшее над горизонтом. Бой занял большую часть дня.

Солнце зашло. Штайн был надежно упрятан в трюм

«Джунсара», а раны Барнвельта — пара неглубоких порезов — крепко перевязаны. Сам Барнвельт председательствовал на собрании адмиралов в просторной каюте «Джунсара».

— Что тут творилось, владыка Сньол? — кричал принц Ферриан. — Люди толкуют, будто увлекли вы лично абордажников на корабль сунгарский, каждым замахом снося по три головы пиратские, и чуть ли не в одиночку всех негодяев побили. Верно ли сие?

— Это явное преувеличение, хотя мы с Таджди действительно сами пленили того землянина, который был нам нужен.

— Не дозволишь ли мне сварить его в масле? — деловито осведомилась королева Альванди. — Хватает пиратов нам и в собственном мире, чтоб еще…

— У меня другие планы, Ваша Грозность. Принц Ферриан, расскажите лучше, что происходило у вас.

— Сечи великой не вышло — скорей, комедия, гения Хариана достойная! Знаете вы, наверное, что на кораблях своих чудовищных дюрцы рабов на весла сажают, поелику даже доходы их неправедные не позволяют им такую тьму свободных гребцов нанять. И согласно обыкновению, на дело пускаясь, каждого раба цепью за ногу приковывают к лавке надежно, цепь оную в колечко бронзовое, к дереву привинченное, пропуская.

Так вот, корабли дюрские, будто стадо биштаров бешеных, на нас напустились; но не узревши ничего, помимо частокола мачт наших на горизонте, сочли, будто полно у них времени, дабы к битве приготовиться достойно. И тут нежданно-негаданно пал на них с поднебесья один из парней моих отважных на планере своем, сбросивши кувшин свой прямиком на флагман. И треснул оный кувшин аккурат посреди скамеек для гребцов, когда господа и половины рабов своих не заковали, чем конфузию превеликую промеж них учинил. Фондага сей момент извиваться зачала да хватать кого ни попадя, рабы визжать истошно, укушенные в агонии предсмертной биться, а надсмотрщики кнутами без толку размахивать. Одним словом, полная неразбеха да базар приключились.

Когда ж еще два послания таких любовных последовали, окончательно рабы взбеленились и бунт на борту учинили. Те, что свободны еще были, прочих от цепей избавили, покуда другие на матросов да надсмотрщиков с голыми руками накинулись, одних в море выкидывая, других же на мелкие кусочки растерзывая. Адмирал дюрский спасся от участи подобной лишь тем, что кирасу скинуть успел и в море выпрыгнуть, где подобрала его лодка связная.

А меж тем и прочие летуны наши кувшины свои сбросили.

Хоть некоторые емкости притом и в воду попадали, другие же в цель угодили с результатами просто-таки восхитительными. Ибо, даже если рабы на других кораблях и прикованы были, одно лишь присутствие преотвратнейших тварей морских весь порядок нарушило и любым маневрам воспрепятствовало. Короче, невиданная доселе природа нападения настолько лишила врага присутствия духа, что часть кораблей в бегство обратилась, не успели мы к ним приблизиться. Другие же, бойню узревши на корабле флагманском и не ведая, что адмирал цел и невредим, ибо флаги свои персональные захватить он с собою позабыл, в замешательстве пребывали. И когда «Сагганд» сурускандский задумал корабль великий протаранить, последний даже не пошевелился, дабы гибельный удар отвратить, вследствие чего ко дну пошел незамедлительно, а остальные же в бегство ударились. Взяли на абордаж мы флагман, где все еще баталия бестолковая бушевала, диспутантов утихомирили и на буксир взяли. Все наши потери — один из летунов моих, что мимо полосы посадочной промазал и потоп, бедолага.

На следующее утро, как только заалевший Рокир разорвал оковы тумана на горизонте, на флагмане союзного флота протрубили сигнал к штурму. Маджбурская эскадра во главе с потрепанным «Джунсаром» двинулась на веслах вверх по каналу.

А тем временем вдоль края терпалы, по обе стороны от входа в пиратскую крепость, на плотный слой водорослей широким полумесяцем высаживались со своих судов десантники с лыжами на ногах. Воины неловко пошатывались, впервые оказавшись на зыбкой, чавкающей тверди. Некоторые тут же попадали, и их пришлось поднимать. Однако вскоре целые сотни их двинулись вперед, выстроившись в три цепи: первая несла огромные плетеные щиты, чтобы прикрыть себя и идущих позади от метательных снарядов, вторая — копья, а третья — луки.

Со стороны пиратских укреплений не доносилось ни звука. За ночь сунгарцы составили большинство своих кораблей вместе, так что получилось нечто вроде цитадели, где посредине, в окружении суденышек поменьше, располагались наиболее крупные галеры. Все это хозяйство, в свою очередь, было оцеплено нагромождениями плотов и шаланд. Такой строй не позволял таранить пиратские корабли, по крайней мере, до тех пор, пока оставались на месте менее ценные посудины по краям.

«Джунсар» придвинулся еще ближе — по-прежнему зловещая тишина. Штурмовики, шлепавшие сквозь терпалу, тоже подтягивались, охватывая поселение с боков, чтобы проникнуть в него сразу с обеих сторон.

Приблизившись на расстояние выстрела из катапульты, «Джунсар» замедлил ход, чтобы выпустить вперед бирему «Сагганд» — тот самый корабль, что днем ранее столь отважно таранил дюрскую галеру втрое крупней себя.

От удаленных жилых посудин по краям поселения донеслось щелканье самострелов, и в сторону надвигающейся цепи лыжников пронеслись темные черточки. Барнвельт понял, что далеко не все пираты оттянулись в центральную цитадель, чтобы сдерживать их на подступах к плавучему городу. Десантники-лучники открыли ответный огонь над головами своих соратников.

В глубине цитадели сработала катапульта. Гигантская стрела пронеслась над каналом, чтобы нырнуть в воду у борта «Саггандa». После этого скрип, стук и хлопанье катапульт стали слышаться беспрерывно.

«Сагганд» уткнулся носом в ближайший из плотов, которыми была заставлена цитадель. Нос «Джунсара» при этом притянули швартовами к его правому борту, а «Доурии Деджанаи» королевы Альванди — к левому. Остальные галеры, словно стадо слонов, плотно сгрудились за ними. Все корабли быстро соединили мостками, чтобы бойцы могли без помех высадиться с них на передний край цитадели.

Барнвельт, стоя на носу «Джунсара», услышал вопли и лязг битвы, завязавшейся по бокам поселения, когда лыжники добрались до крайних судов и попытались на них закрепиться. Однако разглядеть что-либо было трудно. Его воины выстроились в затылок у него за спиной, один за другим соскальзывая по канату на палубу «Саггандa», а оттуда уже перелезали через носовой фальшборт на плот.

И тут цитадель разразилась таким бешеным огнем, какой только Барнвельт когда-либо видел. Свист и жужжание катапультных снарядов, больших и маленьких стрел, камней, выпущенных из пращей и рогаток, слились в единый протяжный вой. Смертоносный дождь обрушился на плот и палубу «Саггандa», кося ряды нападавших. Уцелевшие бестолково заметались на тесном пространстве, пытаясь отступить, но большей частью тоже полегли под огнем. Отдельные счастливчики успели метнуться вперед и полезли на борт небольшой галеры на противоположной стороне плота. Навстречу им тут же встали сунгарцы.

Барнвельт обнаружил, что истошно орет: «Давай-давай! Вперед!!!»

Ко всему прочему, захватчиков ждал еще один неприятный сюрприз: вдоль канала, оставляя за собой длинный хвост густого дыма, пронеслась здоровенная ракета, с торчащим спереди то ли

копьем, то ли просто заостренным бревном. Летела она крайне неустойчиво, бестолково вихляясь в разные стороны, но, тем не менее, врезалась точнехонько в полуют «Джунсара» и с грохотом разорвалась, взметнув в небо горящие обломки. Воины, выстроившиеся в затылок в проходе между скамьями для гребцов, разлетелись по сторонам, а экипажу «Джунсара» пришлось спешно кидаться тушить множество очагов пожара по всему кораблю. Другая такая же ракета ударилась в нос «Доурии Деджанаи». Застлавший корабли дым и языки пламени мешали прицеливаться, и пехотинцы сразу лишились огневой поддержки.

В конце концов атака захлебнулась. Воины понемногу стали стекаться назад. Десятки из них едва двигались, а десятки других усеивали «Сагганд» и плот, убитые или слишком тяжело раненные, чтобы спастись бегством.

Под бомбардировкой со стороны цитадели на организацию новой атаки ушло несколько часов. Барнвельт увидел, что передовой отряд на сей раз снабдили такими же большими плетеными щитами, что и у десантников. Последние вроде уже более-менее прочно закрепились на подходах к поселению. Больше Барнвельту не удалось ничего выяснить, поскольку связь с ними поддерживалась исключительно посредством гонца, шлепавшего туда-сюда на лыжах по слою терпалы.

Вторая атака началась вскорости после полудня. Прикрываясь плетеными щитами, передовой отряд пробился на галеру за плотом и чуть было окончательно не выбил с нее пиратов, прежде чем внезапная контратака обратила его в бегство.

Долгий кришнянский день тянулся невыносимо медленно. Барнвельт распорядился задействовать все гребные лодки флота и начать комбинированную атаку, окружив ими цитадель и высаживая людей во всех возможных местах.

На сей раз нападавшим и впрямь удалось закрепиться на небольшой галере у самого канала, которую они удерживали до самого заката, когда оставшиеся на плаву лодки отошли назад. Но вскоре очередная контратака опять выбила союзный десант с занятого корабля, и все стало точно так же, как и в самом начале.

На вечернем совещании дарийский дашт доложил, что лыжникам удалось занять большинство судов по краям поселения, а королева Альванди влезла с предложением:

— О Ферриан, а почему бы летунам вашим бравым не приземлиться на страшилищах своих прямо посреди цитадели, дабы с тылу врага уязвить?

— Не вижу я в сем особого смысла. Коли сядут они поодиночке, аппараты свои наверняка поломавши, перережут их

там, будто унхов на ярмарке сельской!

— Иль побаиваются они драки честной, бой предпочитая вести с расстоянья безопасного? Полегло уж там число несметное девочек моих отважных, потому как герои ваши деликатные сражаться могут, лишь забравшись повыше и всякой пакостью оттудова кидаясь…

— Довольно, карга! — взвыл Ферриан. — А кто, интересно, в бегство обратил флот дюрский, а? Летуны мои по сравненью с псевдовоителями вашими…

— Не боец ты, но калькулятор хитрый…

Стуча кулаком по столу и возвысив голос, Барнвельт восстановил порядок. Тем не менее адмиралы весьма нетерпимо воспринимали указания на собственные просчеты и долго грызлись между собой и с Дирком, так и не приходя к чему-либо путному. Барнвельт понял, что его затея с лыжным десантом, хоть сама по себе и довольно удачная, все же не особо помогла прорвать столь мощную оборону одним махом, по крайней мере, при той численности войска, которой он располагал.

Наконец он встал с видом человека, который и так уже достаточно долго слушал.

— Завтра мы опять повторим атаку, используя все имеющиеся средства сразу. Ферриан, снарядите свои планеры стрелами и фейерверками и заготовьте побольше кувшинов с фонд агами. Владыка мой дашт, заставьте своих лыжников продвинуться еще дальше от их нынешних позиций, даже если вам придется в задницы их подталкивать. Расставьте лучников на лыжах вокруг всего внутреннего края терпалы, чтоб цитадель простреливалась целиком. А вы, королева Альванди…

После того как адмиралы разошлись по своим кораблям, Барнвельт побрел на палубу «Сунгара». Глядя на тусклые звезды, он думал о Зее. Несколько дней разлуки с ней совсем не погасили пылавший в нем огонь — скорее, наоборот. В голове у него крутились самые фантастические замыслы, вроде организации налета на Рулинди при поддержке ряда личных последователей, похищения Зеи и отлета вместе с ней на Землю. Дурь, конечно…

Звуки во тьме говорили о том, что с «Сагганда» и прилегающего плота подбирали убитых и раненых — живых, чтобы перевязать, а мертвых освободить от могущего пригодиться снаряжения перед тем, как бросить фондагам. Из глубины нагромождения пиратских кораблей доносился перестук топоров.

— Сигару? — послышался мелодичный голос Тангалоа.

— Спасибо. Эх, если б можно было сейчас дать задний ход, я бы точно свернул это мероприятие.

— С чего это вдруг? У тебя все получается хоть куда, такой адмирал весь из себя…

— Игоря мы получили, фильм получили, деньги, которые нам заплатила королева, тоже получили…

— В смысле, *тебе* заплатила. Тебе они принадлежат, а не фирме.

— Неплохая мысль, — заметил Барнвельт. — Если б еще и Панагопулос так считал…

— А ты ему не говори. Кстати, коли речь зашла о деньгах, тебе не кажется, что нам причитается и вознаграждение за Игоря, раз уж мы его сами взяли? Компании можно будет подать так, будто его кто-нибудь другой зацапал.

— Я просто *уверен*, что с Панагопулосом такой номер не пройдет. Итак, как я уже сказал, остальное совершенно не наше дело. Единственное, на что мы теперь способны, так это помочь несчастным кришнянам убивать друг друга и постараться при этом самим не попасть под шальную стрелу. Почему бы нам не погрузить Игоря в какую-нибудь лодку и не слинять потихоньку?

Тангалоа помедлил.

— Вообще-то, мне очень бы хотелось поснимать и внутри поселения. Все, что ты там нащелкал в темноте, наверняка пойдет в корзину.

— Ты что, еще не наснимался?

— Это не совсем то. «Виажейш» это не устроит. К тому же что-нибудь в этом духе наверняка пробудит подозрения у адмиралов, и с воздуха они нас застукают. Многие жутко настроены против землян, и мне просто страшно подумать, что произойдет, если нас приволокут обратно и… гм… сорвут маски.

— Я могу сказать, что плохо себя чувствую, и передам командование Ферриану, тем более он просто-таки убежден, что ему тут нет равных.

— Не забывай — Игорь все еще под осирийским псевдогипнозом. Лично я понятия не имею, пройдет это само или же…

— Пройдет, — кивнул Барнвельт, — но, насколько мне известно, при этом становишься просто ходячей коллекцией всяких неврозов, если вовремя не найдешь другого осирианина, чтобы разрушить заклятье.

— Вот именно! Следовательно, нужно захватить Шиафази живым, чтобы он вернул Старику разум.

— Не знаю, не знаю. Я уже настолько упился *упоеньем в звоне битв*[74], что меня просто тошнит.

— Послушай-ка, дружок, я ведь тоже не собираюсь сбрасывать вес, но боюсь, что деваться нам уже некуда. И будь ты

тут хоть самый разверховный адмирал, не забывай, что в «Игорь Штайн Лимитед» твой начальник я.

Барнвельт даже несколько обалдел, впервые услышав от разгильдяя Тангалоа напоминание о должностных различиях. Должно быть, Джорджа и впрямь так уж припекли его страноведческие изыскания, если, конечно, дело не в чем-то другом.

— О! Я давно уже взял руководство на себя, и ты это сам прекрасно понимаешь. А коли дело дошло до таких разборок, то имей в виду, что лично для меня на Игоре свет клином не сошелся!

— Давай тогда обойдемся без разборок, — примирительно сказал Тангалоа. — Если ты мне организуешь в цитадели всего один солнечный денек, я обязуюсь не совать нос ни в какие военные вопросы.

— Ладно. Постараюсь выполнить свою сторону этого соглашения.

— Ну, вот и славненько, А теперь, извини, конечно, но у меня свидание.

— *Что у* тебя?

— Свидание. С одной из десантниц королевы Альванди, на предмет кое-какого социологического исследования. Лично я нахожу их весьма женственными, в совершенно земном смысле этого слова, несмотря на весь этот воинственный налет. Что… кхе-гм… лишний раз подтверждает правильность моих слов насчет стабильности базовых культурных представлений. Чао!

На следующее утро из-за низкой облачности и густого тумана, из которого едва торчали верхушки мачт, летуны Ферриана остались сидеть на своем корабле, а эффективность навесного огня метательными снарядами значительно снизилась. В свинцовом полусвете было видно, что осажденные успели возвести вокруг судов, окаймлявших цитадель, укрепления из бревен и досок с бойницами для лучников. Вдобавок они повсюду понавешали сетей и понатыкали копий наконечниками наружу, что явно уменьшало шансы захватчиков.

После обычных отсрочек и приготовлений протрубили трубы. Воины снова выступили вперед. Защелкали луки, захлопали катапульты, залязгали мечи и завопили раненые.

К вечеру союзные войска выбили сунгарцев со всех подступов к цитадели и закрепились на самом переднем краю обороны. Но вновь за это было заплачено слишком дорогой ценой, и считать сунгарцев побитыми не было ровно никаких оснований.

Адмиралы, некоторые из которых уже щеголяли свежими

бинтами, собрались на разбор атаки в еще более сварливом настроении, чем обычно, и с ходу принялись цапаться между собой, как пауки в банке.

— Пошто не поддержали вы людей моих, когда запросил я помощи?

— Досточтимый зер Ферриан, с какой это стати бездельники ваши проклятые баклуши били на «Куманище», покуда более достойные люди гибли на копьях вражеских?

— Мадам, вы что, предлагаете мне скальпелем дрова колоть? Один летун мой стоит шести солдат обычных…

— А где же хваленый гений великого генерала Сньола?

— Следует оставить нам налеты сии тщетные и голодом заморить негодяев!

— Предложенье сие трусостью попахивает…

— Это кто еще трус?! Да я сейчас…

Дирк без особого успеха пытался навести порядок, когда вахтенный объявил:

— Движутся сюда на лодке, повелители мои, парламентеры сунгарские!

— Пропустить, — распорядился Барнвельт, радуясь неожиданной передышке. Если противник размяк уже до такой степени, что запросил переговоры, окончание битвы наверняка не за горами.

Снаружи послышались чьи-то шаги. Вахтенный провозгласил:

— Гизил бад-Башти, верховный адмирал сунгарцев морских!

— Гизил-Шорник! — взвизгнула королева Альванди. — Отступник вероломный! Ну погоди, покуда я…

— Визгаш! — опешил Барнвельт, поскольку низкорослый малый со шрамом на физиономии, показавшийся в дверях, и был тем самым кришнянином, который постоянно путался у него под ногами в качестве Визгаша бад-Мурани.

Парламентер, который держался с величием испанского идальго, снял шлем и отвесил дурашливый поклон.

— Гизил бад-Башти, он же Гизил-Шорник, он же Визгаш-Галантерейщик, к вашим услугам! — продребезжал он. — Приветствую старого своего знакомого Сньола из Плешча, известного еще как Гоззан-Курьер, а также…

Тут он примолк и одарил Барнвельта заговорщицкой ухмылочкой. Тот представил его собравшимся и поинтересовался:

— А с каких это пор вы стали сунгарским предводителем, Гизил?

— Сегодня, в четвертом часу, когда прежний предводитель наш, Шиафази-осирианин, скончался от раны, полученной вчера. Шальной стрелою в него угодило.

— Так Шиафази мертв?! — воскликнул Барнвельт, обмениваясь растерянным взглядом с Тангалоа. Если главаря-осирианина, способного вывести Штайна из его плачевного состояния, уже не было в живых, во все их планы требовалось вносить довольно радикальные коррективы.

— О да, — подтвердил Гизил-Визгаш. — Продвиженье по службе мое скорым оказалось, ибо стеченьем обстоятельств горестным лишились мы почти всех властителей наших. Гавао погиб безвременно в ходе налета нашего на Рулинди. Корфа с Урганом Сньол могучий зарубил, принцессу из плена выручая. Даже землянина, Игора Эштайна, что быстро выдвинулся, едва был к компании нашей причислен, потеряли мы в первый же день битвы. Так что вот он я перед вами — адмирал верховный.

Кстати, насчет того набега Сньола упомянутого. Готовясь к осаде длительной, проверяли мы корабли свои, под склады провизионные отведенные, и в одном корабле таком наткнулись на некого юнца, что сладко спал на куле с тунистами в наряде курьерском. Допросивши его, мы выяснили, что сопровождал он Сньола вашего в набеге его грабительском. Отделившись от товарищей своих, укрылся он на оном корабле, кормясь припасами нашими. Уверяет он, будто Заккомир он бад-Гуршмани, хранитель престола квирибского. Правда ли сие, королева Альванди?

— Возможно. Что сделали вы с малышом моим?

— Пока ничего. Безопасность его послужит залогом моей собственной, на случай, коли софизмами какими хитроумными убедите вы себя, что честности не стоит хранить с такими, как мы.

— Все это очень интересно, — сухо заметил Барнвельт, — но не думаю, что вы из-за него сюда заявились. Так вы сдаетесь?

— Сдаемся? — Гизил поднял антенны. — До чего же грустное слово! Речь бы вел я скорей о неких условиях справедливых, на коих кровавому конфликту сему конец мог быть бы положен.

— Он еще торгуется с нами, язви его в корень! — взвился сурускандский адмирал. — Давайте-ка лучше самому ему конец положим веревкою крепкой да навалимся на мерзавцев без жалости! У них, видать, ни людей, ни припасов не осталось, чтоб условий иных требовать!

— Погодите-ка, — вмешалась королева Альванди. — Не забывайте, зер, что томится у них душка Заккомир!

— Что, никак и вы раскисли окончательно? — вскричал Ферриан. — Никак это вы толкуете о благоразумии да умеренности, топор боевой в образе женском?

— Вам слово, господин Гизил, — торопливо вставил

Барнвельт.

— Давайте взвесим разумно положенье сложившееся, — начал пиратский адмирал, не моргнув и глазом. — Милостию Давии вы и впрямь отвратили спасителей наших, флот дюрский. Но не стоит рассчитывать, что бежали они без оглядки до самой гавани родной. Скорей, адмирал их, поостывши немного, поразмыслил о потере званья или самой головы своей, дома его ожидающих, и назад повернул, дабы повторить нападенье.

Далее — не надо зренье иметь, как у акебата, чтоб заметить, что за три дня битвы понесли вы потери ужасающие: пожалуй, не меньше четверти воинов ваших погибло иль тяжело покалечено. А посему предположить я осмелюсь, что, задумай вы сей же час по домам вернуться, обнаружите вы, что весла-то есть у вас, а вот гребцов нехватка. Еще один день состязанья подобного, и впрямь окажетесь вы в затрудненье серьезном.

Теперь же о нашем положенье. Верно, что окружены мы и, ежели предположить, что флот дюрский не вернется, оборону строить вынуждены лишь на собственных припасах, в то время как вы свои пополнять можете. Верно также, что теряем мы людей и оружье. И даже более, чем верно, что выбиты мы были с форпостов своих задумкою хитроумной людей послать прямо сквозь водоросли, на досках, к ногам привязанных. Кто оный способ выдумал, должен быть самого Карара воплощеньем.

И все ж таки, за счет обустройства убежищ и укрытий, сохраняем мы потери свои относительно невеликими. Что же до оружья да снарядов, то позаботились мы, еще крепость свою плавучую закладывая, чтобы припасов подобных, а также еды да питья вдоволь тут было.

Давайте на миг представим, чтоб понятней вам было, будто после противостояния долгого удалось вам нас одолеть. И что же тогда? Не забывайте, что войска ваши людям противостоят отчаянным, коим терять нечего и кои, следовательно, биться станут до последней капли крови, в то время как ваши, пусть и отвагою отличаясь, не возжены безрассудством подобным. А посему, в сочетании с преимуществом от крепких сооружений оборонительных, вытекает из сего, что лишитесь вы двоих иль троих за каждого из нас, погубленного вами. Повезет вам еще, коли бойня эдакая, помимо истощенья государств ваших, что крепчайших бойцов лишатся, смутою иль мятежом открытым промеж них не завершится еще до окончанья осады.

Что же ищете здесь вы тогда? Королева Альванди, догадываемся мы, заполучить мечтает сам Сунгар и хранителя трона своего, Заккомира, в целости и сохранности. Остальные ж, видать, рассчитывают на казну нашу и флот, да избавиться

заодно желают от разбоя нашего разнузданного на морях окрестных. Разве не прав я? Так что, ежели способны вы в самый зрачок шейхану угодить, отвративши кровопролитие дальнейшее, почему бы тогда от предубежденья не отойти и с безумием сим не покончить?

— Каковы ваши условия? — спросил Барнвельт.

— Чтоб всех сунгарцев уцелевших, вреда не причиняя, на материк высадили, дозволив каждому забрать с собою семью и пожитки, включая наличность и оружие.

Гизил пристально смотрел на Барнвельта и тщательно подбирал слова:

— Сньол из Плешча известен широко как муж, весьма щепетильный в вопросах чести, — качество, коего печально недостает в наши дни вырожденья всеобщего. По одной лишь причине сей, решаемся мы вверить себя милосердию вашему, ибо, коли истинный Сньол обещает, что не даст нас в обиду, уверимся мы — так оно и будет.

Опять все тот же заговорщицкий взгляд. Барнвельт понял, что Гизил имеет в виду: «Соглашайся на сделку, как поступил бы настоящий Сньол, а я не проболтаюсь, что еще с Новуресифи знаю тебя как землянина». Ну и ловкач этот Гизил-он-же-Визгаш!

— Не затруднит ли вас выйти, зер? — сказал ему Барнвельт. — Мы обсудим ваше предложение.

Когда Гизил удалился, адмиралы загомонили все разом:

— Срамно упускать трофеи, что, считай, в руках уже держишь…

— Нет, у малого сего вполне есть основанья…

— Сие условие насчет денег личных в жизни у них не пройдет! Что мешает им по возвращении Гизила, казну раздать всем сунгарцам?

— То же самое и насчет оружия…

— Следует нам, по меньшей мере, головы предводителей затребовать…

Где-то после часа оживленного спора Барнвельт предложил проголосовать. Голоса разделились поровну. Королева была теперь обеими руками за мир, раз уж сунгарцы удерживали Заккомира.

— Я тоже за мир, — объявил Барнвельт. — А что же до деталей…

Когда Гизила позвали снова, Барнвельт сообщил ему, что условия принимаются с двумя исключениями: сунгарцам не дозволяется брать с собой деньги и оружие, а уроженцы Квириба должны быть высажены на материк как можно дальше от этой страны — скажем, на юго-восточном побережье Ваандао. На

последнем настояла Альванди, поскольку не желала, чтобы они пробрались обратно в Квириб, где могли наделать неприятностей. Гизил ухмыльнулся:

— Ее Грозность полагает, видно, что раз избегнув когтей ее, возжелаем мы вернуться? Как бы ни было там, обязан донести я слово ваше до совета сунгарского. Продлевается ли перемирие данное до той поры, покуда вопрос сей утрясен будет?

Получив положительный ответ, он удалился.

На следующий день над противостоящими войсками нависла тревожная тишина. На обеих сторонах спешно исправляли повреждения и укрепляли позиции. Вскорости после полудня опять появился Гизил, и взлетевший на мачту флаг созвал адмиралов на «Джунсар».

Гизил объявил:

— Тяжелы, владыки мои, условия ваши встречные — чересчур тяжелы, чтобы приняли их люди воинственные, с оружием в руках. А посему предлагаю внести в них ряд исправлений, а именно: жители наши возьмут с собою деньги в сумме одного карда золотого на голову, чтоб не пришлось голодать им, занятье честное себе подыскивая, и оружие в количестве одного ножа или кинжала, дабы не были беззащитны совершенно. И что только совершенно целые и невредимые квирибцы бывшие, вроде меня самого, высланы будут в те края отдаленные, о коих Альванди толкует, увечные же и хворые высажены должны быть на берег поближе к жилью, в местностях цивилизованных.

— Принимается, — торопливо сказал Барнвельт, прежде чем кто-либо из адмиралов успел раскрыть рот. Многие уставились на него в явном недоумении, особенно королева, похожая в этот момент на какую-то кусачую черепаху. Но, поймав за хвост столь желанный мир, Дирк совсем не намеревался выпускать его из рук. Даже если это им пришлось не по вкусу — ну что ж, скоро они с Джорджем отвалят отсюда навсегда, а что там про него потом напишут в кришнянских учебниках истории, его мало трогало.

— Даете ли вы в том обещанье торжественное, о Сньол из Плешча? — вопросил Гизил.

— Даю.

— Отправитесь ли со мною на борт корабля моего, дабы повторить обещанье сие пред моими сотоварищами?

— Конечно.

— *Ох-ха!* — воскликнул принц Ферриан. — Не опасаетесь ли голову совать прямиком в пасть екию? Ужель настолько негодяю сему доверяетесь?

— Думаю, ничего страшного не будет. Ему прекрасно известно, что их ждет, если они на этой стадии начнут водить нас за нос. Если не вернусь, принимайте командование на себя.

Вместе с Гизилом Барнвельт отправился в цитадель и между торчащих пик и наружных укреплений пробрался на большие галеры, в самое сердце плавучей крепости. Он повсюду видел признаки значительных повреждений, мертвых и раненых пиратов; но вместе с тем было там еще полным-полно живых и здоровых, так что Гизил в своих аргументах не так уж и уклонился от истины.

Представленный кружку собравшихся военных чинов, он повторил свое обещание.

— Конечно, всем вашим людям придется подвергнуться обыску, — добавил он при этом.

Они составили письменное соглашение относительно условий капитуляции, подписали его и отвезли на «Джунсар» на подпись адмиралам. Все это оказалось весьма занудным делом и отняло довольно много времени.

Заккомир, как всегда восторженный, но несколько спавший с лица, которое заметно потеряло эдакую раскормленную кошачью округлость, был освобожден. Барнвельт отвел его в сторонку со словами:

— Хочешь оказать мне одну услугу?

— Вся жизнь моя в вашем распоряженье, владыка Сньол!

— Тогда забудь, что пираты хотели наложить лапу на нас с Таджди. Усек?

Обыск сунгарцев с целью убедиться, что они не прихватили с собой больше денег и оружия, чем было предусмотрено договором, и погрузка их на всевозможные суда союзников заняли весь остаток дня. Поскольку бывших квирибцев, которых оказалось около половины от общего числа пиратов, ожидала ссылка, Барнвельт одолжил у сурускандского адмирала для их доставки десантный транспорт под названием «Яре».

Королева Альванди настояла на том, чтобы его укомплектовали ее собственными людьми — мужчинами-гребцами и амазонками для присмотра за пассажирами.

— Не буду удовлетворена я до той поры, покуда от собственных девочек не услышу, что мерзавцев высадили там, откуда им и за несколько лет до Квириба не добраться! — добавила она при этом.

В красноватом вечернем свете Рокира не получившие ран экс-пираты всходили на борт «Ярса» у самого входа в канал. Их оказалось триста девяносто семь мужчин, сто двадцать три женщины и восемьдесят шесть детей, и они битком забили

корабль даже без квирибских гребцов, которые отправлялись вместе с ними, чтобы привести потом галеру назад.

Ужинал Барнвельт в одиночестве: Тангалоа шатался по Сунгару, увлеченный киносъемкой. Покончив с едой, Барнвельт приказал гребцам отвезти его с «Джунсара» вниз по каналу на «Доурию Деджанаю» Альванди. До этого ему еще не приходилось бывать в личной каюте королевы, теперь изрядно прокопченной после пожара, вспыхнувшего в результате попадания сунгарской ракеты. Он чрезвычайно изумился, заслышав до боли знакомое приветствие:

— *Багган! Чу вой зу!*

Это был, естественно, попутай Фило, прикованный цепочкой к насесту у стены. Сначала он скосил на Барнвельта один глаз, потом другой и, видно, в конце концов его признал, поскольку позволил почесать себя между перьями.

Вошедшая королева Альванди заметила:

— Только мы с тобою и умеем обращаться с сим монстром. Ты неким могуществом непонятным над подобными тварями обладаешь, меня ж он попросту боится. Шарахни-ка кружечку фалату отборного — вон там, в графине. Полагаю я, что председательствовать будешь ты ныне и на собраньи, дележу добычи посвященном?

— С ужасом об этом думаю. Все хотят захапать побольше, начнется грызня… Единственно, что меня успокаивает, так это уверенность, что, скорее всего, это будет мое последнее деяние в качестве главнокомандующего.

— Нашел о чем переживать! Объяви решенье свое да кулаком покрепче по столу тресни. Лично мне лишнего не надо — хватит мне самого Сунгара да доли соответственной казны и кораблей.

— Чего-то подобного я и опасаюсь.

Она бесшабашно отмахнулась:

— Ай, ладно, не станешь наглеть, аж четвертую часть себе вытребовал, — не будет и разногласий.

— Честно говоря, я вообще не собираюсь ничего себе вытребовать.

— Что?! Сдурел? Иль в том коварство некое, дабы кого-то из нас с престолу скинуть? Уж не удумал ли ты хлыща этого сотаспийского пощипать?

— Ни на минуту даже о таком не подумал! Ферриан мне весьма симпатичен.

— А причем тут симпатии, когда о политике высокой речь заходит? Без сомненья, Ферриан тоже тебе симпатизирует, что нисколько не помешает ему ремней из тебя понарезать во благо своего Сотаспе! Ну да ладно, плевать, ибо в отношенье тебя иные

у меня планы.

— Что-что? — воскликнул Барнвельт, охваченный нехорошими предчувствиями, поскольку Альванди отличалась слишком большим талантом проводить свои планы в жизнь, невзирая на огонь, воду и медные трубы.

— Можешь отказываться от доли своей, ежели тебе угодно, с надменностью да любовью показной к честности, будто Абхар-деревенщина в басне народной. Смотри на дело так, словно доля твоя просто ко мне перешла. Все в дом, все в семью. Это другим немало ты мне сегодня досадил — поддался на ворья сего уговоры сунгарцев пораненных поближе к жилью высадить.

— Я как раз и пришел это обсудить, — встрепенулся Барнвельт. — С ранеными проблем нет, они у нас идут вперемешку с остальными. Но я тут подсчитал, что на «Ярее» никак не хватит ни провизии, ни воды на всю эту уйму народа, если он пойдет туда, куда вы его посылаете. Так что надо либо рассадить их на два корабля, либо…

— Что за чушь! — рявкнула Альванди в своей обычной манере карточной дамы червей. — Ужель подумал ты хоть на мгновенье, что позволю я пакостникам сим на берег вылезти, дабы в государство мое проникнуть и низвергнуть его? Дура я, что ли?

— Это вы о чем?

— Капитан «Ярса» получил указания мои, едва только с глаз они скроются, в море покидать отступников вместе с пожитками да отродьями ихними. От язвы одно леченье — ножик острый.

— Алле! Я никогда этого не допущу!

— Чего это нашло на тебя, господин Сньол?

— Я слово дал!

— А пошел-ка ты к Хишкаку со своим словом! Ты-то кто такой, интересно? Бродяга заграничный, поставленный мною походом сим командовать, а ныне, когда дельце наше обтяпано, никакой не предводитель, а лишь один из подданных моих, с коим сделать я могу, что пожелаю! А желаю я в данном случае…

Барнвельт с ощущением, будто в горло ему крепко вцепилась какая-то ледяная рука, подскочил, расплескивая вино.

— Так вот к чему был весь этот базар насчет все в дом, все в семью?

— Дошло, наконец? Ясно то, как пики дарийский, что дочка моя Зея по уши в тебя втрескалась. А посему назначаю я тебя первым ее мужем, чтоб служил согласно древним нашим и неизменным обычаям, покуда срок полномочий твой не истечет. Большинство голосов — сие для дурачков лишь доверчивых. И будем надеяться, что с точки зрения кулинарной попристойней

окажешься ты в конце службы своей, нежели от Кая неоплаканного ожидалось!

Барнвельт стоял, тяжело дыша. Наконец, ему удалось произнести:

— Вы забываете, мадам, что я не квирибец, а тут не Квириб. На меня у вас нет абсолютно никаких законных прав.

— А ты забываешь, зер, что наделила я тебя гражданством квирибским, когда вернулся ты в Рулинди с Зеей. Не отвергнув его в порядке установленном, принял ты на себя все обязательства, со статусом означенным связанные, — с чем, как весьма просвещенный доктор наук юридических, наверняка согласишься. Так что давай не будем наводить туману мятежного…

— Прошу прощения, но его будет гораздо больше, чем вы думаете. Я ни в коем случае не стану жениться на вашей дочери и ни в коем случае не допущу резни среди сдавшихся квирибцев.

— Ах, вот как? Сейчас я задам тебе, предатель непокорный!

С этими словами, сорвавшись под конец на визг, она кинулась в другой конец каюты и принялась рыться в ящике письменного стола.

Барнвельт сразу понял, что она там ищет, — емкость с духами янру, очевидно, флакон или даже водяной пистолет, чтобы его обрызгать. Единственная понюшка, и он подчинится ее воле еще почище, чем под осирийским псевдогипнозом. Оказалась она в этот момент ближе к дверям, чем он. Что же делать?

— Гр-р-рк! — недовольно подал голос пробуженный всеми этими воплями Фило.

Барнвельта осенило, что против подобного нападения у него есть лишь один способ обороны. Он скакнул к насесту, сграбастал изумленного попугая, сунул свой длинный нос в перья у него на грудке и глубоко вдохнул.

Фило возмущенно крякнул, затрепыхался и с аккуратностью кондуктора, компостирующего билет, откусил от края уха Барнвельта треугольный кусочек.

Барнвельт отпустил птицу в тот самый момент, когда Альванди налетела на него с пульверизатором, прыская из него прямо ему в лицо. Но глаза у него уже покраснели, из носу текло, а с треугольной зазубринки, оставленной на ухе клювом Фило, сбегала струйка крови. Ухмыляясь, он выхватил меч.

— Бде очедь жаль, — проговорил он, — до у бед я собсеб отбило ободядие. А ду быстро в спальдю, идаче Зее де подадобится ваше отречедие, чтоб получить кородуу!

Когда он подкрепил эту команду основательным тычком меча в корсет, она повиновалась, бормоча проклятия, как цыганка-попрошайка, которую сажают в полицейский «воронок». В королевских спальных покоях он набрал простыней и разорвал их на полосы. «Мои лучшие простыни, наследство от бабки моей!» — причитала при этом Альванди.

Вскоре ее жалобы утихли под плотным кляпом. Еще с четверть часа ушло на то, чтобы увязать ее, словно тюк с бельем, сунуть в собственный платяной шкаф и запереть дверь.

Караульной у входа в каюту он сказал:

— Ее Гроздность деваждо себя чувствует и велела передать, что будет очедь рассержеда, коли ее побеспокоят. Где боя шлюпка?

На свой корабль он вернулся в эдаком пузырящемся-приподнятом настроении, несмотря на опасность, которой едва избежал, — словно, управившись с королевой, нанес заодно поражение и собственной матери, раз и навсегда.

На палубе «Джунсара» он столкнулся с Тангалоа, который начал было:

— Я уже везде тебя ищу…

— Честно говоря, я тоже тебя ищу. Надо нам рвать отсюда. Альванди вбила себе в голову, что ей нужно перерезать всех пленных сунгарцев и сделать меня своим зятем по полной программе вплоть до разделки на мясо.

— Господи, что же делать? А где эта старая крыса?

— Сидит связанная в собственном шкафу. Давай в темпе грузить Игоря в лодку… Хотя постой: «Яре» ведь у самого входа в канал, верно? В общем, так: ты отвлекаешь воительниц Альванди, а я договариваюсь с Визгашем, Гизилом то есть, захватить «Яре» и плыть на нем в Новуресифи.

— С бывшими пиратами в качестве экипажа?

— А почему бы и нет? Это бездомные, неприкаянные люди, которые наверняка будут только рады, если мы возьмем их под крыло. Они точно в меня поверят, если я скажу, что предпочел перейти на их сторону, узнав о том, что их собираются убить, поскольку это как раз одна из тех глупостей, на которые способен настоящий Сньол.

— Неплохо! — протянул страновед.

Они поспешили вниз.

— Достань-ка мне пару наручников, — приказал Барнвельт часовому у дверей оружейной. Получив кандалы, они направились в трюм, где на койке апатично сидел Штайн.

— Руки! — приказал Барнвельт и защелкнул наручники на запястьях Штайна. — А теперь пошли.

Штайн, по-прежнему погруженный в полное безразличие, прошаркал вверх по трапу на палубу и перелез через борт в лодку.

— Поехали вниз на «Яре», — сказал Барнвельт гребцам. — Потихоньку!

— Слушай, а как тебе удалось не нюхнуть духов *«Nuit d'amour»,* пока ты там барахтался с королевой? — поинтересовался Тангалоа. Когда Барнвельт рассказал, как было дело, он расхохотался: — Ни черта себе! В жизни еще не слышал, чтоб кто-то спасся от участи похуже смерти при помощи перьев!

Чтобы ускорить погрузку, с другого конца канала еще днем притащили плавучий причал, который пришвартовали к борту «Ярса». К этому причалу и подошла лодка. Пассажиры вышли.

Караульная на причале осветила их фонарем и окликнула, после чего сконфузилась:

— Прошу пардону, генерал Сньол. О, Тагго! Девочки, Тагго пришел с нами позабавиться!

— Вот как тебя уже тут кличут? — удивленно проговорил Барнвельт. — Постарайся заманить их в рубку. Наври, что научишь играть в покер на раздевание или еще чего-нибудь в этом духе.

Он возвысил голос:

— Адмирал Гизил!

— Здесь я. Что вам угодно, генерал Сньол?

— Спускайтесь сюда, поговорить надо. Все в порядке, девочки, все под неусыпным контролем. Идите наверх и поиграйтесь с Тагго, а мы тут пока посовещаемся.

Кришнянин легко спрыгнул с борта на причал. Когда амазонки удалились на безопасное расстояние, Барнвельт рассказал, что случилось.

Гизил стукнул кулаком в ладонь:

— Редкостный болван я, что сюрприза подобного не предусмотрел! Теперь — пусть даже известно нам о том — что же делать? Сидим мы тут под стражею в окруженье кораблей враждебных, вооруженные лишь ножиками обеденными. Что помешает им взять в оборот нас в любую минуту?

— Я помешаю.

— Вы?!

— Да, я. Пойдут ли за мной ваши люди?

— Вы хотите сказать, что на нашу сторону переходите, исключительно по соображеньям чести?!

— Естественно. В конце концов, я — это я! — подтвердил Барнвельт, воспользовавшись излюбленным кришнянским

фразеологизмом.

— Позвольте пожать ваш большой палец, зер! Вот теперь и впрямь узрел я, что, хоть не больший вы Сньол из Плешча, чем я сам, а всего лишь землянин бродячий, все ж обладаете вы духом возвышенным, что молва благородному ньямцу приписывает. Ничего не бойтесь. Тайна сия умрет вместе со мною. Из тех же соображений хранил я ее и пред собраньем адмиралов ваших. Что следует учинить нам?

— Когда Таджди заманит баб в каюту, созовем всех ваших военачальников — вы еще сохранили свое влияние?

— Ясное дело.

— Мы им расскажем, что стряслось, а в подходящий момент запрем каюту на засов, обрежем швартовы и отвалим. Если кто-то будет задавать вопросы, я сам с этим управлюсь.

Из каюты доносились звуки разнузданного веселья и непристойности. Барнвельт отметил, что за последние несколько часов дисциплина на флоте явно развалилась к чертям, хотя и понимал, что это вполне естественный исход после нечеловеческого напряжения кампании.

Объявили сбор командиров. Барнвельт распорядился:

— Гребцов по местам — пускай приготовят весла, чтоб оставалось только за борта просунуть. Первый же, кто уронит весло, получит по мозгам. У кого есть нож поострее? Обрежьте швартовы и оттолкните багром причал подальше. На воду первую пару весел… Режь швартовы, которые к водорослям привязаны… Теперь греби. Потише — только чтоб корабль двигался… Эй, уключины там тряпками заткните, чтоб не стукнули. Нет тряпок? Возьмите одежду у женщин. Начнут выступать — по шее… Вот так. Теперь следующая пара… Ребенка кто-нибудь там уведите вниз…

Как только «Яре» черепашьим шагом выполз на фарватер и двинулся к выходу, где-то совсем рядом послышался оклик.

— Кто там? — отозвался Барнвельт, перегибаясь через фальшборт и вглядываясь в проплывающую мимо темную массу корабля. — Я Сньол из Плешча, все в порядке.

— О владыка мой Сньол!.. А я подумал… Разве это не «Яре» с пиратами плененными?

— Это «Яре», но со своим обычным экипажем. Пленников еще не грузили, мы идем на занятия по гребле.

— Но сам я видел, как всходили они днем на борт…

— Ты видел, как их сажали на «Миньян» из Сотаспе, их там временно разместили. Во-он, где он стоит! — ткнул он рукой в сторону черного расплывчатого нагромождения корпусов.

— Ну что ж, — проговорил бдительный страж изумленным

тоном, — коли говорите вы, что все в порядке, так оно, видать, и есть.

И корабль пропал за кормой, слившись с остальным флотом.

— Ф-фух! — облегченно выдохнул Барнвельт. — Право руля — так держать. Все весла на воду. Третий ряд, не сбивать ритм! Навались! И-и — р-раз! И-и — р-раз!

Они вырвались из канала, оставляя позади темную массу кораблей союзного флота, ошвартованных вдоль края терпалы, фонарики которых подмигивали в темноте, словно рой застывших на месте светлячков. Поскольку ветерок по-прежнему поддувал с юга, Барнвельт распорядился распустить паруса, чтобы использовать их с максимальной отдачей, и повернул «Яре» на север. Укутанный густым туманом, Сунгар начал медленно таять за кормой.

Барнвельт наблюдал, как он растворяется во тьме, со смешанным чувством. Если удача будет улыбаться им и дальше, они благополучно доберутся до Маджбура, после чего поднимутся вверх по Пичиде до Новуресифи, где он окончательно расстанется с сунгарцами.

Иногда ему казалось, что он просто смертельно устал от зеленовато-синих волос и оливковых физиономий, ярких примитивных одежд, звона режущих и колющих предметов и высокопарных речений на ритмичном, гортанном гозаштандоу, сопровождаемых величавыми жестами. Он бросил взгляд туда, где среди незнакомых созвездий пряталась яркая точечка Солнца. До чего же хорошо сейчас, наверно, в Нью-Йорке, с его хитроумной путаницей улиц и путепроводов, уютными уголками для еды, питья и житья, сжатой ироничной речью…

А действительно ли так хорошо? Он вернется в Нью-Йорк, постаревший почти на двадцать пять лет по сравнению с тем, каким он его оставил. И хотя друзья его и родственники, благодаря современной гериатрии, в большинстве своем будут живы и не так уж заметно постареют, все они уже наверняка поразъехались и забыли о нем. Его будет отделять от них целое поколение, и, чтоб опять сориентироваться, что там к чему, понадобится не меньше года. Почти перед самым отлетом он купил шляпу наимоднейшего островерхого фасона. Теперь эта шляпа будет выглядеть таким же анахронизмом, как в его время котелки, которые, не исключено, опять вошли в моду. Только сейчас он понял, почему люди вроде Штайна и Тангалоа, связавшие свой бизнес с межзвездными путешествиями, держатся своей собственной замкнутой кликой.

Да и мать наверняка еще там. И, хоть он и решил все задачи, возложенные на него официально, — раскрыл тайну Сунгара, спас

Штайна и выполнил условия контракта с «Виажейш» — его личные проблемы остались при нем. Вернее, он лишь временно избавился от проблемы, связанной с матерью, убравшись от нее за несколько световых лет, но с возвращением все грозило вернуться на круги своя.

Страдал он также и от какого-то странного чувства потери, словно упускал некий данный жизнью шанс. Один из его старых профессоров сказал ему как-то, что молодому человеку следует хоть раз в жизни поддаться романтическому порыву:

> Наполни кубок, и в костер весны
> Одежды зимние Раскаянья швырни![75]

Надо, похоже, либо послать к чертям босса, либо примкнуть к радикальному политическому движению. А он тут мнется, уступая благоразумию и осмотрительности!

С другой стороны, предложение Тангалоа забрать с собой на Землю существо совсем другого биологического вида и жить с ним просто-таки вызывало у него ужас. Подобная жизнь окажется слишком сложной, чертовски сложной, чтоб он сумел ее вынести, особенно если мать…

По крайней мере, дал он себе страшную клятву: на сей раз, отношения с экипажем будут строиться с головой. Доброта и приветливость должны основываться на твердости и последовательности, и никакого сюсюканья.

Гизил явился с докладом. Барнвельт спросил:

— Кстати, а это случайно не вы были тем типом в маске, которого я вырубил кружкой в Джазмуриане?

Гизил стыдливо ухмыльнулся:

— Надеялся я, что Ваше Благородство меня не признает, но сие верно. Требовалось мне неразбериху учинить — как самолично видали вы, затеял я свару с осирианином, — чтоб Гавао без помех мог снотворное в напиток ваш подсыпать, да дурья башка себя лекарством своим залечил по ошибке. Чего еще ждать от балхибца тупоумного?

— Вы тогда и впрямь собирались убить Сишена?

— О нет, и в мыслях такого не было, хоть и приятно мне было поглядеть, как чудище жуткое от страху трясется!

— Видать, вы здорово недолюбливаете осириан, хоть и работали на одного из них.

— Пришлось, ибо стоило ему раз лапы свои наложить на кормило власти, как обрел он такое могущество над всеми нами благодаря талантам своим пленительным, что ни о чем уже мог

не беспокоиться, хоть многие из нас и считали тайком, что безрассудным курсом его плывем мы прямиком к гибели, как и взаправду оказалось. Не выпади ему на костях богини Давии пустышки, прекратив существование его, понуждал бы он нас противостоять вам до самого последнего человека.

— А что вы хотели сделать с Таджди и мной?

— Похитить, а если б не вышло — жизни лишить. Верю я, что не держите вы на нас зла, ибо делали мы лишь то, что Шиафази приказывал, и уклониться от приказаний оных никак не могли из-за хватки той мысленной, в коей удерживал он нас. Благодаря знакомствам своим на Земле, сразу прознал он про замысел Игора Эштайна Сунгар исследовать и расставил силки свои соответственно.

Дальнейший рассказ Гизила прояснил множество закулисных делишек Кольца янру — организации, в которую входили земляне, осириане и кришняне: как они, еще на Земле, похитили Штайна и подвергли псевдогипнозу; как под именем Визгаша внедрили Гизила в Новуресифи высматривать людей, идущих по следу Штайна, и так далее.

— …Один из главарей Кольца оного — важный чин с корабля того межпланетного — *стайшинеханик*, так, по-моему… Что там такое?

Бешеный рев из каюты возвестил, что амазонки наконец догадались, как бессовестно их надули.

Два десятиночия спустя «Яре» вошел в шумную маджбурскую гавань, снесенный по пути с курса хвостом первого в сезоне урагана и дважды уклонившийся от неопознанных флотов на горизонте.

Барнвельт с Тангалоа сошли на берег, волоча под руки Штайна и оставив Гизила на корабле за старшего. В конце плавания Барнвельт уже совсем другими глазами смотрел на экспирата, начиная испытывать к нему самое настоящее уважение, несмотря на его типично кришнянские величественные манеры, преступное прошлое и неоднократные попытки его, Барнвельта, убить.

Направились они прямиком в контору Горбоваста, официального агента службы безопасности межпланетных перевозок.

— Боги вы мои! — опешил Горбоваст, которого этот визит настолько выбил из колеи, что заставил даже позабыть об обычной учтивости. — Флот вольного города два дня тому назад прибыл с некой дикой и невероятной сказкою, будто оба вы флот возглавили триумфально супротив Сунгара, а потом, после спора

какого-то темного со старою Альванди, увязали ее, словно унху на базаре, угнали корабль сурускандский с экипажем пиратским и как в воду канули. И вот вы и сами тут! Что ж побудило мужа, о честности коего легенды слагают, плащ свой вывернуть по моде столь удивительной?

Барнвельт рассказал уполномоченному о планах королевы перебить пленных сунгарцев.

— О, — поразился Горбоваст, — не зря молва идет, что одним идеалам вы подвластны! А кто сей оборванец в оковах? Запрещается в городе вольном помимо закона силою свободных людей удерживать, пусть даже и землян…

— А это, — пояснил Барнвельт, — тот самый Штайн, за которым мы охотились.

— Никак сам Игор Эштайн!

— Он самый. Кольцо янру его похитило, а осирианин из этого Кольца силой мысленного внушения превратил его в пирата, так что теперь он даже старых друзей не узнает. Шиафази убит, но несколько десятиночий тому назад в Джазмуриане нам повстречался другой осирианин, Сишен. По-моему, он тогда собирался в Маджбур. Вы случайно не в курсе, здесь он или нет?

— Нёт, но можно сие вызнать. Пройдемте в палаты синдика верховного — это недалеко, только улицу перейти.

Верховный синдик, с которым они последний раз виделись в Рулинди, поприветствовал их с еще большим изумлением, чем Горбоваст. Когда ему объяснили ситуацию, он послал за своим начальником полиции, а тот, в свою очередь, за кем-то из своих подчиненных, который сказал, что да, означенный Сишен действительно остановился в гостинице «Рунар» и может быть доставлен в течение часа.

— Только не пугайте его, — предупредил Барнвельт. — У него очень ранимая душа. Просто скажите, что с ним хотят повидаться старые друзья.

— Кхе-гм, — напомнил о себе верховный синдик. — Хоть и не в привычках моих с неприятностей беседы начинать, служба моя понуждает меня поднять вопросы определенные.

Он порылся в столе:

— Имеется у меня посланье от президента сурускандского с мольбою о помощи в возвращенье корабля его похищенного.

Барнвельт отмел вопрос с «Ярсом» легкомысленным взмахом руки:

— Да получит он назад свой корабль. А пока я заплачу ему за аренду. У вас есть бланк платежного поручения?

Немало поломав голову над диковинным типографским документом, имевшим весьма мало общего с земными, Барнвельт

в конце концов выписал республике Сурусканд чек на «Талун и Фосг» на сумму пятьсот кардов.

— Я уверен, что президент должным образом оценит ваше… гм… довольно лихое решенье вопроса означенного, — заверил верховный синдик. — Есть тут у меня еще одно посланье, касающееся вас, зер. Прибыло оно не далее как утром нынешним почтою дипломатической — от Заккомира бад-Гуршмани, хранителя трона королевы Альванди. После преамбулы положенной пишет он:

«С самого возвращенья нашего в Рулинди обречен я на смерть ужасную, а именно: избран я был лотереей подставной первым консортом принцессы Зеи, дабы сочетаться с нею браком в день коронованья ее, сифта-месяца десятого дня». (То есть, как видно из вон того календаря, через шесть дней). «Известно вам, господин синдик, что за участь ожидает в конце года того, на кого честь сия выпала. И Зея не радостней меня известие сие восприняла, да только беспомощные марионетки мы в когтях властительных опекунши моей, поелику все равно сохранит она все ниточки правящие в своих кулаках, даже опосля того, как от престола отречется номинально. Однако ж есть тот, кто спасти нас в силах, — землянин могущественный, что путешествует под псевдонимом „Сньол из Плешча“». Это, насколько я понимаю, про вас, зер?

— Верно, — со вздохом согласился Барнвельт.

Верховный синдик сделал умоляющее движение:

— Не бойтесь признать сей факт в уединенье наших покоев, ибо мы с Горбовастом просвещенные люди, кои всеми силами борются супротив предубежденья к землянам, что многие испытывают. Средь друзей наших добрых немало землян, ибо следующие взгляды мы исповедуем: потому лишь только, что грубияны отдельные с надменностью ведут себя неподобающей, похваляясь превосходством всего в мире своем ужасном, нельзя всю расу достойную проклинать столь люто.

Однако же вернемся к канве беседы нашей. Цитирую дальше: «Не ведал я, что герой сей землянином является, покуда Зея не рассказала мне о том после освобожденья моего с Сунгара, хоть и подозревал я нечто подобное раньше. А теперь и самое главное. Он землянин, а также и Зея — факт, что долго хранил я как секрет придворный. Не отпрыск она королевы Альванди, коя бесплодна, яко скала харгайнская, но приблуда земная, у работорговцев добытая и выданная за дочь королевскую, кою с малых лет обучили выдавать себя за уроженку нашей планеты. Не один лишь закон квирибский в ежегодном убиенье консортов повинен. Дело тут больше в самой королеве, что уж пять лет

правленья своего яйцо животворное снести не в силах.

Поведала мне принцесса, что вызнала натуру сего псевдо-Сньола еще во время побега их совместного, и сочла, что и он суть ее вызнал. И посему более всего уязвлена она непоследовательностью чувств, кои он ей выказывает…»

Синдик поднял взгляд от письма.

— Полагаю, что известно вам, о чем тут речь, зер? Далее: «Раз уж землянин он, с наибольшей вероятностью направит он стопы свои в Новуресифи, поближе к сотоварищам своим. А посему заклинаем мы вас со всем пылом, на который способны, не пропустить появленья его. А паче чаянья проскользнет в Новуресифи он помимо вниманья вашего, попытайтесь весточку подать ему прямиком в крепость землянскую. Ибо так спасти вы можете не одну лишь жизнь мою ничтожную, но и счастье принцессы моей властительной.

Должен прибавить я, что королеве Альванди тоже известна Сньол а сущность истинная, а посему еще пуще возжелала она заполучить его консортом для дочери своей, ибо скорей допустит она правленье чужеземное в Квирибе, нежели принципы свои матриархальные под угрозу поставит. Не сумевши удержать его, сочла она меня следующим по выгоде — выбор, что счел бы я наичестнейшим, если б зрелище топора взметнувшегося не занимало все помыслы мои. А поелику Зея — к коей питаю я лишь привязанность братскую — никак таким, как я, оплодотворена быть не может, полагаю я, что задумала Альванди еще одним младенцем бесхозным разжиться, чтоб династию свою дутую не прервать».

— Вот и все, — объявил синдик. — Как вы теперь поступите — самим вам решать. Заклинаю лишь об одном: коли задумаете повернуться к миру сему спиною, никому означенных тайн не раскрывайте, ибо гибельными последствиями сие чревато!

— Мыслится мне, что знаю я теперь, кто Зея на самом деле, — задумчиво проговорил Горбоваст.

— Кто? — резко повернулся к нему Барнвельт.

— Слыхали ль вы про миссионера земного, что веру исповедует весьма невнятную, Мирзу Фатаха? Супругу коего погубили, а дочку с собой утащили разбойники в год Биштара?

Синдик согласно закивал головой:

— Зея и возрастом подходит, и породою, хоть, по сведеньям моим, продали ребенка в Дюре, где и помер он вскорости. А где сейчас Мирза Фатах?

— Не так давно был в Мише, — откликнулся Горбоваст. — Так дело складывается, генерал Сньол, что способны учинить вы весьма волнительное семьи воссоединенье!

— Посмотрим, — уклончиво ответил Барнвельт, хотя мозг его уже гудел, как перегруженный трансформатор. — Лично я сторонник того, чтоб родители поменьше маячили у молодых на горизонте.

— Если хочешь проверить, — вмешался Тангалоа, — скажи Зее: *«Шума фарси, фарх мизанад?»*

— А что это такое?

— Это «Говорите ли вы по-персидски?», на фарси. Я ведь жил в Иране. Но вряд ли тебе представится такая возможность, поскольку я просто не могу себе вообразить, как ты увидишься с шейлой до отлета.

Барнвельт все еще тренировался в произношении этой фразы, когда появился Сишен. Осирианин, похожий на двуногого динозавра ростом с человека, едва бросив взгляд на Барнвельта, сразу скакнул к нему тем же манером, как в свое время на Тангалоа в номере джазмурианской гостиницы.

— Эй! — вякнул Барнвельт, тщетно пытаясь вырваться из объятий рептилии.

— О дражайший спаситель мой! — умильно шипел осирианин. — Какое счастье увидеть вас снова! Ни на единую минуту не устаю я возносить благодарности вам с той самой поры, как расстались мы в Джазмуриане! Я люблю вас!

— Давайте не будем это так афишировать, — проговорил Барнвельт, не без труда отцепляясь от восторженного чудища. — Если действительно хотите оказать мне услугу, то тут есть один землянин под осирийским псевдогипнозом, который напрочь забыл про свою жизнь на Земле и убежден, что он пират сунгарский. Можете прочистить ему мозги?

— Попытаюсь. Найдется ли тут помещение свободное?

Когда рептилия увела Штайна, Барнвельт справился о судьбе «Шамбора». Однако крошечный контрабандистский парусник с бермудским вооружением, похоже, канул в никуда. Барнвельт подозревал, что бунтовщики попросту опрокинулись или каким-то иным образом потерпели крушение, не справившись с незнакомой оснасткой. По крайней мере, это снимало все возможные проблемы с Межпланетным Советом.

Полчаса спустя Штайн вошел в кабинет синдика, тряся головой и потирая свой щетинистый скальп. Он крепко стиснул руки Барнвельту с Тангалоа.

— Господи, — пробурчал он, — до чего ж хорошо опять стать нормальным! Отвратно чувствовать, как часть твоих мозгов прекрасно сознает, что творится, но ни черта не можешь с этим поделать! Вы, парни, молодцы, просто молодцы. Даже я сам

лучше бы не управился. Ну чего, когда отваливаем?

Русский акцент Штайна был таким же жутким, как и прежде.

— Не знаю, как там вы оба, — сказал Барнвельт, — но лично я собираюсь вернуться в Рулинди вместе со своими пиратами.

— Что?! — взревел Штайн. — Не болтай глупостей! Ты вернешься на Землю вместе с нами…

— Не вернусь!

— Погоди, погодите вы оба! — встрял Тангалоа. — Сейчас я с ним разберусь, Игорь. Послушай, приятель, не принимай всю эту бучу вокруг Зеи с Заккомиром слишком серьезно. Пленку мы всю отсняли. Приключений тоже получили по горло. Вернувшись на Землю, можешь плевать в потолок и почивать на лаврах…

— Нет, — отрезал Барнвельт. — Во-первых, на Земле живет моя мать, а во-вторых, я собираюсь выручить Зею.

— Да другую в момент подцепишь!

— Только не такую, какую хочу.

— Ну хорошо, если ты ее действительно выручишь, возьмешь ее на Землю следующим рейсом?

— Не думаю. Я уже почти окончательно решил попытать счастья здесь, на Кришне.

Штайн уже давно возбужденно метался по кабинету синдика, стиснув кулачищи от необходимости сдерживать эмоции. Наконец он взорвался:

— У тебя что, совсем мозги набекрень съехали?! Как это «Игорь Штайн Лимитед» без тебя обойдется? Где я еще такого писателя для своих статей найду? Я вдвое увеличиваю тебе зарплату! Ты не можешь взять вот так и уйти!

— Простите, конечно, но о том, какой я ценный работник, вы могли подумать и раньше.

Штайн бессильно разразился потоком русской матерщины.

— Кхе-гм, Дирк, — подал голос Тангалоа. — Ты, наверное, в курсе, что все эти земные авантюристы, которые болтаются по задворкам космоса и якшаются с обитателями отсталых планет, — в большинстве своем всякая шушера, которая никак не способна реализовать себя дома, среди равных. А там они выезжают за счет более проработанной земной культуры, для формирования которой сами и палец о палец не ударили…

— Ладно-ладно! Эту лекцию я тоже уже слышал. Считай меня шушерой, если тебе угодно, но здесь я, по крайней мере, человек, а не нытик с эдиповым комплексом!

— И все же это не жизнь для человека с интеллектуальными…

— И вот еще что: хоть мы и разбабахали банду Шиафази, Сунгар-то по-прежнему в руках кришнян, так что проблема с янру

как была, так и остается. А поскольку Альванди просто-таки фанатичная…

— Гинерхистка?

— Спасибо, — гинерхистка, то она наверняка станет и дальше изготавливать и продавать эту дрянь. Шиафази не устраивал ее вовсе не потому, что продавал янру межзвездным контрабандистам, а потому, что вздумал прибрать к рукам всю торговлю целиком.

— Ну и что? Наше дело — передать эту информацию, куда следует. Остальное за Всемирной Федерацией и Межпланетным Советом.

— Но подумай, насколько все упростится, если я сам буду командовать Сунгаром!

— Ну, будь по-твоему. — Тангалоа повернулся к Штайну, губы которого продолжали выпаливать славянские проклятия с быстротой пулемета. — Пожалуй, лучше нам действительно от него отстать — его укусила муха романтики. Через пару лет ему все это прискучит, и он вернется на Землю. К тому же он влюблен.

— Чего ж ты сразу не сказал! — Штайн вздохнул, как кузнечные мехи. — Вот когда я был помоложе, я тоже бывал влюблен — в трех-четырех сразу. Прощай, мой мальчик! Мне противно твое ослиное упрямство, но я люблю тебя, как сына!

— Спасибо, — проговорил Барнвельт.

— Если через год ты заявишься домой, то сперва я сверну тебе шею, а потом возьму на старую работу. Джордж, какого дьявола мы просиживаем тут штаны и не едем в Новуресифи?

Шесть дней спустя в дамовангскую гавань на полном ходу влетели два корабля. Первый из них был «Яре», а второй — грузовая барка, битком набитая айями, которых Барнвельт приобрел для своего личного войска на часть вознаграждения, полученного от Альванди. При виде флагов, которые реяли на мачтах обоих кораблей, дамовангские обыватели только недоуменно чесали затылки, поскольку это были древние флаги Квириба, отмененные еще королевой Деджанаей в пору основания матриархата.

Уменьшив ход, корабли подошли к свободному причалу. На берег змеей полетел швартов и был тут же подхвачен и закреплен одним из оборванцев, которых полным-полно на любом пирсе в любом портовом городе.

После этого с первого корабля с тяжким топотом сбежала толпа вооруженных людей в доспехах. Портовая публика брызнула по сторонам, визжа, словно стая перепуганных

акебатов.

— Живей разгружай! — рявкнул Барнвельт, закованный в сталь с головы до пят.

Со второго корабля уже торопливо выводили на причал зверей. Как только выгрузка закончилась, наиболее тяжело вооруженные воины Барнвельта вскарабкались им на спины. Некоторых даже пришлось подсаживать.

(После долгого спора между Барнвельтом и Гизилом относительно преимуществ пешего десанта с моря против налета верхами с суши было решено совместить оба способа нападения в один, который можно было бы назвать амфибийно-кавалерийским. Сложнее всего Барнвельту было убедить своих людей надеть доспехи. Будучи в большинстве своем моряками, ко всему этому железу они относились весьма недоверчиво, прекрасно зная, как быстро идут ко дну закованные в броню воители, если их скинуть за борт.)

— За мной! — крикнул Барнвельт. Гизил у него за спиной протрубил в трубу. Колонной по два верховые с грохотом устремились в ближайшую улочку. Вслед за ними поспешили пехотинцы.

— Что сие значит? — послышался чей-то визг, и на пути у захватчиков выросло трио амазонок.

— Квирибские мужчины вернулись, чтобы потребовать назад свое! — ответствовал Барнвельт. — С дороги, девочки, не то получите по мозгам!

Одна из амазонок ткнула было в Барнвельта пикой, но он тут же отрубил от пики наконечник, после чего плашмя огрел по бронзовому шлему. Девица с лязгом покатилась по булыжникам. Пришпорив своего айю, он отвесил шлепок и второй девице. Когда третья сделала попытку улизнуть, он протянул руку и ухватил ее за волосы, выбивавшиеся из-под шлема.

— Минуточку, красотка, — проговорил он. — Скажи, где это тут устраивается свадьба новой королевы и ее консорта?

— В х-храме Матери-Богини, в центре.

— Гизил, показывай дорогу. Да про листовки не забывай!

Некоторые из людей Барнвельта принялись выхватывать из седельных сумок охапки листовок и швырять их в воздух. Листовки гласили:

МУЖЧИНЫ КВИРИБА, ВОССТАНЬТЕ!

Сбросьте оковы!

Настал День Освобожденья!

Сегодня, после пяти поколений женской тирании, бесстрашный отряд изгнанников вернулся в Квириб, дабы

возглавить славную революцию за

РАВНЫЕ ПРАВА ДЛЯ МУЖЧИН!

Вооружайтесь и присоединяйтесь к нам!

Ныне мы снесем с пьедестала страхолюдное изваянье несуществующей кровожадной богини, вырожденческий культ и непотребные ритуалы которые так долго служили предлогом для порочного и неправедного правленья.

Барнвельт едва сдерживал желание бешеным галопом рвануть вперед, оставив пехотинцев позади. Когда колонна, украшенная реющими на пиках вымпелами, уже поднималась по серпантину в утыканный шпилями город на коленях Кунджара, он обернулся и увидел, что вслед за пехотой бестолково поспешает разношерстная толпа обывателей мужского пола, размахивающих ножками от стульев и прочими импровизированными орудиями. Одни при их появлении разбегались, другие сбивались в кучки, с любопытством вытягивая шеи. Мужчины издавали одобрительные возгласы, а женщины грозились кулаками и выплевывали проклятия.

На площади перед храмом Варзаи Барнвельт натянул поводья. На противоположной стороне ее суетились амазонки, выстраиваясь полукольцом перед входом. Командирша носилась взад-вперед, расставляя девиц по местам. Копья они выставили вперед, как в день пиратского налета на Рулинди: те, что во втором ряду, — над головами амазонок в первом, которые встали на одно колено.

Барнвельт махнул Гизилу, чтоб тот придержал своих людей, и рысью пересек площадь.

— Свадьба еще не началась? — крикнул он командирше.

— Вот-вот начнется. А это что еще за явленье?

Барнвельт оглянулся. Логичней было бы начать с обстрела, держа кавалерию в тылу на случай пешей контратаки. Однако лучники и арбалетчики еще только начинали перестраиваться в каре, и на организацию огневой подготовки ушло бы, как минимум, несколько минут. Соображать надо было быстро.

— А ну разойдитесь! — гаркнул он. — Нам нужно пройти.

— Никогда! Мы вызываем вас!

Барнвельт вихрем развернул скакуна и галопом поскакал обратно.

— В каре!

Айю он осадил в самой середине переднего ряда и с лязгом захлопнул забрало.

— Готовы? Шагом!

Цок-цок — защелкали копыта по булыжникам. Было бы

просто прекрасно, если бы такой тактический ход позволил обойтись без кровопролития; но это была Кришна, где страх перед насильственной смертью далеко еще не развился до земного уровня, и психологический момент атаки мог и не сработать.

— Рысью!

Рысь у шестиногих скакунов была тяжелая и тряская, поскольку седло располагалось аккурат над средней парой ног.

— Галопом!

Пики впереди казались жутко острыми. Если девицы не бросятся в последний момент врассыпную, а айя не отпрянут назад, испугавшись этого колючего частокола, получится хорошая свалка. Он очень надеялся, что его не сбросят с седла и не затопчут.

— Наизготовку!

Пики всадников опустились. Грохот шести копыт несущегося галопом айи слился в бешеную барабанную дробь. Барнвельт чуть придержал зверя, пока снова не увидел с боков наконечники соседних копий, — не было смысла вламываться в строй амазонок самым что ни на есть первым.

Строй все приближался и приближался. Ему очень не хотелось ранить смазливую девчонку, оказавшуюся прямо перед ним…

Тресь! Смазливая воительница неожиданно куда-то исчезла. Острие одной пики Барнвельт отбил левой рукой, другое скользнуло вдоль доспехов. Айя его было споткнулся, но тут же снова рванул вперед, бешено натягивая поводья, вплетенные ему в усы. Мгновенье окружающий мир представлял собой невиданную мешанину из амазонок и экс-пиратов. Середина строя амазонок пропала, когда по нему прокатились айи, остальные девицы побросали свои копья и щиты и ударились в бегство.

Мимо проскакал айя без всадника. Спешенный всадник неистово молотил амазонку обломком пики, а на его скакуна уже взбирался кто-то другой. На земле валялась пара убитых айев, несколько амазонок тоже лежали неподвижно.

Подняв забрало, Барнвельт приказал Гизилу трубить отбой, позаботиться о раненых и оцепить площадь вместе с храмом. После этого он завел свой отряд прямиком в главный вход.

Собравшиеся в храме так и застыли на своих местах, когда звери со всадниками в стальных панцирях процокали через центральный зал к тому месту, где тесной кучкой стояли королева Альванди, Зея, Заккомир и несколько жриц Варзаи.

— Спасены! — вскричал Заккомир.

Альванди наконец тоже обрела дар речи:

— Не удастся тебе фиглярское предприятие твое, землянин поганый! Люди мои в клочки тебя разорвут!

— Да ну? Пойдите взгляните, чем заняты ваши люди, мадам.

Он ухмыльнулся ей с высоты седла, развернул айю и сквозь толпу ворвавшихся за ним последователей сопроводил группку к выходу.

— Видали?

Его воины уже выстроились в каре перед порталом, а за ними вся площадь была плотно заполнена квирибцами мужского пола. Перед ними горячо разглагольствовал Гизил, и, судя по тому, как они орали и размахивали своими импровизированными дубинами, речь эта пришлась им весьма по душе.

— Что сим сказать ты хочешь? — проговорила Альванди. — Угрозами не запугать меня, ибо воззрения мои на устройство общественное дороже мне жизни самой!

— Восхищен вашим присутствием духа, мадам, — заметил Барнвельт, — но насчет общественного устройства я бы на вашем месте не выступал. Начать хотя бы с того, что у вас самой права на власть довольно сомнительные, поскольку за всю жизнь вы не снесли ни одного жизнеспособного яйца. За это, если я не ошибаюсь, у вас полагается казнь. — (Королева съежилась.) — Чтобы прикрыть это, вы купили похищенную девочку-землянку, младенца, и выдали ее за собственную дочь. Покажешь, Зея? Вот так!

Он протянул руку ко лбу и сорвал накладные антенны. Зея сделала то же самое.

— А сейчас, — продолжал он, — я не хочу убивать вас только потому, что вас и так ждет плаха согласно вашему же собственному идиотскому закону. Поскольку существующий режим держался только на обмане людей, пришла пора изменить старые порядки, которым придется уступить место новым. Я помогу написать конституцию…

— С собою в качестве правителя? — ядовито поинтересовалась Альванди.

— Ни в коем случае. Мне эта должность нужна, как дырка в голове. Я ограничусь ролью советника — к примеру, посоветую изгнать вас. А потом возьму Зею, пару-тройку кораблей, кое-кого из добровольцев и отправлюсь на Сунгар.

— Но он мой, согласно договору с адмиралами…

— *Был* ваш, вы хотели сказать. Это государственное имущество, и мои последователи, которые одновременно и квирибцы, и сунгарцы, вольные распоряжаться его судьбой, отдали его мне.

Королева повернулась к Зее.

— Ужель, дочка, по своей воле уступишь ты домогательствам нечестивым самохвала сего распутного?

— А почему бы и нет? Не дочь я вам, но существо расы иной, кое, будто марионетку, использовали вы для поддержанья власти собственной. Настолько во лжи вы своей погрязли, что даже к альянсу кровосмесительному понудить меня не погнушались! Предпочитаю супруга я своей породы!

— Заккомир? — обернулась Альванди.

— Я тоже.

— Все супротив меня! — проскрежетала королева, совсем падая духом. Она повернулась к Барнвельту с последним проблеском вызова: — А что с воительницами моими ты сделал, коих похитил столь дерзко? Обесчестил да рыбам скормил?

— Ну зачем же, королева! Все они повыходили замуж за моих бывших пиратов.

Сделав то, что следовало сделать для сохранения порядка в Рулинди — в частности, подвергнув примерному наказанию пару обывателей мужского пола, пытавшихся отпраздновать наступление свободы грабежом магазинов, — Барнвельт навестил Зею в ее покоях. Обретя способность говорить, она произнесла:

— Властитель мой и возлюбленный, ежели и впрямь ты меня любишь, то почему же, ведая о происхождении моем земном, держался ты в стороне, покуда не дошло до тебя посланье Заккомира? Еще мгновение, и навеки были бы скованы мы с ним узами брачными!

— А откуда я мог это ведать? Надеюсь, ты не считаешь, что я способен дергать каждого встречного за антенны, чтобы проверить, хорошо ли они держатся?

— Но я-то догадалась, кто ты такой!

— Как? У меня кончик уха отклеился, или еще что-нибудь?

— Нет, но когда сушили мы платье свое на плоту в Сунгаре, и когда потом еще от сажи отмывались после пожара, узрела я, что имеешь ты пупок!

Барнвельт хлопнул себя по лбу.

— Ну, конечно! Стоило тебе об этом сказать, до меня дошло, что яйцекладущим существам он совсем ни к чему!

— Так вот, зная, что и *ты* видел его у *меня*, решила я, будто тебе все известно, и никак объясненья сыскать не могла робости твоей уклончивой! Может, мыслилось мне, воспитывался в Ньямадзю он с младенчества, как я в Квирибе воспитывалась, и больше кришнянином мнит себя, нежели землянином? Может, лишь колесико он в неком заговоре коварном? Иль, может, просто

уродиною меня считает…

— Уродиной?! Ну знаешь ли, дорогая…

— Во всяком случае, ясней было пиков дарийских, что, тогда как знали мы с тобою истинную расу друг друга, желал ты, тем не менее, чтоб продолжали оба мы кришнянами себя выставлять. И хоть снедало меня любопытство великое, отважилась я не более чем на намек крохотный. Помнишь слова мои, что одной мы с тобою породы?

— Действительно, что-то такое припоминаю, но тогда я просто не въехал. У меня тогда голова была занята… гм… несколько другими вещами.

Он пожирал ее взглядом, пока она не залилась краской.

— И далее, когда намек сей до цели не долетел, будто акебат под стрелою охотника меткого, согласна была я на то, что считала желаньем твоим. Ибо любила и люблю я тебя настолько, что — несмотря на решимость хранить честь мою девичью, как принцессе приличествует — понуди ты меня отдать наипоследнейшую драгоценность мою, не ведала бы я, как тебе отказать.

Барнвельт с несчастным видом вздохнул:

— Теперь я все понял. Считай меня последним идиотом — хотя, пожалуй, во время подобного перехода такая ошибка была только кстати. Но как же ты прятала свой пупок, когда шла купаться или изображала скульптуру в парке?

— Прикрывала я его заплатою накладною, но перед фестивалем отлепила ее, не видя нужды в ней под мантией официальной.

— Ясно. Раз уж пошли признания в жульничестве, то это был никакой не екий на дороге в Шаф, когда ты вздумала от меня уйти. Это я сам рычал.

— Надо же, будто я не знала! — лукаво отозвалась она.

Через некоторое время Барнвельт проговорил:

— А теперь нам нужно решить, каким именно образом мы поженимся — мы ведь поженимся, верно?

— Давно уж я гадаю, когда ж, наконец, до сего ты додумаешься, — произнесла она многозначительно. — Ну что ж, зер, коли хватило ума у тебя, по крайней мере, спросить меня, ответ мой — да и еще раз да. Но за чем же заминка?

— Мы земляне, а я где-то читал, что только земляне могут законно сочетать браком других землян. Единственный, кто может нас окрутить на Кришне с полным юридическим эффектом согласно земным законам, — это комиссар Кеннеди и судья Кешавачандра в Новуресифи. А нам совсем ни к чему делать такой здоровенный крюк, раз мы собираемся в Сунгар.

— А как насчет Кванселя-астролога иль кого-то из жриц?

— Не пойдет. Твой брак с Заккомиром, кстати, тоже не был бы законным. Дай подумать… На Земле есть какое-то правило насчет того, что мужчина и женщина могут законно считать себя мужем и женой, если встанут перед свидетелями и это скажут. Это называется гражданский брак. Такая система есть даже у квакеров[76], а это весьма почтенная публика. Наверное, в качестве свидетелей вполне сгодятся наши квирибские друзья. Подожди здесь.

Через несколько минут он притащил в апартаменты Зеи Гизила, Заккомира и придворного астролога.

Когда они выстроились перед ними, он сказал:

— А теперь встань, дорогая, и дай мне руку — левую. Берешь ли ты, Зея бад-Альванди, меня, Дирка Корнелиуса Барнвельта, себе в мужья?

— Да! Берешь ли ты, Дирк, меня в жены?

— Беру. Этим кольцом, — он стянул с пальца перстень с камерой и надел ей, — я соединяю нас!

И он заключил ее в объятия.

Еще десятиночие, и свежевыкрашенная «Доурия Деджаная» у причала дамовангской гавани приготовилась отдать концы. На корме ее Барнвельт прощался со своими друзьями-кришнянами.

— Мним мы вас мужем скромности нечеловеческой, что возвел в президентство меня заместо того, чтоб самому оный пост занять! — провозгласил Гизил.

— Не забывайте, что я не квирибец, — напомнил Барнвельт. — Всем очень скоро надоело бы правление проклятого землянина, и меня живо бы скинули. А потом, выбрали-то вас.

— Благодаря той конституции, что вы нам составили!

— Ну что ж, вы просили наипоследний образец республиканской конституции, так я такую и написал. Надеюсь, сойдет. Допивайте, ребята, мы отваливаем.

Провожающие сошли на берег. Корабль отошел от причала в сопровождении еще двух, составлявших маленький флот Барнвельта.

Когда из-за расстояния уже нельзя было различить людей на берегу, а солнце опустилось за вершины Зоры, Барнвельт отвернулся, обнял Зею и направился вниз. По пути он приостановился у клетки Фило, чтоб почесать какаду между перьями (королева позабыла прихватить с собой попугая, улепетывая из Квириба), а потом и у клетки со своим недавним приобретением — парой бижаров, купленных в том же зоомагазине в Рулинди, где в свое время он обнаружил потерянного Фил о.

— Думаешь, что новый закон, что дал ты квирибцам, будет незыблем, как скалы харгайнские?

Припомнив замечания Тангалоа относительно базовых культурных представлений, он задумчиво произнес:

— Учитывая тот факт, что у них нет традиции демократического самоуправления, я буду приятно удивлен, если эта новенькая, с иголочки конституция сумеет противостоять человеческим слабостям и амбициям хотя бы несколько лет. Но сейчас, по-моему, это как раз то, что нужно освобожденным бедолагам.

— А что за правленье намерен основать ты в Сунгаре? Послушай-ка, зер, побольше вниманья ко мне и поменьше к зверям сим неразумным, особенно монстру земному, из-за коего носом ты шмыгаешь! При нынешнем количестве собранья твоего предвижу я день, когда величайшую славу Сунгар приобретет как парк зоологический!

— Извини, — ответил Дирк, выдвинул стул и налил ей вина. — Я думаю основать то, что на Земле именуется акционерным обществом, с тобою и мной в качестве держателей большинства акций. Будем капиталистами. Послушай, Зея…

— Да, дражайший Сньол… то есть Дирк.

Он улыбнулся при этой оговорке. Потом ему пришло в голову, что Зея тоже наверняка не ее настоящее имя, хотя, если оно их обоих устраивало, не было смысла выкапывать на свет божий некое полузабытое персидское. При такой куче псевдонимов в их кругу — его собственном, Тангалоа, Гизила — и так уже в голове все путалось. Дабы еще больше усложнить этот вопрос, все поголовно квирибские мужчины поменяли матрилинейные фамилии на патрилинейные.

Не в силах сдержать любопытство, однако, он произнес:

— *Шума фарси харф мизанад?*

Она слегка вздрогнула.

— Вообще-то, да… *Что* это было, любимый? Язык сей мнится мне смутно знакомым, хоть ныне окутан для меня туманом. Спросил ты меня: не могу ли произнести я речь некую?

— Как-нибудь потом объясню, — сказал он, с наслаждением проводя рукой по порядком отросшей щетине на голове. С тех пор как Зея бросила красить волосы, они у нее тоже стали обретать нормальный цвет воронова крыла.

— А почему Альванди взяла земного ребенка, а не кришнянского? — спросил он.

— Взяла поначалу она и впрямь младенца кришнянского, да умер он за десятиночье до церемонии представления наследницы. Так что в спешке великой и тайне Альванди работорговца к себе

вызвала, дабы замену подыскать. Послал он меня, не сказавши, что землянка я, а когда обман сей распознался, поздно уж было, и исчез мошенник с уплатою. Временами гадала я, кто ж родители мои истинные могли быть.

Имелся прекрасный шанс разыграть из себя доброе божество и воссоединить семью, поскольку лично у него не было абсолютно никаких сомнений, что она была дочерью Мирзы Фатаха. Однако спящего эшуна лучше было пока не трогать. Ему хотелось поближе познакомиться с папой Фатахом, перед тем как приглашать его переехать к ним. Из того, что ему приходилось слышать про миссионера, напрашивался вывод, что он вряд ли чем-то лучше его собственной матери или королевы Альванди.

Лихорадочная неделя политиканства практически не оставила ему времени подумать о будущем. С целью финансирования своего сунгарского проекта он заключил со Штайном договор на съемку дополнительного киноматериала и регулярную отсылку его на Землю, в ответ на что Штайн открыл на его имя текущий счет в банке Новуресифи. Тангалоа особенно интересовали кадры и данные, касающиеся хвостатых фоссандеранцев. В то же время «Межроу Гурардена» изрядно потаскала его по квирибским судам за самозванство в роли курьера…

— Дирк, — проговорила Зея. — Хоть и рада я, что все утряслось и теперь мы солидная пара супружеская, недостает мне все ж волненья упоительного побега нашего с Сунгара. Никогда не жила я еще жизнью столь насыщенной! Как думаешь ты, придут ли к нам вновь подобные чувства?

— Выше нос, дорогая, — отозвался он, раскуривая сигару. — Приключения только начинаются.

Кришнянский год спустя в баре «Нова-Йорк» в Новуресифи разглагольствовал какой-то поднабравшийся толстяк:

— На хрен это надо — позволять этим дикарям вытворять, что им вздумается! Давно бы уже послали армию и цивилизовали их к чертовой матери! Пущай устроят тут современный водопровод, демократию, массовое производство и все такое прочее. И религию какую-нибудь поприличней… Слышь, а это что за фрукт? — он ткнул пальцем в долговязого, с лошадиной физиономией землянина в кришнянском наряде, с треугольной зарубкой на левом ухе, который сидел за одним столиком с комендантом Кеннеди и помощником начальника службы безопасности Куштаньозо.

— …Да не приглашал я его! — горячо доказывал долговязый. — Он прочитал про нас в газете, которую издают у

них там в Мише, и просто помножил два на два. И в один прекрасный день я вдруг узнаю, что он сошел с малайерского корабля и всем твердит, что он мой давно потерянный тесть. А поскольку Зея просто от него без ума, теперь от него уже не отделаешься. Вообще-то говоря, против самого Мирзы я ничего не имею, он нас, по крайней мере, окрутил по-человечески, так что прекратилась вся эта болтовня, будто мы, мол, как-то не так женаты. Но вся эта шизовая публика, которая к нему шляется…

— А почему бы вам не запрячь его в работу? — предложил Куштаньозо.

— Обязательно запрягу, как только…

— Это, — ответил спутник толстяка, — знаменитый Дирк Барнвельт, президент Сунгарской корпорации. Он только что провернул крупную сделку с Межпланетным Советом. Хотите познакомиться?

— Ясно дело. Жуть как хочу познакомиться хоть с каким-нибудь *человеком*.

— Э-э, сеньор Барнвельт, разрешите представить сеньора Элиаса. Новичок.

— Рад познакомиться, — отозвался Барнвельт, стискивая пухлую ручку.

— Так вы, выходит, из тех ребят, что живут среди местных?

— Можете понимать и так, — не особо любезно бросил Барнвельт и собрался было отвернуться.

— Без обид, сынок! Меня тут просто интересует, уж не считаете ли вы их лучше наших?

— Нисколько. Кто-то считает, что с ними проще ладить, чем с землянами, кто-то нет. И мне с ними проще, хотя я не нахожу их лучше там, или хуже. Все зависит от конкретного человека.

— Конечно-конечно. Но они ведь жутко примитивные? Национальные суверенитеты, войны, благородство и прочая такая фигня?

— Честно говоря, они мне и такие хороши.

— Да вы, видать, из романтиков?

— Нет, скорей мне нравится быть первопроходцем.

— Первопроходцем!

Толстяк погрузился в туповатое молчание. Барнвельт, сочтя своего нового знакомого невоспитанным и утомительным типом, встал было, чтобы уйти, но Элиас очнулся и спросил:

— А что за новая сделка? Вонг мне что-то там такое говорил.

— Ох! Слышали про Сунгар?

— А-а, такая здоровенная куча тины посреди моря?

— Угу. Там в свое время делали янру из терпалы…

— Слышьте, а я вас знаю — вы тот самый парень, который

удрал с кришнянской принцессой, только потом она оказалась землянкой. Пардон, так чего там со сделкой?

— Ну вот, на Сунгаре теперь хозяйничаю я, так что с производством янру и Кольцом контрабандистов покончено. Однако мне захотелось получить кое-что взамен, так что я убедил М. С. выдать мне разрешение на техническую помощь для основания на Кришне производства мыла. Водоросли дают неограниченное количество поташа, а на Кришне мыла нет. Так что…

Барнвельт вновь сделал попытку удалиться, но толстяк крепко вцепился ему в руку.

— Собираетесь стать мыльным магнатом, выходит? Вот покончите с кришнянами, станут они сплошь цивилизованные вроде нас, и придется вам искать другую немытую планету… Скажите, а давно вы… того… женились на этой даме?

— Около года назад.

— Детишки есть?

— Трое. Вас не затруднит отпустить мою руку?

— Трое. Так-так. Тут это как — годы длинней, чем у нас? Нет, ихний год короче земного. Трое, говорите? Хо-хо-хо…

И без того румяная физиономия Барнвельта стала просто-таки пунцовой, и его костлявый кулак с треском смазал по жирной роже. Элиас отлетел назад, опрокинул стол и рухнул на пол.

— Господи, Дирк! — воскликнул Кеннеди, вскакивая, чтобы вмешаться.

— Пусть попробует еще выступать насчет моей жены, — проворчал Барнвельт.

— Но погодите, — встрял спутник толстяка, — я все-таки не улавливаю. Вы вправду сказали «трое», так что, сами понимаете…

Барнвельт резко обернулся к нему:

— У нас тройня. Что в этом смешного?

УКАЗАТЕЛЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ (комментарий переводчика)

Бак — носовая часть палубы.

Бакштаг — курс, промежуточный между курсами *фордевинд* и галфвинд.

Бейдевинд — курс, при котором парусное судно движется против ветра под углом к нему: используется для лавировки.

Бейфут — снасть, крепящая середину реи к мачте.

Бреге — снасть, которая крепится к концу реи и служит для управления парусом наряду со шкотами.

Ванты — снасти, при помощи которых раскрепляется мачта.

Выбленхи — тросовые или деревянные ступеньки, привязанные к вантам.

«Высота» — положение судна относительно какого-то ориентира (например, другого судна) с учетом направления ветра; *«набрать высоту»* — подняться против ветра.

Галс — положение судна относительно ветра (правый галс — когда ветер дует справа, левый — слева); нижний передний угол паруса.

Галфвинд («полветра») — курс, при котором ветер дует перпендикулярно борту.

Гак — горизонтальное рангоутное дерево, шарнирно крепящееся к мачте.

Квадрант — старинный угломерный астрономический инструмент, служивший для измерения высоты небесных светил над горизонтом и угловых расстояний между светилами.

Косое парусное вооружение — в отличие от прямого, позволяет двигаться и в лавировку против ветра.

Крутизна хода — угол между курсом судна и направлением ветра при движении в *бейдевинд;* чем он меньше, тем выше лавировочные качества судна.

Лавировать — зигзагообразно двигаться против ветра курсом *бейдевинд*, меняя галсы.

Люверс — металлическое кольцо, которым укрепляют отверстие в парусе от разрыва и перетирания.

Набивать снасть — сильно натягивать.

Оверштаг — поворот, при котором нос судна пересекает линию ветра; служит для смены галсов на лавировке.

«Полветра» — см. галфвинд.

Полуют — приподнятая относительно основной палуба в корме.

Порт — отверстие в борту, как правило, прямоугольное.

Прямое парусное вооружение — вооружение, позволяющее ходить курсами не круче галфвинда; пригодно лишь при попутном ветре.

Пяртнерс — отверстие в палубе для мачты.

Румб (угловая величина) — 11° 5*.

Сезень — снасть, при помощи которой парус притягивается к рее при его убирании.

Стеле — гнездо, в которое вставляется шлор мачты; устанавливается на киле в трюме.

Табанить — грести назад; тормозить веслами.

Топ — верхушка мачты.

Травить снасть — отпускать.

Фал — снасть, служащая для подъема паруса на мачту.

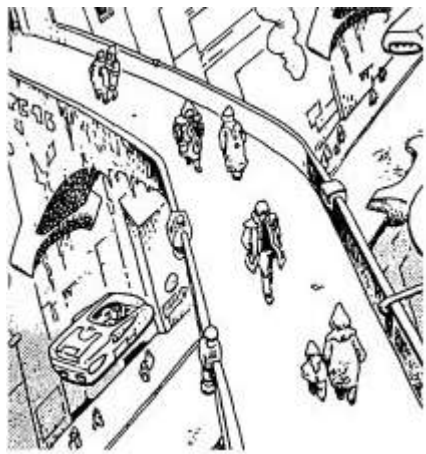
Фордевинд — курс, при котором ветер дует прямо в корму судна, движение с попутным ветром; поворот, при котором корма судна пересекает линию ветра при смене галса на курсе бакштаг.

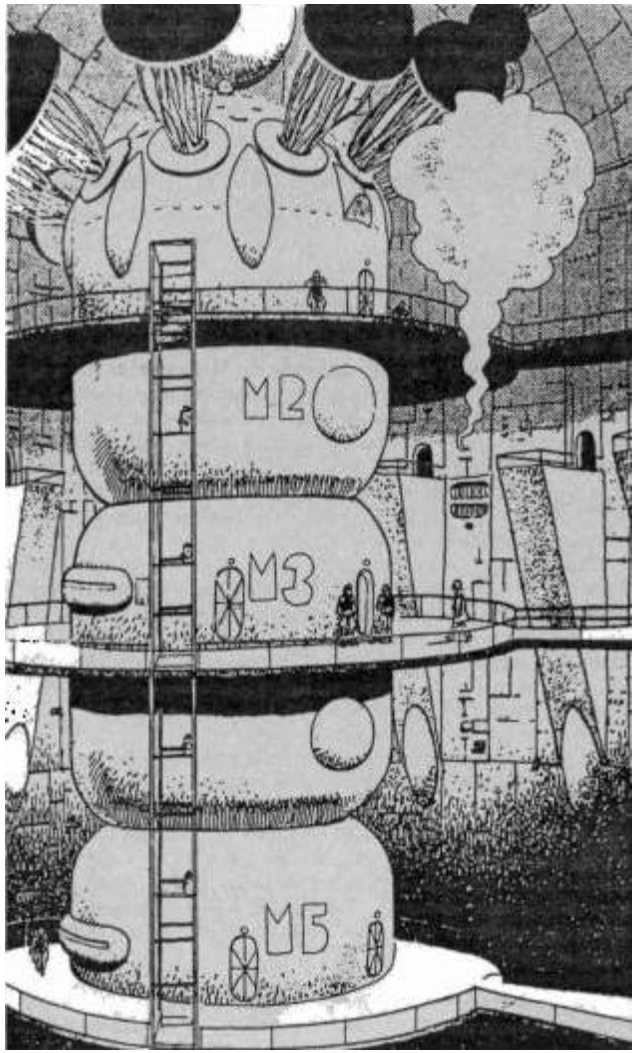
Шкаторина — кромка паруса.

Шкот — снасть, служащая для управления парусом.

Шпор — нижний конец мачты.

Ют — кормовая часть палубы.




M2
M3
M5

Башня Занида
(Перевод К. Фенлар)

Глава 1

Доктор Джулиан Фредро встал с койки, покачнулся, но быстро выпрямился, вновь обретя равновесие. Медицинская сестра из Новуресифи, хлопотавшая около него, убрала аппаратуру. Свет в комнате перестал мигать, а вещи прекратили свое вращение и приобрели привычную устойчивость. Правда, все еще чувствовалось легкое головокружение.

Дверь распахнулась, и в комнату с полными руками бумаг вошел Геркулио Куштаньозо, похожий на белку офицер службы безопасности земного космопорта.

— Здравствуйте, сеньор Джулиан, — начал он на бразильско-португальском варианте межпланетного языка, укладывая гору документов на стол. — Все в порядке, но вам не мешает еще раз самому проверить. Вот ваши бумаги на разрешение посетить Гозаштанд, Микарданд, вольный город Маджбур, Квириб, Балхиб, Замбу и все прочие дружественные государства Кришны, с которыми у нас имеются дипломатические отношения.

— Хорошо.

— Я думаю, нет необходимости напоминать вам о Положении № 368 Устава, запрещающем передавать сведения о земной науке и изобретениях туземцам планет класса «Х». Псевдогипноз, которому вы только что были подвергнуты, эффективно предотвратит осуществление такого намерения, даже если оно у вас и появится.

— Простите, — сказал Фредро на португальском языке с легким польским акцентом, — но ваша страсть к секретности похожа, как говорят англичане, на стремление скрыть всем давно известное.

Куштаньозо пожал плечами:

— Что я могу сделать? Утечка сведений произошла до того, как был изобретен псевдогипноз. Вы знаете, он появился всего несколько десятилетий назад, после того, как была завершена работа Сан-Реми о телепатических свойствах осириан и опубликованы ее результаты. Когда мой предшественник Абреу был офицером службы безопасности, мы с ним своими руками разрушили пароход, построенный каким-то землянином для Ферриана, пандра острова Сотаспе.

— Должно быть, это было весьма волнующим приключением, — скучающим тоном поддержал беседу Фредро.

— Волнующим — это не то слово, сеньор доктор Джулиан, — сказал Куштаньозо с яростным жестом. — Самое удивительное, что кришняне все-таки многого не усвоили: винтовок, например,

или машин. Конечно, некоторые требуют, чтобы они лишились своей туземной оригинальности… Кстати говоря, о принце Ферриане: вы посетите Сотаспе? Он все еще правит этим островом. Весьма яркая личность!

— Нет, — ответил Фредро, — я иду в противоположном направлении, в Балхиб.

— Вот как? Тогда желаю вам приятного путешествия. Могу ли я спросить, чего вы надеетесь достичь в Балхибе?

Глаза Фредро неожиданно сверкнули, как у алкоголика, увидевшего бутылку виски после многих дней воздержания.

— Я хочу разрешить загадку Сафка.

— Вы имеете в виду ту самую колоссальную искусственную спиралевидную раковину?

— Конечно. Исследование Сафка будет достойным завершением моей карьеры. После этого я уйду в отставку — мне уже почти двести лет — и проведу остаток своих дней, играя со своими пра-пра-правнуками и снисходительно посмеиваясь над работами молодых коллег. Благодарю вас за вашу любезность, сеньор Геркулио. Я иду осматривать достопримечательности, а вы остаетесь здесь, как голландский мальчик с пальцем во рту.

— Вы хотели сказать — с пальцем в дамбе… Обескураживает, — печально заметил Куштаньозо, — когда видишь, что дамба расползается во многих местах. Технологическая блокада могла бы быть успешной, если бы с самого начала проводилась решительно и если бы тогда у нас был псевдогипнотический метод Сан-Реми. Но вы, сеньор, увидите меняющуюся Кришну. Возможно, это интереснее.

— Поэтому-то я и нахожусь здесь. До свидания, сеньор.

* * *

Наступил праздник Анерика, и любящий веселье народ Занида отмечал радостное событие на пыльной равнине к западу от города.

Поперек мелкой и мутной Эсквы был огорожен участок равнины более одного квадратного ходда. В одном углу этого пространства молодые кришняне состязались в верховой езде на шомалах и айях, а также в скачках на различных типах колесниц. В другом — под звуки труб и цимбал маршировали отряды копьеносцев. Рокир — звезда Тау Кита — ярко сверкал на полированных шлемах и щитах. Кое-где рыцари в доспехах пытались сбить друг друга с седел длинными острыми пиками,

выбивая искры копытами лошадей.

На поле для игры в минашт шло состязание, и каждый раз, когда команда Занида захватывала узорчатое полотно команды гостей из Луссара, толпа болельщиков приветствовала успех оглушительными криками. Личный оркестр короля Кира играл на помосте, возвышавшемся среди океана всевозможных лавочек и палаток. В них можно было починить обувь и вычистить одежду, подстричь волосы и купить пищу. Здесь предлагали напитки, табак, ювелирные изделия, шляпы, одежду, мечи, стрелы, инструменты, медные и глиняные изделия, медикаменты (большей частью бесполезные), книги, картины, изображения божков, амулеты, яды, семена, сосуды, светильники, ковры, мебель и множество других предметов. Жонглеры изумляли ловкостью, акробаты проделывали головокружительные трюки, танцоры показывали свое искусство, актеры расхаживали с напыщенным видом, а какие-то люди передвигались на ходулях. Музыканты гремели, певцы напрягали голоса, иногда заглушая музыку, поэты выкрикивали свои вирши, рассказчики излагали очередную выдумку, фанатики разглагольствовали. Шуты громко отпускали шутки, колдуны заклинали злых духов огнем, матери с криками разыскивали своих детей.

Среди собравшихся встречались не только кришняне, но и представители других миров. Два осирианина, похожие на маленьких двуногих динозавров с чешуйчатым туловищем, расписанным сложным узором, возбужденно бросались из стороны в сторону, стараясь не пропустить что-нибудь интересное. Три обросших мехом тотианина с глазами-бусинками обыгрывали туземцев в азартные игры дюжины планет, нисколько не смущаясь малым ростом — вполовину ниже кришнян. Похожий на кентавра вишнуванин мрачно жевал зелень из большого кожаного мешка. Была здесь и рассудительная супружеская пара ормаздиан, головы которых украшали большие гребни. Их карминовая кожа была полностью обнажена, если не считать сандалий и узкой накидки, свисавшей со спины. И, конечно, не обошлось без группы одетых в брюки земных туристов, увешанных камерами в маленьких кожаных чехлах.

Кое-где виднелись и земляне, облаченные в кришнянские наряды, то есть набедренную повязку от талии до колен и туземный головной убор наподобие тюрбана. Несколько десятилетий назад они замаскировались бы, покрасив волосы в зеленый цвет, прикрепив большие остроконечные искусственные уши и прикрепив ко лбу пару перьевых антенн. Эти органы обоняния кришнян напоминали вторые брови, начинавшиеся у внутренних концов настоящих бровей.

Один землянин, одетый в слишком просторную для него кришнянскую накидку, прогуливался вдоль настила с оркестром как будто без особой цели. Его полосатая рубашка или туника носила следы множественных аккуратных починок, а обыкновенная кришнянская рапира свисала вдоль бедра. Для землянина он был довольно высок — достигал примерно среднего кришнянского роста, а кришняне, на земной взгляд, громадины. Эта гуманоидная раса отличалась оливково-зеленым цветом кожи и плоским лицом, напоминающим монголоидный тип внешности земных обитателей.

Однако этот человек, явно принадлежал к европейцам. Его волосы, подстриженные в балхибском стиле, поседели на висках. Породистый орлиный нос в молодые годы, несомненно, придавал его лицу энергичность и привлекательность, теперь же мешки под налитыми кровью глазами и сеть из мелких красных сосудов, покрывающая лицо, портили внешний вид. Если бы он никогда не принимал лонговита (препарата, при помощи которого земляне втрое увеличивали продолжительность жизни), то ему можно было бы дать около сорока лет. На самом деле ему недавно стукнуло девяносто четыре.

Это был Энтони Фаллон из Лондона. Некоторое время он пробыл королем острова Замба в море Садабао, и мог бы оставаться им до сих пор, если бы его не подвело излишнее высокомерие: с отрядом наемников и двумя десятками пулеметов, провезенных контрабандой, он напал на могучую империю Гозаштанд.

Такой поступок не мог не вызвать гнева Межпланетного Совета. МС в свое время объявил технологическую блокаду Кришны, чтобы уберечь воинственных, но не имевших промышленности туземцев этой прекрасной планеты от овладения мощным разрушительным оружием, пока успехи культуры и цивилизации на планете не достигнут того уровня, при котором технический прогресс, если и не становится полностью безопасным, но попадает под разумный контроль. Ясно, что в подобных обстоятельствах ввоз пулеметов был строжайше запрещен.

В результате Фаллона свергли с трона и посадили в тюрьму в Гозаштанде. Много лет он провел в заключении в состоянии каталептического транса, пока его вторая жена Джульнар, под давлением властей вынужденная улететь на Землю, не вернулась на Кришну и не добилась его освобождения. Оказавшись на свободе, Фаллон попытался вернуть себе трон, но потерпел неудачу, которая усугубилась гибелью Джульнар.

Теперь он проживал в Заниде, столице Балхиба.

* * *

Фаллон прошел мимо здания префектуры, с центральной колонны которого свисал слегка колеблемый ветром черно-зеленый флаг Кира, доура Балхиба. Ниже вывесили специальный флаг праздника с изображением шена Мутаабка, дракона экваториальных лесов, на котором, согласно легенде, полубог Анерик много тысячелетий назад въехал в Балхиб, неся просвещение. Пройдя сквозь путаницу лавок, Фаллон снова поравнялся с настилом. Оркестр слаженно играл марш, сочиненный триста лет назад земным композитором по имени Шуберт.

Музыку Шуберта заглушал громкий голос с земным акцентом. Фаллон взглянул в том направлении, откуда шел голос, и увидел землянина, влезшего на высокий ящик и произносившего речь на ломаном балхибском:

— … бойтесь гнева единого Бога! Ибо этот Бог ненавидит зло, особенно грех идолопоклонства, фривольности и нескромности, к которым так склонны вы все, балхибцы. Я должен спасти вас от этого гнева. Покайтесь, пока еще не поздно! Разрушьте храмы ваших лживых богов!..

Фаллон слушал недолго. Говоривший был дородным человеком в черном земном костюме, его невыразительное лицо искажал огонь фанатизма, а длинные черные волосы потными прядями выбивались из-под белоснежного тюрбана.

Оратор метал громы и молнии и особенно был разгневан женским национальным нарядом Балхиба, состоявшим из короткой плиссированной юбки и небольшого платка на плечах. Фаллон узнал представителя широко распространенной синкретической секты церкви вселенских монотеистов. Эта доктрина появилась на Земле в Бразилии, вскоре после окончания третьей мировой войны.

Кришнянская аудитория больше забавлялась, чем внимала.

Устав слушать стандартный набор обличений и призывов ограниченного фанатика, Фаллон более целеустремленно двинулся дальше. Путь ему преградила триумфальная процессия с поля минашт. Болельщики торжественно несли на плечах капитана местной команды с рукой на перевязи. Когда дорога освободилась, Фаллон прошел мимо тира, где кришняне всаживали в цель белые стрелы, и остановился перед палаткой с надписью по-балхибски:

«ТУРАНЖ — ЯСНОВИДЕЦ

Астролог, гадальщик по стеклу, некромант, одомант.
Вижу все, знаю все, говорю все. Предсказываю будущее,
обнаруживаю возможности, предотвращаю несчастья,
отыскиваю утерянное, помогаю в сватовстве,
разоблачаю врагов.
Позвольте мне помочь вам!»

Фаллон просунул голову в дверь палатки. Ее внутренность была разделена на две части, в меньшей на небольшой подушечке сидел морщинистый кришнянин и курил длинную сигару.

На беглом балхибском Фаллон сказал:

— Привет, Квейс, старина!

— В Балхибе я Туранж, — резко прошипел кришнянин. — Не забывайте этого, зер!

— Значит, Туранж. Могу я войти, о ясновидец? — Фаллон придал голосу почти неуловимую насмешливость.

Кришнянин стряхнул пепел с сигары.

— Конечно, можете, сын мой. Почему вы пришли ко мне? — громко ответствовал маг и астролог.

Фаллон закрыл за собой дверь.

— Вы знаете, о прозорливый… Если вы укажете мне путь…

(Хотя дверь и была закрыта, мимо нее могли проходить не в меру любопытные люди.)

Туранж, ворча что-то, встал и провел Фаллона в большую часть палатки, где между подушками стоял стол. Каждый взял себе по подушке, и Туранж (или Квейс из Бабаала, как он был известен в своем родном Кваасе) сказал:

— Ну, Энтони, дитя мое, что интересного у тебя?

— Вначале позволь взглянуть на деньги.

— Ты так же скупишься со своими новостями, как Дакхак с золотом.

Квейс извлек шкатулку, со звоном поставил ее на стол, открыл крышку и достал с десяток десятикардовых монет:

— Теперь все в порядке? Продолжай.

Фаллон подумал, потом начал:

— Кир глупеет. Он решил, что его оскорбляет борода посла республики Катай-Джогорай. В сравнении с бородами землян ее едва можно было заметить, но король приказал отрубить послу голову. Затруднительное положение, не правда ли? Особенно для бедного посла. Все, что мог сделать Чабариан, это побыстрее вытолкать несчастного посла за дверь и отправить его паковать

вещи, одновременно уверяя доура, что жертва уже обезглавлена.

Квейс хихикнул:

— Я рад, что не служу министром у короля более глупого, чем Джедик, пытавшийся заарканить луну. Почему Кир так раздражается при виде бороды?

— О, разве ты не знаешь этой истории? У него самого была борода в 12 или 14 волосинок. А потом Великий Магистр Микарданда отправил на поиски приключений одного из своих рыцарей, с точно такой же бородой. Кир где-то увидел рыцаря и разозлился. Мстя Микарданду, он причинил ему множество неприятностей, так что Джувиам вынужден был вмешаться и дать ему хороший урок. Кир всегда был эксцентричным, но теперь у него явно винтика в голове не хватает.

Квейс протянул ему две золотые монетки.

— Одна — за новость о сумасшествии Кира, другая — за рассказ, откуда бы ты его ни взял. Камуран получит от него удовольствие. Но продолжай.

Фаллон вновь задумался:

— Существует заговор против Кира…

— Они всегда существуют.

— Похоже, на этот раз все серьезнее, чем обычно. Есть парень по имени Чиндор, Чиндор бад-Квинан. Он племянник одного из мятежных дворян, уничтоженных Киром за противодействие отмене феодальных владений. Этот мальчик собирается свергнуть с трона Кира, как он клянется, из благородных побуждений.

— Они всегда так клянутся, — пробормотал Квейс.

Фаллон пожал плечами:

— Возможно, у него на самом деле бескорыстные мотивы, кто знает? Я знаю его как честного человека. Как бы то ни было, Чиндора поддерживает один из новых магнатов, выходцев из среднего класса, Лийяра-медеплавильщик. Говорят, Чиндор обещал ему ввести протекционный тариф против медных изделий Мадхика в благодарность за поддержку.

— Еще одно земное усовершенствование, — ворчливо сказал Квейс. — Если так будет продолжаться и дальше, нарушится торговля по всей планете. Подробности известны?

— Никаких, кроме того, что я рассказал. Если ты оценишь эти сведения, я покопаю еще. Чем лучше оценишь, тем глубже буду копать.

Квейс протянул еще одну монету.

— Копай, а потом мы оценим, сколько это стоит. Есть еще что-нибудь?

— Некоторое беспокойство вызывают земные миссионеры, космотеисты, монотеисты и другие. Местные знахари

натравливают на них свою паству. Чабариан старается защитить их, так как опасается Новуресифи.

Квейс улыбнулся.

— Чем больше таких беспокойств, тем для нас лучше. Что еще?

Фаллон протянул руку ладонью вверх и пошевелил пальцами, на что собеседник заметил:

— Новости незначительные, я знаю их и сам, потому и плата маленькая.

Он положил пятикардовую монету в протянутую ладонь. Фаллон нахмурился.

— О мудрец, я знал бы гораздо больше, но моя маскировка несовершенна из-за отсутствия у тебя щедрости.

Он спрятал монету и продолжал:

— Жрецы Бакха начинают новую кампанию против культа Ешта. Бакхиты обвиняют ештитов в человеческих жертвоприношениях и тому подобных мерзостях. Обвиняют еще и в том, что те, как представители государственной религии, не смогли искоренить культ бога тьмы. Они надеются застать Кира в одном из припадков сумасшествия и заставить его разорвать договор, заключенный его дядей Биладом, по которому Сафк отдается ештитам в вечное пользование.

— Гм, — сказал Квейс, протягивая еще одну десятикардовую монету: — Еще что?

— Не сейчас.

— Кто построил Сафк?

Фаллон изобразил кришнянский эквивалент пожатия плечами:

— Бог его знает! Вероятно, в библиотеке можно откопать что-нибудь об этом.

— Ты бывал в этом сооружении?

— Ты считаешь меня дураком? Тот, кто хочет сохранить свою голову, не сунет ее туда, если он не провозглашен ештитом.

— До нас дошли слухи, что в этом Сафке творятся странные вещи, — заметил Квейс.

— Ты считаешь, что ештиты делают то, в чем их обвиняют бакхиты?

— Нет, дошедшие до меня слухи не о религиозных делах. Я не знаю, что делают ештиты. Но говорят, что в этом зловещем сооружении разрабатываются планы, как погубить империю Кваас.

Фаллон вновь пожал плечами, слушая.

— Попытай счастья. Правдивое и подробное сообщение о том, что происходит в Сафке, стоит тысячу кардов. И не говори мне,

что не возьмешься за это. За золото ты сделаешь все, что угодно, — уверенно сказал Квейс.

— Не возьмусь даже за миллион кардов, — отказался Фаллон.

— Клянусь зелеными глазами Хои, ты возьмешься! Камуран настаивает.

Фаллон подумал, что бы он мог сделать с золотом могучего Камурана из Квааса.

— Послушай, — уговаривал его собеседник. — За это золото ты купишь достаточно мечей, чтобы вернуть себе трон Замбы. Разве не к этому ты стремишься все эти годы?

— Не только к этому. Разложившемуся трупу все равно: на троне он или нет.

— Но разве не этой цели ты добиваешься много лет, подобно Карару, совершившему свои девять подвигов?

— Да, но годы сделали меня предусмотрительным. Я не пообещаю даже обсудить с тобой это предприятие, пока не буду точно знать заранее, что встречу в этом строении. Я имею в виду план здания, а также расписание всей его деятельности.

— Если бы я имел эту информацию, мне не нужно было бы нанимать землянина, чтобы он совал свой нос в чужие дела, — Квейс в раздражении плюнул на пол. — Ты упускаешь прекрасную возможность. Вы, земляне, иногда сбиваете меня с толку. Может, я дополняю предложение…

— К Хишкаку это предложение! — выпалил Фаллон, вставая.

— Где я найду тебя в следующий раз?

— Я буду в Заниде еще день или два. Ты сможешь увидеть меня на постоялом дворе «Ташин».

— Это там, где останавливаются игроки и шуты? — пренебрежительно бросил Квейс.

— А разве я не играю роль одного из них?

— Вы играете ее весьма натурально, маэстро! — его заявление прозвучало довольно грубо.

— Гм, однако никто не знает, кто я на самом деле, поэтому попридержи свой ядовитый язык. Прощай!

Фаллон резко повернулся и вышел на яркий свет Рокира. В уме он взвешивал результаты: 45 кардов — достаточно, чтобы он и Гази продержались некоторое время. Но совсем мало для того, чтобы начинать возвращение трона.

Фаллон хорошо знал свои слабости. Если удастся получить большую прибыль, на что он не переставал надеяться, придется спешно нанять воинов и с их помощью постараться быстро вернуть себе трон. Иначе деньги проскользнут у него сквозь пальцы, как вода. Ему очень хотелось получить тысячу кардов, о

которой говорил Квейс, но пробираться в Сафк — это уж слишком. Многие пытались сделать это, а конец был у всех один.

Фаллон остановился возле одной из лавок и купил бутылку квада, самого крепкого кришнянского напитка, напоминавшего по вкусу разбавленную водку. Как и большинство землян, живущих на Кришне, он предпочитал этот напиток всем остальным. Вкус не имел значения, он хотел напиться, чтобы забыть свои неприятности хотя бы на время.

— О, Фаллон! — произнес резкий, язвительный голос.

Фаллон обернулся. Его первое опасение оправдалось. Рядом стоял другой землянин: высокий, стройный, чернокожий, с курчавыми волосами. Помимо балхибской накидки на нем был новый земной костюм. Своим резким голосом, четкими жестами и живыми манерами он составлял полную противоположность Фаллону. У землянина был вид человека, уверенного в себе и сознающего свое превосходство над остальными. Это был Перси Мжипа, консул Всемирной Федерации в Заниде.

Лицо Фаллона приняло уклончиво-бессодержательное выражение. По определенным причинам он не любил Перси Мжипу и не мог заставить себя лицемерно улыбаться этому человеку. Он просто сказал:

— Хэлло, мистер Мжипа!

— Чем вы заняты сегодня? — спросил Мжипа на беглом английском, но с акцентом, шедшим из его родного языка банту.

— Ем лотос, старина, всего лишь ем лотос.

— Не согласитесь ли вы пройти со мной в префектуру? Я хотел бы познакомить вас с одним человеком.

Заинтригованный Фаллон последовал за Мжипой. Он прекрасно знал, что не относится к числу тех людей, которыми Мжипа мог бы похвастаться и продемонстрировать какой-нибудь заезжей шишке как пример землянина, приносящего добро Кришне.

Они миновали тренировочную площадку, где маршировали отряды гражданской гвардии Занида: взводы копьеносцев и алебардщиков. Их строевая выправка была несовершенной, недоставало глянца профессионалов Кира, но и они выглядели внушительно в своих алых туниках под кольчугами.

Мжипа взглянул на Фаллона:

— Я думал, вы тоже в гвардии.

— Верно. Сегодня вечером патрулирую. Кошачьей походкой…

— Тогда почему вы не на параде?

Фаллон улыбнулся:

— Я в отряде, где половина гвардейцев — не кришняне. Можете себе представить землянина, кришнянина, осирианина и

тотианина, шагающих на параде в одном строю в ногу?

— Зрелище пугающее. Что-то вроде симптомов тяжелого похмелья или ужасов ТВ, — согласился землянин.

— А как насчет восьминогого осидианина?

— Думаю, ему можно было бы поручить нести флажок, — сказал Мжипа улыбаясь, и они прошли мимо. Теперь они поравнялись с земным миссионером, все еще вещавшим с ящика.

— Кто это? — спросил Фаллон. — Мне кажется, он ненавидит все.

— Его зовут Вагнер, Уилком Вагнер. Американец, вселенский монотеист.

— Вклад Америки в межпланетные недоразумения, не так ли?

— Можно сказать и так. Самое странное, что он известный авантюрист. Его настоящее имя Даниэль Вагнер по прозвищу Унылый Дэн. На многих планетах он известен как отъявленный мошенник.

— Что же с ним случилось? Бросил свое занятие?

— Да, сидя в новуресифийской тюрьме, решил замолить свои грехи. Когда вышел оттуда, вселенские монотеисты нуждались в миссионерах на Западе. Вот они и послали его. Но сейчас он еще худшая помеха, чем раньше.

Тень беспокойства промелькнула на темном лице Мжипы:

— Эти парни доставляют мне большую головную боль, чем такие обманщики, как вы.

— Обманщики? Дорогой Перси, вы удивляете меня, более того, вы меня обижаете. Никогда в жизни я…

— Идемте, идемте! Я знаю о вас все. Или, точнее, — справедливости ради поправился Мжипа, — гораздо больше, чем вы думаете.

Они приблизились к большой, увенчанной флагом палатке. Африканец ответил на приветствия часовых с алебардами, охранявших вход в павильон, и вошел. Фаллон проследовал за ним по путанице коридоров в комнату, отведенную для консула на время праздника. Здесь сидел плотный, почти квадратный морщинистый человек со щетинистыми, коротко подстриженными волосами, вздернутым носом, широкими скулами, невинными голубыми глазами и белыми усами с эспаньолкой. Он был тщательно одет как землянин-турист. Когда они вошли, морщинистый встал и вынул изо рта трубку.

— Доктор Фредро, — сказал Мжипа, — вот нужный вам человек. Его зовут Энтони Фаллон…

— Спасибо, — пробормотал Фредро, слегка наклонил голову и полузакрыл глаза, как от яркого света.

Мжипа продолжал:

— Доктор Фредро прибыл для археологических исследований. Он самый неутомимый из туристов, каких мне приходилось встречать.

Фредро сделал протестующий жест и заметил по-английски, но со славянским акцентом:

— Мистер Мжипа преувеличивает, мистер Фаллон. Я нахожу Кришну интересной планетой, только и всего. Поэтому я и хочу использовать удобный момент.

— Он меня загонял, — вздохнул Мжипа.

— О, это преувеличение, — сказал Фредро. — Мне нравится изучать язык тех стран, которые я посещаю, и общаться с туземцами. Сейчас я изучаю язык. Что же касается туземцев… О, мистер Фаллон, не знаете ли вы в Заниде кого-нибудь из философов? Мистер Мжипа знакомил меня с солдатами, дворянами, купцами, рабочими, но только не с интеллектуалами.

— Боюсь, что нет, — ответил Фаллон. — Кришняне не особенно интересуются вопросами разума, особенно балхибцы, которые считают себя очень практичным народом. Единственным же философом, которого я знал, был Сэйнэйн бад-Сабзован при дворе доура Гозаштанда. И я никогда не понимал его.

— А где сейчас этот философ? — поинтересовался Фредро.

Фаллон пожал плечами:

— Там же, где прошлогодний снег.

Мжипа подытожил:

— Ну что ж, я уверен, что вы сумеете показать доктору Фредро множество интересных вещей. Его особо интересует одна достопримечательность, которую не посещают обычные туристы.

— Что же это? — равнодушно спросил Фаллон. — Если вы имеете в виду усадьбу мадам Фаруди в Изенду…

— Нет, нет, ничего подобного. Он хочет, чтобы вы проводили его в Сафк.

Глава 2

Фаллон удивленно уставился на собеседников, потом воскликнул:

— Что?!

— Я сказал, — повторил Мжипа, — что доктор Фредро хочет, чтобы вы провели его в Сафк. Вы, конечно, знаете, что это такое?

— Конечно. Но что, во имя Бакха, хочет он там делать?

— Если… если позволите объяснить, — заявил Фредро, — я археолог.

— Один из тех парней, что откапывают куски разбитой сахарницы и восстанавливают по ним историю империи Калвм? Продолжайте, я понимаю.

Доктор несколько раз нервно свел и развел руки. Казалось, он мучительно подбирает слова.

— Послушайте, мистер Фаллон. Постарайтесь представить себе отчетливо то, что я сейчас скажу. Вы знаете, что на Кришне ведется большой эксперимент.

— Ну и что?

— Межпланетный Совет своей технологической блокадой пытается защитить население этой планеты от слишком быстрых культурных изменений. Конечно, полностью это не удается. Некоторые земные изобретения и… гм… обычаи просочились до того, как был открыт псевдогипноз, а другие — например, печатные машины — разрешается ввозить. Итак, сегодня мы видим… как бы это сказать… мы являемся свидетелями постепенного разрушения туземной культуры под воздействием Земли. Чрезвычайно важно, чтобы вся информация о туземной культуре и истории была собрана поскорее, пока этот процесс не завершился.

— Почему?

— Потому что первым следствием подобных культурных сдвигов является пренебрежение прошлым, отсутствие почтительного, благоговейного отношения к национальным традициям, истории, памятникам, реликвиям — и всему в этом роде. И, наоборот, появляется преклонение перед явлениями, характеризующими… гм… хорошо развитую индустриально-научную культуру.

Фаллон начал нетерпеливо ерзать. Из-за многосложных абстракций и заметного акцента он не был уверен, что воспринимает хотя бы половину из сказанного Фредро.

А тот продолжал:

— Например, в XIX столетии в Египте собирались разрушить

великую пирамиду Хуфу, а ее камни использовать для воздвижения каких-то промышленных зданий европейского типа.

— Да, да, да, но какое это имеет отношение к нашей попытке сунуть голову в петлю? Я знаю, что существует культ, ссылающийся на размеры и устройство этого сооружения… Как их называют, Перси?

— Неофилософское общество, — сказал Мжипа, — или, как называет себя его кришнянская ветвь, Межраф Джанджира.

— Что это? — спросил Фредро.

— О, они верят, что на каждой планете есть свой памятник — типа египетских пирамид, о которых вы упомянули, или Башни Богов на Ормазде. Они убеждены, что по размерам и устройству такого памятника можно предсказать будущее планеты. Последователи учения считают, что эти сооружения построены могущественной космической расой задолго до начала письменной истории. Эта раса знала будущее, так как умела путешествовать во времени. Естественно, что они признали таким сооружением на Кришне Сафк.

Фаллон заметил:

— Я не ученый, доктор Фредро, но мне все же не верится, чтобы вы серьезно воспринимали эти рассказы. Должен сказать, вы не выглядите чокнутым, хотя бы внешне.

— Конечно, нет, — сказал Фредро.

— Тогда почему вам так хочется попасть внутрь? Вы там ничего не найдете, кроме нескольких каменных коридоров и помещений, приспособленных для ештитских обрядов…

— Видите ли, мистер Фаллон, — ответил ему Фредро, — ни один землянин не бывал там, а такое посещение могло бы во многом прояснить калвмский и докалвмский периоды кришнянской истории. Если мы сейчас в нем не побываем, то потом балхибцы, вероятно, разрушат его вместе со всей своей культурой.

— Прекрасно, старина. Не то чтобы я заинтересовался этими древностями, но я вас понимаю. Вам должно быть очень интересно.

— Благодарю вас.

— Но, если вы хотите рисковать головой, делайте это без меня.

— Но, мистер Фаллон…

— Не интересуюсь. Решительно, окончательно, абсолютно.

— Но ваша помощь будет оплачена. Мне выделили небольшой фонд для оплаты услуг туземных помощников…

— Вы забываете, — резко прервал его Мжипа, — что мистер Фаллон, несмотря на его образ жизни, не кришнянин.

— Оставьте, — сказал Фаллон, — я не обижаюсь. Я не разделяю предубеждений Перси по поводу кришнян.

— У меня нет предубеждений, — возразил Мжипа. — Некоторые из моих лучших друзей — кришняне. Но другой народ есть другой народ, и это всегда нужно иметь в виду.

— То есть они хороши, пока знают свое место, — бросил Фаллон, зло улыбаясь.

— Я не стал бы так это формулировать, но по сути так оно и есть.

— Да?

— Да. Различные расы одного вида могут не различаться в умственном развитии, как, например, на Земле. Но разные виды, жители разных планет — это совсем другое дело.

— Но мы говорим о кришнянах, — сказал Фредро. — А психологические тесты не показывают разницы в среднем интеллектуальном уровне.

— Вы можете доверять своим тестам, — заявил Мжипа, — а я лично знаю этих нищих уже много лет, и вы не сможете доказать, что они проявляют земную смекалку и оригинальность.

Фаллон возразил:

— А как насчет сделанных ими изобретений? Они, например, самостоятельно изобрели фотоаппарат. Вы сумели бы, Перси?

Мжипа сделал нетерпеливый жест:

— Скопировали с земных экземпляров. Обычный прорыв блокады.

— Нет, — сказал Фредро, — дело в другом. Кришнянский фотоаппарат — это случай… гм… стимулированного изобретения.

— Что? — спросил Мжипа.

— Стимулированное изобретение — термин, введенный американским антропологом Кребером около двухсот лет назад.

— Что он означает?

— Случаи, когда туземцы узнают о существовании какой-либо вещи и, не видя ее, создают свой вариант. Некоторые примитивные земные племена несколько столетий назад таким образом изобрели письменность. Но это требует большой изобретательности.

Мжипа стоял на своем:

— Все равно они отличны от землян по темпераменту и по другим признакам.

— Откуда вы об этом узнали? — поинтересовался Фредро.

— Тут было несколько психологов. Они подвергли многих кришнян тестам и установили, что у туземцев напрочь отсутствуют некоторые земные душевные болезни, например,

паранойя…

Фаллон прервал его:

— Разве у этого типа Кира не паранойя?

Мжипа пожал плечами:

— Тут я не специалист. Но то, что этот парень вытворяет, действительно указывает на стойкую тенденцию к садизму.

Фредро настаивал:

— Тем не менее, я не могу с вами согласиться. Я никогда не был здесь раньше, но на Земле много изучал кришнянское искусство и ремесло; они свидетельствуют о наличии высокоразвитого творческого воображения: скульптура, поэзия, а также…

Фаллон, сдерживая зевок, прервал его:

— Может, отложите спор, пока я не уйду? Я не понял и половины из того, о чем вы говорили… Кстати, а сколько бы вы заплатили? — спросил он больше из любопытства, чем желая серьезно обдумать предложение.

— Два с половиной карда в день, — ответил Фредро.

Это была высокая оплата, а общая сумма, как подсчитал Фаллон, составила бы около тысячи. «Жаль, доктор Фредро, но ничего не выйдет».

— Возможно, я мог бы… я могу несколько увеличить сумму…

— Нет! Даже если увеличите в десять раз. Люди уже пытались туда пробраться, и это всегда кончалось плохо.

— Что ж, — сказал Мжипа, — плохой конец вам и так предназначен, раньше или позже.

— Я предпочитаю, чтобы он наступил позже, а не раньше. Как вы знаете, джентльмены, я не упускаю удачных шансов, но это не шанс — это верная гибель.

— Послушайте, — в голосе Мжипы звучали железные нотки. — Я обещал доктору Фредро помощь. Вы мне кое-чем обязаны, и я активно настаиваю, чтобы вы взялись за эту работу.

Фаллон бросил резкий взгляд на консула:

— Почему активно?

— Доктор Фредро, вы простите нас, если мы удалимся на несколько минут? Подождите меня здесь. Идемте, Фаллон.

— Спасибо, — ответил Фредро.

Фаллон, нахмурившись, вышел вслед за Мжипой. Когда они нашли укромное место, где в пределах видимости никого не было, Мжипа тихо сказал:

— История такова. Трое землян исчезли в последние три года, а я не нашел и следа их. Они не из тех людей, что попадают в дурную компанию, где им могут перерезать глотку.

— Ну и что? — спросил Фаллон. — Если они пытались

пробраться в Сафк, это только доказывает мою правоту.

— У меня нет причин считать, что они пытались попасть в Сафк, но их могли привести туда насильно. В любом случае, я пренебрег бы своими обязанностями, если бы, столкнувшись с этой загадкой, не приложил всех усилий для ее разрешения.

Фаллон покачал головой:

— Если вас интересует это чудовище, отправляйтесь сами…

— Я бы уже давно так и поступил, если бы не цвет моей кожи. Его замаскировать невозможно, — Мжипа схватил собеседника за руку. — Итак, мой дорогой Фаллон, не говорите, что вы не возьметесь за это.

— А зачем? Быть четвертым в партии бриджа с этими исчезнувшими?

— Нет, узнать, что произошло. Ради бога, неужели вы оставите землян во власти этих дикарей?

— Это зависит от того, какие именно земляне.

— Но ведь они принадлежат к нашему же виду…

— Я склонен судить о людях по их личным качествам, — сказал Фаллон, — независимо от того, руки у них, лапы или щупальца. И, думаю, что это более цивилизованный взгляд на вещи, чем ваш.

— Ну что ж, вероятно, не стоит больше говорить о патриотизме, но когда вы в следующий раз явитесь за очередной дозой лонговита, не удивляйтесь, если не застанете меня.

— Я могу купить лонговит на черном рынке.

Мжипа тяжело посмотрел на Фаллона:

— Как вы думаете, долго ли вам придется употреблять ваш лонговит, если я расскажу Чабариану о вашем шпионаже в пользу Камурана из Квааса?

— О моем шпи… я не понимаю, о чем вы говорите, — ответил Фаллон, всем существом чувствуя, как ледяной холод пополз по его спине.

— О, вы понимаете. И не мечтайте, что я промолчу.

— Так… и как насчет ваших благородных разговоров о предательстве землян перед кришнянами?

— Мне это не нравится, но вы не оставляете мне другого выхода. Вы сами по себе не слишком большая ценность для человеческой расы, вы и так роняете наш авторитет в глазах туземцев.

— Почему же вы беспокоитесь обо мне?

— Потому что при всех ваших недостатках вы единственный человек, способный выполнить эту работу, и я, не колеблясь, заставлю вас сделать это.

— Но я не смогу работать без маскировки, — Фаллон понял,

что его приперли к стенке.

— Я снабжу вас всем необходимым. А теперь я либо возвращаюсь в павильон сообщить Фредро о вашем согласии, либо иду рассказать министру Кира о ваших встречах с этой змеей Квейсом из Бабаала. Что я должен сделать?

Фаллон взглянул на консула налитыми кровью глазами:

— Можете ли вы снабдить меня какой-нибудь добавочной информацией? Я имею в виду план помещения, например, или описание обрядов ештитов.

— Нет. Кажется, неофилософы знают или думают, что знают, кое-что о внутренностях здания, но я не знаком ни с одним членом этого культа в Балхибе. Вам придется докапываться до всего самому.

Фаллон с минуту помолчал. Затем, видя, что Мжипа вновь собирается говорить, поднял руку:

— О, дьявол! Вы победили, будьте же вы прокляты! — потом он перешел на деловой тон: — Но давайте-ка кое-что выясним. Кто эти трое исчезнувших землян?

— Во-первых, Лаврентий Боткин, автор научно-популярных книг. Он отправился вечером на городскую стену и не вернулся.

— Я читал что-то об этом в «Рашме». Ну, продолжайте, — поторапливал Фаллон.

— Во-вторых, Кандидо Соарес, инженер-бразилец. И, наконец, Адам Дели, американец, управляющий фабрики.

— Есть ли у вас какие-либо предположения насчет причин их исчезновения? — спросил Фаллон.

— Единственное, что объединяет эту троицу, так это то, что все имели отношение к технике.

— Может, кто-нибудь с их помощью пытается создать современное оружие? Такие попытки уже были, вы знаете.

— Я думал об этом. Я помню, например, что вы сами предпринимали такую попытку.

— Ну, Перси, кто старое помянет, тому глаз вон, — Фаллон взмахнул рукой, словно отметая несущественное упоминание.

Мжипа продолжал:

— Но все это было до того, как ввели псевдогипноз. Если бы похищение специалистов произошло несколькими десятилетиями раньше… Во всяком случае, эти люди (как, впрочем, и мы с вами) не смогут выдать никаких знаний, даже под пыткой. Туземцы знают об этом, — африканец нахмурился и замолчал. Потом его лоб разгладился. — Когда мы найдем этих людей, мы узнаем и причину их похищения.

Глава 3

Долгий кришнянский день умирал. Энтони Фаллон осторожно открыл собственную дверь, тайком проскользнул внутрь, снял пояс с рапирой и аккуратно повесил его на вешалку.

Он немного постоял, прислушиваясь, затем на цыпочках прошел в комнату. Достал с полки два маленьких кубка из натурального хрусталя, изготовленных умелыми руками ремесленников Маджбура. Они были единственной ценной вещью в этом убогом маленьком жилище. Фаллон приобрел их в один из удачных периодов своей жизни и с тех пор хранил.

Фаллон откупорил бутылку (кришняне еще не знали навинчивающихся крышек) и сделал два глотка квада. При звуках льющейся жидкости женский голос на кухне произнес:

— Энтане?

— Это я, дорогая, — сказал Фаллон на балхибском. — Твой герой вернулся домой…

— Да уж, герой! Я надеюсь, ты насладился праздником. Клянусь Анериком-просветителем, я стала бы рабыней за все эти развлечения, — с досадой воскликнула женщина.

— Ну, Гази, любовь моя, придет время, и я скажу тебе…

— Ты скажешь? Но должна ли я верить всякому вздору? Ты считаешь меня совсем глупой. Не понимаю, почему я согласилась признать тебя своим джагайном?

Вынужденный защищаться, Фаллон выпалил:

— Потому что у тебя нет братьев, женщина, и дома тоже не было. Перестань кричать и давай выпьем. Я хочу кое-что показать тебе.

— Ты зефт! — начала Гази яростно, но потом, когда смысл его слов дошел до нее, переменила тон: — О, в таком случае, я иду немедленно.

Занавеска кухни отдернулась, и вошла джагайни Фаллона. Это была высокая, хорошо сложенная кришнянка, привлекательная по меркам Кришны. Ее положение в доме находилось где-то посередине между экономкой и женой.

Балхибцы не признавали брака, считая его неприемлемым для такой воинственной расы, какой они были несколькими столетиями раньше. Женщина жила с одним из своих братьев, и ее через определенные промежутки времени посещал джагайн — возлюбленный. Их отношения были временными и могли прекратиться по желанию любого из них. Брат обычно воспитывал и детей сестры. Поэтому хотя у остальных народов планеты ребенок наследовал имя отца, у балхибцев он назывался по имени

дяди с материнской стороны, который воспитывал его. Полное имя Гази было Гази бад-Доукх, то есть Гази, племянница Доукха. Женщина, которая, подобно Гази, действительно жила со своим джагайном, считалась несчастной и отверженной.

Фаллон, глядя на Гази, размышлял, прав ли он был, выбрав Кришну полем своей внеземной деятельности. Не убраться ли ему отсюда? Гази его не задержит. Впрочем, она была хорошей хозяйкой, вкусно готовила и, вообще, нравилась ему…

Фаллон протянул женщине один из кубков. Она взяла его, сказав:

— Спасибо, но ты истратил на это наши последние деньги.

Фаллон снял с пояса, висевшего на вешалке, кошелек и набрал полную горсть золотых монет, полученных им от Квейса. Гази удивленно раскрыла глаза, ее рука потянулась к монетам.

Фаллон, смеясь, уложил деньги обратно, потом протянул ей две десятикардовые монеты.

— Этого хватит на ближайшее время, — сказал он. — Понадобится еще — скажешь.

— Багган, — пробормотала она, садясь в кресло и прихлебывая квад. — Поскольку я знаю тебя, я не спрашиваю, откуда эти деньги.

— Ты права, — весело ответил Фаллон. — Я ни с кем не обсуждаю свои дела. Именно поэтому я до сих пор еще жив.

— Ручаюсь, что это подлые и низкие дела.

— Они нас кормят. Что на обед?

— Котлеты из унха с бадром, а на десерт тунест. Твои таинственные дела на сегодня кончены?

— Думаю, да, — ответил он осторожно.

— Что же мешает тебе пойти со мной на праздник? Будет фейерверк и шуточная битва.

— Очень жаль, дорогая, но ты забыла: я сегодня вечером дежурю.

— Всегда что-нибудь! — она уныло посмотрела на свой кубок. — Что я сделала такого, что боги держат меня в таком положении?

— Выпей еще, и тебе станет легче. Когда-нибудь, когда я верну свой трон…

— Долго ли я буду слышать эту песню?

— …когда я верну свой трон, будет достаточно веселья и игр. А пока: сперва дело, потом удовольствия.

* * *

Третья секция гражданской гвардии района Джуру города Занида уже строилась, когда Фаллон появился на учебном манеже. Он схватил со стойки алебарду и занял свое место.

Как объяснил Фаллон Мжипе во время праздника, было нецелесообразно выставлять гражданскую гвардию Джуру на парад. Район Джуру большей частью заселяли выходцы с других планет, и в гражданской гвардии собрались разумные представители многих миров. Кроме кришнян, здесь было несколько землян: Уимс, Кисари, Нунец, Рамананд и другие. Было также двенадцать осириан и тринадцать тотиан. Был и торианин (не путать с тотианином) — что-то вроде страуса с руками, развившимися из крыльев. В отряде состоял даже исидианин — кошмарная восьминогая комбинация слона и таксы. Встречались и другие существа, различной формы и происхождения.

Перед постаравшейся выстроиться в линию гвардией, стоял Кордак бад-Джилан, хорошо сложенный капитан регулярной армии Балхиба. Его лоб хмурился под торчавшим гребнем шлема. Фаллон знал, почему хмурится Кордак. Капитан был добросовестным солдатом и хотел бы превратить гражданскую гвардию в точный и единый, военный организм, подобный машине. Но какого единства можно ожидать от столь разнородного состава? Бесполезно даже пытаться заставить их приобрести мундиры: тотиане, надев форму поверх своей шерсти, тут же задохнулись бы от жары, и ни один портной в Балхибе не взялся бы шить костюм для исидианина.

— Жуго-й! — крикнул капитан Кордак, и неровная линия проявила некоторое внимание.

Капитан объявил:

— В следующий пятый день для всех моих героев состоится тренировочный бой на западной равнине через час после того, как алые лучи Рокира упадут на нее. Следует захватить с собой…

Капитан Кордак, подобно другим кришнянам, любил украшать свою речь. Даже простые предложения звучали у него с напыщенной высокопарностью. На этот раз, однако, он был прерван громким возгласом неодобрения своей секции.

— Почему, во имя Хишкака, вы, заржавленные лезвия, воете и скрипите, как старое дерево в бурю? — воскликнул капитан. — По вашему вытью можно подумать, что вас посылают потрошить шена при помощи метлы!

— Тренировочный бой! — простонал Саванч, толстый содержатель таверны с улицы Шимад и командир отделения секции. — Зачем нам это? Мы знаем, что один верховой джунга может засыпать весь отряд стрелами, как Карар засыпал войско Джупулана. Зачем эта глупая игра в солдатиков?

Джунгами балхибцы называли жителей западных степей — воинственных обитателей Квааса, Джаукии или Джерамиса. Кордак сказал:

— Стыдно, мастер Саванч. Как может представитель нашего мужественного народа говорить так трусливо! Есть чрезвычайный приказ министра, чтобы все отряды гражданской гвардии приняли участие. Так что придется и вам волей-неволей идти на учения.

— Я отказываюсь, — пробормотал Саванч.

— Отказы не принимаются, — Кордак понизил голос. — Между нами, до моих ушей донесся слух: положение на западе опасное и угрожающее. Камуран из Квааса — пусть Ешт уничтожит его уши — созвал племенные войска и разгуливает с ними вдоль границ своих огромных владений.

Он произнес «Кваас» как «Квасф», так как в балхибском языке нет дентальных согласных.

— Он не может напасть на нас! — сказал Саванч. — Мы ничем не спровоцировали его, он же поклялся не нарушать договора, заключенного после битвы при Таджроше.

Кордак преувеличенно вздохнул:

— Итак, старая бочка сала, вы считаете, что джунги из Квааса, Сурии и Джаукии стали соблюдать договоры? И мне больше нечего делать сегодня вечером, как спорить с вами? Во всяком случае, таков приказ. Теперь отправляйтесь в обход, и пусть запах винных магазинов не отвратит вас от выполнения ваших обязанностей. Следите, не выходит ли кто ночью из домов горожан. Это могут быть воры. В таких обстоятельствах, когда готовится горячая схватка, цена на металл увеличивается и появляется множество воров.

Мастер Энтане, ваш маршрут включает район улицы Джафал, окружает Сафк, возвращаетесь вы по улице Барфур. Будьте особо бдительны на аллеях вблизи фонтана Карара. За последние десять ночей там было три случая грабежа и одно убийство — черный позор для нашей бдительной гвардии… Мастер Мокху, ваш маршрут…

Когда каждое отделение получило свой маршрут, они отправились в ночь. Алебарды под разными углами торчали над телами, плотно закутанными в верхние туники от ночного холода. Хотя времена года выражены на Кришне менее резко, чем на Земле, суточный перепад температур значителен, особенно в степных районах, где был расположен Занид.

Отделение Фаллона, кроме него, включало еще троих: двух кришнян и осирианина. Обычно уроженец другой планеты не назначался командиром, но у многоэтнического района Джуру

были свои правила.

Задание патрулировать район, в котором находился Сафк, вполне устраивало Фаллона. Отделение направилось к улице Джафал, главной улице города, и последовало по ней, разделившись по двое к внимательно вглядываясь в двери домов в поисках следов кражи со взломом или других происшествий. Тусклый свет двух из трех спутников Кришны, Каррима и Голназа, смешиваясь с отблесками пламени железных светильников, установленных на перекрестках, давал вполне приличное освещение. Отделение прошло мимо повозки, запряженным одним шейханом: эта повозка по ночам развозила топливо для светильников.

Фаллон слышал, что проект замены этих светильников более эффективными битумными лампами был отвергнут из-за происков магнатов, продававших Заниду топливо.

Время от времени Фаллон и его «люди» останавливались, когда их внимание привлекали звуки, доносившиеся из домов. Но в этот вечер ничего незаконного не происходило. Первый раз шум объяснился ссорой женщины со своим джагайном; второй — крики принадлежали пьяной компании.

На своем восточном конце, перед тем, как перейти в площадь Карара, улица Джафал изгибается. Приблизившись к этому изгибу, Фаллон услышал какой-то шум, доносящийся с площади. Отделение двинулось быстрей и, выйдя за угол, обнаружило у фонтана Карара толпу кришнян.

Площадь Карара (или Гарара, если использовать балхибскую форму этого имени) не была квадратной, а имела форму вытянутого несимметричного многоугольника. В одном ее конце находился фонтан Карара, в центре которого возносилась над толпой статуя туземного Геркулеса. Скульптор изобразил Карара верхом на чудовище. Правой рукой герой поражал чудище, а левой прижимал к себе одну из своих многочисленных возлюбленных. На другом конце площади громоздилась могила короля Бал ада, увенчанная статуей великого доура, сидевшего в глубокой задумчивости.

Из толпы слышался звон стали, а свет лун отражался в лезвиях, поднятых над головами. Фаллон различал отдельные крики:

— Бей грязного ештита!

— Берегись, он нападает!

— В сторону, в сторону!

— Пошли! — скомандовал Фаллон, и четверо гвардейцев с алебардами наготове бросились вперед.

— Стража! — крикнул кто-то.

С удивительной быстротой толпа рассеялась, любители дуэлей прыснули в разные стороны, исчезая в прилегающих улицах и аллеях.

— Задержите нескольких свидетелей! — выкрикнул Фаллон и побежал к центру беспокойства.

Когда толпа расступилась, он увидел у фонтана двоих кришнян, сражавшихся на мечах.

Углом глаза Фаллон заметил, что Квон, один из его кришнян, поймал крюком алебарды и тащил к себе сопротивляющуюся жертву. Фаллон успокоился и полностью переключил свое внимание на сражающихся.

Но, прежде чем он подошел, один из дуэлянтов, удивленный подобным вмешательством, оглянулся, отведя взгляд от своего противника.

Тот немедленно воспользовался и нанес сильный удар по клинку соперника. Выбитый из руки меч с лязганьем покатился по булыжнику мостовой.

Дуэлянт, не теряя времени, прыгнул вперед и ударил безоружного противника мечом по голове. «Пожалуй, череп треснет», — подумал Фаллон. Кришнянин, получивший удар, упал на мостовую. Его убийца наклонился, чтобы добить жертву. Но смертельный удар не был нанесен: вмешался Фаллон.

С криком ярости дуэлянт повернулся к Энтони. Фаллон вынужден был отступать и защищаться, но в это время Кисаса, гвардеец-осирианин, обхватил дуэлянта вокруг талии своими чешуйчатыми руками и швырнул его в фонтан. Плюх!

Тут появился и Квон, таща свидетеля на цепи, которую он обернул вокруг шеи пойманного. Когда разъяренный дуэлянт, подобно морскому богу, появился из воды фонтана, Кисаса вновь схватил его, вытащил из воды и тряс до тех пор, пока ярость того не уменьшилась.

— Он пьян, — свистящим голосом сказал осирианин.

В этот момент появился второй кришнянский гвардеец, запыхавшись и стаскивая с крюка своей алебарды куртку:

— Мой сбежал.

Фаллон наклонился к лежащему на булыжниках кришнянину. Тот вдруг застонал и сел, ощупывая рукой окровавленную голову. Осмотр показал, что тюрбан смягчил удар и уменьшил его силу.

Фаллон помог раненому встать на ноги, сказав:

— Этот тоже пьян. Что говорит свидетель?

— Я все видел, — закричал свидетель. — И почему вы схватили меня? Я пошел бы добровольно. Я всегда на стороне закона.

— Я знаю, — усмехнулся Фаллон. — Когда вы бежали от нас,

это был всего лишь обман зрения. Рассказывайте!

— Тот, что с разрубленной головой, ештит, а второй — приверженец нового культа, называемого кришнянской наукой. Они начали спорить в таверне Разджуна. Научник утверждал, что зла вообще не существует, поэтому не нужны ни Сафк, ни храмы Ешта, ни вообще культ Ешта. Ну, ештит оскорбился и вызвал его…

— Он лжет! — закричал ештит. — Я не вызывал, а лишь защищался от подлого нападения этого труса…

«Этот трус», очистив от воды дыхательное горло, закричал:

— Сам лжешь! Кто выплеснул мне в лицо стакан вина? Разве это не вызов?..

— Это было лишь вежливое доказательство моей правоты, ты, сын Миандры Отвратительного!

После этого ответа ештит, покрытый засыхающей кровью, взглянул на Фаллона и обратил свой гнев против землянина:

— Существо с Земли отдает приказы балхибцу в его собственной же столице! Почему вы не убираетесь на свою планету? Почему развращаете веру наших предков своими губительными ересями?

Фаллон спросил у гвардейцев:

— Вы сумеете втроем отвести этого богослова и его противника в Дом Правосудия?

— Конечно, — сказал кришнянский гвардеец.

— Тогда отправляйтесь. Я встречу вас на учебном манеже, когда начнется второй обход.

— Почему вы уводите меня? — завопил свидетель. — Я тихий, законопослушный горожанин. Меня можно вызвать в любое время.

— Если ваша личность будет установлена в Доме Правосудия, — ответил Фаллон, — вас отпустят.

Фаллон наблюдал, как они покидают площадь Карара под звон наручников. Он радовался, что не пошел с ними: это была прогулка в добрых три ходда, а омнибусы в это время уже не ходят.

Но больше всего он радовался возможности в одиночестве приблизиться к Сафку. В своем теперешнем официальном положении он вызовет меньше подозрений. Похоже, что ему везет.

Энтони Фаллон взял алебарду на плечо и двинулся на восток. Когда он прошел несколько кварталов, из-за низких крыш окружающих домов появилась верхушка Сафка. Сооружение, как знал Фаллон, находилось на границе районов Джуру и Бача. В районе Бача были расположены все остальные храмы Занида.

Главным занятием жителей Бача была религия, так же как главным занятием района Изанду было ремесло.

Балхибское слово «сафк» обозначало название семейства маленьких кришнянских беспозвоночных, частично водных, частично наземных. Обычный сафк был похож на земную улитку со спиральной раковиной, но передвигался не только на слизи, смазывающей путь, но и благодаря множеству крошечных ног.

Сафк Занида представлял собой огромный конический зиккурат, сложенный вручную из плит джадента, в сто пятьдесят метров высотой, со спиральным желобком, имитирующим раковину живого сафка. Происхождение его терялось в бесконечных эпохах кришнянской истории. В период строительства городов, последовавший за падением Калвмской империи под ударами варваров Варастумы, вокруг Сафка вырос город Занид, и вскоре беспорядочные груды домов заслонили культовое сооружение. Великий предшественник Кира король Балад приказал снести дома перед монументом и разбить на их месте парк.

Фаллон вступил в этот парк и двинулся вдоль гигантской окружности Сафка, внимательно прислушиваясь и рассматривая сооружение, как бы пытаясь проникнуть через его стены усилием воли, так как физически этого делать не рекомендовалось. Многочисленные грабители на протяжении последних тысячелетий неоднократно пытались пробиться сквозь эти стены, но отступали перед твердостью джадента. С тех времен, как начали вестись летописи, Сафком владели жрецы Ешта.

Сафк был не единственным сооружением, посвященным культу Ешта. В Луссаре, Малмадже и других городах Балхиба находились менее величественные храмы. А за парком, к востоку, на границе с районом Бачу, Фаллон различал увенчанное куполом здание церкви Ешта. Она использовалась для повседневных служб, куда допускались все. Там же находились учебные помещения для новообращенных. Но в зиккурат жрецы Ешта допускали мирян только в исключительных случаях, и то лишь членов своей секты.

Фаллон подошел к входу, соответствовавшему отверстию раковины живого сафка. Лучи Каррима отразились в больших бронзовых дверях, которые, как утверждали, поворачивались на алмазных шарах. На них все еще виднелись следы тщетных атак солдат Руза, со времени которых прошло сто кришнянских лет. Что-то белое слева от двери привлекло внимание Фаллона.

* * *

Он подошел ближе. Ни звука не проникало изнутри, пока он не приложил ухо к бронзовой поверхности. Тогда он услышал слабый звон или гул, ритмично повторявшийся, но слишком заглушенный расстоянием и толщиной каменной стены, чтобы можно было определить, был ли это звук барабана, колокола или ударов о наковальню. Через некоторое время все смолкло, затем началось опять!

Фаллон перестал размышлять об этом — если ему удастся попасть внутрь, разгадка звуков будет найдена — и обратил внимание на белый предмет, который оказался несколькими листками местной кришнянской бумаги, прикрепленной к своеобразной доске объявлений. На верху доски были слова:

«ДАКХТ ВА-ЕШТ ЗАНИДО (Собор Ешта в Заниде)».

Фаллон, не слишком искусный в балхибском письме, принялся изучать листки. Слово «Ешт» было легко узнать, так как, изображенное балхибскими печатными или прописными буквами, оно выглядело как ОУ62, хотя читалось справа налево.

Он устремил взгляд на листки. Наибольший из них был озаглавлен: «Программа службы», но, несмотря на яркий свет лун, он не смог разобрать напечатанного ниже. «Будь я помоложе — я бы легко прочел это», — подумал Энтони. В конце концов он вытащил кришнянскую зажигалку и осветил текст.

Потом Фаллон достал маленький блокнот с прикрепленным к нему огрызком карандаша и тщательно скопировал все написанное.

Глава 4

Когда Фаллон явился в дежурное помещение учебного полигона, капитан Кордак сидел за письменным столом. Увенчанный гребнем шлем стоял на полу, а на носу у капитана сидели очки в черной оправе. Он что-то писал при свете лампы и взглянул на Фаллона поверх очков:

— Мастер Энтане! А где ваше отделение?

Фаллон рассказал ему обо всем.

— Хорошо. На этой площади такое бывает часто. Садитесь.

Капитан взял кувшин и наполнил кружку шурабом.

— Мастер Энтане, вы джагайн Гази бад-Доукх?

— Да. Но откуда вы знаете?

— Вы говорили кое-кому.

— А вы знаете ее, зер?

Кордак вздохнул:

— Да. В прежние времена я сам стремился к роли ее джагайна. Я горел страстью, как озеро с лавой, но потом была война, ее брата убили, и я потерял ее из виду. Могу я рассчитывать на ваше гостеприимство для возобновления нашего знакомства?

— Конечно, в любое время. Буду рад вас видеть.

Фаллон взглянул на дверь и увидел своих гвардейцев. Они возвращались, доставив дуэлянтов и свидетеля в Дом Правосудия. Он обратился к подчиненным:

— Дайте вашим костям отдохнуть, друзья, потом отправимся в следующий обход.

Отделение отдыхало и пило шураб с четверть часа. Потом явилось с дежурства другое отделение, и Кордак отдал приказ команде Фаллона выходить и определил маршрут:

— Пойдете по улице Барфур, потом осмотрите границу района Думу: банды негодяев наводнили восточную часть Думу…

Думу, южный район Занида, был известен как главное средоточие городских преступников. Жители других районов громко кричали о том, что бандиты подкупили стражу в своем районе и потому действуют открыто. Стража отрицала это обвинение, указывая на недостаток гвардейцев.

Отделение Фаллона миновало улицу Барфур и двигалось по отделявшей район Думу от города зловонной дороге, когда шум впереди заставил Фаллона остановиться и приказать своим гвардейцам двигаться вперед осторожно. Выглянув за угол, он увидел горожанина, прижатого к стене тремя фигурами. Одна из них угрожала жертве арбалетом, другая — мечом, а третья

отбирала у него кошелек и кольца. Грабеж, очевидно, только что начался.

Это был редкий шанс. Обычно отделение гвардейцев заставало на месте лишь жертву — мертвую на булыжниках или живую и обвинявшую городскую стражу в беззакониях.

Понимая, что если они направятся прямо к грабителям, те мгновенно растворятся в путанице домов и аллей, Фаллон прошептал Кисасе:

— Обойди квартал и нападай на них с другой стороны. Беги изо всех сил. Когда мы тебя увидим, мы тоже выбежим.

Кисаса исчез как тень. Фаллон слышал слабый звук, с которым когти осирианина скребли о булыжник, когда динозавроподобный гвардеец убегал со скоростью ветра. Фаллон знал, что Кисаса может перегнать и землянина, и кришнянина, иначе он не послал бы именно его. Грабеж длится недолго, но за это время осирианин сумеет обогнуть квартал.

Вновь, на этот раз громче, раздался шум и скрежет когтей, и осирианин появился из-за противоположного угла.

— Вперед! — скомандовал Фаллон.

При звуках их приближения грабители на какое-то время растерялись от неожиданности. Фаллон услышал щелчок курка арбалета, но в темноте не мог сказать, кто и в кого стрелял. Да и признаков того, что стрела попала в цель, не было.

Оправившись от потрясения, грабители бросились бежать. Кисаса на своих птичьих ногах догнал грабителя, вооруженного арбалетом, и бросил его ничком на землю.

Высокий и худой грабитель с мечом, сначала бросился в сторону Фаллона, но потом резко затормозил. Фаллон с алебардой наготове шагнул вперед, услышал звон стали и почувствовал, как от сильного удара содрогнулась рукоять. Двое гвардейцев-кришнян побежали за третьим грабителем, вместе с добычей проскользнувшим мимо Кисасы в аллею.

Фаллон, парировав удар меча алебардой, прыгнул вперед, внимательно следя за своим противником, схватившимся свободной рукой за древко алебарды в попытке вырвать ее у Фаллона. По счастливой случайности, во время борьбы он ударился рукой с мечом о стену дома. Меч упал на тротуар, и грабитель бросился бежать. Видя, что догнать долговязого мошенника ему не удастся, Фаллон метнул вслед убегающему свою алебарду. Острие ударило точно в спину. Грабитель пробежал еще несколько шагов, зашатался и упал.

Подбегая к лежащему, Фаллон на ходу вытащил рапиру, но, приблизившись, увидел, что грабитель лежит ничком и кашляет кровью. Двое кришнян вернулись, на все лады ругая

ускользнувшего третьего грабителя. Они принесли кошелек горожанина, брошенный грабителем, но не смогли вернуть колец, и ограбленный громко бранил их за нерасторопность.

Энтони Фаллон считал себя глупцом за то, что проводил одну ночь из каждого десятиночья таким вот образом, да еще за ничтожную плату.

Он был слишком своевольным и небрежным, чтобы удовлетворить военную машину: желая командовать, он не желал подчиняться. Как чужеземец, он вряд ли мог рассчитывать на высокое место в балхибской регулярной армии.

Но он продолжал носить нарукавную повязку гражданской гвардии. Почему? Да потому что до сих пор мундир сохранял для него какое-то детское очарование. Таская свою алебарду по пыльным улицам Занида, он жил иллюзией, что является потенциальным Александром Македонским или Наполеоном Бонапартом. Находясь в печальном положении человека, потерпевшего крах, он цеплялся за любую возможность самоутверждения.

По дороге домой Фаллон продолжал мучительно размышлять над проблемой Сафка. Гази спала, но проснулась, когда он ложился.

— Разбуди меня в конце второго часа, — пробормотал он и мгновенно уснул.

Немедленно, как ему показалось, Гази начала трясти его за плечи, говоря, что пора вставать. Он спал всего лишь три земных часа. Но пришлось вставать, чтобы успеть выполнить все, что он наметил на этот день. Зная, что придется выступать на суде, он надел свой лучший костюм, торопливо проглотил завтрак, вышел в яркое сияние утреннего солнца и направился к постоялому двору «Ташин».

* * *

Район Авад начинался грудой трущоб, граничивших с районом Джуру и тянулся до ворот Балада. За трущобами находился стадион и район Сахи, где в основном жили актеры и художники. Постоялый двор «Ташин», расположенный у городской черты в западной части района Авад, представлял собой группу строений, окружавших, как и в большинстве балхибских домов, круглый центральный двор.

В это утро двор был забит циркачами и актерами, постоянными обитателями «Ташина». Канатоходец натянул веревку по диагонали от одного угла двора к другому и ходил по

ней, помахивая для равновесия зонтом. Трио акробатов подбрасывали друг друга. В противоположном углу фокусник репетировал свои номера. Певец выводил рулады. Актер что-то читал, живо жестикулируя.

Фаллон спросил хозяина «Ташина»:

— Где найти ясновидца Туранжа?

— Второй этаж, комната 13. Направо.

Переходя через двор, Фаллон столкнулся с одним из акробатов. Выпрямившись, тот поклонился и сказал:

— Тысяча извинений, мой добрый зер! Вино «Ташина» подкосило мои ноги. Послушайте, не с вами ли мы пили на вчерашнем празднике?

Одновременно с разных сторон подошли еще два акробата. Человек, толкнувший Фаллона, продолжал что-то говорить, а другой дружески положил ему руку на плечо. Фаллон скорее почувствовал, чем увидел маленький острый нож, которым третий хотел срезать его кошелек.

Не переставая улыбаться, Фаллон плечами раздвинул кришнян, сделал шаг вперед, повернулся и выхватил рапиру. Теперь он стоял лицом к лицу со всеми тремя в боевой позиции. Он чувствовал некоторое удовлетворение своим проворством.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказал он, — но у меня назначено свидание. А деньги мне нужны самому.

Он быстро осмотрел двор. При словах Фаллона раздался взрыв насмешливого хохота. Тройка мошенников переглянулась и направилась к воротам. Фаллон вложил оружие в ножны и продолжил свой путь. Если бы он попытался задержать воров или хотя бы позвать на помощь стражу, его жизнь не стоила бы и медного арзу.

Фаллон отыскал на втором этаже тринадцатую комнату. В ней он увидел Квейса из Бабаала, вдыхавшего пахучий запах рраманду с маленькой жаровни.

— Ну? — спросил Квейс, не поднимая глаз.

— Я обдумал ваше вчерашнее предложение.

— Какое предложение?

— Имеющее отношение к Сафку.

— О, только не говорите, что длительные размышления придали вам храбрости, — насмешливо отмахнулся Квейс.

— Возможно, это и так. Я хочу когда-нибудь вернуться на Замбу, вы знаете. Но из-за несчастной тысячи кардов…

— А какова ваша цена?

— Пяти тысяч будет достаточно.

— Что? Тогда уж просите всю сокровищницу Камурана. Может, я смогу увеличить предложенную сумму на сотню

кардов…

Они торговались и торговались. Фаллон остановился только тогда, когда добился половины желаемого, включая аванс в сотню кардов. Он прекрасно сознавал, что двадцати пяти сотен кардов недостаточно, чтобы вернуть трон, но это будет только начало. Он сказал:

— Все закончится хорошо, мастер Кв… Туранж, за одним исключением.

— Каким именно, зер?

— В делах такого рода вряд ли разумно полагаться на слово. Вы меня понимаете?

Квейс поднял брови и антенны.

— Таматеш! Вы намекаете, что я, верный слуга великого Гхуура из Квааса, обману вас? Клянусь носом Тайязана, такое оскорбление нельзя простить!

— Спокойно, спокойно! В конце концов, я сам обманывал других не раз.

— В это, землянин, я охотно верю, хотя и плачу вам безрассудно аванс.

— Я имел в виду передачу денег какому-нибудь третьему лицу, достойному доверия.

— Держателю ставок? Гм. Идея неплохая, зер, но у нее два слабых места, а именно: не думаете ли вы, что я ношу с собой такие соблазнительные суммы? Кроме того, где вы найдете нужного человека, учитывая пылкую «любовь» балхибцев к Кваасу?

Фаллон улыбнулся:

— На днях я кое-что сообразил. У вас есть в Заниде банкир.

— Нелепость!

— Вовсе нет, если только вы не держите свои деньги закопанными в землю. Дважды, имея дело со мной, вы отправлялись за деньгами. Каждый раз вы отсутствовали не более двух часов. Вряд ли вам хватило бы этого времени, чтобы добраться до Квааса, но его вполне достаточно, чтобы навестить кое-кого в Заниде. И я знаю, кто это был.

— В самом деле, мастер Энтане?

— В самом деле. Кто же в Заниде может служить для вас банкиром? Конечно, какой-нибудь финансист, который не любит короля Кира. Я начал припоминать, что мне известно о банкирах Занида, и вспомнил, что несколько лет тому назад Кастамбанг бад-Амирут поссорился с доуром. Кир решил, что все его подданные должны приближаться к нему босиком. Кастамбанг не мог этого сделать, так как, упав с моста, повредил ногу и передвигался только на своих ортопедических ботинках. За пару

лет до этого он дал Киру взаймы несколько сотен тысяч кардов, и тот воспользовался случаем, чтобы наложить на Кастамбанга соответствующий штраф. С тех пор Кастамбанг не имел никаких дел с доуром и не посещал его двор. Логично считать, что он и есть ваш банкир. Даже если я ошибся и на данный момент он не является вашим банкиром, то может стать им. В любом случае мы можем использовать его как хранителя денег.

Фаллон откинулся, сцепил руки за головой и триумфально улыбнулся. Квейс размышлял, положив подбородок на руку, потом произнес:

— Я ничего не утверждаю, но должен признать, что вы неплохой наблюдатель, мастер Энтане. Вы смогли бы украсть сокровища Дакхака у него из-под носа. Прежде чем мы отправимся дальше по зловещему берегу реки Зунгу, соединяющей небо с землей, скажите мне, как вы собираетесь проникнуть в Сафк?

— Я подумал, что если мы заключим соглашение с Кастамбангом, он, возможно, укажет нам человека, знающего расположение помещений и порядок церемоний. Например, это может быть бывший жрец Ешта, изменивший культу, — такие существуют, хотя, конечно, скрываются. Если мы найдем такого человека, он сможет рассказать…

Квейс прервал его:

— Рассказать нам, что происходит внутри Сафка? Ха! Зачем же мне тогда платить вам? Вы же ничем не рискуете. Я сам смогу заплатить этому жрецу.

— Я не закончил, — холодно сказал Фаллон. — Я собираюсь сам осмотреть Сафк, а не передавать вам сообщений, основанных на слухах и пересказах. Но, согласитесь, у меня будет больше шансов остаться живым и вернуться к вам для доклада, если я буду хоть что-то знать заранее. Более того, если этот жрец расскажет нам подробности ритуалов, посвященных Ешту, я смогу переодевшись пробраться в храм и принять участие в службе… Ну, подробности излагать не буду, но теперь вы имеете представление о том, что я собираюсь делать.

— Ну что ж, — Квейс зевнул, заставив невыспавшегося Фаллона последовать его примеру. — Увы! Вы прервали мой такой чудесный сон. Но долг превыше наслаждений, мой мастер. Идемте.

— К Кастамбангу?

— Конечно.

Глава 5

На улице Квейс окликнул квизун — балхибский наемный экипаж. Настроение Фаллона поднялось. Он уже давно не мог позволить себе прогулку в экипаже, а контора Кастамбанга находилась в торговом районе Кхарджу, в дальнем конце города.

Вначале они проехали зловонные переулки Авада, затем через северную часть Изанду. Слева от них были пышные театры Сахи, а справа — суета ремесленного Изанду. Из работавших кузниц доносился дым, а шум молотков, сверл, напильников, пил и других инструментов сливался в постоянный гул. Они проехали ряд широких улиц и попали в небольшой парк, где ветер из степей поднимал на дорожках маленькие пыльные вихри.

Наконец они оказались в тесном великолепии Кхарджу с его магазинами и торговыми конторами. После поворота на юго-восток перед ними появился холм, увенчанный древним замком королей Балхиба.

— Кастамбанг, — сказал Квейс, указывая своей тростью.

Фаллон великодушно позволил Квейсу заплатить извозчику (в конце концов, у мастера-шпиона была возможность покопаться в бездонном кошельке Гхуура) и последовал за ним в здание. Здесь стоял привычный привратник, центральный двор украшали фонтаны и статуи из далекого Катай-Джогорая.

Кастамбанг, которого Фаллон никогда не встречал раньше, оказался не совсем типичным кришнянином: с волосами не зеленого, а, скорее, желтого цвета и с изборожденным глубокими и резкими морщинами лицом. Его огромное тело было завернуто в ярко-красную тогу в стиле сурусканда.

Квейс после обычной церемонии приветствия сказал:

— Зер, мы хотели бы поговорить наедине.

— О, — ответил Кастамбанг, — это можно устроить.

Не изменяя выражения лица, он ударил в небольшой гонг, висевший на стене. Хвостатый человек, выходец из Колофтских болот Микарданда, просунул голову в комнату.

— Подготовь логово, — сказал банкир, а затем обратился к Фаллону: — Не хотите ли, землянин, сигару? Место скоро будет готово.

Сигара оказалась великолепной.

— Вы были на нашем празднике, мастер Туранж? — завел банкир светскую беседу, пока готовили изолированное помещение.

— Да, зер. Я был в театре прошлым вечером, третий раз в своей жизни.

— Что показывали?

— «Печальную трагедию королевы Деджанаи из Квириба» Саккиза, в 14-ти актах.

— И как, она понравилась вам?

— Только до десятого акта. После этого пьеса начала повторяться. Более того, сцена была так завалена трупами, что актеры с трудом пробирались по ней…

Квейс зевнул. Кастамбанг сделал презрительный жест:

— Зер, этот Саккиз из Руза — один их тех современных писателей, которые, не зная, что сказать, говорят ерунду, но в наиболее эксцентричной манере. Вы бы лучше посетили классические пьесы, например «Заговорщиков» Хариана, которую будут представлять завтра вечером.

В этот момент вновь появился колофтянин.

— Готово, хозяин.

— Пойдемте, господа, — сказал Кастамбанг, вставая.

Стоя, он производил менее внушительное впечатление, так как был коротконог и с трудом передвигался, подпрыгивая и прихрамывая. Он провел их через зал к занавешенной двери, около которой стоял хвостатый слуга. Лакей отворил дверь, и Кастамбанг жестом пригласил гостей войти. Они вступили в большую клетку, укрепленную на столбе. Клетка вдруг начала спускаться, а сверху послышался скрип зубчатого колеса. Кастамбанг украдкой бросал на своих посетителей выжидающие взгляды, но потом разочарованно сказал:

— Я забыл, мастер Энтане. На Земле вы, конечно, привыкли к лифтам?

— Конечно, — ответил Фаллон. — Но это прекрасное новшество. Напоминает лифты в маленьких французских гостиницах на Земле, но те используются лишь для подъема.

Лифт с шумом остановился на большой кожаной подушке. Лифт Кастамбанга после Сафка был наибольшей достопримечательностью Занида, и Фаллон слышал о нем и раньше. Подъем его осуществлялся двумя дюжими колофтянами при помощи системы блоков, а спуск контролировался грубым тормозом. Фаллон подумал, что когда-нибудь лифтеры утратят бдительность и с грохотом обрушат своего хозяина на дно. Но пока новоизобретенное приспособление частично возмещало недостаточную подвижность банкира.

Кастамбанг провел гостей через тускло освещенный зал и несколько коридоров к большой двери из дерева конг, перед которой стоял арбалетчик с заряженным оружием. Фаллон заметил поперечный разрез в полу перед дверью длиной в несколько метров. Взглянув вверх, он увидел такой же разрез в

потолке. Через разрезы можно было опустить решетку. Арбалетчик отворил дверь, в створках которой оказалось несколько амбразур, прикрытых сдвигающимися металлическими плитами, и они оказались в небольшой комнате с несколькими дверями. Перед одной стоял колофтянин с дубинкой, усеянной шипами.

Эта дверь открывалась в соседнюю маленькую комнатку, где находился человек в облачении микардандского рыцаря и с обнаженным мечом. А оттуда еще одна дверь вела уже непосредственно в логово — подземное помещение из огромных каменных плит, с единственной входной дверью и несколькими вентиляционными отверстиями в потолке.

На каменном полу стоял большой инкрустированный стол из дерева конг, с изображением стилизованной раковины сафка среди сложных узоров. Вокруг него — дюжина стульев из того же материала. К радости Фаллона, он поселился среди балхибцев, которые используют стулья, в то время как другие кришнянские народы садятся на корточки или складывают ноги наподобие йогов. Его суставы были мало приспособлены к такой гимнастике.

Они сели. Колофтянин встал у двери.

— Во-первых, — начал Квейс, — я прошу принести две с половиной тысячи кардов золотом за мой счет.

Кастамбанг поднял свои антенны:

— Вам говорили, что банкирский дом Кастамбанга испытывает финансовые трудности? В таком случае могу вас заверить, что это ложь!

— Вовсе нет, зер. У меня есть свои интересы.

— Хорошо, мой добрый зер, — сказал Кастамбанг, начиная писать записку. — Очень хорошо.

Он отдал записку колофтянину, который поклонился и исчез. Квейс сказал:

— Мастер Энтане обещает мне… нам нужно составить обязательство. Он расскажет мне, что происходит в Сафке…

Квейс сообщил еще несколько подробностей, добавив, что деньги будут выплачены Фаллону после выполнения задания. Колофтянин вернулся и со звоном поставил мешок, весивший около семи килограммов. Кастамбанг развязал его и вывалил монеты на стол.

Фаллон затаил дыхание и с трудом удержался от того, чтобы не наклониться над грудой монет и с жадностью глядеть на них. На Земле человек может прожить всю жизнь и не увидеть золотой монеты. Но вот здесь, на Кришне, монеты все еще делаются из тяжелого блестящего металла, который заставляет сердца биться: настоящие монеты в исконном смысле, а не кусочки ничего не

стоящей бумаги. Республика Микарданд однажды, узнав о земном обычае, попыталась выпустить бумажные деньги, но разразившаяся безудержная инфляция настроила все остальные государства против выпуска бумажных денег.

Фаллон осторожно взял одну десятикардовую монету и принялся осматривать при желтом свете лампы, поворачивая ее, как бы интересуясь экзотической вещью, а не золотом. На самом деле именно из-за золота он готов был лгать, воровать, убивать — ради трона, который решил вернуть себе во что бы то ни стало.

— Устраивают вас эти монеты, мастер Энтане? — спросил Кастамбанг. — Удобно будет вам их использовать?

Фаллон вздрогнул: при виде золота он находился в своеобразном трансе. Он взял себя в руки и ответил, следя за тем, чтобы голос звучал естественно:

— Конечно. Во-первых, прошу выплатить мне мою сотню… Спасибо. Теперь давайте составим письменное обязательство. Ничего компрометирующего, только чек от мастера Туранжа.

Квейс сказал:

— Как же предупредить моего друга, чтобы он не выдавал денег, если задание не будет выполнено?

— В Балхибе мы обычно разрываем чек на две части и даем половинки каждому партнеру. Одна половина не имеет силы. В данном случае, я думаю, нужно разорвать на три части, — ответил Кастамбанг.

Кастамбанг открыл ящик стола, достал пачку бланков и начал заполнять один из них. Фаллон попросил:

— Оставьте место для имени в чеке. Я заполню его позже.

— Почему? — удивился банкир. — Это небезопасно, так как любой мошенник сможет поставить свое имя.

— Возможно, я приму другое имя. И если документ разделен на три части, то это не опасно. У вас ведь есть счет в банкирской фирме «Талун и Фосг» в Маджбуре?

— Конечно, зер.

— Тогда укажите, что деньги могут быть получены и там.

— Зачем, зер?

— Вероятно, после выполнения этой работы я отправлюсь в путешествие, — сказал Фаллон. — И я не хотел бы везти все это золото с собой.

— Да, те, кто имеет дело с мастером Туранжем, часто отправляются в путешествия.

Кастамбанг заполнил чек, отдал Квейсу на подпись, после чего сложил и осторожно разорвал на три части. По одной части отдал каждому из посетителей, а третью положил в ящик стола.

Фаллон спросил:

— В случае спора вы согласитесь быть судьей, Кастамбанг?

— Если мастер Туранж не возражает, — ответил банкир. Квейс кивнул в знак согласия.

— В таком случае, — сказал Кастамбанг, — мы еще раз встретимся здесь, чтобы завершить дело. Тогда я смогу решить, выполнил ли мастер Энтане свое обещание. Если я решу, что выполнил, он сможет получить свое золото или все три части чека и взять это свое золото в шумном Маджбуре.

— Хорошо, — заключил Фаллон. — А теперь чем вы можете мне помочь в осуществлении этого дела?

— Чем? — подозрительно переспросил Кастамбанг. — Я всего лишь банкир, зер, а не крадущийся интриган.

Фаллон поднял руку.

— Нет, нет! Но я удивился бы, если бы вы, с вашими обширными связями, не знали кого-нибудь, знакомого с обрядами службы Ешта.

— А! Вот что вы имеете в виду! Да, у меня действительно обширные связи. Да, зер, очень обширные… Позвольте мне подумать, — Кастамбанг сложил пальцы вместе. — Да, зер, я знаю одного. Но он не сможет рассказать вам секреты Сафка, потому что никогда в нем не был.

— Откуда же он тогда знает ритуал?

Кастамбанг хихикнул:

— Очень просто. Он был жрецом Ешта в Луссаре, но под влиянием земного материализма сбежал, сменил имя, чтобы скрыться от мести, и поселился в Заниде; здесь он стал ремесленником. Так как, кроме меня, никто не знает его прошлого, я за некоторое вознаграждение смог бы убедить его кое-что рассказать вам…

— Вознаграждение за счет мастера Туранжа, — вставил Фаллон, — а не за мой.

Квейс возразил, но Фаллон стоял на своем, рассчитывая на то, что необходимость получения информации победит скупость жадного кваасца. Он оказался прав, и вскоре мастер-шпион и банкир договорились о сумме вознаграждения. Фаллон спросил:

— Кто же этот сбежавший жрец?

— Клянусь Бакином, так я вам и сказал его имя! Чтобы вы взяли его в руки. Нет, мастер Энтане, нет, он будет моим козырем, не вашим. Больше того, он никогда не согласится раскрыть свое прошлое.

— Как же тогда?

— Сделаем так. Завтра в моем городском доме прием, будет много гостей…

Кастамбанг протянул карточку с приглашением.

— Спасибо, — сказал Фаллон, с деланным безразличием спрятав карточку и не взглянув на нее. Кастамбанг объяснил:

— Вы оба будете в масках одни в комнате, и никто не будет знать своего собеседника, что исключит предательство. Найдется ли у вас маскировочный костюм?

— Найду, — кивнул Фаллон, мысленно обозревая свой гардероб. Это шанс доставить развлечение Гази и прекратить ее жалобы, что он никуда не водит ее.

— Хорошо. Итак, завтра, в начале двенадцатого часа. Не забудьте: двенадцатый час.

* * *

Кришнянские законы, возможно, уступают земным в тщательности разработки, но никто не может отказать им в быстроте действия.

Дуэлянты были признаны виновными в нарушении общественного порядка и уплатили за это штраф, чтобы избежать более серьезного наказания.

Выходя, ештит по имени Джиредж остановился у скамьи свидетелей, на которой сидел Фаллон.

— Мастер Энтане, примите мои извинения за вчерашние грубые слова. Придя в себя, я сообразил, что именно вы своей алебардой предотвратили удар, которым проклятый кришнянский научник собирался проткнуть меня. Благодарю вас за спасение моей жизни.

Фаллон жестом остановил его:

— Все в порядке, старина, я лишь выполнял свои обязанности.

Джиредж кашлянул:

— Чтобы искупить мою невоспитанность, не разрешите ли вы в знак моей благодарности выпить со мной квада?

— С удовольствием, если вы подождете, пока разберут следующее дело.

Ештит согласился, и Фаллон был вызван как свидетель по делу о грабеже. Один из грабителей, которого он ударил алебардой, был тяжело ранен, второго не обнаружили. Грабителя, пойманного на месте преступления, допросили и признали виновным.

Судья сказал:

— Уведите его и пытайте, пока он не назовет сообщника, потом отрубите ему голову. Следующий случай.

Фаллон отправился с ештитом Джиреджем: он старался

поддерживать всевозможные контакты, надеясь получить нужные сведения. Они зашли в таверну, где подкрепили свои силы, пока Джиредж многословно выражал свою благодарность. Он говорил:

— Вы не только спасли жителя нашего святого, хотя и ветреного города, мастер Энтане, от безвременного и несправедливого конца — вы спасли своего коллегу-гвардейца.

— Разве вы тоже в гвардии?

— Да, зер, и даже в том же районе Джуру, что и вы.

Фаллон недоверчиво взглянул на него.

— Это неправда. Я не встречал вас на сборах и учениях, а я никогда не забываю увиденных мною…

Последнее не было хвастовством. У Фаллона была феноменальная память на имена и лица, и он знал гораздо больше жителей Занида, чем многие из горожан.

— Я выполняю специальное задание, зер.

— Что же вы делаете?

Ештит хмуро посмотрел на него:

— О, я дал слово хранить тайну и не могу ответить на ваш вопрос, прошу меня простить. Я скажу только, что охраняю дверь.

— Дверь? — переспросил Фаллон.

— Да, дверь. Но вы никогда не узнаете, где она находится и куда ведет.

— Интересно. Но послушайте, если эта дверь действительно так важна, почему же правительство использует для ее охраны вас? Прошу прощения, конечно. Но я думаю, они скорее поставили бы кого-нибудь из личной охраны Кира.

— Так они и делали, — воскликнул Джиредж с удовлетворением. — Но в начале этого года начались волнения на границах с Кваасом, и все регулярные войска были отправлены туда. Гвардия Кира уменьшилась больше чем наполовину, самые опытные воины разосланы частью на границы, частью на сборы новых рекрутов. Поэтому министр Чабариан отправил на этот пост надежных гвардейцев моей веры, чтобы занять место солдат.

— Но какое отношение к этому имеет ваша религия?

— Потому что только ештит… Но — молчание, я и так сказал слишком много. Лучше выпейте, мой земной друг, и не пачкайте свой нос, суя его в чужие дела.

Это было все, что смог узнать Фаллон от Джиреджа, хотя тот обнимал Фаллона, клялся ему в дружбе и обещал отплатить в будущем благодарностью.

Глава 6

— Гази! — позвал Энтони Фаллон, входя в свой дом.

— Что? — послышался раздраженный голос изнутри.

— Накинь платок, моя прелесть, мы отправляемся за покупками.

— Но я уже закупила все необходимое на сегодня…

— Нет, не вульгарная пища. Мы идем покупать тебе наряд.

— Опять напился? — спросила Гази.

— И это благодарность за щедрое приглашение? Нет, дорогая. Веришь или нет, но мы приглашены на прием.

— Что? — Гази появилась, упершись кулаками в бока. — Энтане, если это твоя очередная дурацкая шутка…

— Шутка? Взгляни сама.

Он протянул ей приглашение. Гази обняла Фаллона:

— Мой герой! Как тебе удалось его достать? Ты его украл, наверное?

— В чем это ты меня подозреваешь? Кастамбанг сам дал мне его своей короткой толстой рукой, — Фаллон распрямил позвоночник. — Прием завтра вечером, поэтому идем.

— Что за спешка?

— Разве ты не помнишь: сегодня день купания. Надо хорошенько вымыться перед приемом. Ты ведь не хочешь, чтобы джагайни банкира рассматривала тебя в лорнет?.. Захвати мыло.

— Единственная стоящая вещь, которую вы, земляне, принесли на Кришну, — сказала она, начиная суетиться. — Увы! В этих лохмотьях мне даже стыдно заходить в магазины, чтобы купить лучшую одежду. А у тебя, правда, есть деньги для таких безрассудных трат?

— Не беспокойся. Денег хватит.

Они двинулись по городу мимо Сафка. Фаллон лишь один раз взглянул на чудовищное сооружение, не желая показывать интереса к нему при Гази. Потом они миновали Дом Правосудия, где только что насадили на острия головы казненных сегодня уголовных преступников. Под каждой головой мелом было написано имя преступника и его вина.

И вот они в Кхарджу, где топот копыт шестиногих айя, развозивших экипажи с богатыми покупателями, смешивался с криками газетчиков, продающих «Рашм», с воплями уличных торговцев, расхваливающих свой товар, с шелестом плащей и юбок, со звоном ножен, со сладким звяканьем браслетов и других ювелирных изделий, — и над всем этим вздымались округлые ритмические предложения гортанной резонирующей балхибской

речи.

В Кхарджу Фаллон разыскал первоклассное заведение Веквира и смело вошел в полупустое помещение. В этот момент Веквир собственноручно показывал что-то украшенное оборками джагайни наследного дашта Квеба, в то время как сам дашт сидел на табуретке и ворчал по поводу цены. Владелец заведения взглянул на Фаллона, поднял антенны в знак того, что узнал его, и вновь обернулся к покупательнице. Помощница Веквира, молодая женщина, подошла и выжидательно посмотрела на вновь пришедшего, но тот взмахом руки отослал ее.

— Я хочу, чтобы нас обслужил сам хозяин, — сказал он.

С покорным видом благовоспитанная помощница отступила, а Фаллон прошептал на ухо Гази:

— Перестань пялиться на эти тряпки. Из-за тебя старый фастук увеличит цену.

Послышался чей-то голос:

— Хэлло, мистер Фаллон! Это ведь вы, мистер Фаллон?

Фаллон быстро обернулся. Перед ним стоял седовласый археолог Джулиан Фредро. Фаллон ответил на приветствие и добавил:

— Осматриваете достопримечательности, мистер Фредро?

— Да, благодарю вас. Как продвигается наше дело?

Фаллон улыбнулся и указан на Гази:

— Я как раз этим занимаюсь. Это моя джагайни, Гази бад-Доукх, — он перевел вторую фразу на балхибский, потом вернулся к английскому. — Мы одеваем ее к завтрашнему приему. Эти глупые социальные предрассудки Занида, понимаете?

— О, вы совмещаете дела с удовольствиями. Это тоже часть нашего дела?

— Да. Прием у Кастамбанга. Он обещал дать мне кое-какие сведения.

— Ах, так? Прекрасно! Я тоже получил приглашение на этот прием. Увидимся там. Мистер Фаллон… гм… а где будет происходить это публичное купание? Я слышал, что оно будет сегодня.

— Хотите познакомиться с причудливыми туземными обрядами? Тогда оставайтесь с нами. Закончив покупки, мы тоже пойдем туда.

Феодал расплатился, и Веквир подошел к Фаллону, потирая руки. Фаллон потребовал лучший вечерний наряд, и вскоре Гази медленно поворачивалась, пока Веквир прикладывал различные части туалета к ее обнаженному телу. Фаллон выбрал блестящую юбку из тонкого материала, такую дорогую, что даже Гази

запротестовала.

— Ничего, продолжай, — сказал он. — Мы с тобой всего лишь люди среднего возраста, не так ли?

Она бросила на него ядовитый взгляд, но юбку одобрила. Затем владелец магазина предложил ей украшенную золотом и усеянную полудрагоценными камнями улемду — разновидность кожаной упряжи, которую надевали в торжественных случаях женщины Балхиба, принадлежащие к высшему классу.

Гази стояла перед зеркалом, медленно поворачиваясь то в одну, то в другую сторону и разглядывая себя.

— За это, — повернулась она к Фаллону, — я прощу тебе многое. Но если ты так богат, то почему бы тебе не купить что-нибудь и для себя? Доставь мне удовольствие. Я выберу тебе наряд.

— Мне не нужно ничего нового. К тому же уже поздно…

— Нет, тебе нужно, любовь моя. Твоего плаща постыдился бы последний нищий, так он изорван и весь в заплатах.

— Ну, ладно, — с деньгами в кармане Фаллон недолго противился ее уговорам. — Веквир, есть ли у вас хороший мужской плащ? Ничего особенного, хорошая вещь для представителя среднего класса.

У хозяина, конечно, имелось то, что нужно.

— Хорошо, — сказал Фаллон, которому уже наскучило выбирать одежду. — Добавьте его стоимость и не забудьте о полагающейся мне скидке.

Завершив покупки, Фаллон окликнул квизун и в сопровождении Гази и Фредро направился в Джуру. Гази сказала:

— Ты необыкновенно расточителен, любовь моя. Но скажи мне, как тебе удалось получить скидку у Веквира? Ведь он готов отобрать последний арзу у нищего.

Фаллон улыбнулся.

— Видите ли, — начал он, повторяя каждую фразу на двух языках, — у Веквира был враг, некто Гулил, прославившийся, как преступник опаснее Чиллана. Этот Гулил шантажировал Веквира и вымогал у него деньги. Но однажды этот глупец слишком наклонился через окно и разбил свой череп о камни. Правда, до этого Веквир просил меня разрешить его проблемы, но, когда следователи префектуры занимались этим случаем, я доказал, что был в это время в другом месте.

Когда они проходили мимо Сафка, Фредро чуть не свернул шею, разглядывая громаду, и начал наивно говорить о том, что хорошо бы туда зайти, пока Фаллон не ударил его по ноге. К счастью, Гази знала едва ли полдюжины английских слов, и все они означали возражения.

— Куда мы идем? — спросил Фредро.

— Ко мне домой: положим покупки и возьмем наши суфкира.

— Пожалуйста, постоим немного и посмотрим на Сафк.

— Нет, мы пропустим купание.

Фаллон с беспокойством взглянул на солнце, думая, как бы в самом деле не опоздать. Он так и не привык к отсутствию часов; хотя кришняне уже изобрели примитивные солнечные часы, они все еще оставались народом, не знающим измерения времени.

Гази и Фредро заставляли Фаллона все время служить переводчиком, так как Гази практически не знала земных языков, а балхибский язык Фредро был весьма несовершенным; но Фредро был полон интереса к домашнему быту балхибцев, а Гази хотела удовлетворить его любопытство. Гази попыталась скрыть свое замешательство, когда они остановились перед убогим маленьким кирпичным домом с широкой трещиной поперек фасада, где жил Фаллон. Домик словно втиснулся между двумя большими домами, и у него не было даже центрального двора, и это, по балхибским понятиям, превращало его в лачугу.

— Скажи ему, — попросила Гази, — что мы живем здесь временно, пока ты не подыщешь помещение получше.

Фаллон, не обратив внимания на ее просьбу, ввел Фредро в дом. Через несколько минут он и Гази появились вновь, закутанные в суфкира — большие полотенца, обернутые вокруг тела наподобие тоги.

— Это близко, — сказал Фаллон. — И вам понравится.

Они двинулись на восток по улице Асада, пока эта оживленная магистраль не соединилась с улицей Джафал, идущей с юго-запада и переходящей в площадь Карара. По мере их приближения к площади, на улицах появлялось все больше людей, и наконец они были поглощены толпой завернутых в суфкира кришнян.

Сотни жителей Занида собрались на той самой площади Карара, где в предыдущую ночь Фаллон со своим отделением прекратил дуэль. Здесь было только несколько представителей других планет: большинство из них не следовало кришнянским купальным обрядам. Осириане, например, вообще не умывались, а только счищали и вновь наносили краску на свои тела. Тотиане, отличные пловцы, и так часто просто погружались в воду. А большинство гуманоидов, если они только не ассимилировались полностью на Кришне или не прибыли из стран типа Японии, соблюдали традиционный запрет на обнажение тела.

Повозка с водой, которую тащила пара лохматых шестиногих шейханов, стояла возле статуи Карара. Булыжники площади сверкали, вымытые и протертые помощником возчика, высоким

хвостатым колофтянином, необыкновенно мускулистым для представителя этой расы. Сейчас он укладывал метлу с длинной ручкой в специальное углубление повозки.

Возчик взобрался на верх повозки и направил головки разбрызгивателей на толпу. Вот он крикнул:

— Будьте готовы!

Толпа пришла в движение. Половина кришнян сняла свои суфкира и передала их другой половине. Обнаженные кришняне двинулись ближе к душам, а остальные отошли к краю площади.

Фаллон отдал свои суфкира Фредро, сказав:

— Подержите, старина.

Точно так же поступила и Гази. Фредро с некоторым удивлением взял их одежду, промолвив:

— Примерно так же мылись в Польше во время русского господства двести лет назад. Русские говорили, что это «некультурно». А разве нельзя купаться, просто оставив полотенца?

— Жители Занида вороваты. Мы с Гази впервые купаемся вместе. Если хотите, мы подержим вашу одежду.

— Нет, нет, спасибо! В отеле есть вода.

Фаллон, держа в одной руке мыло, а другой таща за собой Гази, пробирался к ближайшему душу. Возчик и его помощник закончили расправлять шланги и теперь взялись за рукояти насоса. Они двигали рукоять вверх и вниз, и из душей появилась вода.

Занидцы закричали, когда холодная вода потекла по их зеленоватой коже. Они смеялись и хлопали друг друга: у всех было праздничное настроение. Занид расположен в лишенной растительности западной части Балхиба; менее чем в ста ходдах отсюда начинались сухие степи Джоола и Квааса. А воду для города добывали из глубоких колодцев или брали из мутной мелкой Эсквы. Через весь город проходила водопроводная магистраль, при помощи системы насосов подававшая воду, но она обслуживала только королевский дворец, отель для землян и несколько богатых особняков.

Фаллон и Гази вымылись и уже выбирались из толпы, когда Фаллон, взглянув в конец площади, увидел, как Фредро, положив оба суфкира себе на плечо, наводит на толпу фотоаппарат.

— Ой! — сказал Фаллон. — Этот проклятый дурак не знает о вере в похищение душ.

Он побежал к археологу, таща за собой Гази, которая обернулась и спросила:

— Что это, Энтане? Посмотри.

Над площадью прозвучал голос. Взглянув назад, Фаллон

увидел над головами кришнян землянина в черном одеянии и белом тюрбане, взобравшегося на стену могилы короля Бал ад а и обратившегося с речью к купающимся.

— …ибо этот единый Бог ненавидит все формы нескромности. Берегитесь, грешные балхибцы, прекратите свои беззаконные поступки, иначе Бог отдаст вас под власть Квааса или Гозаштанда. Грязь в тысячу раз лучше вашего бесстыдства…

Это был Уилком Вагнер, американский вселенский монотеист. Фаллон заметил, что головы кришнян поворачиваются к источнику зычного крика.

— …в Библии сказано, что человек не должен обнажаться в присутствии других. И более того…

«Когда-нибудь он вызовет бунт», — подумал Фаллон. Он вновь повернулся к Фредро, снимавшего фотокамерой голые спины, и заторопился к археологу, крича:

— Уберите эту штуку, идиот!

— Что такое? — переспросил Фредро. — Убрать фотоаппарат? Но почему?

Толпа, все еще глядевшая на Вагнера, начала ворчать. Вагнер же продолжал свой пронзительный скрежет:

— Вы не должны есть мясо тех животных, которых вы называете сафк, ибо Бог запретил употреблять в пищу улиток, моллюсков и других животных в раковинах.

Фаллон сказал Фредро:

— Балхибцы верят, что тот, кто делает их изображения, крадет часть их души.

— Но это не может быть правдой. Я фотографировал их во время праздника, и никто не возразил.

Кое-кто из толпы начал отвечать разговорившемуся оратору:

— Мы будем есть то, что нам нравится!

— Убирайся на ту планету, откуда пришел!

Крики становились громче, но Уилком Вагнер продолжал свою проповедь. Возчик и его помощник, увлеченные этой сценой, перестали качать воду. Когда вода прекратила течь, те, что собрались у повозки, тоже присоединились к толпе вокруг могилы Балада.

Фредро сказал:

— Еще один снимок…

Фаллон нетерпеливо схватил фотоаппарат. Фредро, не отпуская его, закричал:

— Пся крев! Что ты делаешь, дурак!

Пока они боролись за обладание камерой, суфкира упали с плеча Фредро на землю. Гази с сердитым восклицанием, так как ей приходилось стирать белье, подобрала их. Крики Фредро и его

борьба с Фаллоном привлекли внимание ближайших занидцев. Один из них крикнул:

— Держите землян! Они хотели украсть наши души!

— Да, да, я видел! — крикнул другой.

Обернувшись, Фаллон понял, что они становятся центром внимания, привлекшим множество враждебных взглядов. Вокруг могилы голоса крикунов утихли, хотя по-прежнему слышался громкий голос Вагнера. Но кришняне уже подбирались к проповеднику, чтобы сдернуть вниз и забить до смерти, если только они не решат предать его более медленной и мучительной смерти. Даже возчик и его помощник слезли с повозки и подошли поближе, чтобы узнать, что происходит.

Фаллон дернул Фредро за рукав:

— Пошли, вы, идиот! Быстро!

— Куда? — спросил Фредро.

— О, черт вас возьми! — крикнул Фаллон, от раздражения готовый его ударить.

Он подхватил Гази за талию и увлек ее к повозке. Один из занидцев подскочил к Фредро, плюнул на него и закричал:

— Проклятый землянин!

После этого кришнянин замахнулся. Фаллон услышал за собой глухой звук удара. Обернувшись, он увидел, что агрессор валяется на мостовой. Ученый, хоть и состарился, сохранил немалую силу в своих кулаках.

Другой занидец приближался, крича и размахивая кулаками. Фредро, впервые почувствовав опасность того, что он наделал, побежал за Фаллоном и Гази. Аппарат свисал на кожаном ремне, а Фредро бежал, выкрикивая многосложные польские ругательства.

— На повозку! — кричал Фаллон своей джагайни.

Подбежав к повозке, Гази швырнула сверток полотенец Фаллону и взобралась на сидение возчика. Затем она протянула руки за суфкира и помогла взобраться Фаллону. Сразу за ним появилось грузное тело Джулиана Фредро.

Фаллон схватил хлыст, взмахнул им над головами шейханов и закричал:

— Хао! Хао!

Животные переступили своими двенадцатью ногами и потащили упряжь. Повозка со скрипом двинулась. В этот момент Фаллон не собирался вмешиваться в распрю между горожанами и Уилкомом Вагнером. Однако повозка оказалась рядом, когда Фаллон увидел, как обнаженные руки протянулись из толпы, чтобы схватить проповедника, все еще продолжавшего говорить.

Хотя Фаллон не особенно заботился о судьбе Вагнера, он не

мог противостоять соблазну проявить себя с лучшей стороны в глазах Гази и Фредро. Он вновь хлопнул кнутом, крича:

— Баянт-хао!

При этом крике толпа занидцев начала расступаться, и повозка двинулась среди них.

— Баянт-хао! — продолжал кричать Фаллон, размахивая кнутом над головами.

Глава 7

Повозка двигалась сквозь толпу, разделяя ее, как корабль сквозь плавающие обломки. Кришняне, гнавшиеся за Фредро, бежали следом, выкрикивая угрозы и оскорбления. Управляемая Фаллоном повозка с грациозностью судна, входящего в док, обогнула могилу короля Балада, где сбитый с ног Вагнер пытался встать.

— Прыгайте! — крикнул ему Фаллон.

Не тратя времени на размышления, Вагнер пригнулся и прыгнул, приземлившись в дальнем конце повозки. Еще несколько щелчков кнутом, и экипаж, ускоряя ход, направился к ближайшему выходу с площади Карара.

— Эй! — закричал возчик. — Отдайте мою повозку!

Он почти догнал свое имущество и попытался взобраться на ходу. Фаллон ударил его по голове рукоятью кнута, и несчастный упал на булыжник. Оглянувшись, Фаллон увидел, что еще несколько кришнян пытаются взобраться наверх, но одного он ударил в лицо, другому Вагнер наступил на пальцы, которыми тот цеплялся за край повозки. Наклонившись вперед, Фаллон хлестнул кришнянина, который пытался перехватить узду. С криком боли кришнянин отскочил и занялся рубцом на руке.

Фаллон подгонял шейханов, и повозка неслась уже по ближайшей улице. Ему казалось, что половина жителей Занида устремится за ними в погоню. Но с опустевшей на три четверти цистерной колымага развила хорошую скорость, заставляя встречных разбегаться в целях безопасности.

— Куда… куда мы едем? — спросила Гази.

— Подальше от толпы, — ответил Фаллон, указывая пальцем в направлении площади. — Держись!

Повозка резко завернула за угол и опасно накренилась.

Последовал еще один поворот, потом еще. В конце концов Фаллон, прекрасно знавший город, уже с трудом мог сообразить, где они находятся. Он немного притормозил и пустил шестиногих шейханов легкой рысью.

Люди на улицах с любопытством смотрели на повозку с бочками, где находились три землянина — двое в земных костюмах, третий обнаженный — и одна кришнянка, тоже нагая.

Вагнер перевел дух:

— Я не знаю, кто вы, но я благодарен вам за то, что вы меня вытащили оттуда. Я не думал, что эти язычники так рассердятся. Они были очень возбуждены.

Энтони ответил:

— Меня зовут Фаллон, а это Гази бад-Доукх и доктор Фредро.

— Рад встрече с вами, — сказал Вагнер. — А не можете ли вы одеться?

— Когда слезем с повозки.

— Но это вызывает подозрение, — заметил проповедник.

Фаллон собирался ответить, что ничто не мешает Вагнеру слезть, когда повозка въехала в парк, окружающий Сафк. Фредро возбужденно воскликнул что-то. Миссионер взглянул на огромное здание и, показав кулак, закричал:

— О, если бы я мог разрушить это логово языческого идолопоклонства!

— Что? — воскликнул Фредро. — Вы с ума сошли! Разрушить бесценное археологическое сокровище?

— Не желаю ничего знать об атеистической науке.

— Невежественный дикарь, — сказал археолог.

— Невежественный? — с жаром повторил Вагнер. — Ваша так называемая наука — богохульство, мистер. Я знаю правду, и это делает меня выше вас, хотя у вас и куча ученых званий.

— Прекратите! — крикнул Фаллон. — Вы привлекаете к себе внимание.

— Не прекращу. Я свидетель правды и не желаю молчать, когда богохульные языки…

— Тогда убирайтесь с повозки! — прервал Фаллон.

— Не хочу. Это не ваша повозка, мистер, и у меня на нее столько же прав, как и у вас.

Фаллон поймал взгляд Фредро:

— Высадим его, да?

— Так точно! — ответил поляк. (Они говорили на немецком.)

— Держи, — сказал Фаллон Гази, передавая ей вожжи.

Затем они вдвоем с Фредро схватили Уилкома Вагнера за руки. Мускулистый евангелист сопротивлялся, но вдвоем они оказались сильнее. Шум борьбы, и Вагнер с верха повозки полетел на землю, а его тюрбан угодил в грязную лужу: «Шлеп!»

Фаллон перехватил вожжи и заставил шейханов бежать быстрее, так как миссионер мог догнать их и попытаться вновь забраться в повозку. Но, оглянувшись, он увидел, что тот, склонив голову, сидит в луже и колотит кулаками по грязной воде.

Фредро улыбнулся:

— Бог с ним! Сумасшедших дураков, как он, которые хотят разрушить замечательный памятник, следовало бы вывалять в масле. Когда я думаю о подобной безумной глупости, я… я… — он крепко сжал зубы, так как литературный английский язык оказался недостаточным для выражения его чувств.

Фаллон натянул вожжи, остановил шейханов и укрепил

тормоз.

— Лучше оставим ее здесь.

— А почему бы не поехать прямо к вашему дому? — спросил Фредро.

— Вы слышали американскую пословицу «не крадите цыплят возле своего дома»?

— Нет. Что же она означает?

Фаллон, удивляясь подобной наивности, объяснил, что не хочет оставлять повозку рядом со своим жилищем, где ее найдут люди префекта, когда будут обыскивать район Джуру. Растолковав это, он слез с повозки и надел свою суфкира.

— Не хотите ли глоток квада, Фредро? После сегодняшних приключений это не помешает.

— Благодарю вас, нет. Мне нужно вернуться в отель, чтобы проявить пленку. Кроме того, я… я обещал сегодня встретиться с консулом Мжипой.

— Что ж, передайте Перси привет. Вы можете подсказать ему, чтобы он аннулировал паспорт преподобного Вагнера. Этот парень одной проповедью настолько ухудшает балхибско-земные отношения, что потом Перси не загладит это сотней благородных жестов.

— Проклятый обскурант! Я так и скажу. Отлично. Я знаю нескольких вселенских монотеистов на Земле. Хотя я и не разделяю их учения и не одобряю их действий, все они приличные люди. Но Вагнер!

— Что ж, — сказал Фаллон, — никто не хочет ехать в такую даль миссионером, поэтому они берут первого попавшегося добровольца и шлют его на ловлю душ. Кстати, говоря о душах, никогда не фотографируйте нагих балхибцев. Или, по крайней мере, не делайте этого без их разрешения. Это не лучше проповедей Вагнера.

Фредро смутился:

— Я поступил глупо. Но, надеюсь, вы меня извините. Я больше не буду так непростительно беспечен. Обжегшись на молоке, дуют на воду.

— О, конечно. В крайнем случае, если вам очень нужно их сфотографировать, используйте миниатюрную камеру «Хаяши».

— У них не очень четкое изображение, но благодарю вас еще раз, — Фредро посмотрел вдоль улицы, по которой они ехали, и его лицо выразило ужас. — Смотрите, кто там! Пся крев!

Он повернулся и быстро пошел прочь. Фаллон сказал на балхибском: «Насук Дженда» и взглянул в указанном направлении. К своему удивлению, он увидел У ил кома Вагнера, бегущего к ним с грязным тюрбаном в руке.

— Эй, мистер Фаллон! — крикнул миссионер. — Мне жаль, что у нас вышла небольшая ссора. Я так сержусь, когда кто-нибудь не соглашается с моими принципами, что не всегда понимаю, что делаю.

— Ну? — сказал Фаллон, глядя на Вагнера, выбирающегося из очередной кучи мусора.

— Нельзя ли мне отправиться к вам домой? И провести у вас некоторое время?

— Все хотят сегодня ко мне в гости, — заметил Фаллон. — Зачем это вам?

— Видите ли, когда я сидел на улице после того, как вы меня оставили, появилась толпа голых кришнян. Многие были с дубинками. Они расспрашивали, куда проехала повозка. Я и подумал, что будет безопасней, если я пережду где-нибудь в помещении, пока они разыскивают нас. Эти язычники очень сердились.

— Тогда пошли быстрее, — сказал Фаллон и стремительно двинулся, таща за собой Гази. — Ну, идемте, Вагнер. Вы вызвали эту неприятность, но я не оставлю вас. Возможно, вы не в курсе, но кришнянская толпа способна на гораздо худшее, чем толпа землян.

Они быстро, как могли, только что не переходя на бег, миновали несколько кварталов до дома Фаллона. Пропустив Вагнера и Гази вперед, Фаллон запер дверь.

— Вагнер, беритесь за этот диван. Придвинем его к двери.

Вдвоем они придвинули кушетку к двери.

— Теперь посидите здесь, пока мы переоденемся.

Через несколько минут, надев свою накидку, Фаллон вновь появился в комнате.

— Что слышно о наших друзьях?

— Ничего. Ни звука, — ответил Вагнер.

Фаллон достал сигару.

— Курите? Наверное, нет.

Он зажег сигару, затянулся и сделал глоток квада.

— Немного алкоголя?

— Нет, не нужно, но вы продолжайте. И я не собираюсь указывать, как вам поступать в вашем собственном доме, даже если вы совершаете грех.

— Правильно, Унылый Дэн.

— О, вы слышали об этом? Да, я был худшим грешником в системе цетических планет, а может быть, и во всей Галактике. Вы даже представить себе не можете, какие грехи я совершал, — Вагнер задумчиво вздохнул, как бы заново переживая эти грехи. — Но потом я прозрел. Мисс Гази…

— Она не понимает вас, — сказал Фаллон.

Вагнер перешел на ломаный балхибский:

— Миссис Гази, я хочу сказать, что человек не знает настоящего счастья, пока не увидит свет истины. Все земные наслаждения исчезают, как облако дыма, перед лицом того, кто правит миром. Вы знаете всех богов, в которых верят на Кришне? Они не существуют. Когда вы поклоняетесь своему богу любви, вы на самом деле поклоняетесь одной стороне истинного Бога, который в то же время и бог любви. Но если вы поклоняетесь одной стороне единого истинного Бога, почему бы вам не поклоняться ему полностью?..

Фаллон, потягивая квад, вскоре устал слушать проповедь. Однако Гази речь миссионера, по-видимому, нравилась, и Фаллону пришлось слушать дальше. Он вынужден был признать, что Вагнер обладает каким-то магнетизмом. Его длинный нос дрожал, глаза сверкали страстью приобрести очередного новообращенного. Когда Фаллон пытался задать вопрос или возразить, Вагнер обрушивал на него лавину силлогизмов, цитат и призывов.

Прошел уже час, Рокир садился, а толпа занидцев не появлялась. Фаллон, почувствовав голод, сказал:

— Мы не гоним вас, старина, но…

— О, конечно, вам нужно обедать. Я забываю обо всем, когда говорю об истине.

— Мы были рады вас видеть, — коротко сказал Фаллон, отодвигая диван от двери. — Вот ваш тюрбан, и воздерживайтесь от соблазнов.

Вагнер со вздохом надел длинную грязную ленту на свои черные волосы.

— Постараюсь. Но вот моя карточка, — и он протянул визитную карточку с надписью на английском, португальском и балхибском. — Это адрес меблированных комнат в Думу. В любое время, когда упадете духом, приходите, а я озарю вас божественным светом.

— Я думаю, — заметил Фаллон, — что вам не стоит задевать древние обычаи кришнян, которые очень хорошо приспособлены к своему образу жизни.

Вагнер наклонил голову:

— Постараюсь быть тактичнее. Я ведь всего лишь бедный, подверженный ошибкам грешник, подобный всем остальным. Еще раз спасибо. До свидания, и пусть вас благословит Господь.

* * *

— Слава богу, он ушел! — сказал Фаллон.— Как насчет еды? Сейчас приготовлю,— ответила Гази.— Но я думаю, ты несправедлив к мастеру Вагнеру. Он не кажется эгоистичным человеком.

Фаллон, чувствуя некоторую неуверенность после выпитого квада, проговорил:

— Я не верю лицам, которые кажутся бескорыстными. Вагнер был авантюристом — им и остался.

— Ты всех: и землян, и кришнян — судишь по своей мерке, Энтане. Я думаю, что мастер Вагнер хороший человек, даже если его методы поспешны и опрометчивы… Что касается его веры, то я думаю, что она может быть истинной. В конце концов, его доводы не более ошибочны, чем у поклонников Бакха, Ешта, Кондиора и других.

Фаллон нахмурился. Восхищение его джагайни этим презренным Вагнером раздражало его, а алкоголь лишь усиливал это раздражение. Чтобы удивить Гази и изменить предмет разговора, он нарушил свое правило — не обсуждать с нею дела — и сказал:

— Кстати, если мне удастся одно дело, трон Замбы нам обеспечен.

— Какое дело?

— Так, одно расследование. Если я кое-кому доставлю нужные сведения, мне заплатят достаточно, чтобы мы смогли начать.

— Но кому именно?

— Ты не догадаешься. Шут и шарлатан, но он распоряжается всем золотом Дакхака. Я встретил его утром у Кастамбанга. Кастамбанг выписал чек, он подписал его, потом банкир разорвал чек на три части и дал нам по одной. Если кто-нибудь соберет все три части, он сможет получить золото здесь или в Маджбуре.

— Как интересно! — Гази появилась из кухни. — Можно мне взглянуть?

Фаллон показал ей третью часть чека и спрятал его вновь.

— Никому не говори об этом.

— Не скажу.

— Ну, так когда же обед?

Глава 8

На следующее утро Фаллон уже приканчивал вторую рюмку шураба, когда зазвонил маленький дверной колокол. Пришел мальчик-занидец с письмом. Заплатив ему пять арзу, Энтони прочел:

«Дорогой Фаллон. Вчера вечером доктор Фредро рассказал мне о вашем намерении посетить прием Кастамбанга. Не сможете ли вы навестить меня сегодня, захватив с собой приглашение?

Ваш П. Мжипа, консул»

Фаллон нахмурился. Неужели Мжипа собирается вмешиваться в его планы со своими соображениями о том, как не уронить престиж человеческой расы перед туземцами? Он вполне способен делать это и одновременно обсуждать проект проникновения в Сафк. Фаллон вынужден был признать, что консул является истинным представителем человеческого рода.

Итак, он решил отправиться к Перси Мжипе и выяснить, что тому нужно, тем более что ему нечем было заняться в это утро. Фаллон принялся собираться.

— Ты куда? — спросила Гази, убирая со стола.

— Меня хочет видеть Перси.

— А зачем?

— Он не сказал.

Без дальнейших объяснений Фаллон вышел, положив приглашение в кошелек, подвешенный к поясу. Чувствуя, что его кошелек значительно полегчал по сравнению с прошлым днем, он сел в омнибус, запряженный парой айев и шедший по улице Асада к Кхарджу, где на проспекте с правительственными учреждениями помещалось земное консульство. Фаллон подождал, пока Мжипа закончил долгий разговор с каким-то кришнянским правительственным чиновником.

Когда чиновник ушел, Мжипа провел Фаллона во внутренние помещения и начал своим резким голосом:

— Фредро сказал, что вы собираетесь на прием взять с собой Гази. Это верно?

— Верно. Но какое отношение это имеет к консульству?

— Вы захватили с собой приглашение, как я просил?

— Да.

— Разрешите взглянуть?

— Пожалуйста, Перси, но надеюсь, вы не совершите никакой глупости, например, не разорвете его. Потому что это связано с вашим проклятым предложением. Не будет приема — не будет и Сафка.

— Не говорите вздор, — покачал головой Мжипа и внимательно изучил карточку. — Так я и думал.

— О чем вы думали?

— Вы внимательно прочли ее?

— Нет. Я свободно говорю по-балхибски, но читаю очень плохо.

— Значит, вы не читали этого примечания: «Приглашается только один человек».

— Что?

Мжипа указал на надпись. Фаллон прочел с упавшим сердцем.

— Черт возьми! — гневно воскликнул он.

Мжипа объяснил:

— Видите ли, я хорошо знаю Кастамбанга. Он принадлежит к дворянам, лишенным титула. Ужасный сноб: даже на вас смотрит свысока, можете себе представить такую наглость? Я уже видел его приглашения с подобным примечанием и подумал, что он не захочет пригласить Гази — не имеющую братьев женщину из низшего класса. Поэтому я и решил предупредить вас, чтобы избавить от затруднений, когда вы вдвоем явитесь к нему в дом и лакей не впустит Гази.

Фаллон беспомощно посмотрел в лицо Мжипе. Он не увидел признаков злорадства. Приходилось признать, что консул действительно хотел сделать ему одолжение.

— Спасибо, — сказал в конце концов Фаллон. — Теперь мне нужно постараться сообщить эту новость Гази так, чтобы она не сломала мне шею. Для этого мне понадобится вся мудрость Анерика.

— Тут я не могу вам помочь. Если уж вы хотите жить с этой огромной, сильной кришнянкой…

Фаллон удержался от замечания, что жена Мжипы напоминает слона с ее родины. Он только спросил:

— Вы там будете?

— Нет. Я добыл приглашение для себя и Фредро, но он решил не ходить.

— Почему? Я думал, он заинтересован в нашем проекте.

— Он слышал, что на подобных приемах устраивают бой зверей, а он ненавидит жестокость. Что касается меня, то наутро после приемов у меня болит голова. Я лучше останусь дома и буду читать «Аббека и Данжи».

— На гозаштандоу, в оригинале? Все двести шестьдесят четыре песни?

— Конечно, — ответил Мжипа.

— Да, как ужасна судьба интеллектуала! Кстати, вы обещали

на следующий день дать мне необходимые средства для маскировки.

— Хорошо, что вы напомнили мне, — кивнул консул, порылся в ящике стола и достал оттуда сверток. — Здесь достаточно для вас обоих: краска для волос, уши, антенны и прочее. Земляне сейчас уже не используют это в Балхибе, но вам придется.

— Спасибо, Перси.

Фаллон шел по городу, напряженно размышляя. Вначале он не без борьбы подавил желание напиться так, чтобы, когда он протрезвеет, проклятый прием уже окончился. Затем, поскольку выдался очень хороший день, он решил прогуляться к городской стене, а не возвращаться сразу домой.

Он не хотел ссориться или порывать с Гази; с другой стороны, будет буря, если он просто скажет ей правду. Конечно, он совершил ошибку, не прочитав все на карточке. Он показывал ее Гази, так что она тоже могла заметить роковую фразу. Но говорить ей об этом сейчас не стоило.

Ближайший участок стены находился на востоке, прямо напротив его дома, там, где тянется от дворца на холме до ворот Луммиш. Большая часть пространства между дворцом и этими воротами была занята казармами регулярной армии Балхиба. В казармах квартировали части, расположенные в столице, плюс офицеры и военные, откомандированные на другие службы. Одним из таких военных был капитан Кордак, командовавший отрядом гражданской гвардии в районе Джуру.

Воспоминание о Кордаке дало ему новую пищу для размышлений. Возможно, если он будет действовать правильно…

Он направился к баракам и вскоре увидел капитана, протиравшего свои очки.

— Хэлло, Кордак! — сказал Фаллон. — Как живет регулярная армия?

— Приветствую вас, мастер Энтане. Отвечая на ваш вопрос, должен сказать, что жизнь в армии затруднительна, но это кое-чем компенсируется.

— Новые слухи о войне?

— Эти слухи продолжают летать, как неразумные акебаты, но их не больше, чем раньше. Ко всему можно привыкнуть. Человек, выживший после чумы бамбир, больше не боится ее. Но, зер, что привело вас сюда, в это угрюмое помещение?

— Я в затруднении, мой друг, — ответил Фаллон, — и только вы можете помочь мне.

— В самом деле? Я благодарю вас за похвалу, но надеюсь, вы не взвалите слишком большую тяжесть на мой хрупкий болотный

камыш.

Фаллон рассказал о своей ошибке и добавил:

— Вы ведь хотели возобновить свое знакомство с миссис Гази?

— Да, зер, из-за старых воспоминаний.

— Если я заболею и лягу в постель, конечно, Гази будет разочарована.

— Конечно, будет, — сказал Кордак. — Но что за необычная суматоха из-за приема? И почему просто не сказать ей, что идти нельзя, и не отправиться с ней в другое место?

— Но я-то должен туда идти. У меня деловое свидание.

— О! И что же тогда?

— Если вы случайно зайдете ко мне домой в одиннадцатом часу, вы порадуете больного и затем предложите утешить Гази, взяв ее с собой.

— И куда же я должен буду повести эту хорошенькую маленькую шалунью?

Фаллон сдержал улыбку, подумав о весе Гази.

— Вечером в Сахи возобновляют постановку «Заговорщиков» Хариана. Я заплачу за билеты.

Кордак почесал подбородок:

— Не совсем обычное предложение, но… Клянусь Бакхом, я согласен, мастер Энтане. Капитан Квум задолжал мне одно дежурство, и я пошлю его за себя. Значит, в одиннадцатом часу?

— Да, пожалуйста. И не торопитесь возвращаться с ней домой.

Заметив блеск в глазах Кордака, Фаллон добавил:

— Вы понимаете, я всего лишь хочу немного развлечь ее.

* * *

Придя домой, Фаллон застал Гази по-прежнему в приподнятом настроении. После ленча он прилег с занидской пятидневной газетой «Рашм» (это мифологическое имя в переводе означало приблизительно «громовой»). Скоро он начал жаловаться на боль.

— Гази, что было в этой еде?

— Ничего необычного, мой дорогой. Лучший бадр и свежевыловленный эмбар.

— Гм, — Фаллон не испытывал обычного для землян отвращения к эмбару, большому беспозвоночному животному, внешне напоминавшему смесь таракана с омаром. Но общеизвестно, что мясо этого животного быстро портилось и

могло послужить причиной болезни. Немного позже он начал корчиться как бы от боли и стонать, перепугав Гази. Миновал еще час: Фаллон лежал в постели, а разочарованная Гази истерически рыдала и била в стену кулаками.

Когда крики и рыдания несколько утихли и она смогла говорить членораздельно, женщина сказала:

— Конечно, бог землян лишает нас всех радостей. А мой прекрасный, вышитый золотом наряд будет лежать, пока не сгниет.

— О, мы найдем случай его использовать, дорогая, — ответил Фаллон, симулируя приступ боли. — Не беспокойся, мне скоро будет лучше.

— Вызвать доктора Квоурапа?

— Не хочу, чтобы ко мне притрагивался кришнянский доктор. Он вырежет мне легкое, приняв его за аппендикс.

— Ну, тогда вызовем землянина. Тут поблизости есть доктор Нанг. Я позову его…

— Нет, я не настолько болен. К тому же он китаец и будет лечить меня какими-нибудь варварскими средствами (это было неверно, но как оправдание годилось).

Время после полудня показалось Фаллону очень долгим, так как он не осмеливался даже читать, чтобы не производить впечатление выздоравливающего. Когда подошел час третьей еды, он сказал, что ничего не хочет. Это встревожило Гази, привыкшую к его аппетиту больше, чем его стоны и гримасы.

После бесконечного ожидания свет Рокира потускнел и зазвонил дверной колокол. Гази торопливо вытерла слезы и отправилась открывать. Фаллон услышал голоса у входа, затем вошел капитан Кордак.

— Привет, мастер Энтане! — сказал он. — Я слышал, что вы заболели, и пришел подбодрить вас, если позволит мой грубый солдатский язык. Что же беспокоит моего боевого товарища?

— Я что-то съел. Ничего серьезного — и завтра все пройдет. Вы знакомы с моей джагайни Гази бад-Доукх?

— Конечно. Раньше мы были друзьями и узнали друг друга у входа, не без грусти вспомнив, сколько лет прошло с тех пор. Как приятно увидеть ее вновь после такого перерыва, — капитан замолчал как бы в замешательстве. — Я хотел пригласить вас на представление «Заговорщиков», но так как вы больны…

— Возьмите Гази, — предложил Фаллон. — Мы с ней собирались на прием к Кастамбангу, но я не могу идти.

Начались вежливые отговорки; Гази сказала, что не может оставить больного, а Фаллон при поддержке Кордака настаивал, чтобы она пошла. Скоро женщина сдалась и отправилась надевать

свой новый наряд.

Когда они вышли, Фаллон встал с постели и надел свою лучшую тунику и накидку. Торопливо поев, прицепив на бок рапиру, сделав глоток квада и быстро оглядев себя в зеркало, он направился к дому банкира Кастамбанга.

Глава 9

Сотни свеч заливали ярким светом вечерние туники кришнян и обнаженные плечи и груди их жен. Сверкали бриллианты, блистали драгоценные металлы.

Созерцая это великолепие, Фаллон, обычно не очень склонный к отвлеченным размышлениям, спросил себя: как эти люди умудрились так легко перенестись из феодализма в капитализм за несколько лет? И что произойдет с ними дальше? Будет ли у них социализм и коммунизм, как это было у некоторых земных народов, прежде чем повсюду установился единый смешанный экономический строй? Неравенство в богатстве может послужить стимулом такой революционной тенденции. Впрочем, кришняне слишком агрессивны, романтичны и индивидуалистичны для любого коллективистского режима, хотя революций на этой планете не избежать, именно из-за их романтизма.

Он сидел в одиночестве, потягивая квад из кружки, полученной в баре, и ожидал начала представления, которое должно было проходить на небольшой сцене. Если бы здесь была Гази, он отправился бы с ней танцевать в бальный зал, где группа балхибских музыкантов энергично, но неумело подражала земному джазу. Поскольку Энтони Фаллон плохо умел танцевать и потому не любил такое времяпрепровождение, одиночество не тяготило его.

На сцене пара, представившаяся как Иван и Ольга, прыгала, скакала и подбрасывала ноги в танце славянского типа. Хотя их зеленоватая кожа была выкрашена розовой краской, антенны спрятаны, а длинные уши замаскированы (мужчина надел овчинную шапку типа «казак», а женщина воспользовалась своей прической), Фаллон по незначительным анатомическим деталям видел, что это кришняне. Почему они выдавали себя за землян? Конечно, для рекламы: по мнению кришнян, именно Земля, а не их родная планета, была символом волшебства и романтики.

Кто-то притронулся к плечу Фаллона. Он оглянулся. Это был Кастамбанг, сказавший:

— Мастер Энтане, все готово. Пойдемте.

Фаллон последовал за хозяином в маленькую комнату, где его ждали двое слуг: один с маской, а другой с просторным черным комбинезоном.

— Наденьте это, — сказал Кастамбанг. — И ваш собеседник будет одет так же, чтобы вы не узнали друг друга.

Фаллон, чувствуя себя шутом, позволил слугам надеть на

себя маску и комбинезон. Затем Кастамбанг, пыхтя и прихрамывая, повел его через коридоры, крытые черным бархатом и вызвавшие у Фаллона чувство, будто он пробирается по внутренностям какого-то животного и его вот-вот начнут переваривать. Они подошли к одной из многочисленных дверей, выходящих в черные коридоры, и банкир открыл ее.

Вводя Фаллона в помещение, он сказал:

— Никаких трюков и хитростей. Мой человек будет осторожен.

После этого он вышел и закрыл дверь.

Когда глаза Фаллона привыкли к полумраку комнаты, то первое, что он увидел, была маленькая масляная лампадка, горевшая в нише перед медной статуэткой злого бога из Зиада у Триморья. У противоположной стены он различил сидящую на корточках темную фигуру. Заметив, что на него обратили внимание, человек резко поднялся, оказавшись одного роста с землянином.

Фаллон вздрогнул, его рука рефлекторно потянулась к рукояти рапиры. Но он вспомнил, что оставил оружие при входе в дом. А потом сообразил, что перед ним кришнянин, одетый точно так же, как и он.

— Что вы хотите знать? — спросила черная фигура.

В голосе чувствовалось напряжение; язык балхибский, акцент как будто восточно-балхибский, где чувствуется сильное влияние соседнего Гозаштанда.

— Полный ритуал службы Ешта, — сказал Фаллон, доставая блокнот и карандаш и придвигаясь ближе к лампадке.

— Клянусь богом землян, в ней нет ничего необычного, — ответил собеседник. — Всю службу занимают поучения для молящихся и гимны, но я помню из них только немногие.

— Эти поучения секретны?

— Вовсе нет. Их можно купить в любом книжном магазине.

— Тогда опишите то, чего нет в поучениях: костюмы, движения и тому подобное.

Незаметно прошел час. Фаллон исписал весь блокнот.

— Это все?

— Все, что я знаю.

— Ну что ж, спасибо. Кстати, если бы я знал, кто вы, мы могли бы оказывать друг другу услуги время от времени. Мне часто бывает нужна информация… — Фаллон попробовал закрепить знакомство.

— С какой целью, мой добрый зер? — настороженно поинтересовался собеседник.

— Ну… скажем, для «Рашма», — Фаллон действительно

напечатал в «Рашме» несколько очерков, прикрывая этим подозрительное отсутствие постоянной работы.

Собеседник ответил:

— Не возводя на вас клевету, мой добрый зер, должен все же сказать, что тот, кто знает мое имя и мое прошлое, может причинить мне большое зло.

— Но я не собираюсь причинять вам зла. Кроме того, я мог бы сообщить вам свое имя.

— Это мне легко определить и самому. У землян своеобразный гнусавый выговор, а ваш хозяин пригласил на прием лишь нескольких землян. Выбрать несложно.

Фаллон подумал: не попытаться ли сорвать с собеседника маску? Но тот мог прятать в своей одежде нож. Впрочем, даже безоружный, он, вероятно, сильнее. Хотя в среднем земляне обладают большей силой, чем кришняне, так как привыкли к большей силе тяжести, но Фаллон был уже далеко не молод.

— Ну, ладно, — сказал он. — До свидания.

И постучал в дверь, через которую вошел. Когда дверь отворяли, Фаллон услышал, как его собеседник постучал в противоположную дверь. Фаллон вышел и проследовал за слугой по затянутым черным бархатом коридорам в маленькую комнату, где снял и оставил свою маскировку.

— Вы удовлетворены? — спросил Кастамбанг, входя. — Получили то, что нужно?

— Да, благодарю вас. Не скажете ли, что ожидает нас сегодня вечером?

— Вы как раз успеете на звериный бой.

— Да?

— Да, да. Если хотите, я прикажу лакею проводить вас в подвал. На представлении будут только мужчины. Во-первых, потому, что мы сангвиники и ведем себя так, что это не нравится слабому полу; во-вторых, многие наши женщины наслушались земных проповедников, которые говорят, что такие представления аморальны. Когда наши воины станут такими изнеженными, что вид крови будет вызывать у них отвращение, мы погибнем от стрел и сабель джунгов.

— О, я, конечно, пойду, — сказал Фаллон.

* * *

Подвал дома Кастамбанга представлял собой небольшое подземное помещение с амфитеатром. Часть его была отведена под бар, столики для игр и другие развлечения. В другой части, в

дальнем конце подвала, где и должен был происходить бой зверей, находилось углубление, окруженное несколькими рядами сидений и напоминавшее круглую яму диаметром в пятнадцать метров и глубиной в семь.

В помещении находилось пятьдесят-шестьдесят кришнян. Воздух был полон дымом, запахами, гулом разговоров, в которых каждый говорящий старался перекричать всех остальных. Раздавались проклятия, заключались пари, многие пили крепкие напитки.

Как раз когда появился Фаллон, двое споривших гостей перешли от слов к действиям. Один из них схватил другого за нос, а второй выплеснул первому в лицо содержимое своей кружки. Первый, покраснев от ярости, хотел схватиться за саблю, но ее не оказалось, и он набросился на своего противника с кулаками. Они покатились по полу, нанося друг другу беспорядочные удары, царапаясь и выдирая волосы.

Группа лакеев разняла их. Один занялся своей ушибленной рукой, другой осматривал глубокие царапины. Их увели в противоположные двери.

Фаллон взял в баре кружку квада, поздоровался с несколькими знакомыми и направился к яме, куда устремились и все остальные. Он подумал: «Немного посмотрю бой, потом пойду домой. Не нужно, чтобы Гази и Кордак возвратились раньше меня».

Поторопившись к краю ямы, он успел занять одно из сидений первого ряда. Опершись о перила, он оглянулся и узнал своего соседа справа — высокого, стройного и молодого кришнянина. Это был Чиндор бад-Квинан, вождь тайной оппозиции сумасшедшему королю Киру.

Встретившись с ним взглядом, Фаллон сказал:

— Здравствуйте, ваше высочество.

— Привет, мастер Энтане. Как дела?

— Хорошо, благодарю вас. Что у нас сегодня в программе?

— Екии, пойманные в лесах Джераба, против шена из тропических джунглей Мутаабвка. Вы знакомы с моим другом, мастером Лийярой?

— Рад познакомиться с вами, — сказал Фаллон, пожимая протянутую руку.

— Я тоже, — ответил Лийяра. — Я надеюсь, что нас ожидает редкое зрелище. Не хотите ли заключить пари? Я ставлю на шена.

— Восемь монет за екия, — заявил Фаллон, вглядываясь в Лийяра.

Восточный акцент напоминал ему голос человека в маске. Возможно, он ошибся, но, кажется, Лийяра тоже внимательно

присматривается к нему.

— Вы проиграете, — сказал Лийяра. — И я ставлю три к двум…

Спор был прерван движением и шумом в аудитории, теперь все собрались у ямы. А высокий колофтянин, хлопнув маленькой дверцей, вышел на середину арены, ударил в небольшой гонг, призывая к молчанию, и объявил:

— Добрые господа, мой хозяин Кастамбанг предлагает для вашего удовольствия звериный бой. Из этого входа, — он указал на одну из больших решеток, — выйдет взрослый самец-екий из лесов Джераба; из противоположной — огромный шен, пойманный с большим риском в экваториальных джунглях Мутаабвка. Быстрее заключайте пари, ибо схватка начнется, как только звери будут достаточно разъярены. Благодарю вас.

Колофтянин ушел тем же путем. Лийяра продолжил:

— Я говорю: три к двум…

Но он был вновь прерван скрежетом зубчатых колес и звоном цепей: решетки были подняты. Глухой рык донесся до аудитории, и ответом ему был мощный рев, как будто гигант разрывал железный лист.

Вновь раздался рык, на этот раз поближе, и на арену вышел, рыча, огромный, покрытый коричневой шерстью хищник: екий, похожий на шестиногую норку размером с тигра. Из противоположной двери выползло еще более ужасное чудовище — тоже шестиногое, но безволосое. Это был ящер с длинной шеей и сужающимся к хвосту туловищем. Его бока блестели и украшались причудливо переплетающимися узорами зеленых и серых линий с беспорядочно разбросанными пятнами того же цвета.

«Прекрасная маскировка для того, чтобы скрываться в тропических джунглях», — подумал Фаллон.

Наземные животные Кришны развились из водных двумя различными путями: одни яйцекладущие с четырьмя конечностями, другие живородящие с шестью конечностями. Видов с четырьмя конечностями было меньше: сюда входили гуманоиды, а также похожие на верблюдов шомалы. Шестиногие составляли большинство наземных форм жизни: домашние айя, шейханы, эшуны, биштары; подавляющее количество хищников; летающие формы, такие, как акебат, у которого средняя пара конечностей развилась в крылья, как у земной летучей мыши. Параллельная эволюция привела к нескольким удивительным совпадениям между четырехногими и шестиногими так же, как и между животными Кришны и других планет.

Фаллон знал, что предварительно хищников долго дразнили,

чтобы привести в сильную ярость. На воле же инстинкт обычно заставлял представителей этих видов избегать друг друга.

Екий продвигался вперед, прижимаясь к полу брюхом, как кот, крадущийся к птице, а его пасть раскрылась в судорожном зевке, обнажив огромные клыки. Шен отступил, изогнув свою длинную шею подобно лебедю. Рык за рыком вылетал из его пасти. Когда екий подполз ближе, голова шена метнулась вперед, челюсти хлопнули, но екий с быстротой мысли отскочил. А затем вновь начал осторожно подползать.

Кришняне пришли в состояние крайнего возбуждения. Они выкрикивали ставки, клятвы и проклятия. Они подскакивали на своих сидениях, как обезьяны, и кричали в уши сидящим впереди. Рядом с Фаллоном Чиндор бад-Квинан в клочья разорвал свою элегантную шляпу.

Щелк-щелк-щелк огромных клыков. Все собравшиеся испустили крик при виде первой крови. Екий не успел уклониться от выпада шена, и зубы тропического хищника впились в плечо противника. Коричневая кровь, похожая на какао, показалась в густой шерсти екия.

В нескольких сидениях от Фаллона какой-то кришнянин пытался заключить пари с Чиндором, но они не слышали друг друга. Наконец дворянин перегнулся через колени Фаллона. Собеседник же взобрался на свое сидение и наклонился через зрителей.

Щелк-щелк! Еще кровь: и екий, и шен были ранены. Воздух сгустился от сигаретного дыма, запаха крепких духов, алкоголя, потных тел кришнян и крови зверей. Фаллон закашлялся. Лийяра что-то сказал ему.

Звери следили за движениями друг друга. Фаллон обнаружил, что сам что есть силы сжимает перила, наклонившись через них.

Бах! Екий и шен столкнулись. Шен перекусил переднюю лапу екия, но в тот же момент екий впился в длинную шею дракона…

Песок с арены облаком закрыл дерущихся зверей. Теперь на арене виден был лишь клубок лап и тел, с ревом перекатывающийся по полу.

Фаллон, как и все остальные, не отрывал глаз от зверей, не обращая внимания на окружающих. Но тут он почувствовал, что чьи-то руки ухватили его за лодыжки и приподняли. Толчок — и он, перевалившись через перила, упал на арену.

Ему показалось, что его перебросил через перила Лийяра, но затем облако песка ударило ему в лицо.

Фаллон перевернулся, чуть не вывихнув себе шею. Во всяком случае она сильно болела при каждом его движении. Он вскочил

на ноги перед мордой екия, стоявшего над шеном. Дракон был мертв.

Фаллон взглянул вверх. Кольцо бледно-зеленых лиц окружало арену. У большинства были раскрыты рты, но он ничего не услышал: все кричали разом.

— Меч! — воскликнул он. — Пусть кто-нибудь бросит мне меч!

Фигуры задвигались в поисках меча. Но все оставили оружие при входе в дом. Кто-то кричал, что нужна веревка, кто-то искал лестницу, другие орали, что нужно связать плащи.

Они суетились вокруг арены и выкрикивали советы, но никто ничего не предпринимал.

Екий пополз вперед на брюхе.

Но тут хозяин дома перегнулся через перила и крикнул:

— Эй, мастер Энтане! Держите!

Вниз рукоятью вперед полетел меч. Фаллон поймал его за рукоять, повернул и направил на екия.

Зверь приближался. Фаллон подумал, что сейчас хищник прыгнет, тогда никакое оружие ему не поможет.

Единственным выходом было напасть самому. Фаллон двинулся к зверю, размахивая мечом. Хищник заревел и отступил, поджимая перекушенную лапу. Фаллон ударом меча отбил удар когтистой лапы зверя.

Екий заревел громче. Фаллон с замирающим сердцем приблизил лезвие к носу зверя. При первом же уколе екий с ревом и рычанием повернул назад.

— Мастер Энтане! — прозвучал голос. — Гоните его в открытый проход!

Выпад — выигран еще один шаг; еще выпад — и меч назад, как только зверь пытается достать лапой. Еще один шаг. Понемногу Фаллон теснил екия к проходу, каждую минуту ожидая яростного прыжка и смерти.

Но вот в поисках безопасности зверь повернулся и по-змеиному скользнул в открытую дверь. Сверкнул коричневый мех, и екий исчез. Звякнула опустившаяся решетка.

Фаллон покачнулся. Наконец кто-то бросил веревку-лестницу. Он медленно взобрался наверх и протянул меч Кастамбангу.

Фаллона хлопали по спине, ему протягивали сигары и напитки, его обнимали и вели по комнате. Ничто не могло остановить восторга кришнян. Наконец кто-то протянул Фаллону полную шапку золотых и серебряных монет, собранных присутствующими, чтобы наградить землянина за доблесть.

Лийяра нигде не было видно. Из замечаний присутствующих

Фаллон понял, что никто не видел, как его столкнули на арену.

— Клянусь носом Тайязана, но почему вы упали?

— Он соскучился!

— Нет, он убивает чудовищ ради удовольствия!

Если бы Фаллон попытался обвинить Лийяра, у него не оказалось бы свидетелей.

Через несколько часов, проглотив огромное количество спиртного, Фаллон обнаружил, что сидит, развалившись, в квизуне, в компании нескольких гостей и поет пьяную песню в такт топоту шестиногого айи. Остальные постепенно сходили, но никто не жил так далеко в бедном районе к западу. Значит, ему придется заплатить за всех. Но с этими деньгами, которые они для него собрали…

Но где же, ради Хишкака, эти деньги? И тут он смутно вспомнил азартные игры, где выиграл около тридцати тысяч кардов. Потом непостоянная Давия, богиня удачи, покинула его, и вскоре он спустил все выигранное, а за ними и то, что собрали для него гости.

Энтони застонал. Неужели он никогда не поумнеет? С такими деньгами, которые были у него, он мог бы отряхнуть пыль Балхиба со своих башмаков, предоставить Мжипе, Квейсу и Фредро самим решать загадку Сафка и набрать наемников в Маджбуре для возврата себе трона Замбы.

Но вдруг новая ужасная мысль возникла у него. После этого приключения с екием и последующей оргией он перестал следить за временем и совершенно забыл о Гази с Кордаком. Конечно, они уже вернулись. И как же он объяснит свое отсутствие? Он сжал болевшую голову. И от него несет, как от самогонного аппарата.

Его мозг, обычно такой изобретательный в поисках объяснений, казался парализованным. Может, так: «Мои друзья Гарган и Уимз зашли посмотреть, что со мной. Я уже чувствовал себя лучше, и они уговорили меня пойти с ними к Саванчу, но там у меня снова начался приступ…»

Она не поверит, но ничего лучше он не мог придумать. Квизун остановился у дверей. Платя за проезд, Фаллон смотрел на фасад, казавшийся при лунном свете менее жалким, чем днем.

Света не было. Или Гази в постели, или…

Войдя, Фаллон почувствовал, что дом пуст. Действительно, нигде ни следа Гази.

Фаллон сбросил башмаки и рапиру, упал на постель и мгновенно уснул.

Глава 10

Энтони Фаллон проснулся с одеревеневшим телом и отвратительным привкусом во рту. Шея болела так, будто ее всю ночь перекручивали борцовскими захватами. Постепенно приходя в себя, он наконец вспомнил, что не застал Гази, вернувшись домой… Где она теперь?

Он сел и окликнул ее. Никакого ответа не последовало.

Фаллон спустил ноги на пол и несколько секунд протирал глаза и поворачивал шею, чтобы проверить, не повреждена ли она. Затем он встал и обыскал дом. Гази не было. И она не просто ушла, она взяла с собой одежду и другие личные вещи.

Пока он трясущимися руками готовил себе завтрак, мозг усиленно отыскивал вероятные возможности. Фаллон знал, что в Балхибе женщины могут свободно менять своих джагайнов, когда пожелают. Но мысль о том, что Гази могла оставить его ради Кордака, вызывала в нем такой гнев, что все остальные соображения забылись.

Он проглотил холодный завтрак, надел башмаки, прицепил рапиру, не заботясь о ножнах, и отправился к казармам в восточной части города. Солнце уже с час как встало, и ветерок начал свой танец с пыльными маленькими смерчами.

Получасовая поездка на запряженном айями омнибусе привела его к казармам, где хмурый солдат из военной канцелярии сообщил ему адрес частной квартиры Кордака. Еще полчаса, и он был у указанного дома.

Дом, в котором снимал квартиру Кордак, находился в северном конце Кхарджу, где магазины и банки уступали место кварталам горожан среднего класса. Фаллон прочел имена квартиросъемщиков на табличке, прибитой к стене рядом с дверью, и направился по лестнице на третий этаж. У двери направо он ударил в небольшой гонг.

Не получив ответа, он ударил еще раз, сильнее, и наконец застучал в дверь, что балхибцы делают очень редко. Но вот он услышал звуки движения, дверь открылась, и показался заспанный Кордак. Его зеленые волосы были всклокочены, одеяло свисало с плеч, защищая тело от утренней прохлады, а в руке он держал обнаженную шпагу. Для кришнянина было в порядке вещей так встречать гостей, стучащих в дверь в такой неблагоприятный для визитов час, так как посетитель мог оказаться грабителем.

Кордак спросил:

— Во имя зеленых глаз Хои… а, это вы, мастер Энтане! Что

заставило вас нарушить мой сон, зер? Я думаю, что-то необычное?

— Где Гази? — спросил Фаллон, хватаясь за рукоять своей рапиры.

Кордак поморгал, прогоняя остатки сна.

— Поскольку она оказала мне честь, избрав меня своим новым джагайном, она со мной. Я… Что еще? — нетерпеливо спросил он.

— Вы… вы хотите сказать, что позволили себе…

— Что позволил? Я ответил вам прямо. А теперь, мой добрый зер, уходите и позвольте мне продолжить мой прерванный сон.

В следующий раз, идя к человеку, работающему по ночам, выбирайте более подходящее время.

Фаллон вспыхнул от гнева:

— Вы забрали мою жену, а теперь говорите, чтобы я уходил и не мешал вам спать?

— Что вас смущает, землянин? Здесь не варварский Кваас, где женщины являются собственностью. Теперь идите, или же я научу вас приличным манерам.

— Что? — выкрикнул Фаллон. — Это я научу вас манерам!

Он сделал шаг назад, выхватил рапиру и взмахнул ею.

Все еще не вполне проснувшийся Кордак колебался: ответить ли на атаку Фаллона или захлопнуть дверь; пока он думал, лезвие рапиры приблизилось к его груди. Парировав удар и сделав шаг назад, Кордак едва избежал укола в грудь.

Но, отступив, он утратил контроль над дверью; Фаллон вошел в квартиру и захлопнул дверь за собой.

— Сумасшедший! — сказал Кордак, обматывая одеяло вокруг правой руки. — Злой рок уже навис над тобой, — и он в свою очередь сделал выпад.

Дзинь-дзинь! — звенели тяжелые лезвия. Фаллон отбил атаку, но все его приемы и выпады легко отбивались шпагой или рукой, обернутой в одеяло.

— Энтане! — раздался голос Гази.

Фаллон и Кордак одновременно посмотрели в глубину квартиры на Гази, которая стояла на пороге комнаты, прижав руки к щекам. Но они немедленно вновь переключились друг на друга, чтобы никто не смог воспользовался отвлеченным вниманием противника.

Дзинь-дзинь-дзинь!

* * *

Дуэлянты кружили по комнате. Фаллон по первым же секундам боя понял, что силы их примерно равны. Хотя он тяжелее, а как землянин сильнее физически, зато Кордак моложе и имеет большую практику в фехтовании.

Дзинь-дзинь-дзинь!

Фаллон наткнулся на небольшой столик и отбросил его в сторону.

Дзинь-дзинь!

Кордак сделал ложный выпад и попытался ударить Фаллона в голову. Тот увернулся — лезвие Кордака отрубило верхушку бронзовой напольной лампы, которая со звоном покатилась по полу.

Дзинь-дзинь!

Они продолжали кружить. Оказавшись лицом к Гази, все еще стоявшей в дверях, Фаллон крикнул:

— Гази, уходи! Ты нас отвлекаешь!

Она не обратила на это внимание, и дуэль продолжалась. Внезапным вихрем приемов и выпадов Кордак прижал Фаллона к стене. Последний его удар должен был пригвоздить противника, но тот отпрыгнул, и лезвие капитана врезалось в дешевую копию известной картины Машира «Рассвет над Маджбуром». Пока лезвие торчало в стене, Фаллон нанес удар. Кордак отразил его одеялом, вытащил шпагу и вновь стоял лицом к лицу со своим противником.

Дзинь-дзинь!

Фаллон нанес еще один удар, но Кордак вновь парировал его, и удар пришелся по опрокинутому столику.

Фаллон чувствовал, как у него колотится сердце. Он двигался медленно, как будто пробирался сквозь вязкий густой туман. Но и Кордак, как он мог видеть, выглядел не менее усталым.

Дзинь-дзинь!

Схватка продолжалась, пока оба бойца не были истощены настолько, что могли лишь стоять, покачиваясь, и следить друг за другом. Через каждые полминуты один из них набирался сил, делал выпад, второй отражал его, и они вновь стояли, глядя друг на друга.

Фаллон прохрипел:

— Мы слишком… слишком выдохлись.

Послышался голос Гази:

— Вы оба трусы и хвастуны, боитесь приблизиться друг к другу.

Кордак задыхающимся голосом прокричал:

— Мадам, займите мое место и посмотрите, как это легко.

— Вы оба отвратительны, — заявила Гази. — Я думала, что

кто-нибудь из вас будет убит и тем самым вопрос решится: я останусь у победителя. Но если вы будете дурачиться и гримасничать целый день…

Фаллон, задыхаясь, проговорил:

— Кордак, я думаю, она нас подстрекает, она хочет видеть кровь… но за наш счет.

— Я согласен… вы правы, мастер Энтане.

Они отдувались, как два паровоза. Потом Фаллон сказал:

— Как насчет того, чтобы кончить это? Кажется, мы равны по силе.

— Дуэль начали вы, зер, но если вы хотите прекратить ее, то я, как благоразумный человек, с удовольствием принимаю ваше предложение.

— Тогда кончим.

Фаллон отступил и наполовину вложил рапиру в петлю на поясе, все же опасаясь предательской атаки Кордака. Тот отошел к стене и сунул шпагу в пустые ножны, болтавшиеся на вешалке. Он посмотрел на Фаллона, чтобы убедиться, что тот спрятал свое оружие, и продолжал пока рукой снимать рукоять шпаги.

Потом он унес ножны со шпагой в спальню.

Гази повернулась и вошла в спальню перед ним. Фаллон упал в кресло. Из спальни доносились взаимные обвинения. Потом снова показалась Гази в юбке, платье и сандалиях, неся сумку со своими вещами. Затем вышел и Кордак, тоже одетый и с пристегнутой шпагой.

— Мужчины, — произнесла Гази, — и кришняне, и земляне — самые жалкие, ненавистные и презренные животные. Не ищите меня, я рву с вами обоими. Прощайте, я не желаю вас видеть!

Она хлопнула дверью. Кордак засмеялся и утомленно растянулся в другом кресле.

— Это мой самый серьезный бой после схватки с джунгами при Таджроше, — сказал он. — Удивляюсь, как может женщина приходить в такую ярость. Она кипела, как прибой у утесов Квеба.

Фаллон пожал плечами:

— Иногда мне кажется, что я вообще не понимаю женщин.

— Вы завтракали?

— Да.

— Тогда понятно. Если бы у меня был набит живот, все пошло бы по-другому. Пошли на кухню, я приготовлю себе яичницу.

Фаллон встал. Кордак снял с кухонных полок припасы и бутылку.

— Не очень-то похвально начинать день с квада, — капитан, — но битва вызывает жажду, и глоток, которым мы

компенсируем то, что потеряли во время дуэли, не причинит нам вреда.

Осушив несколько рюмок, Фаллон почувствовал, что пьянеет, и сказал:

— Кордак, старина, как я рад, что не ранил вас. Вы для меня идеал мужчины.

— Мастер Энтане, я чувствую по отношению к вам то же самое. Вы для меня ближе лучших друзей-кришнян.

— Выпьем за дружбу!

— За дружбу! — воскликнул Кордак, поднимая свой стакан.

— Бороться или погибнуть вместе! — сказал Фаллон.

Кордак, выпив, поставил стакан и посмотрел на Фаллона.

— Дорогой друг, — начал он, — вы очень благоразумный и рассудительный человек, когда не поддаетесь варварской ревности.

Кроме того, вы служите со мной в гвардии. Поэтому я хочу намекнуть вам на предстоящие события, чтобы вы подготовились.

— А что?

— Этот варвар Гхуур из Квааса в конце концов выступил. Сообщение было получено вчера вечером, перед тем, как я отправился к вам домой. Он еще не перешел границу, но весть об этом ждут с минуты на минуту.

— Значит, гвардия…

— Вы уловили мою мысль, зер. Приведите свои дела в порядок, ибо нас могут отправить в любой день. А теперь мне нужно идти в казармы, там я буду оформлять документы для выступающих отрядов. Какое ужасное общество! Почему я не родился несколькими столетиями раньше, когда искусство письма было так редко, что все необходимое солдат держал в голове!

— Кто же будет охранять город, если отправят всю гвардию?

— Не всю. Новобранцы, ограниченно годные и отставные гвардейцы останутся и займут посты тех, что уходят. Мы, капитаны районных отрядов, отправимся тоже, но кто-то с большим отрядом останется нести службу в…

— В Сафке? — спросил Фаллон, видя, что Кордак колеблется.

— Я не настолько пьян, чтобы выболтать это. Откуда вам известно?

— Слухи. Но что нужно охранять?

— Этого я не имею права говорить. Скажу только: в этом древнем здании хранится что-то такое новое и смертоносное, по сравнению с чем стрелы лучников Гхуура покажутся безопаснее весеннего ливня.

Фаллон сказал:

— Ештиты всегда хранили в тайне внутренние помещения Сафка. Я не знаю ни одного плана или чертежа этого сооружения.

Кордак улыбнулся и пошевелил одной антенной, что было кришнянским эквивалентом подмигивания:

— Это не такой уж секрет, как они думают. Тайна теперь известна, как и их смешные ритуалы.

— Вы полагаете, что кто-то из не принадлежащих к культу знает его тайну?

— Да, зер. Во всяком случае, мы можем догадываться…

Кордак выпил еще одну порцию квада.

— Кто это «мы»?

— Ученое общество, к которому я принадлежу, именуемое «Меджраф Джандишира». Вы слышали о таком?

— Неофилософское общество? — пробормотал Фаллон. — Я немного знаю о его доктрине… Значит, вы… — он вовремя удержался от замечания, что эта доктрина является самым отъявленным примером межзвездной глупости.

Кордак, однако, уловил презрительную нотку в оборванной фразе Фаллона и сказал:

— Встречаются такие, кто смеется над нашими принципами, не зная их и предпочитая отвергать мудрость, а не проверять ее. Что ж, я постараюсь объяснить вам, как смогу — ведь я всего лишь необразованный солдат. Если вы заинтересуетесь, я познакомлю вас с более образованными членами нашего братства. Вы слышали о Пятсмифе?

— О ком?

— О Пятсмифе… Как велико невежество землян, не знающих даже о величайшем из своих соплеменников!

— Он был землянином? — Фаллон никогда не слышал о Чарлзе Пьяцци Смите, эксцентричном шотландском астрономе девятнадцатого столетия, основавшем псевдонауку пирамидологию. Но даже если бы и слышал, вряд ли узнал бы это имя в интерпретации Кордака.

— Этот Пятсмиф первым понял, что великие древние сооружения на вашей планете значат и означают большее, чем кажется с первого взгляда. На самом деле, они вмещают в своих пропорциях ключ к вечной мудрости и секретам Вселенной…

В следующие полчаса Фаллон с трудом подавлял зевоту, пока Кордак читал свою лекцию. Он не решался прерывать его, так как надеялся получить от капитана какие-нибудь сведения.

В конце концов квад оказал свое воздействие: капитан заговорил бессвязно и наконец утратил мысль.

Запутавшись, он сказал:

— …но, добрый Энтане, я всего лишь солдат, не фил… фол…

ософ… Если бы у меня было красноречие…

Капитан замолчал и, прищурясь, уставился в потолок. Фаллон спросил:

— Значит, у вас есть план Сафка?

Собеседник хитро взглянул на него:

— Раз…ве я гово… сказал это? Кажется, нет. Но я не отрицаю: план существует.

— Сомневаюсь в этом.

— Вы сомневаетесь в моих словах, таматеш! Я… капитан…

— Тише, тише. Я поверю в этот план, но только когда увижу его. Ведь это не будет нарушением закона?

— Нарушением закона? — Кордак некоторое время размышлял над этой проблемой, потом потряс головой, как бы прочищая ее. — Упрямый, как биштар, и скользкий, как фондага, — вот каков мой друг Фаллон. Ладно, я покажу вам этот план, вернее, его копию. Тогда вы поверите?

— О, конечно!

Капитан, покачиваясь, направился в гостиную. Фаллон слышал звуки отпирания и запирания ящиков стола, потом вновь появился Кордак с листом кришнянской бумаги в руке.

— Вот он! — сказал капитан и бросил лист на стол.

Фаллон увидел грубый чертеж внутренних помещений Сафка, который легко было узнать по причудливо изогнутой внешней стене. Чертеж был не очень ясным, так как над ним потрудился кришнянский свинцовый карандаш. (Графит сравнительно редок на этой планете, поэтому стержни карандашей чаще делают из свинца.)

Фаллон ткнул пальцем в самое большое помещение, как раз напротив входа.

— Это, вероятно, главный храм?

— По правде говоря, не знаю: я никогда не был внутри. Но ваше предположение кажется справедливым, добрый зер.

Остальная часть плана представляла собой лабиринт комнат и коридоров, что не давало никакой зацепки человеку, не знающему назначения этих помещений и никогда их не видевшему. Фаллон глядел на план, стараясь запечатлеть его в мозгу.

— Откуда он?

— О, это забавный случай. Один из членов нашего братства по неосмотрительности служителей оказался в секретном отделе королевской библиотеки, куда обычно никого не пускают, и нашел там целую охапку планов наиболее важных сооружений Балхиба. Он не мог унести их, но, выйдя оттуда, воспроизвел план Сафка по памяти, а уж с той копии снята эта.

Капитан взял листок, прибавив:

— А теперь, дорогой друг, прошу меня извинить, но я должен идти. Клянусь кровью Карара! Я слишком много выпил, лорд Чиндор будет недоволен, если я приду в казармы, шатаясь как пьяный осирианин. А вы пойдете со мной?

— С радостью, — ответил Фаллон и последовал за ним.

Глава 11

— Как дела? — спросил доктор Джулиан Фредро.

Фаллон объяснил:

— Все готово для проникновения в Сафк. У меня даже есть план здания. Вот он.

Он показал Фредро план, который начертил по памяти, как только ему удалось отвязаться от Кордака и купить в одном из магазинов Кхарджу карандаш и блокнот.

— Хорошо, хорошо, — сказал Фредро. — Когда же?

— Завтра ночью. Но теперь вам придется идти со мной заказывать костюм.

Фредро поглядел с сомнением:

— Я пишу важную статью в «Пшегляд Археологичны».

Фаллон прервал его:

— Это подождет. За оставшуюся часть дня портной сошьет нам костюмы. Завтра полная служба Ешта, которая бывает раз в тридцать дней. Что-то связанное с астрологическими соотношениями. А во время полной службы там целая толпа жрецов, так что мы сможем проскользнуть среди них незамеченными. Поэтому пойдем завтра вечером.

— Хорошо. Подождите, я оденусь.

Они вышли из «Аврид террао», или «Земного отеля», и направились к магазину Веквира. Фаллон отвел владельца заведения в сторону и спросил:

— Вы ештит, зер?

— Да, мастер Энтане. А почему вы спрашиваете?

— Я хочу убедиться, что у вас не будет религиозных возражений против моего заказа.

— Клянусь дубинкой Карара, это звучит весьма зловеще. О каком заказе вы говорите?

— Два костюма жрецов Ешта третьего разряда…

— Как, разве вас, язычников, допускают в это священное сословие?

— Нет, но костюмы нам нужны.

— О, зер! Если об этом станет известно, у меня будет много заказчиков среди ештитов…

— Но это не должно стать известным. Вы собственноручно изготовите костюмы и побыстрее.

Веквир ворчал, отказывался, но Фаллон в конце концов его уговорил.

Большую часть дня они провели в задней комнате магазина за примеркой. Это было нетрудно, так как свободные, похожие на

плащи, костюмы, которые носили жрецы Ешта, можно было шить по приблизительным меркам. Веквир обещал, что к полудню следующего дня все будет готово, и Фаллон с Фредро разошлись. Последний отправился в отель дописывать статью.

На прощание Фаллон сказал:

— Вам придется расстаться с вашей растительностью.

— Обрить мою бороду? Ни за что! Я носил ее на пяти различных планетах.

Фаллон пожал плечами:

— Но тогда вы не сойдете за кришнянина. У них обычно безволосые лица.

Фредро сердито поворчал, но согласился, и они договорились встретиться на следующее утро, забрать костюмы и пойти к Фаллону домой, чтобы подучить обряды службы.

Фаллон в задумчивости направился в Джуру, поел и пошел к себе. Приблизившись к дому, он увидел маленькую деревянную стрелу, подвешенную к дверному молотку. С выражением неудовольствия он снял ее. Стрела означала, что все члены гвардии района Джуру должны вечером собраться на полигоне. Несомненно, этот вызов был связан с растущей опасностью со стороны Квааса.

* * *

Капитан Кордак осмотрел собравшихся на полигоне гвардейцев отряда Джуру — двести семьдесят разумных существ. Около половины из них — кришняне, остальные — земляне, тотиане, осириане и другие.

Он прочистил горло и сказал:

— Вы, конечно, слышали о нападении Квааса и поняли, что вас собрали сюда из-за этого. Слухи правильные. И хотя я всего лишь грубый и необразованный солдат, я в двух словах должен объяснить вам положение.

Как вы все знаете — многие из вас знают по своему собственному горькому опыту — Камуран из Квааса (пусть Дупулан смешает его с грязью) разбил нас при Таджроше и рассеял наших воинов по ветру. Это поражение лишило нас власти над Джоолом, который до этого служил буфером между нами и дикими жителями степей. Верховые лучники Гхуура наводнили всю эту землю, и Гхуур принудил пандра Джоола подчиниться ему. С тех пор Джоол независим только на словах, и пандр выполняет все приказания Гхуура, как ранее выполнял наши.

— Если бы наш доур был в здравом рассудке… — сказал кто-то из глубины, но на него тут же зашикали.

— Не должно быть никакого неуважения к королевскому дому, — строго сказал Кордак. — Я также сожалею о трагической болезни Его Грозности, и мы все должны хранить верность монархии, а не отдельному человеку. Продолжаю. С тех пор могущественный Гхуур еще дальше распростер свою губительную власть, подчинил Даукию и Сурию и присоединил их к своей огромной империи. Его кавалерия захватила каменный Маджбур и прекрасный Кхааст и даже полусказочные земли Гоббеджд и Джерамис — для нас это всего лишь названия на карте, страны, населенные безголовыми людьми и разнообразными чудовищами.

Почему же, спросите вы, он не напал на Балхиб, а послал свои войска в такие отдаленные земли? Потому что, хотя мы и не те, какими были прежде, в великие для нашей страны дни, мы все еще воинственный народ, как закаленная сталь, стоящий между молотом степных джунгов и остальными цивилизованными странами, для которых мы уже много столетий служили защитой от вторжения степных народов. И хотя Гхуур разбил нас под Таджрошем, он так ослабел сам в результате этого сражения, что у него не хватило сил для вторжения в наши границы. Теперь, объединив под своей властью много народов, этот варвар собрал достаточно сил, чтобы вновь напасть на нас. Его армии заняли беззащитный Джоол. С часу на час он может перейти и нашу границу.

Наши разведчики доносят, что воинов в его армии больше, чем песчинок на берегу моря, что их стрелы закрывают солнце, что они выпивают реки и, уходя, оставляют их сухими. А кроме верховых лучников Квааса, там пехотинцы из Сурии, драгуны из Даукии, арбалетчики из Маджбура и воины из далеких фантастических стран, где садится солнце. А слухи ходят о том, что у них имеется и новое оружие, никогда не применявшееся на нашей планете.

Говорю ли я это, чтобы испугать вас? Нет. Ибо мы тоже сильны. Мне нет нужды напоминать вам о прежней славе балхибского оружия.

Но, кроме наших могучих армий, мы имеем кое-что еще. Это оружие такой силы, что перед ним не устоит и стадо диких биштаров. Если все пойдет как нужно, оно будет готово к учебному бою — через три дня. Готовьтесь к активным действиям.

А теперь второй вопрос, мои цыплята. Отряд Джуру известен среди гвардии Занида отсутствием мундира, и за это вас никто не осуждает. Из-за крайнего разнообразия форм вашего тела вам

невозможно изготовить стандартные мундиры. Однако нужен какой-то отличительный знак, когда вы будете участвовать в грандиозной битве, чтобы на вас не напали другие отряды нашей армии, приняв за врага, как случилось с королем Зидзурешем из легенды.

Я осмотрел арсенал и нашел запас древних шлемов. Конечно, они исцарапаны и сильно проржавели, хотя оружейники их и чистили, чтобы предохранить от коррозии. Но они все единого образца и, защищая ваш череп, будут к тому же служить отличительным знаком героев Джуру.

Далее, у вас должен быть белый бант на правом рукаве, а не эти наручные повязки, которые вы обычно надеваете на дежурство. Заставьте своих сестер и джагайни пришить такой бант. Это не щегольство: ваша жизнь, возможно, будет зависеть от аккуратного исполнения приказа.

И еще одно дело, тоже очень важное в данный момент. Правительству стало известно, что агенты проклятого Гхуура, как привидения, блуждают по нашему священному городу. Поэтому попридержите языки и следите, не проявит ли какой-нибудь горожанин излишнее любопытство, которое ему не подобает. Если мы сумеем схватить одного из этих негодяев, его судьба заставит дрожать перо историка и ужасаться поколения читателей.

Теперь отправляйтесь на примерку шлемов и носите их с достоинством, как и наши славные предки.

Отправившись за своим шлемом, Фаллон подумал, что капитан был сам не очень осторожен сегодня утром. Он подумал также, что было бы забавно, если бы Кордак обнаружил, что его информация передана противнику.

* * *

По пути домой Фаллон заглянул к Саванчу и провел там несколько часов за выпивкой и разговорами с приятелями. Оттуда он пошел домой спать, а на следующее утро поторопился пересечь город, чтобы встретиться с Фредро в отеле.

Ему показалось, что город охвачен легким возбуждением. В омнибусе он уловил обрывки разговоров о последних событиях:

...да, зер, говорят, что джунги обладают силой биштара, вдвое превосходя нас, и могут обратить в паническое бегство любого противника...

...наши генералы глупцы, что посылают ребят воевать в отдаленные страны. Лучше было бы встретить их здесь, на родной

земле.....вся эта суматоха лишь провокация Гхуура. Если бы мы сохраняли спокойствие, он бы никогда не осмелился...

...нет, зер, это слабый и вырождающийся век. Во время наших дедов мы плюнули бы в лицо варварам...

Фаллон застал археолога за портативной машинкой, печатающим статью на своем родном языке, который, как показалось Фаллону, заглянувшему через плечо Фредро, состоял из одних «ж», «ш» и «с». На лице у Фредро по-прежнему красовались усы и эспаньолка, которые он попросту забыл сбрить.

Фаллон теребил археолога, пока тот не вынырнул из своих размышлений, и они отправились в магазин Веквира. После часового ожидания они вышли оттуда с костюмами в свертке, который нес Фредро, и отправились домой к Фаллону. Омнибус проезжал мимо главного парка Занида, к югу от Дома Правосудия, между Габанч и Бача, когда Фредро схватил Фаллона за руку и на что-то показал.

— Глядите! — крикнул он. — Это зоопарк!

— Да, — ответил Фаллон. — Я знаю.

— Но я не знаю. Пойдемте посмотрим. Мы можем взглянуть на зверей и потом поесть.

Не ожидая ответа Фаллона, поляк соскочил с сиденья и направился к выходу из омнибуса. Фаллону пришлось идти за ним следом.

Вскоре они обходили клетки с екиями, шейханами, кароупами, биштарами и другими дикими кришнянскими животными. Внезапно Фредро спросил:

— Что это за толпа? Должно быть, что-то необычное.

Множество кришнян собралось перед одной из клеток. Из-за дневной жары большинство из них сняли туники и платки и были одеты лишь в набедренные повязки или юбки и сандалии. Земляне подошли к ним. Из-за толпы они не видели, что находится в клетке, но над головами висела табличка, прикрепленная к решетке. Фаллон с усилием перевел: «БУРЫЙ МЕДВЕДЬ: УРСО НЕГРО. Место обитания: Соединенные Штаты, Северная Америка, Земля».

Фаллон помолчал, потом продолжал:

— О, я помню его. Я написал о нем статью в «Рашм», когда его привезли детенышем… Это гордость и радость Кира. Кир хотел бы привезти с Земли слона, но плата за провоз даже слоненка оказалась непосильной и для его сокровищницы.

— Но что это?

— Американский бурый медведь. Если вы хотите пробраться сквозь толпу, чтобы взглянуть на толстого, сонного и совершенно обыкновенного медведя…

— Нет, нет. Пойдемте смотреть других животных.

Они стояли у края бассейна и следили за аввалом — десятиметровой помесью крокодила и змеи, — плававшим взад и вперед безостановочно, когда до них донеслись звуки волынки.

Фаллон оглянулся и сказал:

— Ой! Я совсем забыл: сюда идет король. Проклятье! Он ежедневно приходит сюда кормить зверей.

Фредро не обратил внимания на его слова и пытался извлечь пылинку из своего глаза.

Глава 12

Звуки королевских волынок и барабана стали громче, и вскоре из-за поворота аллеи показалась процессия. Впереди шли три волынщика и барабанщик. Волынщики дули в инструменты, напоминавшие земные аналоги, но более сложные. Барабанщик бил в два больших, обитых медью барабана. За ними следовали шесть высоких гвардейцев в позолоченных кирасах: двое — с заряженными арбалетами через плечо, двое — с алебардами и двое — с большими двуручными мечами.

Между ними шествовал очень высокий кришнянин преклонных лет, опираясь на украшенный драгоценными камнями посох. Он был одет чересчур пышно, но беспорядочно. Концы тюрбана болтались незавязанными, на шитой золотом куртке — так же болтались шнурки, а башмаки были непарными. Вслед за охраной шло с полдюжины штатских в развевающейся на ветру одежде.

Толпа кришнян вокруг клетки с медведем рассеялась при первых же звуках волынки. Теперь было видно лишь несколько кришнян, преклонивших одно колено.

Фаллон потянул Фредро за руку:

— Преклоните колено, проклятый глупец!

— Что? — археолог глядел на него красным, полным слез глазом, из которого он наконец-то извлек пылинку. — Мне на колени? Я гражданин П… Польской республики и не собираюсь…

Фаллон полуобнажил рапиру:

— На колени, старик, или я вынужден буду заставить вас.

Фредро с ворчанием повиновался. Но когда процессия проходила мимо них, высокий, эксцентрично выглядевший кришнянин что-то резко приказал. Все остановились. Король Кир уставился в лицо доктору Фредро, который невозмутимо глядел на него.

— Вот! — воскликнул наконец король. — Вот проклятый Шургез, явившийся насмехаться надо мной. На нем украденная у меня борода. Ну, сейчас я ему покажу!

Свита окружила короля, все одновременно говорили что-то успокоительное. Кир, не обращая на них внимания, потянул за оба конца своей трости. Оказалось, что внутри трости была шпага. С обнаженной шпагой доур Балхиба бросился на Фредро.

— Бежим! — крикнул Фаллон и побежал, не ожидая, пока археолог последует его примеру.

На первом повороте тропы он рискнул оглянуться. Фредро бежал в нескольких шагах за ним, ему на пятки наступал Кир, а

за королем — волынщики, барабанщики, охранники и приближенные, вытянувшись вдоль тропы и выкрикивая советы, как утихомирить безумного монарха, не допуская оскорбления величества.

Фаллон продолжал бежать. За время пребывания в Заниде он был в зоопарке лишь дважды и не очень хорошо знал его планировку. Поэтому, когда тропа свернула в проход между двумя клетками, он побежал туда.

Слишком поздно он понял, что этой тропой пользовались служители зоопарка, чтобы проникать в расположенные справа и слева закрытые клетки. Тропа упиралась в крутую скалу, служившую задней стенкой обеих клеток. По скале можно было взобраться на несколько метров, но дальше она становилась совершенно отвесной. В самом высоком и доступном для подъема месте были поставлены решетки в два метра высотой из дерева конг, а изнутри клеток скала была слишком крутой, чтобы по ней не могли взобраться обитатели клеток.

Фаллон оглянулся. Несмотря на свой возраст, Фредро по-прежнему держался за ним. Король Кир с обнаженной шпагой бежал по служебной тропе. Оставалось лишь карабкаться по скале.

Так Фаллон и поступил. Он полз, пока было за что цепляться. Там, где в скале находился намек на небольшой выступ, он опять оглянулся. Фредро был как раз под ним, король начал взбираться, королевская свита ползла за ним, а отовсюду уже сбегались кричащие зрители. Фаллон, конечно, мог бы выхватить свою рапиру и отбить атаку короля; но, если бы он так поступил, охранники, видя его стычку с королем, расстреляли бы его из арбалетов.

Единственный выход заключался в том, чтобы перелезть через решетку в клетку. У Фаллона не было времени прочесть надпись на передней клетке, а с того места, где он теперь находился, была видна лишь тыльная сторона таблички. В правой клетке находилась пара джетаксов — хищников среднего размера, напоминавших екиев. Они, несомненно, были опасны для тех, кто вторгнется на их территорию. В скале, закрывавшей с тыла левую клетку, виднелась пещера, вероятно, там и пребывал обитатель клетки.

Фаллон ухватился за верхушки прутьев у решетки слева и подтянулся. Хотя ему было уже немало лет, меньшая, чем на Земле, сила тяжести и страх смерти помогли ему без проблем взобраться наверх; и вот он, широко расставив ноги, уже стоял на решетке. Он протянул руку Фредро, который все еще держал сверток с костюмами жрецов. Доктор протянул этот сверток

Фаллону, и тот бросил его внутрь клетки.

С помощью Фаллона Фредро тоже взобрался на верх решетки и спустился по склону той скалы до выступа внутри клетки. В это время снаружи показался король Кир. Одной рукой ухватившись за решетку, чтобы не соскользнуть вниз, другую доур со шпагой просунул между прутьев.

Когда сверкнуло лезвие шпаги, оба землянина соскользнули ниже и удержались на выступе скалы. Здесь Фредро в изнеможении свалился.

За ними слышался крик безумного монарха:

— Назад, вы, подлые воры, получите вашу награду!

Свита, отделившись от остальных зрителей, взобралась на скалу вслед за королем. Они окружили Кира, успокаивая и уговаривая его, пока наконец все не спустились по склону вниз и не удалились по дорожке между клетками. Охранники разгоняли любопытных с дороги королевской процессии, вновь заиграли волынщики, и все скрылись за поворотом.

— Теперь как бы отсюда выбраться… — сказал Фаллон, оглядываясь в поисках выхода.

Скала была слишком крутой, чтобы вернуться тем же путем, каким они сюда попали, но в одном месте выступ переходил в несколько расселин, которые позволяли спуститься ниже и спрыгнуть на дно клетки.

Небольшая кучка служителей зоопарка собралась у передней решетки клетки, очевидно, обсуждая, как вызволить невольных пленников, и жестикулируя при этом с живостью итальянцев. Вокруг них и за ними толпились посетители зоопарка.

Фредро, придя в себя от истощения, поднялся, подобрал удерживающийся на выступе сверток с одеждой и пошел вдоль выступа со словами:

— Нехорошо, нехорошо, если это обнаружат…

Пройдя немного вперед, он спросил:

— Что значит «шургез», мистер Фаллон? Король кричал мне это слово все время.

— Шургез — это микардандский рыцарь, из-за которого наш сумасшедший король лишился своей бороды. Поэтому борода — это слабое место короля Кира. Но мне и в голову не приходило, что ваша маленькая бородка… смотрите, что это!

Громовой рев заставил обоих землян отскочить назад. Из пещеры в задней части клетки на своих шести лапах выползал огромный шен, самый большой из всех, каких приходилось видеть Фаллону. Зловещие глаза следили за Фаллоном и Фредро, цеплявшихся за выступ.

Фредро крикнул:

— Почему вы не выбрали более безопасную клетку?

— Откуда, во имя Кондиора, я мог знать об этом? Если бы вы сбрили свою бороду, как я говорил вам…

— Он сможет достать нас. Что нам делать? — запаниковал поляк.

— Приготовимся умереть, как подобает мужчинам, — ответил Фаллон, обнажая рапиру.

— Но у меня нет оружия!

Кришняне перед клеткой что-то кричали, но трудно было сказать: хотят ли они отпугнуть шена или, наоборот, подстрекают его к нападению. А шен между тем прополз через всю клетку, где, как в западне, оказались двое землян, и поднял голову.

Фаллон стоял, готовый к защите. Кришняне что-то советовали ему, но он не смел оторвать глаз от хищника.

Челюсти раскрылись и щелкнули. Фаллон ударил рапирой. Шен ухватил лезвие зубами, легко дернул головой, вырвал оружие из руки Фаллона и отбросил его в дальний конец клетки. И вновь зарычал. Когда он открыл пасть, оказалось, что лезвие его ранило. Из верхней челюсти текла коричневая кровь.

Чудовище отдернуло голову и подготовило себя к последнему броску, и в этот момент ведро жидкости опрокинулось на Фаллона сверху. Когда он прочистил глаза, то увидел, что на Фредро тоже обрушился поток, и почувствовал ужасное зловоние.

Шен, вначале отпрянувший от неожиданности, снова протянул вперед голову, принюхался и вдруг с презрительным фырканьем убежал на своих шести лапах. Он забрался в свою пещеру и не показывался оттуда.

Фаллон огляделся. Два служителя зоопарка держали лестницу, приставленную к решетке против того места, где находились беглецы. Третий кришнянин взобрался по лестнице наверх и держал над землянами пустое ведро.

Еще один кришнянин, взобравшись на скалу, сказал через решетку:

— Побыстрее спускайтесь, мои господа, и мы выпустим вас через ворота. Запах защитит вас от шена.

— Что это за жидкость? — спросил Фаллон, спускаясь вниз.

— Алиеб-джуайс. Зверь чувствует отвращение к этому запаху, поэтому мы всегда опрыскиваем ею нашу одежду, когда нам нужно зайти к нему в клетку.

Фаллон подобрал свою рапиру и поторопился к воротам, которые открыл один из служителей. Он не знал, да и не хотел знать, из чего состоит алиеб-джуайс, но подумал, что его спасители злоупотребили этой жидкостью. Сверток Фредро весь промок, и кришнянская бумага, неустойчивая к жидкости, начала

расползаться.

Подошли другие два служителя, намекнувшие, что неплохо бы заплатить им за спасение. Фаллон, крайне раздраженный, хотел сказать им, чтобы они убирались к Хишкаку и что он подаст в суд на город, загнавший их в клетку. Но потом решил, что это было бы глупостью: Балхиб еще не достиг такого уровня цивилизации, который позволяет его гражданам судиться с правительством. Кроме этого, они действительно спасли ему жизнь.

— Эти парни просят денег, — сказал он Фредро. — Заплатим им поровну?

— Я заплачу, — ответил Фредро. — Я виноват в этом. Это дело чести всей Польши.

Он протянул Фаллону горсть монет, добавив, чтобы их разделили между теми, кто принимал участие в спасении. Фаллон передал деньги кришнянину и сказал:

— Пошли. Надо, чтобы это вещество побыстрее выветрилось.

За их спинами разгорелся яростный спор из-за дележа монет.

Земляне сели в первый же омнибус и заняли свободные сидения.

Некоторое время экипаж двигался на запад по северной части района Бача. Фаллон заметил, что сидения вокруг него и Фредро освободились. Он пересел ближе к поляку.

В проходе крикливо одетый кришнянин с мечом на боку побрызгал духами носовой платок и поднес его к носу, глядя на Фаллона и Фредро через этот импровизированный респиратор.

Другой рассматривал землян через лорнет, повернув к ним голову. Потом он встал, направился к кондуктору и что-то сказал ему.

Тот подошел поближе, принюхался и заявил Фаллону:

— Вам придется сойти, земляне.

— Почему? — поинтересовался Фаллон.

— Потому что вы делаете омнибус непригодным для использования из-за вашего запаха.

— Что он хочет? — спросил Фредро, так как кондуктор говорил слишком быстро на городском диалекте, и археолог не понимал его.

— Он говорит, что из-за нас провонял весь омнибус и мы должны сойти.

— Передайте ему, что я гражданин Польши, — фыркнул Фредро. — Я пахну не хуже его…

— О, клянусь Караром! Идемте, мы не можем драться с ними из-за вашего польского гонора.

Фаллон встал и протянул кондуктору руку.

— В чем дело? — спросил кондуктор.

— Будьте добры вернуть нам плату.

— Но вы проехали уже десять кварталов.

— Фастук! — закричал Фаллон. — Я уже достаточно получил сегодня от города Занида. Если только вы…

Кондуктор отскочил от разгневанного землянина и торопливо протянул ему монету.

Когда они вошли в дом Фаллона и освободились от своей ноши, Фредро спросил:

— Где ваша… гм… джагайни?

— В гостях, — кратко ответил Фаллон, не желая посвящать его в свои семейные неприятности.

— Весьма привлекательная женщина. Видно, я уже достаточно долго нахожусь на Кришне, поскольку зеленый цвет кожи кажется мне естественным. Но она очаровательна. Жаль, я не увижу ее.

— Я передам ей. Давайте развесим одежду и костюмы жрецов; может, когда мы их вновь наденем, запах уже выветрится.

Фредро, развешивая одежду, вздохнул:

— Я уже тридцать четыре года вдовец. У меня много потомков — дети, внуки и так далее — шесть поколений.

— Завидую вам, доктор Фредро, — искренне сказал Фаллон.

Археолог продолжал:

— Но женщины у меня нет. Мистер Фаллон, скажите, как землянину найти джагайни в Балхибе?

Фаллон взглянул на своего компаньона с сардонической усмешкой:

— Так же, как и на Земле.

— Понятно. Видите ли, мне нужны эти сведения в чисто научных целях.

— Конечно, в вашем возрасте другие цели и невозможны.

Остаток дня они провели, изучая ритуал службы Ешта и практикуясь в плавной жреческой походке. На обед отправились к Саванчу.

Первое, что сделал Фаллон, вернувшись домой после трапезы, — сбрил у Фредро бороду и усы, несмотря на протесты поляка. Тонкий слой зеленой краски придал их лицам туземный цвет. Они выкрасили волосы и приклеили к головам искусственные уши и антенны, которыми их снабдил Мжипа.

Наконец они надели поверх обычных костюмов пурпурно-черные священнические ризы и опустили капюшоны, а затем закутались в занидские плащи (Фаллон — в новый, а Фредро — в старый).

И вот настало время отправляться к Сафку. Всю дорогу они

проделали пешком. Вскоре огромное загадочное коническое сооружение появилось перед ними на фоне вечернего неба.

Глава 13

Фаллон поинтересовался:

— Вы все еще уверены, что хотите идти туда? Еще не поздно повернуть обратно.

— Конечно, уверен. Сколько… сколько у него входов?

— Только один, насколько мне известно, — ответил Фаллон. — Где-то есть еще подземный туннель, ведущий в храм, но для нас он бесполезен. Теперь помните, что наша задача — осторожно подойти поближе и все осмотреть. Я думаю, что у них должен быть пост, где проверяют всех входящих. Но, возможно, костюмы помогут нам пройти. Мы подождем, пока никто не будет смотреть на нас, спрячемся за доской объявлений и снимем дождевики.

— Да, да, — нетерпеливо сказал Фредро.

— Можно подумать, что вам не терпится, чтобы вам перерезали горло.

— Когда я думаю о тайнах этого здания, меня ничто не пугает.

Фаллон фыркнул и посмотрел на доктора с презрением, с каким относился к безрассудно храбрым идеалистам.

Археолог продолжал:

— Вы думаете, я глуп? Консул Мжипа рассказывал мне о вас. Разве вы не похожи на меня в своем стремлении вернуть себе трон?

Подумав, Фаллон вынужден был согласиться, что такое сравнение справедливо, но только в какой-то маре. Поскольку они уже входили в парк, окружающий Сафк, у него не было времени хорошенько разобраться, в чем же заключается разница.

Фредро продолжал шепотом:

— Кришна — это археологический рай. Ее руины и памятники соответствуют тридцати или сорока тысячелетиям земной истории — в восемь-десять раз дольше, чем история цивилизации на Земле. Но все это запутано, имеются большие пробелы, и материал никем, кроме самих кришнян, не изучался. Я мог бы стать Шлиманом, Шампольоном и Карнарвоном в одно и то же время…

— Тише, мы уже близко! — практичный Фаллон резко прервал мечтания поляка.

Главный вход в Сафк освещался факелами, закрепленными в зажимах на стене. Их пламя колебалось от ветра. Двери были раскрыты. Множество кришнян: и священники, и миряне — проходили через эти двери. Приглушенно звучали голоса,

пурпурно-черные ризы жрецов развевались на ветру.

Когда Фаллон и Фредро подошли к входу, то через головы кришнян смогли заглянуть внутрь храма, освещенного многочисленными свечами и масляными лампами… Там толпа редела, и через просветы Фаллон увидел стол, за которым сидел жрец и проверял входящих.

Со времени распространения фотографии на Кришне жрецы Ешта, помимо особых отличительных знаков на одежде, ввели еще удостоверения с маленькой фотографией владельца. Пятнадцать или двадцать посетителей выстроились от двери к столу, очередь спускалась по трем каменным ступеням входа.

Фаллон прогуливался у входа, всматриваясь и вслушиваясь. Он с облегчением заметил, что, как он и надеялся, жрецы проходят через толпу, не подвергаясь проверке. Очевидно, для мирянина надеть костюм жреца было таким неслыханным поступком, что он просто не укладывался в голове, поэтому никаких мер предосторожности против этого не принималось.

Никто не обратил внимания на Фаллона и его компаньона, прогуливающихся у доски объявлений и делавших вид, что они что-то читают. Через минуту они присоединились к толпе в облачении жрецов Ешта третьего разряда. Их плащи остались лежать свернутыми на мостовой в тени, за доской объявлений. Капюшоны закрывали их лица.

Фаллон с бьющимся сердцем направился к входу. Миряне уступали им путь, так что проталкиваться сквозь толпу не пришлось. Фредро следовал за ним так близко, что наступал на пятки изношенных башмаков Фаллона.

Через исцарапанную бронзовую дверь они проникли внутрь.

Прямо перед ними — лишь узкий проход между столом проверяющего и стеной. Слева стояли два человека в мундирах гражданской гвардии. Они вглядывались в лица проходивших мирян. Жрец, шедший перед Фаллоном, наклонил гордую голову и пробормотал что-то вроде «рукхвал», проходя между гвардейцами и столом.

Фаллон тоже склонил голову, собираясь с мужеством для решительного шага. Где-то прозвучал звонок. Какое-то движение пробежало по толпе у входа. Фаллон решил, что звонок означает приказ поторопиться.

Он шагнул вперед, пробормотал «рукхвал» и схватился за рукоять рапиры под ризой.

Жрец за столом не взглянул на проходивших мимо Фаллона и Фредро: он шепотом о чем-то разговаривал с гвардейцем. Фаллон не решался смотреть на гвардейцев, опасаясь, что те даже при слабом свете разглядят земные черты в его лице. Его сердце

забилось сильнее, когда он услышал голос одного из них:

— Сой! Сой хао!

Мозг Фаллона настолько оцепенел, что не менее секунды понадобилось, чтобы он понял, что гвардеец просто предлагает кому-то поторопиться. К кому он обращался, Фаллон не стал выяснять и двинулся дальше. За землянами прошли другие жрецы, и Фаллон, слегка придержав Фредро, позволил им обогнать себя. Он дал потоку жрецов увлечь их и немного расслабился после пережитого напряжения. Оказавшись в Сафке, он вновь услышал те же звуки, что и четыре ночи тому назад, когда тайком осматривал здание снаружи. Внутри они звучали громче, но по-прежнему казались сложными и загадочными. Это был не только глубокий, ритмичный гул, но и более частые, легкие удары молотков и еще какие-то рассыпчатые звуки.

Поток кришнян обогнул тыльную часть главного храма Ешта, построенного внутри Сафка, и оказался в большом помещении, обозначенном на плане Кордака. Осторожно выглядывая из-под капюшона, Фаллон разглядел заднюю часть спинок церковных скамей — они стояли в помещении тремя большими прямоугольниками. Скамьи были наполовину заполнены. Идя по проходу между ними, он смог также разглядеть ограду, отделявшую священников от молящихся. В центре и немного слева стояла кафедра проповедника — цилиндрическое сооружение из блестящего серебра. За ней в тени возвышалось что-то большое и непонятное. Это могла быть огромная статуя Ешта, которую, согласно сообщению в «Рашме», создал ештит Панжаки из Гулинда.

Свет от лампы отражался в драгоценных украшениях и полудрагоценных камнях, из которых была выполнена мозаика в верхней части стены. С того места, где он находился, Фаллон не мог разглядеть подробностей рисунка, но ему показалось, что это серия картин, иллюстрирующих миф о Еште — миф, даже среди верующих кришнян считающийся фантастическим.

Поток паломников в этом помещении разделялся. Миряне проходили вперед, в проход между скамьями, и занимали свои места, в то время как жрецы, которых было гораздо меньше, за спинками скамей уходили в другую дверь.

Согласно инструкциям Лийяра, там должна была находиться комната, где жрецы надевают верхние ризы, в которых и присутствуют на службе. Низшие разряды жрецов, в том числе и третий, при этом не снимали своих риз — это делали только священники высших разрядов, начиная с пятого.

Взглянув назад, чтобы убедиться, что Фредро идет за ним, Фаллон прошел в эту дверь. Но здесь он не обнаружил того

помещения, которое должно было быть в соответствии с планом Кордака.

Он оказался в комнате среднего размера, слабо освещенной, с еще одной дверью в противоположном конце, через которую торопливо уходили жрецы. И тут звон цепей заставил его повернуть голову налево. Увиденное заставило его так резко отскочить, что он наступил на ноги вскрикнувшего от неожиданности Фредро.

В дальнем углу комнаты был прикован шен. Длина цепи вместе с длиной шеи дракона позволяла ему доставать до любого места в комнате. Меньший по размеру, чем те, что были на арене у Кастамбанга или в зоопарке, этот шен все же мог проглотить человека в два приема.

Дракон положил голову на передние лапы и пристально следил за Фаллоном и Фредро. Его голова находилась не далее двух метров от них. Достаточно было одного прыжка.

Затаив дыхание, Фаллон взял себя в руки и двинулся вперед, надеясь, что никто из кришнян не заметил его задержки. Он вспомнил ливень алиеб-джуайса, полученный ими в зоопарке. Несомненно, шена удержал от нападения этот запах. Возможно, жрецы обрызгивали свои ризы этой жидкостью, а замаскированный чужак, не зная этого, был бы обречен на съедение. Фаллон не мог сказать, действительно ли жрецы пахли алиеб-джуайсом, так как сам уже привык к нему. Но если это так, то их импровизированная ванна в зоопарке оказалась как нельзя кстати.

Глаза шена следили за ними, но зверь не поднял головы с лап. Фаллон поторопился пройти сквозь дверь и покинуть опасное помещение.

Перед ним лежал длинный коридор, образующий пологую дугу, огибавшую наружную сторону здания. Окон не было; и хотя джадент в тонких пластинках прозрачен, внешняя стена была слишком толстой, чтобы пропускать свет. С небольшими интервалами к стене прикреплялись светильники. Левая сторона коридора, также дугообразная, была усеяна множеством дверей. Фаллон знал из плана, что за поворотом должны быть ступени, ведущие на верхние и нижние этажи сооружения.

Слева от них находился широкий коридор или продолговатая комната. В ней у длинной стойки с ризами толпились жрецы. Они надевали одежду и поправляли ее перед зеркалами, развешенными на стене. Хотя слышались негромкие голоса, Фаллон отметил, что жрецы гораздо сдержаннее обычной кришнянской толпы.

Руководствуясь инструкциями Лийяра, он с уверенным видом

проследовал вдоль стойки, пока не нашел груду красных шапок, являвшихся принадлежностью жрецов третьего разряда. Он взял две шапки, протянул одну Фредро, а другую надел перед зеркалом сам.

В это время дважды ударил колокол. Засуетившись, жрецы образовали двойной ряд и двинулись вперед вдоль зеркал. Фаллон потянул за руку Фредро, который все еще не мог справиться со своей шапкой, и они заняли свободное место в двойной линии жрецов третьего разряда. Перед ними шествовали жрецы четвертого разряда в синих шапках, за ними — второго в желтых шапках. К счастью, тут, видимо, не было строгого порядка размещения жрецов внутри одного разряда.

Колокол прозвонил трижды. Послышался топот. Уголком глаза Фаллон успел заметить группу торопливо идущих кришнян. Один из них держал кадило, из которого струился дым, сильный аромат которого перекрывал даже запах алиеб-джуайса и крепкий дух кришнянских тел. У другого в руках было что-то вроде арфы, у третьего — маленький медный гонг. Еще несколько ештитов в богато разукрашенных золотом и драгоценными камнями одеждах торжественно несли посохи с укрепленными на них символами культа.

Фаллон увидел идущую посредине процессии нагую хвостатую кришнянку со связанными сзади руками, закованную в тяжелые цепи. Усилием воли он сумел удержать себя от резкого движения.

Хотя Фаллон пристально не вглядывался, да и свет был тусклым, он решил, что эта женщина из племени бледнокожих первобытных народов, населявших большие леса к востоку от Катай-Джогорай, в районе Триморья. Западные кришняне мало знали о тех областях планеты, хотя именно эти леса в основном и снабжали варварские нации рабами.

Большинство кришнян слишком горды, строптивы и агрессивны, чтобы стать хорошими рабами. Они предпочитают убить своих хозяев, если даже это будет стоить им жизни. Но робкие хвостатые люди из лесов Джаени и Ауруса становились хорошими рабами. Обычно их захватывали триморские пираты во время набегов, а потом продавали на портовых рынках.

Фаллону некогда было размышлять о том, что жрецы собираются делать с этой лесной женщиной. Вновь прозвучал колокол, и длинная процессия жрецов, во главе которой шла группа с женщиной в центре, медленно тронулась вперед. Арфист и человек с гонгом начали играть на своих музыкальных инструментах. Торжественное и неторопливое, шествие резко контрастировало с предыдущей спешкой.

При этом все запели печальный траурный гимн. Фаллон не понимал его слов, так как жрецы пели на варасту — мертвом языке, предке балхибского, гозаштандоу, квирибского и других языков варастианских наций, населявших земли к западу от Триморья.

Глава 14

Под звуки мрачного пения жрецы миновали комнату с ризами и свернули в боковую дверь внутреннего храма. Предводительствуемые священниками высших разрядов и музыкантами, они прошли за рядами сидений и вышли вперед. Глаза Фаллона были прикованы к украшениям зала, богатым, старинным, великолепно изготовленным, в которых постоянно встречалось изображение раковины сафка как символа бога. Леса вдоль одной из стен указывали место, где жрецы занимались реставрацией.

Верхнюю треть стен покрывали мозаичные изображения, иллюстрирующие миф о Еште. Фаллон по описанию Лийяра узнавал сюжеты изображений. Ешт первоначально был богом земли в варастианском пантеоне. Варастианские народы заимствовали его культ у покоренных калвмиан, империю которых они завоевали. Однако в последующие столетия, при всеобщей тенденции к монотеизму, жрецы Ешта и Бакха, варастианского бога неба, начали борьбу друг с другом за религиозную монополию. Времена балхибского политеизма уходили в прошлое. Позже бакхиты взяли верх в этой борьбе, заручились поддержкой царствующей династии и объявили, что Ешт не бог, а ужасный демон, которому поклоняются примитивные хвостатые народы, населяющие земли у Триморья, в то время как бесхвостые кришняне, населявшие эти земли раньше, всегда поклонялись Бакху.

Согласно каноническому мифу о Еште, бог воплотился в смертного человека Кхараджа во времена докалвмианского королевства Руакх. В облике смертного он нес кришнянам святые истины.

Ешт-Кхарадж побеждал чудовищ, заклинал злых духов и воскрешал мертвых. Некоторые из его приключений казались сюрреалистическими, непонятными непосвященным, хотя для верующих они были полны глубокого смысла.

Однажды он был пленен женщиной-демоном, и их сын впоследствии стал королем Руакха, Миандой Отвратительным. После долгой и напряженной борьбы бога с его демоническим сыном Ешт был взят в плен солдатами сына, предан долгой и ужасной пытке и умер. Его останки погребли, а на следующий день на этом месте вырос вулкан и уничтожил короля и его город.

Мозаика изображала эти события с наивной искренностью и дотошностью. Фаллон слышал восторженный шепот Фредро, рассматривавшего изображения. Он наступил компаньону на

ногу, призывая его к молчанию.

Процессия прошла через вход в ограде между сидениями и алтарем. Здесь она разбилась на группы. Фаллон двинулся за остальными жрецами третьего разряда, держась в задних рядах, чтобы вызывать меньше подозрений. Он оказался слева от алтаря, если глядеть из зала; цилиндрическая серебряная кафедра проповедника закрывала от него большую часть молящихся.

Слева возвышалась большая статуя Ешта, стоящего на четырех ногах в виде древесных стволов; на голове у бога была гора, в одной из его шести протянутых рук — город, в другой — лес, в третьей — меч. Предметы, которые он держал в остальных руках, было трудно распознать непосвященному, да еще и с другой планеты.

За кафедрой, между статуей и молящимися, Фаллон разглядел алтарь. С ужасом он смотрел, как священники приковали лесную женщину к алтарю золотыми цепями, укрепленными на ее лодыжках и запястьях.

Только теперь он заметил, что за алтарем стоял высокий кришнянин, голову его закрывал черный капюшон с прорезями для глаз. И этот кришнянин калил на огне инструменты, предназначение которых было слишком очевидным.

Фаллон услышал испуганный шепот Фредро:

— Они будут ее пытать?

В ответ он пожал плечами. Пение смолкло и наиболее роскошно одетый священник взошел на ступеньки кафедры. Откуда-то поблизости Фаллон расслышал шепот на балхибском:

— Почему жрецы третьего разряда отделились? Это не соответствует ритуалу. Они так столпились, что среди них вполне может скрыться чужак…

Другой человек шепотом призвал к молчанию, и священник на кафедре заговорил.

Начало службы не очень отличалось от обрядов большинства земных религий: молитвы на варастианском языке, гимны, провозглашение благословений и проклятий и тому подобное. Фаллон ерзал, переступал с ноги на ногу, стараясь не шуметь. В паузах были слышны слабые стоны лесной женщины. Жрецы кланялись друг другу и статуе Ешта, протягивая символические предметы.

В конце церемонии жрец вновь поднялся на кафедру. Молящиеся застыли в ожидании, и Фаллон понял, что приближается кульминация службы.

Жрец заговорил на современном балхибском:

— Слушайте, дети мои, рассказ о том, как бог Ешт был человеком. И следите за нашими действиями во время моего

рассказа, чтобы вы всегда помнили об этих печальных событиях и чтобы это впечатление отразилось на всей вашей жизни…

На берегах реки Зигрос бог Ешт впервые воплотился в теле мальчика Кхараджа, игравшего с товарищами. Когда дух Ешта снизошел в тело Кхараджа, то заговорил так: «О мои товарищи по играм, слушайте и повинуйтесь. Ибо я больше не мальчик, а бог и несу вам слово и волю богов…»

Во время рассказа остальные жрецы пантомимой повторяли действия Ешта-Кхараджа. Когда жрец на кафедре рассказывал о том, как один мальчик отказался повиноваться словам Ешта и смеялся над Кхараджем, а тот указал на него пальцем, и мальчик упал мертвым, роскошно одетый жрец упал на пол, изображая умершего.

Пантомима продолжалась, в подробнейших деталях рассказывая о юности Кхараджа; в ней приняла отнюдь не добровольное участие женщина, игравшая роль бога, погибающего от пыток. Глаза кришнян — и жрецов, и мирян — сверкали во время этого спектакля. Фаллон с отвращением отвел взгляд, а рядом с собой он слышал славянские проклятия Фредро.

Энтони Фаллон не отличался особым благородством характера. И хотя он нес ответственность за смерть многих людей во время своих приключений и авантюр, он никогда не был бессмысленно жесток. Ему нравились кришняне, но только не их садизм, обычно скрытый и проявляющийся только в таких случаях, как это изображение пыток бога.

Теперь, хотя он старался не смотреть на постепенное расчленение тела жертвы, он был вынужден до боли стиснуть зубы, ногти его впились в ладони. Он с удовольствием взорвал бы Сафк со всем его содержимым, как призывал неистовый Вагнер. Неужели потерявшиеся земляне Мжипы нашли свой конец на этой окровавленной плахе? Фаллон, недолюбливавший бакхитов, раньше считал их обвинения против ештитов рекламным ходом в соперничестве. Но теперь он понял, что жрецы Бакха знали, что говорили.

— Спокойно, — прошептал он Фредро. — Все должны считать, что мы наслаждаемся этим зрелищем.

Жрец запел новый гимн, и служба продолжилась. После длинного ряда молитв и благословений жрец спустился с кафедры и пошел во главе процессии обратно тем же путем. Когда Фаллон и Фредро в составе колонны жрецов достигли гардеробной комнаты, то услышали гул множества ног: молящиеся покидали зал. В то же время послышался и звон цепей, и провели нового пленника. Вскоре должна была начаться очередная жестокая служба.

Украдкой посматривая на последних жрецов, Фаллон положил свою шапку на стойку и пошел к выходу в сопровождении Фредро, все еще не пришедшего в себя после ужасного зрелища.

Необъяснимые звуки вновь донеслись до ушей Фаллона, на этот раз яснее, так как их не заглушало пение и молитвы. Остальные жрецы столпились группами, разговаривая, или уходили куда-то по своим делам. Фаллон кивнул Фредро в сторону коридора, пролегавшего вдоль наружной стены.

Они пошли по этому дугообразному коридору. На левой стене оказался ряд надписей, при виде которых Фредро пришел в крайнее возбуждение.

— Вероятно, докалвмский язык, — пролепетал он. — Кое-что я могу расшифровать. Мы должны задержаться и скопировать…

— Даже не думайте! — прошипел Фаллон. — Вы можете вообразить, что подумают эти парни, увидев ваше занятие? Если они нас поймают здесь, то мы будем участниками следующей службы.

Некоторые двери налево были открыты. Они вели в помещения, где хранилась церковная утварь и другие предметы; из одной открытой двери доносились кухонные запахи.

Фаллон видел, что стены везде имеют необычайную толщину, так что коридоры и комнаты были похожи на углубления в сплошной скальной массе, а не на помещения, разделенные перегородками.

Никто не остановил землян и не заговорил с ними, пока они шли по изгибающемуся коридору к лестнице, известной Фаллону по плану. Здесь звуки слышались яснее. Лестница занимала половину ширины коридора, по ней проходили жрецы.

Фаллон быстро поднялся на следующий этаж. Здесь, по-видимому, находились жилые помещения и спальни жрецов. Земляне быстро осмотрелись. В одной из комнат Фаллон увидел жреца-проповедника, успевшего сменить великолепное ритуальное одеяние на черный костюм. Он сидел в кресле, курил большую сигару и читал спортивную страницу «Рашма». Странные звуки на этом этаже были слабее.

Фаллон и Фредро вновь спустились по лестнице и пошли дальше по коридору. Вскоре они наткнулись на лестницу, ведущую вниз, которая привела их к массивной железной двери. Перед ней неподвижно стоял кришнянин в мундире гражданской гвардии Занида, в руках он держал алебарду. И Энтони Фаллон узнал Джиреджа, ештита, которого он задержал за участие в дуэли две ночи тому назад.

Глава 15

В течение нескольких секунд Фаллон всматривался в вооруженного кришнянина. Затем инстинкт игрока, который в прошлом не раз приводил его к успеху (впрочем, и к поражениям тоже), заставил его подойти к охраннику и сказать:

— Здравствуйте, Джиредж!

— Здравствуйте, преподобный отец, — ответил Джиредж с вопросительной ноткой в голосе.

Фаллон поднял голову, чтобы его лицо было видно из-под капюшона.

— Я пришел, чтобы вы выполнили свое обещание.

Джиредж вгляделся в лицо Фаллона и почесал затылок.

— Я… я где-то видел вас, отец. Ваше лицо мне знакомо. Готов поклясться мужеством Ешта, что мы встречались, но…

— Вспомните землянина, который спас вас во время дуэли.

— О! Вы хотите сказать, что вы…

— Вот именно. Вы ведь не прогоните нас?

Охранник выглядел обеспокоенным.

— Но как… что… это святотатство, господа. Я должен…

— Послушайте, неужели вам никогда не хотелось сыграть шутку с этими напыщенными жрецами?

— Шутку? В святом храме?

— Конечно. Я бился об заклад в тысячу кардов, что смогу, замаскировавшись, проникнуть в подземелье Сафка и выйти обратно. Естественно, со мной должен быть и свидетель. Я заплачу вам десятую часть моего выигрыша, если вы подтвердите, что видели меня здесь.

— Но…

— Что «но»? Я не прошу вас совершить святотатство. Я даже не предлагаю вам взятку. Всего лишь честно заработанный гонорар за правдивый ответ, если вас спросят. Что вас тревожит?

— Но, добрые мои господа… — начал Джиредж.

— И разве вы не обещали мне помочь в случае необходимости?

Переговоры продолжались еще какое-то время; но мало кто из землян или кришнян мог долго сопротивляться настойчивости Фаллона: когда он действительно хотел чего-нибудь добиться, то мог быть очень убедительным.

Когда Фаллон наконец поднял гонорар до четверти своего мнимого выигрыша, сбитый с толку Джиредж согласился, сказав:

— Сейчас конец четырнадцатого часа, мои мастера. Вы должны вернуться до конца пятнадцатого, а не то подойдет к

концу моя вахта. Если не успеете, вам придется там ждать до завтрашнего полудня, когда вновь на пост заступлю я.

— У вас девятичасовая вахта? — спросил Фаллон, сочувственно поднимая брови. Так как кришняне делили свои долгие сутки на двадцать часов, начиная с рассвета (точнее, от момента, равно отстоящего от полуночи и полудня), это означало, что вахта Джиреджа длилась больше двенадцати земных часов.

— Нет, — сказал ештит, — у меня дежурство лишь раз в пять ночей, завтра я замещаю одного из товарищей.

— Мы дождемся, — сказал Фаллон.

Кришнянин прислонил алебарду к стене, чтобы отпереть дверь. В двери, как и везде на Кришне, был грубый замок, состоящий из двух скользящих задвижек с обеих сторон. В задвижках зияли отверстия для ключа. Ключом можно было отодвинуть внутреннюю задвижку. Наружная задвижка тоже была защелкнута.

Джиредж взялся за эту задвижку и отодвинул ее, затем ключом открыл внутреннюю, после чего нажал на металлическую дверную ручку. Дверь со скрипом отворилась.

Компаньоны проскользнули внутрь. Дверь за ними захлопнулась.

Фаллон заметил, что загадочные звуки стали намного громче, как будто их источник приблизился. Он подумал, что эти звуки все больше становятся похожи на шум в металлообрабатывающем цехе. Фаллон повел своего спутника вниз по тускло освещенной лестнице, прикидывая, удастся ли им подняться по ней обратно.

Фредро пробормотал:

— Что если он выдаст нас жрецам?

— Надеюсь, этого не случится. Иначе я себе не завидую.

— Не нужно было мне так настаивать на посещении Сафка. Это плохое место.

— Подходящий момент для сомнений! Идите за мной с видом постоянного жильца, и, может, нам удастся выбраться, — ответил Фаллон и закашлялся, глотнув дымного воздуха.

У подножия лестницы прямо вперед уходил вырубленный в скале коридор с низким потолком. С обеих его сторон располагались входы в многочисленные помещения, откуда и доносился металлический лязг. Помимо тусклого света масляных ламп, установленных в гнездах на стене, коридор был освещен отблесками пламени множества кузниц и печей. Перекрещивающиеся красные отблески создавали впечатление преддверия ада.

Кришняне — в большинстве хвостатые колофтяне обоих полов — двигались в полутьме, нагие, если не считать грубых фартуков, развозя тачки с материалами, поднося инструменты и ведра с водой и выполняя другие разнообразные работы. Вокруг расхаживали надсмотрщики.

Тут и там стояли вооруженные кришняне в мундирах королевской гвардии Кира. Гражданская гвардия заменяла их лишь на менее важных постах. Они искоса взглядывали на Фаллона и Фредро, но никто не останавливал пришедших.

По мере того как земляне шли дальше по коридору, им открывалось истинное назначение подземелий Сафка. В помещениях справа железная руда плавилась и металл застывал в форме болванок. Болванки перевозились дальше по коридору в другие комнаты. Там они вновь расплавлялись и превращались в длинные заготовки, которые передавались кузнецам. Кузнецы же обрабатывали их, превращая в полые трубы.

Земляне проходили комнату за комнатой, и постепенно им стало ясно, что тут изготавливают. Фаллон понял это раньше, чем они добрались до последнего помещения, где процесс заканчивался.

— Мушкеты! — пробормотал он. — Примитивные ружья.

Он остановился у стойки, где было около дюжины ружей, и взял одно из них.

— Как оно стреляет? — спросил Фредро. — Я не вижу ни курка, ни затвора.

— Вот зарядная полка. Сюда насыпают порох, а зажечь его можно и сигарой. Я знал, что рано или поздно это случится. Мне не повезло: я опередил время со своими контрабандными пулеметами. Межпланетному Совету никогда не удастся загнать этого джина в бутылку!

— Вы думаете, это сделал кто-нибудь из землян… ну, обойдя каким-нибудь образом псевдогипноз? Или кришняне изобрели это независимо?

Фаллон пожал плечами и поставил мушкет на место.

— Чертовски тяжелые штуки. Не знаю, но, вероятно, мы получим и эту информацию.

Они находились в помещении, где рабочие приделывали резные приклады к стволам. В противоположном конце зала трое кришнян обсуждали какую-то проблему. Двое из них были похожи на надзирателей, а третий, небольшого роста пожилой кришнянин с густыми спутанными светло-зелеными волосами и в длинном халате иностранного покроя, показался Фаллону знакомым.

Фаллон прогуливался по помещению, дожидаясь, пока двое

надзирателей уйдут. Когда те, наконец, пошли по своим делам, он взял за рукав длинноволосого кришнянина.

— Привет, мастер Сэйнэйн, — сказал он. — Как вы здесь оказались?

Пожилой кришнянин обернулся:

— Да, преподобный отец? Вы меня о чем-то спросили?

Фаллон вспомнил, что Сэйнэйн глуховат, и решил не выкрикивать объяснения при всех.

— Пойдемте в вашу комнату, если вы не возражаете.

— О, пожалуйста. Сюда, отец.

Кришнянин провел их через лабиринт комнат и коридоров в жилые помещения: отдельные комнаты для служащих и спальни для рабочих, где были лишь груды соломы, на которых валялись храпящие и пахнущие колофтяне.

Они проследовали в комнату, обставленную скромно, но с намеками на комфорт. Здесь находились удобная кровать, кресло, множество книг и большой запас сигар и вина.

Фаллон представил друг другу обоих ученых на языках, которые они понимали, затем сказал Фредро:

— Вы все равно не сможете следить за нашим разговором, поэтому стойте снаружи за дверью, пока мы не кончим, и предупредите нас, если кто-нибудь придет.

Археолог заворчал, но вышел. Фаллон запер за ним дверь, откинул капюшон и сказал:

— Теперь вы узнаете меня?

— Нет, зер, я не… но подождите! Вы кришнянин или землянин? Вы напоминаете мне одного человека…

— Это уже ближе. Вспомните Хершид четыре года назад.

— Клянусь бесконечностью Вселенной! — вскричал Сэйнэйн. — Вы землянин Энтане Фалн и некогда доур Замбы!

— Не так громко, — взмолился Фаллон: Сэйнэйн из-за своей глухоты был склонен кричать при обычном разговоре.

— Но что, во имя всех не существующих на свете демонов, что вы здесь делаете? — несколько тише спросил Сэйнэйн. — Вы на самом деле стали жрецом Ешта? Никто не убедит меня в том, что вы искренне поверили в эти сказки.

— Об этом после. Вначале ответьте мне: вы постоянно находитесь в этом подземелье или можете выйти, когда вам захочется?

— Ха! Вы не настоящий жрец, иначе вы бы знали об этом и не спрашивали бы меня.

— Я знаю, что вы умны. Но ответьте на мой вопрос.

— Что касается этого, — сказал Сэйнэйн, зажигая сигару и протягивая коробку Фаллону, — то я свободен, как акебат — в

клетке зоопарка короля Кира, и могу выходить, когда вздумается, — как дерево в королевском саду. Короче, я повелитель этого маленького королевства в подземелье Сафка. Но если я попытаюсь выйти отсюда, то получу копье в живот или стрелу в спину.

— И вам такое положение нравится?

— Все относительно, зер. Кстати говоря, это тусклое подземелье ничуть не хуже пышного двора Хершида. Я предпочитаю жить здесь, чем быть разрубленным на части и сваренным, как эти несчастные, которых ештиты используют во время своих служб. Все относительно, как видите. Можно сказать, что термин «нравится» в моем положении абсолютно неприменим и лишен смысла. Кто может знать, что нравится, а что…

— Прошу вас, — Фаллон, хорошо знавший кришнян, поднял руку. — Значит, я могу рассчитывать, что вы меня не выдадите?

— Следовательно, это маскировка, как я и полагал. Не бойтесь: ваши дела меня не касаются, я стараюсь смотреть на мир с философской бесстрастностью. Хотя такие ловушки, как та, в которой я оказался, способны нарушить бесстрастность любого философа. Если бы я мог бросить этого шизофреника Кира в выгребную яму…

— Да, да. Но как вы сюда попали?

— Прежде всего, дорогой зер, расскажите, как вы оказались в этой проклятой клетке? Ведь это не прост любопытство?

— Мне нужны сведения… — Фаллон, не вдаваясь в причины, по которым ему нужны были сведения, кратко рассказал, как ему удалось пробраться в подземелье.

— Клянусь Миандой Отвратительным! Отныне я верю всему, что рассказывают о сумасшедших землянах. У вас был лишь один шанс из ста пробраться сюда, не вызвав подозрений.

— Давия стояла рядом со мной все время.

— Будем надеяться, что она так же верно будет стоять рядом с вами, когда вы пойдете обратно. Мне не хотелось бы видеть ваше окровавленное тело на алтаре Ешта.

— Но почему культ Ешта объединен с пытками? Только для развлечения?

— Вовсе нет. Существует древнее суеверие, что периодические мучения и пытки жертвы, при которых та плачет, заставляют небо — по законам симпатической магии — тоже плакать и тем самым способствовать хорошим урожаям. Ранее этот свирепый обычай естественно связывался с культом бога земли Ешта.

Правда же заключается в том, что многим нравится смотреть на страдания других — качество, если я правильно разобрался в

земной истории, некогда свойственное и вам. Не хотите ли чашу вина?

— Только одну и не уговаривайте меня выпить вторую. Когда я буду возвращаться, мне потребуется ясная голова и полная координация движений. Но продолжайте свой рассказ.

Сэйнэйн затянулся и задумчиво посмотрел на горящий кончик своей сигары.

— До меня в Хершиде дошли слухи, что доур Балхиба нанимает ведущих ученых, платит им большое жалование, чтобы они совместными усилиями разгадывали тайны природы. Будучи, как и все ученые, несведущим в обычных делах, я отказался от преподавания в имперском лицее, прибыл в Занид и нанялся на службу сюда.

А у безумного Кира была навязчивая идея, как будто этот проклятый его зять Чабариан подложил ему колючку в подштанники. Идея заключалась в том, чтобы собрать подобных мне доверчивых простофиль, запереть их в подземелье, снабжать в изобилии едой, напитками и девицами, а затем поставить нас перед выбором: или изобрести что-нибудь, способное победить Кваас, или закончить свои дни на дымящемся алтаре ештитов. Перед лицом этой ужасной альтернативы мы вынуждены были стараться и через три года напряженной работы добились того, что не удавалось на нашей планете никому.

— Что же это? — спросил Фаллон.

— Мы изобрели пригодное к употреблению ружье. Не такое удобное и мощное, как земное, но ведь это только начало. Мы знали о земных ружьях. И хотя никто из нас их не видел, мы получали информацию от других, например от замбийцев, которых вы взяли с собой в неосторожный поход на Гозаштанд, поход, приведший к престолу Замбы короля Экрара. Из их рассказов мы уяснили главные принципы: полая металлическая трубка, пуля, порох и средства для его воспламенения. Труба с деревянным прикладом, как и пуля, не составляли особых трудностей. Главное затруднение было в порохе. Мы обнаружили, что споры дерева ясувар, которое обычно используется для фейерверков и другой пиротехники, бесполезны для наших целей. После множества опытов проблема была решена моим коллегой Неле-Джурдаром из Катай-Джогорай. Ему удалось приготовить из различных веществ взрывчатую смесь. Дальнейшее было делом техники.

— Стимулированное изобретение.

— Что?

— Ничего, — ответил Фаллон. — Земной термин, который я слышал от Фредро. Кто, кроме вас, принимал участие в работе?

Сэйнэйн вновь зажег погасшую сигару:

— Здесь всего двое достойны называться подлинными учеными. Неле-Джурдар… но, увы, он недавно погиб, испытывая свою взрывчатую смесь… Когда же это было? Какой сегодня день? Так трудно определять время лишь по смене охраны в этой ловушке.

Фаллон назвал ему дату, добавив:

— Пока я не забыл: за последние три года трое землян — Соарес, Боткин и Дейли — исчезли в Заниде. Вы что-нибудь слышали о них? Не работают ли и они в артиллерийском арсенале Чабариана?

— Нет, здесь только еще один мой коллега Зарраш из Маджбура. Остальные руководители нашего проекта лишь опытные механики, их пятеро и все они кришняне. Трое из них умерли от естественных причин… Остальные двое находятся здесь и будут находиться до тех пор, пока Кир, убедившись, что наши трубы докажут свое могущество в кровопролитном сражении, не выполнит свое обещание и не освободит нас с таким количеством сокровищ, какое мы только сможем унести. Конечно, если предварительно доур не прикажет перерезать нам горло, чтобы мы сохранили секрет пороха, или эти ештиты не убьют нас, так как мы слишком многое узнали о тайнах их культа.

— Где теперь этот Зарраш?

— В третьей комнате отсюда. В настоящий момент мы лишь вежливо здороваемся.

— Почему?

— Разногласия во мнениях. Небольшой эпистемологический спор: Зарраш, как реалист-трансценденталист, придерживается дедуктивного мышления; я же, как номиналист-позитивист, склоняюсь к индуктивному. Слово за слово, и мы поссорились: длительное заключение расшатывает нервы. Но, конечно, через несколько дней мы помиримся, так как он здесь единственный человек, с которым можно разговаривать.

— Знаете ли вы состав пороха? — спросил Фаллон.

— Конечно, но вам я этого не скажу.

— Вы надеетесь продать свои знания другим кришнянским властителям, например, доуру Гозаштанда?

Сэйнэйн улыбнулся:

— Делайте выводы сами, зер. Но я не рискну дать прямой ответ, пока не выберусь из этой ловушки.

— Как вы думаете, к чему приведет появление ружей на планете?

— Старик Неле-Джурдар порицал весь проект, участвуя в нем лишь под страхом смерти. Он считал, что изобретение подобных

смертоносных средств — грех перед всеми людьми, что подобное изобретение недостойно истинного ученого. Зарраш, наоборот, считает, что эти ружья приведут к полному прекращению войн на Кришне: слишком ужасными и кровопролитными они станут, эти войны. Хотя на Земле ничего подобного не произошло…

— А вы?

— Я смотрю на это с другой точки зрения. Пока у нас, кришнян, не будет точно такого же мощного оружия, как у землян, мы ничего не сможем противопоставить угрозам.

— Но кто же вам угрожает?

— Пока никто, зер. До сих пор вы проявляли образцовую скромность. Но вы, земляне, изменчивы и непостоянны. С одной стороны, вы снабжаете нас разными полезными вещами, например мылом. С другой — среди вас встречаются явные мошенники. Ваши методы выбора тех, кто прилетает на нашу планету, ставят нас в тупик. С одной стороны, вы не разрешаете своим ученым передавать нам знания — боитесь, что мы подорвем ваше превосходство. С другой — посылаете на нас рой беспокойных миссионеров и новообращенных из сотен враждующих религиозных сект, чьи учения немного лучше абсурдных утверждений наших культов.

Фаллон собирался возразить, но Сэйнэйн прервал его:

— Вы, как я уже говорил, очень изменчивы. Среди вас нет двух похожих. Мы только приспособимся к одному из вас, как на его место является другой, с совершенно иным характером. Возьмите, например, мастеров Кеннеди и Абреу — оба образованные и полноправные представители своих наций. Они вернулись в Новуресифи, а заменили их отупевшие от пьянства варвары Глумелин и Горчаков. Вообще же вы относитесь к нам как добрый и заботливый хозяин к слугам, который не будет с ними бессмысленно груб и жесток, но который, в случае необходимости, сумеет заставить их повиноваться. Вот, например, этот консул в Заниде — как же его зовут…

— Я знаю Перси Мжипу, — сказал Фаллон. — Но разве вы не боитесь, что эти ружья принесут вам ужасные разрушения? Или вы надеетесь, что из-за них все ваши народы объединятся?

— На первое я отвечу, что человек, застреленный из ружья, так же мертв, как и убитый дубиной. А на второе — мы нуждаемся в едином правительстве. Во-первых, оно нам нужно для того, чтобы вступить в ваш надменный Межпланетный Совет. Во-вторых, оно даст нам преимущество в отношениях с вами.

— Но разве такое единое правительство не может появиться в результате добровольного соглашения всех наций? — Фаллон улыбнулся, подумав, что он, циничный авантюрист, проповедует

земной политический идеализм, в то время как Сэйнэйн, ученый с другой планеты, защищает аморальный макиавеллизм.

— Добровольного согласия при нынешнем уровне нашей культуры никогда не будет, и вы, земляне, это отлично знаете. Даже если наши ближайшие небесные соседи с планеты Кондиор — как вы на Земле называете ее?

— Вишну, — подсказал Фаллон.

— Да, вспомнил: по имени какого-то земного божества. Так вот, я говорю: если эти свирепые дикари нападут на нас, допустим, их доставят космические корабли землян (предположим, земляне пойдут на это по каким-нибудь недоступным для нашего понимания причинам), — как вы думаете, заставит эта угроза объединиться наши народы? Нет. Гозаштанд попытается отомстить Микарданду за захват Меозида. Сурия и Даукия попытаются избавиться от ига Квааса, а затем каждая попытается уничтожить противника при помощи инопланетных захватчиков, не думая о своей грядущей судьбе.

Другое дело, если бы мы имели впереди еще тысячу лет естественного развития своей культуры. Но этого времени у нас нет. И, если я верно помню земную историю, вы сами чуть не взорвали свою планету до того, как смогли достичь согласия. А ведь уровень вашей культуры намного превосходил наш.

Поэтому, говорю я, мы должны создать единое правительство так и только так…

— Простите, — сказал Фаллон, — но мне пора уходить, пока не сменился мой друг-охранник.

Он погасил сигару, встал и открыл дверь. Фредро за ней не было.

— Бакх! — воскликнул Фаллон. — Либо этот дурак отправился самостоятельно осматривать подземелье, либо его схватила стража. Идемте, Сэйнэйн, помогите мне отыскать его.

Глава 16

Сэйнэйн вел Фаллона через коридоры и комнаты подземелья. Фаллон неотступно шел за ним и бросал из-под своего капюшона внимательные взгляды направо и налево.

Ученый объяснял:

— Здесь после окончания работы и проверки хранятся ружья… В этом помещении шлифуются стволы после ковки… А здесь делают приклады. Поглядите, как они режут и полируют дерево болкис; Чабариан приманивает резчиков по дереву из Сурусканда, так как в нашей безлесной местности искусство резьбы по дереву развито слабо… Здесь изготовляют порох…

— Подождите, — попросил Фаллон, глядя на процесс изготовления пороха.

В центре комнаты у котла, под которым находилась масляная горелка, стоял хвостатый колофтянин. В котле плавилось что-то типа земного асфальта. Колофтянин помешивал его черпаком и добавлял вещества из двух сосудов, полных беловатого порошка, похожего на чистый речной песок.

— Осторожно! — сказал Сэйнэйн. — Не беспокойте его, иначе мы все можем разлететься на кусочки.

Но Фаллон подошел к котлу, сунул палец в один из сосудов с порошком и попробовал его. Сахар!

Хотя он не был химиком, но за свою долгую жизнь кое-что узнал и предположил, что во втором сосуде находится селитра. За колофтянином находились литейные формы, где содержимое котла должно было застыть в виде небольших брикетов. Но ждать окончания всего процесса они не могли.

Спутники обошли множество помещений; некоторые из них использовались для жилья, другие — для хранения материалов, третьи же пустовали. В одном месте лабиринта они оказались у запертой двери, перед которой стоял королевский гвардеец.

— Что там? — спросил Фаллон.

— Там туннель, ведущий под площадью героя Карара в храм Ешта. Раньше по нему доставляли продукты и воду. Но с тех пор, как правительство арендовало помещение подземелий Сафка, этот подземный ход закрыт.

Во время дальнейших поисков Фаллон услышал отдаленный звук трубы. Донесся лязг оружия.

— Смена охраны, — сказал Сэйнэйн. — Это повод для тревоги?

— Конечно, клянусь Хишкаком! — ответил Фаллон. — Теперь мы сможем уйти только завтра, после полудня. А до тех пор надо

прятаться.

— Что? Но, дорогой коллега, это значит, что я рискую своей головой…

— Вы рискуете своей головой в любом случае, так как уже выдали мне тайны этого подземелья.

— Но в таком случае будет естественно, если я потребую компенсации: вы должны разработать какой-нибудь план моего бегства отсюда.

— Значит, вы хотите бежать?

— Конечно!

— Но тогда вы потеряете право на вознаграждение, обещанное правительством.

Сэйнэйн улыбнулся и постучал себя по лбу:

— Мое вознаграждение здесь. Пообещайте мне извлечь меня отсюда вместе с Заррашем, и я спрячу вас и вашего товарища. Хотя Зарраш и пустоголовый осел, но нехорошо оставлять коллегу в таком положении.

— Ладно, попытаюсь. А, вот где этот фастук!

Добравшись до выхода из подземелья, они увидели доктора Фредро. Археолог стоял у испещренной надписями стены возле лестницы, ведущей к выходу. В одной руке Фредро был блокнот, в другой — карандаш, которым он копировал надписи.

Когда Фаллон с обеспокоенным выражением лица подошел к нему, ученый сказал со счастливой улыбкой.

— Посмотрите, мистер Фаллон! Похоже, что это самая древняя часть сооружения, а надписи могут указать, когда оно построено.

— Пойдемте, вы, осел! — прорычал Фаллон. На пути в комнату Сэйнэйна он, не стесняясь в выражениях, объяснил Фредро, что о нем думает.

Сэйнэйн оглядел свою маленькую комнатку:

— Здесь поместится только один из вас, поэтому второго я отведу к Заррашу.

Он постучался к коллеге.

— Что нужно? — спросил другой пожилой кришнянин, приоткрывая дверь.

Сэйнэйн объяснил. Зарраш захлопнул свою дверь, сказав изнутри:

— Уходи, проклятый материалист! Не пытайся вовлечь меня в свои подозрительные похождения. С меня достаточно наших обычных шпионов.

— Но это для нас единственный шанс бежать из Сафка!

— Что? Клянусь животом Дашмока, это совсем другое дело! — Зарраш быстро распахнул дверь. — Входите, входите.

Объясните мне, в чем дело.

Сэйнэйн рассказал все более подробно, и хозяин предложил всем вино и сигары. Узнав, что Фредро земной ученый, Зарраш обратился к нему:

— Дорогой коллега с Земли! Вы, с вашей зрелой мудростью, сможете пролить свет на разницу между индуктивным и дедуктивным методами познания. Что вы нам скажете на это?

Беседа воспарила в высочайшие отвлеченные сферы и затянулась далеко за полночь, доставив удовольствие участникам.

На следующее утро Фаллон пощупал щетину на подбородке и поглядел на себя в зеркало Сэйнэйна. Ни один землянин не может выдать себя за кришнянина, если у него начинает расти борода, типичная для белой расы. У кришнян на подбородке растут лишь редкие волосики, да и те они аккуратно выщипывают пинцетом.

Проснувшись, Сэйнэйн принес две тарелки с обычным кришнянским завтраком.

— Пусть вас не парализует страх, — сказал ученый, — но ештиты обыскали весь храм в поисках двух неверных, которые, как говорят, проникли вчера на обряд в одежде жрецов. С какой целью они это сделали и кто это был — неизвестно. А так как стражники и жрецы у входа клянутся, что после службы никто подозрительный не выходил, то неверные до сих пор могут находиться в храме. Но в подземелье жрецы не спускались, поскольку сюда ведет единственная и постоянно охраняемая дверь. Конечно, я и понятия не имею, кто эти святотатцы.

— Как же они обнаружили это?

— Кто-то пересчитал шапки жрецов третьего разряда и обнаружил, что были использованы две лишние. Поэтому, пока поиски не охватили и подземелье, мне кажется, вы и мастер Джулиан должны нас покинуть.

Фаллон вздрогнул при мысли об окровавленном алтаре.

— Сколько до полудня?

— Около часу.

— Придется ждать.

— Подождите, но недолго. Я займусь своей повседневной работой и скажу вам, когда сменится охрана.

Весь следующий час Фаллон провел в мрачных предчувствиях.

* * *

Сэйнэйн просунул голову в дверь, сказав:

— Охрана сменилась.

Фаллон надвинул капюшон на лицо, приготовился к плавной походке жрецов Ешта и позвал Фредро из комнаты Зарраша. Они направились к выходу. Подземелье, как и накануне, было освещено масляными лампами и отблесками огня; ночь здесь ничем не отличалась от дня. Когда доктор увидел надписи, у которых его вчера нашел Фаллон, он хотел остановиться и докончить их копирование.

— Как хотите, — рявкнул Фаллон, — я пойду.

Он решительно двинулся по лестнице, слыша за собой раздражительное фырканье Фредро. Наверху он остановился у большой железной двери. Бросив прощальный взгляд, Фаллон ударил в дверь кулаком. Послышался стук наружной задвижки, и дверь отворилась.

Фаллон оказался лицом к лицу с охранником в мундире гражданской гвардии. Но это был не Джиредж. Этот кришнянин был незнаком Фаллону.

Глава 17

В течение нескольких секунд они глядели друг на друга. Затем охранник потянулся к своей алебарде, одновременно поворачиваясь и крича кому-то:

— Эй! Они здесь! Я думаю, что это те самые…

В этот момент Фаллон ударил его в пах. Такие удары, несмотря на некоторые анатомические отличия, кришняне воспринимали так же, как и земляне. Охранник вскрикнул и согнулся вдвое, а Фаллон высунулся и выхватил у него большой ключ. Затем он захлопнул дверь и закрыл ее изнутри. Теперь снаружи ее не откроешь — нужно или взламывать дверь, или же искать другой ключ.

— Что случилось? — спросил за его спиной Фредро.

Не заботясь об объяснениях, Фаллон сунул ключ в карман и побежал вниз по лестнице. В такие отчаянные моменты он становился предельно собранным. Когда они спустились, сверху послышались гулкие удары: кто-то бил в дверь снаружи.

Фаллон, вспомнив свое путешествие по подземному лабиринту в предыдущий вечер с Сэйнэйном, двинулся по направлению к подземному ходу. Дважды он сбивался с пути, но снова находил его, рыща, как крыса из известного опыта.

Сзади, на лестнице, он услышал топот ног и звон оружия охраны. Очевидно, им удалось открыть дверь.

Наконец перед верхней дверью, ведущей в подземный ход, Энтони увидел охранника. Кришнянин держал алебарду наготове. Фаллон подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

— Спасайся! В комнате со взрывчаткой пожар! Сейчас мы все разлетимся на куски!

Фаллону пришлось повторить, пока угроза не дошла до сознания охранника. В его глазах появился страх, он со звоном отбросил алебарду и повернулся к двери.

Задвижка щелкнула, дверь открылась, и тут Фаллон, подобравший алебарду, ударил ею плашмя по шлему кришнянина. Тот упал, и Фаллон вместе с Фредро вбежали в подземный коридор.

Фаллон попробовал закрыть дверь, но потом сообразил, что, во-первых, ему помешает тело охранника, во-вторых, если он это сделает, в туннеле будет совершенно темно. Нужно было оттащить тело, снять одну из ламп со стены и только после этого закрыть дверь.

Но шум множества ног убедил его, что на подобные действия нет времени. Поэтому он схватил ключ, дверь оставил

полуоткрытой и повернул в туннель, крикнув Фредро:

— Бегите за мной!

Два землянина что есть мочи бежали по грубому, высеченному в скале проходу, спотыкаясь иногда на неровностях пола. Свет из полуоткрытой двери за ними становился все слабее.

— Остор…

Фаллон начал говорить, но в темноте наткнулся на вторую дверь. Он ушиб нос и разбил колено.

Ругаясь на нескольких языках, он на ощупь разыскал дверную ручку. Когда дверь не поддалась, Фаллон нащупал замочную скважину и попробовал оба из имеющихся у него ключей. Один из них подошел: задвижка с внутренней стороны двери отодвинулась.

Звуки в дальнем конце туннеля свидетельствовали о том, что преследователи обнаружили тело стражника.

— Быстрее, быстрее! — хрипел Фредро, задыхаясь.

Фаллон открыл дверь. Они оказались в полутемном помещении, лишь сверху пробивались отблески дневного света. Вдоль стен шли полки, на которых, сваленные беспорядочными грудами, валялись книги — кришнянские книги в деревянных переплетах. Фаллон решил, что это церковные фолианты, собранные в одном месте, — сборники молитв культа Ешта, но у него не было времени убеждаться в этом. В туннеле раздавалось эхо топота множества ног.

Земляне взобрались по лестнице и оказались на каменном полу храма Ешта. Фаллон, осторожно осматриваясь и положив руку на рукоять своей рапиры под одеждой жреца, не увидел и не услышал ничего подозрительного.

Они миновали зал, несколько комнат с рядами сидений и вышли в вестибюль перед входной дверью. Дверь была закрыта изнутри. Фаллон отодвинул задвижку и распахнул дверь.

Мелкий дождь орошал булыжную мостовую и освежал лицо. Несколько ступеней вели на улицу. Фаллон прошептал:

— Идем! За углом снимем костюмы. Затем, когда стражники выбегут из-за двери храма, мы пойдем им навстречу.

Фаллон бегом спустился со ступеней и забежал за угол храма, в узкий проход между храмом и соседним домом. Здесь куст какого-то растения закрыл их со стороны улицы. Они сбросили костюмы жрецов, свернули их, связали поясами и забросили на вершину куста, так что снизу их нельзя было разглядеть. Затем они выбрались на улицу и пошли к Сафку. В этот момент распахнулась дверь и оттуда высыпала толпа стражников и жрецов. Они всматривались в дождь, показывали на что-то и переговаривались друг с другом.

Фаллон положил руку на рукоять рапиры, приблизился к ним с гордым и независимым видом. Толпа спустилась со ступеней. Он слегка поклонился им и сказал в наиболее красочном и изощренном ораторском кришнянском стиле:

— Приветствуем вас, добрые зеры. Могу ли я предложить вам мою скромную помощь в тех трудных поисках, которыми вы, несомненно, заняты?

Охранник крикнул ему:

— Вы видели… видели двух человек в одежде жрецов Ешта, вышедших из храма?

Фаллон с удивленным видом повернулся к Фредро:

— Вы видели кого-нибудь?

Тот пожал плечами. Фаллон сказал:

— Хотя это крайне огорчает и печалит меня, зер, но ни я, ни мой товарищ не заметили ничего подобного. Но мы только что подошли — беглецы могли покинуть храм раньше.

— Тогда… — начал кришнянин, но другой, прислушивающийся к их разговору, прервал его:

— Помолчи, Югач! Не разглашай так охотно происшедшего незнакомцам, особенно же чужакам с другой планеты. Откуда ты знаешь, что они не те самые, кого мы ищем?

Другие кришняне, услышав это, столпились вокруг, обнажив оружие. Сердце Фаллона юркнуло в его кожаные башмаки. Фредро молча открыл и закрыл рот, как рыба, выкинутая на берег.

— Кто вы, земляне? — спросил первый кришнянин.

— Я Энтане Фалн, из района Джуру…

Второй кришнянин перебил его:

— Да! Тысяча извинений, мои мастера, нет, миллион, сто миллионов извинений за то, что я сразу не узнал вас. Я был в Доме Правосудия, когда вы свидетельствовали против грабителя Шейва и его сообщника, умершего от ран, которые вы доблестно нанесли ему. Нет, Югач, я ошибся. Этот Энтане крепкая опора закона и порядка. Но идемте, зер, вы поможете нам в поисках!

Он принялся отдавать приказания своим товарищам. С четверть часа Фаллон и Фредро помогали искать самих себя. Наконец, когда поиски стали безнадежными, земляне ушли.

Когда их не могли услышать столпившиеся на ступенях храма жестикулирующие охранники и жрецы, археолог спросил:

— Теперь все? Я могу вернуться в отель?

— Конечно. Но когда будете писать статью в журнал, не упоминайте меня. И расскажите все Перси Мжипе. Скажите ему, что я не нашел следов исчезнувших землян.

— Понимаю. Спасибо, мистер Фаллон, спасибо за вашу

помощь. Спасибо, и до свидания!

Фредро пожал обеими руками руку Фаллона и стал оглядываться в поисках квизуна.

— Придется ехать в омнибусе, — сказал Фаллон. — Здесь как на Земле. Стоит пройти короткому дождю, и все экипажи исчезают.

Он оставил Фредро и пошел на запад, собираясь отправиться прямо на постоялый двор «Ташин» и передать сведения Квейсу до того, как они устареют. Он насквозь промок и с сожалением вспомнил новый дождевой плащ, лежащий у входа в Сафк — он мог даже разглядеть его с того места, где сейчас находился. Но Энтони был не настолько глуп, чтобы пытаться подобрать его.

Однако, идя через площадь Карара, Фаллон почувствовал, что у него сильно болит нога, ушибленная в подземном туннеле.

К тому же он так устал, что решил завернуть домой, выпить чего-нибудь, переодеться и только тогда идти дальше. Дома у него найдется старый зимний плащ и сухая одежда.

Фаллон брел под дождем, опустив голову, но тут его внимание привлекли звуки барабана. Он оглянулся. Вниз по улице Асада двигался отряд гражданской гвардии с копьями на плечах; во главе отряда, отбивая такт, шел барабанщик. По двум белым повязкам на каждом рукаве Фаллон узнал отряд района Габанж.

По сравнению с ними его отряд Джуру выглядел собранием пугал.

Несколько зевак стояли на тротуаре, глядя на проходящий отряд. Фаллон спросил у них, что происходит, но никто не смог дать ему правдоподобного ответа. Когда же отряд прошел, Фаллон продолжил свой путь к дому. Он уже открывал дверь, когда услышал оклик:

— Мастер Энтане!

Это был Кисаса, гвардеец-осирианин, с древним шлемом, непрочно привязанным к голове, и кришнянским мечом, висящим на перевязи через… можно было бы сказать «через плечо», если бы у него имелись плечи.

Кисаса сказал на своем искаженном акцентом балхибском:

— Быстрей собирайте свои доспехи и идите со мной на полигон. Приказано собрать весь отряд Джуру.

— Почему? Началась война?

— Не знаю. Я лишь исполняю приказ.

«О, Бакх! — подумал Фаллон. — Почему это случилось именно сейчас?»

— Отлично, Кисаса. Идите, я приду вслед за вами.

— Прошу прощения, зер, но это запрещено. Я должен

вернуться вместе с вами.

Фаллон надеялся как-то увильнуть и все же нанести визит Квейсу; но Кордак, очевидно, предвидел, что некоторые его гвардейцы постараются избежать мобилизации, и приказал принять меры против этого. Не было смысла и пытаться убежать от Кисасы, который мог перегнать любого землянина и кришнянина.

Стремление Фаллона избежать явки на полигон было вызвано не трусостью — он не имел ничего против хорошей схватки, а опасением, что позже он не сумеет передать сведения Квейсу.

Энтони печально сказал:

— Подождите, пока я оденусь.

— Поторопитесь, добрый мой зер, мне нужно привести еще троих после того, как я доставлю вас. У вас есть красный камзол?

— У меня не было времени раздобыть его. Не хотите ли выпить перед уходом?

— Благодарю вас, нет. Вначале долг. И я чрезвычайно взволнован. А вы?

— Весь дрожу от волнения, — пробормотал Фаллон.

* * *

Полигон был заполнен гвардейцами отряда Джуру; отряд находился почти в полном составе, нескольких опоздавших ожидали с минуты на минуту. Кордак с очками на носу сидел за столом, перед которым стояла очередь гвардейцев, желавших избавиться от действительной службы.

Кордак выслушивал каждого и быстро принимал решение, обычно отклоняя просьбу об освобождении. Тех, чьи доводы он находил незначительными, он отсылал прочь с гневной тирадой по поводу трусости нынешнего поколения по сравнению с героическими временами предков. Тех, кто жаловался на болезни, быстро осматривал Квоуран, живший недалеко по соседству врач, метод которого, казалось, заключался в пересчете глаз, рук и ног.

Фаллон подошел к стене, у которой стояло около двухсот новых мушкетов. Вокруг них толпилось множество гвардейцев. Они брали ружья в руки, разглядывали их и гадали, как их можно было бы использовать. Фаллон взял одно из них и провел по стволу рукой — на стволе был прицел. В это время по полигону раскатился голос Кордака:

— Внимание! Поставьте ружья на место и отойдите к противоположной стене. Я в нескольких словах сообщу вам то, что должен сказать.

Фаллон, зная, что кришнянин никогда не употребит одно слово там, где можно употребить десять, приготовился слушать долгую речь.

Кордак продолжал:

— Как уже знает большинство из вас, армии варваров Квааса нарушили священные границы древнего Балхиба и движутся на Занид. Наш священный долг — разбить их и отбросить туда, откуда они пришли. Перед вами оружие, на которое я намекал раньше. Это настоящие, пригодные к употреблению ружья, такие же, как и у землян, но изготовленные в тайне здесь, в Заниде.

Если вы удивляетесь, почему именно отряду Джуру, наименее обученному в балхибской армии, среди немногих отрядов доверили это оружие — а его изготовили пока лишь для трех отрядов — я отвечу вам прямо. Во-первых, потому что ваше искусство владения копьем намного ниже, чем в других отрядах гвардии, не говоря уж о регулярной армии. Поэтому неправильно было бы лишить армию других отрядов, хорошо владеющих копьями и стрелами. Во-вторых, ваш отряд имеет существа с других планет, для которых такие смертоносные игрушки вполне привычны.

Эти инопланетяне — я имею в виду прежде всего землян и осириан — могут обучить всех остальных владению ружьями.

Если бы время позволяло, мы провели бы эти несколько дней в тренировке, но сейчас этого сделать нельзя. Мы выступаем немедленно и практиковаться будем на полях сражений. Теперь запомните: никто не должен стрелять без особого приказа, так как количество пуль и пороха ограничено. Если я поймаю кого-нибудь, кто будет стрелять без разрешения, я его свяжу и использую как мишень для обучения остальных.

Теперь о том, как из них стреляют. Видите этот мешок с песком у той стены? А теперь слушайте меня внимательно, герои, и я постараюсь все объяснить вам.

Кордак взял мушкет и стал объяснять, как его заряжают и поджигают заряд. Получалось, что из-за отсутствия спускового механизма мушкетеры должны были стрелять, поднося к пороху кончик зажженной сигары, которую следовало держать в зубах. Фаллон представил себе, сколько носов будет разбито, прежде чем они научатся обращаться с мушкетами.

Один из гвардейцев сказал:

— Ну что ж, теперь, по крайней мере, можно будет свободно курить.

Кордак, нахмурившись при подобном легкомыслии, зарядил мушкет, разжег сигару, прицелился в мешок с песком у противоположной стены и коснулся пороха зажженным концом

сигары.

Бах! Стены полигона вздрогнули. Отдача чуть не сбила капитана с ног, а из ствола вырвалось густое облако черного удушающего дыма. В мешке с песком образовалось маленькое отверстие. Фаллон, откашливаясь вместе с остальными, подумал, что смесь асфальта, сахара и селитры лучше использовать для производства дымовой завесы, чем в качестве взрывчатки.

Кришняне от неожиданности подпрыгнули. Некоторые из них вскрикнули от испуга. Некоторые кричали, что они ни за что не дотронутся до этого изобретения Дупулана. Другие сожалели о старых добрых копьях и арбалетах, в которых все понятно. Кордак успокоил волнение и, продолжая объяснять, обратил особое внимание на необходимость держать порох сухим, а ствол — чистым и смазанным.

— Теперь, — закончил он, — есть ли у кого-нибудь из вас еще сомнения?

Да, сомнения были. Тотиане заявили, что они слишком малы для такого тяжелого оружия, а осириане — что дым выстрела вызвал у них припадок кашля, от которого они все еще не могут избавиться. Оба аргумента после длительного обсуждения были признаны уважительными, и было решено, что представители этих планет по-прежнему будут использовать лишь арбалеты и алебарды. В конце концов, по словам Кордака, «отряду все равно нужны алебардщики, если, несмотря на стрельбу, враг приблизится и начнется рукопашная».

Затем выступил единственный исидианин, заявивший, что он своим слоновым хоботом очень хорошо может ловить воров на улицах Занида, но совершенно неспособен справиться с мушкетом. Фаллон предложил назначить его знаменосцем. Предложение было принято.

Дождь прекратился и сквозь облака блеснули радостные лучи Рокира, когда отряд Джуру выступил с полигона во главе с капитаном Кордаком, барабанщиком и знаменосцем-исидианином.

Глава 18

Балхибская армия стояла у Чоса, перекрестка дорог в западном Балхибе. Фаллон, назначенный часовым, медленно обходил свой участок, занятый гражданской гвардией Занида, неся тяжелый мушкет на плече. Гвардия располагалась на северной стороне лагеря. Их отряд стоял рядом с периметром лагеря, а соседний участок занимал другой отряд, за ним — следующий и так далее.

Военная организация кришнян была гораздо проще земной, без многоступенчатой иерархии генералов и офицеров и без противопоставления кадровых офицеров и тех, кто призван в армию в период военных действий. Фаллон был командиром отделения. Он подчинялся Саванчу, хозяину таверны, который командовал секцией. Над Саванчем главенствовал капитан Кордак (его должность можно было сравнить с земным званием майора или подполковника), командовавший всем отрядом Джуру. Кордак подчинялся лорду Чиндору, командиру всей гвардии. И, наконец, Чиндор уже подчинялся только главнокомандующему всей армией, министру Чабариану. Теоретически армия делилась на части, кратные десяти: в отделении десять солдат, в секции — десять отделений, в отряде — десять секций и так далее.

Практически же, однако, этого никогда не удавалось достигнуть. Например, отряд Джуру, на бумаге состоявший из тысячи бойцов, на самом деле насчитывал чуть больше двухсот солдат и по численности занимал промежуточное место среди множества других. Подвоз боеприпасов, продовольствия и медицинская служба тоже были организованы довольно просто, но надежно. До сих пор отделение Фаллона снабжалось неплохо, хотя и однообразно.

Фаллон не видел карты местности, на которой разместился отряд, но карта мало что дала бы ему, так как во всех направлениях простиралась однообразная, лишенная ориентиров, ровная прерия, покрытая ковром растительности, внешне похожей на земную траву, но с точки зрения биологии представлявшей собой гигантский мох.

На горизонте в бирюзовое небо подымалась струйка дыма: там всадники Гхуура подожгли деревню. Такие кавалерийские рейды глубоко приникали на территорию Балхиба. Но кваасцы не могли захватить окруженные стенами города только одной кавалерией, не могли они и построить стенобитные машины, поскольку в этой местности крупной растительности не было.

Редкие деревья выращивались из привозных семян и требовали заботливого ухода и частого полива, но все равно вырастали тонкими и невысокими, больше похожими на кустарник.

Все это Фаллон знал по опыту своих прежних военных экспедиций или услышал из разговоров кришнян. До его ушей доносился скрип повозок, подвозящих продукты, ржание айев, стук молотков о переносные наковальни, крики гавехонов — племени, присоединившегося к армии. Раздавалось и еще не привычное для кришнянской армии щелканье мушкетов: Кордак изредка разрешал гвардейцам тренироваться в стрельбе. За шесть дней, прошедших с выхода из Занида, отряд Джуру несколько притерся к новому оружию. Большинство гвардейцев могло попасть в человеческую фигуру на расстоянии двадцати шагов.

За это время при стрельбе из мушкетов было убито двое и ранено пятеро. Четверо из них очень тяжело. Однажды при выстреле разорвало ствол, очевидно, изготовленный с браком. В других случаях пострадавшие послужили целью мушкетерам, забывшим, в какую сторону нужно стрелять. Все семь несчастных случаев произошли с кришнянами: обитатели других планет были осторожнее или же привыкли иметь дело с огнестрельным оружием.

В прерии, в том направлении, где проходила дорога, появилось облако пыли. Оно росло, и из него выскочил всадник на айе, уставший и грязный. Скорость бедолаги казалась равной скорости ветра, несшего пыль. Фаллон видел, как он проскакал в лагерь и исчез среди палаток. Курьеры появлялись довольно часто, но пока ничего не происходило, однако Фаллон знал, что рано или поздно такой всадник привезет зловещие новости.

Похоже, что на этот раз так случилось именно это: прозвучала труба, вестовые понеслись по лагерю в разных направлениях, и Фаллон увидел, что мушкетеры собираются в одно место. Он тоже пошел туда, где возвышался флаг отряда Джуру. Гвардейцы точили мечи, полировали шлемы, смазывали мушкеты.

Как раз в тот момент, когда подошел Фаллон, маленький барабанщик — обитатель лесов Джаени с коротким хвостом — пробарабанил команду «Становись!». С лязганьем, звоном, спешными поисками доспехов и оружия гвардейцы медленно строились. Фаллон первым из третьей секции занял свое место.

Наконец, за исключеньем нескольких опаздывающих, все собрались. Ругаясь, Кордак послал Кисасу к палаткам гавехонов.

Тем временем на западе проскакал кавалерийский отряд, тащивший крепкую веревку. К ее концу был привязан ракетный планер. Чабариан нанял в Сотаспе несколько таких примитивных

летательных аппаратов и пилотов для ведения разведки. Планер поднимался как воздушный змей. Когда пилот поймал восходящий поток, он отцепил веревку и выпустил первую из своих ракет. Ракета, заряженная спорами растения ясувер, толкнула машину вперед.

Отряд Джуру стоял и стоял. Вернулся Кисаса с опоздавшими гвардейцами. Кришняне на айях скакали туда и сюда, развозя по отрядам приказы. Офицеры в доспехах, сверкавших в ярких лучах солнца, совещались на расстоянии вне пределов слышимости. Два отряда гвардии Занида выступили со своих мест и двинулись налево, чтобы укрепить фланг.

Фаллон со скучающим видом опирался на мушкет, размышляя, что все шло бы по-другому, если бы он командовал этой армией. Он, если можно так выразиться, начал свой путь с самого верха и постепенно спускался по ступеням военной лестницы. Если когда-нибудь в его распоряжении вновь окажется армия, он постарается, чтобы его солдаты были лучше информированы.

Рядом с ним переговаривались:

— Говорят, у Камурана есть механические биштары, одетые в броню…

— У джунгов есть целый воздушный флот. Корабли движутся при помощи похожих на крылья весел. Они повиснут над нашими головами и забросают нас камнями…

— Я слышал, что министра Чабариана обезглавили за измену…

Наконец, через час после того, как они построились, раздались звуки труб, звон гонгов, гром барабанов и армия двинулась вперед. Фаллон, пробираясь вместе с остальными через высокий мох, заметил, что командиры выстраивают войско в форме огромного полумесяца: в середине — обычные войска, лучники и копейщики, а кавалерию Чабариан разместил сзади дугой. У него был эскадрон биштаров, но они держались поодаль, так как эти слоноподобные животные легко возбуждались, почуяв кровь, и, обратившись в паническое бегство, могли растоптать свои же войска.

Пройдя такое расстояние, что палатки лагеря превратились в крошечные точки на восточной стороне горизонта, отряды остановились и ждали, пока офицеры наводили порядок. Фаллону ничего не было видно, кроме постоянного волнения травообразного мха под ветром и планера, парящего в зеленовато-голубом небе на фоне ярко-желтого диска Рокира.

Отряд Джуру занял позицию на вершине небольшого холма. С высоты обзор был дальше, но и отсюда по-прежнему ничего

нельзя было различить, кроме оливково-зеленой поверхности степи, покрытой рябью, как море в ветреную погоду. Фаллон прикинул, что численность балхибской армии превышает тридцать тысяч.

Ему видна была дорога, на которой время от времени появлялись облака пыли, поднимаемые проносящимися группами всадников. По их поведению Фаллон заключил, что это балхибские разведчики, следящие за передвижением джунгов.

Еще долгое ожидание, еще группы всадников. Внезапно в нескольких сотнях шагов от Фаллона двое схватились друг с другом, их шпаги как иглы, мелькали в воздухе. Потом один повернул айю и ускакал, а второй пустился за ним в погоню.

И вот горизонт покрылся темными точками, которые постепенно росли, превращаясь в эскадроны степных всадников, постепенно покрывших всю равнину впереди.

Кордак скомандовал:

— Отряд Джуру! Зарядить мушкеты! Зажечь сигары!

Но противник остановился и двинулся в сторону, казалось, без определенной цели. Вот от армии Квааса отделилась группа всадников и поскакала к тому месту, где стоял отряд Джуру. На ходу всадники пустили тучу стрел, однако с такого расстояния стрелы не причинили никакого вреда. Одна из них на излете с металлическим звоном ударила в шлем гвардейца и упала к его ногам.

Слева донесся звук одиночного выстрела и облако дыма.

— Дурак! — крикнул Кордак. — Не стрелять! Не стрелять!

И вот с оглушительным шумом армия Квааса вновь двинулась вперед. Фаллон мельком рассмотрел фаланги копьеносцев, направляющихся к центру балхибского лагеря, где размещалась гвардия короля Кира. Фаланги, несомненно, состояли из сурианцев и даукианцев, так как все воины Квааса были всадниками. Другие отряды, пешие и верховые, двигались и слева, и справа. Тучи стрел наполнили воздух, звон тетивы и свист летящих копий составляли оркестровый аккомпанемент шуму битвы.

Но сцену вскоре заволокло густыми тучами пыли, и Фаллон больше ничего не мог разглядеть. К тому же теперь отряду Джуру пришлось самому принять участие в битве.

Большой отряд всадников на айях двигался к правому крылу полумесяца. Кордак выкрикнул команды:

— Приготовиться! Первый ряд, на колено!

Первые два ряда подняли свои мушкеты, гвардейцы, стоявшие во втором ряду, направили оружие поверх голов опустившихся на колено. Кордак на своем айе поднял вверх

шпагу.

Стрелы падали все чаще. Некоторые из них уже достигали цели. Всадники приблизились настолько, что Фаллон, прицеливаясь, мог разглядеть торчащие над их лбами антенны. В этот момент Кордак скомандовал: «Огонь!» — и опустил шпагу.

Раздался залп, и все вокруг закрылось густым облаком дыма. Фаллон услышал крики и стоны за этим облаком.

Ветер постепенно унес дым в сторону. Отряд всадников скакал направо. На мху лежало несколько айев, но гораздо больше скакало с пустыми седлами. А вот сколько они поразили врагов, Фаллон не мог сказать: тела упавших скрыл мох.

— Третий и четвертый ряды, вперед! — тут же крикнул Кордак.

Третий и четвертый ряды выступили вперед, а гвардейцы из первого и второго рядов, оказавшись на их спинами, начали перезаряжать свои мушкеты.

Откуда-то с юга, где находился левый край полумесяца, тоже донесся звук мушкетных выстрелов, но разглядеть, что там происходит, было невозможно. Сзади послышался громкий шум. Оглянувшись, Фаллон увидел большой отряд кваасских всадников, вступивших в схватку с балхибской кавалерией. Кордак приказал осирианам и тотианам, стоявшим группой со своими алебардами, растянуться в линию и охранять отряд от нападения с тыла.

Тем временем новый вражеский отряд появился перед гвардейцами. На этот раз на них напали рыцари на высоких шомалах (животных, похожих на одногорбых верблюдов), вооруженные длинными пиками. Новый залп, и новое облако дыма. Когда дым рассеялся, всадников на шомалах не было видно.

Какое-то время отряд Джуру никто не беспокоил. Середина балхибского боевого порядка скрывалась в туче пыли, откуда раздавался гул битвы: крики схватившихся уже врукопашную и стоны раненых. Впереди равнина была покрыта сражающимися всадниками. Фаллон надеялся, что Чабариан более осведомлен о ходе боя, нежели он сам.

Кордак вновь призвал всех к вниманию: из облака перед отрядом материализовалась группа всадников, галопом скачущая на них. Первый залп поразил многих нападавших, но под напором скачущих сзади отряд врага продолжал приближаться. Второй залп произвел огромные опустошения в рядах противника, но те все продолжали наступать.

Первые два ряда мушкетеров все еще заряжали мушкеты, у третьего и четвертого они были пустыми. Кордак приказал

приготовить алебарды, осириане и тотиане через расступившиеся ряды вышли вперед.

— Вперед! — приказал Кордак.

Осириане и тотиане двинулись вниз по склону. За ними и мушкетеры побросали свои мушкеты, извлекли шпаги и тоже пошли вперед. Вид незнакомых существ, по-видимому, испугал всадников; они повернули обратно, бросая пики и крича, что против них воюют дьяволы и чудовища.

Кордак приказал вернуться на холм. Он гарцевал вокруг своих солдат, как овчарка вокруг стада, и рукоятью шпаги колотил тех, кто хотел устремиться в погоню за всадниками.

Они вновь собрались на холме, подобрали и перезарядили мушкеты. Вид вражеских тел, устилавших поле впереди них, подбодрил гвардейцев.

День шел к концу. Кордак отправил осирианина на поиски воды. Отряд отбил еще три кавалерийских атаки с разных сторон. Фаллон подумал, что их роль в этом не так уж и велика: звуки выстрелов и облака дыма пугали айев и шомалов.

Битва в центре полумесяца, казалось, затихла.

Фаллон сказал:

— Капитан, в центре что-то неладное.

— Что там может быть? Подождите, я что-то вижу. По-моему, наши отступают. Как это получилось, что, выстояв в такой долгой и упорной схватке, они теперь вдруг побежали?

Появился вестовой, он что-то сообщил лорду Чиндору, и тот крикнул Кордаку:

— Ведите своих мушкетеров за линией наших войск к центру, и побыстрее! Джунги применили что-то необычное. Гонец проводит вас.

Кордак построил свой отряд и повел его быстрым маршем за линией войск на юг. Там и тут располагались группы раненых кришнян, над которыми трудились армейские хирурги. Справа от Джуру стоял сильно поредевший отряд арбалетчиков. Их зеленоватая кожа покрылась толстой коркой пыли, в которой капли пота проделали длинные извилистые борозды. Они устало и равнодушно опирались на свое оружие или сидели на телах погибших.

Мох был вытоптан и кое-где даже выжжен.

Перед фронтом гул стал усиливаться, поднялось густое облако пыли. Солдаты с криками указывали друг другу на что-то впереди, копошащееся в пыли. Арбалетчики начали туда стрелять.

— Здесь, — бросил гонец и указал на брешь в передовой линии.

Кордак на айе, барабанщик и исидианин-знаменосец во главе колонны вступили в эту брешь. Отряд Джуру встал лицом к врагу. Наконец-то Фаллон увидел это «необычное».

Оно было похоже на огромный деревянный ящик, медленно продвигавшийся вперед на колесах, тоже деревянных. Спереди и сверху сооружения находились отверстия, сзади торчала короткая труба, из которой вырывались облака дыма. Пафф-пафф-пафф-пафф…

— Боже, — сказал Фаллон, — они изобрели танк.

— Что вы сказали, мастер Энтане? — спросил его сосед-кришнянин, и Фаллон понял, что говорил по-английски.

— Я просто молюсь своим земным богам, — ответил он.

— Приготовиться к огню! — крикнул Кордак.

Танк, пыхтя, приближался. Он направлялся не к отряду Джуру, а к линии балхибцев южнее. Его деревянные бока были усеяны щетиной воткнувшихся стрел и копий. За ним двигалось большое количество вражеских солдат. А рядом, чуть дальше к югу, в облаке пыли виднелся второй танк.

Громкое «бах!» донеслось от ближайшего танка. Металлическое ядро вылетело из переднего отверстия и проделало брешь в линии копьеносцев Балхиба. Копья полетели в сторону, люди закричали. Вся линия подалась назад.

Мушкеты Джуру гремели, усеивая борта чудовища градом пуль. Но вот пыль рассеялась, и Фаллон увидел, что целый и невредимый танк повернул и двинулся на их отряд.

— Второй залп! — скомандовал Кордак.

Но вновь раздалось «бах!», и железное ядро ударило в ряды мушкетеров. Оно попало в грудь айя Кордака, отбросив капитана далеко назад. Рикошетом оно ударило в голову и убило восьминогого знаменосца-исидианина. Знамя упало.

Фаллон выстрелил в отверстие танка и оглянулся.

Гвардейцы вокруг кричали:

— Все пропало!

— Мы окружены…

— Спасайся, кто может…

Еще несколько одиночных выстрелов, и отряд Джуру побежал. Танк, словно потеряв к ним интерес, вновь повернул южнее, к линии балхибцев.

Бах! Бросившись вместе со всеми, Фаллон заметил третий танк.

Он бежал в беспорядочной толпе отступавших: мушкетеров, копьеносцев и арбалетчиков, смешавшихся друг с другом. Он перепрыгивал через упавших и с обеих сторон видел кваасцев, сплеча рубивших противника своими кривыми саблями. Фаллон

бросил мушкет, так как у него закончились и порох, и пули, а возобновить их запас не представлялось возможным. Тут и там отдельные группы балхибских кавалеристов пытались сдержать натиск степняков, но в целом сражение было безнадежно проиграно.

Над Фаллоном что-то крикнули по-кваасски. Он поднял голову и увидел заросшего шерстью врага с поднятой саблей, сидевшего на айе. Фаллон понял из его слов только «Кваас» и «Балхиб». Очевидно, кваасец спрашивал, к какой армии принадлежит Фаллон, так как на нем не было мундира.

— Я лондонец! — крикнул Фаллон, схватил врага за ногу и дернул. Тот свалился с айи наземь, и Энтони занял его место в седле. Он повернул айю на север и пустил галопом.

Глава 19

Через четыре дня, обойдя зону военных действий с севера, Фаллон прибыл в Занид. Ворота Джеклан были забиты кришнянами, стремившимися в город: солдатами, бежавшими с поля битвы под Чосом, крестьянами, пытающимися спастись за стенами города, и еще бог знает кем.

Стражники у ворот потребовали имя Фаллона и задали несколько вопросов, чтобы убедиться, что он настоящий занидец, хоть и не кришнянин.

— Отряд Джуру? — спросил один из них. — Говорят, вы почти выиграли сражение, остановив орды варваров своими ружьями, но тут напали эти проклятые паровые колесницы, и вы отступили.

— Это более правдивое описание сражения, чем я ожидал услышать, — ответил Фаллон.

— Эти проклятые варвары использовали оружие, нарушающее все цивилизованные нормы.

Фаллон удержался от замечания, что то же самое кваасцы могут сказать по поводу мушкетов, и в свою очередь спросил:

— Что было дальше? Сохранилась ли балхибская армия?

Второй стражник воспроизвел балхибский эквивалент недоуменного пожатия плечами.

— Говорят, Чабариан вновь собрал кавалерию и вступил в бой у Малмажа, но был убит. Не знаете ли вы, где теперь противник? Пришедшие утром говорили, что джунги идут за ними.

— Не знаю, — сказал Фаллон. — Я пришел с севера и никого не видел. Я могу идти?

— Да, но раньше нужно выполнить одну формальность. Поклянитесь в верности лорду-протектору королевства Балхиб, его высочеству пандру Чиндору бад-Квинану.

— Как? Но почему?

Охранник объяснил:

— Чабариан погиб в Малмаже, как вы знаете. А лорд Чиндор, весь в крови после битвы, примчался в Занид и сообщил Его Грозности доуру Киру об ужасном поражении. Они были вдвоем, и доур, огорченный этим известием, выхватил свой кинжал и закололся. Тогда Чиндор созвал уцелевших членов правительства и убедил их наделить его чрезвычайными полномочиями для борьбы с нашествием. Так вы клянетесь?

— О да, конечно, клянусь.

В глубине души Фаллон подозревал, что Чиндор помог

королю покинуть этот свет, а потом попросту заставил министров, угрожая оружием, признать его диктатуру.

Пройдя через ворота, он помчался по узким улицам к своему дому. Он боялся, что хозяин пустит других жильцов, так как Фаллон уже давно не вносил арендную плату. Но с радостью обнаружил, что квартира в том же состоянии, в каком он ее оставил.

Теперь его единственной целью было добыть два остальных куска обязательства Квейса, добыть любыми средствами. Он придет к Кастамбангу с достаточно правдоподобным рассказом о том, что Квейс передал ему свой кусок за сведения, добытые Фаллоном до ухода из города.

Он торопливо умылся, переоделся и собрал то свое имущество, которое считал достаточно ценным. Через несколько минут он вышел, захлопнул дверь (в последний раз, если его планы осуществятся), укрепил узел с вещами на спине трофейного айи, сел в седло и поскакал.

Привратник постоялого двора «Ташин» сказал, что мастер Туранж сейчас дома и добрый зер сможет его там найти. Фаллон пересек удивительно безлюдный двор — артистическая клиентура покинула «Ташин» — и дошел до комнаты Квейса.

Никто не откликнулся на звон дверного гонга. Фаллон толкнул дверь, та отворилась. При взгляде внутрь рука его потянулась к рукояти рапиры.

Квейс из Бабаала лежал навзничь на полу, его куртка была пропитана коричневой кришнянской кровью. Фаллон перевернул тело и увидел, что шпион пронзен насквозь, вероятно, рапирой.

Рядом с ним на полу лежала груда бумаг.

Присев на корточки, Фаллон осмотрел их. Не найдя того, что искал, он обыскал тело Квейса и комнату.

Никакого следа чека. Его планы нуждались в корректировке: кто-то узнал о разрезанном чеке и убил Квейса, чтобы завладеть его частью.

Но кто? Об этом документе не знал никто, кроме Квейса, Кастамбанга и самого Фаллона. Банкир был хранителем денег, если бы он захотел их присвоить, то мог обойтись и без чека.

Энтони вторично обыскал комнату, но не нашел ни части чека, ни следов убийцы.

Наконец он со вздохом вышел и обратился к привратнику:

— Кто-нибудь навещал сегодня Туранжа?

Тот задумался:

— Да, зер. Теперь, когда вы спросили об этом, я вспомнил. Примерно с час назад у него был посетитель.

— Кто? Как он выглядел?

— Он, как и вы, землянин и был одет в гражданский костюм.

— Но как он выглядел? Высокий или низкий? Полный или худой?

Привратник сделал беспомощный жест:

— Не могу сказать вам, зер. Вы, земляне, так похожи друг на друга.

Фаллон вновь сел на айя и через весь город направился к дому Кастамбанга. Дальнейшие действия казались бессмысленными, но он не сдастся, пока есть хоть малейшая надежда заполучить деньги.

Город был охвачен возбуждением. Тут и там мчались всадники. Кто-то крикнул:

— Джунги уже видны! К стенам!

Фаллон проехал мимо Дома Правосудия, где на доске казненных голов было больше, чем обычно. Он не вглядывался в эти ужасные предметы, но, уже проскакав, осознал, что видел чье-то знакомое лицо.

Взглянув на доску, он с ужасом узрел оскаленную в иронической усмешке голову кришнянина, к которому направлялся. Под головой он прочел:

«КАСТАМБАНГ БАД-АМИРУТ, банкир из Габанжа, 103 года и 4 месяца. Признан виновным в государственной измене».

Измена, очевидно, заключалась в том, что Кастамбанг финансировал Квейса, шпиона Квааса. А так как пытки уголовных преступников были в Балхибе законной процедурой — с их помощью узнавали имена сообщников — Кастамбанг в предсмертной агонии мог назвать и имя Фаллона. Теперь у последнего имелись все основания побыстрее покинуть Занид.

Фаллон пустил айю в галоп, направляясь к воротам Луммиш, но, проскакав несколько кварталов, вдруг понял, что находится рядом с домом Кастамбанга. Проезжая мимо, он заметил, что ворота сорваны с петель.

Нестерпимое любопытство заставило его направить айю во двор. Всюду были следы разгрома. Прекрасные статуи из Катай-Джогорая, разбитые на куски, лежали на земле. Фонтаны молчали. Кругом валялось множество разнообразных вещей. Фаллон спешился и начал их рассматривать. Это были записи, чеки, счетные книги и другие принадлежности банкира.

Фаллон решил, что после ареста Кастамбанга собравшаяся толпа разграбила его дом.

Был лишь ничтожный шанс найти в этом разгроме третью часть чека Квейса. Мелькнула мысль, что не стоит тратить время на поиски: Занид сейчас слишком опасное место. Но ведь это его последний шанс вернуть себе замбийское королевство.

И не стоит забывать об убийстве Квейса. Неужели убийца опередил его и здесь?

Фаллон обследовал двор, осматривая каждый клочок бумаги. Ничего. Он вошел в дом, перешагнув через тело одного из колофтянских слуг.

Где же может быть эта часть чека? Кастамбанг положил его в ящик большого стола в своем подземном убежище. Фаллон решил, что надо осмотреть эту комнату; если же чек не найдется и там, он немедленно покинет город. Лифт, конечно, не работал, но Фаллон отыскал ведущую вниз лестницу. Он снял со стены лампу, наполнил ее резервуар из другой лампы и воспламенил своей зажигалкой, а потом начал спускаться.

Подземный проход был темен, свет давала только захваченная лампа. Шаги Фаллона и его дыхание громко раздавались в тишине подземелья.

Чувство направления точно привело Фаллона через лабиринт коридоров и комнат к подземному логову Кастамбанга. Решетка не была спущена. На полу валялось несколько монет, потерянных грабителями, но дверь в логово оказалась закрыта.

Почему? Если здесь побывала толпа, то она не остановилась бы перед запертой дверью.

Из-под двери пробивался слабый свет. Взяв в руки рапиру, Фаллон ногой толкнул дверь, и та открылась.

Комната освещалась лампой, которую держала женщина-кришнянка, стоявшая спиной к двери. У стола лицом к Фаллону стоял землянин в кришнянском костюме. Когда дверь хлопнула, женщина обернулась. Мужчина выхватил шпагу.

Фаллон от изумления раскрыл рот. Женщина была Гази бад-Доукх, а мужчина — Уилком Вагнер.

— Привет, Гази, — сказал Фаллон. — Это твой новый джагайн? Ты быстро меняешь их в последнее время.

— Нет, Энтане, он дал мне истинную религию, которую я так долго искала.

Пока женщина говорила, Фаллон убедился, что большой стол изрублен топором, все ящики открыты и опустошены. Бумаги громоздились на полу. Перед Вагнером на столе лежали два маленьких прямоугольных куска бумаги. Хотя на таком расстоянии Фаллон не мог прочесть, что в них написано, он был уверен в истинности своей догадки.

— Где вы их взяли? — спросил он Вагнера.

— Одну отобрал у некого парня, другую — в ящике этого стола, — ответил миссионер.

— Они мои. Я заберу их у вас.

Вагнер левой рукой схватил куски чека и спрятал в карман.

— Ошибаетесь, мистер. Они никому не принадлежат — я получу эти деньги и использую их для распространения истинной религии. Думаю, что у вас есть третий кусок.

— Отдайте, — потребовал Фаллон, подходя ближе.

— Это вы отдайте, — ответил Уилком, отступая. — Я не хочу вредить вам, но вселенский монотеизм может заставить меня сделать это.

Фаллон сделал еще шаг.

— Вы убили Квейса?

— Иначе бы он убил меня. Теперь делайте так, как я велю.

— Но как вы узнали обо всем?

— Я присутствовал на суде над Кастамбангом и слышал обвинение. Гази рассказала мне о чеке, разорванном на три части, и я сопоставил сведения.

— Кончайте болтовню! — заявила Гази, ставя лампу на стол. — Вы сможете разделить золото или свести счеты в другом месте. Но город на краю гибели, и у нас нет времени на ссоры.

— Конечно, моя практичная маленькая возлюбленная, — сказал Фаллон и вновь обратился к Вагнеру: — Вы настоящий святой! Не останавливаетесь перед убийством, умыкаете женщину — и все это во имя Бога…

— Вы ничего не смыслите в этом, — угрюмо ответил проповедник. — Я не делаю ничего аморального, не то что вы. Меня с Гази связывают лишь духовные отношения. Она моя сестра…

В этот момент он с кошачьей ловкостью шагнул вперед, взмахнув шпагой. Фаллон с трудом парировал неожиданное нападение.

Вагнер повторил выпад. Лезвия сверкнули в полутьме.

Помещение было слишком тесным для маневра, к тому же Фаллона очень стесняла та лампа, которую он держал. У Вагнера оказалась крепкая рука, искусная в фехтовании.

Фаллон уже собирался запустить лампу в строгое фанатичное лицо миссионера, когда Гази крикнула: «Прекратите, негодяи!» — и потянула его сзади за куртку обеими руками. Энтони поскользнулся. Вагнер сделал выпад.

Фаллон видел, как неотвратимо приближается кончик рапиры миссионера. Он пытался отразить удар, но острие вдруг исчезло, а тело пронзила острая боль.

Вагнер выдернул лезвие и отступил, все еще настороже. Сквозь гул в ушах Фаллон услышал звон своей рапиры, выпавшей из ослабевшей руки на пол. Колени его подогнулись, и он упал.

Потом в его полубессознательное состояние донесся стук упавшей лампы и вскрик Гази. Он чувствовал, как Вагнер

обыскивает его и забирает третью часть чека, наконец, он услышал удаляющиеся шаги сообщников. Все смолкло и наступила тьма.

Фаллон не знал, сколько времени он провел без сознания. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит на полу, куртка его в крови, рана жжет огнем, и это подземелье показалось ему неподходящим местом для смерти.

Он начал ползти к двери. Даже в таком состоянии он не мог ошибиться в направлении. Но через несколько метров раненый почувствовал себя полностью истощенным и вынужден был остановиться, чтобы отдохнуть. Немного погодя он прополз еще несколько метров. Попытался нащупать свой пульс, но не смог.

Еще один отдых, и опять несколько метров. И еще раз. И еще. Он слабел, и передвижения становились все короче.

Через много часов, как ему показалось, Фаллон добрался до лестницы. Как же он поднимется наверх, если с трудом добрался и по горизонтальному пути?

Но так просто он не отдаст свою жизнь.

Глава 20

Придя в себя, Энтони Фаллон обнаружил, что лежит в чистой постели в незнакомой комнате. Когда он смог различать окружающее, то узнал доктора Нанга.

— Вам лучше? — спросил тот и затем проделал все манипуляции, которые выполняют врачи, осматривая больного. Фаллон понял, что находится в доме консула. Немного позже доктор ушел и в комнату вошли два землянина: Перси Мжипа и худой высокий белый человек.

Мжипа сказал:

— Фаллон, это Эден Дейли, один из моих пропавших землян. Теперь все они найдены.

Убедившись, что может говорить, Фаллон спросил:

— Что случилось? Как я здесь оказался?

— Камуран увидел вас во время своего триумфального шествия в королевский дворец. Вы лежали в придорожной канаве.

Он велел слугам похоронить вас вместе с другими погибшими. К счастью, там находился и я. Вы были в нескольких шагах от смерти, но я доставил вас сюда и передал заботам доктора Нанга.

— Кваасцы взяли Занид?

— Город сдался на определенных условиях. Я согласовывал эти условия, убеждая Гхуура, что занидцы будут сражаться насмерть и что я сам встану за воротами Джеклан, если он попытается атаковать их стенобитными машинами. Вы знаете, эти туземцы уважают упорство, когда сталкиваются с ним, к тому же Гхуур далеко не глуп и не захотел осложнять отношения с Новуресифи. Я не собирался вмешиваться, но не мог видеть, как варвары превратят прекрасный город в руины.

— Каковы же условия?

— Балхиб сохраняет местную автономию под руководством Чиндора как пандра. Он — предатель и свинья, но другого выбора не было. В городе остается не более двух тысяч кваасцев, Гхуур обязуется не допускать никаких грабежей и убийств.

— И Гхуур сдержал слово?

— Да. Он, как и большинство туземцев, честен. Кроме того, мне кажется, что он слегка боится меня. Он никогда не видел землян с таким цветом кожи и в глубине души, видимо, считает меня каким-то демоном.

— Понятно, — пробормотал Фаллон. — А как насчет исчезнувших землян?

— Их похитили люди Гхуура, это тоже организовал ваш

старый приятель Квейс. Камуран скрыл их в Мадхике, где создавал свое оружие.

— Но ведь они были под псевдогипнозом…

— Камуран нашел противоядие. У него есть ученый, который учился в Вене много лет назад, еще до того, как технологическая блокада окончательно окрепла. Этот ученый разработал метод снятия псевдогипноза Сан-Реми. Он испробовал свой метод на этих троих. Расскажите сами, мистер Дейли.

Эден Дейли прочистил горло:

— Камуран велел нам разработать оружие, чтобы разбить Балхиб. Не имело смысла говорить, что мы не умеем, не знаем и так далее. Тем более, что в советниках у него находился еще какой-то землянин.

Мы думали о ружьях, но никто из нас не сумел изготовить порох. Но у нас было достаточно практических инженерных познаний, чтобы создать действующую паровую машину, так как, к нашему удивлению, у Камурана нашлось какое-то количество запасных частей разных двигателей. Мы изготовили танк, покрыли его листами дерева конг и вооружили катапультой. Первые два образца не действовали, но третий уже мог служить моделью для массового производства.

Камуран приказал изготовить двадцать пять танков и изо всех сил подгонял нас; но из-за недостатка материалов мы смогли изготовить лишь семнадцать, а из-за различных поломок в битве приняли участие лишь три. Я слышал о мушкетерах армии Балхиба: по-видимому, балхибцы пошли тем же путем.

— Да, — сказал Фаллон, — но в этом случае они все изобрели сами. Прощай, техническая блокада. Я уже предвижу день, когда рапира здесь станет такой же бесполезной, как и на Земле. Зря я столько времени изучал фехтование. Кстати, Перси, а что случилось с Сафком?

Мжипа ответил:

— По условию, Камуран контролировал все вооружение Балхиба. Поэтому, когда жрецы Ешта отказались впустить кваасцев в Сафк и закрыли двери, Камуран их взорвал.

— Нашли ли кваасцы в подземелье двух кришнянских ученых, Сэйнэйна и Зарраша?

— Вероятно.

— Где же они теперь?

— Не знаю. Предполагаю, что Гхуур держит их в заключении, собираясь использовать в своих интересах.

— Постарайтесь освободить этих кришнян. Я обещал им помощь.

— Посмотрим, что можно сделать, — ответил Мжипа.

— А где этот осел Фредро?

— Он счастлив: фотографирует и зарисовывает то, что осталось от Сафка. Я уговорил Чиндора разрешить ему обследовать здание, после того как Лийяра — по причинам, о которых вы можете догадаться, — убедил протектора запретить культ Ешта. Фредро страшно возбужден. Он утверждает, что ему удалось доказать реальность существования Миандa Отвратительного: тот был исторической личностью и построил Сафк как памятник своему отцу. Между прочим, Кхарадж не являлся его отцом, поскольку жил на несколько столетий раньше, в мифах все перепуталось. А Отвратительным Миандa прозвали вовсе не за отцеубийство, а за полное разорение королевства грандиозным строительством. Если вам интересно, Фредро с удовольствием расскажет вам сам.

— Перси, мне кажется, вы можете сделать все для каждого, только мне вы не можете вернуть королевство, — вздохнул Фаллон и обернулся к Дейли: — Ваши танки очень уязвимы. Они не перейдут через ров, их можно опрокинуть, сжечь…

— Я-то в курсе, но балхибцы этого не знают.

Фаллон вновь повернулся к Мжипе:

— А что слышно о Гази и Вагнере? И о моем друге Кордаке?

Консул задумался.

— Насколько мне известно, капитан Кордак не вернулся из Чоса — он либо убит, либо захвачен в плен кваасцами. А Гази теперь с Фредро.

Фаллон криво улыбнулся:

— Ну и штучка! А этот старый…

— Да, да. Он нанял помещение, говорит, что проживет здесь с год или больше… Вам будет приятно слышать, что Унылый Дэн Вагнер пытался ночью спуститься с городской стены на веревке и его подстрелил кваасский арбалетчик.

— Насмерть?

— Да. Вероятно, он хотел добраться до Маджбура и получить деньги Кастамбанга. Он и не знал, что правительство Балхиба наложило секвестр на все имущество банкира после его смерти.

— Уф! — выдохнул Фаллон.

Появился доктор Нанг, сказав:

— Вам пора идти, джентльмены. Больной должен отдохнуть.

— Хорошо, — ответил Мжипа, вставая. — О, еще одно. Выздоровев, вы должны побыстрее уехать из города. Занидцы узнали, что вы шпионили в пользу Гхуура. Открыто они не могут теперь арестовать вас, но многие поклялись убить вас при первой же возможности.

— Благодарю, — без энтузиазма откликнулся Фаллон.

* * *

Год спустя неряшливо одетый землянин нетвердой походкой, покачиваясь, брел по улицам Мише, столицы Микарданда. Глаза его были налиты кровью, лицо, покрытое сетью кровеносных сосудов, заросло недельной щетиной.

Он только что продал несколько сплетен в газету Мише, старейшую на Кришне, и, можно сказать, был «при деньгах». Правда, половину гонорара он уже пропил, но другую часть нес в свой жалкий дом, где делил кров с одной микардандкой. Прохожие не понимали, что землянин бубнил себе поднос, так как он говорил по-английски.

А Фаллон бормотал как заклинание, повторяя снова и снова:

— Когда мне повезет… всего лишь один крупный выигрыш… я найму армию… отведу эту проклятую армию на Замбу… и снова буду королем… Да, королем!

Разделяй и властвуй

Разделяй и властвуй
(Перевод М. Петрунькина)

1

Широкий Гудзон, голубевший под весенними небесами, был испещрен разноцветными пятнами парусов. Сады в речной долине кипели бело-розовым половодьем цветенья. За рекою сердито хмурился Повелитель Бурь — гора не слишком большая по меркам Запада, однако вполне впечатляющая для здешних краев. Кругом неистовствовала яростная зелень молодой листвы. Но сэру Ховарду ван Слику, второму сыну герцога Поукипси, было не до красот столь замечательного пейзажа. Он молил Всевышнего, чтобы тот дал ему силы вытерпеть зуд прямо под нагрудной пластиной кирасы, — ведь иначе пришлось бы спешиться и снять добрую половину доспехов.

Пока здоровенный вороной мерин неохотно брел по почтовому тракту на Олбани, одолевая нескончаемую обходную дорогу вокруг Пиксхилла, всадник размышлял о том, что проявил не слишком много ума, тронувшись в путь из Оссайнинга в полной экипировке. Но откуда же ему было знать, что погода так внезапно переменится? Губчатая резина под железными латами создавала удушающую жару. Капли пота ползли по коже вниз, и недалеко от Кроутона ездока начал одолевать невыносимый зуд. Казалось, что особенно чешется как раз под инкрустированным гербом на грудной пластине, единственном украшении доспехов. Герб представлял собою красный кленовый лист на белом фоне и был обрамлен по окружности девизом ван Сликов: «Покажи-ка им небо с овчинку!»

Пару раз всадник рассеянно пытался почесаться, но скрежет металла по металлу тут же возвращал его к суровой действительности. Может, табачный дым отвлечет от неизбывной чесотки? Рыцарь расстегнул седельную сумку, добыл оттуда трубку, табак, зажигалку и закурил. Вообще-то он предпочитал сигареты, но в доспехах сигаретный пепел сыпался в шлем.

Тракт пересекал наискосок пути Нью-Йоркской Центральной железной дороги. Сэр Ховард взялся за поводья и принял чуть в сторону, пропуская шестерку лошадей, промчавших громыхающий омнибус, а затем подогнал мерина поближе к путям и огляделся. Вдали над рельсами рыцарь заметил сияние бронзовых наконечников на бивнях слона, тащившего состав из небольших вагонов: «Наверно, дневной грузовой до Нью-

Йорка», — подумал он. Судя по небольшим ушам, слон был из Индии. Очевидно, Центральная пришла к окончательному решению отказаться от африканских слонов, хотя на Пенсильванской дороге ими как более быстрыми и сильными пользовались широко. Однако эти высокие большеухие силачи хуже слушались. Годом раньше Центральная попыталась поставить эксперимент с таким животным. Эту историю рассказывал сэру Ховарду герцог, один из крупных акционеров Центральной. Во время испытательного пробега тормозной кондуктор проявил неосторожность, головной вагон ударился о задние ноги слона, после чего животное стащило с колеи два вагона и попыталось прикончить председателя правления дороги. И наверняка прикончило бы, если б сумело догнать.

Сэр Ховард продолжил путь на север, утешая себя робкой надеждой, что чесотка утихла надолго. На пересечении тракта с дорогой, ведущей к шоссе Бронкс парквей, он снова натянул поводья. По дороге длинными дугообразными прыжками двигалось нечто. Что именно, догадаться было нетрудно. Раздраженно ворча, ван Слик стал слезать с мерина. Когда существо приблизилось, он вытащил трубку изо рта и приложил руку к шлему, отдавая салют. Существо, больше всего похожее на кенгуру в шлеме для регби, промелькнуло мимо, по-видимому, даже не взглянув на них. Однако сэру Ховарду приходилось слышать немало грустных историй о людях, пренебрегших обязательным салютом прыгунам лишь потому, что те на них вроде бы не смотрели. Он не испытывал обиды из-за необходимости отдавать салют этим тварям. В конце концов, он поступал так всю жизнь. Раздражение было связано лишь с необходимостью снова втаскивать в эдакую жару на высоченного мерина свои двести десять фунтов, отягощенные еще доспехами из хромоникелевой стали.

Семью милями дальше по почтовому тракту стоял замок Пиксхилл, где сэр Ховард твердо рассчитывал воспользоваться у своего соседа хорошим обедом, а заодно и переночевать. Преодолев почти половину петляющей дороги, он услышал сигнальный рожок и тут же съехал с асфальта, пропуская мчавшуюся длинную черную торпеду на колесах. Он освободил копье из крепления, и когда машина со свистом проносилась мимо, трепещущий вымпел с кленовым листом ван Сликов описал положенную дугу. Можно было мельком разглядеть пассажиров: внутри сидели четыре прыгуна в неизменных шлемах, напоминавших головы гигантских крыс. К счастью, перед прыгунами в машинах спешиваться было не надо: они проносились мимо слишком быстро, чтобы такое правило имело

смысл. Иногда сэр Ховард, как и многие другие, задумывался: попутешествовать в машине было бы очень приятно. Разумеется, существовал легкий способ выяснить, так ли это. Просто нарушить закон прыгунов. К несчастью, таким образом получали поездку только в один конец.

Ну, да ладно. Без сомнения, Господь знал, зачем Он установил такие правила, по которым никто, кроме прыгунов, не имеет ни механических машин, ни взрывчатки, ни многих других вещей. Люди испорчены и порочны, вот потому-то Господь и послал прыгунов править человеками. Во всяком случае, так учили в школах. Однако у брата Фрэнка появились сомнения по этому поводу, и он по большому секрету делился ими с сэром Ховардом. Фрэнк даже полагал, что у людей некогда имелись свои механические повозки. Сэру Ховарду ничего об этом не было известно, зато прыгуны знали великое множество вещей, а значит, если бы брат был прав, то этому учили бы в школе. Но все же Фрэнк обладал хорошими мозгами, и над его словами не следовало смеяться. Он был изрядным чудаком и вечно рылся в разных старых бумагах, где выискивал бесполезные обрывки знаний. Сэр Ховард иногда спрашивал себя, как ему удается ладить со своим костлявым старшим братцем, с которым у него было так мало общего. Он очень надеялся, что с Фрэнком не случится ничего плохого раньше, чем сыграет в ящик их старик-отец. Рыцаря угнетала одна мысль о том, что на него может свалиться управление герцогством, по крайней мере, в ближайшее время. Сейчас у него и без того хватало «развлечений».

Он свернул с дороги неподалеку от старинного поселка Гаррисон, когда за высокими деревьями уже стали видны башни замка Пиксхилл. Остановив мерина перед воротами, он громко свистнул. Из оконца высунулся привратник с обычным монотонным окликом:

— Кто ты такой, и что тебе надо? — после чего сразу же добавил: — Ах, это вы, сэр Ховард! Я извещу лорда Пиксхилла о вашем прибытии.

Вскоре ворота — громадная плита из армированного бетона, закрепленная снизу на петлях — выделились из стены и легли на землю.

Джон Кертон — барон Пиксхилл — уже стоял во внутреннем дворе, опираясь рукой на легкий лук, когда копыта лошади сэра Ховарда процокали по плите. По-видимому, барон только что вернулся с охоты на фазанов, поскольку был в очень грязных башмаках, старой кожаной куртке.

— Ховард, мой мальчик! — вскричал он. Барон был невысок

ростом и весьма тучен, с коричневато-рыжей шевелюрой и бородой. — Вылезай из своих жестянок и перебирайся в нормальную одежду. Эй, Ллойд, отнеси дорожный мешок сэра Ховарда в лучшую комнату. Ты ведь переночуешь у нас, не так ли? Ну конечно, переночуешь! Мне хотелось бы послушать про войну. Главная радиокомпания (WABC) послала своего комментатора на сражение при Маунт Киско, но стоило парню увидеть парочку приближавшихся к нему всадников из Коннектикута, как он тут же пустился наутек. Потом мы слышали только один звук: отчаянный топот копыт его лошади, сломя голову мчавшейся назад в Оссайнинг.

— Буду рад остаться, — сказал сэр Ховард, — если мое присутствие тебя не слишком стеснит.

— Нет, нет, ничуть! У тебя, я вижу, до сих пор все та же лошадка. Лично я считаю, для войны лучше подходят нехолощенные жеребцы.

— Возможно, они более резвы, — согласился рыцарь. — Зато мой старина делает в точности то, чего я от него хочу, а в бою это главное. Три года назад он взял третье место в своем классе на показательных выступлениях. Это было еще до того, как он заработал свои боевые шрамы. Взгляни-ка лучше на седло; это особенная, новая модель. Встроенное радио, отделения сзади для всяких мелочей, и так далее. К тому же, удалось заполучить со скидкой.

Лязгая доспехами, сэр Ховард двинулся вверх по лестнице вслед за хозяином. Забрало из прозрачного люцита было уже поднято, отстегнув крепление, рыцарь сдвинул нагрудник вверх, после чего осторожно вытянул голову из шлема. Решительное грубоватое лицо рыцаря украшали небольшие усы и бородка, обычные для людей его класса. Нос в результате столкновения с вражеской алебардой выглядел не совсем так, как приличествовало бы. Однако сэр Ховард наотрез отказался от пластической операции по восстановлению формы, решив, что ломать нос в этой жизни ему придется еще не раз, а потому оплата хирургов есть просто пустая трата денег. Под его черными, как смоль, волосами скрывались отличные мозги, по правде говоря, слегка заржавевшие от редкого употребления. Еще бы. Когда ты можешь в своем герцогстве одним ударом вышибить из седла любого, упоить до бесчувствия самого заядлого пьяницу и умеешь правильно обращаться с девушками, к чему утруждать себя утомительными раздумьями?

— У тебя отличные доспехи, — заметил Пиксхилл, — прекрасный комплект. Мне кажется, «Паккард»?

— Ага, — ответил сэр Ховард, стягивая с себя стальные наплечники. — Но им уже несколько лет. Думаю вскорости обменять на новую модель. Беда в том, что это будет стоить кучу денег. Как тебе кажется новый «Форд»?

— Н-ну, не знаю. Не уверен, что мне понравится, когда шлем сделают целиком из люцита. Конечно, такой даст широкий обзор. Но если он достаточно толст, чтобы выдержать удар боевого топора, то будет слишком тяжело, я думаю. Кроме того, люцит слишком быстро царапается и идет трещинами… особенно в бою.

— Хотелось бы взглянуть на твой самострел, — сказал сэр Ховард и потянулся к арбалету. — «Марлин», не так ли?

— Нет. «Винчестер» выпуска прошлого года. Мой оружейник снял с него это чертово устройство для поправки на ветер, которым я все равно никогда не пользовался. Поэтому и выглядит слегка необычно. Расскажи-ка все же что-нибудь про войну, ведь газеты потчуют нас лишь непроверенными данными.

— Ну, я мало могу добавить, — с деланным равнодушием отвечал сэр Ховард. — Недавно отправил одного на тот свет. Забавно. Я уже шесть раз участвовал в битвах, и первый раз с уверенностью могу сказать, что прикончил врага. Не считая, конечно, того бандита, которого мы захватили в Статсбурге. Сам знаешь, как оно происходит в бою: каждый бьется со всеми сразу, и наоборот. У тебя просто нет времени смотреть, кому какие раны ты нанес.

Хотя особой моей заслуги в смерти того парня нет. Я записался на службу в Оссайнинге потому, что там хорошо платят, а управляющий городом — мой двоюродный брат. Он нанял пару сотен тяжеловооруженных всадников из нижнего Вестчестера. Копейщиков в Оссайнинге и Тарритауне всегда найти нетрудно. И тут он прослышал, что Данбери тоже собирается получить приличное подкрепление: тяжелую конницу из Торрингтона. Тогда мой кузен разделил нас на две группы, причем копейщики были только в первой, а я попал во вторую, вот мне и пришлось на время расстаться со своей «зубочисткой». Кстати, она очень мила на вид. Производство «Гамильтон Стандарт».

Мы обнаружили их как раз на ближней стороне Маунт Киско. Наши разведчики устроили отличную засаду — стенку из рогаток с копьями, по обоим флангам всадники, да еще лучники за каждым кустом. Мой кузен-управляющий повел нас на юг, чтобы разгромить один из их конных отрядов, прежде чем остальные успеют прийти на помощь. Когда мы развернулись и пошли в атаку, их левое крыло, не дожидаясь нас, тут же рассыпалось в разные стороны, словно за каждым парнем гналось по шесть

чертей с зелеными ушами. Я почти ничего не видел из-за копейщиков, двигавшихся впереди моей группы. Но местность там под горой сильно пересеченная, а потому удержать правильную линию атаки невозможно. И вдруг началось… Что-то со звоном ударилось о мой шлем, вокруг закрутилась целая куча парней в красных рубахах, остроконечных шлемах, со щитами и мечами, которыми они пытались расковырять мои доспехи. Это оказалось правое крыло Данбери. Тяжелой конницы у него в распоряжении все-таки не было, зато на его стороне, похоже, сражалась вся легкая кавалерия из Коннектикута. До пояса «крабы» были прикрыты панцирями, а ноги защищали кольчужными штанами.

Я налетел на двоих сбоку, но они ловко уворачивались от ударов моей секиры. Затем Пол Джонс почти раздавил парочку красных рубашек, уже оставшихся без коней. Моя секира обрушилась еще на одного, но тот успел прикрыться щитом. Прежде, чем я выпрямился, еще один, у которого щита не было, успел схватиться руками за древко и попытался вырвать у меня секиру. Если бы ему удалось, он убил бы моего коня раньше, чем я выхватил меч. Пока мы тянули древко каждый на себя, еще один в панцире ухватил меня за левую лодыжку и сильно дернул. Конечно же, я вылетел из седла так же легко, как чек из кассы, и рухнул на того парня, который очень хотел выдернуть у меня секиру.

Несколько минут я вообще ничего не видел, потому как застрял головой в кустах, а когда кое-как поднялся на четвереньки, никого из краснорубашечников уже не было видно. Они поняли, что мы для них — слишком крепкий орешек, а как только завидели наших копейщиков, дали деру. Я все еще сжимал древко, данбериец лежал подо мной, а острие секиры проткнуло ему подбородок и вошло в голову. Он был мертв так же, как прошлогодние мирные соглашения.

В этих кустах они потеряли с пол дюжины убитыми, а мы — одного, получившего смертельный удар в подмышку, да еще пару наших лошадей убило стрелами из арбалетов. Мы забрали их лошадей и несколько арбалетчиков. Я снова взобрался на Пола Джонса и присоединился к погоне, но достать их, конечно, не удалось. Мы гнались до самого замка Данбери: они засели там, как крысы в норе, и принялись обстреливать нас из баллисты.

Пару недель мы держали осаду, да только съестных припасов у них хватало на несколько лет, а мощные семидесятифутовые бетонные стены просто так не перепрыгнешь. Поэтому управляющий городом вместе с Данбери в конце концов согласились представить на суд прыгунов свои претензии по

поводу этого дорожного инцидента, после чего мы вернулись в Оссайнинг, чтобы получить причитающиеся нам денежки.

Повествуя о событиях, сэр Ховард выбрался из доспехов и облачился в обычную одежду. Было весьма приятно сидеть, развалившись, во всем чистом из твида и льна, покачивая в руке высокий бокал и наблюдая, как солнце опускается за широкую спину Повелителя Бурь.

— Конечно, все могло бы кончиться иначе, — его голос делался все тише, пока не стал едва слышен, — если б у нас были ружья.

Пиксхилл вздрогнул.

— Не говори так, мой мальчик. Лучше всего ни о чем подобном и не думай. Если только *они* об этом узнают… — он слегка поежился, одним глотком опорожнив бокал.

— Мой лорд! — вошел с объявлением слуга: — Оруженосец Мэтьюз прибыл с посланием от сэра Хэмфри Голдберга.

— Эт-то еще что такое? — нахмурился Пиксхилл. — Почему нельзя было отправить мне письмо? Ну что ж, Ховард, послушаем, чего ему там понадобилось.

Ожидавший в холле оруженосец хранил на лице выражение вызывающей вежливости. Отвесив резкий поклон, он заявил с подчеркнутой учтивостью:

— Мой лорд Пиксхилл! Сэр Хэмфри Голдберг шлет вам самые наилучшие пожелания и хотел бы знать, какого черта имела в виду ваша милость, когда вчера вечером в таверне Рыжий Медведь назвала его хитрым, собакоголовым, траченным молью павианом?

— Вот как? — вздохнул барон. — Ужасно. Передайте сэру Хэмфри, что его обвинения отклонены. Во-первых, я его так не называл; во-вторых, если я его так назвал, значит, был в то время сильно пьян; в-третьих, если я не был тогда пьян, то приношу ему свои нижайшие извинения и приглашаю нынче вечером на обед.

Оруженосец вновь поклонился и вышел, клацая ездовыми сапогами по изразцовым плиткам.

— Хэмп в порядке, — сказал Пиксхилл, — просто у нас вышел маленький спор о моей электростанции. Он утверждал, что она глушит ему радиоприем. Думаю, мы это все легко уладим. К тому же, он лучше меня владеет мечом. Пойдем в библиотеку, выпьем еще по бокалу.

Едва они снова уселись, как слуга ввел мальчишку в форме Вестерн Юнион. Тот сначала перевел взгляд с одного на другого, затем шагнул к сэру Ховарду.

— Это вы ван Слик? — спросил он, гоняя жевательную резинку во рту. — О'кэй. Вас не так-то просто было найти. Будьте

добры, распишитесь вот тут.

— Следи за манерами! — взревел барон.

Мальчик испуганно вздрогнул, низко поклонился и сказал:

— Сэр Ховард ван Слик, не соблаговолит ли ваше превосходительство великодушно подписать сей… сей незначительный документ?

Приятели продолжали рассержено смотреть на посыльного, но сэр Ховард молча взглянул на бумажку и расписался. Лишь когда мальчик вышел, он проворчал:

— В наше время некоторые простолюдины стали чересчур дерзки.

— О да, — согласился хозяин, — они время от времени нуждаются в хорошей встряске, чтобы понять свое место. Но что случилось, Ховард? Что-то плохое? Твой отец?

— Нет. Мой брат Фрэнк. Прыгуны арестовали его прошлой ночью. Сегодня утром его судили, признали виновным, а после обеда сожгли. Обвинили в научных исследованиях.

2

— Постарайся держать себя в руках, Ховард.

— Я в полном порядке, Джон.

— Может, тебе лучше больше не пить виски?

— Ерунда, все в норме, я же тебе сказал. Я ничуть не пьян и не могу напиться, хотя честно пытался. У меня до сих пор ни в одном глазу.

Слушай, Ховард, подумай сам. Видит Бог, можешь жить у меня столько, сколько захочешь, но не думаешь ли ты, что надо бы навестить отца?

— Отца? Боже правый, я совсем забыл о нем! Я просто гнида, Джон. Поганая грязная гнида. Самая гнусная гнида, которая когда-либо…

— Не говори ерунды, мой мальчик. Выпей-ка, это прояснит твою голову. А теперь полезай снова в свои доспехи. Ллойд! Эй, Ллойд! Неси сюда латы сэра Ховарда. Послушай, болван, мне наплевать, успел ты их почистить или нет. Я сказал, тащи их сюда!

Сэр Ховард говорил нерешительно; он не ведал, как отец отнесется к его предложению. Да он и сам не знал наверняка, насколько правильно то, что хочет сделать. Реакция старика удивила его.

— Да, — усталым голосом сказал тот, — думаю, твоя идея хороша. Уезжай отсюда на несколько месяцев. После моей смерти ты станешь герцогом, и у тебя будет не слишком много

возможностей шататься по белу свету. Поэтому сейчас ты должен побывать всюду, где успеешь. Ведь ты никогда не видел страну, если не считать части между нашим поместьем и Нью-Йорком. По слухам, путешествия расширяют кругозор. Обо мне не беспокойся, я справлюсь. Здесь не так уж много дел, для которых нужны мы оба.

Прошу лишь об одном — не ввязывайся больше во все эти мелкие местные войны. Я всегда беспокоился именно о тебе, а не о Фрэнке. Не хочу, чтобы ты рисковал понапрасну. И не важно, сколько там платят. Знаю, что такой молодой шельмец, как ты, всегда готов поторговаться и своего не упустит. Мне это даже нравится, поскольку можно не беспокоиться, что ты разоришь герцогство. Но если действительно хочешь делать серьезные деньги, лучше попробуй себя в управлении обувной компанией «Поукипси», когда вернешься назад.

Вот так оно и вышло, что сэр Ховард, занятый нелегкими раздумьями, к своему удивлению, снова ехал на север. К счастью, прыгуны не устроили слишком большой волокиты с разрешением на путешествие. Но он знал, что находится под надзором: даже не совершив ничего предосудительного, будет числиться в списке подозрительных лиц, — из-за своего брата. Придется соблюдать особую осторожность.

Неторопливая езда дает массу времени для размышлений. Сэр Ховард прекрасно знал о своей репутации сильного, энергичного и довольно пустоголового молодого человека, склонного к решительным действиям. Было самое время заполнить эту пустую голову чем-нибудь полезным хотя бы из-за перспективы унаследовать герцогство.

Он чувствовал какое-то несоответствие в сложившемся у него взгляде на мир. Например, предание огню людей, занявшихся научными исследованиями, считалось справедливым наказанием. А вот казнь Фрэнка таковой ему совсем не казалась, хотя любые слова прыгунов должны нести в себе истину, поскольку Всевышний поставил их над людьми. Было правильно и то, что он, Ховард ван Слик, при встрече должен отдавать прыгунам салют: разве простолюдины, в свою очередь, не обязаны приветствовать его? Таким образом, все устроено справедливо. Он обязан повиноваться прыгунам, а простолюдины — ему. Все это объясняли в школе. Следовательно, Всевышний доверил прыгунам отдавать приказы ему, а он должен отдавать приказы простолюдинам. Снова совершенно справедливо.

Только все же что-то было не так. Он не мог найти никаких изъянов в доказательствах, которые некогда учил наизусть и

которые стыковались друг с другом так же плотно, как сверхпрочные силикато-магниевые стальные крайслеровские пластины лучших доспехов. Но должен же он где-то быть, этот изъян! Возможно, удастся его найти, — путешествуя, задавая вопросы, держа глаза открытыми? Может быть, где-нибудь найдется книга, которая прольет свет на этот вопрос? До сих пор сэру Ховарду попадались книги либо с навевавшими скуку сказочными историями о подвигах бесстрашных рыцарей, либо рекомендации, как управлять сберегательным банком, или инструкции по сборке молочного сепаратора.

Он смог бы даже научиться общаться с простолюдинами и попытаться выяснить их взгляд на окружающий мир. Несмотря на происхождение, сэр Ховард не страдал особой классовой спесью. В общем-то, простолюдины казались ему нормальными людьми, а некоторых даже можно было считать хорошими парнями, если не позволять им фамильярностей и всяких ненужных мыслей о том, что все люди почти равны. Надо заметить, что подобные соображения сэра Ховарда радикально отличались от общепринятых в его среде.

Он ерзал внутри своей стальной скорлупы, мечтая, как бы почесать грудь прямо сквозь нагрудную пластину. Проклятье! Наверно, подхватил какую-то нечисть в замке Поукипси, хотя обычно там не было никаких паразитов. Во всем виноваты прыгуны, вытряхнувшие насекомых Фрэнка во двор!

Начался дождь, один из тех весенних ливней в штате Йорк, которые могут кончиться через час, а могут — через день. Сэр Ховард достал свое пончо и просунул голову в дырку посередине. О доспехах он особенно не беспокоился, те были хорошо смазаны. Но дождь, ливший как из ведра, вызывал досаду. Когда он поднимал забрало, брызги попадали в лицо, а с опущенным приходилось все время протирать люцит, чтобы видеть. Стекая с пончо, вода просачивалась в ножные латы, отчего ноги стали мокрыми и холодными. Полу Джонсу тоже сильно не нравился дождь, он плелся вперед с опущенной головой, лишь время от времени неохотно переходя на рысь.

Сэр Ховард пребывал далеко не в самом лучшем настроении, когда часом позже дождь перешел в мелкую изморось, и образовался туман, сквозь который едва можно было различить противоположный берег Гудзона. Он уже приближался к мосту Рип ван Винкля, как вдруг его окликнул некто на лошади, загородив дорогу.

Сэр Ховард попытался его объехать, но странный всадник продолжал стоять, где стоял, и угрожающе крикнул:

— Ну что? Думал, я уже деру дал отсюда? Но я тебя

подкараулил, и теперь готовься получить свое!

Судя по доспехам, этот человек, несомненно, был чужеземцем: на ногах его были какие-то кожаные латы, напоминавшие штаны с длинной бахромой.

— Какого черта? — спросил рыцарь. — Что ты имеешь в виду?

— Сам знаешь, что я имею в виду, ты, желтобрюхий таракан! Будешь драться как мужчина, или мне придется спустить с тебя штаны и отшлепать как мальчишку?

Сэр Ховард слишком промок, слишком замерз и был слишком покусан насекомыми, чтобы вести и дальше столь безумный спор, в особенности потому, что за рекой уже виднелся город Кэтскилл, где его ждали виски и тепло каминного огня.

— О'кэй, чужеземец, ты сам напросился на это. Защищайся, гнусный негодяй!

Копье рыцаря приняло горизонтальное положение; копыта мерина грозно загремели по асфальту.

Чужеземец отшвырнул в придорожную канаву свою куртку из овечьей шерсти, обнажив кольчугу, и отправил следом за курткой потрепанную широкополую шляпу, под которой оказалась маленькая стальная шапочка. Сэр Ховард на ходу опустил забрало, раздумывая, какой вид атаки собирается избрать незнакомец, если даже не обнажил позванивавшую у седла кривую саблю. Скорее всего, имея такую легкую лошадь, соперник попытается в последнюю секунду увернуться от копья…

Легкая лошадь стала уклоняться от удара; рыцарь повернул копье, но уход в сторону оказался ложным маневром, и чужеземец спокойно миновал острие копья слева. Сэр Ховард мельком увидел свернутый в кольцо кожаный ремень, быстро вращавшийся над головой чужеземца, а затем что-то сдавило ему шею. Мир перевернулся, асфальт встал дыбом и со страшной силой ударил сэра Ховарда по голове.

Чтобы подняться на ноги в тяжелых доспехах, надо сначала лечь на живот, после чего подтянуть под себя колени. Он перевернулся, стал с трудом подниматься и снова бухнулся головой вперед. Чужеземец обернул конец веревки вокруг луки седла. Его лошадь не давала ремню провисать, и всякий раз, когда рыцарь пытался встать на четвереньки, делала вперед шаг-другой, отчего тот снова падал плашмя. Лежа лицом вниз, он не мог видеть, что происходит. Затем что-то сдавило его правую руку, не оставляя никакой возможности достать меч. Перекатившись еще раз, он увидел, что чужестранец накинул ему на плечи вторую петлю. Спустя мгновение ремень полностью опутал его ноги, руки и шею; сэр Ховард оказался связанным,

словно пойманный олень.

— Замечательно, — сказал чужеземец, подходя ближе, с охотничьим ножом в руке. — А теперь посмотрим, как ты поживаешь внутри этой железной дымовой трубы, которую вы тут называете доспехами… — Он поднял забрало и вдруг открыл рот от изумления:

— Скажи-и-те, пожалуйста! Да ведь ты — совсем не тот парень!

— Какой еще парень? — злобно прорычал сэр Ховард.

— Парень, который чуть не утопил меня в лошадином корыте. Здоровенный, по имени Бейкер, из Кэтскилла. Ездит на такой же здоровенной твари, да и доспехи у него такие же, как у тебя. Я был уверен, что ты — это он. Лица-то через забрало не различишь! Ошибочка вышла. Дико извиняюсь, мистер. Надеюсь, ты не станешь буйствовать, если я развяжу тебя и помогу подняться?

Сэр Ховард согласился не буйствовать. По правде говоря, из-за позорного поражения, он, с одной стороны, злился на нецивилизованного чужеземца с его нечестными способами вести поединок. С другой — восхищался противником и завидовал его искусству. Его одолело сильное любопытство, как тому удалось проделать фокус с ремнем.

Чужеземец был худощавым человеком с волосами соломенного цвета и, наверно, несколькими годами старше сэра Ховарда. Разматывая веревку, он объяснял:

— Меня зовут Хаас. Лайман Хаас. Я приехал из Вайоминга, с дальнего Запада. В здешних краях большинство народу никогда не слышало о Вайоминге. Прошлым вечером я спокойно выпивал в заведении Лукаса, это харчевня с баром в Кэтскилле, а Бейкер ко мне прицепился и затеял спор. Я мирный человек, но есть вещи, которые мне не по нутру. Так или иначе, но когда дело дошло до драки, Бейкер с двумя приятелями набросился на меня и, как я уже говорил, чуть не утопил в лошадином корыте. Теперь понимаю, почему спутал тебя с ним: твой герб не был виден под пончо. Это для меня урок. Никогда нельзя убивать человека, пока не знаешь наверняка, кто он такой. Надеюсь, твои замечательные доспехи не помялись об асфальт?

— Пустяки. Вмятиной больше, вмятиной меньше, для таких старых доспехов — никакой разницы. Тут частично и моя вина, надо же было самому подумать о пончо.

Хаас внимательно посмотрел на герб ван Слика и прочитал, медленно шевеля губами:

— «Покажи… им… небо… с… овчинку!» Интересно, что бы это значило?

— Такое выражение. Давным-давно им пользовались наши предки. Оно значит: «Лупи их так, чтоб глаза на лоб полезли», — или что-то вроде того. Послушайте, мистер Хаас, мне бы хотелось добраться куда-нибудь, где можно обсохнуть снаружи и слегка промочить горло изнутри. Вы не могли бы порекомендовать мне такое местечко в Кэтскилле?

— А как же. Добрая выпивка сейчас нам обоим не повредит.

— Превосходно. И еще мне хотелось бы купить немного порошка от насекомых. Ну, а позже, совершив эти неотложные дела, придумаем, как нам быть с вашим мистером Бейкером.

На следующее утро добрые граждане Кэтскилла были изрядно удивлены, увидев совершенно голого и непристойно разрисованного сквайра Бейкера подвешенным за лодыжки и запястья к фонарному столбу на главном перекрестке города. Поскольку сквайр висел довольно высоко и был до изумления пьян, его заметили лишь после того, как совсем рассвело. Впоследствии Бейкеру так и не удалось восстановить доброе имя. А потому несколько месяцев спустя он покинул Кэтскилл, отправившись на шхуне в Центральную Америку — торговать кофе и бананами.

3

— Знаешь, Хов, мне вроде как малость хочется послушать музыки.

Сэр Ховард никак не мог привыкнуть к тому, что Хаас называл его «Хов». Этот человек ему нравился, но до конца в нем разобраться было трудновато. В каком-то смысле, Хаас иногда вел себя как простолюдин. Если он был простолюдином, рыцарю следовало бы возмутиться его фамильярностью. Но у Хааса были и другие качества, например, выдержка и самообладание. Да, схема общества на Западе, очевидно, была совершенно иной. Сэр Ховард включил радио.

— Тебе удалось заполучить отличную вещицу, — заметил Хаас.

— Да. Особенно она хороша в долгих поездках. В подпятник копья встроен контакт, поэтому моя маленькая зубочистка может работать как антенна. Если же зубочистки при мне нет, тогда можно подключить провод прямо к доспехам; они действуют почти так же хорошо, как копье.

— А батарейка установлена в седле?

— Да, но всего лишь слабенький фотоэлемент. У *этих*, конечно, есть и мощные аккумуляторы, только *они* не разрешают нам ими пользоваться.

Они одолели подъем и вдали увидели крышу административного здания Олбани — самого высокого небоскреба города. Остальные дома пока еще оставались не видны. Говорили, что это здание построено давным-давно, когда штат Йорк был государственным образованием, а не таким неопределенным географическим понятием, как сейчас. Разумеется, теперь там размещалась штаб-квартира прыгунов. Сэр Ховард подумал, что эта темная квадратная башня кажется зловещей. Но говорить вслух такое рыцарю не пристало, а потому он спросил Хааса:

— Как вышло, что ты оказался так далеко от дома?

— Видишь ли, мне захотелось увидеть Нью-Йорк. Ты ведь там бывал, я думаю?

— Да, довольно часто. Зато я никогда не уезжал далеко от дома.

— В основном, я здесь поэтому. Правда, был там еще один парень…

— Ну? Продолжай. Можешь меня не опасаться.

— В общем, мне показалось, что не будет большого вреда, если я уеду подальше от Вайоминга. Поспорил там с одним в баре. Конечно, я мирный человек, но есть слова, которые мне не нравятся, а этот парень даже не улыбнулся, когда мне их говорил. Поэтому мы вышли с ним во дворик прогуляться, с саблями. Оказалось, что у него полно приятелей. Это для меня хороший урок. Прежде чем драться, надо было узнать, много ли друзей у этого парня. Так или иначе, мне все равно хотелось увидеть Нью-Йорк, и вот я здесь. Когда в пути кончились деньги, стал показывать в театрах всякие фокусы с лассо. На прошлой неделе заработал в Нью-Йорке около шестисот монет. Они почти кончились, но могу добыть еще. В здешних краях никто не умеет бросать лассо.

— Ого, — сказал сэр Ховард. — Шестьсот! А где тебя ограбили?

— Нигде. Просто потратил.

Столь легкомысленное заявление заставило сэра Ховарда вздрогнуть. Уроженец Запада внимательно взглянул на него и чуть улыбнулся.

— Знаешь, — сказал он, — мне всегда казалось, что всякие там лорды, рыцари и так далее смотрят на деньги сквозь пальцы и повсюду сорят своими бумажками. Но парней, которые относились бы к денежкам так же бережно, как ты, мне встречать еще не доводилось. Это точно.

— Как тебе понравился Нью-Йорк? — поспешно сменил тему рыцарь.

— Нормально. Там есть на что поглядеть. Я свел дружбу с парнем, работающим на мебельной фабрике, он брал меня с собой. Мне понравилось смотреть, как стулья и другие штуки шлепаются вниз со сборочной линии. Хотя к двигателям он меня провести не смог. У той двери стоял охранник-прыгун. Они туда не пускают никого, кроме нескольких старых рабочих, и я слышал, дают им таблетки и допрашивают каждую неделю, чтобы знать наверняка, что те никому не рассказали, как устроены механизмы.

Одним словом, через несколько недель я устал. Слишком много прыгунов. Они действуют мне на нервы. Знаешь, всегда уставятся своими маленькими черными глазками, как будто твои мысли читают. Кое-кто поговаривает, будто они действительно могут это делать. После того как ты рассказал про своего брата, могу без опаски признаться, что о них думаю: я терпеть их не могу!

— На Западе ведь тоже есть прыгуны, разве не так?

— А как же, сколько-то есть. Но они нас не сильно беспокоят. Их приказы, конечно, выполняются. Однако они позволяют нам жить по-своему, пока мы заняты своими делами и платим ихние налоги. Им не нравится климат — слишком сухо.

— В наши местные дела они тоже не особо лезут, — сказал рыцарь, — за исключением того, что Нью-Йорк и другие большие города находятся под их прямым управлением. Вот почему их так много. Конечно, если ты начнешь нарушать… впрочем, об этом я уже говорил.

— Говорил. Слушай, а цены-то на бифштексы тут у вас — чистое преступление! Там, в Вайоминге, где мы разводим скот, мы едим по большей части мясо. Это все налоги прыгунов да еще всякие маленькие пограничные сборы и тарифы, то тут, то там. Потому и бифштексы здесь такие дорогие.

— У вас на Западе тоже бывают войны?

— А как же. Время от времени у нас случаются стычки с навахами.

— Навахи? Кто они такие?

— Народ, живущий к югу от нас. По большей части, скотоводы. Они нас терпеть не могут. Кожа у них вроде как красно-коричневая, словно у моей кобылы Куини, лица плоские, а волосы такие же черные, как у тебя.

— Кажется, я слышал об этом народе, — сказал рыцарь. — В прошлом году у нас в поместье побывал один человек с Запада. Но тех краснокожих он называл индейцами или инджунами.

— Вот как? А я всегда считал, что инджун — это такой движок. В общем, та штука, которая заставляет ездить и летать

машины прыгунов. Наверно, ты просто ослышался. Так или иначе, но время от времени у нас случаются с навахами потасовки. Из-за прав на пастбища и всякое такое. По большей части, конные стычки со стрельбой из луков. Я в этом большой мастак. Взгляни-ка!

Он откинул крышку продолговатой коробки, висевшей сбоку седла, которая оказалась колчаном, и извлек оттуда две половинки стального лука.

— Хотел бы я заполучить одно из тех хитрых седел, вроде твоего, чтобы прятать в него свои вещички, а не развешивать их снаружи, отчего мы с моей кобылой становимся похожи на рождественскую елку. Правда, я обычно езжу налегке. И тебе бы пришлось избавиться от большей части железок, будь у тебя такая небольшая лошадка, как моя Куини. Знаешь, мне кажется, что задняя лука твоего седла специально такая высокая. Ну, чтобы ты случайно не улетал кувырком со своего мерина всякий раз, когда какому-нибудь парню вздумается подковырнуть тебя зубочисткой.

Хаас соединил половинки лука, вставив посередине муфту с прицелом.

— Видишь нарост на той сосне? Ну, а теперь гляди. Йй-о-оу! — Кобыла вздыбилась, рванулась вперед. Хаас выхватил из колчана стрелу, резко прозвенела тетива лука. Потом он повернул Куини, подъехал к дереву и с трудом вытащил из капового натека глубоко засевшую стрелу. — Может, мне и не стоило этого делать, — заметил он. — Мы уже недалеко от Олбани. Наверно, у них есть какие-то ограничения на стрельбу из лука в границах города. Они много за чем следят в этом городе?

Между двумя старинными трехэтажными домами уже виднелось шестигранное остекленное здание прыгунов.

— Не слишком, — ответил рыцарь. — Но первое, что я должен сделать, это пойти в административный корпус, чтобы поставить штампы на мое разрешение на поездку. А тебе что-нибудь требуется?

— Нет, ничего в этом роде. На мое разрешение уже тиснули печать в Нью-Йорке. Теперь мне нет нужды отчитываться перед прыгунами до тех пор, пока не доберусь до Чикаго. Прогуляюсь с тобой за компанию. Ежели, конечно, они нас впустят.

Они прождали на тротуаре у входа в администрацию почти полчаса, прежде чем получили возможность войти: они не имели права мешать сновавшим туда-сюда прыгунам. За это время у непрерывно салютовавшего сэра Ховарда заныло плечо. Но вот мимо прошли еще два существа, болтавших между собой на непонятном, вроде щебетанья птиц, языке. От них исходил запах, похожий на аромат созревшего сыра. Рыцарь чуть не подпрыгнул,

когда одна из тварей вдруг переключилась на английский.

— Человек! — пропищала она. — Почему ты не отдал салют?

Сэр Ховард оглянулся и увидел, что прыгун обращается к Хаасу, который растерянно застыл с зажигалкой в руке, зажав во рту сигарету. Придя в себя, тот убрал курево и зажигалку и снял шляпу.

— Чертовски сожалею, Ваше превосходительство, но боюсь, я вас не заметил.

— Следи за своими словами, человек! — пропищал в ответ прыгун. — Даже самое глубокое сожаление не может служить оправданием. Ты сам знаешь, за пренебрежение салютом следует уплатить штраф в пять долларов.

— Конечно, Ваше превосходительство. Благодарю вас, Ваше превосходительство, за то, что вы сделали мне замечание.

— Кроме того, курение вблизи здания и внутри запрещено, — прочирикало существо. — Но поскольку тон твоего обращения ко мне, наконец-то, сделался в должной мере почтительным, я считаю возможным прекратить дальнейшее расследование этого случая.

— Благодарю вас, Ваше превосходительство, — поклонился Хаас, после чего снова надел шляпу и проследовал за сэром Ховардом в здание. Но рыцарь отчетливо расслышал, как уроженец Запада пробурчал еще кое-что:

— Я, конечно, мирный человек, однако…

За конторкой, где оформлялись разрешения, сэр Ховард увидел человека с белыми, уныло свисающими усами. Сделав отметку в бумагах, клерк поставил печать, не задав ни одного вопроса. Вид у него был нервный, и производил он довольно жалкое впечатление, как и все люди, работающие в окружении прыгунов.

Когда они возвращались к привязанным лошадям, Хаас очень тихо сказал:

— Послушай, Хов, тебе не показалось, что прыгун прицепился ко мне просто так, лишь бы покрасоваться перед своей подружкой?

— У них не бывает подружек, Лайман, — ответил сэр Ховард, — потому, как у них нет мужчин и женщин. Вернее, каждый из них есть сразу и мужчина, и женщина. Правда, чтобы сделать кладку яиц, требуются двое, но яйца несет каждый, да и высиживают их они оба. Гермафродиты, так они сами себя называют.

Хаас выпучил глаза.

— Значит, ты хочешь сказать… — Он вдруг согнулся от хохота, в восторге колотя себя по ляжкам. — Парень, как бы мне

хотелось завести у себя дома клетку с такой сладкой парочкой!

4

— Давай подзаправимся тут, Хов. Здесь можно смотреть через окно на железную дорогу. Мне нравится глядеть, как мимо меня топают слоны.

— О'кэй, Лайман. Думаю, это место ничуть не хуже любого другого в Амстердаме. Два манхэттена, — распорядился сэр Ховард, подойдя к стойке бара.

— С соломинкой, сэр? — спросил бармен, явно испытывавший подобающее почтение к людям в доспехах.

— Не надо, — невнятно пробормотал рыцарь, сражавшийся со своим шлемом, — конечно в том случае, если мне удастся снять эту штуку. Ох! — нагрудник, наконец, поднялся. — В самое ближайшее время придется разобрать проклятый шлем на части, да хорошенько почистить. Все шарниры жутко забиты грязью.

— Знаешь, Хов, — сказал Хаас, — именно потому мне всегда сильно не нравились эти железные горшки. Упаси Бог надевать их на голову. Хотя ничего не имею против того, чтобы разводить в них цветочки. Понимаешь, я всегда думал: предположим, какой-нибудь малый предложит выпить, а мне придется сначала бороться со всеми этими забралами, подъемными нагрудниками и прочей мурой, чтобы убрать их с дороги. Но ведь к тому моменту, когда я, наконец, буду готов выпить, парень может уже передумать! — он сделал хороший глоток и удовлетворенно вздохнул: — Да, янки, безусловно, знают, как смешивать коктейли. А у нас, в Вайоминге, они получаются такими мерзкими, что мы предпочитаем пить каждое входящее в них зелье по отдельности.

— Вполне симпатичная речка, ваш Мохаук, — продолжал он, — хотелось бы сказать то же самое про некоторые города по берегам. Я ехал из Нью-Йорка через Коннектикут; вот там у них действительно приятные городки, не то, что здесь. Но река на самом деле хороша. Люблю смотреть на речные суда. Их механики умеют здорово управляться со своими лошадьми.

— И все же, я заявляю, что это верх неприличия! — громко произнес кто-то в баре. Головы всех присутствующих повернулись на голос. Некоторые зашикали на возмутителя спокойствия, но тот упорно продолжал: — Как всем известно, подобные дела творятся не первый год, но еще никогда он не бросал нам такое оскорбление в лицо. Мог бы везти ее по боковым переулкам, а не тащить по главной улице!

— Какая еще улица, и кто кого куда тащил? — спросил у

соседа сэр Ховард.

— Келли снова охотился за девочками, — ответил тот. — Только на этот раз его банда захватила девушку прямо здесь, в городе. Потом они связали ее, и Келли повел процессию по центральной улице. Я видел сам: она сидела на лошади, выпрямившись, как солдат, и не могла издать ни звука — ведь во рту кляп. Люди были очень раздражены. Думаю, если б у кого-нибудь оказался консервный нож, он попытался бы провертеть дырку в Келли, хотя следом ползли его лобстеры. Хотел бы я, чтоб у меня была под рукой хорошая открывашка!

— Что он лопочет? — недоуменно спросил Хаас.

— Он говорит, — ответил рыцарь, — что если б у него оказался под рукой боевой топор или секира, он бросился бы на Келли, несмотря на его охрану, шайку тяжеловооруженных всадников. Легковооруженных здесь называют крабами.

— На каком все-таки жутком английском языке вы говорите тут, на востоке, — сказал Хаас. — Кто такой Келли? Похоже, сильно крутой. Он бандит?

Их собеседник внимательно посмотрел на герб сэра Ховарда и на одежды Хааса.

— Вы чужестранцы, не так ли? Уоррен Келли бандит и есть, уж это точно. Он продает горожанам «крышу». Сами знаете, как: «А ну, плати за охрану, или тебе же будет хуже!» Вообще-то считается, что город — часть владений Шенека, то есть барона Шенектади, но сам барон все время торчит в Нью-Йорке, а здесь некому следить за порядком, и никто ничего поделать не может. У Келли большой замок рядом с Бродальбином, туда-то он и поволок несчастную девушку. Титула у него еще нет, хотя по нынешним временам его не так уж трудно заполучить. Я, конечно, не имею в виду истинных дворян, — поспешно добавил он. — Вы когда-нибудь задумывались, насколько важно страхование жизни, джентльмены? Если вы не против, вот моя карточка. Для благородных воинов моя компания предлагает особо выгодные условия…

Сэр Ховард с Хаасом одновременно взглянули друг на друга и ухмыльнулись.

— Совсем как в детских сказках, — сказал рыцарь. — Мне кажется, Лайман, мы могли бы поразведать побольше об этом замке и его очень крутом хозяине. Поедешь со мной?

— А как же! Только давай после обеда заглянем в скобяную лавку. Хочу купить там краски. Мне пришла в голову идея.

— Нам потребуется целая куча идей, дружище. Замок не из картона, а из бетона; с бухты-барахты его не возьмешь. Тут нужна верная стратегия.

Всадник остановился у крепостного рва и громко свистнул. Со стены замка ударил луч прожектора, сопровождаемый окликом часового. В пятне яркого света оказался сэр Ховард ван Слик, восседавший на мерине. Внешность обоих слегка изменилась. На ногах Пола Джонса появились белые чулки, его черный лоб был украшен большим белым ромбом. На грудной пластине всадника кленовый лист ван Сликов был скрыт под зеленым кругом, в центре которого красовался черный треугольник. На конце копья развевался красно-белый флаг.

— Я — сэр Уильям Скрэнтон из Уилкс-Барре! — прокричал рыцарь. Ему было известно, что в северо-восточной Пенсильвании полным-полно благородных Скрэнтонов, среди которых наверняка имелось и несколько Уильямов. — Проезжая по здешним местам, услышал об Уоррене Келли и теперь хотел бы засвидетельствовать ему свое почтение!

— Ожидайте здесь! — откликнулся часовой.

Сэр Ховард спокойно ждал, прислушиваясь к лягушачьему хору из крепостного рва и надеясь, что его вымышленное имя не вызовет подозрений. Он был в самом лучшем расположении духа, хотя какое-то время и испытывал легкие угрызения совести, понимая, что нарушил данное отцу обещание. К тому же, спасение попавшей в беду девушки все-таки никак нельзя было назвать «участием в мелких местных войнах»! Цепи побежали вниз, подъемный механизм застонал, мост опустился, прогремели копыта, и всадник въехал во двор. Его встретил человек с невыразительным лицом.

— Я — Уоррен Келли, — сказал он. — Добро пожаловать!

Он был невысок ростом и быстр в движениях. Длинный нос, налитые кровью глаза навыкате, волосы явно нуждались в стрижке… Крепко пожав руку хозяина, сэр Ховард заметил, как тот слегка поморщился. «Пожалуй, я бы мог сбить такого малыша с ног одним ударом, — подумал рыцарь. — Но стоп! Ведь есть же в нем что-то эдакое, заставляющее других бояться! Мерзавец явно умен…»

Войдя вслед за хозяином в холл, сэр Ховард принял его предложение слегка выпить.

— Как дела в ваших краях? — задал Келли ни к чему не обязывающий вопрос.

Выражение его лица нельзя было назвать ни дружеским, ни враждебным. В качестве главного козыря сэр Ховард попытался максимально использовать свое знаменитое обаяние. Ему очень не хотелось получить между лопаток стрелу из арбалета еще до того, как начнется задуманное предприятие. Он излагал обрывки

всяких сплетен, доходивших до него из Пенсильвании, нахваливал предложенное хозяином бренди, рассказывал длинные страшные истории вроде тех, в которых, по слухам, участвовал сам Келли. Мало-помалу хозяин оттаял, и вскоре они стали говорить по очереди. Сэр Ховард выуживал из памяти самые грязные россказни, какие смог припомнить, но Келли всякий раз умудрялся выдать что-нибудь еще похлеще. Некоторые его повествования были чересчур крепки даже на стойкий католический вкус рыцаря, но он всячески выражал восторг.

— Ну а теперь, — криво ухмыльнувшись, сказал Келли, — позвольте поведать вам, как мы отделали одного парня из ломбарда. Со смеху помереть можно. Знаете, что такое азотная кислота? Ну так вот, мы взяли стеклянную трубку, наполненную стекловатой…

Кое-кто из людей Келли просто бездельничал, другие слушали радио или резались в кости. В дальнем углу играли в бридж. «Теперь самое время, — подумал сэр Ховард. — Но я не должен и вида показать, что жду чего-то. Если вызову подозрения, то никакой надежды не останется, что смогу схватить девушку и пробиться к выходу: тут добрая дюжина профессиональных бандитов».

Откуда-то сверху послышался звон разбитого стекла. Келли оглянулся, нахмурился, но продолжал рассказывать историю. Звон раздался снова. На ковер посыпались осколки, а следом упала стальная стрела с алюминиевым оперением. К наконечнику был накрепко привязан мешочек, содержимое которого горело голубыми огоньками, источая омерзительную, невыносимую вонь.

— Какого черта! — воскликнул Келли, вскакивая на ноги. — Кто тут у нас такой весельчак?

Он подобрал стрелу, поднес ее к лицу, после чего сразу же сморщился и зашелся кашлем. Отшвырнув ее, подошел к стене и пролаял в переговорную трубку:

— Эй ты, там! Кто-то бросил сюда серную бомбу. Подстрели подлеца на месте, олух!

— Я его не вижу! — ответил из трубки глухой голос.

В этот момент сверху по лестнице сбежал еще один человек с такой же стрелой в руке.

— Смотрите, шеф, какой-то ублюдок пустил эту штуку ко мне в комнату. Здесь горящая сера!

Теперь в холле уже все стояли на ногах, ругаясь почем зря и вытирая глаза.

— Какой грязный наглец!

— Теперь провоняет весь замок. Но зато будет меньше тараканов…

— Лучше заткнись, кретин! От тебя самого воняет хуже, чем от серы!

Сэр Ховард тоже кашлял, прижимая носовой платок к слезящимся глазам. Келли трижды свистнул, причем так громко, что у рыцаря заложило уши.

Люди Келли действовали быстро, словно тренированные пожарные. В стене мгновенно распахнулись дверцы, за каждой висели доспехи. Бандиты влезали в них с такой скоростью, которая казалась сэру Ховарду просто невозможной.

— Хочешь прокатиться с нами, Стрэнтон из Уилкс-Барре? — спросил Келли. — Если мы поймаем того малого, я покажу тебе новую забаву. У меня появилась свежая идея насчет горящих сосновых щепок, хочу ее испытать. Эй, парни! Со мной пойдет только первый эскадрон; остальные останутся здесь. Будьте наготове, там может быть ловушка.

Почти бегом все выскочили во двор, где их ждали уже оседланные лошади. Громко звякая металлом, они вскочили на коней и с грохотом промчались по опущенному мосту.

— Разворачивайтесь! — рявкнул Келли. — Ты, Баттлер, берешь на себя правый фланг!

— Й-о-оу! — раздался из темноты пронзительный крик. — Эй вы, проклятые разбойники янки! Скажи-ка, Келли, кто твой отец? Готов поспорить, ты и сам того не знаешь!

Погоня выскочила на Бродальбинскую дорогу вслед за призрачной тенью, которая скорее плыла в темноте, чем мчалась галопом.

Сэр Ховард слегка придержал Пола Джонса, и люди Келли один за другим обгоняли его, в то время как он громко проклинал своего озадаченного мерина за медлительность. Когда доскакали до первого поворота, рыцарь оказался в хвосте погони. Здесь он резко натянул поводья и круто развернул мерина назад…

Через несколько минут он уже подъезжал к замку, весьма убедительно изображая шатающегося, едва держащегося в седле всадника. Красная жидкость, заляпавшая пятнами доспехи и почти всего Пола Джонса, капала с левой ноги рыцаря на землю.

— Засада! — прокричал он. — Келли окружен! Я был в хвосте и чудом прорвался обратно! — он весьма убедительно изображал судорожное дыхание. — Все на помощь! Быстрее! — Через минуту замок изрыгнул вторую толпу гангстеров. И снова черный мерин как бы не смог выдержать скорости погони…

Вернувшись к замку, сэр Ховард привязал Пола Джонса к дереву у внешнего берега крепостного рва. В замке оставалось еще несколько слуг; они могли выбежать во двор, чтобы

привязать лошадь и проверить, не загнал ли он ее. Вдобавок, следовало опасаться часовых. Он пристально вглядывался в темноту, но так и не смог разглядеть, есть ли кто-нибудь на стене или нет. К счастью, мост остался опущенным.

Во дворе никого не было. Холл и трапезная также оказались пустыми. «Черт возьми, — подумал он, — неужели в доме вообще никого? Надо найти хоть одного!» Он двинулся к кухне, стараясь ступать на носки, — занятие вполне бесполезное, поскольку, несмотря на все усилия, доспехи скрипели и звенели при малейшем движении.

За дверью обнаружился толстяк в белом поварском колпаке, протиравший стаканы кухонным полотенцем. При виде обнаженного меча у него отвисла челюсть. Уронив стакан, он попытался сбежать.

— Не выйдет! — прорычал рыцарь. Сделав несколько шагов вперед, он схватил повара за воротник и проткнул концом меча его одежду над самой правой почкой. — Попробуй только заверещать. Это будет последний звук в твоей жизни! Куда подевались все слуги?

— С-слушаюсь, сэр. Шеф-повар простудился, лежит в постели, а остальные отправились в город смотреть кино.

— А где она?

— Она? Не понимаю, о ком вы говори… О-ой! — острие меча на одну восьмую дюйма углубилось в жирную складку. — Она в гостевой комнате на третьем этаже.

— Отлично, показывай мне, как пройти. Вперед!

Массивная дубовая дверь в гостевую комнату оказалась наглухо заперта. Надежный латунный автоматический замок был установлен так, что, скорее, мешал выйти из комнаты, чем войти туда.

— Где ключ?

— Н-не знаю, сэр. Я имею в виду, его забрал мистер Келли.

Сэр Ховард призадумался. Совсем недавно он поздравлял себя с тем, что все продумал до мелочей — и вот на тебе! Попытавшись вышибить дверь, он только разобьет себе плечо, это было ясно. Вскрывать замки он не умел. Но ему следовало торопиться… торопиться… Неужели это уже стук копыт вернувшегося отряда? Нет. Пока нет. Но они могут вот-вот возвратиться. Если что-нибудь случилось с Хаасом или если второй эскадрон встретился с первым…

— Ложись у двери, лицом вниз! — рявкнул он повару.

— Д-да, сэр. Вы ведь не убьете меня, сэр? Я же ничего вам не сделал, сэр…

— Нет. Во всяком случае, пока нет, — сэр Ховард приставил

острие меча к спине лежащего. — Только шевельнись, и я насажу тебя на вертел!

Свободной рукой он вытащил кинжал и стал отвинчивать шурупы, которыми замок крепился к двери. Лишь бы выдержало лезвие… Казалось, время тянется бесконечно. Наконец выскочил последний шуруп, замок с глухим стуком свалился повару на спину. Сэр Ховард открыл дверь.

— Кто вы? — спросила стоявшая за креслом девушка.

«Пожалуй, она высокого роста, — подумал рыцарь. — Это хорошо». Выглядела она скорее возмущенной, чем напуганной. Ее светлые волосы были пострижены короче, а загар сильнее, чем того требовала мода.

— Сейчас это неважно. Я пришел, чтобы забрать вас отсюда. Поторопитесь.

— Но кто вы? Я вам не доверяю.

— Вы хотите выбраться отсюда, верно?

— Да, но…

— Тогда кончайте препираться и идите со мной. Келли может вернуться в любую минуту. Я вас не съем. Черт возьми, он все-таки удрал!

Пока они разговаривали, повар вскочил на ноги и рванул прочь по коридору.

— На помощь! Спасите, ради Бога! — стихали вдали его крики.

Когда они добрались до холла, туда уже спускался по другой лестнице легковооруженный громила — один из караульных, делавший сторожевой обход. Он прыгал сразу через две ступеньки, держа наготове алебарду.

— Отойдите в сторону! — отодвинув девушку, сэр Ховард опустил забрало. Наверху лестницы появился второй, когда первый уже наполовину пересек холл и бросился с алебардой на рыцаря.

Рыцарь качнулся в сторону, пропустив острие над плечом, и с лязгом, грудь в грудь, столкнулся с нападавшим. Используя тяжелую рукоять меча как кастет, сэр Ховард резко ударил караульного в челюсть. Караульный упал, но рядом уже был второй. Этот оказался громадного роста, он размахивал своей секирой, словно прутиком. Рабочая часть ее выглядела так: в одну сторону смотрело лезвие топорика, в другую — крюк, чтобы цеплять за ноги людей и лошадей, а вперед торчало футовой длины острие.

«Ничего себе, — подумал сэр Ховард, увернувшись от удара острием в ногу, — если в замке есть еще кто-то, поднятый нами грохот быстро приведет их сюда». В этот момент лезвие секиры с

мелодичным звоном опустилось на шлем. Из глаз посыпались искры, оставалось только удивляться, что удар не сломал ему шею. Тут же древко секиры, описав полукруг, попало под ноги, заставив рыцаря споткнуться. Он пошатнулся и упал на одно колено, а когда попытался подняться, конец острия уже целил ему в забрало. Нырнув под удар, сэр Ховард косо ударил мечом. Конечно, не перерубил дюралюминиевое древко, зато лезвие угодило по сухожилию левой руки стража. Ага!

Однако караульный, выронив секиру, отскочил назад. Кровь из раны капала на пол. Рыцарь почти ударил его по ноге, но страж успел выхватить меч. Бойцы снова бросились друг на друга. Мечи со звоном скрестились. Попеременно следовали выпады, обманные движения, уколы, удары, нападение и защита. Лезвия свистели в воздухе, звенели, лязгали. Вспотевший сэр Ховард понял, что противник теснит его назад. Черт возьми, этот парень лучше владел мечом! Он едва не достал острием горло рыцаря. Да, в ближнем бою страж был очень хорош. «Еще шаг назад, — мелькнула мысль, — и все, — дальше отступать нельзя, иначе буду прижат к стене».

Девушка тем временем взяла легкое кресло из-за карточного стола, подкралась на цыпочках сзади к караульному и с размаху ударила его по ногам. Тот вскрикнул и завалился на спину, оказавшись в нелепой скрюченной позе с вывернутыми руками. Сэр Ховард тут же сделал выпад, вложив весь свой вес в удар; конец меча пронзил хрустнувшую лобную кость.

— Встает другой! — крикнула девушка. Первый караульный уже поднялся на четвереньки и ползал в поисках оружия. — Наверно, лучше убить его тоже?

— Некогда. Пора бежать! — они выбрались во двор, в темноту. — Не думайте больше… о тех стражниках… — пропыхтел рыцарь. Его доспехи позвякивали на каждом шагу. — Я восхищен… вашей выдержкой… Проклятье! — он едва не свалился с моста в ров. — Было бы очень… остроумно… нырнуть… именно сейчас!

5

— Боже правый, должно быть, я проспала все утро! Будьте добры, скажите мне, который теперь час, сэр рыцарь?

Сэр Ховард попытался взглянуть на запястье, но тут же вспомнил, что часы закрыты стальной перчаткой, а ее так просто не снимешь. Часы были очень хороши, поэтому экономная душа рыцаря буквально трепетала при одной мысли о том, что может случиться с ними в бою, если носить их снаружи. Он поднялся на

ноги и взглянул на другие часы, встроенные в луку седла.

— Половина двенадцатого, — объявил он. — Вы хорошо выспались?

— Лучше некуда. Я вижу, ваш друг еще не появился?

Сэр Ховард снова осмотрел расстилавшиеся за соснами пологие песчаные дюны. Никакого движения, кроме одной случайно пролетевшей птицы.

— Пока нет, — ответил он. — Но это ничего не значит. Будем ждать темноты. Если он не появится ночью, тогда сами тронемся в путь.

— Вижу, вы выбрали для встречи безлюдное место, нет ни одного дома, — заметила девушка, тоже оглядевшись. — Едва ли здесь можно найти еду, верно?

— К сожалению, верно. Мне кажется, попадись мне сейчас всадник, я съел бы его лошадь, а потом пустился бы вдогонку за человеком. Боюсь, нам придется ждать голодными.

— В общем-то, я не надеюсь увидеть здесь спасителя, раздающего съестные подарки, — опустив глаза, сказала девушка, — если вы понимаете, что я хочу сказать. Но, может быть, вы хотя бы назовете свое настоящее имя?

— Мое настоящее имя? — подойдя ближе, сэр Ховард фыркнул от возмущения. — Черт возьми, что вы имеете в виду?

— Надеюсь, вы не станете на меня обижаться, но у вас поверх одного герба нарисован другой, при свете солнца это легко увидеть. Не мешают даже все пятна крови на доспехах.

— Цвет крови негодяев прекраснее заката, как было сказано в какой-то старой книге, — широко улыбнулся сэр Ховард. — Обещаю вам назвать мое истинное имя, но лишь после того, как вы назовете свое.

Теперь уже девушка стала фыркать, отнекиваться и задавать возмущенные вопросы.

— Все очень просто, моя дорогая юная леди, — засмеялся рыцарь. — Да, вы уже представились мне как Мери Кларк, но на вашей блузе вышиты буквы СМ, а на платочке красуется буковка С. Забавно, не правда ли?

— Ну ладно, сдаюсь. Меня зовут Сара Уайт Миттен. Теперь очередь за вами, остряк-самоучка!

— Слышали когда-нибудь о ван Сликах из Поукипси?

Пока сэр Ховард кратко рассказывал о месте, которое он занимал в рядах этой благородной фамилии, мерин сделал несколько неторопливых шагов и тихонько тронул девушку носом. Она почесала ему лоб, а потом слегка оттолкнула.

— А как зовут его?

— Пол Джонс, — ответил рыцарь.

— Откуда вы взяли такое имя?

— В общем-то, я не знаю. В нашей семье издавна повелось так называть лошадей. Мне кажется, некогда жил такой человек. Наверно, важный и знаменитый.

— Да, такой человек жил, — сказала она. — Он был романтиком; из тех людей, которые всегда ищут случая спасти девушку из неволи и очень расстраиваются, когда поблизости ни одной такой невольницы не найти. У него было своеобразное чувство юмора. Однажды враги преследовали судно, находившееся под его командой. Отойдя от них на такое расстояние, что пушечный огонь противника был уже не опасен, он послал на корму человека с приказом отвечать на каждый бортовой залп врага выстрелом из мушкета. Мушкет — это такая штука, вроде легких ружей, которыми сейчас пользуются прыгуны.

— Похоже, он был неплохим парнем. И, конечно же, красивым?

— Как сказать, — девушка задумчиво вздохнула. — Это зависит от точки зрения. Если вам нравятся гориллы, то Пол Джонс, несомненно, обладал весьма приятной внешностью. Кстати, я заметила, что если чуточку почесать *вашего* Пола Джонса, то с него сходит краска, — она показала свою испачканную мелом руку.

Между тем мерин вовсе не хотел, чтобы его чесали или ласкали. Он желал сахара, но поскольку сладким его не угостили, то фыркнул и побрел в сторону.

— Когда я впервые увидела вас, — продолжала Салли Миттен, — то решила, что вы крупный, сильный и активный юноша, не наделенный особыми талантами, кроме умения рубить сплеча людей, которые вам не слишком нравятся. Однако ваше предприятие оказалось неплохо спланировано; вдобавок, вы быстро обратили внимание на мои инициалы, а значит, проявили определенные умственные способности.

— Благодарю. Родственники всегда полагали, что мозгов в моей голове маловато, но может быть, в будущем я их еще разочарую. Кстати, у меня не было особой нужды признаваться, кто я такой; герб объяснить просто: купил подержанные доспехи, и все тут.

— Но ведь вы вряд ли стали бы перекрашивать заодно лошадь, даже если и ее купили подержанную, верно?

— Вижу, юная леди, вам палец в рот не клади. Что бы я ни сказал, вы меня тут же отбрееете, — рыцарь на минуту задумался, потом спросил: — Как долго вы были в замке Келли?

— Три дня.

Три дня? Интересно. За такое время многое могло случиться. Но если она не хочет говорить об этом сама, он, безусловно, не станет спрашивать. И действительно, подобный вопрос больше никогда не возникал.

— А где вы разыскали, — поинтересовался сэр Ховард, — историю о Поле Джонсе, о временах, когда у людей были пушки и все такое прочее?

— По большей части, в книгах.

— В книгах? Не знал, что бывают книги о таких вещах. Разве только у прыгунов сохранились. Ну вот, стоит заговорить о дьяволе, и он уж тут как тут…

Он обернулся и проводил взглядом летающий аппарат, протрещавший почти над головой и быстро превратившийся в незаметную пылинку в голубых небесах. Рядом послышался тихий судорожный вздох. Рыцарь снова взглянул на девушку.

— Сэр Ховард! — она говорила негромко, но очень серьезно. — Вы уже оказали неоценимую услугу и, если я правильно поняла, собираетесь помогать мне дальше. Так вот, я ни в коем случае не должна попадать в *их* руки. Скорее я предпочла бы вернуться в замок Келли.

— Но почему вы… — он не договорил.

Девушка казалась сильно напуганной. А ведь Келли она совсем не боялась, скорее, испытывала презрение и была разозлена.

— Не надо беспокоиться на мой счет, — уверил рыцарь. — Я *их* тоже терпеть не могу, — он рассказал ей историю своего брата. — Ну а теперь, — продолжил он, — мне хотелось бы пару часиков поспать. Будите меня, как только появится кто-нибудь.

Ему показалось, что он даже не успел устроиться поудобнее, как его начали трясти за плечо.

— Просыпайтесь! — умоляла девушка. — Просыпайтесь скорее… ох, будь оно все проклято!.. просыпайтесь же!

— Хаас? — пробормотал он, протирая глаза.

— Нет, один из *них*. Трясу и трясу вас, и все без толку…

Он вскочил так резко, что чуть не сбил ее с ног. Сонливость мгновенно отступила. Солнце было почти над самым горизонтом. По песку и траве к соснам приближалась двухколесная машина. Сэр Ховард мельком взглянул на Пола Джонса, с довольным видом пощипывавшего верхушки чахлой тимофеевки.

— Поздно, — сказал он. — Попытка бежать ничего не даст. Прыгун сразу нас увидит, а их циклеты слишком быстры. В три или в четыре раза быстрее лучшего коня. Попытаемся выкрутиться. Может быть, на самом деле, мы ему не нужны?

Циклет въехал под сосны и остановился, издавая ровный гул

и сохраняя вертикальное положение. Закругленный люцитовый верх машины открылся; оттуда неторопливо выбрался прыгун. Люди сразу ему отсалютовали. Они издали почувствовали исходивший от твари знакомый запах спелого сыра.

— Сэр Уильям Скрэнтон? — прочирикало существо.

— Да, ваше Превосходительство, — ответил сэр Ховард, не видя причин указывать на ошибку.

— Прошлой ночью ты убил Уоррена Келли.

— Я его не убивал, ваше Превосходительство.

Глаза-бусинки из-под кожаного шлема буквально сверлили рыцаря. На заостренном лице существа не отразилось никаких чувств, только слегка подрагивали крысиные усики.

— Бессмысленно возражать, человек. Нам известно, что ты это сделал.

У сэра Ховарда сразу пересохли губы и затряслись поджилки. Рыцарь, хладнокровно бившийся в шести больших сражениях, спокойно укравший пленницу из-под самого носа у главаря бандитов, сейчас был перепуган насмерть. Когтистая рука прыгуна небрежно покоилась на рукоятке небольшого пистолета, торчавшего из кобуры на поясе. Подобно большинству людей, сэр Ховард приходил в ужас при одном виде ружей и пистолетов. Он понятия не имел, как эти штуки устроены. Прыгун просто направлял на неугодного свое безобидное на вид оружие. Затем мелькала вспышка огня, слышался не слишком громкий хлопок, после чего ты валился на землю уже мертвый, с небольшой аккуратной дырочкой в нагрудной пластине. Сопротивляться существам, наделенным подобной мощью, было гиблым делом. А когда бороться так безнадежно, бессмысленная храбрость поистине граничит с помешательством.

Сэр Ховард попробовал объясниться иначе.

— Я хотел сказать, ваше Превосходительство, что я действительно не помню, чтобы мне пришлось убивать Келли. Но ведь убийство человека человеком не противоречит высшему закону! — он имел в виду закон прыгунов.

Казалось, прыгун задумался.

— Да, не противоречит, — наконец проскрипел он, — но смерть Келли вызвала определенные затруднения, — прыгун сделал паузу, очевидно обдумывая повод для ареста. — Тем не менее, ты солгал, утверждая, что не убивал Келли, а наш высший закон запрещает лгать.

Легкий ветерок чуть шевелил ветви сосен. Сэр Ховард, холодея от страха, почувствовал приближение костлявой старухи Смерти.

— Здесь что-то не так, — снова заговорил прыгун. — Мы

должны разобраться с тобой и с твоей соучастницей.

Краем глаза рыцарь заметил, как Салли Миттен до крови закусила губы.

— Предъяви мне твое разрешение на поездку, человек.

Сердце сэра Ховарда прыгало в груди, стремясь при каждом ударе пробить ребра. Он подошел к Полу Джонсу, открыл отделение в седле, набитое бумагами. Покопавшись там, рыцарь выбрал циркуляр туристского агентства, рекламирующий все прелести отдыха на Тысяче Островов. Вернувшись, протянул циркуляр прыгуну.

Тварь наклонилась, чтобы взять бумагу. Меч рыцаря сверкнул на солнце и свистнул, рассекая воздух. Затем раздался глухой звук удара.

Сэр Ховард оперся на меч, ожидая, пока стихнет страшный шум в ушах. Он еще никогда в жизни не был так близок к обмороку. В нескольких футах от него валялась голова прыгуна, глаза-бусинки которой закрылись кожистой пленкой. Тело существа лежало у ног. Конечности твари слегка подергивались, загребая песок. Рядом образовывалась постепенно растущая лужица зелено-голубой крови, на которую медленно падали сосновые иголки.

— К-как же мы… что мы теперь будем делать? — спросила девушка. Ее шепот был едва слышен, глаза округлились от ужаса.

— Не знаю. Я не знаю. Никогда не слышал ни о чем подобном, — чтобы осмотреть дюны, он с трудом заставил себя отвести завороженный взгляд от мертвого прыгуна. — Смотрите, Хаас совсем рядом!

Кровь в его жилах сразу потекла быстрее. Большой помощи от чужеземца ожидать не приходилось, но в его компании все-таки было легче.

Парень с Запада ехал с беспечным видом, ласково похлопывая бедрами в кожаных штанах свою Куини по бокам.

— Эгей, люди! — крикнул он. — Потребовалось чертовски много времени, чтобы избавиться от этих, как вы их называете, лобстеров. Мне пришлось утопить… — увидев обезглавленного прыгуна, он резко остановился и длинно присвистнул. — Ого! Ничего себе… Я… это неважно. Знаешь, парень, мне давно казалось, что ты большой нахал, но чтобы кто-то решался на подобное дело… Такого никогда слышать не приходилось. Отчего ты не занялся чем-нибудь более безопасным? Ведь лучше было бы схватиться врукопашную с гризли или попытаться завязать узлом молнию! — он криво улыбнулся.

— Мне было некуда деваться, — сказал сэр Ховард.

Благоговейный страх Хааса помог рыцарю восстановить

самообладание. Что поделать, раз уж оседлал дикого жеребца по кличке Мятеж, оставалось только гнать его вперед со всей самоуверенностью, на какую способны были ван Слики.

— Прыгун потребовал мое разрешение и наверняка арестовал бы за подделку герба или за что-нибудь еще, — сэр Ховард познакомил друга с Салли Миттен и коротко описал события.

— Мы должны быстро убрать все следы, — вступила в разговор девушка. — Когда они патрулируют местность, как делал *этот*, то докладывают по радио в центр каждый час или около того. Когда доклад от *этого* не поступит, остальные начнут поиски.

— А как они ведут поиски, мисс? — спросил Хаас.

— Очерчивают большой круг с центром в точке, откуда поступил последний доклад, и закрывают по его границе все входы и выходы, а всю местность внутри держат под наблюдением с воздуха.

— Похоже на правду. Из того, что вы мне рассказали, *этот* был здесь с официальным заданием. Поэтому его приятели могут знать, где он находится. Значит, мы оказываемся в ловушке. Как убрать следы? Если мы его просто сожжем…

— Они могут спустить собак-ищеек, — сказала девушка.

— Хорошо бы утопить его где-нибудь. Но тот ручей, который течет поблизости, недостаточно глубок.

Сэр Ховард хмурился, внимательно разглядывая одну из крупномасштабных карт, купленных накануне вечером в Амстердаме.

— Вон там, за холмами, находится водохранилище Сакандага, — сказал он, указывая на север.

— Не годится, — сказала Салли Миттен. — Мы должны избавиться и от циклета. Вы не сможете перетащить его через хребет Максон. Но есть другой выход: машину можно бросить в Круглое озеро. Оно совсем недалеко, к востоку отсюда.

— Послушайте, мисс, никак вы держите в голове карту всей страны? — насмешливо спросил Хаас.

— Большую часть жизни я жила неподалеку отсюда. Теперь нам надо засыпать пятна крови чистым песком и хвоей. А вам, сэр Ховард, в первую очередь следует начисто протереть лезвие меча.

— Твоя маленькая леди весьма предусмотрительна, Хов, — спрыгивая с лошади, заметил Хаас. — Беремся за дело, друзья. Хватайте его за голову, то есть я хотел сказать — за плечи. Голове придется ехать отдельно. Старайтесь, чтобы на вас не попало ни капли этой голубой крови. Тащим его к циклету. Хорошо, что их машины держатся на двух колесах даже тогда, когда не двигаются. Будет легко толкать ее вперед.

— Пробейте несколько дырок в люците, — посоветовала Салли Миттен. — Тогда циклет утонет гораздо быстрее.

— Будь я проклят! По-моему, она способна предусмотреть все мелочи, — восхитился Хаас, ковыряя ножом тонкий колпак. Неожиданно он ухмыльнулся: — Знаешь, Хов, мне бы очень хотелось услышать разговоры других прыгунов, пока они его ищут и пытаются понять, что с ним случилось. Правда, я все равно не понимаю их канареечное чириканье. Скажите, мисс, у вас есть какая-нибудь идея насчет того, как нам выбраться из круга, если они начнут поиски раньше, чем мы успеем убраться подальше? И куда нам двигаться?

— Я покажу вам, мистер Хаас. Мне кажется, я знаю, как это сделать. Если уж столь отчаянные люди, как вы, хотят спрятаться, им лучше следовать за мной. Я могу привести вас в одно подходящее место, но нам надо поторапливаться. Кстати, вы не привезли какой-нибудь еды? Несколько минут назад я не смогла бы съесть ни кусочка, но теперь, когда можно не смотреть на *этого*, меня снова мучит голод. А сэр Ховард, наверное, смог бы съесть и слона.

— Все в порядке, черт возьми! По дороге я купил горячие сосиски. Представляю себе, насколько пусты сейчас ваши желудки. — Хаас выудил из сумки пару завернутых в целлофан большущих сандвичей. — Скорее всего, они слегка суховаты, но для вкуса вы можете намазать сверху немного «крови» с доспехов сэра Ховарда.

Девушка с отвращением посмотрела на темно-красные нашлепки, присохшие к доспехам. Тем временем сэр Ховард ухмыльнулся, отколупнул немного липкой красноватой массы и отправил ее в рот. Салли Миттен выглядела так, словно ее вот-вот стошнит, но мрачно последовала примеру рыцаря. Внезапно она улыбнулась и проворчала:

— Я вижу, вы большие юмористы!

— А что? Разве вы не любите земляничный джем? — хихикнул Хаас, уворачиваясь от едва не попавшего ему в нос девичьего кулака.

6

— Вон летит еще один флаер. Ничего не скажешь, свою работу они делают тщательно. Кто-нибудь видит, они уже добрались до воды? — спросила Салли Миттен.

Товарищи по несчастью лежали в маленькой сосновой рощице, осматривая ровную поверхность водохранилища Сакандага, уныло расстилавшуюся налево и направо, насколько

видел взгляд. Над их головами зигзагом пролетел черный силуэт нетерпеливой летучей мыши, едва дождавшейся ранних сумерек. На противоположной стороне водохранилища двигались маленькие предметы, издали напоминавшие муравьев; это были машины прыгунов. Один за другим на них начали зажигаться огни.

— Хотела бы я, чтобы темнота наступила быстрее, — продолжила девушка. — Удача нашего трюка зависит от точного расчета времени. Сейчас они уже почти у воды.

— Очень плохо, что мы не смогли убраться гораздо дальше, прежде чем они начали охоту, — заметил Хаас. — Тогда мы бы успели выскочить из круга. Послушай, Хов, предположим, они нас накроют. Как мы будем объяснять, кто мы такие?

— Я зарегистрировался в Олбани, — немного подумав, ответил сэр Ховард, — а целью своей поездки назвал Уотертаун и Тысячу Островов. Сказал, что собираюсь там половить рыбу. Прыгуны ведь ищут Уильяма Скрэнтона. Возможно, мне лучше просто быть самим собой?

— Возможно, — согласился Хаас. — Но в таком случае, тебе лучше избавиться от фальшивого герба. Он смоется водой?

— Нет, краска водостойкая. Чтобы ее смыть, нужен спирт.

— А разве не годится то лекарство от змеиных укусов, что хранилось в бутылке, в твоем седле?

— Что? Да ведь это отличное виски! Ну да ладно, черт с ним. Я думаю, смыть герб важнее.

Сэр Ховард с явным сожалением вытащил из седла бутылку. Хаас тем временем нашел в своем дорожном мешке носок, состоявший не столько из материи, сколько из дырок, покачал головой и проворчал, что его давно пора выкинуть. После чего плеснул на носок немного виски и принялся стирать с нагрудника краску.

— Послушай, — сказал он, — а как ты собираешься проплыть больше половины мили в твоей железной дымовой трубе?

— Ему не надо плыть в доспехах, — сказала Салли Миттен. — Мы разденемся.

— Что-о! — возмущенный голос Хааса сорвался. — Вы имеете в виду, что мы поплывем голыми? Все трое?

— Конечно. Может, вам хочется, чтобы мы потом всю ночь стучали зубами от холода в сырой одежде? Или, наткнувшись на прыгуна, объяснять ему, почему мы мокрые?

Хаас снова принялся за работу, ворча себе под нос:

— Вот уж не мог подумать! Всегда знал, что янки — странные люди, но не мог даже представить, чтобы настолько! Это ни в какие ворота не лезет. Послушайте, мисс, вы действительно

уверены, что мы не сможем удрать отсюда, обойдя водохранилище по краю?

— Боже мой, ну конечно — нет! Чем ближе к воде, тем плотней у них заслон. Вся идея в том, что они разорвут круг, когда выйдут к воде на дальней стороне. Те, которые подойдут к воде, разделятся, и каждая группа двинется вдоль своего берега, чтобы вновь сомкнуть круг уже здесь. Если мы будем в воде, когда это случится, и будет достаточно темно, чтобы они нас не заметили, то мы автоматически окажемся снаружи облавы.

— А как мы потащим жестянки Хова, если он их снимет? Если погрузить доспехи на наших лошадок, бедняжки могут пойти ко дну.

— Мы сделаем плот. Надо срубить несколько небольших сосен и связать их вместе веревками.

— Надеюсь, у нас это получится. Держи свой нагрудник, Хов; он в полном порядке. Думаю, сейчас уже достаточно темно, так что нас с берега не увидят, верно? — он встал на ноги, взял свою саблю и принялся срубать ветки с маленьких сосен. Рыцарь занялся тем же.

— Жаль, нет топора, — сказал он. — Мне не хочется слишком нагружать Пола Джонса. Какой делать плот?

— Зависит от веса твоих доспехов.

— Они потянут сорок два фунта. Но надо учесть вес копья — не хотим же мы, чтобы оно торчало из подставки, словно мачта. Кроме того, на плот надо положить меч, саблю, нашу одежду и всякие мелочи.

— Лучше сделать квадратный, четыре на четыре фута, в два наката.

— Поторопитесь, — сказала Салли Миттен. — Они уже вышли к берегу. Я вижу на воде отражение их огней.

— А кого ты утопил, Лайман? — спросил рыцарь.

— Видишь ли, я потратил чертову прорву времени на тех парней. Несмотря на тяжелые доспехи, они скакали быстро. А тот коротышка, что ими командовал, мчался впереди остальных, как дьявол, и светил на меня электрическим фонарем. Я пришпоривал Куини, пока она не начала тяжело дышать, но погоня все равно приближалась. Поэтому… слушай, как называется та речка, что течет через Бродальбин?

— По-моему, ручей Кенниатто Крик.

— Ну вот, когда я добрался до мостика через этот Кенни… Кенниатто Крик, — осторожней, Хов, ты слишком сильно тянешь за свой конец веревки, — то взял и свернул прямо в речку. Я нашел удобное место под деревьями, где было темно; вода там доходила почти до брюха Куини. Когда лобстеры выскочили на

мост, я набросил лассо на того коротышку. Он грохнулся вниз в своих доспехах, а глубина под мостом оказалась около десяти футов. Плохо то, что мне пришлось разрезать мой отличный ремень, оставив большую его часть в ручье, потому как если бы я держал его натянутым, парень смог бы по нему выбраться. Разумеется, его приятели принялись рыскать вокруг, чтобы узнать, почему их главарь вдруг решил попить водички. Потом, когда я возвращался, мне пришлось купить ремень в лавке, только мне он не понравился. Гораздо лучше управляться с ремнями, которые сделаны у нас на Западе. С ними я здорово насобачился. А с новым мне сперва придется как следует попрактиковаться, ведь даже плот вязать им неудобно.

— Ясно, — сказал сэр Ховард. — Так вот почему прыгуны считают, что я убил Уоррена Келли. Они ничего не знают про тебя, но зато знают, что я или кто-то другой назвался в замке Уильямом Скрэнтоном.

— Ты имеешь в виду, что я утопил самого крутого в этой округе парня? Ну и дела! Думаю, плот уже готов. Послушайте, мисс, сейчас мы положим его на седло Хова, а вы придерживайте плот сбоку, чтобы он не потерял равновесие, пока мы ведем лошадей.

Минут через десять впереди раздался металлический звон.

— Забор из колючей проволоки, — тихо сказал сэр Ховард, — похоже, высотой около десяти футов. Думаю, с высокого берега мы его просто не видели.

— Очень мило, — сказал Хаас. — Следовало бы помнить: вокруг водоемов с питьевой водой люди всегда ставят ограды, чтобы туда не забирались и не тонули животные. У тебя случайно нет кусачек, Хов?

— К сожалению, нет, — вздохнул рыцарь. — Придется резать твоим охотничьим ножом.

— Да ты что! Этого нельзя делать. Изуродуем отличное лезвие!

— Ничем не могу помочь. Свой кинжал я испортил, когда открывал в замке дверь мисс Салли Миттен. Поэтому перестань скандалить.

Получив нож, рыцарь стал резать проволоку. Некоторое время в темноте слышались только тихие ругательства и звон лопавшейся стали.

— Порядок, — наконец прошептал он. — Если пригнуть лошадям головы, они пройдут. Не забудь вытащить мою зубочистку из подставки, ладно?

Когда они пробрались под оградой, сэр Ховард сказал:

— Подойди сюда, Лайман, будешь держать проволоку, пока я

соединяю концы. Нам не нужна реклама, извещающая прыгунов, где мы прошли.

— Тише, — сказала Салли Миттен, — звуки слишком хорошо разносятся над водой. Надо торопиться; прыгуны уже подходят к водохранилищу. Это видно по огням.

Действительно, огоньки на дальнем берегу разошлись направо и налево.

— Скажите, мисс, — грустно прошептал Хаас, — а можно мне не снимать хотя бы нижнее белье? Я весьма застенчив.

— Нет, — раздраженно сказала девушка. — Нельзя! Если вы так сделаете, то подхватите воспаление легких, и мне потом придется с вами нянчиться. Не волнуйтесь, смотреть на вас будут только звезды.

— Я уже з-замерз, — продолжал ныть крутой парень с Запада. — По-моему, Хов собирается всю ночь снимать с себя эти железки.

Сэр Ховард оторвался от своего многотрудного дела, чтобы взглянуть на двух привидений, которые обнимали себя за плечи и подпрыгивали на месте, пытаясь хоть чуть-чуть согреться.

— Ступайте вперед и закрепите веревки, — проворчал он. — Я буду готов через несколько минут. Мне еще надо проверить, аккуратно ли уложен груз, иначе утонет часть амуниции, а такие штуки нынче стоят недешево.

Все приготовления были, наконец, закончены. Плот, нагруженный стальными предметами и одеждой, лежал на песке. От него тянулись прочные веревки, привязанные к седлам Куини и Пола Джонса.

— Полный порядок, — сказал сэр Ховард. — Вперед!

Хлопнув мерина по крупу, он вошел в воду. Лошади явно не желали плыть; поэтому их пришлось тянуть и понукать. В конце концов, животные все-таки оказались на глубокой воде, таща за собой плот с грузом.

Только сэр Ховард задумался о том, насколько приятна тихо журчавшая теплая вода, как вдруг что-то ударило его в левый глаз.

— Черт возьми! — прошептал он. — Вы хотели, чтобы я ослеп?

— А что я такого сделала? — послышался ответ.

— Стукнули меня пяткой в глаз! Почему вы не держитесь за веревку со своей стороны?

— Я и так на своей собственной стороне! Почему бы именно вам не держать голову подальше от моих ног?

— Ах, вот как? Ну, сейчас я до вас доберусь, юная леди!

Перебирая веревку руками, он стал подтягиваться вперед. Но

девушка нырнула, словно тюлень. Рыцарь приложил одну руку к глазам, вглядываясь в поверхность воды, искрящейся звездным блеском. Вдруг две тонкие, но удивительно сильные руки схватили его за лодыжки и утащили вниз.

Когда он вынырнул, вытряхивая воду из ушей, сбоку послышался разъяренный шепот Хааса:

— Ради всего святого, немедленно прекратите ваше ватерполо! Вы плещетесь, словно парочка пьяных китов!

Они разом затихли. Кроме кваканья лягушек, теперь слышались только тяжелое дыхание лошадей да журчание скользящей мимо воды.

Время тянулось медленно. Противоположный берег по-прежнему казался далеким. Затем его неясные очертания вдруг стремительно надвинулись, и ноги коснулись дна. После полного безмолвия плеск, поднятый бредущими по отмели лошадьми, загрохотал, как Ниагарский водопад.

Они лежали на песчаном берегу.

— Теперь видите? — сказала Салли Миттен, начертив на песке подобие карты. — Вот здесь водохранилище, а вот здесь — мы. Мои друзья живут в Адирондакских горах. Можно пойти туда вот таким путем, мимо Сакандагских озер. Там есть хорошая дорога, но как раз поэтому по ней очень оживленное движение. Мы же хотим стать как можно менее заметными. Лучше для нас двигаться по этой стороне реки Сакандага, а потом вдоль ее западного притока до озера Пайсеко. Оттуда мне известна тропа, ведущая в наши края мимо озер Сед ар. Идти будет непросто, зато мы почти наверняка никого не встретим.

Обычно я хожу в Амстердам, спускаясь мимо Спекулейтора и лагеря Перкинса; там проходит старая дорога, она в довольно хорошем состоянии. Большинство нужных нам товаров мы покупаем в Спекулейторе, а в Амстердаме я бываю лишь раз в месяц или около того. И мне просто повезло, что я оказалась там, когда они… — девушка вдруг замолчала.

— А как вы добираетесь до Амстердама? — спросил сэр Ховард. — Похоже, это довольно долгая прогулка.

— Конечно долгая, но у меня есть велосипед. То есть, я хотела сказать, у меня был велосипед. Последний раз я его видела, когда прислоняла к стене дома в Амстердаме. Потом ему наверняка «приделали ноги». Жалко. Вдобавок, в замке Келли осталась моя единственная приличная шляпка. Обычно на поход в Амстердам у меня уходило добрых два дня, но сейчас потребуется гораздо больше времени, поскольку по хорошим дорогам мы не пойдем, — она тщательно заровняла карту. — Надо убрать с

песка все наши следы. И следы копыт тоже.

— Как вы думаете, почему прыгуны так беспокоятся насчет Келли? — спросил рыцарь. — Ведь обычно они не вмешиваются в раздоры людей.

— Разве вы не знаете? Они тайно стояли за его спиной; открыто такие вещи обычно не делают. Владения Шенектади стали слишком большими, поэтому они поддерживали делишки Келли, чтобы разрушить баронетство. *Divide et impera!*

— Что-что?

— Это по латыни: разделяй и властвуй. Такова их система — держать людей подальше друг от друга, разделенными на малюсенькие, враждующие штаты размером с почтовую марку.

— М-м. Кажется, вы знаете о *них* довольно много.

— Да. Я очень долго изучала *их* нравы.

— Похоже на то. Ваши слова дают немало поводов для раздумий. Как вы полагаете, захотят ли ваши люди… ваши друзья… принять пару чужеземцев, да еще с нашей весьма подмоченной репутацией?

— Как раз наоборот, сэр Ховард…

— Знаете, я бы предпочел, чтобы вы пропускали слово «сэр».

— Да? Тому есть какая-то особая причина?

— Н-ну… Даже не знаю, как объяснить, но… наверно… ну, может быть, это выглядит достаточно глупо. Мне кажется, мы стали друзьями. В общем, вы с Хаасом точно такие же люди, как я, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Теперь мне понятно, — спокойно улыбнувшись, сказала девушка. — Вы с ним как раз такие люди, которых мы ищем: это те, кто осмеливается поднять *на них* руку. Подобных людей немного, они сильно отличаются от остальных и не смогут больше вернуться к прежнему образу жизни.

Пока они говорили, звезды в небе слегка потускнели, а из-за черной линии горизонта стал подниматься желтоватый, испещренный пятнышками диск, окрасивший их кожу в бледно-золотые тона.

— Боже праведный! — сказала Салли Миттен. — Я совсем забыла про Луну. Надо одеться и быстро сматываться отсюда. Слава богу, я уже высохла. Лайман!.. Ничего себе, он спит!

Хаас лежал ничком, подсунув руку под голову, и легонько посапывал во сне.

— Парня не в чем винить, — сказал сэр Ховард. — Он задремал первый раз за последние тридцать шесть часов. Но ничего, сейчас проснется, — рыцарь наклонился над лежащим и слегка развел в стороны чуть согнутые ладони. Салли Миттен едва успела схватить его за запястья.

— Нельзя! Сейчас это прозвучит не хуже ружейного выстрела. Такой хлопок *они* услышат даже в Амстердаме, — девушка тихонько рассмеялась. — Но вам, конечно, жалко упустить такой случай, не правда ли?

— Вы хромаете, Ховард, — сказала Салли Миттен.

Она сидела в его седле; в лодыжках ее штаны были стянуты бечевкой. Позади нее на Поле Джонсе также ехали слегка позвякивавшие доспехи рыцаря, разобранные на части и связанные в аккуратный сверток.

— Вовсе нет, — ответил он, — во всяком случае, не сильно. Просто натер еще один волдырь.

Уже четвертый день они пробирались по Адирондакским горам. Сэр Ховард в верховых сапогах шел впереди, заметно припадая на ногу и используя копье как альпеншток. На голове был красный берет, натянутый по самые уши. Лайман Хаас замыкал шествие, мерно качаясь в седле и лениво перекатывая во рту сигарету. Несмотря на жару, все они были в перчатках, прятали лица за высоко поднятыми воротниками и постоянно хлопали себя руками то по лбу, то по щекам.

— Просто еще один волдырь! Стойте, молодой человек, и мы быстро управимся с этим делом. У вас есть бинт? Вам сегодня больше нельзя идти. Ваши бриджи и сапоги хороши для верховой езды, но совсем не годятся для прогулок по здешним местам.

— Это все пустяки. Кроме того, сейчас моя очередь идти. Судя по расписанию, еще полчаса.

— Накиньте на упрямца лассо, Лайман!

— Лучше сразу делать то, о чем просит леди, — наставительно сказал Лайман. — Знаете, мисс, у него в самом деле есть йод и марля в одном из отделений седла. Воистину волшебное седло. Загадываешь желание, просишь сделать фокус-покус, жмешь на кнопочку, и наружу выскакивает то, чего ты хотел. Теперь вы понимаете, почему у Хова такая громадная лошадь? Никакая другая не смогла бы утащить на себе столько барахла. Мне иногда кажется, что ему следовало бы арендовать на железной дороге слона.

— Прямо как Белый рыцарь, — сказала Салли Миттен. — А у меня нет с собой даже зубной щетки!

— Как кто? — спросил сэр Ховард.

— Как Белый рыцарь; есть такой персонаж из книжки «Алиса в Зазеркалье». Не найдется ли случайно среди ваших запасов пара мышеловок и улей? Нет? Странно. А вот у него они были.

— Вот как? — переспросил Лайман. — По-моему, тот парень был чудак, каких поискать. Теперь, Хов, клади ногу вон на тот

корень, а я потяну за сапог. Уф-ф! — сапог, наконец, соскочил, обнажив два опухших пальца в дырявом носке. — Скажи-ка мне честно, — поинтересовался Хаас, принюхиваясь к густому аромату, — давно ли скончалась твоя нога? Ч-черт! — он с размаху ударил себя по щеке.

— Я же предупреждала, что сейчас сезон мошки, — флегматично заметила Салли Миттен. — Он продлится несколько недель.

— У меня нет мышеловки, — грустно сказал сэр Ховард, — но зато есть механическая бритва, маленькая кинокамера и два бинокля. Понимаете, мое любимое хобби — наблюдать за птицами. Рыскать по лесу, выслеживая желтоклювых кукушек и золотоголосых соловьев. Мой брат Фрэнк частенько говорил, что это — единственная хорошая черта моего характера. — Рыцарь хлопнул себя по подбородку, обильно покрытому кровоточащими прыщами от укусов. — Наверно, придется надеть доспехи; ими хоть можно прикрыться от паразитов, если только они уже не научились прокусывать сталь, — раздался новый звучный шлепок. — Мне кажется, эта тропа больше похожа на непроходимые джунгли. Почему никто ее не прочистил топором и косой?

— В том-то и дело! — ответила Салли Миттен. — Если бы тропа была хорошей, по ней ходило бы много народа, а моим друзьям это не нужно. Мы нарочно сажаем там, где хотим избежать появления посторонних.

— Да, здесь самый густой кустарник, какой мне когда-либо попадался, — вздохнув, согласился Хаас. — В моих краях совсем другое дело: там отличный лес, весь просматривается, а в этих зарослях уютно чувствуют себя только змеи, — он закурил сигарету и продолжил:

— Теперь мне понятно, что вы называете горами. Боюсь, янки просто не знают, что такое настоящие горы. Взять хотя бы холмик Оррей, который вы мне показали. Да у нас, в Вайоминге, такую кротовью кучку постеснялись бы назвать горой и даже не удосужились бы дать имя. Скажите, мисс, много болот нам еще придется переходить? Меня вообще удивляет, как вы умудряетесь бродить ночью в таких местах, не попадая в болотные окна и топи. Я думаю, у тех, кто здесь живет, давно должны вырасти утиные перепонки на ногах.

— Ну, — сказала Салли Миттен, — болота кончились. Мы уже прошли озера Седар. Посмотрите туда: за этими верхушками видно вершину горы, это Маленький Лось. Именно туда мы идем, — девушка опять хлопнула себя по шее.

7

Салли Миттен сказала, что хочет пройти вперед, предупредить друзей. Через минуту она уже ловко карабкалась вверх по крутому склону, цепляясь руками за кусты и ветки. Двое мужчин продолжали медленно подниматься следом за ней.

— Будь я проклят, — сказал Хаас, — по-моему, меньше риска было ехать открыто, чем продираться по дебрям, которые они здесь называют тропой.

Сэр Ховард следил за удаляющейся фигуркой девушки, уже ставшей не больше большого пальца. Вокруг не было видно никаких следов обитания. Однако вскоре из тополиной рощицы появился сначала один мужчина, потом другой. Даже на таком расстоянии рыцарь смог увидеть радостные объятия и поцелуи. Он почувствовал легкие уколы, напоминавшие ревность; одновременно его разбирало любопытство: к какому это «особому сорту людей» причисляла себя девушка?

Когда они с Хаасом добрались до террасы, где росли тополя, Салли Миттен еще продолжала оживленный разговор. Услышав, что они спешились, девушка обернулась и представила хозяев.

— Мистер Элсмит, наш руководитель, — начала она с первого мужчины. Тому было лет под пятьдесят; из-за очков его карие глаза спокойно рассматривали прибывших. Он пожал им руки с искренним дружелюбием, говорившим больше, чем любые слова. — А это, — продолжила девушка, — Эли Кахун.

Второй был явно старше. Ветхая фетровая шляпа прикрывала его густые седые волосы. На нем была одежда, типичная для обитателей северных лесов. Штаны держались на одной широкой подтяжке, а нижние края были подвернуты почти до самого верха заляпанных грязью высоких шнурованных ботинок.

— Лайман, вы частенько называли нас янки, — напомнила Салли Миттен, — Так вот, Эли может служить лучшим образчиком этой породы; он прибыл к нам из штата Мэн.

Сэр Ховард тем временем разглядывал местность. При ближайшем рассмотрении то, что он сначала принял за пещеру, оказалось добротным просторным одноэтажным домом, прилепившимся к склону горы и почти незаметным под многими тоннами наваленной сверху земли: он был искусно закамуфлирован растительностью. Разглядеть его удавалось, лишь подойдя чуть ли не вплотную.

Кахун подвигал длинной челюстью, потом открыл тонкогубый рот, показав неровные желтоватые зубы, и сплюнул в сторону коричневую табачную струйку.

— Отличная работа, — сказал он, — нам здорово повезло, что вы сумели вытащить Салли из того замка. — Его руки были сильными и мускулистыми; двигался Кахун мягко, как кошка.

— Это было не так уж трудно, — растягивая слова, ответил Хаас. — Я всего лишь обложил парней парочкой крепких ругательств, они жутко обозлились, а Хов нашел ту комнату и умыкнул девушку, покуда чудаки гонялись за мной по всей округе.

Увидев, что Элсмит уже на ногах и полностью одет, сэр Ховард изрядно удивился. Хозяин улыбнулся, продемонстрировав длинные резцы. Он чем-то напоминал рыцарю дружелюбно настроенного кролика.

— Мы здесь встаем рано, — сказал он. — Лучше бы встать и тебе, если ты не прочь позавтракать. Хотя не думаю, что тебе захочется есть после того обеда, что ты умял вечером.

Сэр Ховард потянулся, напрягая свои мощные мускулы. Какое все-таки удовольствие — для разнообразия хоть разок поспать на настоящей кровати!

— Я могу есть всегда! — мечтательно сказал он. — Придерживаюсь того принципа, что пока предлагают, надо съедать все, ведь в один прекрасный день можно остаться совсем голодным. По правде говоря, когда мы добрались сюда, то уже мечтали попробовать салат из березовой коры, сдобренный соусом из болотной тины. А если б Хаасу не удалось по дороге подстрелить олененка, мы были бы еще голоднее!

За завтраком сэр Ховард, чья наблюдательность за последние дни заметно возросла, держал ушки на макушке, присматриваясь к хозяевам. Элсмит говорил как человек благородного происхождения, а под благородным происхождением рыцарь понимал принадлежность к его собственному классу феодальной аристократии. В некотором смысле, так оно и было. Сэр Ховард решил, что Элсмит, вероятней всего, был мелкопоместным дворянином, который чем-то досадил прыгунам и теперь должен скрываться. Салли Миттен называла его дядюшкой Хоумером. С другой стороны, в девушке и в Элсмите проявлялась склонность к широкому использованию непривычных слов и абстрактных понятий, чем они оба сильно отличались ото всех других людей, которых прежде знал рыцарь. А вот Кахун, произносивший собственное имя на одном дыхании, определенно не был джентльменом. Однако в тех редких случаях, когда он вообще позволял себе говорить, его высказывания с ярко выраженным акцентом янки свидетельствовали о сочетании острого ума и такой проницательности, которую сэр Ховард никак не мог

ожидать от представителя низшего класса.

После завтрака рыцарь слонялся без дела, покуривая трубку и размышляя о будущем. Хоть он и спас девушку, но нельзя же просто так сидеть здесь, бесконечно пользуясь радушием хозяев. Сэр Ховард был уверен, что от него чего-то ждут, и пытался понять, чего именно.

Вскоре его раздумьям был положен конец.

— Пойдем с нами, ван Слик, — сказал Элсмит. — Сегодня мы сажаем картошку.

У сэра Ховарда отвисла челюсть; сословная гордость невольно восстала:

— Мне?! Сажать картошку?.. — рыцарь был не столько возмущен, сколько изумлен до крайности.

— Ну да, а что тут такого? Мы же сажаем, — Элсмит чуть заметно улыбнулся. — Знаешь ли, ты попал в другой мир и увидишь здесь много такого, что тебя удивит.

Будь ответ хозяина резким, уязвленный до глубины души рыцарь немедленно удалился бы. Но сейчас инстинктивно зародившееся негодование улетучилось.

— Полагаю, вы правы. Я действительно очень многого не знаю.

Смиренно сажая картошку в рядок на малюсенькой делянке, сэр Ховард спросил Элсмита:

— Вам приходится выращивать все, что потом идет в пищу?

— Почти все. Мы держим несколько куриц, каждый год выращиваем поросенка, а Эли иногда удается подстрелить оленя. Еще по склонам горы кое-где есть поддоны, в них мы на гидропонике растим овощи; конечно, они хорошо спрятаны. Если я не покажу, вы их никогда не найдете. Просто удивительно, сколько овощей можно вырастить так на крошечной площади.

— Разве можно растить овощи на гидропо… ну, в поддонах?

— О да. Когда-то давно люди широко пользовались гидропоникой. Но прыгуны решили, что высвобождается слишком много свободного времени, и запретили такой метод. Они вообще погубили массу хороших идей.

Для сэра Ховарда подобные речи напоминали вспышки молнии в темноте, на краткий миг освещавшие огромную страну, о существовании которой он даже не подозревал.

— Вы приходитесь Салли дядюшкой? — сменив тему, спросил он.

— Нет. На самом деле, она — мой секретарь. Ее отец — мой самый лучший друг. Он построил этот дом. Эли у него работал, а потом остался со мной, когда мистер Миттен шесть лет назад умер.

Во второй половине дня Элсмит объявил, что ему необходимо заняться корреспонденцией, а возни с картошкой на сегодня хватит. Войдя в дом, сэр Ховард обратил внимание на акварельные пейзажи, висевшие на стене в гостиной.

— Это ваши работы? — спросил он.

— Да. Мы отправляем акварели контрабандой в Нью-Йорк, их подписывает один художник, а потом продает как свои.

— К чему вам эти недостойные трюки?

— К сожалению, без них не обойтись. Художник в Нью-Йорке — мой хороший приятель. Мы не особо нуждаемся в наличных здесь, но иногда деньги все же нужны; часть мы добываем таким путем. По той же причине Эли ставит зимой ловушки на пушного зверя.

Знаешь, Ховард, теперь я должен пару часов подиктовать Салли. Почему бы тебе не посмотреть наши книги? — Элсмит указал на полки, почти полностью занявшие длинную стену комнаты. — Я бы порекомендовал вот эту… эту… и две эти.

По большей части, книги были очень старые. Их пожелтевшие страницы, видимо, обработали тончайшим слоем прозрачного лака. «Наверно, противогнилостное средство», — подумал сэр Ховард. Читать он начал неохотно, скорее, из уважения к хозяину, чем по другой причине. Однако одна удивительная фраза следовала за другой, и чтение его захватило полностью…

Он даже вздрогнул, когда возникший перед ним Элсмит спокойно спросил:

— Как тебе понравилось?

— Боже праведный, неужели я читал несколько часов? Только боюсь, что не слишком далеко продвинулся. Никогда не любил много читать, а, кроме того, кое-что пришлось искать в словаре.

Честно говоря, не знаю, что и думать. Если в них написана правда, то все мои понятия о мире летят кувырком! Взять хотя бы ту книгу, где рассказано, откуда на Земле взялись люди. В ней написано совсем не то, чему меня учили в школе. И потом, люди занимались наукой, правительства управляли целыми континентами, причем там нет никакого упоминания, чтобы сверху над этими правительствами стояли прыгуны… Нет, просто не могу принять все это сразу.

— Такой реакции я и ждал, — сказал Элсмит. — Знаешь, ван Слик, в жизни многих людей бывает такой момент, когда они пересматривают свои взгляды и начинают подозревать, что многие вечные истины, усвоенные ими с детства, не являются ни вечными, ни истинами.

Тогда люди делают либо одно, либо другое. Некоторые принимают решение держать свой разум открытым, наблюдать,

задавать вопросы, экспериментировать, пытаться понять, какова истинная природа Человека и Вселенной. Но другие, а их большинство, чувствуют себя неуютно. Чтобы избавиться от душевного дискомфорта, они подавляют сомнения и убаюкивают себя догмами собственного детства. Желая избежать и дальше разлада в собственной душе, они даже воздействуют силой на тех, кто не хочет придерживаться их точки зрения.

Ты, мой мальчик, сейчас должен сделать этот выбор. Продумай его хорошенько.

После обеда сэр Ховард сказал Элсмиту:

— В одной из тех книг говорится о том, насколько важно получить как можно больше информации до того, как у вас сложится окончательное мнение. То, что я видел и слышал за несколько последних недель, заставляет думать о многих вещах, а информации у меня слишком мало. К примеру, прыгуны: откуда они взялись, и кто они такие?

Элсмит уселся поудобнее и зажег сигару.

— Это длинная история. Прыгуны появились на Земле около трехсот лет назад. Никто не знает, откуда именно, но совершенно ясно одно: их планета находится далеко от Солнечной системы.

— Что-что?!

— Ну, полагаю, вас учили в школе, что Солнце вращается вокруг Земли, не так ли? Так вот, это неверно. Наоборот, Земля и другие видимые нами планеты вращаются вокруг Солнца. Объяснять тебе это сейчас я не стану, в книгах все подробно описано. Для краткости скажем так: они просто попали сюда из другого, очень далекого мира на огромной летающей машине.

В то время человечество жило примерно так, как рассказано в последних главах исторических книжек.

Прыгуны приземлились в почти необитаемой части Южной Америки, где их никто не увидел, кроме нескольких дикарей, что не играло никакой роли. На космическом корабле вряд ли было больше нескольких сотен прыгунов.

Но, видишь ли, они, как и следовало ожидать, очень сильно отличались от всех представителей живого мира, существовавшего на Земле. По виду они напоминали огромных прыгающих крыс, но сходство было чисто внешним. У земных млекопитающих такого размера скелет находится внутри, а не снаружи, как у насекомых; кроме того, им нужны глаза, чтобы видеть, нужен рот, чтобы есть, и так далее. Если же вскрыть прыгуна, а я их вскрывал, то сразу будет видно, что их внутренние органы устроены совсем не так. Даже волосы совсем другие. Под микроскопом видно, что каждый отдельный волосок

представляет собой нечто вроде маленькой метелочки. Химические отличия тоже очень велики. Кровь у них голубая, окраску ей придает гемоцианин, как у насекомых. А у человека или у оленя кровь красная благодаря гемоглобину. Поэтому прыгуны не могут скрещиваться ни с какими земными животными.

У тех, кто подобно мне изучал прыгунов, сложилось мнение, что температура на их далекой планете выше, чем у нас, а кислорода в атмосфере заметно меньше. Кроме того, их планета больше, и гравитация на ней гораздо больше. Именно поэтому они легко могут совершать на Земле такие огромные прыжки. Из-за сильной гравитации атмосфера там гораздо плотнее. Голос их так пронзителен именно потому, что звуковой аппарат приспособлен к более плотной среде. Большинство людей знает, что прыгуны — яйцекладущие и бисексуальные существа. Они растут очень быстро, достигая половой зрелости через год после того, как вылупятся из яйца. Благодаря этому они так легко завоевали Землю. В их корабле хранились тысячи, а возможно, — миллионы яиц в огромных инкубаторах, которые были запущены сразу после приземления. Поскольку прыгуны оказались в краях, покрытых буйной растительностью, никаких проблем с пищей у этих вегетарианцев не возникло.

В то время их наука опережала нашу, но не настолько, чтобы мы не смогли нагнать их за прошедшие триста лет при нормальном развитии событий. Наука, безусловно, в большой мере помогла им преобразовать деревья, воду и почву в средства завоевания, но в не меньшей степени сыграли роль и неожиданность их появления, и невероятное число пришельцев.

К тому же надо учесть, что людям того времени они казались существами скорее забавными, нежели угрожающими. Их быстро перестали считать забавными после того, как через неделю после своего появления они завоевали всю Южную Америку. С тех пор никто не делал подобной ошибки, но было уже слишком поздно. Вскоре за Южной Америкой последовала Африка. Их летающие машины оказались быстрее наших самолетов; их взрывчатка была гораздо мощнее; их артиллерия и стрелковое оружие стреляли быстрее и точнее. Кроме того, у них было особое оружие: конвульсионные лучи, протонные бомбы и карабины-молнии.

По сути дела, эти хитроумные устройства совсем не так хитроумны, как тебе может показаться. Излучатель конвульсионного луча испускает поток Y-частиц, о которых ты можешь прочесть в книгах. Частицы воздействуют на нервную систему человека, резко усиливая двигательные нервные импульсы. Теперь предположим, что луч попадет на вас, когда вы

собираетесь всего лишь взять чашку. Мускулы прореагируют так сильно, что рука, чашка и кофе полетят вам в лицо. Теперь понятно, почему тело становится полностью неуправляемым, когда на него попадает такой луч?

Или возьмем протонную бомбу. Одна такая бомба весит около тонны; внутри есть ионы водорода, сжатые до размеров небольшого шарика. Они-то и вызывают ужасные разрушения. Но основная часть бомбы — это аппаратура, создающая электрическое поле, которое не дает ионам разлетаться под действием естественного взаимного отталкивания. При отключении поля ионы сразу разлетятся с огромной скоростью. У прыгунов предусмотрена защита от таких бомб на тот случай, если людям вдруг удастся одну из них украсть; мы называем ее Х-лучом. Эта штука представляет собой огромный рентгеновский излучатель, который во много миллионов раз мощнее медицинских аппаратов. Его лучом можно с большого расстояния отключить электрическое поле, удерживающее протоны внутри бомбы.

Но давай вернемся к истории. Евразия и северная Америка некоторое время держались, и люди стали надеяться, что смогут победить. Но это была ошибка. Прыгуны просто приостановили нападение, выжидая, пока их второе поколение повзрослеет. Когда им того хочется, они могут быть фантастически плодовиты и, как только первый выводок достиг половой зрелости, они тут же отложили многие миллионы яиц. Еще надо иметь в виду, что у людей лишь пятая часть мужчин по возрасту и здоровью способна нести военную службу, а каждый прыгун, за редчайшими исключениями, готов сражаться через год после рождения.

У них было еще одно преимущество: иммунитет к возбудителям всех известных на Земле заболеваний; хотя они привезли с собой несколько своих, но не слишком серьезных. В обратную сторону это правило не действовало. Вероятно, прыгуны преднамеренно рассеяли множество своих вирусов и бактерий, одна из которых сочла человеческое тело великолепной средой обитания и вызвала жуткую эпидемию смертельной болезни, ее назвали голубым бешенством. Тогда погибла, по меньшей мере, половина человеческой расы. Так или иначе, но прыгуны победили.

— А повторялись ли с тех пор вспышки голубого бешенства? — спросил сэр Ховард.

— Нет. По-видимому, часть людей изначально имела к нему сопротивляемость. Все, кто ее не имел, умерли. Поскольку мы все — дальние потомки выживших, то каждый из нас унаследовал необходимый иммунитет.

Однако прыгуны не уничтожили человечество, хотя имели такую возможность. Мы можем даже поставить это им в заслугу. Вероятно, оценив довольно высокую ступень человеческой цивилизации, наши производительные способности, они решили стать правящей расой, а людей использовать для работы на фермах и для обслуживания механизмов, пока они увеселяют себя попрыгуньими забавами, самой любимой из которых является издание всяческих законов и указов. Возможно, они даже в каком-то смысле сочувствуют нам, хотя это трудно себе представить, — Элсмит посмотрел на часы и поднялся из кресла. — Уже перевалило за полночь. Вы можете читать дальше, если хотите, а мне пора на боковую. Спокойной ночи.

Чуть выше лагеря была травянистая полянка с травкой и пнем посередине. На пне сидела Салли Миттен, с весьма довольным видом покуривая сигаретку. По кругу маршировал сэр Ховард. Но смотрел он не на девушку в центре, как того можно было ожидать, а на Лаймана Хааса. Парень с Запада также шагал по кругу, но гораздо большего радиуса; на его лице застыло страдальческое выражение человека, который ради дружбы готов смириться со многими неприятностями.

— Чуть помедленнее, Лайман, — попросил рыцарь.

— Боже правый! — воскликнул появившийся на поляне Элсмит. — Кто-нибудь может объяснить, что происходит? Вы разучиваете новый танец?

— Нет, — остановившись, ответствовал сэр Ховард. — Просто проверяю гипотезу Копа… или не Копа?., а, вспомнил, — гипотезу Коперника. Ну, знаете, про движение планет. О том, почему иногда кажется, что порой они движутся по небу в обратном направлении.

— То есть, о ретроградном движении?

— Ну да. Салли у нас изображает Солнце, я — Землю, а Хаас представляет Марс. Я наблюдал за ним, чтобы увидеть, покажется ли мне, что он начинает двигаться назад, проходя мимо тех дальних деревьев. Вы… ну, в общем… вы не возражаете против моей проверки?

— Совсем наоборот, мой мальчик. Мне хотелось бы, чтоб ты проверял все, рассказанное мною или прочитанное в книгах. Во всяком случае, когда есть возможность. Ну и как? Лайман совершает ретроградное движение?

— Ага. Всякий раз, когда я прохожу мимо, он пятится назад, как рак.

— Что ты имеешь в виду, называя меня раком? — проворчал Хаас. — Я все время иду вперед.

— Конечно, вперед, но относительно меня ты все же движешься назад. Я не могу это хорошо объяснить; придется показать тебе соответствующее место в книге.

— Ты читаешь много книг, Хаас? — поинтересовался Элсмит.

— А как же. Мне иногда нравится что-нибудь почитать, только я разбил свои очки в Нью-Йорке. А с тех пор я нигде не задерживался достаточно долго, чтобы заказать себе новые. Получилось так. Я зашел в бар, очки лежали у меня в кармане рубашки, ну а потом слегка поспорил там с одним парнем. Он утверждал, что ребята на Западе родятся с хвостами. Безусловно, я мирный человек, но уж тут…

— Все в порядке, Лайман, — успокаивающе сказала Салли Миттен. — Мы же там, у водохранилища, отлично видели, что у тебя нет хвоста. По крайней мере, сзади. Правда, Ховард?

Верхняя, незагорелая часть лба Хааса побагровела.

— А… Ну да… Так что там наконец с этими планетами? Мне хотелось бы разобраться с ними до конца…

8

— Вы расскажете мне еще что-нибудь о прыгунах сегодня вечером? — спросил сэр Ховард.

Элсмит задул спичку и кивнул.

— Всегда закуриваю сигару прежде, чем приступить к лекции, а потом она сгорает дотла, пока я говорю и не могу держать ее во рту. Глупо, не правда ли?

Ладно, начнем, где остановились. Прыгуны увидели, что им придется создать другую модель человеческого общества, если они намерены держать его под контролем. В особенности потому, что люди по-прежнему многократно превосходили их численно, а захватчики считали такое превосходство выгодным с экономической точки зрения. Но они не могли позволить нам набрать прежнюю силу. Так в чем же был источник этой силы?

Во-первых, раньше люди пользовались мощными механизмами. Некоторые из них двигались по шоссе, другие летали по воздуху, третьи ходили по морю, четвертые бегали по железным дорогам. И прыгуны, продолжая пользоваться такими машинами, запретили это людям. Прежде единые правительства управляли огромными странами, но прыгуны устранили такую опасную ситуацию, разделив большие страны на малюсенькие государства. Социальное устройство общества, где способные люди могли подняться к самым вершинам, несмотря на свое происхождение, также представляло угрозу. Поэтому прыгуны изучили нашу историю и решили, что лучшей защитой от такой

угрозы будет феодальная кастовая система. По той же причине были объявлены вне закона научные исследования и инженерные разработки, если не считать узкой области, необходимой для поддержания промышленного производства и сельского хозяйства.

Они изъяли из употребления все изобретения, которые могли бы стать для них опасными. К примеру, известно ли тебе, что прежде ты смог бы говорить по проводам с людьми, находящимися на другом краю Земли? Мощные телефонные и телеграфные компании владели огромной сетью проводной связи, по которой сообщения передавались почти мгновенно. Теперь же у нас остались лишь агенства, направляющие мальчиков-рассыльных, которые развозят письма верхом или на велосипедах.

Но и это еще не все. Материалистическая и эмпирическая точка зрения помогла бы нам видеть окружающий мир сквозь ту абсурдную мифологию, которую они насильно внедряют в наш разум в школах. Поэтому книги по философии прыгуны жгут, а хранящих эти книги людей уничтожают. Взамен подсовывают нам мистицизм, всякие бредни о потустороннем мире и рыцарские романы. Для этого используют радио, кино, газеты и книги, поскольку эти средства информации находятся полностью у них под контролем. Они оказались не столь глупы, чтобы разрушить такие превосходные, готовые к повседневному употреблению средства для массового промывания мозгов. С тех самых пор прыгуны пичкают нас самодовольным невежеством и вредоносной иррациональностью. Должен сказать, — тут Элсмит прервал лекцию, откинулся на спинку кресла и пару раз с наслаждением затянулся сигарой, — что люди удивительно хорошо прошли это испытание. Конечно, оно ужасно повлияло на них. Но когда я сильно расстроен, мне доставляет особое удовольствие мысль, что люди не настолько повредились умом, насколько могли бы, учитывая, через какие передряги им пришлось пройти.

— Однако, — нерешительно сказал сэр Ховард, — меня учили, что Бог… — он смущенно замолчал.

— Да? Хорошо, предположим, что Он действительно есть. Но занимался ли Он тобой? Кто непосредственно тебя учил? Разумеется, школьные учителя. А откуда они брали информацию? Из учебников. А кто писал учебники? Прыгуны. Что, по-твоему, они могли сообщить тебе в своих книгах? Неужели правду о том, как они завоевали Землю и поработили ее обитателей? Такая правда постоянно раздражала бы людей, побуждая их к мятежу!

Глядя в пол, сэр Ховард нахмурился.

— Вы только не обижайтесь, мистер Элсмит, — задумчиво пробормотал он, — но пару месяцев назад мне захотелось бы

заставить вас съесть мой меч за подстрекательские речи.

— Я знаю, — сказал Элсмит, — но если б ты оставался тем же человеком, каким был два месяца назад, то не услышал бы от меня ничего подобного.

— Но теперь я узнал много нового, и окружающий меня мир перевернулся. Если все обстоит именно так, почему же люди не поднимают восстание?

— Они не раз его поднимали, особенно часто — во время первого века правления прыгунов. Однако восстания всякий раз бывали жестоко подавлены, их участников беспощадно казнили. Прыгуны были предельно тщательны, выкорчевывая каждый зародыш сопротивления. Вероятно, ты слышал про их наркотик верамин, который вынуждает правдиво отвечать на вопросы. Когда-то у людей были похожие вещи, но это средство действует лучше, если только в организме нет противодействующего наркотику алкоголя. Даже для того чтобы поймать лишь одного повстанца, прыгуны делают инъекции всем жителям города. Кара за восстание только одна — смерть; чаще всего мучительная и долгая. Вот почему восстания в конце концов прекратились. За последние сто лет не было ни одного, и прыгуны несколько ослабили контроль за людьми.

— Хорошо, — проворчал рыцарь, — но ведь как-то бороться нужно!

— А что мог бы сделать именно ты? — мягко спросил Хоумер Элсмит.

— Сражаться! — воскликнул сэр Ховард. Он инстинктивно стиснул кулак и сделал в воздухе несколько рубящих движений.

— Понятно. Ты уже видишь себя во главе отряда тяжеловооруженной кавалерии, которая пронзает всех попавшихся на пути прыгунов копьями, словно диких свиней, и сметает их с лица земли. Не думай, я вовсе не смеюсь над тобой; просто такая реакция встречается очень часто. Но знаешь ли ты, что случится на самом деле? Помнишь, как падают колосья спелой пшеницы под острой косой? Вот так же упадешь и ты со всеми своими бравыми всадниками, едва прыгуны откроют беглый огонь. Или они могут использовать конвульсионные лучи, и тогда твои люди с лошадьми будут кататься на земле и корчиться от жуткой боли, пока всех вас не повяжут. Влияние луча длится несколько минут после выключения, но это еще не самое худшее, ведь прыгуны могут пустить в ход конусный излучатель, возбуждающий высокочастотные токи в ваших доспехах, после чего вы медленно поджаритесь в своих панцирях, как самые настоящие омары, которых вы называете лобстерами.

— Понятно!.. Но что же делать? — рыцарь ударил себя

тяжелым кулаком по колену.

— Не знаю. Этого не знает никто. Хотя я занимаюсь этой проблемой большую часть своей жизни, ответа у меня пока нет. Но в прошлые времена люди справлялись и с более сложными задачами.

У человечества есть определенные преимущества. Во-первых, нас гораздо больше. Во-вторых, прыгуны не смогут быстро сконцентрироваться потому, что их малые силы более-менее равномерно распределены по Земле. Теперь у них нет армии; по сути, они представляют собой лишь гражданскую администрацию и полицию. Взять хотя бы тех прыгунов из Олбани: их всего-то сотни две. Если б нам надо было прятаться от людей, то более неудачное место, чем здесь, трудно найти. Но скрываться от прыгунов — совсем другое дело. У них всего два патруля на все Адирондаки, да и те почти никогда не появляются в стороне от главных дорог. Из этого факта легко сделать вывод, что они не слишком сообразительны.

— Разве? Но ведь они…

— Понимаю, о чем ты хочешь сказать. Конечно, они знают куда больше, чем мы; к их услугам наука и многое другое, но ум здесь ни при чем. Самый выдающийся прыгун едва ли сообразительнее деревенского дурачка. Однако у них есть три серьезных преимущества. Во-первых, они быстро обучаются, хотя ума при этом совсем не требуется. В хорошей армии обучение тоже идет быстро, но много ли сообразительности при этом нужно офицерам и солдатам? Во-вторых, они живут долго. Не знаю точно, какова у них средняя продолжительность жизни, но думаю, около четырехсот лет. А в-третьих, они носят шлемы!

— Какие шлемы?!

— Те самые кожаные штуки, которые у них на голове. Согласно истории прыгунов, шлемы изобрел их Бог; его имя не берусь произнести, поскольку не могу чирикать на их канареечном языке. Будем называть его просто Х. Насколько я могу понять, этот Х действительно был величайшим гением, наподобие Архимеда, Леонардо да Винчи и Ньютона вместе взятых, а ведь они были самыми выдающимися учеными нашей древности. Х не произвел потомства, возможно, он оказался стерильным мутантом. Думаю, скорее всего, так оно и было, поскольку такие гении никогда более не рождались среди прыгунов, которые до появления Х вели жизнь, больше похожую на звериное существование.

В начале своей жизни Х разработал методику научного познания мира, опирающуюся на исследования и наблюдения. Потом изобрел алфавит, в котором фонетическая система

сочетается с музыкальной грамотой. В течение своей жизни он сделал невероятное количество важных изобретений. Первобытные дикари на Земле, вероятно, убили бы такого сородича, но прыгуны поступили иначе, возведя Х в ранг Бога. Они предоставили ему возможность свободно творить, избавив от необходимости добывать средства к существованию. Впрочем, подобная идея, скорее всего, принадлежала самому Х.

Должен сказать, что четыреста лет — очень долгий срок. Ближе к концу своей жизни Х изобрел шлем. В действительности это легкий электронный аппарат, благодаря которому носящие его прыгуны могут невероятно концентрировать свои мысли. Обыкновенные люди не в состоянии сосредоточить свое внимание на одном предмете дольше нескольких секунд. Можешь попробовать сам. Для начала ты обнаружишь, что пытаешься сосредоточиться вовсе не на нужном предмете, а на том, как тебе сконцентрировать на нем свое внимание. Надеюсь, я высказался достаточно ясно. А вот прыгун в шлеме может думать об одном и том же часами подряд. На мой взгляд, даже шимпанзе, обладающий такой способностью, легко сможет выучить высшую математику!

Как я уже говорил, на деле прыгуны глупее любого деревенского дурачка. Лишь шлемы дают им способность логически мыслить. Совершенно ясно, что без шлемов их внимание стало бы еще более рассеянным, чем у шимпанзе, и они оказались бы неспособны ни к каким сложным разумным действиям. Одна из причин, по которым я столь убежден в их непроходимой глупости, это их наука. Ведь она у прыгунов ничуть не продвинулась за триста лет, прошедших после завоевания Земли. Но, конечно, немалую роль в отсутствии у них стремления к знаниям играют полмиллиарда рабов другой расы, которые выполняют всю грязную работу.

— Тогда, — сказал сэр Ховард, — надо, чтоб все люди одновременно бросились на прыгунов и содрали бы с них шлемы.

— Да? Похоже, ты забыл про их оружие. Если б люди могли броситься на них разом, они бы просто передушили прыгунов голыми руками. Должен сказать, за прошедшие времена было множество заговоров; все как один — неудачные. Прежде всего, у людей не было смертоносного, простого и незаметного оружия. В этом отношении наше положение еще хуже, чем во время завоевания, а ведь нам требуется нечто лучшее, нежели простое стрелковое вооружение. Взять хотя бы тех же прыгунов в Олбани. В здании администрации у них можно захватить лишь небольшой запас легкого оружия. Ближайший арсенал тяжелой артиллерии находится в Уотерлите, а самые смертоносные устройства типа

протонных бомб вообще хранятся в Форт-Ноксе, в старинных стальных хранилищах, где прежде держали золото. Вот если бы мы вывели из строя большую часть прыгунов, тогда смогли бы захватить их собственное оружие и получить преимущество. Но с луками и алебардами таких противников не одолеешь.

— А как насчет того, чтобы заставить их самих снять с себя шлемы? Может быть, можно использовать какой-нибудь особый вид радиоволн или что-то подобное?

— Об этом много думали. Были планы вывести из строя электронную начинку шлемов; или разогреть их внутреннюю проводку так, чтобы они стали слишком горячими; продумывался вариант создать радиопомехи или нарушить их нормальную работу статическими полями. Выяснилось, что статика на них вообще не действует. Никаких форм излучения и радиоволн, которые могли бы повредить шлемы, найти тоже не удалось. Теперь об идее перегрева. Для того чтобы сразу нагреть миллионы шлемов, нужна поистине невероятная энергия, а ее количество, поступающее в обычный приемник через антенну, очень мало. Самая большая из ныне существующих радиовещательных станций посылает в пространство меньше энергии, чем вырабатывает двигатель одной из двухколесных машин, на которых ездят прыгуны. Разве можно, не имея *их* знаний, построить в тысячи раз более мощную радиостанцию?

— Н-ну… в общем… это выглядит довольно безнадежно. Может быть, если вы наденете один из их шлемов, то вам придет в голову блестящая идея?

— Люди пробовали надевать. Один раз попробовал и я. Шлем отлично действовал минуты три, после чего у меня началась дикая головная боль. Она не стихала целую неделю. Мозги у прыгунов устроены более грубо, чем у нас, поэтому излучение шлема им не вредит. Наши знания не позволяют переделать шлем так, чтобы он подходил человеку. Может быть, мы когда-нибудь сумеем сделать это, но не раньше, чем избавимся от *них*.

Некоторое время собеседники сидели молча, курили. Затем сэр Ховард спросил:

— Если можно, расскажите мне, где вы почерпнули всю эту информацию? И откуда взялись у вас книги?

— Ну, я всю жизнь старался хорошо использовать свои уши, глаза и разум. Могу добавить, что давно сделался профессиональным грабителем. Книги, как и большая часть информации о прыгунах, в основном, были украдены. Кое-что собрал Турлоу Миттен еще до того, как я стал, с ним работать. Прыгуны просто не в состоянии осмотреть со свойственной им тщательностью все углы, чердаки и подвалы в каждом старом

доме.

— Некоторые ваши высказывания напоминают мне о том, что иногда говорил мой брат Фрэнк, — задумчиво сказал сэр Ховард.

— Салли рассказывала о нем, — отозвался Элсмит. — Это было ужасно… Прими мои соболезнования.

По интонации рыцарь понял, что хозяин знает о Фрэнке гораздо больше, чем хочет показать. Но ему много о чем надо было подумать, а потому сэр Ховард решил пока не расспрашивать о брате.

9

— Тут он бросил в меня нож, и большой палец моей ноги так крепко пригвоздило к бревну, что я никак не мог стряхнуть с себя эту деревяшку. Тогда я и говорю: — Майк Брэди, я собирался выпустить из тебя кишки и сделаю это!

Сказав так, я схватил вилы и бросился на него. Тогда он побежал, а я рванул за ним. Но сам знаешь, когда к твоей ноге пришпилено двадцатифутовое бревно весом около шестисот фунтов, быстро не побежишь. Поэтому через милю-другую я увидел, что он опережает меня уже на двенадцать с половиной футов, и тогда я швырнул в него вилы, и они воткнулись в дерево и прижали его шею к стволу, и он стоял совсем беспомощный. И я взял свой нож и выпустил ему кишки.

— Теперь, — сказал я, — ты навсегда запомнишь, каково грубить Эли Кахуну!

— О'кэй, — сказал он. — Полагаю, я действительно был несколько опрометчив. И если ты засунешь мои кишки обратно, то я не стану больше тебе грубить.

Тогда я засунул ему кишки обратно, и с того самого дня мы с ним стали лучшими друзьями. А шрам на большом пальце ноги у меня сохранился до сих пор. Если хочешь, могу показать.

— Не надо, я и так тебе верю. Однажды в Вайоминге со мной тоже произошел случай, когда мы с одним парнем стреляли на спор из лука. Ну, сперва-то мы стреляли в навозных мух, а потом глядим — летит москит. Тут парень мне и говорит:

— Спорим, ты не попадешь в москита!

— На что будем спорить? — спросил я.

Он поставил сто монет, и я тут же подстрелил того москита. Тут появился другой москит, и парень мне сказал:

— Прошлый раз было слишком легко. Теперь давай поспорим, что ты не попадешь стрелой москиту в глаз.

— В какой глаз? — переспросил я. — В левый или в правый? — Тут парень задумался…

Собеседники говорили негромко, на их лицах играли блики горевшего в камине огня. Сэр Ховард поднял глаза от книги.

— Мистер Элсмит, — спросил он, — а что имел в виду парень, написавший: «Правительство из народа, с согласия народа и для блага народа»? Какого еще такого народа?

— …Вот так я и проиграл тысячу долларов, перепутав, где у комара левый глаз, а где правый. Зато в другой раз я выиграл на спор вот эти часы. Парня звали Ларри Хернандес; посмотри, на часах такие же инициалы, как у меня. Мы тогда хотели выяснить, по какому самому крутому склону сумеет спуститься его лошадь…

Элсмит стал рассказывать, а сэр Ховард пытался понять, какие личные качества этого невысокого скромного человека придают такую убедительность его сухим, точным словам и формулировкам.

— Смысл в том, что все взрослое население голосует, чтобы избрать своих представителей, которые некоторое время будут им управлять. Когда срок закончится, пройдут следующие выборы, и люди смогут сменить своих прежних правителей, если те избирателям не понравились.

— Все взрослое население? Вы имеете в виду всех, включая простонародье? И женщин тоже? Но это же нелепая идея! Представители низшего класса не могут…

— Чем же нелепа такая идея?

— Но они… они невежественны, — сэр Ховард слегка нахмурился. — Они не знают, что для них хорошо, а что — плохо. Только подлинные лорды могут… — рыцарь вдруг смущенно смолк.

— Мог бы ты назвать меня невежественным? — последовал спокойный вопрос.

— Вас? Но какое отношение вы имеете к низшим классам?

— Самое прямое. Мой отец работал на сталелитейном заводе, а я начинал мальчишкой-рассыльным на почте.

— Но как же… как тогда вы…

— Готов признать, что среди получающих власть по наследству порой встречаются вполне приличные люди. Но есть среди них и поразительные негодяи. Например, барон Шенектади. Когда работает идея «правительства с согласия народа», тогда люди, обнаружившие, что ими правит мерзавец, могут избавиться от него без вооруженного восстания.

— Все эти новые мысли никак не уложатся толком в моей голове, — вздохнул сэр Ховард. — Думать о них — это как наблюдать целый новый мир. А все мои старые идеи и взгляды разваливаются на кусочки, растворяются, как кусок сахара в

чашке с чаем. Весьма… неприятный процесс. Чтобы взять хороший старт, мне следовало бы попасть сюда еще десять лет назад.

— Нет.

— Ну брось, Салли. Ведь ты же любишь меня, верно?

— Это была не любовь.

— А что же тогда?

— Скорее всего — средство для достижения цели.

Опять эти проклятые слова из словаря. Сэр Ховард почувствовал вспышку злости. Стоило ему вспомнить об Уоррене Келли, как в голову пришло язвительное и довольно оскорбительное замечание. Однако свойственная рыцарю добропорядочность заставила его проглотить вертевшуюся на языке колкость.

— Но почему?

Девушка наживляла крючок. Лодка слегка покачивалась на воде на тяжелых, свинцово-снежных кучевых облаках, громоздившихся над горой Маленький Лось и отражавшихся в крошечном Хитром озере.

— Так уж вышло. Может, ты еще не заметил, но мы очень много работаем. Нашей работой является Организация, и мы искренне считаем, что Организация — самое важное дело на свете. Вдобавок, как-то мы должны себя прокормить. Поэтому времени на всякие отношения… назовем их личными… у нас просто не остается.

— Боюсь, мне никогда не понять тебя, Салли, — пробормотал сэр Ховард.

Он и в самом деле не мог ее понять. С одной стороны, она вела себя совсем не так, как простолюдинка. Он отлично знал, что любая девушка из низшего класса была бы для него легкой добычей. С другой стороны, любая из знакомых ему благородных девиц ужаснулась бы при одной мысли, что ей предстоит насадить на крючок живого, злобного рака, не говоря уж о том, чтобы потом чистить пойманную рыбу и варить уху. И все же не было никаких сомнений, к какому классу она принадлежит. Конечно, к высшему. У него просто не укладывалось в голове, что она может быть девушкой из низов. Как бы то ни было, он готов поставить с ног на голову всю феодальную систему, — к которой сэр Ховард за последние дни окончательно перестал питать какое-либо почтение — лишь для того чтобы эти люди, к которым относилась и Салли, оказалась на самом верху.

— Есть и другая причина, — продолжала она. — Дядюшка Хоумер сказал, что ты, скорее всего, присоединишься к нам через

день или через два. Я имею в виду — официально. Надеюсь, так оно и будет. Однако очень важно, чтобы ты принял такое решение не по личным мотивам. Если же такие мотивы играют для тебя главную роль, лучше будет отказаться от них прямо сейчас.

— Но почему? Что ты видишь плохого в личных мотивах?

— Видишь ли, изменив свое мнение по личным причинам, ты можешь потом изменить его по любому другому поводу. Как же ты не понимаешь сам, болван! Разве могут быть твои отношения с одной девушкой важнее судеб всей человеческой расы, важнее будущего всех известных и миллионов неизвестных тебе людей? — девушка не сразу услышала треск катушки. Промедлив несколько секунд, она привычным движением подсекла рыбу, и вскоре в лодку шлепнулся очередной бычок-подкаменщик. Сэр Ховард уже успел изранить себе руки о колючие плавники этих уродливых тварей, но девушка схватила рыбу так же уверенно, как рыцарь хватался за рукоять меча.

— Черт бы их побрал! — проворчала она. — Они проглатывают крючок вместе с наживкой. Попробуй потом вытащи. Надо будет прогуляться на озеро Маленький Лось, там рыба ловится на блесну.

Возвращаясь с рыбой в лагерь, они прошли мимо Лаймана Хааса. Тот бросил взгляд на мрачное лицо рыцаря и понимающе улыбнулся. Сэр Ховард подумал, что эта ухмылка задела его сильнее, чем обычно.

— У вашей организации есть какое-нибудь название? — спросил сэр Ховард. — Вы все время просто говорите «мы».

— Никаких названий, — ответил Элсмит. — Всего лишь Организация. Название сделает нас более уязвимыми, а мы не хотим давать *им* ни единого шанса. Теперь, пожалуйста, закатай рукав, — Элсмит поднес шприц к свету.

— Эта штука будет действовать на меня долго?

— Нет, просто на какое-то время ты почувствуешь себя чуть-чуть пьяным и слегка беззаботным. Такое средство прыгуны используют на допросах третьей степени. Оно гораздо лучше любой пытки, поскольку можно быть уверенным, что пленник действительно скажет правду, в которую верит он, а не ту, которую хотелось бы услышать его мучителям.

— Я должен дать клятву?

— Клясться ни к чему. Мы исходим из положения, что заявление о своих намерениях ничем не хуже любой клятвы, если человек говорит, не скрывая своих мыслей. Люди порой меняют свои идеалы. Когда они это делают, то всегда легко находят оправдание нарушению обетов.

— Скажите, был ли Фрэнк одним из вас?

— Да, был, — поколебавшись, ответил Элсмит. — Но, конечно, он входил в Организацию под другим именем. У нас не было ни малейшей возможности предупредить его. Его непосредственный руководитель, который обычно докладывал мне о положении дел, исчез двумя месяцами раньше. Мы знали об этом, но так и не смогли восстановить связь с твоим братом.

— Значит, здесь находится центр вашей Организации? — Брови сэра Ховарда недоверчиво поползли вверх.

Ему-то казалось, что вокруг не происходит ровным счетом ничего. Во всяком случае, ничто не указывало на лагерь как на штаб-квартиру всемирного заговора.

— Верно. Я понимаю, о чем ты думаешь. Возможно, ты не обратил внимания, что за последнее время тебя несколько раз тактично уводили из лагеря? Тогда здесь проходили совещания.

Рыцарь удивился. Он никогда не думал об этом. Только сейчас начал понимать, насколько грандиозные усилия вкладывали заговорщики в свое дело. Импровизация в такой деятельности не годилась, требовались долгие годы тщательной и опасной работы.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Элсмит.

— Слегка кружится голова.

— Очень хорошо, мы начинаем. Знаешь ли ты, Ховард ван Слик, что…

— Проверку ты прошел великолепно, мой мальчик. Я очень рад; думаю, ты будешь отличным работником. Могу добавить, что если бы дело повернулось иначе, ты уже никогда не ушел бы отсюда живым.

— Что? П-почему? Как?

Элсмит сунул руку под рубашку и вытащил из-за пояса пистолет прыгунов.

— Это тот самый пистолет, который был у убитого тобой прыгуна. Ты даже не заметил, как Салли подобрала его, спрятав под одеждой, верно? Ты и не должен был заметить. Салли хорошо знает свое дело. Причина, по какой мне пришлось бы при необходимости использовать его, очень простая. Ты слишком много знаешь. Обычно в лагерь могут попасть лишь опытные и хорошо проверенные члены Организации. Салли никогда не привела бы сюда тебя и Хааса, — между прочим, он еще в прошлый четверг вступил в наши ряды, — если бы не чрезвычайные обстоятельства. Надо было срочно найти место, где можно скрыться. У тебя оказались слишком хорошие задатки борца, и нельзя было допустить, чтобы ты попал в *их* руки.

Поэтому мы решили дать тебе шанс. Ну, а если бы мы ошиблись, что ж… мы не имели права допустить, чтобы Организация оказалась отброшенной назад на многие годы.

— Вы считаете, это было бы правильно? — спросил сэр Ховард, разглядывая носки своей обуви. — Я имею в виду, соответствовало бы мое… устранение… вашим идеям? В том случае, если б я не захотел оставаться здесь.

— Нет. Это было бы несправедливо, но — необходимо! Надеюсь, настанет день, когда мы сможем позволить себе поступать по справедливости и по закону. Оправдывать несправедливость необходимостью — отвратительное дело. Именно так люди пытаются придавать видимость законности самым зверским преступлениям.

— Попробуй еще раз, ван Слик.

Сэр Ховард послушно повернулся и снова прошелся по комнате, чувствуя себя круглым дураком.

— Нет, так не пойдет. В твоей походке слишком много самодовольства, — заметил Хаас.

— Сама не могу понять, почему, но даже когда на нем нет доспехов, слышишь звяканье лат, — подхватила Салли Миттен. — Наверно, из-за того, что хрустят суставы, когда он на каждом шагу выбрасывает ноги вперед.

— Похоже, я знаю, в чем дело! — объявил Хаас.

Он сидел, опустив ноги в бадью с горячей водой. Они разболелись после длинной прогулки с Кахуном, поскольку вместо привычных ковбойских сапог на высоких каблуках Хаас пошел в шнурованных ботинках. В результате потянул сухожилия, которые почему-то называл «апчхиллесовыми», и теперь чувствовал себя неважно.

— Просто Хов привык таскать на себе свою «каминную трубу» и кучу другого железа, общим весом больше пятидесяти фунтов. Если налить ему примерно столько же свинца в ботинки, он будет увереннее ступать по земле.

— Послушай, — сказал Элсмит, — расслабь колени, не сгибай их так сильно на каждом шагу. И не стучи каблуками, ставь на пол сразу всю ступню. Вот так уже лучше. Немного практики, и ты научишься ходить, как простолюдин, — он взглянул на часы. — Гости могут появиться в любую минуту. Запомни, для членов Организации твое имя — Чарльз Вейер. Они тебе представятся как Фицмартин и Ледьяр; разумеется, настоящие имена у них другие, хотя Ледьяр действительно француз.

— К чему вся эта секретность? — спросил сэр Ховард.

— К тому, мой дорогой Вейер, что, не зная настоящего имени, ты не сможешь выдать человека даже под действием верамина. Тебе положено знать настоящие имена только тех людей, которые тебе подчиняются. В настоящее время тебе не подчиняется никто, а ты сам выполняешь только мои распоряжения.

Появившиеся в лагере Ледьяр и Фитцмартин при знакомстве с «Вейером» не задавали никаких лишних вопросов. Ледьяр оказался таким же высоким, как сам рыцарь, хотя и не столь массивным. Он был хорошо сложен, изысканно учтив и поэтому весьма привлекателен для прекрасного пола. В его присутствии сэр Ховард чувствовал себя провинциалом, если не сказать — деревенщиной. Второй гость оказался невысоким и смуглым нервным человеком. В руках держал коробку, которой, по-видимому, весьма дорожил. Когда все столпились вокруг, он открыл ее и стал быстро собирать сложную конструкцию из латунных стержней, шкивов, ремней и круглых стеклянных дисков с наклеенными кружками фольги. Сэр Ховард пришел к выводу, что вновь прибывшие занимают важные посты в Организации; ему было приятно участвовать в каком-то большом событии.

— Включите радио, — попросил Фитцмартин. — Сможете найти запрещенный диапазон прыгунов?

Когда из приемника раздалось зловещее канареечное чириканье радиостанции, он начал крутить коленчатый рычаг своего аппарата. Вскоре между двумя латунными шарами шлейфом посыпались частые вспышки голубых искр. После каждой приемник издавал хрипящий звук, полностью заглушавший щебетание прыгунов. Танцевальная музыка на одной из разрешенных частот также стала совершенно неразборчивой.

— Слышите? — спросил Фитцмартин. — Включив электростатическую машину с колесами диаметром шесть футов, мы легко заглушим весь радиоприем в радиусе около десяти миль. Если расставить такие установки по всей стране, мы можем забить статикой всю чертову связь прыгунов. Никаких других средств связи, кроме проклятого радио, у них нет. Триста лет назад они полностью разрушили телеграфную связь, и у них уйдет чертова уйма месяцев, чтобы наспех восстановить ее. Чертова уйма!

— И что дальше? — пыхнув сигарой, поинтересовался Элсмит.

— Ну как… я думал… то есть, я хотел сказать, старина, что… ну, если мы сможем их полностью дезорганизовать…

— Им потребуется около двадцати четырех часов, чтобы выследить все наши электростатические машины и восстановить связь. А что потом случится с нами, ты сам прекрасно знаешь. Но погоди, не огорчайся… — увидев, как изменилось лицо Фитцмартина, он продолжал: — В то же время, сама идея просто великолепна. Я восхищен ею. Просто хотел обратить твое внимание: прыгуны едва ли будут настолько огорчены радиопомехами, что совершат массовое самоубийство из-за маленьких статических машин. Маленькие мы делать не будем. Но можно разработать план создания больших установок, потом отпечатаем несколько сот тысяч экземпляров инструкций для их сборки и разошлем по региональным штаб-квартирам, по всему миру. Мне кажется, Бодж с этим справится. Затем, когда будет найден способ нанести прыгунам решающий удар, построим такие установки и включим их в решающий момент. Они окажут нам неоценимую помощь.

Гости задержались в лагере на несколько дней. На второй день сэр Ховард испытал легкий шок, увидев, как Салли Миттен прогуливалась по тропе вместе с Ледьяром. По-видимому, они находились в самых лучших отношениях и были настолько поглощены разговором, что не обращали на окружающих внимания. Он проводил их взглядом, подумав: «Значит, вот оно как!» Да, пожалуй, рыцарь вряд ли мог составить конкуренцию лощеному мсье Ледьяру.

Днем позже он наткнулся на француза, курившего сигарету и любовавшегося видом гор.

— Ах, добрый день, мой друг, — сказал Ледьяр. — Я очарован вашим ландшафтом. Он напоминает мне Центральный горный массив в моей любимой Франции.

— Так вы вскоре собираетесь обратно? — спросил рыцарь, стараясь, чтобы его вопрос не прозвучал явным намеком.

— Нет. Наверно, месяца через три, может быть, через четыре. Видите ли, я занимаюсь бизнесом. Являюсь, как у вас говорят, разъездным представителем одной французской компании.

— Могу я поинтересоваться, чем занимается ваша компания?

— Конечно, мой дорогой Вейер! Никаких тайн. Она производит парфюмерию.

Парфюмерия! Боже правый! Сэр Ховард больше не придавал значения незнатному происхождению, но парфюмерия! Это слишком. Краем глаза рыцарь заметил выходившую из лагеря Салли Миттен. Эх, если бы теперь нашелся какой-нибудь способ поставить этого торговца парфюмерией на место! Вообще-то, сэр Ховард обладал определенным мастерством в самых ярких видах

увеселений, но в лагере, к сожалению, не практиковались ни рыцарские поединки, ни фехтование, ни скачки с препятствиями.

— Последнее время я мало занимался физическими упражнениями, — немного подумав, сказал он, — меня уж слишком усиленно учат взлому домов и разговору на диалектах. Как вы насчет борьбы?

— Мне не приходилось бороться последние несколько лет, но буду только рад немного размяться. Физические упражнения мне тоже нужны.

— Отлично! Чуть выше по тропе есть хорошая травянистая полянка.

Когда француз сбросил одежду, сэр Ховард вынужден был признать, что мышцы его отнюдь нельзя назвать дряблыми. Однако придавить этого малого рыцарю было так же просто, как прихлопнуть истощенного голодом москита.

Противники схватились друг с другом, и вскоре Ледьяр с глухим стуком упал на траву, но тут же вскочил на ноги, весело посмеиваясь.

— Окончательно поглупел на старости лет! — воскликнул он. — Я же выучил этот бросок, когда был совсем мальчишкой! Ну как, попробуем еще разок?

Сэр Ховард напрягся, пытаясь схватить Ледьяра за левое колено. Он так и не смог понять, что случилось дальше, просто вдруг обнаружил себя хватающимся руками за воздух. Потом он перелетел через плечо француза и шлепнулся на землю с ударом, едва не вышибившим из него дух. В мгновение ока рыцарь оказался крепко прижат лопатками. Как ни напрягал он свои мощные мышцы, высвободиться из захвата ему так и не удалось. Когда он заметил, что за бесплатным представлением с интересом наблюдают Салли Миттен, Лайман Хаас и Эли Кахун, счастья ему это не добавило.

— Может, еще разок, а? — ничуть не запыхавшись, спросил Ледьяр.

«Еще разок» закончился точно так же. Сэр Ховард с трудом сел и принялся разминать перенапрягшиеся мышцы. Озабоченный Ледьяр с сочувствием спросил:

— Я не переусердствовал с болевым захватом после броска, мой друг? Один японец научил меня этому приему. С радостью помогу вам его освоить.

Рыцарь без особого энтузиазма поблагодарил за преподанный урок. В конце концов, этот человек, вдобавок ко всем своим достоинствам, был еще и большой шишкой в Организации, а вот он — всего лишь новичок. И его попытка доказать хотя бы физическое превосходство потерпела полный провал. Разве

можно было противостоять такой комбинации приемов?! «Ну ладно, — подумал он, — раз девушка предпочитает француза, значит, так тому и быть. Мы, ван С лики, не можем допустить, чтобы нас беспокоила такая ерунда. Кроме того, нам не следует забывать о чувстве собственного достоинства».

10

Два всадника ехали на юг с максимально возможной скоростью, пользуясь сменой аллюра — приемом, характерным для опытных конников. Шаг, рысь, легкий галоп, рысь, шаг, снова рысь… и так без конца. Знаток лошадей мог бы заподозрить, что громадный черный мерин и изящная рыжая кобыла слишком уж хороши, чтобы принадлежать столь невзрачным седокам, каким-то убогим простолюдинам. Хаас потихоньку ворчал, сетуя на необходимость оставить в лагере кожаные штаны и сапоги на высоких каблуках. А свою замечательную шляпу ценой в семьдесят пять долларов он лишь после бурного протеста и скандала поменял на поношенную фетровую, к полям которой была приколота парочка искусственных мух. Сэр Ховард также чувствовал себя весьма неуютно, поскольку ему никогда раньше не случалось пускаться в путешествие по стране почти голым, то есть — без доспехов из легированной стали. Правда, им позволили взять с собой мечи: такое оружие не могло привлечь ненужного и опасного внимания прыгунов.

— Идея заключается в том, — объяснил рыцарь Хаасу, — что мой старик не должен ничего знать об экспедиции. Он думает, что сейчас я в Уотертауне или где-нибудь еще. Иначе говоря, мы должны забраться в дом тайком. Лично мне кажется, они попросили нас выкинуть этот фокус, чтобы выяснить, насколько мы хороши в деле.

— Не думаю, что наши маскарадные костюмы так уж хороши, — проворчал Хаас. — Всякий раз, как я вижу прыгуна, мне так и кажется, что он тут же прыгнет к нам и начнет задавать вопросы. Чувствую себя отвратительно. Никогда раньше не обращал на них внимания, просто считал неизбежной помехой, с которой приходится мириться. Мне даже перестали нравиться сандвичи с сыром; сырный запах заставляет меня думать о прыгунах.

— И меня тоже, — вздохнул сэр Ховард. — По-моему, три недели назад такие сандвичи были гораздо вкуснее. До того как я отрубил *ему* голову. Если *они* нас все-таки остановят, ты сам знаешь, кем назваться. У тебя полный комплект фальшивых бумаг, удостоверяющих личность.

Рыцарь испытывал те же чувства, что и Хаас. Одно дело, когда твой враг — человек, которого хорошим ударом зубочистки можно вышибить из седла; совсем другое, когда тебе угрожает неведомая мощь таинственного оружия прыгунов вкупе с проклятой скрупулезностью захватчиков.

— Здесь ничего нет, — прошептал сэр Ховард.

Они тщательно обследовали маленькую комнату, примыкавшую к инструментальной кладовой, в которой Фрэнк ван Слик устроил лабораторию. Лучи от фонариков натыкались лишь на куски изогнутого металла, проволочные сетки и осколки стекла.

— Похоже, прыгуны долго копались в вещах твоего брата и все стоящее вынесли, — пробормотал Хаас.

— Да. Сперва они исследовали его приборы, а потом разбили их вдребезги; они сломали контейнеры, где брат держал насекомых, и вытряхнули всех этих мошек во двор. Сожгли его записные книжки, а научные книги забрали для своих библиотек. Пойдем отсюда. Найти что-нибудь можно только в замке.

— Ты уверен, что здесь нет никаких потайных комнат?

— Уверен. Это строение приподнято над землей, под ним нет ничего, кроме грязи и пыли, а стена — простая перегородка. Посмотри сам, сквозь щели видно мастерскую, так что здесь нет никаких скрытых мест между стенами или еще чего-нибудь такого. Пойдем.

Они подождали, пока сторож отойдет подальше, и прокрались через лужайку. Будучи более тяжелым, сэр Ховард подсадил вверх Хааса. Аккуратно воспользовавшись стеклорезом, тот дотянулся через отверстие в стекле до задвижки, после чего окно открылось с легким скрипом, почти не слышным из-за жужжания и стрекота ночных насекомых. Слегка затхлый запах библиотеки смешался с благоуханием сада.

— Спаси нас Бог, — сказал сэр Ховард, — если мой старик обнаружит, что мы сделали с его розами. Он будет ужасен, как изголодавшийся волк, увидевший девять ягнят!

Они обыскивали комнату, неутомимо шурша по шкафам, полкам и мусорным корзинкам, словно две большие любопытные крысы. Сэр Ховард уже почти отчаялся что-либо обнаружить, как вдруг вспомнил о привычке Фрэнка засовывать записки и бумаги между листами в книги и сразу забывать об этом. Его сердце дрогнуло, когда он осветил фонариком плотно набитые книжные полки. Здесь стояли сотни томов, так наскучивших ему в детстве: стихи, волшебные сказки, любовные романы, теология… Как же они отличались от тех содержательных, дающих пищу уму книг Элсмита! Наконец, он разобрался, где что стоит. На одной полке

были руководства по фармакологии, бизнесу и другим вопросам, необходимым для управления герцогством. Те книги, которые читал Фрэнк, стояли здесь. Он вместе с Хаасом начал просматривать их.

Сначала обнаружились несколько чистых бумажек, по-видимому, вложенных между листами в качестве закладок. Сэр Ховард засунул их в карман рубашки. Нашлись еще три бумажки: на одной был рисунок с изящной головой пчелы, на другой — список из нескольких адресов, а на третьей — какая-то зашифрованная заметка:

Pulex irr.
M-146 Attr. fac. 17
M-147 A. f. 88
M-148 A. f. 39
M-149 A. f. 99!!!

Эта бумажка находилась в томе под названием «Генетика животноводства», который был одним из немногих научных трудов, разрешенных прыгунами. В маленьком словаре нашелся еще один листок с решением математической задачи. Там было написано…

— Руки вверх, вы оба!

В темноте вдруг вспыхнуло желтое око мощного фонаря, осветившего сразу обоих грабителей. За фонарем маячила плохо различимая фигура пожилого человека в ночной рубашке. Он держал в руках «воровской лук», — так назывался арбалет с фонарем, укрепленным над прицелом. Арбалет был заряжен и взведен.

— Полегче со спусковым крючком, отец, — попросил сэр Ховард, поднимая руки, — ты рискуешь всадить стрелу в своего единственного правопреемника и наследника.

— Ховард! Я тебя не узнал.

Для маскировки сэр Ховард не брился больше недели; в результате его лицо было покрыто густой угольно-черной щетиной, способной напугать не только ребенка.

— Какого черта?! Что ты здесь делаешь? Что за идиотизм — грабить собственный дом?

— Я искал одну вещь и не хотел будить тебя в такое время. К сожалению, мы не можем тут задерживаться, — сэр Ховард понимал, что его извинения звучат нелепо.

— Да что такое здесь, в конце концов, происходит? Что ты ищешь? И кто этот человек?

Сэр Ховард представил Хааса, а затем продолжил путаные пояснения.

— Просто я искал свои бумаги, которые забыл здесь, как мне казалось. Ничего важного.

— Какие еще бумаги? И потом, этим нельзя объяснить твое… твое вторжение!

— Да так, просто кое-какие бумаги. Думаю, мы уже почти закончили, верно, Лайман? Счастлив был с тобой увидеться, отец.

— Ну нет, так не годится! Ты не можешь уйти из дома, пока я не получу разумных объяснений.

— Извини, отец, но я сказал все, что мог. А теперь мне действительно пора уходить.

Герцогом овладела раздражительность, что бывало не часто:

— Послушай, ты… мальчишка! Ты покинул дом, одетый, как подобает настоящему джентльмену, убедив меня, что собираешься на увеселительную прогулку. Спустя шесть недель я неожиданно вижу тебя ночью; ты одет, как бродяга, шляющийся по стране в компании простолюдинов, вламывающихся в дома приличных людей. Что это значит, сэр? *Что все это значит?*

— Извини, отец, просто у меня такой способ поразвлечься.

— Но твой способ поразвлечься отнюдь не веселит *меня*. Ты сейчас же прекратишь свое сумасбродство, либо я… либо я лишу тебя наследства!

— Это может сильно повредить герцогству.

— Я перекрою твои денежные поступления. Тебе ведь известно, что я до сих пор могу контролировать их?

Сэр Ховард благоразумно проявил осторожность, не подав виду, насколько задевает его столь серьезная угроза.

— Ну, пожалуй, я смогу без них обойтись. Если понадобится, мы присоединимся к странствующему цирку.

— Что?! Ты не можешь так поступить! Это черт знает что! Ван Слик цирковой клоун!!!

— Почему обязательно клоун? Помнишь дядюшку Вальдо? Того самого мошенника, который облегчил карманы парням с того берега реки. Он предложил мне место силового акробата, а Лайман знает целую кучу фокусов с веревкой. Думаю, мы прекрасно справимся.

На какое-то время старый герцог потерял дар речи. Потом, переведя дух, он тяжело вздохнул.

— Ладно, твоя взяла! И все-таки не могу тебя понять, Ховард. Как раз когда я решил, что мой сын стал разумным взрослым человеком, ты вдруг начал выкидывать детские фокусы. Но в сегодняшнем споре ты победил. Что угодно, только не это. Мой сын — циркач! — старый герцог содрогнулся. — Кстати, как вы перебрались через стену замка?

— Лайман накинул лассо на один из зубцов. Мой друг —

отличный профессионал в этом деле. Ты ведь знаешь, что лассо — ремень со скользящей петлей. Кстати, когда строили стену, я говорил, что там не нужна огражденная зубцами открытая галерея.

— Ты был прав, придется ее убрать.

— Слушай, я вспомнил еще об одном, — сказал сэр Ховард, — у наших собак сейчас нет щенков?

— Минутку, дай подумать… Да, Айриш Мист ощенилась с полгода назад, и мы раздали еще не весь помет. Хочешь взять одного?

— Конечно. Одного будет достаточно.

— А зачем? Извини уж старика за любопытство.

— Да так. Думал подарить другу.

— Другу? Интересно. Опять какая-то девчонка из простонародья?

— Нет нужды беспокоиться за незапятнанность герба ван Сликов, отец. Ничего серьезного. Всего лишь знак дружеского расположения.

— Дружеского? Ха! — герцог провел гостей туда, где содержались собаки.

Сэр Ховард осветил фонариком нескольких повизгивавших щенков ирландского голубого терьера. Выбрав одного, он взял его на руки.

— В чем ты его понесешь? — спросил герцог.

— Наверно, надо бы найти корзинку.

— Хорошо, я распоряжусь. Может быть, вы с твоим другом переменитe решение и останетесь на ночь?

— Большое спасибо, но мы спешим. Надеюсь, скоро увидимся, отец. Но в любом случае о нашем визите не следует упоминать.

— Не беспокойся! Неужели ты думаешь, мне хочется, чтобы каждый знал, что мой сын без толку мечется туда-обратно? Береги себя. И попытайся вернуться домой в целости и сохранности. Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится. Пожалуйста, Ховард. Желаю вам удачи и доброго пути!

11

— Терпеть не могу доставлять такое беспокойство старым людям. Надеюсь, когда-нибудь удастся все ему объяснить.

— Да уж. Надо сказать, твой старик выглядел довольно раздраженным. Послушай, Хов, идея добраться сегодня же до Ренсаллера кажется мне не очень удачной. Может, остановимся на ночь на берегу Гудзона? Скоро станет темнее, чем у черта в

заднице. К тому же, вот-вот пойдет дождь, — Хаас с отвращением отлепил от живота отсыревшую рубашку. — Терпеть не могу вашу летнюю погоду. Особенно, когда собирается дождь. В воздухе такая сырость, что одежда липнет к телу.

— Если начнется дождь, мы остановимся в Валати. Это совсем недалеко; мы только что миновали Киндерхук.

— Лучше включи фонарик, иначе свалишься в канаву. Твой щенок еще в корзинке? Очаровательный малыш. Ого! Смотри-ка, какая там шарахнула молния! Жалко, на мне нет кожаных штанов, они не пропускают воду.

— Молния на западе, над Гельдербергом. Пока дождь доберется сюда, может пройти несколько часов. Переходим на рысь!

Копыта застучали быстрее и, почти в тот же момент сэра Ховарда пробрала легкая дрожь. Неужели пахнуло сыром или ему просто показалось?

— Стой, человек! — раздалось знакомое мерзкое чириканье.

Слепящий свет ударил в лицо. Он оглянулся, пытаясь увидеть Хааса, но тот как сквозь землю провалился.

В двухколесном циклете *их* было двое. Вернее, в циклете сидел один, а второй уже выбрался наружу и теперь внимательно рассматривал сэра Ховарда. Тот мысленно выругался, вынимая ногу из стремени.

— Не слезай с лошади! — раздалась команда, потом в темноте вновь зазвучало чириканье обоих прыгунов, после которой последовало новое распоряжение: — Отдай мне поводья!

Циклет с ровным гулом двинулся вперед со скоростью чуть менее шести миль в час; Пол Джонс рысил на привязи вслед за машиной. Один из прыгунов ерзал на своем сидении, стараясь держать всадника в поле зрения.

«Наверное, дорожный патруль, — подумал рыцарь. — Отвезут меня на свой пост в селение Валати. Сами прыгуны поселок упорно называли Валлити, вызывая раздражение местных жителей, с пеной у рта утверждавших, что лично они живут в Валайше. Конечно, будут допрашивать и, вероятнее всего, под действием верамина. Они хотят знать, кто я такой на самом деле. Они даже могут захотеть что-нибудь узнать об Элсмите. Я не имею права ничего говорить. Значит, обязан убить себя. Стоп! Может быть, есть более приятный способ выбраться из этой заварухи. Попытка бежать ничего не даст: у них есть прожектор и пистолеты. Если б только у того малого, который пялится на меня, хоть на минутку свело бы шею!» Рука рыцаря воровато юркнула в одно из отделений седла…

Процессия, наконец, добралась до поста. У дверей стоял стражник с длинным карабином в руках. Двое циклетчиков выбрались из машины, еще один прыгун вышел к ним из дверей, внутри помещения был виден четвертый прыгун, сидевший за пишущей машинкой.

— Слезай с лошади, человек!

О Боже, подумал сэр Ховард, лишь бы меня не зашатало. Я должен сохранить ясный ум. Он выудил щенка из корзинки, закрепленной на крупе Пола Джонса.

— Входи. Нет, стой! Оставь меч снаружи.

Рыцарь несколько неуклюже отстегнул от пояса меч и прислонил его к наружной стене поста.

— А это что такое? — в луче фонарика блеснули глаза щенка. — Внутри поста не должно быть собак. Ты должен оставить ее снаружи.

— Она убежит, ваше Превосходительство.

— Тогда сунь ее назад в корзинку.

— У корзинки нет крышки. Щенок оттуда выпрыгнет, ваше Превосходительство.

В темноте раздалось раздраженное чириканье, потом последовала другая команда:

— Оставь собаку стражнику. Он согласен ее подержать.

Стражник взял одной рукой поводок, а другой попытался почесать щенка за ухом, но тот вдруг задрожал и попытался отодвинуться как можно дальше. Сэр Ховард неуклюже прошел внутрь поста самой лучшей походкой простолюдина, на какую был способен.

— Твои бумаги, человек. Садись сюда. Закатай рукав на предплечье.

Игла вонзилась под кожу. Тем временем прыгуны стали просматривать бумаги.

«Я должен говорить так, как нужно, — подумал он. — Надеюсь, моя идея сработает. Если Бог есть, Он поможет мне сказать все правильно. Элсмит, кажется, в Бога не верит; по крайней мере, на это порой намекает. Но если Всевышний все-таки есть, Он поможет мне сказать все так, как надо».

Началось. Вот оно, это пощипывание, это чувство легкого головокружения. «Я должен говорить так, как нужно. Если я начну говорить что-то не так, мой складной нож уже наготове. Я сумею вытащить его быстро, до того как они меня остановят. Думаю, лучше всего полоснуть по горлу. Я уверен, что лезвие слишком коротко и до сердца не достанет. Лишь бы Бог позволил мне все сказать правильно…»

Допрос начался. Прыгун, который был за начальника,

оторвал взгляд от бумаг.

— Тебя зовут Чарльз Вейер?

— Да, ваше Превосходительство.

— Ты — хоккеист-профессионал?

— Да, ваше Превосходительство, — лишь бы они не стали задавать вопросы про хоккей на льду!

— Место рождения?

Вопросы были самые обычные, но в любом из них могла таиться ловушка. Взять хотя бы последний. Ведь сэр Ховард мог ответить: «Боллстон Спа».

— Боллстон Споу, ваше Превосходительство.

Благодарение Богу! Он вспомнил в самый последний момент!

Если бы он инстинктивно произнес название так, как говорили в его части штата, то сразу полностью выдал бы себя.

Послышалось оживленное чириканье, потом был, задан следующий вопрос:

— Известно ли тебе что-нибудь о высоком и темноволосом человеке, очень похожем на тебя, который недавно появился в округе Гудзон-Мохоук? Он называл себя Уильямом Скрэнтоном, а иногда представлялся как Ховард ван С лик, сын герцога Поукипси.

— Нет, ваше Превосходительство.

Лишь бы не перепутать собственное имя с вымышленными! Скрэнтон, Вейер, ван Слик; он уже не был уверен, какое из этих имен — его собственное.

— Бумаги в порядке. Мы допрашиваем всех людей, похожих на тебя, пытаясь выяснить, по какой причине в прошлом месяце исчез один из наших патрульных. Ты об этом что-нибудь слышал?

— Нет, ваше Превосходительство, — черт возьми, он выиграл!

Опять послышалось чириканье. Если оно относилось лишь к сверке печатей на разрешении путешествовать с записями в регистрационных книгах Олбани и Поукипси, тогда все отлично. Оттиски печатей подлинные. Но если *они* решили проверить подлинность самого разрешения, сверяясь с записями в центральном архиве Нью-Йорка, тогда жди беды.

— Мы удовлетворены, человек. Можешь идти.

Когтистая волосатая рука протянулась над столом, передавая рыцарю бумаги. «Только бы не качнуться, — поднимаясь на ноги, подумал он. — Мне ни в коем случае нельзя шататься».

Стражник, ранее стоявший у дверей, бесследно исчез. Длинный карабин лежал на земле. В пятне света, падавшего из открытых дверей, мокро поблескивал кожаный шлем стражника.

Сэр Ховард застыл, как громом пораженный. У него не было

никаких предположений о том, что здесь могло произойти. Но одно он знал точно: если он сейчас уедет, а потом прыгуны выйдут наружу и обнаружат, что стражник исчез, тогда станут прочесывать частым гребнем всю страну, пока не найдут их обоих. Рыцарь снова прошел в помещение.

— Ваши Превосходительства! — позвал он.

— В чем дело, человек? Тебе было приказано очистить помещение.

— Да, но ваш стражник куда-то ушел, забрав мою собаку.

Четверо прыгунов мгновенно высыпали наружу, словно горошины из лопнувшего стручка. Они тщательно осмотрели брошенные шлем и карабин, галдя на всю округу не хуже настоящего птичьего базара. Затем парочка прыгунов, продолжая чирикать, скакнула в темноту, но вскоре растерянно вернулась обратно. Все четверо снова собрались в кучку, оглашая окрестности своими трелями, размахивая когтистыми руками и покачивая крысоподобными головами. Потом один прыгнул внутрь поста и начал возбужденно верещать в микрофон.

— Чего ты ждешь, человек? — снова спросил главный прыгун. — Твои услуги здесь больше не требуются.

— А как же мой щенок, ваше Превосходительство?

Прыгун на несколько секунд погрузился в раздумья.

— Ты весьма удовлетворительно сотрудничал с нами, человек. В знак признания мы готовы сделать особую уступку, выполнить твою просьбу и содержать некоторое время собаку здесь, в том случае, если мы ее найдем. Разумеется, ты должен уплатить вперед за ее содержание. Полагаю, одного доллара будет достаточно.

Сэр Ховард с трудом подавил желание сэкономить, выложил доллар, пристегнул к поясу меч и повел Пола Джонса прочь.

Отойдя от поста достаточно далеко, чтобы там не смогли его услышать, он начал посвистывать, сперва совсем тихонько, потом все громче и громче. Почти сразу в ответ раздалось негромкое постукивание когтей и легкий шорох поводка, тянувшегося по мостовой; потом две мягкие лапки оперлись на его колено. Рыцарь подобрал щенка, повизгивавшего от безумной радости, сунул в корзину, взгромоздился на Пола Джонса и тронул поводья. Мысль о долларе, отданном прыгуну, сильно мучила сэра Ховарда, однако риск вернуться к посту с тем, чтобы стребовать назад свои деньги, был слишком велик.

— Эй, Хов! — вдруг раздался из темноты свистящий шепот.

— Лайман! Куда ты вдруг исчез?

— Я увидел этих типов, устроивших засаду, но не успел тебя предупредить, поскольку ты был далеко впереди и оказался в

руках прыгунов как раз тогда, когда я их заметил. Прежде чем они успели повернуть прожектор в мою сторону, мы с Куини перескочили через канаву и ускакали в поле. Я видел, как *они* потащили тебя на привязи, и поехал за вами, чтобы меня не было слышно. Так что же потом случилось?

Сэр Ховард рассказал.

— В самом деле? Значит, стражник исчез бесследно? Никогда бы не поверил. Но как тебе удалось скрыть от них правду, если они накачали тебя своим зельем?

— Если случайно найдется в канаве возле поста бутылка из-под виски, прыгуны, конечно, сумеют помножить два на два. Элсмит говорил, что алкоголь в крови препятствует влиянию верамина. Выходит, он был прав. Но из-за совместного действия этих химикатов я чувствую себя не лучшим образом. Ох, осторожнее, Лайман! Держись в сторонке. Похоже, меня сейчас второй раз в жизни стошнит от спиртного!

— О'кэй, парень! Лучше целься вправо, ветер дует в ту сторону! — невдалеке прогремел гром. — Смотри-ка, мне на ладонь упало несколько крупных капель. Похоже, сегодня мы все-таки промокнем до костей. Да и черт с ним! Лично я предпочитаю насквозь промокнуть под дождем, чем остаться сухим под крышей у прыгунов!

12

— Ох, спасибо, Ховард! Большое-пребольшое спасибо! Всегда мечтала о таком щенке!

«Не такая уж плохая реакция, — решил он. — Особенно принимая во внимание, что щенок обошелся мне даром, если не считать проклятого залога в один доллар, который содрали с меня. О Господи, опять сюда явился *этот*, с отвращением подумал рыцарь».

Едва появившись, Ледьяр принялся сюсюкать по-французски со щенком, который был весьма озадачен столь неожиданным вниманием.

— Не знаю, — сказал Элсмит. — Предположим, щенок будет хорошо поддаваться дрессировке, тогда из него выйдет отличный сторож. Но если он станет все время лаять, нам придется от него избавиться, иначе он привлечет ненужное внимание. А теперь, Вейер, жду твоего доклада.

Они вошли в дом, и сэр Ховард разложил на столе найденные бумаги, одновременно рассказывая о случившемся.

Элсмит внимательно рассмотрел кусочки бумаги.

— Для надежности мы проверим их на тайнопись, хотя не

думаю, что там обнаружится что-нибудь интересное. Значит, стражник исчез, бросив карабин и шлем? Забавно. Тебе известно, чем именно занимался с насекомыми твой брат? Попытайся вспомнить, ведь до его смерти у нас не было с ним связи более двух месяцев.

— Я мало что знаю, — сказал сэр Ховард. — Большую часть этого времени меня не было дома. К тому же, он никогда не посвящал меня в свои дела. Я даже ничего не знал про его лабораторию, пока не вернулся домой, узнав о горестных новостях. А к тому времени *они* разнесли там все вдребезги, а что не уничтожили, то забрали с собой. Всех насекомых вытряхнули во двор. Потом пару недель у нас было сущее нашествие паразитов.

— Так-так-так… — Элсмит задумчиво зажег сигару. — Мне кажется, эксперименты твоего брата, разгром лаборатории и выброшенные во двор насекомые как-то связаны с исчезновением стражника. Вот только пока не могу понять, как.

Сэр Ховард взял со стола клочок с таблицей, озаглавленной «Pulex irr.»

— У вас есть какое-нибудь представление о том, что это значит, сэр?

— Думаю, речь идет о *Pulex Irritant*, то есть о блохе обыкновенной. Обозначение М-146, скорее всего, это порядковый номер искусственной мутации, поскольку твой брат исследовал именно мутации насекомых. Ты ведь знаешь, что это такое, верно? Цифра справа, вероятно, означает: «фактор отсева 0.17». Выходит, к тому времени, когда из ста обычных блох при обычных условиях умерла бы только одна, из ста штук мутировавших блох в каких-то особых условиях живыми остались только семнадцать. Восклицательные знаки напротив обозначения М-149, по-видимому, значат, что Фрэнку удалось найти тип мутантов, которые переносят те самые особые условия так же хорошо, как обычные блохи переносят нормальные условия.

Сэр Ховард задумался.

— Но ведь блохи не кусают прыгунов, верно? — спросил он. — Всем известно, что ни москиты, ни блохи никогда *их* не беспокоят… Ага! — вдруг взревел он.

Много позже сэр Ховард решил, что именно этот момент был самым великим в его жизни. Каким образом он пришел к нужному выводу, объяснить было трудно. Казалось, только что он испытывал замешательство и озадаченность, — и вдруг яркая вспышка в мозгу, после которой все стало кристально ясно. Перед глазами возникла ставшая уже привычной картина: маленький серый щенок чешется… чешется… Он чешется!

— Щенок! Это щенок!!!

— Как? Что? — подпрыгнул Элсмит. — Прошу тебя, мой мальчик, не кричи так громко хотя бы в доме, если не хочешь довести меня до инфаркта.

— Я говорю — щенок! Все дело в собаке. Предположим, Фрэнку удалось вывести мутацию блох, которым прыгуны пришлись по вкусу. Когда насекомых выпустили во двор, часть этих особых блох забралась в собачьи клетки, некоторые из них оказались на щенке, которого взял у меня стражник. Парочка-другая наверняка переползла на прыгуна.

— Ну и что?

— Предположим, на вашу голову надета шляпа, под которую забралась блоха и стала кусать ваш скальп. Как вы поступите?

— Чего тут думать? Сниму шляпу и… клянусь Юпитером, я понял! Потрясающе. Похоже, ты попал в точку! Обычные насекомые не кусают прыгунов, поскольку гемоцианин в их крови вызывает у москитов и блох несварение желудка. Но если твоему брату удалось вывести мутантов, охотно потребляющих и гемоцианин, и гемоглобин, то стражник, которого никогда не беспокоили насекомые, мог наполовину свихнуться от их укусов. Ведь прыгуны не привезли на Землю из своего мира никаких паразитов. Поэтому он тут же стащил с себя шлем, после чего лишился разума и уже не мог надеть шлем обратно. Выходит, с их синтетическим способом умственной концентрации стоит им снять шлем, чтобы инстинктивно почесаться… Стой! Куда ты собрался?

Сэр Ховард уже стоял в дверях.

— Ледьяр! — крикнул он. — Куда делся щенок?

— Он ушел вместе с Салли, мой друг. Вернее, она его забрала. Сказала, что собирается его выкупать.

— Но где они? Где?!

— Пошли по тропинке к ручью. Ты хочешь…

Остатка фразы рыцарь уже не слышал. Он бежал вверх по тропинке со всей скоростью, на какую был способен. Сердце громко стучало, отдаваясь в ушах. В конце тропинки, в рамке зеленых кустов он увидел прелестную картину. Солнце золотило волосы Салли Миттен, стоявшей на коленях возле корыта. Над корытом она держала на вытянутых руках тревожно повизгивавшего дымчато-серого терьера.

— Салли! — безумный вопль, вырвавшийся из мощной груди, наполнил весь лес перекликающимися отголосками эха.

— В чем дело, Ховард? Что случилось? Прыгуны обнаружили наш лагерь?

— Нет… мне нужен щенок! — он замолк, чтобы перевести

дыхание.

— Щенок? Но зачем? Я всего лишь собралась его выкупать, он буквально покрыт блохами.

— Благодарение Богу! — отдуваясь, пропыхтел рыцарь.

— Это еще почему? Потому что щенок покрыт блохами?

— Да. Ты еще не окунала его в корыто?

— Нет. В своем ли ты уме, ван Слик?

— Очень даже в своем. Можешь спросить у дядюшки Хоумера. Мне надо обязательно спасти этих блох. Поди сюда, Матт, или Спайк, или как еще там тебя зовут.

— Я собиралась назвать его Теренсом.

— Прекрасно. Поди сюда, Теренс.

Теренс поглядел на рыцаря, нерешительно повилял хвостом, после чего сел и начал ожесточенно чесаться.

К тому времени, когда сэр Ховард доставил собаку обратно в лагерь, новые идеи и предложения бурно возникали там, словно поганки после дождя.

— Скорее всего, — говорил Элсмит, — для наших целей годится лишь небольшая часть блох, поселившихся на Теренсе. Надо найти способ как-то выделить их из общей массы.

Тем временем Теренс лениво выкусывал насекомых из шелковистой шерстки.

— Если бы у нас было какое-то количество голубой крови с гемоцианином, — сказал сэр Ховард, — мы попытались бы накормить ею блох. Ведь нам нужны как раз те, которые станут ею питаться.

— Верно, — задумчиво пробормотал Элсмит. — Только так мы сможем проверить нашу теорию. Хотя пока непонятно, как нам достать хотя бы немного крови прыгунов.

— Может быть, мы сумеем выкрасть одну из этих тварей и доставить ее сюда в целости и сохранности? — неторопливо высказался Хаас.

— Браво! — вежливо похлопал в ладоши Ледьяр. — Вот он, истинно американский подход к делам, о котором мы так много слышали во Франции.

— Боюсь, это слишком рискованно, — согласился Элсмит с французом.

— Возможно, — предположил тот, — еще какие-то существа имеют тот же тип крови?

— Очень похожая кровь у ракообразных, — ответил Элсмит.

— Ракообразные? Вы имеете в виду омаров или, как вы их здесь называете, лобстеров?

— Да.

— Тогда проблема практически решена, друзья! Один из

наших людей — управляющий рестораном братьев Винье, в Нью-Йорке. Приходилось ли вам там обедать? Нет? Жаль. Обязательно надо попробовать. Их луковый суп великолепен. Я договорюсь, чтобы лобстерам пустили кровь до того, как начать их готовить. На вкус блюд это никак не повлияет. Голубую кровь потом доставим сюда контрабандой. Кстати, как будем кормить блох? Не можем же мы кричать хором: «Блоха, блоха, вам подана уха!»

— Самый простой способ, — заметил Элсмит, — посадить их на ваше запястье, накрыв тонкой склянкой. Обычные блохи с радостью начнут питаться. Но более гуманный подход — поместить разные типы крови в пузырьки из очень тонкой пленки. Блохи прокусят пленку и будут сосать кровь…

Едва возникнув, блошиная ферма стала расти не по дням, а по часам. Чтобы достичь зрелости, очередному поколению насекомых требовалось около пяти недель. Репродуктивность блох благодаря самому нежному уходу была невероятной. Сэр Ховард никак не мог выкроить время, чтобы выбраться в Амстердам за велосипедом для Салли. В лагере постоянно появлялись и исчезали новые посетители. Маленький Фитцмартин счастливо убыл восвояси, получив инструкции изготовить как можно больше электростатических установок, которые должны были в решающий момент полностью лишить связи проклятых захватчиков. Некоторое утешение сэру Ховарду доставляло то, что великое множество дел, мешавших ему ухаживать за Салли Миттен, точно так же мешает и французу. Все в лагере не покладая рук работали с утра до ночи. В склоне горы выдолбили специальную камеру, где содержалось огромное количество насекомых.

В лагере побывал негр из Миссури; уезжая обратно, он увез несколько тысяч драгоценных блох за подкладкой потрепанного чемоданчика. Затем появился краснокожий житель юго-запада, навах, оказавшийся старинным другом-врагом Хааса. Радостно похлопав друг друга по спинам, приятели пустились в воспоминания:

— Послушай, ты помнишь, как мы наголову разгромили ваших парней на реке Платт?

— Наголову? Что ты хочешь сказать? Вас было вдвое больше, и все равно мы отступили в полном порядке!..

Появлялся и Максвелл Бодж, новый глава Организации в отделении Гудзон-Мохоук. Он сообщил, что местные прыгуны не проявляют излишней подозрительности, однако по-прежнему обеспокоены непонятным исчезновением стражника, которого позже нашли бестолково слоняющимся по окрестностям. После того как на него снова надели шлем, никаких путных объяснений

своего поведения тот дать не смог.

Сэр Ховард только теперь начал понимать, как велик мир. Ему очень хотелось расспросить гостей, имевших самые разные оттенки кожи, о тех странах, откуда они приехали. Однако время не позволяло. Люди появлялись и исчезали тайком, порой задерживаясь всего на несколько минут. Сдержанное тявканье Теренса, неясная тень в ночной тьме, пароль, тихий и невнятный короткий разговор, и человек быстро уходил из лагеря.

— А теперь, — однажды сказал Элсмит, — мы будем сидеть и ждать. Время потянется, как на каторге.

— Что вы имеете в виду, сэр? — спросил сэр Ховард.

— Время, — ответил тот. — Чтобы добраться до самых удаленных уголков Земли, нашим посыльным потребуется уйма времени. До нашествия прыгунов ты смог бы попасть в самые глухие места всего за пару дней. Летательные и наземные машины буквально пожирали пространство. Но теперь, хотя мы и используем самые быстрые из доступных нам транспортных средств, потребуется целый месяц, чтобы добраться до Центральной Азии, например. Вот почему нам придется ждать. К счастью, большинство посыльных из дальних стран уехали раньше других: чтобы сэкономить время, мы послали туда наших собственных людей. Одного из них, гонца в Грузию, перехватили прыгуны. Он бросился с корабля в Бискайский залив прежде, чем из него успели выжать что-либо. Нам пришлось срочно высылать новую партию блох.

Итак, мой мальчик, на следующие пять недель планируй для себя охоту, рыбалку, ну и, конечно, работу в огороде.

— Но я бы предпочел завтра отправиться в Амстердам, сэр.

— Боюсь, ничего не выйдет, Ховард. Весь следующий месяц мы должны вести себя тише воды, ниже травы. Будет ужасно, если в самую последнюю минуту что-то пойдет неправильно. Да, прыгуны не проявляют особой подозрительности, но как знать, не затеяли ли они с нами игру в кошки-мышки?

Значит, о велосипеде для Салли Миттен пока придется забыть, подумал рыцарь. И Ледьяр уже вернулся в лагерь несколько дней назад… Ну и черт с ним!

— А сколько блох уже вырастила Организация, сэр?

— Точно не знаю. По-моему, около пятидесяти миллионов.

— Но этого явно недостаточно. На Земле примерно двести миллионов прыгунов. Мне кажется, надо добиться, чтобы на одного прыгуна пришлось не меньше, чем три блохи.

— Так оно и будет. Посыльные создадут пункты для разведения насекомых во многих и многих местах. Правда, времени хватит лишь на одно новое поколение. Некоторые будут

разводить блох даже во время поездки.

— Где же они станут это делать?

— Если не будет других возможностей — прямо на своем теле.

— А на какой день назначено восстание?

— На первое октября.

«Выходит, ожидание трудней любой работы», — думал сэр Ховард, пытаясь любыми способами убить время. Он старался дать выход бушевавшей в нем дурной энергии, бессмысленно выплескивая ее: как-то раз он пять миль тащил по лесу на плечах подстреленного им громадного оленя аж с восемью отростками на рогах, что говорило о его возрасте и величине. Рыбу сэр Ховард ловил редко. Это занятие казалось ему недостаточно активным. Кроме того, стоило ли добираться до Хитрого озера, чтобы обнаружить там мирно покачивающуюся на водной глади лодку с Ледьяром и Салли Миттен? Ничего забавного в угрюмом стоянии с удочкой на берегу рыцарь не находил и после второй встречи с милой парочкой на Хитром озере больше не появлялся. Он предпочел ходить с биноклем вниз, на озеро Маленького Лося, и там скорбно наблюдал за парой скоп — хищных птиц, нырявших за рыбой. По вечерам он запоем читал.

Ближе к концу сентября, когда клены уже окрасились в осенние золото и багрянец, в лагерь пришел Максвел Бодж, чтобы обсудить подробный план восстания в штате Йорк. К своему удивлению, сэр Ховард узнал, что ему поручено возглавить отряд тяжелой кавалерии, повести его против прыгунов из Олбани и вступить в бой, если до них не сумеют добраться блохи. План был составлен давно, теперь оставалось только разъяснить отдельным участникам, где и когда они должны быть и что конкретно предстоит делать.

Сэр Ховард с гордостью продемонстрировал свой шлем.

— Эта часть называется чашкой, — пояснил он. — Вот это — забрало. А вот это — нагрудник.

— Силы небесные! — воскликнула Салли Миттен. — Наверно, каждая часть доспехов, даже самая малюсенькая, тоже имеет свое название?

— Ладно, ладно, моя дорогая; ни к чему тыкать меня носом в то, что я наконец-то выискал хоть одну вещь, которую знаю лучше, чем ты. Разумеется, каждая деталь доспехов имеет свое предназначение, а значит — и название. И все это я знаю до тонкостей.

— Бедный, бедный Ховард! Тебе ужасно не повезло.

— К-а-ак?

— А так. Если мы победим, столь милые твоему сердцу железки мгновенно выйдут из употребления, верно? Ведь у людей появится огнестрельное оружие.

— Боже милостивый! Об этом я как-то не подумал. Ты опять прав.

— А кроме того, появятся машины с мотором. Не захочешь же ты трястись куда-то на лошади, если в твоем распоряжении будет автомобиль, на котором можно мчаться со скоростью сто миль в час!

— Похоже, ты опять выиграла наш спор, юная леди. Надо же. А ведь я долгие годы учился правильно сидеть на лошади, ковырять врага зубочисткой и размахивать мечом. В моем арсенале кавалерийских трюков больше, чем мух на навозной куче. И вот теперь я своими руками помогаю превратить все это в груду бесполезного барахла!..

— Уверена, что ты на правильном пути. Ты очень способный молодой человек. Кстати, никогда не видела, как полностью вооруженные воины в доспехах выполняют команду «кругом!» Наверно, они похожи на семейство черепах, вдруг вздумавших разом двинуться в обратную сторону.

— Да нет, все выглядит не так уж плохо. Вес равномерно распределен, а соединения лат дают достаточно свободы. Однако, поднимаясь по лестнице, сразу понимаешь, какую тяжесть приходится носить.

— Мне казалось, воины должны предпочитать кольчужные рубахи. Ведь они легче и, наверняка, более гибки?

— Так думают лишь те, кто никогда сам их не носил. Доспехи, обеспечивающие одинаковую защиту, весят почти одинаково. Кроме того, ты не учитываешь прокладку.

— Какую еще прокладку? — искренне поразилась Салли Миттен.

— Толстую. Полтора-два дюйма хлопковой ткани. Без прокладки кольчуга защитит от меча и копья, но только от их острия, а не от удара, который запросто может переломать кости. Когда все эти тряпки на тебя надеты, гибкость кольчужных доспехов становится ничуть не лучше, чем у пластинчатых. К тому же, летом всегда паришься в кольчуге, словно у дьявола в аду. Вот рубаха из легкой кольчуги, как у Лаймана Хааса — совсем другое дело. Очень помогает в случае, когда темной ночью какой-нибудь добрый человек вознамерится проверить кинжалом прочность твоей кожи.

Рыцарь затянул последний ремешок, надел шлем и встал. Огонь в очаге отбрасывал на сталь красноватые блики.

— Твои ребята готовы? — спросил он.

— Ага, — ответил Кахун. — Давно.

— Уже полчаса, как готовы, — сказал Хаас. — Твоя возня — для меня хороший урок. Придется давать лобстерам больше времени, чтобы они успели залезть в свои панцири.

— Ховард…

— Да, Салли.

— Хочу тебя кое о чем попросить…

— Да?

— Будь осторожен, когда *они* вас заметят. Не лезь вперед понапрасну. Люди, в которых никогда не стреляли из ружья, не представляют себе, насколько смертоносна эта штука.

— А-а… Ты вот о чем… Понятно. Не беспокойся, я и сам чертовски боюсь ружей. Надеюсь, еще встретимся.

13

Цок-цок-цок, звенели копыта. Со стороны Мохаука наползал такой густой туман, что люди в отряде едва видели дорогу под ногами лошадей. Туман оседал на тусклой стали доспехов и маленькими струйками стекал вниз.

Миновав Шенектади, они проехали громадные мачтовые антенны радиостанции. Маленький фонарь у основания ближайшей мачты плыл оранжевым пятном в серой полумгле. Около мачты стояли три человека, четвертый на коленях рядом с фонарем рубил подводящий кабель мясницким топором. Чвак, — с хлюпаньем ударял топор, — чвак, чвак, чвак.

— Тут недалеко подворье Маккормака, — сказал кто-то. — Настоящий медвежий угол.

— Зачем только Вейер повел нас здесь? — откликнулся другой голос. — Через Колони было бы гораздо ближе.

— А я знаю? Может, по Мохаукскому шоссе должен идти кто-то другой.

Отряд остановился. Впереди слышался топот множества копыт.

— В колонну по одному! — раздалась сзади команда сэра Ховарда. — Шагом!

Они выровнялись в колонну, и мимо них, по шоссе Шерри-Вэлли, рысью прошел большой отряд без доспехов, но с арбалетами за спиной.

— Эй, лобстеры! — окликнул один из арбалетчиков. — Куда гребете? От вас столько же толку, как от натуральных омаров. Для настоящей драки годимся только мы!

— Наш черед крошить прыгунов придет, когда вы начнете уносить ноги, а они погонятся за вами, — отбрил один из людей

Ховарда. — Вам попадались по дороге прыгуны?

— Одного видали! — крикнул в ответ арбалетчик. — Возле Дуанесбурга. Он просто сидел в своем циклете и ничего не делал. Всего лишь смотрел, как мы скачем мимо. Наверно, принял за отряд, участвующий в какой-то местной войне.

— Совсем ничего не спросил? Это хорошо.

— Я же говорю, он ничего не делал. Даже забыл приказать: «Стой, человек!» Думаю, он весьма удивился, когда стрела Шайлера проткнула его насквозь.

— Что он сделал тогда?

— Да опять почти ничего. Свалился и немного попищал. Теперь больше не пищит.

Отряд арбалетчиков быстро ушел вперед. Туманная дымка постепенно таяла; сделалось светло. Вдали поднимался оранжевый сверху и темно-красный снизу диск солнца, лучи которого весело засверкали на доспехах.

— Вижу здание администрации, — сказал один из конников. — Интересно, в нем уже есть прыгуны?

— Наверно есть, — ответил другой. — Они слишком ранние птички и приходят на работу рано. Еще и поэтому я терпеть не могу прыгунов.

— И ты считаешь семь утра слишком ранним временем? Тебе бы надо поработать на ферме, парень!

— Они могут нас увидеть, вот в чем дело!

— Могут. Но они все равно вот-вот поймут, что происходит что-то не то. Ведь с минуты на минуту должна включиться электростатическая машина.

— А оружие в здании есть?

— Думаю, да.

— Я имею в виду те большие штуки. *Они* называют их артиллерией.

— Нет, те находятся в Уотерли.

— Но если прыгуны захотят, орудия из Уотерли могут стрелять прямо по Олбани.

— Брось. Не может быть никакого оружия, которое стреляло бы так далеко.

— Оно очень даже есть. Называется пушкой. Если им придет в голову, они могут стрелять даже по Кингстону. Вот поэтому и должны включить электростатические машины. Тогда прыгуны не смогут передавать известия туда и обратно, а значит, не смогут сообщить, куда надо стрелять.

— Я слыхал, что у наших тоже есть стрелковое оружие.

— Немного есть. Кое-что украдено у прыгунов, немного сделали сами. Беда в том, что никто толком не умеет им

пользоваться. Сперва я думал записаться в стрелковый отряд, но потом решил, что уж лучше сковырну какого-нибудь прыгуна моей старой доброй зубочисткой.

— Скажи-ка, а кто там едет впереди с Бейером? Ну, тот парень в смешной шляпе.

— Понятия не имею. Говорят, он из какого-то местечка, которое зовется Вайомингом. Я думаю, из южных штатов.

— Не понимаю, как он сможет в своей шляпе показать приличную скорость. Слишком велико сопротивление воздуха.

— Послушай, а это не выстрел?

— Похоже на то.

— Там пошла непрерывная стрельба. Вейеру лучше поторопиться, иначе пока мы туда доберемся, вся потеха уже закончится.

Когда сэр Ховард остановил свой отряд за домом напротив здания администрации, все окна в Олбани дребезжали от непрерывной ружейной пальбы. На Лосиной улице тут и там сновали кучки вооруженных людей. Рыцарь приказал своему отряду ждать, сам спешился и завернул за угол, чтобы осмотреть поле боя.

В основном, стреляли из административного здания. На нижних этажах все окна были разбиты. Из соседних домов непрерывным потоком летели стрелы из луков и арбалетов. На ближних перекрестках были навалены баррикады. Прячась за ними, по зданию администрации стреляли арбалетчики. За ближайшей баррикадой был Эли Кахун и еще несколько человек, вооруженных винтовками и пистолетами.

— Не торопись, сынок, — приговаривал он, переходя от одного стрелка к другому, — и тяни спусковой крючок более плавно.

Перед разнесенными вдребезги стеклянными дверями валялось множество мертвых прыгунов. Шлемов на головах у них не было. На широкой площади Капитолия то тут, то там лежали убитые люди, около двадцати человек. Задувал легкий порывистый ветерок. Он весело гонял по площади сухие пестрые осенние листья.

Сэр Ховард подозвал командира в гражданском с нарукавной повязкой.

— Эй, Бодановский! Надеюсь, я прибыл вовремя!

— Слава Богу, ты, наконец, появился. Будешь главным.

— Как?

— Вот так. Тут идет непрерывная стрельба. Бодж убит. Он возглавил атаку, пытался прорваться на первый этаж. Хаверхилла

тоже не видно; никто не знает, что с ним. Макфи потерял руку. Оторвало напрочь пулей.

— Вот так так! А общая ситуация?

— Ни то ни се. Мы не можем войти, они не могут выйти. Олсен выпустил блох точно по расписанию. Насекомые искусали большинство прыгунов. Но *их* было слишком много, и уцелевшие начали снова надевать шлемы покусанным. Те, которым шлемы не успели надеть, совсем свихнулись и побрели на площадь через главный вход. Там их наши ребята быстро прихлопнули. Не думаю, что ты сможешь поднять людей на следующую атаку; они слишком хорошо видели, чем закончилась предыдущая.

— Как насчет конвульсионных излучателей?

— Парочка у прыгунов есть, но они пока не могут ими воспользоваться, ведь мы отключили энергию во всем городе. Они пустили в ход конвульсионные лучи, но это оружие ближнего действия. Бьет футов на пятьдесят, не больше. А, вот и Грини. — К ним подбежал еще один командир.

— У наших стрелков осталось мало патронов, — переведя дыхание, сказал он. — К тому же патроны старые: каждый второй дает осечку. Да и сами стрелки хороши. Палят, куда попало!

— Скажи стрелкам, чтобы прекратили огонь! — приказал сэр Ховард. Он был слегка напуган неожиданно свалившейся на него огромной ответственностью. — Надо беречь патроны, они нам пригодятся.

— Но стрелы из луков и арбалетов не долетают до верхних этажей, — сказал Бодановский.

— С верхними этажами мы все равно ничего отсюда сделать не можем. Сперва надо найти способ пробраться на нижние этажи, — рыцарь на минуту задумался. Остальные двое молча ждали, пока он родит гениальную идею. Если не родит, значит, командир из него никакой.

— Эй, Эли! — заорал он во всю глотку. — Эли Каху-ун!

Уроженец Новой Англии уже шел к ним своей крадущейся походкой.

— Ну? — спросил он.

— Как думаешь, поднимется настоящий ветер?

— Хм. Может быть, — старик взглянул на небо, потом — на крутящиеся по площади листья. — Северо-восточный. Я думаю, через час.

— Отлично. Бодановский, надо построить еще одну баррикаду возле здания администрации, поперек заднего двора. Используйте мебель и все, что сделано из дерева. Скажи своим людям, чтобы не высовывались из-за этого укрытия, а то их подстрелят с верхних этажей. Соберите все ящики и коробки,

какие найдутся в городе, набросайте их большой кучей с западной стороны баррикады, а сверху свалите все сухие листья, которые сумеете сгрести.

— Костер и дым, так?

— Да. И соберите туда мусор со всего Олбани! Мы покажем этим сырным вонючкам, что такое настоящая вонь! Теперь ты, Сент-Джон. Ступай в пожарное депо. Когда от костра повалит настоящий дым, мы получим отличную дымовую завесу. Пусть под ее прикрытием подгонят к зданию пожарные фургоны и отцепят от них лошадей. Тогда наши парни смогут по лестницам забраться в окна.

Сэр Ховард обошел дома на другой стороне площади, беседуя со встревоженными и усталыми командирами, проверяя расстановку сил. Там были люди в доспехах, люди в комбинезонах, люди в одежде клерков, люди с алебардами, луками, мясницкими ножами, привязанными к длинным палкам. Уже появились несколько убитых и один умирающий от случайного ранения.

Во дворе административного здания быстро росла куча горючих материалов. Только пожарная команда все не ехала. «Ну конечно же, — подумал он, — ведь большинство пожарников уже здесь. Видно, я совсем поглупел. В пожарном депо просто некому запрячь лошадей. Надо, чтобы несколько человек вернулись в депо». Сэр Ховард отдал соответствующий приказ, и люди бросились его исполнять.

Вскоре костер разгорелся, и повалил огромными клубами дым. Ветер уже дул достаточно сильно, чтобы накрыть здание плотным саваном дымной пелены. Рыцарь услышал, как стоявший рядом человек закашлялся и сказал:

— Кого, черт возьми, они хотят выкурить? Прыгунов или нас из-за укрытия?

В этот момент послышался хриплый гул, и над крышами зданий прошла большая летательная машина. Большинство людей перестало стрелять, с опаской провожая ее взглядом. Флаер заложил вираж, развернулся и пошел обратно.

— Они собираются бомбить нас? — спросил один из командиров.

— Им бы хотелось сделать это, — ответил сэр Ховард, — но они не знают, куда сбросить бомбы. Боятся попасть в своих.

Предупреди парней, чтобы внимательней смотрели за администрацией и не беспокоились из-за флаера.

Летательная машина появилась снова. Она поднялась гораздо выше, повернула на север и уже почти скрылась из вида, превратившись в точку, как вдруг на месте этой точки вспыхнула

ослепительная белая вспышка. Сэр Ховард сразу понял, что произошло, и быстро открыл рот. Ударная волна сбила с ног нескольких человек. Спустя секунду рыцарь сообразил, что музыкальный звон раздается не внутри его головы, а снаружи: то посыпались на мостовую стекла из многих тысяч окон.

Люди были перепуганы, у многих из носа шла кровь. Еще минута, и начнется паника; они бросятся, куда глаза глядят. Рыцарь пробежал вдоль баррикады, выкрикивая на ходу:

— Все в порядке! Наши взяли У отерли, направили на флаер Х-луч прыгунов и взорвали все бомбы внутри машины! Все идет отлично!

— Прыгуны выходят наружу! — выкрикнул кто-то.

Сэр Ховард оглянулся. Теперь, когда арсенал в Уотерли захвачен, логично ожидать, что прыгуны постараются бежать. Значит, ему следует вернуться обратно, на ту сторону площади, к своему кавалерийскому отряду. Стрельба из администрации почти прекратилась. Рыцарь спрыгнул с баррикады, едва не упав, когда ноги слишком сильно согнулись из-за тяжести лат, и побежал через площадь странным ковыляющим бегом, характерным для людей в доспехах.

Он преодолел уже полпути, когда из парадных дверей здания администрации высыпала толпа прыгунов. Сэр Ховард оказался прямо перед ними. Послышался треск выстрелов, но его пока не задело, и он продолжал бежать. Со стороны прыгунов раздалось еще несколько выстрелов, одна из пуль попала в оплечье и срикошетила с противным визгом. Но даже такой удар развернул рыцаря и свалил его на землю. «Слава Всевышнему, попадание всего лишь скользящее, — подумал он. — Наверное, лучше притвориться мертвым». Ему даже послышался общий стон армии нападавших, но это, конечно, было явным признаком самомнения, поскольку большинство людей понятия не имело, кто именно упал..

Краем глаза он взглянул в сторону прыгунов. Их было около сорока, и они быстро скакали через площадь к зданиям. Навстречу им полетело множество стрел из луков и арбалетов, но, по большей части, впустую. Одна из стрел отскочила от нагрудной пластины рыцаря. «Не дай Бог, кто-нибудь из этих болванов подстрелит меня по ошибке», — мельком подумал он. Тем временем прыгуны развернулись и поскакали назад.

Сэр Ховард с трудом встал на ноги. Несколько человек выбрались из-за баррикады и теперь бежали к нему. На бегу они что-то предостерегающе кричали. Он оглянулся. Всего в тридцати футах от него стоял прыгун со странным карабином. От карабина в рюкзак за спиной тянулись кабели. Это было страшное оружие,

мечущее молнии. Раздался резкий треск, и рядом с рыцарем проскочил яркий разряд, похожий на длинный голубой карандаш. Треск раздавался снова и снова. Двое из людей, бежавших на выручку, остановились и легли на мостовую, остальные поспешили назад, к баррикаде. Ружье снова затрещало, и голубой карандаш уперся в грудную пластину рыцаря. Мускулы свело такой судорогой, что даже кости захрустели, но сэр Ховард все же не упал. В него попало еще четыре молнии, и опять он остался жив. Разряд по стальным доспехам частью уходил в землю. Вытащив меч, рыцарь нетвердыми шагами двинулся к прыгуну. Тот повернулся и длинными скачками припустил по площади вслед за своими сородичами, улепетывавшими по Стейт-стрит.

Люди выбегали из дверей, перебирались через баррикады, выпрыгивали из окон. Теперь, когда прыгуны отступали, всем хотелось их преследовать. Если он не успеет в течение нескольких секунд провести здесь свою кавалерию, площадь будет забита людьми, и лошади застрянут в толпе, словно мухи на липкой бумаге.

Впереди бегущих легким галопом скакали двое, Лайман Хаас и Мазук, заместитель сэра Ховарда. Уроженец Запада вел в поводу Пола Джонса.

— Молодцы! — крикнул рыцарь, забираясь на своего мерина.

— Кавалерия из Питсфилда идет сюда от реки! — прокричал в ответ Хаас.

— Они не смогут здесь пройти. Передай им, чтобы огибали город с юга и затем двигались на запад. Попытайтесь отрезать прыгунам путь отступления! Ну, вперед!

Они помчались через площадь наискосок. Люди, только что бежавшие навстречу, бросились врассыпную, словно перепуганные цыплята, чтобы не попасть под копыта.

Баррикада к западу от административного здания была низкой; ее защищали всего несколько человек, которые стреляли до тех пор, пока прыгуны не оказались совсем близко, после чего рассыпались во все стороны, словно стая вспугнутых перепелок. Прыгуны легко перескочили баррикаду, стреляя в спины разбегавшихся людей. Когда сэр Ховард подъехал к баррикаде, прыгуны уже ускакали далеко по Стейт-стрит. Рыцарь заставил Пола Джонса перепрыгнуть баррикаду. Грохот, звон и лязг заставили его обернуться. Сзади него Мазук со своей лошадью, которая зацепила в прыжке край баррикады, катились по мостовой. Оба быстро поднялись на ноги, после чего лошадь поскакала дальше за отрядом, а Мазук, гремя доспехами, побежал следом за ней.

— Стой! — кричал он, отставая все больше и больше. —

Вернись назад, колченогая сволочь!

Далеко позади послышались сирены прибывших, наконец, пожарных фургонов.

Всадники пересекли Вашингтон-Парк и поскакали по Скотланд-авеню, не упуская прыгунов из виду, но и не стараясь подобраться к ним слишком близко. Люди выбегали на улицу, потом прятались, завидев прыгунов, снова выбегали и снова прятались по домам, чтобы не попасть под копыта кавалеристов.

Они уже находились в юго-западной части Олбани, где Скотланд-авеню переходила в Сингерландскую дорогу. В свое время здесь проложили несколько улиц, но выстроили всего пять-шесть домов. Район по большей части представлял собой большой, поросший высоким сорняком пустырь. Левее сейчас двигался еще один отряд конников. Эти всадники, в основном, прибыли из Массачусетса. Они были вооружены мощными стальными луками. Такая комбинация действовала превосходно. Когда стрела сбивала с ног очередного прыгуна, каждый проезжавший мимо лобстер из отряда сэра Ховарда втыкал в корчившуюся тварь копье, пока она не переставала походить на прыгуна. Собственно, после этого она уже ни на кого не походила. Разве что на кучку мусора.

Прыгуны рассыпались в разные стороны. Конники, не ожидая приказа, также разъехались, продолжая добивать врагов. Увлекшийся погоней сэр Ховард вдруг обнаружил, что в одиночку преследует прыгуна. Рыцарь раздумывал, как поступить, если раньше, чем он сумеет расправиться с тварью, та успеет добраться до края плато. Пол Джонс наверняка не сможет спуститься по такому крутому склону. Однако прыгун двигался все медленнее. Почти догнав его, сэр Ховард увидел, что нога твари насквозь пробита стрелой.

Сжав копье, рыцарь приготовился метнуть его в прыгуна, но тот вдруг остановился, обернулся и навел на врага пистолет. Раздался выстрел, что-то сильно ударило рыцаря в бок. Этот удар вышиб его из седла и сбросил на землю. Раненый бок страшно болел, и сэр Ховард почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Сквозь громадные сорняки он не видел ничего, кроме стоявшего совсем рядом прыгуна. Тот снова поднял пистолет. Курок сухо щелкнул. «Осечка, — подумал рыцарь. — Если б я успел добраться до прыгуна прежде, чем тот перезарядит…» Он попытался сесть, но доспехи, вдруг ставшие невероятно тяжелыми, не дали ему подняться. Похоже, прыгун уже перезарядил пистолет, а рыцарь так и не смог ему помешать. Послышался стук копыт, но сэру Ховарду показалось, что этот звук доносится с расстояния в целую милю. «О Боже, — подумал

он, — почему я должен умереть именно сейчас?» Прыгун взвел курок и снова поднял пистолет; бок словно жгло огнем, боль стала невыносимой… Рыцарь мысленно попрощался с жизнью.

Копыта прогремели совсем близко, в воздухе, змеисто извиваясь, с шипением мелькнул ремень, и на плечи прыгуну упала петля. Пистолет все же выстрелил, но прыгун нелепо подпрыгнул и, дергая конечностями, свалился на бок, потом подпрыгнул в последний раз и исчез где-то в сорняках.

14

— Он в полном порядке, — входя в комнату, заявил врач. — Всего-навсего одно сломанное ребро. Пуля продырявила доспехи и слегка поцарапала бок. Кости перебитого ребра малость надорвали кожу, когда наш герой свалился с седла. Да, да, разумеется. Можете разговаривать с ним, сколько хотите.

Следом за врачом в комнату ввалились сразу несколько человек: Салли Миттен, Элсмит, Лайман Хаас, Эли Кахун и Ледьяр. Француз торжественно нес перед собой собственную загипсованную руку, был изрядно грязен и, по обыкновению, исполнен искреннего сочувствия.

Разумеется, все они начали говорить разом. Сэр Ховард дождался, пока они смолкнут, и спросил, как идут дела.

— Прекрасно, — ответил Элсмит. — Мы выключили электростатические машины и сразу получили сообщение по радио. Его передавали все радиостанции Нью-Йорка, они уже заняты восставшими. Насколько я знаю, все опорные пункты прыгунов в Северной Америке захвачены. Немного прыгунов еще на свободе, но их скоро перебьют.

В их руках еще несколько укреплений в Африке, но туда движется арабская армия, полностью оснащенная захваченным у прыгунов оружием. Нашлось даже несколько человек, вызвавшихся лететь на флаерах. В Монголию нам не удалось доставить ни одной блохи, но там и прыгунов-то было всего несколько штук. Почти повсюду наша победа была быстрой и полной, но кое-где некоторым прыгунам удалось взлететь на флаерах, с которых они сбрасывали бомбы. Например, Луисвилль практически полностью стерт с лица земли. Но, в конце концов, летательным машинам пришлось приземлиться, и повсюду их ждала соответствующая встреча. Там же, где было выпущено достаточно блох, как, например, в Уотерлите, все прыгуны поснимали шлемы, чтобы почесаться. Дальнейшее было просто чистым избиением. Теперь я пытаюсь спасти хоть несколько штук этих беззащитных животных.

— Но почему?

— Потому что без шлемов это просто безобидные и довольно интересные существа. Полное их истребление станет настоящим позором для нас. Кроме того, они-то ведь не истребили людей, хотя имели к тому все возможности.

— Привет, Лайман! Ты определенно вытащил меня с того света!

— Пустяки. Не о чем говорить. Вот бросок был действительно хорош. Я одним рывком свернул прыгуну шею. Думаю, из-за шлема он слишком сконцентрировался на том, чтобы пристрелить тебя, и потому не обратил на меня внимания. Но бросок! То был самый дальний бросок лассо за всю мою жизнь. Вовремя я удлинил ремень. Самое главное, что когда я вернусь домой, мне никто не поверит. Придется взять это лассо с собой, чтобы показать своим, как оно все было.

— Но как же ты оказался именно там и именно тогда?

— Обыкновенно. Просто догнал тебя. Тяжеловозы, на которых ездят такие парни, как ты, передвигаются медленнее черепах. Меня всегда удивляло, отчего ты не завел себе парочку ездовых черепах? У них отличный панцирь, ни стрелой, ни копьем его так просто не возьмешь; и потом не надо опасаться, что тебя сдует с седла встречным ветром!

Вероятно, в Олбани всегда будет отель Тэн Эйк. Сейчас они стояли в вестибюле пятого по счету здания с таким названием.

— Ты уезжаешь сегодня, Ховард? — спросила Салли Миттен.

— Да, сегодня, — он воспринимал этот разговор как последнее прощание и пытался говорить бодро. — Мне надо посмотреть, как идут дела в Поукипси. По-моему, вы с Элсмитом тоже собираетесь уезжать?

— Да. Вечером отходит наше судно до Нью-Йорка. Если будет попутный ветер, отплывем не позднее девяти. Это первое в моей жизни путешествие по Гудзону.

— Чем станете заниматься в Нью-Йорке?

— Идут разговоры о том, чтобы сделать дядюшку Хоумера не то графом, не то королем, или что-то в таком духе. Он категорически против. Собирается открыть университет, о чем всю жизнь мечтал. Я же по-прежнему останусь его секретарем. А как твои планы? Вернешься домой и снова станешь сельским джентльменом?

— Разве я не говорил? Хотя вряд ли, последние дни мы оба были слишком заняты. Собираюсь делать карьеру. Помнишь, сколько книг я прочел в лагере? Так вот, это заставило меня задуматься. Триста лет подряд люди жили при одной и той же

общественно-политической формации, навязанной прыгунами. По-моему, я неплохо натаскался без запинки произносить слова из всяких словарей, а? Захватчики выбрали такой общественный строй совсем не потому, что беспокоились о нашем благосостоянии. Они пеклись о своем спокойствии, а этот наш… не знаю, как сказать… синтетический феодализм — самая застойная формация в истории. Ведь феодализм не более прогрессивен, чем страдающая артритом змея. И я подумал, что хорошо бы попытаться создать то самое «правительство из народа, с согласия народа и для блага народа». Надо отменить всю классовую структуру, пусть люди становятся товарищами по общему делу, как это было у нас с Лайманом.

— Очень рада. Честно говоря, я побаивалась, что ты снова съедешь в старую колею.

— Я надеялся, что ты одобришь мое решение. Сама знаешь, на что были похожи все эти старые дела. Дикая борьба за власть, постоянные столкновения всяких мелких баронов и маркизов в попытке где-то урвать еще кусочек и удержать на коротком поводке более мелких феодалов. Наверно, помнишь их главный лозунг: штат Йорк для йоркцев, городишко Саратога для саратогцев, деревенька Каттерскилл для каттерскилльцев, или не знаю уж, как их там зовут. А мне хотелось бы увидеть весь континент под управлением народного правительства. Или почти весь, как это некогда было. Возможно, общее правительство когда-нибудь станет управлять целым миром. Разумеется, большинству наших мелких лордов такая идея сильно не понравится. Так что спокойной жизни у меня не предвидится, но такая работа как раз по мне.

— И когда ты собираешься браться за дело?

— Уже взялся. Я успел познакомиться с несколькими парнями, — в основном, они из Организации, — которые думают так же, как я. Мы сформировали Комитет политических объединений штата Йорк. Ну, они избрали меня председателем.

— Это великолепно!

— Наверно, это потому, что я организовывал первое собрание. Я даже произнес речь.

— Вот уж не знала, что ты умеешь произносить речи.

— Никогда раньше не произносил. Сперва стоял там, хлопал глазами и говорил: «А… а… знаете…» — и тому подобное. Ну а потом рассказал им, через какие передряги нам всем пришлось пройти и каким отличным парнем был Максвелл Бодж. Все это они знали не хуже меня. Затем повторил кое-что, вычитанное из книг, и заявил, что если мы не собираемся ничего менять, то можно было с таким же успехом и дальше оставаться под

правлением прыгунов. После такой необычной речи парни попытались вынести меня из зала на руках.

— Надо было позволить им сделать это, Ховард!

— Сперва я так и решил. Но одним из тех, кто хотел меня поднять, оказался малыш Фитцмартин, наш электростатический гений — кстати, на самом деле его зовут Мадд. В общем, он не смог удержать на весу причитавшуюся ему часть моих двухсот десяти фунтов и грохнулся на пол. Ну, а я рухнул на него и чуть не придавил беднягу.

— Как жаль, что я всего этого не видела! — расхохоталась Салли Миттен.

Рыцарь тоже вежливо посмеялся, хотя ему вовсе не хотелось этого. Он чувствовал себя взбудораженным, но это было какое-то особое, непривычное возбуждение, которого он прежде никогда не испытывал.

— Похоже, я просто создан для политики, — сказал он. — Черт возьми, каким же невежественным снобом я был! Наверное, сегодня в последний раз надел доспехи. — Он с нежностью похлопал ладонью кленовый лист, выгравированный на нагрудной пластине. — Боюсь, отцу совсем не понравится моя новая программа. Я словно уже слышу его едкие замечания по поводу тех, кто предает свой класс. Но тут уж ничего не поделаешь.

— Ты поедешь на Поле Джонсе?

— Да. Знаешь, моя заплатка на боку уже почти заросла, хотя поверх нее наклеено столько пластыря, что в нем застрянет даже стрела из сверхмощного арбалета. Несладко мне придется, когда настанет время этот пластырь отдирать.

«Ну ладно, — подумал он, — пора и честь знать. Продолжая стоять здесь и болтать ерунду, я только травлю себе душу».

— Думаю, ты мог бы поехать на циклете прыгунов.

— Нет уж, спасибо. До тех пор, пока не научусь управлять этой штукой сам, не стану рисковать собственной шеей из-за молодого бездельника, который уселся за рычаги такой машины только потому, что один раз видел, как это делают другие.

Пора было идти. Но едва он открыл рот, чтобы окончательно попрощаться, как Салли Миттен спросила:

— Как думаешь, ты будешь появляться в Нью-Йорке?

— Конечно. И довольно часто. Ведь я стану политиком.

— Придешь меня повидать?

— Ну… я думаю… наверное, да.

— Можешь и не приходить, если не хочется!

— Нет, я очень хочу. Ты нужна мне больше, чем рыбе нужна вода. Но… видишь ли… в общем, мне кажется… наверно, вы с

мсье Ледьяром сами не захотите видеться со мной…

Салли Миттен озадаченно взглянула на сэра Ховарда, а потом расхохоталась.

— Ховард, ты все-таки удивительный болван! У Этьена во Франции милая жена и четверо ребятишек. Он очень предан своей семье. Как только появлялась возможность, он часами рассказывал мне о них. Этьен замечательный парень, для друга он готов пожертвовать последней рубашкой, но Боже, как он мне надоел своими россказнями о дражайшей малютке Жозетте, о восхитительном маленьком Рене, о неповторимой умнице Мамзель, — настоящем чудо-ребенке! Но сильнее всего он доставал меня последние несколько недель в лагере. Все время я только и мечтала, чтобы ты вмешался и прервал его многословные восторги, но ты ни разу этого не сделал!

— Но… но я… Я даже не мог себе представить!

— И ты действительно собирался по этому поводу проститься со мной навсегда? А ведь каждый осенний кленовый лист заставлял меня думать о тебе!

— Ну… раз так… тогда я, конечно, приеду в Нью-Йорк. Боже, какие глупости я говорю! Я думал уехать отсюда через пару недель, но теперь… Черт с ним! Где я могу взять билет на ваше судно? Хотя билетная касса есть прямо в отеле. Надеюсь, они перевозят лошадей. Впрочем, они в любом случае возьмут Пола Джонса, даже если для этого мне придется тайком протащить его на борт в дорожном чемодане! Я вижу, мне придется наверстывать упущенное. Однажды ты сказала, Салли, что у меня неплохие мозги. Конечно, я не такой гений, как твой дядюшка Хоумер. Но полагаю, у меня хватит ума не совершать одну и ту же ошибку дважды. Скажу больше, я уже сейчас вижу, как мы можем должным образом отомстить нашему другу Ледьяру.

— Что ты имеешь в виду, Ховард? Ведь бедный француз ничего плохого не сделал…

— Да нет. Он отличный парень, и всякое такое. Но однажды, — сэр Ховард зловеще ухмыльнулся, — я испытаю огромное удовольствие, загнав его в какой-нибудь угол, чтобы отплатить той же монетой: скормить ему там лошадиную порцию *наших* семейных воспоминаний.

Зубы инспектора
(Перевод Н. Берденникова)

2054–2088 гг.

Менеджер Межпланетного Совета Чагас, ожидая визита Озирианского посла, мысленно репетировал быстрое рукопожатие и стеклянную улыбку. Первый помощник менеджера Ву курил одну сигарету за другой, а министр внешних сношений Эванс, подправлял ногти пилкой. Звук пилки немного раздражал Чагаса, но он не подавал виду — невозмутимость была одной из тех черт характера, за которые ему платили деньги. Мягкий свет отражался от серебряных шапочек, венчавших бритые черепа всех троих.

— Буду очень рад, когда смогу отрастить волосы как цивилизованный человек, — нарушил молчание Чагас.

— Дорогой Чагас, — заметил Ву, — при вашей густоте волос никто не заметит разницы.

Эванс отложил пилку и сказал:

— Господа, всего сто лет назад, когда я был ребенком, я просто мечтал стать участником великого исторического события. А сейчас я чувствую себя странно — я не стал Наполеоном или Цезарем, остался все тем же Джефферсоном Эвансом. — Он внимательно рассматривал ногти. — Жаль, что мы так мало знаем об особенностях характера озирианцев…

— Умоляю, не начинайте этой неопаретанской болтовни о том, что озирианцы руководствуются только чувствами, — прервал его Ву. — И нам будто бы необходимо только догадаться, на каком из чувств сыграть, нажать определенную кнопку. Озирианцы — рациональный народ. Иначе и быть не может, они же изобрели межзвездное сообщение независимо от нас. Поэтому они будут руководствоваться только экономическими интересами.

— Неомарксистская демагогия! — отрезал Эванс. — Конечно, они рациональны, но сентиментальны и своенравны, как люди, Нет никаких противоречий…

— Но они есть! — закричал Ву. — Окружающая среда формирует человека, а не наоборот.

— Умоляю, успокойтесь, — взмолился Чагас. — Не следует накачивать организм адреналином в процессе теоретической дискуссии. Слава Богу, я обычный человек, который стремится

хорошо выполнить свою работу и равнодушен к социологическим теориям. Если озирианцы примут наши условия, Альтинг[77] ратифицирует договор, и Межпланетный Совет будет поддерживать мир. Если же они станут настаивать на условиях, на которых, как мы знаем, Они имеют право настаивать, Альтинг не ратифицирует договор. И тогда мы получим великое множество суверенных систем и повторим историю бедной Земли с самого начала.

— Вы напрашиваетесь на неприятности, шеф, — возразил Ву. — Между нашей системой и Процион[78] не существует серьезных разногласий. Даже если бы они были, экономически невыгодно вести войну на таком расстоянии, несмотря на то, что у озирианцев капиталистический строй, как в стране нашего Эванса…

— Ты считаешь, что войны возникают только по экономическим причинам? — спросил Эванс. — А ты когда-нибудь слышал о Крестовых походах? Или о войне, разгоревшейся из-за одной-единственной свиньи?

— Ты имеешь в виду войну, — попытался парировать Ву, — причиной которой какой-то сентиментальный, не разбирающийся в экономических и социальных факторах историк посчитал свинью…

— Прекратите! — закричал Чагас.

— Отлично, — заявил Эванс. — Спорю на выпивку, что озирианец согласится на наши условия.

— Принимаю, — ответил Ву.

Раздался звонок, и все вынуждены были встать.

Когда озирианец вошел, все двинулись ему навстречу, протянув руки и бормоча вежливые банальности. Гость опустил на пол пухлый портфель и пожал всем руки. Он был похож на маленького, всего на голову выше человека, динозавра, передвигающегося на задних лапах, с огромным хвостом для поддержания равновесия. Затейливый красно-золотой узор украшал его чешуйчатую шкуру.

Озирианец сел на услужливо поданный ему стул без спинки.

— Я очень рад, господа, — медленно произнес он с чудовищным, акцентом, естественным, если учитывать различие в строении голосовых органов человека и озирианца. — изучить предложение Всемирной Федерации и принять решение.

Чагаз наградил его ничего не значащей дипломатической улыбкой:

— Итак, сэр?

Посол, лицо которого не способно было выразить улыбку, высунул и быстро спрятал раздвоенный язык, и с раздражающей

медлительностью начал объяснять свою точку зрения, загибая когти на лапах.

— С одной стороны, я хорошо знаю политическую ситуацию в Солнечной системе и особенно на Земле. Таким образом, я понимаю, почему вы выдвинули именно такие требования. С другой стороны, моему народу такие требования не понравятся. Они посчитают большинство из них несправедливыми. Могу привести возражения по каждому из пунктов. Впрочем, вы их и так знаете, свою позицию я могу объяснить значительно лучше при помощи короткого рассказа.

Ву и Эванс быстро переглянулись.

Вновь появился и исчез раздвоенный язык.

— Это правдивая история о тех далеких днях, когда мезонный двигатель впервые позволил вам выйти в межзвездное пространство и контактировать с нашей системой. Разговоров о межгалактическом правительстве еще не было, вы еще не научились защищаться от нашего гипнотического воздействия при помощи маленьких серебряных шапочек. Итак, молодой Ша'акфа, или по-вашему озирианец, прибыл на Землю в поисках мудрости…

Когда студент предпоследнего курса Херберт Ленджил предложил принять в братство «Йота-Гамма-Омикрон» первокурсника-озирианца Хитафею, заседание совета превратилось во что-то невообразимое. Сверкая очками, Херб настаивал на своем:

— Он подходит нам по всем статьям! У него есть деньги, он умный, компанейский, добродушный парень, близкий нам по духу. Ему доверили даже выкрикивать клич колледжа на соревнованиях, а он приехал сюда всего несколько недель назад! Конечно, было бы лучше, если бы он не выглядел как сбежавшая из зоопарка рептилия, но мы же цивилизованные люди и должны оценивать личность по ее внутреннему содержанию…

— Минуту! — Джон Фитцджеральд учился на последнем курсе и пользовался большим авторитетом в совете. — Мы и так напринимали слишком много странных типов в наше братство.

Он выразительно посмотрел на Ленджила, который с удовольствием разбил бы смазливую морду старшекурсника, хотя бы за то, что тот назвал его странным. Действительно, Херб не походил на бездельников, составлявших большинство братства, он был серьезным и непьющим студентом.

— Кто хочет, чтобы в «Йоте» швартовались все уроды нашего городка, — продолжил Фитцджеральд. — Потом появится какой-нибудь жук или двухметровый богомол, и вам скажут, что это

кандидат в братство, прилетевший с Марса…

— Но, — попытался перебить его Ленджил, — в нашей хартии есть антидискриминационный пункт. Мы не можем запретить этому человеку, то есть студенту…

— Можем, — возразил Фитцджеральд, демонстративно зевая. — Этот пункт касается только представителей человеческих рас. Существа, не принадлежащие к человеческому роду, здесь ни при чем. Мы — клуб джентльменов, а Хитафея уж точно к ним не относится.

— Но принцип тот же, — не сдавался Ленджил. — Почему, вы думаете, Атлантик является одним из немногих университетов, в которых сохранились братства? Потому что нам всегда удавалось поддерживать демократические принципы, избегать снобизма и дискриминации.

— Чушь! — воскликнул Фитцджеральд. — Подбор в братство родственных по духу людей не является дискриминацией. У меня не возникло бы никаких возражений, если бы Херб предложил принять в братство какого-нибудь жителя Кришны, они, по крайней мере, походят на людей…

— Но не учатся в нашем университете, — пробурчал Ленджил.

— …так ведь нет, он притащил ужасную, покрытую чешуей рептилию…

— Джон ужасно боится змей, — заметил Ленджил.

— Как и любой нормальный человек.

— Ты совсем спятил, брат Фитцджеральд. У тебя невроз, вызванный…

— Вы отклони лились от темы обсуждения, — прервал их президент брат Браун.

Споры продолжались еще какое-то время, пока не наступило время голосования. Фитцджеральд забаллотировал Хитафею, а Ленджил — младшего брата Фитцджеральда.

— Эй! — возмущенно воскликнул Фитцджеральд. — Это нечестно.

— Почему? — парировал Ленджил. — Мне просто не нравится этот оболтус.

После ожесточенного спора оба сняли вето с кандидатов противника.

Выходя из зала, Фитцджеральд ткнул Ленджила в солнечное сплетение большим пальцем размером с ручку от швабры и сказал:

— Завтра приведешь на игру Элис, понял? И чтобы все было в порядке.

— Хорошо, Вонючка. — Ленджил направился в свою комнату

заниматься. Им с Джоном удавалось сосуществовать, несмотря на взаимную неприязнь. Для Ленджил а Фитцджеральд олицетворял киношный идеал настоящего студента, а Фитцджеральд, в свою очередь, завидовал умственным способностям Ленджила. Без сомнений, Фитцджеральд поручил свою подружку заботам Ленджила, потому что считал его безобидной размазней, неспособным приударить за девчонкой.

На следующий день, в последнюю субботу две тысячи пятьдесят четвертого футбольного сезона Атлантик принимал Йельский университет на своем поле. Херб Ленджил проводил Элис Холм на трибуну. Как обычно, в ее присутствии язык Херба прочно прилип к нёбу, поэтому он принялся внимательно изучать розовую карточку, прикрепленную кнопкой к спинке сидения в соседнем ряду. Надпись на ней разъясняла, что необходимо сделать по команде капитана болельщиков с большим куском картона, выкрашенным оранжевой краской с одной стороны и черной — с другой, чтобы зрители противоположной трибуны увидели букву, цифру или картинку.

Изучив карточку, Херб, наконец, решился заговорить:

— Знаешь, мы приняли в братство Хитафею. Только никому пока не говори.

— Не скажу. — Элис покачала прелестной белокурой головкой. — Значит, если я приду к вам на танцы, он сможет пригласить меня?

— Только если ты захочешь. Я даже не знаю, умеет ли он танцевать.

— Постараюсь не дрожать от ужаса. Ты уверен, что он не прибег к гипнозу, чтобы заставить тебя выдвинуть его кандидатуру?

— Перестань. Профессор Кантор назвал разговоры о якобы феноменальных гипнотических способностях озирианцев полной ерундой. Человека можно загипнотизировать только в том случае, если он восприимчив к гипнозу. Никаких загадочных лучей глаза озирианцев не испускают.

— А профессор Петерсон с этим не согласен, — возразила Элис. — Считает, что в этом что-то есть, хотя никто пока не смог объяснить природу этого явления. Смотри! Они выходят. Хитафея выглядит просто божественно.

Определение было выбрано не совсем удачно, хотя Хитафея, подпрыгивающий с мегафоном в лапе, в окружении хорошеньких девушек, выглядел несомненно незабываемо. К тому же он был одет в оранжевый свитер с большой черной буквой «А» на груди и круглую шапочку первокурсника. Его голос, похожий на гудок локомотива, перекрывал крики толпы:

— Атлантик! Атлантик!

В конце каждого вопля Хитафея широко раскидывал лапы с длинными когтями и подпрыгивал на три метра на своих птичьих задних лапах. Реакция болельщиков возбуждала его все больше, игроки же практически на обращали внимания на его вопли, так как были заняты игрой. Хитафея вообще-то сам надеялся выступить за университет в соревнованиях по легкой атлетике, но тренер, как можно тактичнее разъяснил ему, что никто не захочет соревноваться с существом, способным прыгнуть на двенадцать метров без разбега.

В этом сезоне обе команды были в прекрасной форме, и в конце первого периода счет был 0:0. Йелец отдал пас игроку, которого, казалось, никто не прикрывал, но тут появился Джон Фитцджеральд — самый крупный футболист Атлантика — и пригвоздил соперника к земле.

— Фитцджеральд! Ра, ра, ра! Фитцджеральд! — заорал Хитафея.

Пьяный старшекурсник Йельского университета заблудился после посещения туалета и оказался на газоне перед трибунами Атлантика. Он долго бродил там спотыкаясь, пока не свалился на оркестрантов Атлантика.

Хитафея заметил, что все слишком поглощены игрой, и решил вмешаться. Он схватил студента за плечи и повернул лицом к себе. Увидев морду рептилии, йелец заверещал что-то невразумительное и попытался вырваться.

Это ему, естественно, не удалось. Ша’акфа посмотрел ему прямо в глаза, что-то прошипел и отпустил.

Йелец, вместо того чтобы убежать, сорвал с головы шляпу с голубым пером, потом снял пальто, пиджак, жилет и брюки. Прижав к груди, словно футбольный мяч, бутылку, он в одних трусах выскочил на поле.

Прежде чем смутьяна удалось увести, команда Йельского университета была оштрафована за появление на поле во время игры лишнего игрока. К счастью болельщики йельцев сидели слишком далеко и не видели встречи своего собрата с Хитафеей, иначе возникли бы серьезные беспорядки. Потом, догадавшись, что кто-то сыграл с ними злую шутку, они пришли в негодование, но было поздно. Игра закончилась 1: 2 в пользу Атлантика.

После игры Хитафея направился к своему почтовому ящику в административном корпусе. Вокруг топились возбужденные первокурсники, которым не терпелось поскорее узнать результаты голосования о принятии в различные братства. Все они почтительно расступились, услышав, как Хитафея мягко

прошипел:

— Прошу прощения.

Взяв из ящика три маленьких белых конверта, Хитафея побежал в свою комнату в общежитии первокурсников. Там он застал своего товарища по комнате Фрэнка Ходиака. Тот рассматривал содержимое своего единственного конверта. Хитафея сел на кровать, свернув хвост, и вскрыл острым, как нож, когтем конверты.

— Фрэнк! — закричал он. — Меня приняли!

— Послушай, — ответил Фрэнк. — Что с тобой? Залил слюной вес ковер. Ты не заболел?

— Нет, я плачу.

— Что?

— Да, так плачут Ша'акфы.

— И почему же ты плачешь?

— От счастья, Не могу сдержать чувств.

— Прошу тебя, ради Бога, иди плачь над раковиной. Я смотрю, у тебя три конверта. Какое братство выберешь?

— «Йота-Гамма-Омикрон».

— Почему? Другие престижнее.

— Не имеет значения. Причины моего выбора лежат в сфере чувств.

— Только не говори мне, что такая хладнокровная рептилия, как ты, способна что-то чувствовать.

— Конечно. Все Ша'акфы чрезвычайно сентиментальны. Просто наши чувства не прочесть по нашим лицам.

— Ну ладно, — продолжал настаивать Фрэнк, — что же это за причины?

— Во-первых, — Хитафея начал загибать когтистые пальцы, — из-за Херба Ленджила. Он первый во всем городке стал относиться ко мне как к приятелю. Во-вторых, великий де Камара был членом этого общества, когда учился в Атлантике много лет назад.

— Кто такой Камара?

— Ты не знаешь? Господи, некоторые земляне считают себя образованными, а сами совершенно не знают собственной истории. Он был одним из великих пионеров космоса, основателем «Виагенс Интерпланетариас», первым землянином, ступившим на Озирис.

— И он был членом братства?

— Да. Именно де Камара привез с Озириса на Землю вставные зубы нашего Главного Инспектора Фицекаскха и передал их Атлантику, когда ему присвоили почетную степень. Перед сегодняшней игрой я зашел в музей и посмотрел на эти

зубы. Я почувствовал чувственную близость с ними, близость с сеньором де Камара, хотя некоторые жители нашей планеты до сих пор считают, что он украл эти зубы.

На первом собрании кандидатов в братство Хитафея скромно сидел в кругу остальных соискателей, смотревших на него с некоторым отвращением и страхом. Объяснив обязанности потенциальных членов общества, Фитцджеральд и два других брата решили устроить себе несколько садистское развлечение. Они принесли пару деревянных лопаток, размером с ракетку для настольного тенниса, но значительно тяжелее и начали задавать кандидатам бессмысленные вопросы. Не ответивших на вопрос бойко били за невежество, ответивших на вопрос — за то, что они — первокурсники.

Время от времени Хитафея спрашивал:

— А меня кто-нибудь будет бить?

— А ты, Чудище, этого хочешь? — ответил вопросом на вопрос Фитцджеральд.

— Конечно! Это же часть испытаний. У меня сердце разорвется, если меня не отшлепают вместе с другими.

Братья озадаченно переглянулись. Брат Браун указал на длинный хвост Хитафеи:

— Да как, черт возьми? По чему тебя бить?

— По чему угодно! — разрешил Хитафея.

Брат Браун с недовольным видом размахнулся и ударил лопаткой по чешуйчатому бедру.

— Я даже ничего не почувствовал, — сказал Хитафея. — Вы специально меня жалеете. Я могу обидеться.

Брат Браун покачал головой:

— С таким же успехом можно стрелять в слона из пневматической винтовки.

Фитцджеральд сменил его и при первом же ударе сломал лопатку:

— Полагаю, мы можем считать тебя отшлепанным, Хитафея. Займемся делом.

Остальные кандидаты были рады избежать наказания. Братья почувствовали себя довольно глупо, и о побоях можно было забыть, по крайней мере, на время.

Старшие приказали кандидатам прибыть на следующий вечер на танцы по случаю Дня благодарения, чтобы разносить напитки и обслуживать гостей. Кроме того, на следующее собрание кандидатов каждый должен был притащить по три кошки.

Хитафея пришел на вечер на час раньше назначенного срока, в бабочке на чешуйчатой шее по столь торжественному случаю. Джон Фитцджеральд, естественно, пришел с Элис Холм. Херб

Ленджил пришел один и бесцельно бродил по залу, пытаясь скрыть под маской равнодушия тот факт, что с удовольствием сам пригласил бы Элис на танец. Когда Хитафея торжественно вошел в зал с подносом в лапах, одна девушка, не учившаяся в Атлантике и никогда его прежде не видевшая, едва не упала в обморок. Элис Холм, поборов отвращение, спросила:

— Хитафея, ты танцуешь?

— Увы, мисс Холм, я не могу.

— О, я уверена, ты божественно танцуешь.

— Не совсем так. Дома на Озирисе я всегда танцую на празднике плодородия вместе с остальными. Посмотрите на мой хвост. Боюсь, мне будет мало всего этого зала. Вы не представляете, как неудобно жить с хвостом в мире, где остальные жители не имеют хвостов. Каждый раз, когда я прохожу сквозь вращающиеся двери…

— Потанцуем, Элис, — прервал его Фитцджеральд. — А ты, Чудище, принимайся за работу.

— Джон, неужели ты приревновал меня к этому бедняге! Мне он так нравится!

— Я ревную тебя к скользкой змее? Ха! — Фитцджеральд подхватил Элис, и они закружились в танце.

На следующую встречу все кандидаты, как и было приказано, принесли по три отчаянно мяукающих кошки, в поисках которых они вынуждены были облазить все близлежащие аллеи, дома друзей и городскую свалку.

— Где Хитафея? — удивленно спросил брат Браун. — Обычно Чудище не опаздывает.

Раздался звонок. Один из кандидатов пошел открывать дверь, и через мгновенье пулей влетел обратно в комнату, издавая какое-то невнятное кваканье. На пороге показался Хитафея с взрослой львицей на поводке. Кошки в страхе разбежались по углам, некоторые залезли на занавески и печи. Братья, судя по выражению лиц, с удовольствием последовали бы их примеру, но боялись выглядеть глупо в глазах кандидатов.

— Добрый вечер, — сказал Хитафея. — Это Тутси. Взял ее напрокат. Подумал, что если приведу одну большую кошку, она заменит трех маленьких. Вам нравится?

— Шутник, — сказал наконец Фитцджеральд. — Ты не только чудище, но еще и шутник.

— Значит, меня отшлепают? — с надеждой в голосе спросил Хитафея.

— С таким же успехом можно отшлепать мухобойкой носорога, — и Фитцджеральд еще с большим жаром принялся обрабатывать лопаткой других кандидатов.

Когда собрание подошло к концу, братья решили посовещаться.

— Думаю, к следующей встрече нам следует придумать задание пооригинальней, — сказал брат Бродерик. — Особенно Хита-фее. Давайте прикажем ему принести вставные зубы этого, как его там, императора с Озириса, которые хранятся в музее.

— Вы имеете в виду зубы нашего великого Главного Инспектора Фицекаскхи? — спросил Хитафея.

— Да, этого инспектора Фиц…, как там его, ты понял, кого я имею в виду.

— Большая честь для меня. Могу я переговорить с вами с глазу на глаз, мистер Фитцджеральд?

— Хорошо, Чудище, только побыстрее, у меня свидание, — хмуро ответил Фитцджеральд.

Он вышел вслед за Ша'акфой в коридор, и другие братья услышали, как тот что-то прошипел. Потом Хитафея вернулся в комнату и сказал:

— Мистер Ленджил, а теперь могу я поговорить и с вами?

Процедура повторилась.

Братья не прислушивались к разговору между Хитафеей и Ленджилом, их больше занимало происходящее в комнате, где львица повалила Фитцджеральда, одетого в свой лучший костюм, на пол — видимо ей захотелось побороться. Джон пытался вырваться, но безуспешно. Наконец он сдался, а львица уселась у него на груди и принялась вылизывать ему лицо. Язык львицы больше всего напоминал крупную наждачную бумагу. Костюм Фитцджеральда перестал быть лучшим задолго до того, как Хитафея вернулся в комнату и оттащил свою спутницу.

— Прошу меня простить, — извинился он. — Ей просто захотелось поиграть.

В ночь перед очередной встречей кандидатов странные тени шебуршали в кустах вокруг музея. Раскрылась дверь, из музея, оглядываясь и напряженно всматриваясь в темноту, выскользнул широкоплечий мужской силуэт. Из кустов донеслись какие-то странные звуки. Мужчина спустился с крыльца, подбежал к кустам и прошептал:

— Вот.

Из кустов появилась еще одна тень, явно не человеческая, а какого-то существа из мезозойской эры. Человеческая тень перекинула сверток нечеловеческой, и в этот момент на крыльцо музея выскочил охранник.

— Эй, там!

Человеческая тень помчалась быстрее ветра, нечеловеческая растворилась в кустах. Охранник закричал, засвистел в свисток,

погнался за человеческой тенью, но скоро сдался и остановился, едва переводя дыхание.

— Черт бы их побрал, — пробормотал он. — Придется вызывать полицию. Кого я видел в музее перед самым закрытием? Маленькую девушку итальянского типа, рыжего профессора… Да, еще этого огромного парня, похожего на футболиста…

Фрэнк Ходиак, вернувшись в комнату, увидел, что его сосед пакует свой нехитрый багаж.

— Куда это ты собрался?

— На рождественские каникулы. Мне разрешили уехать немного раньше. — Хитафея закрыл свой чемоданчик. — Прощай, Фрэнк, приятно было с тобой познакомиться.

— Прощай? Ты уезжаешь прямо сейчас?

— Да.

— И, судя по всему, не собираешься возвращаться.

— Когда-нибудь, возможно. Сахацикхтасеф, как говорим мы на Озирисе.

— Послушай, а что за странный сверток ты только что положил в чемодан…

Но Хитафея уже ушел.

На следующее собрание самый рьяный кандидат в братство не явился. Братья позвонили в общежитие, и Фрэнк Ходиак сообщил им, что Хитафея уехал несколько часов назад.

Другим странным фактом было забинтованное запястье Джона Фитцджеральда. На вопросы братьев он отвечал следующим образом:

— Понятия не имею. Очнулся в своей комнате с порезанной рукой, а где и как порезался — не знаю.

Собрание шло своим чередом, лопатки опускались на задницы кандидатов, но вдруг прозвенел звонок. Вошли двое полицейских — один из студенческого городка, второй из муниципальной полиции.

— Джон Фитцджеральд здесь? — спросил первый.

— Да, — ответил сам Джон. — Вот он я.

— Бери пальто и шляпу, пойдешь с нами.

— Почему?

— Хотим задать тебе несколько вопросов по поводу кражи в музее.

— Я ничего не знаю. Проваливайте и не мешайте нам.

Вероятно, так говорить не следовало, потому что муниципальный полицейский достал из кармана бумагу, испещренную печатями, и сказал:

— Ладно, вот ордер. Ты арестован. Пошли. — Он схватил Джона за руку.

Фитцджеральд вырвался и нанес полицейскому страшный удар в лицо, от которого тот повалился на пол. Остальные братья пришли в такой восторг, что выбросили обоих полицейских из комнаты и спустили их с лестницы дома братства. Потом они вернулись в комнату и продолжили собрание.

Через пять минут к дому подлетели четыре патрульных машины, и в комнату ворвались двенадцать полицейских.

Братья, настроенные столь воинственно всего несколько минут назад, отступили, увидев приклады ружей и дубинки. К Фитцджеральду потянулись руки в синих рукавах. Он успел ударить еще одного полицейского, сбить его с ног, но потом его схватили и прижали к полу. Фитцджеральд и не думал сдаваться, и только удар дубинкой по затылку успокоил его.

Придя в себя в полицейской машине на пути в участок, он спросил:

— В чем дело, черт вас возьми? Говорю же, я ничего никогда не крал из музея!

— Ты украл, — сказал полицейский. — Украл вставные зубы какого-то существа с другой планеты, кажется с Орийли. Люди видели, как ты заходил в музей незадолго до закрытия, к тому же на разбитой витрине полно твоих отпечатков. Парень, на этот раз ты вляпался. Чертовы студенты, думают, что им все позволено…

На следующий день Херберт Ленджил получил письмо.

Дорогой Херб!

Когда ты получишь это письмо, я уже буду лететь на Озирис с зубами нашего величайшего героя Главного Инспектора Фицесакхи. Мне удалось взять билет на корабль, вылетающий к Плутону, где я смогу пересесть на озирианский межзвездный лайнер.

Когда Фитцджеральд предложил мне украсть зубы и тем самым возвратить на родину реликвию, украденную когда-то де Камара, соблазн был слишком велик. Так как сам я вор совсем неопытный, я загипнотизировал Фитцджеральда и заставил его совершить преступление. Таким образом, как говорите вы — земляне, я убил трех птиц одним камнем. Я получил зубы, отомстил Фитцджеральду за все оскорбления, поставил его в затруднительное положение, и, тем самым, очистил тебе дорогу к сердцу мисс Холм.

Пишу тебе это затем, чтобы ты смог спасти его от исключения из университета, так как, по моему мнению, он не заслуживает столь сурового наказания. К тому же, имей в виду, что я загипнотизировал и тебя, заставив быть более решительным.

Сожалею, что не смог окончить университет, и даже не дождался, чтобы меня приняли в члены братства «Йота-

Гамма-Омикрон». На родине меня ожидают почести, так как озирианцы чрезвычайно высоко ценят благородство.

С братским приветом Хитафея.

Ленджил отложил письмо и посмотрел на себя в зеркало. Теперь он понимал, почему последние несколько часов он вел себя столь непринужденно и решительно. Совсем не так, как раньше. Он усмехнулся, зачесал назад волосы и пошел звонить Элис.

— Итак, господа, — сказал Хитафея, — теперь вы понимаете, почему я решил подписать соглашение без изменений. Возможно, я подвергнусь критике за то, что слишком легко вам поддался. Но понимаете, я питаю нежнейшие чувства к вашей планете. Я бывал на многих планетах, но нигде не чувствовал себя так хорошо, как в братстве «Йота-Гамма-Омикрон» много лет назад.

Посол начал складывать бумаги.

— Вы подготовили меморандум? Отлично. — Хитафея подписал документ, держа ручку когтистой лапой. — Значит, официальное подписание состоится на следующей неделе? С корреспондентами, камерами и речами? Если когда-нибудь у вас возникнет мысль возвести памятник основателю Межпланетного Совета, пусть это будет памятник мистеру Херберту Ленд жилу.

— Сэр, — сказал Эванс, — я слышал, что озирианцам очень нравятся алкогольные напитки землян. Позвольте пригласить вас в бар Федерации.

— Прошу меня извинить, но не сегодня. Возможно, в следующий раз. Сейчас я вынужден спешить на самолет в Балтимор, США.

— Зачем вы летите туда?

— Университет Атлантик присвоил мне почетную степень. Понятия не имею, как им удастся водрузить эту шапочку с кисточкой на мой гребень. Это еще одна причина, почему я согласился на ваши условия. Видите ли, мы — сентиментальная раса. Что случилось с мистером Ву? Он выглядит неважно.

— Просто философия, которой он придерживался всю жизнь, рассыпалась в прах, — пояснил Чагас. — Позвольте проводить вас до самолета.

Когда Ву наконец взял себя в руки и поднялся из-за стола вместе со всеми, Эванс криво усмехнулся и сказал:

— Как только проводим господина посла, выпивка за тобой. И, пожалуй, я выберу шампанское.

Судный день
(Перевод Н. Берденникова)

Я довольно долго думал, оставлять ли жизнь на Земле. Некоторым может показаться, что это простое решение. Как посмотреть. Сам-то я хотел сделать одно, но мое воспитание и мораль не позволяли мне этого.

Немногим выпадала ответственность принять такое решение. Гитлер мог отправить на смерть десять миллионов, по приказу Сталина могло погибнуть еще десять. Но ни один из них не мог испепелить весь мир, сделав всего лишь несколько пометок на листе бумаги.

Только сейчас развитие физики достигло таких вершин, что стало возможным принять подобное решение. Тем не менее, со свойственной мне скромностью, должен признать, что мое открытие не было таким уж неизбежным. Возможно, его сделали бы, скажем, через несколько веков, когда все течение жизни было бы лучше организовано. Вывод моего уравнения не очевиден. Напротив, три десятилетия ядерная физика развивалась в противоположном направлении.

В моей цепной реакции главным компонентов является железо — вещество, менее всего подходящее для применения в подобной реакции. Оно находится в нижней точке кривой атомной энергии. Любое вещество можно превратить в железо и получить энергию, но потребуется затратить энергию, чтобы превратить железо в какое-либо другое вещество.

На самом деле, источником энергии в этой реакции является не железо, а другие реагенты. Но железо необходимо. Оно — не катализатор, так как сначала преобразовывается в другое вещество, а затем возвращается в первоначальное состояние, в то время как истинный катализатор остается неизменным. Учитывая то, что железо — один из самых распространенных элементов земной коры, можно взорвать всю Землю одновременно.

Я хорошо помню, что почувствовал, когда впервые вывел эти уравнения. Я тупо уставился на свое имя на стеклянной двери «Доктор Уэйд Ормон», вернее на его зеркальное отражение. Решив, что допустил ошибку, я все проверил и перепроверил, вычислил и перевычислил. Ядерные уравнения я выводил заново по крайней мере раз тридцать. С каждой проверкой мое сердце, мое бедное старое сердце колотилось все чаще. А желудок сжимался все сильнее. Мне достало ума никому в отделе не сказать о своем открытии.

Но даже после этого я не оставил попыток найти ошибку. Пропустил все материалы через компьютер, на тот случай, если ошибка была чисто формальной, а я просто не заметил ее. Кажется, что-то подобное случилось с Эйнштейном? Просто где-то плюс заменился на минус и все. Я — совсем не Эйнштейн, пусть и хороший физик, и тем более не застрахован от подобных случайностей.

Но компьютер подтвердил правильность моих выводов.

Возник следующий вопрос: что делать с результатами? Для лаборатории они были бесполезны, так как мы занимались разработкой более мощного оружия или более эффективного производства энергии. По инструкции следовало написать отчет. Затем его бы размножили, присвоили ему гриф «Совершенно секретно», и курьеры доставили бы копии куда положено, в частности, в Агентство по контролю за атомной энергией. Обычно люди, работающие в подобных заведениях, не болтливы, тем не менее весть о моем открытии разнеслась бы по миру уже через несколько лет.

Не думаю, что правительство Соединенных Штатов отважилось бы когда-нибудь взорвать мир, но что касается других правительств — кто знает? Например, Гитлер. Если бы он знал, как это сделать, то, почуяв неминуемый конец… Или коммунисты. Сейчас они хладнокровно просчитывают каждый свой шаг, но совершенно непонятно, кто будет у них главным через десять-двадцать лет. Как только открытие станет известным, любая страна, обладающая достаточным ядерным потенциалом, сможет им воспользоваться. Большинство, несомненно, никогда не отважится на это, даже желая отомстить за поражение. Но ведь есть страны, которые могут попытаться шантажировать весь мир, а некоторые из них вполне способны выполнить свою угрозу, если их требования не будут приняты. А сколько в мире параноиков и других безумцев? Наверное, достаточно, если часть лидеров явно принадлежит к их числу. Любой метод правления, известный человечеству — монархический, аристократический, теократический, демократический, диктаторский, советский — не обеспечивает абсолютной защиты от подобных личностей. До тех пор пока эти безволосые обезьяны объединены в суверенные государства, ядерный конец света не только возможен, но и весьма вероятен.

Честно говоря, я и сам, видимо, не совсем нормален, если могу так спокойно рассуждать об уничтожении мира.

Впрочем, психиатр убедил меня в обратном. Человек не может считаться помешанным, сказал он, если пытается осуществить свои желания рациональными методами. Что

касается желаний иррациональных по своей природе… у меня достаточно веских оснований для того, чтобы уничтожить весь род людской. Высокие, притянутые за уши рассуждения, типа религиозной болтовни о греховности человека, здесь ни при чем, есть только всепоглощающая жажда мести. Христиане считают, что жажда мести достойна порицания. Мне так не кажется. Многие культуры оправдывали ее, значит, она не может считаться признаком ненормальности.

Если оглянуться назад и вспомнить всю свою жизнь в течение пятидесяти трех лет, что мне приходит в голову? Взять, к примеру, мой первый день в школе…

Полагаю, в шесть лет я был робким мальчиком, тощеньким, упрямым и не по летам развитым. Мой отец был профессором, и от него я перенял манеру говорить напыщенно. В шесть лет я обильно сдабривал свою речь такими словам, как «теоретически» и «психоневротический». Из-за частых болезней я был тощим, как скелет, а слабые мышцы едва могли переместить мое тело из одного места в другое.

Себе я всегда казался исключительно хорошим мальчиком, которого все незаслуженно обижают, более старшие родственники, напротив, всегда говорили мне, что более несговорчивого ребенка им еще не доводилось встречать. Я не был непослушным или склонным к разрушению. Напротив, я педантично соблюдал все формальные правила, причем с рвением, которое привело бы в восторг любого сержанта-пруссака. Зато в других ситуациях, где следовало подстраиваться под других людей, а не соблюдать какие-либо правила, я руководствовался только собственными желаниями. Их я старался осуществить с фанатической целеустремленностью. С моей точки зрения другие люди являлись неодушевленными предметами, призванными оказывать содействие в осуществлении моих желаний. Что они при этом думали, я не знал, и не желал знать.

Так утверждали мои родственники. Возможно, они относились ко мне с предубеждением. Как бы то ни было, веселье началось в первый же день моего посещения бесплатной средней школы в Нью-Хейвене. На перемене пара ребят схватили мою кепку, и начали бросать ее друг другу, а владелец, то есть я, дергаясь, как рыба на крючке, пытался перехватить свой головной убор.

Через несколько минут я вышел из терпения и попытался размозжить камнем голову одному из мучителей. К счастью, шестилетним мальчишкам недостает силы, чтобы убить друг друга таким примитивным способом. Я набил ему шишку, потом

все навалились на меня, а я был настолько слаб, что не смог бы оказать сопротивление и одному из них. Учитель спас меня, вытащив из кучи-малы.

С учителями я ладил. У меня не было присущего нормальным детям духа сопротивления взрослым. Я полагал, благодаря своему преждевременному интеллектуальному развитию, что взрослые знают больше меня, и, если они говорят мне сделать что-либо, значит, имеют право на это. В результате я стал любимчиком учителей, что не добавило мне любви сверстников.

Они обычно подстерегали меня на пути домой и для начала срывали кепку с моей головы и начинали дразнить меня. Постепенно игра перерастала в полномасштабную травлю. Несколько мальчишек бежали впереди и дразнили меня, другие били и пинали сзади. Так я гонялся за ними по всему Нью-Хейвену. Когда надоедало, они разворачивались, колотили меня и гонялись за мной. Я кричал, рыдал, угрожал им, оскорблял, рычал и шипел, разыгрывал припадки — рвал на себе волосы и брызгал слюной в тщетной надежде испугать мучителей. Но им только это и было нужно. В результате, в течение трех лет моего обучения в этой школе меня отпускали с последнего урока на десять минут раньше, чтобы я успел добраться до своего дома на Чапел-стрит прежде, чем остальные ученики выйдут из школы.

Подобное обращение только усилило мою любовь к книгам. В девять лет я уже штудировал «Электрон» Милликана.

Отца несколько беспокоили мои проблемы, но он ничего не предпринимал, чтобы помочь мне, так как сам был настоящим книжным червем. Его специальностью была английская средневековая литература, курс которой он вел в Йельском университете, тем не менее, из чувства солидарности к собрату-интеллектуалу, он позволял мне заниматься чем угодно. Иногда он пытался поиграть со мной в мяч, но всегда безуспешно, так как сам люто ненавидел спорт, упражнения и свежий воздух и был таким же неуклюжим и неловким, как я. Несколько раз я пытался заставить себя заняться спортом, чтобы стать молодым Тарзаном, но все мои попытки заканчивались крахом. Упражнения казались мне ужасно скучными, я прекращал их, даже не начав, и таким образом не мог получить никакой практической пользы.

Я — плохой психолог. Как и любому другому последователю точных наук, мне всегда хотелось назвать психологию наукой в кавычках и тем самым подчеркнуть, что только точные дисциплины достойны называться наукой. Возможно, я не прав, но так же относятся к психологии многие физики.

Например, почему психологи считают садизм патологией, вызванной якобы тем, что глупые родители запрещали ребенку

рубить мебель топором и тем самым наполнили его жизнь неверием в свои силы и разочарованием? По своему собственному опыту я знаю и готов поручиться, что все мальчики, по крайней мере девяносто девять процентов из них, являются прирожденными садистами. Из кого-то это чувство удалось выбить. Нет, не так — многим это чувство вбили в подсознание, или как там еще называют эту часть головного мозга психологи. Оно затаилось там, дожидаясь лишь нужного момента, чтобы выпрыгнуть наружу. Отсюда преступность, войны, гонения и все другие болезни общества. Вероятно, подобная жестокость в каменном веке являлась положительной чертой характера. Знакомый антрополог сказал, что я опоздал с этим открытием лет на пятьдесят, но он мог ошибаться.

Полагаю, я тоже не лишен этого чувства. По крайней мере, ничего не хотелось мне так страстно, как подвергнуть маленьких мучителей в Нью-Хейвене долгой и мучительной смерти. Даже сейчас, сорок пять лет спустя, эта мысль не исчезла и по-прежнему терзает меня.

Я все еще помню их всех, все еще могу забиться в приступе ярости и ненависти, думая о них. Мне кажется, я не забыл и не простил ни единого синяка, ни единого оскорбления в своей жизни. Я не горжусь этой чертой характера, но и не стыжусь ее. Просто я такой, какой есть.

Согласитесь, что у меня есть причины желать смерти этим маленьким негодяям, тогда как им обижаться не на что. Я ведь ничего им не сделал, просто стал идеальной мишенью, боксерской грушей. Естественно, тогда, склонившись над книгой Милликана, я и не подозревал, что мне представится уникальная возможность отомстить человечеству, возможность, о которой можно только мечтать.

Вот и все, что я думаю о мальчиках. Что касается девочек, я их не знал. Я был средним из трех братьев, мать была деспотичным человеком, полностью лишенным того, что называют женственностью, а первый раз я пошел на свидание, когда мне было почти тридцать. Я поздно женился, скоро развелся, детей у меня не было. Стоящая предо мной сегодня проблема решилась бы довольно быстро, если бы я сумел найти способ, как убить мужскую половину населения Земли и оставить в живых женскую. Не из желания обзавестись супер-гаремом, естественно. Мне и одной-то женщины — своей жены — было многовато. Просто женщины не пытались превратить мою жизнь в ад день за днем и год за годом, хотя одна или две и причинили мне боль. Таким образом, говоря беспристрастно, мне было бы немножко жаль, если бы женщины погибли вместе с мужчинами.

К одиннадцати годам, когда я перешел в шестой класс, ситуация стала еще хуже. Моя мать решила, что учеба в военной академии «сделает из меня мужчину». Меня заставят заниматься спортом вместе с другими мальчиками, строевая подготовка улучшит мою осанку, и я не смогу больше проводить часы, скрючившись над энциклопедией в отцовском кабинете.

Отца такое предложение встревожило, он понимал, что, послав меня в академию, они лишь ухудшат мое положения, лишив последнего убежища. К тому же, он полагал, что не может себе позволить мое обучение в частной школе, поскольку недостаточно зарабатывал.

Как всегда, победила мать. Надо сказать, поехал я в академию с радостью. Любое положение казалось мне лучше, чем мучения, которые я испытывал в школе. Возможно, новые знакомые будут добрее ко мне. Даже если нет, все время будет расписано по минутам, и ни у кого не будет возможности издеваться надо мной.

Итак, осенью 1927 года, с некоторым страхом, но больше с надеждой, я поступил в военную академию «Роджерс» в Уокигусе, штат Нью-Джерси.

В первый день мне все понравилось. Я восхищался серой формой, особенно бронзовым шнурком на фуражке.

Всего две недели понадобились мне для того, чтобы осознать две вещи. Во-первых, дисциплина в школе, несмотря на форму и муштру, была никудышной. У мальчиков оставалась масса времени на пакости и проказы. Во-вторых, они каким-то неведомым мне образом сразу почуяли во мне жертву.

На третий день кто-то прикрепил мне на спину бумажку с надписью «ЗОВИТЕ МЕНЯ САЛЛИ». Весь день я ходил, как дурак, и все называли меня Салли. Это имя прилипло ко мне на все время, которое я провел в «Роджерсе». Меня назвали женским именем потому, что я был маленьким, тощим и необщительным, и потому, что никогда не испытывал тяги к сексуальным извращениям. Испытывая их, я легко бы мог получить удовольствие, так как «Роджерс» ничем в этом плане не отличался от других закрытых учебных заведений.

До сих пор я вздрагиваю, услышав имя «Салли». Несколько лет назад, когда я еще не был женат, друзья познакомили меня с очень симпатичной девушкой и не могли понять, почему я убежал от нее как от огня. Просто ее звали Салли.

Над новичками в «Роджерсе» издевались очень зло. Учителя относились к этому как к неизбежному злу. Я стал любимой мишенью, и издевательства надо мной не ослабли, как над другими, по прошествии нескольких недель. Так прошел первый

год. Однажды утром, в марте 1928 года, я проснулся от того, что пять или больше мальчиков держали меня за руки и за ноги, а один из них пытался запихнуть мне в рот кусок мыла.

— Смотри, чтобы он не укусил тебя, — сказал один из них.

— Лучше бы напоить его касторкой, — хихикал другой.

— Где ее взять. Зажми ему нос, тогда он откроет рот.

— Надо было нарезать мыло маленькими кусочками, пены было бы больше.

— Давай его пощекочем — у него начнется припадок.

— Смотри, пена пошла, как из гейзера.

— Хватит кричать, Салли, — обратился один из них ко мне. — А то намажем мылом глаза.

— А что, давай намажем. Из него выйдет отличный красноглазый монстр. Знаешь, как он сверкает глазами и вопит, когда разозлится.

— Давай острижем его наголо. Вот смеху-то будет.

Мои крики все-таки привлекли внимание одного из преподавателей, который резко приказал мучителям отпустить меня. Они повиновались, я сел на койке, выплевывая куски мыла.

— Что здесь происходит? — строго спросил преподаватель. — Вы отлично знаете, что такое поведение запрещено. Десять кругов каждому!

Это была одна из форм наказания в «Роджерсе». Нужно было пройти определенное количество кругов вокруг плаца с винтовкой на плече. У каждого курсанта была винтовка «спрингфилд» образца 1903 года со сточенным бойком, на тот случай, чтобы детки не поубивали друг друга, если им удастся достать патроны. Я надеялся, что моих мучителей, по меньшей мере, исключат, и пришел в ярость от такого легкого наказания. Они же, напротив, пришли в негодование от столь, на их взгляд, сурового к себе отношения, и заорали с выражением оскорбленной добродетели на лицах:

— Но, мистер Уилсон, сэр, мы только хотели поиграть с ним!

Тогда я не знал, что частные школы не исключают внесших плату учащихся, разве только за очень уж гнусные поступки. Не могут себе позволить поступать иначе. Мальчики отмаршировали по десять кругов и возненавидели меня на всю жизнь. Они посчитали меня ябедой, потому что мои крики привлекли внимание мистера Уилсона, и с тех пор стали придумывать более изощренные издевательства. Действовали они теперь более тонко. Запихивать мыло в рот? Как это грубо. Они прятали части моего обмундирования, бросали конский навоз и другие мерзости в постель, ставили мне подножки во время марша, чтобы я растянулся в грязи вместе с девятифунтовой винтовкой.

Я часто дрался, всегда оставался поколоченным, обычно меня ловили и назначали наказание за нарушение правил школы. Как я гордился, когда разбил в кровь нос одному мальчику, что, впрочем, не привело ни к чему хорошему — он подстерег меня в бассейне и чуть не утопил. Я был так напуган, что не посмел назвать имена моих мучителей, когда преподаватели при помощи искусственного дыхания привели меня в чувство.

— Ормон, мы знаем, что тебе приходится выносить, — сказал Уилсон, — но не можем же мы приставить к тебе телохранителя. И не стоит постоянно жаловаться, от этого будет только хуже.

— Но что мне делать, сэр? Я стараюсь соблюдать все правила.

— Не в этом дело.

— А в чем? Я ничего не сделал этим ребятам, они же постоянно издеваются надо мной.

— Во-первых, ты можешь лишить их удовольствия видеть себя вопящим и раздающим удары, которые никогда не достигают цели… — Уилсон побарабанил по столу костяшками пальцев. — Мы уже встречались с таким отношением курсантов к другим мальчикам, похожим на тебя, и знаем, что делать в такой ситуации. Давай смотреть правде в лицо, ты — не похож на других.

— Чем?

— Ты говоришь, как взрослый.

— Но ведь вы именно этому пытаетесь научить нас на уроках английского языка?

— Конечно, но здесь другое. Не спорь, я ведь пытаюсь помочь тебе. Ты споришь по любому поводу и часто оказываешься прав. Не ждешь же ты, что тебя будут любить люди, которым ты постоянно доказываешь, что они — дураки.

— Но люди должны…

— Именно так, должны, но не делают. Ты не можешь изменить мир в одиночку. Если бы у тебя были мускулы, как у Джека Демпси, тебе многое прощали бы, но у тебя их нет. Поэтому предлагаю прибегнуть к защитной тактике. Не обращай внимания на их выпады и оскорбления. Никогда не спорь, никогда не жалуйся, никогда не критикуй. Улыбайся стеклянной улыбкой, даже когда хочется разорвать их на части. Говори просто и соглашайся со всем, что бы ты ни услышал. Не то чтоб я советовал тебе прикинуться трусом, но другого выхода нет. Если бы мы могли сделать из тебя спортсмена…

Учебный год почти закончился. Через пару недель я вернулся домой. Пожаловался на порядки в академии и попросил вернуть меня в среднюю школу Нью-Хейвена. Мои родители не согласились, аргументировав свой отказ тем, что в «Роджерсе» я

получу лучшее образование, чем в местной школе. Они были правы.

Однажды на пустыре я повстречал старых знакомцев из средней школы. Они побили меня по-настоящему, до крови и синяков на лице. Я понял, что какими бы ужасными ни были мальчики из «Роджерса», среди них не было самой гнусной разновидности — тупого мускулистого хама, оставленного несколько раз на второй год в средней школе, который борется со скукой, издеваясь над более слабыми одноклассниками. Больше я не жаловался на порядки в «Роджерсе».

Люди вспоминают школьные года как золотое время своей жизни. Психологи убеждали меня в том, что дети, какие бы страдания они ни пережили, помнят из детства только самое приятное и потом идеализируют свои воспоминания.

По моему мнению, обе категории не правы. У меня было ужасное детство, и мысли о нем все так же остры и мучительны, как и сорок лет назад. Достаточно мне погрузиться в воспоминания о моем золотом детстве, и я лишаюсь аппетита.

Во-первых, я всегда относился с ненавистью ко всем видам шумных игр и грубых развлечений, а детство полно ими, если, конечно, ребенок — не инвалид или не выходит из дома по другим причинам. Я всегда обладал несколько обостренным чувством собственного достоинства, и любые шутки или насмешки мгновенно наполняли меня убийственным негодованием. Я всегда ненавидел грубые шутки. Когда меня спрашивали, люблю ли я шутки, ответом было четкое «нет». Мне хотелось убить шутника, и это желание преследовало меня на протяжении многих лет. Чувство юмора, которым обладаю я, находит свое выражения в метких коротких остротах, так любимых моими учеными друзьями и совершенно непонятных остальным людям. В эпоху дуэлей я, наверное, чувствовал бы себя более комфортно, и не потому, что стал бы завзятым дуэлянтом, а потому, что люди более внимательно относились тогда к своим высказываниям и думали о последствиях.

Второй учебный год в «Роджерсе» я начал с твердой решимостью воплотить в жизнь советы Уилсона. Никто не подозревал, что именно пришлось мне пережить, чтобы укротить свой горячий нрав и постоянно подставлять другую щеку. Весь год я провел, замкнувшись в себе, в этой кипящей массе ярости и ненависти. Каждый раз, когда меня дразнили, шутили и издевались надо мной, пинали, щипали, дергали за волосы, сбивали с ног, я делал вид, что ничего не происходит, в надежде на то, что мучителям скоро надоест иметь дело со столь безответным и равнодушным существом.

Не всегда мне удавалось совладать с собой. Однажды я чуть не убил одного мальчишку, стукнув его деревянной палкой с бронзовым набалдашником, которой до изобретения кондиционера открывали окна в классах. К счастью, я нанес удар деревянной частью, а не бронзовой.

Так прошел год, начался другой. Я стал настолько бесцветным и незаметным, что иногда целую неделю надо мной никто не издевался. Конечно, я постоянно слышал ненавистное прозвище «Салли», но произносилось оно без злобы, скорее по привычке. Правда, бывали исключения. Мой отец, преподаватели, немногие ребята, жалевшие меня, советовали мне заняться спортом. По правилам «Роджерса» курсант должен был пройти обязательный курс строевой подготовки и гимнастики, все остальные занятия спортом были добровольными. (Я уже говорил, что дисциплина в академии явно хромала.)

И я решил попробовать. Однажды, весной 1929 года, я вышел на поле, где мои сокурсники готовились к игре в бейсбол, и молча присоединился к ним.

Два самозванных капитана отбирали игроков в свои команды. Один из них, наконец, заметил меня и удивленно спросил:

— Салли, и ты решил поиграть?

— Да.

Начался отбор. Всего нас было пятнадцать мальчиков, включая капитанов и меня. Наконец, остался один я.

— Можешь взять его себе, — сказал один капитан.

— Нет, — отказался второй, — мне он не нужен, забирай его себе.

Так они спорили, пока предмет их дискуссии корчился от стыда под уничижительными взглядами других игроков. Наконец, один капитан сказал:

— Пусть играет за каждую команду по очереди, и каждой команде будет одинаково плохо.

— Отлично, — обрадовался другой. — Ты согласен, Салли?

— Нет, спасибо. Да я и чувствую себя как-то неважно. — Я поспешил отвернуться, прежде чем слезы, навернувшиеся на глаза, выдали мое действительное состояние.

В самом начале моего третьего года обучения, осенью 1929 года, фондовый рынок рухнул. Отец скоро понял, что его небольшой доход испарился, так как компании, в которые он вложил свои деньги, в частности «Нью-Йорк Сентрал», перестали выплачивать дивиденды. Вернувшись домой на Рождество, я узнал, что не смогу больше учиться в «Роджерсе», а вынужден буду с февраля пойти в местную среднюю школу.

В Нью-Хейвене моя тактика опоссума подверглась

жесточайшему испытанию. Многие в классе знали меня еще по начальной школе, и с радостью взялись за любимое занятие, оставленное несколько лет назад. Например…

Когда-то школьники скрашивали скучные уроки при помощи тонких резинок и многократно сложенных буквой «V» клочков бумаги в качестве метательных снарядов. Надо было уметь прятать резинку в кулаке и, как только учитель отвернется, попасть бумажной пулькой в шею сидящего впереди ученика. Вероятно, по сравнению с сегодняшней школой, когда ученики стреляют в друг друга и в учителя, выбивая последнему глаза и зубы шариками от подшипника, и расписывая его тело складными ножами, если он осмелится выразить неудовольствие, подобные проказы могли бы показаться детской шалостью. Но ведь я учился до эпохи Дьюи и Уотсона, до того, как их идиотская теория «вседозволенности» превратила классные комнаты в некое подобие традиционных пиршеств каннибалов, на которых учитель выступал в роли съедобного миссионера.

За мной сидел Пэтрик Хэнрэн — маленький, но жилистый рыжеволосый озорник, говоривший с бостонским акцентом. Ему нравилось время от времени стрелять в меня бумажными пульками. Я старался не обращать на это внимания, прекрасно осознавая, что он легко поколотит меня. Хотя я был на голову выше многих своих товарищей, но оставался таким же худым, слабым и неловким, — мне редко удавалось пообедать, не опрокинув на себя что-нибудь.

Однажды, после особенно настойчиво обстрела, я, наконец, потерял терпение и достал свою резинку и пульки, Я знал, что Хэнрэн обстреливал меня прежде, но совершенно невозможно было определить, кто именно выстрелил в тебя секунду назад.

После особенно болезненного попадания пульки в ухо я резко развернулся и выстрелил Хэнрэну прямо в лицо. Пулька попала под левый глаз, оставив красную отметину. Хэнрэн сначала жутко удивился, потом рассвирепел и спросил хриплым шепотом:

— Ты чего?

— Ты выстрелил в меня, — прошептал я в ответ.

— Это не я! И ты получишь за это! Подожди, после урока я выбью из тебя всю дурь!

— Но ты же первый… — начал оправдываться я, но был остановлен резким окриком учителя:

— Ормон!

Возможно, в меня стрелял не Хэнрэн. Оправданием ответного выстрела, произведенного мной, могли послужить ранние обстрелы. Мальчики же, как писал Вольтер, обычно рассуждают по-другому:

Cest animal est tres menchant;
Quand on l'attaque, il se defend!

Я знал, что Хэнрэн без труда поколотит меня, поэтому, увидев его на мраморных ступенях главного входа, поспешил скрыться через черный ход.

Я уже подходил к спортивному залу, когда ощутил чувствительный пинок в зад. Это был Пэдди Хэнрэн.

— Давай драться, поганый трус! — закричал он.

— Привет, — глупо улыбаясь, ответил я.

Он дал мне пощечину.

— Доволен? — спросил я.

Он снова пнул меня ногой.

— Продолжай, — сказал я. — Мне все равно.

Он снова залепил мне пощечину и пнул ногой.

— Подлый трус! Подлый трус!

Я продолжил путь к спортивному залу, повторяя про себя: «Не обращай внимания, не критикуй, не жалуйся, веди себя смирно, игнорируй, не обращай внимания…»

Наконец, Пэдди вынужден был прекратить издевательства надо мной, так как прозвенел звонок на следующий урок.

Я чувствовал себя так, словно меня вываляли в дерьме. Самым искренним моим желанием было увидеть объятую пламенем школу и кричащих истошным криком поджариваемых учеников.

От этой стычки с Хэнрэном у меня осталось несколько синяков и ссадин — ничего серьезного. На следующий день, увидев меня, он только прорычал:

— Трусливая собака!

Прошло сорок лет, но я часто представляю себе, какой изощренной мести я мог бы подвергнуть Пэдди Хэнрэна. Я представляю, как он приходит ко мне в лохмотьях, молит дать ему работу, а я приказываю вышвырнуть его на улицу… Какой бред! Я не видел его ни разу после окончания школы в Нью-Хейвене.

Подобные инциденты часто случались и в тот год и на следующий. Например, осенью 1930 года состоялось первое собрание по выборам актива класса на семестр. После выдвижения нескольких кандидатов на должность президента, кто-то пропищал:

— Предлагаю Уэйда Ормона!

Раздался оглушительный хохот. Учитель набросился на ученика, выдвинувшего меня, и удалил его из класса за то, что

тот мешал нормальному ведению собрания своими идиотскими высказываниями. Не зная, как отказаться от выдвижения, я предпочел сделать вид, что ничего не слышал. Волноваться, впрочем, было не о чем, учителя даже не удосужились спросить, поддерживает ли кто-нибудь еще мою кандидатуру. Просто игнорировали меня, как будто в президенты класса выдвинули Юлия Цезаря.

Потом я окончил школу. В точных науках я опередил всех, в других тоже не отставал и, таким образом, стал стипендиатом Массачусетского технологического института. Не думаю, что мой отец мог бы позволить себе финансировать мое дальнейшее образование.

В институте защитная тактика была усовершенствована, впрочем, идеальной она стала чуть позже. Автоматическая неискренняя стеклянная улыбка, всегда готовая к рукопожатию ладонь, абсолютная безынициативность. Я никогда, *никогда* не выражал своих чувств. Да и как я мог их выразить, если единственными чувствами, пожиравшими все остальные, были убийственные ярость и ненависть, накопленные за долгие годы издевательств? Я легко мог убить кого-нибудь, дав себе волю, но эпизод с палкой испугал меня. Лучше было никому не показывать, о чем ты думаешь. Что касается чувств, я предпочитал ничего не чувствовать — наблюдать за миром с беспристрастностью посетителя зоопарка.

Институтом я был доволен — он дал мне приличное техническое образование, но не толок ежедневно мою душу в ступе. Кстати, многие студенты были такими же интровертами, как и я.

Кроме того, напряженный график обучения не оставлял времени на развлечения. Да и физическим упражнениям уделялось не слишком много внимания, таким образом, моя неполноценность в этом плане не бросалась в глаза. Я вырос до пяти футов восьми дюймов, но оставался худым, слабым и неуклюжим. С тех пор я практически не изменился, только с возрастом появился небольшой животик.

Тысячи лет священники и философы говорили нам, что человечество надо любить, но не приводили ни одной веской причины, почему это нужно делать. А между тем основную массу человечества составляют жестокие, коварные безволосые обезьяны. Они ненавидят нас — интеллектуалов, эрудитов, интеллигентов, несмотря на то (или из-за того), что без нас они до сих пор бегали бы голыми по лесам и переворачивали камни в поисках пищи. И их любить? Ха!

Признаю, что мне встречались похожие на меня люди,

дружелюбно относившиеся ко мне. Но к тому времени я научился подавлять чувства, чтобы избежать травли. Я уже стал человеком, к которому трудно испытывать какие-нибудь чувства. Достаточно способный физик, хорошо воспитанный и внешне хладнокровный, но равнодушный и замкнутый, я относился к окружавшим меня людям как к созданиям, которыми следует манипулировать для того, чтобы выжить. Я слышал, как коллеги называли подобных мне людей сухарями и бесчувственными рыбами, и не сомневался, что также они относились и ко мне. Но кто сделал меня таким? Возможно, я не стал бы беспечным весельчаком, даже если бы надо мной не издевались, но и не впал бы в такую крайность. Может быть, я даже научился бы любить людей и испытывать нормальные чувства.

Завершение моей истории достаточно обычно. Я окончил Массачусетский институт в 1936 году, в 1939 мне присвоили докторскую степень в Чикаго, там же я стал преподавать в университете, а на следующий год возглавил лабораторию в Манхэттене. Начало войны застало меня в лабораториях Аргонна, конец — в Лос-Аламосе. Мне посчастливилось не войти в контакт с коммунистами в это «ярко-розовое» время 1933-45 годов. В противном случае, из-за комплекса неудачника и накопившейся за долгие годы обиды, я мог бы легко оказаться в их сетях. После войны я работал у Лоуренса в Беркли.

Должности мало отличались одна от другой. Многие считали меня солидным ученым, пусть не гением как, Ферми или Теллер, но способным мгновенно отыскать ошибку и определить наиболее разумное направление дальнейших исследований. Такие способности были предопределены долгими годами объективности и рассудительности. Я не предпринимал попыток заняться административной работой для того, чтобы подняться по служебной лестнице. Всегда ненавидел работать с людьми индивидуально. Возможно, я смог бы пересилить себя — заставлял же я себя делать многие ненавистные вещи в жизни — но ради чего? Я не стремился к господству над людьми. Денег мне на жизнь хватало, особенно после того, как меня оставила жена…

Ах да, моя жена. Докторскую степень я получил раньше, чем впервые пошел на свидание. Потом я иногда ухаживал за девушками, но в своей обычной сдержанной формальной манере. Я даже не пытался поцеловать их, тем более затащить в постель. Почему? Не из-за морали. Я всегда считал мораль ребяческим предрассудком, присущим ненавистному мне племени безволосых обезьян. Но я знал, что всегда ухаживал неуклюже, так что бывал отвергнутым и осмеянным. Самым сильным моим

стремлением было занять такое положение и так изменить личность, чтобы надо мной перестали насмехаться.

Почему, например, я ушел из Беркли в Колумбийский университет? Многие годы я увлекался тем, что незаметно для людей вел стенограмму их разговоров. Мне нравилось проводить статистический анализ их речи: определять частоту использования различных звуков, комбинаций слов, частей речи, тем разговора. Обычное хобби интеллектуала без какой-либо корыстной цели, хотя я написал ряд статей на эту тему для одного из научных журналов. Однажды моя секретарша заметила, что я делаю, и я неосмотрительно объяснил ей все. Несколько мгновений она тупо смотрела на меня, потом громко рассмеялась:

— Господи, доктор Ормон, вы сошли с ума.

Она так и не догадалась, что в это мгновение я готов был размозжить ей голову чернильницей. Некоторое время я сидел, сжав в руках блокнот и ручку и поджав губы. Потом отложил блокнот и вернулся к занятиям физикой. Анализом речи я больше никогда не занимался, а секретаршу возненавидел. Главной причиной моей ненависти служили мои собственные сомнения в своей нормальности, поэтому я не терпел, когда меня называли сумасшедшим даже в шутку. Я замкнулся в себе еще сильнее.

Продолжать работать рядом с этой секретаршей я не мог. Конечно, можно было выдвинуть против нее какое-нибудь надуманное обвинение или просто попросить начальство о замене, но я этого не сделал. Я считал себя объективным беспристрастным человеком и не мог позволить, чтобы чувства заставили меня поступить несправедливо. Ведь даже просьба о переводе секретарши на другую работу могла повредить ее карьере. Оставалось только уйти самому. Поэтому я связался с Колумбийским университетом.

Там я нашел лучшую работу с лучшей секретаршей Джорджией Эренфелс, настолько лучшей, что в 1958 году мы поженились. Мне было уже за сорок, ей — на двенадцать лет меньше, причем она уже была один раз замужем и развелась. Бог знает, что она нашла во мне.

Думаю, ей понадобилось примерно шесть месяцев, чтобы понять, что она совершила еще большую ошибку, чем в первый раз. Физика занимала всю мою жизнь, жена являлась приятным дополнением, но не тем человеком, перед которым стоило раскрыться. Позже, когда жизнь стала совсем невыносимой, я хотел раскрыться, но обнаружил, что петли совсем заржавели.

Жена пыталась меня переделать, что совсем непросто в случае с мужчиной средних лет, даже в идеальных условиях. Она

уговаривала меня приобрести загородный дом, и я, наконец, сдался. Своего дома у меня до того времени не было, но, как и следовало ожидать, домовладельцем я оказался никудышным. Я ненавидел работу по дому, уход за садом и другие мелочи загородной жизни. Джорджия вынуждена была делать все сама, и это привело к тому, что единственная беременность закончилась выкидышем. Мне было очень жаль, но что я мог поделать? Несколько месяцев спустя я пришел домой с работы и обнаружил, что она уехала, оставив записку, начинавшуюся словами:

Дорогой Уэйд!

У нас ничего не получилось и не по твоей вине. Ты — такой, какой ты есть, и я должна была понять это с самого начала. Возможно, глупо было не замечать твои хорошие черты и настаивать на проявлении человеческого тепла, которым ты не обладаешь…

Итак, она получила развод и вскоре вышла за другого ученого. Не знаю, как они живут, но, насколько я знаю, пока еще не развелись. Психологи утверждают, что люди стремятся повторять свои ошибки в семейной жизни, а не учиться на них. Я решил быть исключением и выбрал отказ от общения с женщинами.

Это разрыв повлиял на мою жизнь в большей степени, чем хотел бы признать Железный Человек Ормон. Я сильно запил, чего раньше не делал никогда. Начал совершать ошибки на работе и, наконец, вынужден был обратиться к психиатру. Их ремесло можно на одну часть считать знахарством и еще на одну — недоказуемыми спекуляциями, но к кому еще можно обратиться?

Психиатр оказался приятным крепким мужчиной небольшого роста, говорившим вкрадчивым голосом — словом, достаточно невзрачной невыразительной личностью. Я был поражен, ожидая увидеть острую бородку и услышать напористую речь с венским акцентом. Он же тихо выворачивал меня наизнанку и через несколько месяцев сделал заключение.

— Уэйд, вас нельзя признать психически больным. У вас просто шизоидная разновидность личности, как мы это называем. Такие люди обычно испытывают трудности в личных отношениях. Вы нашли решение проблемы, приняв позу доброжелательного равнодушия. Беда в том, что вы так долго отрабатывали эту позу, что она стала настоящим доктором Ормоном, и породила, в свою очередь, очередные проблемы. Вы так долго и так старательно подавляли свои чувства, что теперь не можете заставить их

проявиться…

И далее в том же духе, — все, что я уже давно понял сам. С этой стороны никаких возражений с моей стороны не последует. Но что делать? Я узнал, что шансы положительного результата лечения у психоаналитика быстро падают после достижения пациентом тридцатилетнего возраста, а когда вам за сорок, едва ли стоит прибегать к нему. После года бесполезной траты моих денег и времени психиатра мы расстались.

Все это время я продолжал жить в собственном доме. Более того, я умственно адаптировался к такой жизни и собрал массу научных книг, журналов и брошюр, так что их просто невозможно было бы разместить в обычной квартире. Я нанял прислугу — старую и страшную до такой степени, что вопрос о сексе не возникал. Время, свободное от службы, я проводил дома, в одиночестве. Я научился засаживать лужайку травой, не требующей подстригания, время от времени приглашал садовника, чтобы не вызывать недовольства соседей.

Потом мне предложили более выгодную работу. Я продал дом на Лонг-Айленде и купил здесь, продолжая придерживаться старого стиля жизни. Я не вмешивался в дела соседей. Если бы и они поступали так же, мне было бы значительно проще принять решение, как поступить со своим открытием. Они же, как и большинство жителей пригородов, считают, что если человек живет один и не хочет, чтобы его беспокоили, значит, он — людоед, или какой-нибудь другой монстр.

Если я напишу отчет о цепной реакции, мое открытие нельзя будет утаить. Какими бы строгими ни были правила секретности, люди не смогут удержаться и разболтают о надвигающемся конце света. За этим, вероятно, последует уничтожение Земли, не сразу, а лет через десять-двадцать. Вероятно, я не доживу до этого момента, впрочем, не отказался бы, чтобы это случилось при жизни, не много бы потерял.

Мне пятьдесят три года, но выгляжу я старше своих лет. Мой врач сказал, что состояние моего здоровья оставляет желать лучшего. Сердце работает плохо, кровяное давление слишком высокое, я плохо сплю, меня мучают головные боли. Врач посоветовал пить меньше кофе, отказаться от того, от этого. Но даже если я последую его советам, он не гарантирует, что я проживу еще десять лет. Операция не поможет, просто изначально слабое тело было изможденно интенсивной умственной работой на протяжении почти всей жизни.

Меня не тревожит мысль о смерти, поскольку я не слишком наслаждался жизнью. И даже те маленькие радости, что у меня были, поблекли в последние годы. Я обнаружил, что все с

большим равнодушием отношусь ко всему, кроме физики, но даже занятия ею начинают становиться все более скучными.

Единственным настоящим чувством осталась ненависть. Человечество в целом я ненавижу достаточно сдержанно. Мужскую половину человечества — сильнее, но самую жгучую ненависть вызывают у меня мальчишки. Как бы мне хотелось увидеть головы всех мальчишек на земле надетыми на копья.

Конечно, я достаточно объективен, чтобы понимать, почему я испытываю подобные чувства. Но понимание причины не изменяет самого чувства, по крайней мере, применительно к такой косной личности, как я.

Я также понимаю, что уничтожение всего человечества было бы несправедливым. Погибнут миллионы людей, никогда не причинявших мне или кому-либо еще ни малейшего вреда.

Но почему, черт возьми, я должен быть справедливым? Были ли эти голые приматы когда-либо справедливы ко мне? Психиатр посоветовал мне отпустить чувства на свободу, тогда я, возможно, обрету счастье. Но я испытываю только одно чувство. Если я дам ему волю, наступит конец света.

С другой стороны, мне придется уничтожить не только миллионы грязных насмешников и садистов, но и немногих жертв, подобных мне. Я всегда симпатизировал неграм и другим угнетенным людям, потому что понимал, что они чувствуют. Если бы существовал способ сохранить им жизнь, уничтожив всех остальных… Впрочем, вряд ли моя симпатия оправдана; получив власть, угнетенные стали бы угнетателями.

Я размышлял уже несколько дней, но не мог принять решения. А потом настала веселая ночка, предшествующая Дню всех святых, когда местные детки шалят. Следующей ночью они будут выпрашивать конфеты и печенье у людей, которым они накануне вымазали стекла мылом и перевернули мусорные баки. Если бы можно было пристрелить несколько этих маленьких ублюдков, остальные вели бы себя осмотрительнее.

Все мальчишки, живущие по соседству, ненавидят меня. Я не знаю, почему. Так собака мгновенно чувствует неприязнь другой собаки. Я не кричал, не рычал на них, не гонялся за ними, но они инстинктивно чувствовали, что я их ненавижу.

Погрузившись в решение своей проблемы, я забыл о приближающемся празднике и, как обычно, поужинал в ресторане, прежде чем отправиться домой на электричке. Приехав, я понял, что часа темноты местным ребятам вполне хватило, чтобы обработать мой дом по полной программе. Измазанные мылом окна, разбросанный мусор, ленты туалетной бумаги повсюду — это еще куда ни шло. Но они взломали гараж и

славно потрудились над моей британской двухместной машиной. Колеса были проколоты, обивка сидений разрезана, проводка порвана. Они даже выдрали из земли несколько кустов…

Чтобы я точно понял, что именно они имели в виду, вокруг были раскиданы картонки от рубашек с надписями типа:

СТАРЫЙ ХРЫЧ ОРМОН — ПСИХ! ОПАСАЙТЕСЬ БЕЗУМНОГО УЧЕНОГО! ОРМОН — СУМАСШЕДШИЙ! ОРМОН — ГОМИК!

Решение принято. Оставшиеся мне дни я буду счастлив только в одном случае — если буду знать, что все эти ублюдки получат по заслугам. Я их ненавижу. Я ненавижу их. Ненавижу всех до единого. Я подверг бы человечество мучительным пыткам, если б мог. Но не могу. Значит, придется уничтожить Землю. Поэтому я напишу свой отчет.

Шаман поневоле
(Перевод Н. Берденникова)

В один погожий июньский день турист привел маленького мальчика в магазинчик в городке Гахато, штат Нью-Йорк. Вывеска над лавкой гласила:

ВОЖДЬ ПАРЯЩАЯ ЧЕРЕПАХА Индейские бусы — Керамика

Внутри, среди груд подушек из тисненой кожи, одеял индейцев навахо, сделанных в штате Коннектикут, и прочей ерунды стоял коренастый мужчина с лицом цвета меди.

— У вас есть детский лук со стрелами? — спросил турист.

— У, — ответил индеец и, покопавшись, достал маленький лук и шесть стрел с резиновыми набалдашниками вместо наконечников.

— Ты настоящий индеец? — спросил мальчик.

— У. Конечно. Настоящий большой вождь.

— А где твои перья?

— Убрал. Надеваю только на пляски воинов.

Турист расплатился и направился к выходу, в этот момент из задней двери магазина появился мальчик лет пятнадцати с кожей такого же цвета, что и у хозяина.

— Эй, папа, один щенок норки только что съел другого.

Варварскую флегматичность индейца словно ветром сдуло:

— Что? Черт побери, и ты считаешь себя звероводом? Еще вчера я приказал тебе рассадить их по разным клеткам, прежде чем они начнут драться!

— Мне очень жаль, папочка. Наверное, я забыл.

— Конечно, жаль. Столько денег пропало.

Хлопнула дверь автомашины туриста, завелся двигатель, но до тех, кто находился в лавке, донесся тоненький голосок:

— Папа, он говорит, как все, а не как настоящий индеец.

Но Верджил Хэтэвей, он же вождь Парящая Черепаха, был настоящим индейцем — пенобскотом из штата Мэн, сорока шести лет от роду. В свое время он даже окончил среднюю школу и мог бы считаться примерным гражданином, если бы чаще принимал ванну.

Чуть позже в лавку зашел еще один человек. У него была кожа такого же цвета, как и у Хэтэвея, монголоидные черты лица, но он был значительно толще, ниже ростом и старше.

— Доброе утро, — сказал он. — Вы Верджил Хэтэвей, верно?

— А кто же еще, мистер.

Посетитель улыбнулся, и глаза его исчезли в складках жира:

— Рад с вами познакомиться, мистер Хэтэвей. Я — Чарли Кэтфиш из племени сенека.

— Правда? Рад познакомиться с вами, мистер Кэтфиш. Не хотите перекусить?

— Спасибо, но мои спутники хотят добраться к озеру Голубой горы до обеда. Впрочем, вы можете мне помочь. У меня с собой восемь камнеметателей. Взял их с собой при условии, что будут себя хорошо вести, а сейчас возникла масса других дел, и я с удовольствием оставил бы их вам.

— Камнеметатели? — тупо переспросил Хэтэвей.

— Ну да, Гахунга. Хотя вы и алгонкин, но в то же время потомок Деканавиды, так что справитесь.

— Потомок кого?

— Потомок соратника Хиаваты. Мы все о вас… — Его прервал сигнал автомобиля. — Извините, мистер Хэтэвей, мне пора. Все будет в порядке.

И толстый индеец ушел.

Хэтэвей был слегка смущен и встревожен. Конечно, приятно было узнать, что являешься прямым потомком Деканавиды, великого вождя племени гуронов и одного из основателей Лиги ирокезов. Но кто такие Гахунга? Хэтэвей весьма поверхностно знал ирокезский язык и не мог ответить на этот вопрос.

Потом пришла очередная покупательница, а после нее в магазин ввалился Харви Прингл в спортивной рубашке, подчеркивающей его красоту и силу.

— Привет, Верджил. Как делишки?

— В общем, не так уж плохо. — Хэтэвею сразу же захотелось проверить бухгалтерские счета. В умении бить баклуши молодой Прингл не имел себе равных.

— А я уже выполнил сегодняшнюю норму прополки амброзии.

— Что? — не понял Хэтэвей.

— Старик снова разозлился на меня за то, что я бездельничаю. Ну, зачем я буду отнимать работу у какого-нибудь бедняка, которому она позарез нужна? И я назначил себя председателем комитета округа по прополке амброзии. Занимаюсь этим час в день. Да, Бэбс заходила?

— Нет.

— Впрочем, она знает, где меня искать. — Харви Прингл зевнул и вразвалку вышел из лавки, а Хэтэвей в который раз с недоумением подумал, что могла найти Барбара Скотт в этом увальне.

От этих мыслей его отвлек странный шум, похожий на быструю барабанную дробь, но очень глухую, как будто барабан

был наполовину наполнен водой. Хэтэвей выглянул на улицу — никакого парада. Плавно покачивалась на ветру трава, от Лосиной реки едва доносился шум лесопилки старого Прингла.

Он вдруг понял, что шум слышится из-за спины, из помещения магазина, как будто в подвале заработал маленький заводик. Потом шум усилился, и на ковре появились восемь фигурок. Они выглядели, как воины племени ирокезов, правда, ростом всего два фута — в мокасинах, кожаных штанах, с выбритыми головами и с жесткими гребнями на макушках. Один сидел на корточках и лупил в барабан, остальные семеро ходили по кругу, иногда издавая воинственные крики и улюлюкая.

— Эй! — рявкнул Хэтэвей. Дробь прекратилась. — Вы кто такие?

— Аденлозлакстенген агойио…

— Черт! А по-английски нельзя?

— Конечно, мистер. Но я подумал, что как шаман вы должны говорить по-ирокезски.

— Как кто?!

— Шаман. Чарли сказал, что оставит нас у шамана, пока ездит в Канаду.

— Вы камнеметатели?

— Да. Я — вождь, зовут меня Гага, из округа Каттараугус. Что нужно сделать?

— Исчезнуть на время.

Гахунга испарились, а Хэтэвей подумал, что Чарли Кэтфиш сыграл с ним злую шутку, оставив ему эту компанию и ничего не объяснив.

Настроение ему подняла вошедшая в лавку темноволосая, стройная и энергичная Барбара Скотт. Хэтэвею нравилась энергичность других людей.

— Ты видел Харви, Верджил? Я обещала с ним пообедать.

— Угу. Он сейчас, наверно, дрыхнет на чьей-нибудь лужайке.

— Ты ничуть не лучше других, Верджил, — возмутилась мисс Скотт. — Только бы придраться к бедному Харви.

— Перестань. — Хэтэвей мог только развести руками. Если девушка, к которой питаешь отцовские чувства, стремится выйти замуж за никчемного, по твоему мнению, парня, но сына богатейшего бизнесмена города, к тому же владельца земли, на которой стоит твоя лавка, что еще остается делать. — Ты проводишь сеанс завтра вечером?

— Да. Дэн Прингл обещал прийти.

— Что? Он же считает тебя обманщицей.

— Знаю, но может, мне удастся его переубедить.

— Послушай, Бэбс, объясни, почему такая красивая девушка,

как ты, занимается подобной ерундой?

— Из-за денег, конечно. Зарплаты секретарши у нотариуса не хватит, чтобы заплатить за учебу в колледже. А если уж говорить о ерунде, то почему ты разговариваешь с туристами на каком-то немыслимом жаргоне?

— Это совсем другое дело.

— Неужели? А вот и Харви. Пока.

Вновь появились Гахунга.

— Мистер, что нам нужно сделать? — спросил Гага. — Чарли просил помогать вам, и, клянусь Иускехой, мы вам поможем.

— Я точно не знаю, — осторожно заметил Хэтэвей.

— Вам вообще ничего не нужно?

— Ну, у меня есть хорошая самка норки, и я с удовольствием продал бы ее за пятьсот долларов.

Гахунга посовещались.

— Боюсь, здесь мы бессильны, — сказал, наконец, Гага. — Что-нибудь еще?

— Ну, мне хотелось бы, чтобы в лавку заходило больше покупателей.

— Вупи! У-у-у! — завопил Гага и забил в барабан. — Вперед!

Несколько секунд индейцы плясали и кричали, потом исчезли. Хэтэвей остался в магазине ждать покупателей, раздумывая с некоторой тревогой, что именно сделают Гахунга.

По противоположной стороне улицы неторопливо шел владелец чайной «Сосны» Эрл Делакруа. Он вдруг закричал и подпрыгнул, потом принялся с обиженным видом потирать плечо и озираться. Сделав всего один шаг вперед, он снова подпрыгнул, одновременно со звуком удара маленького камушка о ткань пиджака. Шлеп! Шлеп! Бомбардировка продолжалась, пока он не юркнул в лавку Хэтэвея.

— Кто-то стреляет по мне из пневматической винтовки! — задыхаясь, произнес он.

— Плохо дело, — высказал свое мнение Хэтэвей.

С улицы донесся еще чей-то вопль. Теперь в лавку загоняли Леона Буттолфа, потом под обстрел попала миссис Камара — жена рабочего лесопилки Прингла.

Когда она влетела в лавку, улица опустела.

— По кому-то явно плачет тюрьма, — завопил Буттолф.

— Верно, — согласился Делакруа и подозрительно уставился на Хэтэвея. — Интересно, почему всех загнали сюда?

— Если это твои штучки, Верджил, — бросилась в атаку миссис Камара, — я все расскажу своему Жану, и он душу из тебя вытрясет!

— Черт побери! — принялся яростно защищаться Хэтэвей. —

Я же не могу заставить пулю лететь по дуге, подумайте сами. А мой сын во дворе, занимается норками. Можете проверить.

— Да мы тебя не подозреваем, — поспешил отступить Буттолф.

— Готов пойти со всеми вами куда угодно, — предложил Хэтэвей. — Пусть в меня тоже выстрелят.

— Годится, — сказал Делакруа, и все четверо вышли на улицу. Потом Эрл повернул к своей чайной, другие тоже направились по своим делам. Хэтэвей уже почти вернулся к лавке, когда камешек попал Уоллесу Доуни чуть пониже спины.

— Гага! — отчаянно завопил Хэтэвей. — Прекрати немедленно, черт тебя подери!

Обстрел прекратился. Доуни зашагал дальше, подозрительно оглядываясь. Когда Хэтэвэй вошел в лавку, Гахунга сидели на прилавке.

Гага гнусно ухмылялся:

— Мистер, мы вам помогли? Нужны еще покупатели?

— Нет! — завопил Хэтэвей. — Мне не нужна ваша помощь. Глаза б мои вас не видели!

Индейцы удивленно переглянулись. Гага поднялся на ноги:

— Значит, вы не хотите больше быть нашим боссом?

— Нет, хочу, чтобы вы оставили меня в покое!

Гага выпрямился во весь свой двадцатипятидюймовый рост и сложил руки на груди.

— Отлично, окажем помощь тому, кто действительно в ней нуждается. Мне никогда не нравились алгонкины. — Он забил в барабан, и Гахунга, танцуя, скрылись в куче миниатюрных каноэ из бересты.

Через несколько минут вместо ожидаемого облегчения Хэтэвей почувствовал легкую тревогу. Возможно, он поторопился распрощаться с этими существами, обладающими такими потенциально опасными возможностями.

— Гага!

Ничего не произошло, только Кэлвин Хэтэвей появился в дверях:

— Ты звал меня, папа?

— Нет. Впрочем, спроси у мамы, когда будет готов обед.

Он явно совершил ошибку. Что он скажет Кэтфишу?

После обеда, оставив лавку на жену, Хэтэвей отправился погулять и подумать. Рядом со скобяной лавкой Тейта он увидел группу отчаянно жестикулирующих и кричащих людей, состоявшую из самого Тейта, Уоллеса Доуни и полицейского. Витрина магазина была разбита, и Тейт обвинял Доуни в этом, а также в краже удилища. Доуни обвинял Тейта в том, что он

бросил в него удилище сквозь стекло. Оба предоставили свидетелей.

— Я покупал в лавке пленку для фотоаппарата, и вдруг… бах! — стекло разлетелось. Мы с мистером Тейтом оглянулись и увидели, как мистер Доуни убегает с удилищем в руке, — говорил один из них.

— Вы видели, как Доуни залез в витрину? — спросил полицейский.

— Нет, но и так ясно, что…

— А вы что скажете? — полицейский не дослушал первого свидетеля и повернулся к свидетелю со стороны Доуни.

— Я сидел на ступеньках банка и перекусывал, когда мимо прошел Уолли со спиннинговой катушкой. Вдруг раздался звон стекла, и из лавки вылетело удилище. Если его бросил не старик Тейт, значит, кто-то другой.

Полицейский задумчиво почесал затылок. Через некоторое время ему удалось убедить обе стороны снять обвинения, учитывая тот факт, что удилище было возвращено на витрину, а стекло — застраховано.

— Послушай, Верджил, — обратился Доуни к вождю. — Может, объяснишь, что творится в этом городе. Например, эти выстрелы из пневматической винтовки? Ты что-то прокричал, и они прекратились.

— Я ничего не знаю, — поспешил откреститься от происшедшего Хэтэвей. — Какой-нибудь мальчишка баловался винтовкой. А ты из-за чего так сцепился с Тейтом?

— Я решил половить рыбу, — начал объяснения Доуни. — Снасть была новой, но как только я ее забросил, почувствовал рывок, и удилище сломалось, словно тростинка. Наверное, клюнул самый крупный окунь во всей реке. Катушка осталась у меня, делать на реке было нечего, и я пошел домой, а старик Тейт швырнул мне новое удилище прямо сквозь стекло.

Хэтэвей понял, что во всем виноваты Гахунга. Видимо, они начали помогать людям, нуждавшимся с их точки зрения в помощи. Он попрощался с Доуни и пошел дальше по главной улице. Из окна конторы Адирондакской ассоциации Барбара Скотт показала ему язык, и он подумал, что неплохо было бы ее отшлепать, либо за эти глупые сеансы, либо за безрассудную влюбленность в Харви Прингла, либо за то и за другое.

Вернувшись в лавку, вождь вдруг заметил, что у гаража Гахато небывало успешно идет бизнес по ремонту колес. Даже у «форда» полицейского были спущены все четыре колеса. Билл Багби и его механики ремонтировали шины как одержимые.

Полицейский, занимавшийся конфликтом Доуни и Тейта,

прошелся по улице, поднял что-то с проезжей части и вернулся назад.

— Эй, Билл! — подозвал он к себе владельца мастерской. Они о чем-то поговорили шепотом, но, видимо, тема была не из приятных, так как Багби вдруг закричал:

— Ты с ума сошел, Марк! Мне такое даже в голову не могло прийти!

— Возможно, — возразил полицейский, — но не станешь же ты отрицать, что кто-то разбросал абсолютно новые гвозди по всей улице. Если не ты, то кто же?

Хэтэвей поспешил удалиться. Он-то знал, кто разбросал гвозди.

В лавку зашел егерь Ньюкомб, облокотился на прилавок и тяжело вздохнул. На вопрос Хэтэвея, чем вызвана его печаль, егерь ответил:

— Проходил сейчас мимо банка, а к нему подъехал молодой человек на шикарной машине. В кузове лежал брезентовый сверток. Я бы не обратил на него никакого внимания, но вдруг обертка сама собой начала расползаться, и я увидел только что убитого молодого оленя.

— Что ты говоришь.

— До начала сезона еще три месяца. У него рога, как у котенка. Ты знаешь и я знаю, что такое иногда случается. Я гоняю браконьеров, когда могу, и мне наплевать, если это делает меня непопулярным — у меня работа такая. Я подождал, пока молодой человек выйдет из банка, спросил, откуда олень. Он во всем признался, а потом оказалось, что он сын судьи Дазенберри. Вокруг столпилась уже половина поселка, и я вынужден был арестовать молодого Дазенберри.

— У тебя будут неприятности?

— Не знаю. Все зависит от того, кто победит на выборах осенью. Послушай, Верджил, я не суеверен, но некоторые люди, особенно канадцы, говорят, что ты навел порчу на город. Кого-то забрасывали камнями, а ты, как утверждает Уоллес Доуни, это прекратил. Если ты можешь останавливать, значит, мог и не начинать?

— Я ничего не знаю, — только и мог ответить Хэтэвей.

— Конечно, не знаешь, просто люди болтают разное. — Ньюкомб ушел, а индеец встревожился уже не на шутку.

На следующий день Хэтэвей поехал в Ютику. На выезде на автостраду штата с ним поздоровалась Барбара Скотт.

— Эй, Барбара! — закричал он, высунувшись из машины. — Не отказалась еще от мысли поохотиться на призраков?

— И не подумала, вождь Прыщ-на-носу.

— Что собираешься делать, если старый Прингл объявит тебя обманщицей?

— А я не говорю своим клиентам, что не обманываю их. Предлагаю посмотреть и убедиться самим. А сам ты в духов не веришь, да?

— До недавнего времени — не верил.

— Что ты имеешь в виду?

— Да так, чепуха.

Барбара тактично не стала выяснять детали:

— Я тоже не верила, но последнее время у меня вдруг появилось ощущение, что за мной следят. А сегодня нашла это на комоде. — Она протянула Хэтэвею клочок бумаги, на котором было написано:

«Не бойтесь старого идиота Дэниела Прингла. Мы вам поможем. Г.»

— Догадываюсь, кто именно мог это написать, но не могу объяснить прямо сейчас, — пробормотал Хэтэвей. — Надо бы потолковать с тобой перед сеансом. Счастливо.

Через три часа Хэтэвей просмотрел все книги по антропологии, фольклору и смежным дисциплинам в публичной библиотеке Ютики. Он выяснил, что камнеметатели принадлежат к роду духов, называемых ирокезами Дзжунгеун. Духи живут на юго-востоке штата, и кроме Гахунга существуют другие разновидности, как то: духи плодородия Гендайа, и живущие в норах духи охоты Охдова. В некоторых книгах было указано, что ирокезские шаманы умеют контролировать этих духов, но нигде не было написано, как именно.

Хэтэвей задумался, затем вышел из библиотеки и перешел Джиниси-стрит к платному телефону. Застонал, узнав, сколько будет стоить звонок в район Буффало, но делать было нечего. Он решил, что при следующей встрече с Чарли Кэтфишем, если она состоится, выбьет деньги либо из кармана сенеки, либо из его шкуры.

— Соедините меня с резервацией Тонаванда.

Услышав ответ, Хэтэвей попросил к телефону Чарли Кэтфиша. После долгого ожидания, в процессе которого ему пришлось кормить аппарат монетами, он услышал, что Чарли будет отсутствовать еще несколько недель.

— Тогда соедините меня с Сеятелем Кукурузы.

Еще одна пауза и ответ:

— Он уехал в Буффало на весь день.

— Послушайте, — сказал Хэтэвей, — среди вас есть колдуны, ведьмы, медиумы или еще кто-нибудь в этом же роде?

— А кого это интересует?

— Верджила Хэтэвея, пенобскота, члена клана Черепахи и потомка Деканавиды.

Он объяснил возникшие проблемы. Голос попросил подождать, потом в трубке появился другой — старческий, говоривший на ломаном английском.

— Погодите, — взмолился Хэтэвей, — я совсем забыл язык предков, мне нужно все записать.

На обратном пути в Гахато, Хэтэвей попытался обогнать грузовик на одном из узких мостов через Лосиную реку недалеко от Макклинтока. Водитель грузовика неверно оценил дистанцию, и машина нашего вождя с леденящим душу скрежетом оказалось зажатой между грузовиком и перилами моста. Люди из мастерской с трудом расцепили машины, а потом, отбуксировав машину Хэтэвея в гараж, сообщили ему, что ремонт займет четыре часа без рихтовки крыльев, и будет стоить пятьдесят долларов. Что касается дневного поезда, он только что ушел из Макклинтока.

В тот вечер Барбара Скотт собрала на свой сеанс элиту Гахато: доктора Ленуара с женой, Леви Макдональда, кассира банка со своей половиной, отца и сына Принглов и еще пару интересных людей. Старый Дэн Прингл поздоровался с Барбарой с вежливой, но слегка циничной улыбкой на губах. Он тяжело дышал от избытка веса, но знал, что обвести его вокруг пальца мало кому удавалось.

Барбара рассадила гостей по кругу в полутьме и попросила подождать, пока на нее снизойдет «воздействие» духов. Когда Харви Прингл заснул, она приступила к действиям — села на стул в своем кабинете — некоем подобии зашторенной телефонной будки — попросила мужчин крепко привязать ее, затем задернуть шторы и выключить свет. Потом предупредила, что они могут нанести ее здоровью непоправимый вред, если включат свет, не получив ее разрешения. Необходимости в таком предупреждении не было, так как только она сама могла включать и выключать свет прямо из кабинета.

На столе, стоявшем между кабинетом и гостями, находились колокольчик, труба и грифельная доска. Стул, на котором сидела Барбара, легко разбирался. В кабинете было спрятано достаточно много ваты в качестве абсорбента эктоплазмы. Здесь же был захват на длинной ручке, выкрашенный в черный цвет. Личным вкладом Барбары Скотт в столь древний способ надувательства можно было считать систему крохотных лампочек, сигнализирующих о том, что кто-то из гостей поднялся со стула.

Скоро Барбара изогнулась надлежащим образом, стул послушно развалился, и путы можно было снять. Барбара

застонала, чтобы заглушить звук падающих деревяшек, потом прочла нараспев несколько строк из «Илиады» по-гречески. Она намеревалась вызвать дух Сократа.

Срывая с себя веревки, она вдруг услышала звон колокольчика. Причем это был не легкий звук, как если б кто-нибудь задел его случайно. Это был воинственный набат, похожий на тот, которым повар сзывает на обед работников с обширного поля. Лампочки указывали на то, что гости со стульев не вставали. Колокольчик продолжал звонить, и тут затрубила труба.

Барбара Скотт проводила сеансы уже несколько лет и всегда считала темноту своей союзницей, но тут ее охватил детский страх. Кабинет начал раскачиваться. Она закричала. Кабинет стал раскачиваться еще сильнее, потом раскрылась потайная дверь, и кто-то утащил вату и захват. Задрожал стол. Из темноты раздался жуткий вопль. Это кто-то защемил захватом нос дока Ленуара.

Раздалась приглушенная барабанная дробь, сопровождаемая криками и улюлюканьем.

Кабинет упал. Барбара пыталась выбраться из-под его обломков. Она вспомнила, что ее потайной выключатель был соединен последовательно с обычным на стене, таким образом, свет невозможно было зажечь, не включив потайной выключатель. Она нащупала его, нажала, продолжая сбрасывать с себя обломки и веревки.

Перед изумленными зрителями, немного ослепленными вспыхнувшим светом, предстала ужасающая картина: опутанная веревками, в порванном платье и с синяком под глазом Барбара, летающие по комнате колокольчик, труба, грифельная доска и другие предметы.

Когда зажегся свет, раздались крик и команда на неизвестном языке. Грифельная доска с грохотом обрушилась на голову Дэна Прингла. Очки повисли на одном ухе, рама от развалившейся доски — на шее, а он, ничего не понимая, часто моргал, пока к нему не подлетели остальные предметы. Споткнувшись об упавший стул, он побежал к двери, предметы полетели следом.

Когда Прингл выбежал на улицу, камушки с мостовой сами поднялись в воздух и полетели к владельцу лесопилки. Для пристрелки потребовалось всего три выстрела. Потом камешек размером не больше фаланги большого пальца с сочным шлепком ударил его в бедро. Прингл взвыл, споткнулся, но побежал дальше. Еще один камень ударил в его в голову, брызнула кровь, перед глазами поплыли звезды.

Жители Гахато могли в тот день насладиться зрелищем: багровый от натуги первый богач города бежал, как

сумасшедший, по главной улице. Как только раздавался шлепок попавшего в него камня, Прингл подпрыгивал, вскрикивал и увеличивал скорость.

Краем глаза он заметил входившего в свою лавку Верджила Хэтэвея, и мозг услужливо вспомнил разговоры о сверхъестественных способностях индейца. Прингл галопом взлетел по ступеням крыльца заведения Парящей Черепахи и ворвался в сетчатую дверь, не открывая ее.

— Черт возьми, Дэн! Что случилось?

— П-п-послушай, Верджил. Ты — колдун?

— Неужели и ты поверил в эти никчемные сплетни…

— Ты должен мне помочь! Меня преследуют! — И он рассказал индейцу все.

— Попробую, — с сомнением в голосе произнес Хэтэвей. — Это ирокезские духи, которым не нравятся алгонкины. У тебя есть табак? Отлично, задерни шторы.

Хэтэвей взял кисет Прингла и открыл разорванную сетчатую дверь. Бросив на ветер щепоть табаку, он произнес на плохом языке племени сенека:

Даю вам табак, Дзжунгеун
Путники гор.
Вы слышите меня и придете
Даю вам табак
И исполняю свой долг перед вами.
Теперь вы должны исполнить свой.
Я все сказал.

Все восемь Гахунга материализовались на лужайке. Хэтэвей строго приказал им войти в дом, а потом спросил не менее строго:

— Чем занимались, прощелыги?

Гага поежился:

— Просто хотели оказать услугу мисс Скотт. Она собиралась устроить настоящее шоу с духами, а мы помогли. Ей не нравился этот старый арбуз Прингл, и мы немного попугали его.

— Вы знали, что вам разрешили приехать сюда на отдых только с условием, что вы не будете бросать камни. Вы знаете, как Эйтсиноха поступает с непослушными духами?

— Эйтсиноха? — закричал Гага. — Но ты же ей не скажешь?

— Еще не знаю. Вы это заслужили.

— Прошу вас, мистер, ничего не говорите. Мы не бросим даже песчинку! Клянусь Иускехой! Отпусти нас, и мы вернемся обратно в Каттараугус!

Хэтэвей повернулся к дрожащему Принглу:

— Что теперь скажешь о повышении арендной платы, Дэн?

— Я понижу ее. На пять долларов!

— На десять.

— На семь с половиной.

— Окей. Гага, исчезни со своими ребятами, но не уходи пока и ничего не делай. Понятно? Ничего, пока я не скажу.

Гахунга исчезли.

Пингл вновь обрел часть своей самоуверенности и сказал:

— Спасибо, Верджил. Что бы я делал без тебя!

— Не стоит благодарности, Дэн. И не стоит никому говорить об этом. Для индейца звание колдуна так же нелепо, как и «Его Величество Хозяин Вигвама».

— Понятно. Значит, они оказывали ей услугу, да? Сын, который женится на липовой колдунье, это еще куда ни шло. Но на настоящей… Не бывать этому, можешь так и передать ей. А Харви не осмелится мне перечить, иначе останется без гроша.

— Знаешь… — начал было возражать Хэтэвей, но остановился. Он хотел защитить Барбару Скотт, сказать, что хоть она и нечестный медиум, но, как человек, все же лучше, чем никчемный сынок Пингла.

— Что? — спросил Пингл.

— Ничего. — Хэтэвей передумал. Все получалось не так уж плохо. У Барбары пройдет увлечение этих олухом, она закончит колледж и не станет заниматься спиритизмом. Зачем создавать проблему там, где не нужно. — Спокойной ночи, Дэн.

— А у меня действительно не так уж плохо получилось, — подумал Хэтэвей, запирая дверь. — Особенно учитывая тот факт, что колдуном я был всего пару дней. Осенью нужно будет съездить в Тонаванду и поискать Чарли Кэтфиша. Кажется, на этом можно подзаработать.

Спрэг де Камп Л.

С74 Башня Занида: Сб. фантаст. романов; Пер. с англ. / Л. Спрэг де Камп. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 716, [4] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-008013-1

Роджер Желязны, Роберт Силверберг, Клиффорд Саймак… мастера классической англоязычной фантастики вообще отличались умением «играть» жанрами и создавать из них поистине «гремучие» смеси.

Однако многогранность таланта Л. Спрэга де Кампа, «выпущенного» в большую литературу Д. Кэмпбеллом и ставшего популярным уже в конце 1940-х, потрясает даже в контексте подобных сопоставлений. «Традиционная» научная фантастика и «альтернативная история», «путешествия во времени» и продолжения «конан-варварского» цикла, фэнтези, ироническое фэнтези и произведения, в которых традиции научной фантастики и фэнтези переплетены причудливо и тесно, — литературному дару Спрэга де Кампа, в 1978 году удостоенного звания Великого мастера, подвластно было ВСЕ…

Перед Вами один из лучших циклов писателя, романы «Королева Замбы», «Поиски Зеи», «Башня Занида».

ISBN 5-17-008013-1

9 785170 080137

notes

Примечания

1

Килт — если кто еще не знает, это шотландская мужская юбка. — *Прим. перев.*

2

В романе Виктор Хассельборг обычно цитирует строки Льюиса Кэрролла.

3

В переводе с португальского языка означает «Межпланетные Путешествия».

4

Мах салами! (араб.) — Езжай с миром!

5

Кокни — коренной лондонец, особенно уроженец восточной его части *(прим. перев.)*.

6

Пассажейруш сай, пор фавор! (португ.) — в переводе с португальского языка означает — Пассажиры на выход, пожалуйста!

7

Тенья а бондади, сеньор (португ.) — Будьте добры, сеньор.

8

Фискал (португ.) — таможенный чиновник.

9

О, Глориа-Патри — в переводе с португальского языка означает восхищенное восклицание.

10

Обригаду (португ.) — Благодарю.

11

«Мараньяу» — небезынтересно отметить, что название корабля переводится с португальского языка как «Вранье», «Небылица».

12

Муст — период полового возбуждения у слонов, когда они становятся агрессивными.

13

Мау ду Деуш! (португ.) — приблизительно — Господи Боже!

14

Уш сантуш, но! (португ.) — Помилуй святые, нет!

15

Лепрекон — ирландский эльф-башмачник.

16

Амиго меу (португ.) — друг мой.

17

Сим (португ.) — да.

18

Ате а виста! (португ.) — До свиданья!

19

Ipso facto (лат.) — в силу самого факта *(прим. перев.)*.

Американу ду норти (португ.) — североамериканца.

21

Бриджи — штаны для верховой езды *(прим. перев.)*.

22

Погонщики слонов (инд.).

23

Средневековое колющее оружие (XII-XV вв.).

24

Тем лучше (фр.).

Вы так думаете? (кит.).

Именно так, абсолютно (порт.).

27

Друг (порт.).

28

Закон о неприкосновенности личности (лат.).

29

Товарищ (порт.).

30

Стать государственным (в Англии — королевским) свидетелем — значит изобличать на суде своих сообщников с целью смягчить для себя наказание *(прим. пер.)*.

31

Так называемый (фр.).

32

Средняя.

33

Гора в Барселоне.

34

Да, я Хассельборг (исп.).

35

Премного извиняюсь (исп.).

36

Спокойно (порт.).

37

Темница, тюрьма (исп.).

38

Буквально: завтра. Приступ маньяны — склонность «кормить завтраками»; «Бог подаст» *(прим. пер.)*.

39

Очень быстро (исп.).

40

Нет (порт.).

41

Благодарю (порт.).

42

Конечно (порт.).

43

О Боже мой! (порт.).

44

До свидания (порт.).

45

Пройдемте, пожалуйста! (порт.).

46

По первому впечатлению.

Да, Ваше Превосходительство (порт.).

48

Никто.

49

Мелкая монета в Индии.

50

Гериатрия — область медицины, связанная с проблемами здоровья пожилых людей.

51

«Nuit d'amour», «Moment d’extase» — «Ночь любви», «Момент экстаза» (фр.)*

«Sim?» — «Да?» (порт.).

Por favor — пожалуйста, будьте добры (исп.).

Sargaco — водоросли (исп.).

55

Туше! — «Попал!» — Возглас фехтовальщика, которым он подтверждает, что противник нанес ему укол (фр.).

Двойное дегаже — удвоенный перевод оружия (фехтовальный термин).

57

…*Келли с Шитсом.* — Эрудит Тангалоа все перепутал. Во-первых, имелись в виду, конечно, английские поэты-романтики Шелли и Китс, а во-вторых, они никогда не творили вместе. Комическую оперу «Микадо» написали другие «английские чуваки» — либреттист Джильберт и композитор Сулливан. Процитированное Барнвельтом стихотворение «Оэимандия» — *«Рассказывал мне странник, что в пустыне…»* (пер. В. Микушевича) — принадлежит перу Шелли. Барнвельт довольно часто цитирует произведения английских поэтов. Примечания к этим цитатам даются в основном в случае использования заимствованных переводов.

58

Делсартийские жесты — жесты, похожие на упражнения эстетической гимнастики Франка Делсарта.

59

…окутало саваном черным безграничные своды небес — Цитата из «Стансов» Шелли (пер. К. Бальмонта).

Amigo — приятель, дружок (исп.).

61

Шейла — девушка, «подруга» (англ.).

62

…над морем сумрачным *в стране* забвенной.— Ките, «Ода соловью» (пер. Е. Витковского).

Nom-de-guerre — прозвище, псевдоним (франц.).

64

Генотеизм — разновидность политеизма («многобожия»), когда среди множества прочих божеств главным и наиболее могущественным считается какой-то один определенный бог.

65

Обычай из тех, что похвальнее нарушить, чем блюсти. — Перефразированная цитата из «Гамлета».

66

«Старая дружба» — стихотворение Р. Бернса (пер. С. Маршака). На самом деле девушка поет:

Забыть ли старую любовь
И не грустить о ней…

67

Бессмертные строки Г. Гейне в переводе М. Лермонтова про одинокую сосну представлять, наверное, нет необходимости.

Мики Финн — жаргонное название наркотика (англ.).

69

Встань! Бросил камень в чащу тьмы восток… — рубаи Омара Хайяма (пер. И. Тхоржевского).

70

Аталанта и Меланипп — персонажи греческой мифологии. За то, что предавались любви в храме, были превращены Зевсом во львов.

71

Хоть неприметной в лютне трещинка была, на нет она всю музыку свела — Цитата из поэмы Теннисона «Мерлин», ставшая пословицей.

72

Свет жгучий пролить на престолы… — цитата из поэмы Теннисона «Королевские идиллии».

73

«Второзаконие» — одна из первых пяти книг Библии, содержащая религиозное законодательство.

74

И ведал упоенье в звоне битв… — цитата из программного стихотворения Теннисона «Улисс» (пер. Г. Кружкова).

75

Наполни кубок, и в костер весны… — рубаи, приписываемое английским поэтом-переводчиком Фицджеральдом Омару Хайяму.

Квакеры — христианская протестантская секта, отличающаяся строгостью в вопросах морали.

77

Название парламента в Исландии.

78

Звезда в созвездии Малого Пса.